

Администрация муниципального образования город Краснодар
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарская краевая общественная организация
«Центр национальных культур»

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы IX Международной
научно-практической конференции

В рамках реализации подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма» муниципальной программы муниципального образования город Краснодар «Развитие гражданского общества»

Краснодар, 7 декабря 2023 года

Краснодар
2023

УДК 323.1
ББК 66.094
Э 913

Редакционная коллегия:

Т.А. Хагуров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева,
А.С. Евтушенко, Н.Е. Хагурова

Э 913 Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС, 2023. – 628 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-6050847-0-9

В настоящее издание материалов IX Международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» вошли статьи, посвященные проблемам межэтнических, социальных, политических и конфессиональных отношений в полиэтничном обществе, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Рассматривается практический опыт регулирования этих процессов в регионах России и зарубежных странах.

Адресуется социологам, политологам, историкам, этнологам, а также всем интересующимся вопросами межнациональных и межконфессиональных отношений в современном мире.

УДК 323.1
ББК 66.094

ISBN 978-5-6050847-0-9

© Кубанский государственный университет, 2023
© Кубанский государственный технологический университет, 2023
© Издательство ОК ПРЕСС, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Межнациональные отношения и опыт их регулирования в России и за рубежом.....	8
<i>Баранов А.В.</i> Основные факторы межэтнического и межрелигиозного согласия в российском Крыму (по сведениям социологических опросов).....	8
<i>Белова Н.А.</i> Анализ межэтнической ситуации в ЦФО, на примере Костромской области (2014–2022 гг.).....	15
<i>Бражников А.А.</i> Цискультурация и транскультурация: к проблеме этнокультурной идентичности в современном обществе.....	25
<i>Донцова М.В.</i> Гражданские установки работающей молодежи Краснодарского края в контексте участия в деятельности национально-культурных общественных объединений.....	30
<i>Еникеев Р.А.</i> Самосознание и маркеры этнической активности татар Ростова-на-Дону (по материалам полевых исследований).....	39
<i>Казак О.Г.</i> Стратегии интернет-представительства ведущих русинских организаций Словакии.....	44
<i>Желтова Н.А.</i> Место СМИ в изучении темы «межнациональные отношения» на уроках обществознания.....	53
<i>Канзычакова Н.Г.</i> Профессиональная самореализация жителей Южной Сибири: на примере хакасов и русских.....	57
<i>Коломиец О.П.</i> Исследование типов идентичности у молодежи Чукотки: результаты опроса.....	64
<i>Муха В.Н., Муха В.Г.</i> Феноменология самосознания русских: качественный анализ.....	72
<i>Нажмиддинов Ф.Н.</i> Некоторые аспекты формирования и развития узбекского этноса	75
<i>Намруева Л.В.</i> Языковой активизм в современной Калмыкии.....	85
<i>Пушкин И.А.</i> Межнациональные отношения в Беларуси 1980–1990-х гг. по материалам центральных архивов Российской Федерации.....	90
<i>Ситнянский Г.Ю.</i> Киргизы в Москве и в России: что изменилось за пять лет?.....	98
Раздел II. Национальная политика: исторический опыт и современные тенденции.....	108
<i>Давлатова Е.В.</i> Национальная политика и ее реализация в Республике Беларусь.....	108
<i>Коледа И.В.</i> Национально-культурное возрождение в БССР в 1920-е годы.....	116

<i>Петров В.И.</i> Первые шаги к «федерации национальных республик»	122
<i>Самбуева А.В.</i> Отголоски и последствия этноязыковой политики и коренизации в Республике Бурятия в современных реалиях.....	128
<i>Савва Е.В.</i> Факторы динамики патриотизма в Российской Федерации в XXI столетии.....	132
<i>Буталий С.В.</i> Патриотизм и национализм в представлениях студентов медицинского колледжа г. Краснодара (результаты исследования).....	139
<i>Жане С.Р.</i> Основные направления реализации молодежной политики в современной Республике Адыгея.....	143
<i>Арбатов В.М.</i> Некоммерческие организации как социальный лифт для молодежи.....	150
Раздел III. Этнокультурные процессы: история и современность	154
<i>Жаде З.А., Гвашева Б.З.</i> Этнокультурный брендинг территории как ресурс устойчивого развития Адыгеи.....	154
<i>Камара И.</i> Гендерная социализация в Мали: пример учителей второго цикла в общественной школе Дерсалама.....	160
<i>Кумпан Е.Н.</i> «Читал я речь папы римского. И, надо сказать, читал с интересом»: к вопросу о взаимоотношениях Ватикана и СССР в начале 1960-х гг.....	171
<i>Кучмасова А.А.</i> Этнокультурный потенциал Республики Северная Осетия – Алания как нематериальный ресурс в условиях глобализации.....	180
<i>Любичанковский С.В.</i> Борьба за трезвость силами Русской православной церкви в конце XIX – начале XX века (на материалах Оренбургской губернии и Всероссийских съездов борьбы с пьянством).....	184
<i>Найденова Л.П.</i> К вопросу о «христианизации» народов Поволжья XVI – начало XVII вв.....	190
<i>Перенишко О.А.</i> Советско-итальянское культурное сотрудничество в 1920-е гг.: на примере участия СССР в Венецианских биеннале...	198
<i>Наделяева И.В.</i> Духовные истоки станицы Роговской.....	209
<i>Ракачев Д.Н.</i> Образ стран-соседей в официальной китайской прессе	216
<i>Сергеев А.А., Медведев М.М.</i> Влияние воцерковления казачьей молодёжи на формирование социальных образов казачества.....	224
<i>Стрельцова Е.В.</i> Япония и японцы в восприятии и оценках российской молодежи.....	236
<i>Смертин Ю.Г.</i> Традиционное восприятие пространства и времени в Китае: отражение в поэтическом творчестве.....	240

<i>Ткачев А.С.</i> Создание органов конфессионального самоуправления караимов в Российской империи в первой половине XIX века.....	247
<i>Хомченко О.А.</i> Стереотипный образ России и русских по мнению иностранных студентов: результаты качественного исследования...	254
<i>Якуш Н.М.</i> Этнокультурный потенциал регионов в туристской политике Беларуси.....	259
Раздел IV. Этнические аспекты демографических и миграционных процессов.....	268
<i>Жиромская В.Б.</i> Демографические последствия пандемии COVID-19	268
<i>Равшанов М.</i> Демографические процессы в Узбекистане.....	275
<i>Филина Ю.С.</i> Периодическая печать как источник изучения репродуктивной грамотности населения (окт. 1917–1927 гг.).....	283
<i>Сатторов У.Ф.</i> Перспективы демографического развития Республики Узбекистан.....	287
<i>Степанов М.А.</i> Динамика территориальных размещений армян Краснодарского края и Республики Адыгея в XXI веке.....	294
<i>Тимошина И.А.</i> Демографическое развитие сельского населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг.....	304
<i>Тужба Э.Н., Тужба З.Э.</i> Проблемы урбанизации в западной социологии.....	311
<i>Хазипова С.Р.</i> Этническая внутрирегиональная дифференциация смертности на территории Республики Башкортостан.....	320
<i>Барабанова А.А.</i> Особенности демографического кризиса в Японии	329
<i>Гарибова Ф.М.</i> Эмиграция этнических таджиков в Россию.....	332
<i>Ланмейнг Д.М.</i> Образовательная миграция африканской молодежи: взгляд через призму социальной мобильности.....	337
<i>Петров В.Н.</i> Методология и эмпирическое социологическое исследование этнической мигрантофобии.....	342
<i>Петросян Д.И.</i> Влияние международной трудовой миграции на состояние межэтнических отношений в регионах Центральной России.....	351
<i>Прохоров Д.А.</i> Этнические миграции в Новороссийском крае и в Крыму в конце XVIII – начале XIX века.....	358
<i>Рябинин Е.В.</i> Миграционный кризис в Европе в контексте столкновения цивилизаций.....	366
<i>Смирнова Т.Б.</i> Этнические миграции и межнациональные отношения в регионах Сибирского федерального округа в условиях поворота на Восток.....	375

Раздел V. Историческая культура и ее роль в формировании гражданского и национального самосознания.....	384
<i>Крючек П.С.</i> Отражение исторической памяти в историографии белорусской государственности XX в. в работах белорусских историков конца XX – нач. XXI вв.....	384
<i>Ананько О.С.</i> Роль больничных касс в социальном обеспечении населения Западной Беларуси (1921–1933 гг.).....	391
<i>Лоткин И.В.</i> Вклад омских этнографов в изучение современных этнических процессов у народов Западной и Южной Сибири.....	397
<i>Ананько К.Д.</i> Преподавание истории в белорусских гимназиях межвоенной Западной Беларуси (1921–1939 гг.).....	405
<i>Мажаренко С.В., Безносюк Н.Г.</i> Технологии ознакомления дошкольников с этнокультурной спецификой Ставрополья.....	410
<i>Николаева Л.В.</i> История формирования основных групп национальных меньшинств в Беларуси.....	416
<i>Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Беловолова С.П.</i> Культура межнационального общения инкультурационной личности будущего офицера: современный научный дискурс, этнокультурная коннотация процесса формирования.....	424
<i>Острога В.М.</i> Основные направления и формы общественно-педагогического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.....	431
<i>Ромашов С.А.</i> Походы Владимира Мономаха в половецкое поле и этническая ситуация в Северном Причерноморье на картах атласа истории древней Руси.....	441
<i>Рожков А.Ю., Рунаев Т.А.</i> Сводки и обзоры ОГПУ по Северному Кавказу 1922–1929 гг. как большие массивы неструктурированных данных: опыт интеллектуального анализа текста.....	449
Раздел VI. Проблемы безопасности в фокусе внимания традиционных и современных сообществ.....	457
<i>Карпетян Л.А.</i> Государственная культурная политика Российской Федерации: к вопросу о роли нематериального культурного наследия в укреплении безопасности и суверенитета многонационального российского народа в формирующемся многополярном мире.....	457
<i>Сергеев В.Н.</i> История безопасности как социокультурной практики: концептуальные рамки проблемы.....	464
<i>Салганова Е.И.</i> Этническая ксенофобия как фактор межнациональных конфликтов (региональный аспект).....	473

<i>Тамбиянц Ю.Г., Руденко М.В., Халакоев М.М.</i> Проблематика насилия в научном и публичном дискурсе: теория и практика.....	480
<i>Тарасова М.В.</i> Угрозы и риски региональной стабильности на Юге России (на примере республики Крым и Ростовской области).....	491
<i>Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Аветисян В.Г.</i> Безопасность как фактор в миграционных перемещениях Армения-Россия.....	495
Раздел VII. Нации и государства в условиях геополитических вызовов.....	502
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> К истокам современного неоколониализма в цивилизационном пространстве 1920-х годов.....	502
<i>Юсна М.М.</i> Коллективный символический капитал общности как гарантия стабильности и развития в эпоху глобальных вызовов.....	511
<i>Тер-Даниэл (Вартан Григорьевич) Кукуян.</i> Война и мир в современном обществе.....	518
<i>Теленьга М.П., Ткачева Т.О.</i> Влияние внутривосточного фактора на распад Югославии.....	527
<i>Шрамук Е.П.</i> Гражданская дипломатия Республики Беларусь.....	532
<i>Кумпан В.А., Смирнов М.Г.</i> Теория и практика использования системно-деятельностного подхода в преподавании международных отношений (Краснодар-Челябинск).....	539
<i>Косов А.П.</i> Проблема имиджа России в США (1991–2023 гг.).....	547
<i>Перенижко Д.К.</i> Противостояние СССР и США в годы холодной войны как основа для развития пропаганды.....	555
<i>Сущенко М.А.</i> Импульсы демократизации в современном Китае: цель или средство общественного развития?.....	566
<i>Шманяк В.А.</i> Образование государства Израиль как фактор этнополитической и этнорелигиозной напряженности на Ближнем Востоке.....	572
<i>Гончар О.Д.</i> Мексиканский национализм в XXI веке.....	582
<i>Щербаков В.Ю.</i> Современные праворадикальные организации Германии: партия «правые».....	586
<i>Юрченко И.В., Завьялова О.А.</i> Конфликтогенные и интеграционные факторы регионального развития в условиях современных геополитических трансформаций.....	598
<i>Кулик С.В., Тамбиянц Ю.Г.</i> Цивилизационная составляющая этнического сознания народов бывшего СССР (на примере молдаван и белорусов).....	606
<i>Гвоздев В.А.</i> Федерализм в США: история, развитие и современное состояние.....	614
Сведения об авторах.....	621

РАЗДЕЛ I. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОПЫТ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ В РОССИЙСКОМ КРЫМУ (ПО СВЕДЕНИЯМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

THE MAIN FACTORS OF INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS HARMONY IN THE RUSSIAN CRIMEA (ACCORDING TO OPINION POLLS)

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A. V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена оценке факторов межэтнического и межрелигиозного согласия в современном Крыму. Преимущественное внимание уделяется периоду 2019–2022 гг. Исследование проведено на основе вторичного анализа результатов анкетных и экспертных опросов. Аргументируется программа проведения в будущем массового анкетного опроса по данной научной проблеме.

Abstract. The article is devoted to the assessment of factors of interethnic and interreligious harmony in contemporary Crimea. Primary attention is paid to the period 2019–2022. The study was conducted on the basis of a secondary analysis of the results of questionnaire and expert surveys. The program of conducting a mass questionnaire survey on this scientific problem in the future is argued.

Ключевые слова: межэтническое и межрелигиозное согласие, российский Крым, основные факторы, социологические опросы.

Key words: interethnic and interreligious harmony, Russian Crimea, main factors, opinion polls.

Современные макрополитические условия межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму повышают актуальность проведения регулярного мониторинга развития этнополитических процессов в данном приграничном регионе России. Особую значимость представляет соотношение гражданской, этнических и религиозных идентичностей молодёжи Республики Крым и г. Севастополя, которая определяет перспективы этнополитической и конфессиональной ситуации на полуострове.

Степень изученности темы неравномерна. Среди работ, основанных на самостоятельных эмпирических исследованиях, упомянем периодический доклад Института этнологии и антропологии РАН [9], монографию под руководством Е.В. Бродовской [3], статьи В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина [11, с. 50–67], В.А. Чигрина и др. [16, с. 158–169]. Важны работы крымской политико-географической школы (И.Н. Воронин, А.Б. Швец, И.М. Яковенко и др.) [1]. Исследование идентичности крымских татар проведено Э.С. Муратовой и её коллегами [12]. Созданы относительно объективные зарубежные исследования Г. Зассе, И. Жилина и Т. Франке [5], Е.В. Князевой [6, с. 12–16]. Вклад в исследование темы внесли и представители кубанской политологической школы – И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова и др. [7]. Но этнополитическая ситуация изменяется настолько динамично, что многие новые аспекты и проявления межэтнических отношений ещё не осмыслены. Фрагментарные замеры по несогласованным программам не позволяют воссоздать целостную картину этнополитических процессов, необходима государственная долгосрочная программа социологических исследований темы.

Цель работы – определить основные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в российском Крыму (на интервале исследования 2019–2022 гг.).

Статья выполнена на основе парадигмы конструктивизма, что позволяет осмыслить ориентации и установки восприятия этнических и конфессиональных вопросов в качестве формируемых в ходе социализации, а не предписанных (по Ф. Барту) [2, с. 9–48]. Применяется синхронный сравнительный анализ параметров идентичности русского, украинского и крымскотатарского сообществ.

Источниковая база работы включает в себя опубликованные результаты: опросов ВЦИОМ (март 2020 г., n=1600 старше 18 лет, август 2021 г., n=1200, погрешность не более 2,5%); опроса Фонда «Общественное мнение» (март 2022 г., n=1500 старше 18 лет, погрешность до 3,6%), опроса Института этнологии и антропологии РАН (2018 г., n=200, погрешность не больше 2%); опроса Севастопольского государственного университета (2017–2019 гг., n=3200, погрешность не более 3%); опроса Кубанского государственного университета (2018–2019 гг., n=630 в возрасте 16–39 лет, погрешность до 2,5%).

Прежде всего, анкетные и экспертные опросы постоянно подтверждают весомую поддержку крымчанами воссоединения с Россией. Например, опрос, организованный ВЦИОМ 11–12 августа 2021 г.

(выборка 1600 чел. в Республике Крым и г. Севастополь старше 18 лет, опрошена посредством телефонного интервью) доказал, что 93% респондентов позитивно относятся к воссоединению, а негативно – только 4%; 88% проголосовали бы за воссоединение, если бы референдум состоялся вновь (5% проголосовали бы за сохранение статуса автономной республики в составе Украины). При этом 89% опрошенных полагают, что Крым более успешно развивается в составе Российской Федерации, а не Украины. Положительно оценивают общее состояние дел в Крыму 75% респондентов, а 85% отмечают улучшение ситуации в родном регионе. Полагают, что изменения непосредственно положительно сказались на их жизни и жизни их семьи, 70% опрошенных [14]. В сравнении с предыдущими сопоставимыми опросами 2015–2020 гг. [13] изложенные пропорции не изменились.

Вследствие такого политического позиционирования большинство крымчан положительно оценивает состояние и перспективы межэтнических отношений на полуострове. Опрос, проведённый сотрудницей Института этнологии и антропологии РАН О.В. Кульбачевской в 2019 г., показал, что 90% респондентов всех возрастов оценивали межэтнические отношения как спокойные и 78% – как стабильные; лишь 3% полагали, что межэтнические отношения ухудшаются [8, с. 114–115].

Такая оценка подтверждается и степенью распространения практик дружбы между представителями различных народов. Симферопольский исследователь Т.В. Милюкова опросила 253 студентов, установив, что не менее 69% русских респондентов имеет друзей среди крымских татар. Лишь 3–5% опрошенных испытывают неудобства из-за этничности друзей. Более 70% респондентов в каждой из подвыборок полагали, что их этническая группа не влияет на дружеские отношения, и они свободны в выборе своих друзей [10, с. 272–273].

Принципиально важно, что этническая структура крымского общества динамично изменяется за период 1989–2020 гг., если сравнить материалы переписей населения. И это объясняется, по крайней мере, за период воссоединения Крыма с Россией, в первую очередь добровольными изменениями идентификаций, а не миграциями. Так, в 2001 г. русские составляли 60,2% постоянных жителей полуострова, в 2014 г. – 67,9%, а в 2020 г. – 76,4%. Удельный вес украинцев по самоидентификации в населении Крыма, соответственно, уменьшился с 23,9% в 2001 г. до 15,7% в 2014 г. и 7,7% в 2020 г. При этом доля крымских татар в постоянном населении умеренно возросла с 10,2 до 12,7% [1, с. 80–87].

Анкетные опросы студенческой молодёжи Крыма в возрасте 17–25 лет, проведённые за 2017–2019 гг. Е.В. Бродовской, А.А. Ирхиным, Л.П. Нелиной, О.В. Ярмак и др. (n=3200, погрешность не более 3%), подтвердили достаточно высокий уровень признания российской гражданской идентичности. Назвали себя в первую очередь гражданами Российской Федерации 48,3% всех опрошенных, жителями Крыма – 40,3%, жителями своего города или села – 20,0%, верующими – 10,6%, людьми своей национальности – 9,7%. В то же время, российская идентичность воспринимается как преобладающая 54% опрошенными русскими, 37% крымскими татарами и 27% украинцами (этничность указана по самооценке опрошенных) [3, с. 27, 30]. По обоснованным мнениям О.В. Кульбачевской [8, с. 115–117], Э.С. Муратовой и др. [12, с. 179–182], межэтнические различия уровня признания российской идентичности объясняются высоким уровнем урбанизации русских и относительно пониженным – украинцев и крымских татар, а также неравной степенью вовлечённости в позитивные политические практики. Исследование О.В. Кульбачевской дало более высокий уровень признания российской идентичности (67%), ещё 20% респондентов проявили двойную (российскую и региональную) идентичность [8, с. 113–114].

Следует учитывать, что количественные соотношения между гражданской, этническими, конфессиональными, территориальными идентичностями зависят от формулировок вопроса. Под гражданской идентичностью подразумевается признание себя и своей группы в первую очередь гражданами Российского государства. Но такая самооценка должна быть уточнена в будущих опросах: в какой степени респонденты считают себя носителями ценностей российской цивилизации и символов исторической гордости, а не только признают выгоду российского гражданства. Крымский регионализм в данном ракурсе имеет различные смыслы в восприятии основных народов полуострова: в восприятии русских он подкрепляет государственную принадлежность региона, тогда как для украинцев и крымских татар – отчасти конкурирует с ней.

Важной предпосылкой позитивных межэтнических отношений в Крыму является узаконенное многоязычие. По данным опроса О.В. Кульбачевской, 80% опрошенных в Крыму назвали своим родным языком русский, а 16% – два языка. Полноценное владение («свободно читаю, пишу, общаюсь») русским языком характерно для всех респондентов, украинским – для 65%, крымскотатарским – для 6%. Существующий равный статус трёх языков в качестве государ-

ственных одобрили 81% респондентов. Вместе с тем, посчитали, что в школах должен изучаться русский язык, 89%, а только иные языки – 3% [8, с. 112]. То есть, опрошенные признают наличие равноправия языков в Крыму де-юре и одобряют многоязычие, но реальные функции языков считают различными, отдавая предпочтение русскому языку и в сфере частного общения, и бизнеса, и политики.

Следует также учитывать наличие факторов, негативно либо противоречиво влияющих на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Среди них – «облучение» регионально-го сообщества информационными потоками, генерированными геополитическими противниками (стран Запада, Украины), усилившееся с началом специальной военной операции; асимметрия сетей политической коммуникации и источников политических знаний в различных этнических, социально-стратификационных и территориальных группах населения. В частности, анкетный опрос М.В. Гаспаряна, проведённый осенью 2019 г. среди студентов и работающей молодежи г. Симферополя и Ялты (выборка 280 чел. в возрасте 18–30 лет) позволяет установить неравномерность удовлетворённости респондентов различной этничности функционированием государственной власти. Так, удовлетворённость опрошенных русских политико-организационной функцией власти составляла 34,8%, украинцев – 28,6%, а крымских татар – 26,7%. Удовлетворённость обеспечением безопасности, соответственно, насчитывала 44,4%, 14,3% и 23,5% [4, с. 10]. В рукописном отчёте руководителя крымской социологической школы доктора социологических наук, профессора В.А. Чигрина о результатах пилотажного исследования, проведённого Крымским филиалом ФНИСЦ РАН совместно с Министерством внутренней политики и информации Республики Крым (весна 2022 г., выборка 289 чел. старше 18 лет в г. Симферополе и Красноперекопске), отмечался неравномерный уровень доверия общественным и политическим институтам: наибольший – Президенту России (58,1%), Вооружённым Силам (51,3%) и Главе Республики Крым (41,5%), но в то же время, невысокий уровень доверия телевидению (29,1%), конфессиям (26,8%), местному самоуправлению (26,0%), Государственному Совету РК (24,5%) и политическим партиям (15,8%). Потенциальная возможность участия в акциях протеста в зависимости от различных оснований выступлений колеблется от 14,0 до 24,9% респондентов (этот уровень не вырос с 2018 и 2019 гг.). Позитивно оценили специальную военную операцию свыше 50% опрошенных, а негативно – 10,9% (повышен уровень негативных оценок в Красноперекопском районе,

что тревожно ввиду его военно-стратегического значения) [15, с. 3–6]. Насколько мы знаем, отчёт после ухода В.А. Чигрина из жизни ещё не публиковался.

Таким образом, в итоге исследования определены следующие предпосылки позитивного восприятия крымчанами межэтнических и межконфессиональных отношений с 2019 по 2022 гг.): доминирующая поддержка воссоединения Республики Крым и г. Севастополя с Россией; вовлечённость в конструктивные практики межкультурного общения; высокий уровень доверия федеральной и региональной исполнительной власти; преобладание положительных оценок изменений в экономической, социальной, политической и культурной жизни регионального сообщества за 2014–2022 гг. Массовую поддержку находит и многоязычие при лидирующей роли русского языка в качестве средства межэтнической коммуникации. Вследствие этого межэтнические и межконфессиональные отношения на полуострове воспринимаются доминирующей частью респондентов (свыше 78%) как спокойные и стабильные. Достигнут средний уровень приоритетной самооценки крымчан как граждан России.

В то же время, сохраняется неравномерность доверия крымчан различным общественным и политическим институтам и функционированию власти, а гражданская российская идентичность в наибольшей степени сформирована среди русской части населения Крыма в сравнении с украинской и крымскотатарскими частями. В условиях специальной военной операции и ужесточения международных санкций эти факторы могут стать более конфликтогенными, чем раньше. Необходимо проведение проактивной, нацеленной на проблемные группы населения (молодёжь, жители степных и предгорных сельских районов, крымские татары) этнополитики. В том числе, поддерживаем регулярное (не реже 4 раз в год) проведение мониторинговых анкетных опросов о факторах и состоянии межэтнических отношений в Республике Крым и г. Севастополе. Такие исследования должны включать в себя совокупность вопросов об источниках осведомлённости граждан о данной проблематике, о степени плотности межэтнических, языковых и конфессиональных контактов. Необходимо выявлять также динамику межгрупповых дистанций, иерархию ценностей и ориентаций респондентов в когнитивном, аффективном и установочном аспектах. Мониторинговые опросы должны обеспечивать возможность картографирования межэтнических и межконфессиональных отношений с глубиной разрешения до муниципальных образований. Дополнительно желательно провести экспертные опросы о

мерах повышения эффективности национальной политики масс-медиа, политических партий и общественных объединений, о повышении доверия общества профессиональным организациям. В настоящее время нами подготовлен проект анкеты исследования, которое могло бы синхронно быть проведено на Крымском полуострове и в других регионах Юга России. Данная научная деятельность нуждается в систематической государственной поддержке по единой программе исследований.

Библиографический список

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швец, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Москва: Новое издательство, 2006. С. 9-48.
3. Бродовская Е.В., Ирхин А.А., Канах А.М., Карзубов Д.Н., Нелина Л.П., Ярмук О.В. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития / отв. ред. О.В. Ярмук. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2019. 144 с.
4. Гаспарян М.В. Факторы легитимации политической власти (на примере молодёжи Крыма) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 3–17.
5. Зассе Г., Жилин И., Франке Т. Крым после 2014 года: идентичность и условия жизни. URL: <https://crimea.dekoder.org/identichnost>
6. Князева Е.В. Структура крымской идентичности: опыт применения бинарной логистической регрессии для построения идентификационных моделей крымчан (на материалах исследования «Открытое мнение – Крым 2016») // Телескоп. Санкт-Петербург, 2017. № 2 (122). С. 12-16.
7. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / авторы: И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова, Н.Н. Юрченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 248 с.
8. Кульбачевская О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.
9. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за 2018 год / ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. Москва; Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 152 с.
10. Милюкова Т.В. Напряженность в межэтнической дружбе представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. Симферополь, 2020. № 1. С. 271–274.
11. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после Крымской весны: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономи-

ческие и социальные перемены. 2016. № 3 (133). С. 50–67.

12. Муратова Э.С., Дюльберова Л.Я., Апселямова А.И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства: ценности, проблемы, перспективы. Симферополь: ООО «ИТ АРИАЛ», 2020. 192 с.

13. Опрос показал, как крымчане оценивают присоединение к России // Сайт РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html>

14. Российский Крым: семь лет после воссоединения // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-vossoedinenija>

15. Чигрин В.А. Краткий вариант отчёта об опросе. Рукопись, июль 2022 г. // Личный архив А.В. Баранова. 9 с.

16. Чигрин В.А., Хлезов А.А., Латышева Е.В. Российская национально-культурная идентичность: опыт исследования исторической памяти молодежи Республики Крым // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 158–169.

АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЦФО, НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (2014–2022 гг.)

ANALYSIS OF THE INTERETHNIC SITUATION IN THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT, USING THE EXAMPLE OF THE KOSTROMA REGION (2014–2022)

Н.А. Белова

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
(ИЭА РАН), г. Москва, Россия

N.A. Belova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
(IEA RAS), Moscow, Russia

Аннотация. В статье приведены результаты исследования межэтнических отношений в одном из регионов Центрального федерального округа – Костромской области. При анализе материала использовались такие источники как местная и федеральная статистика, результаты последнего массового опроса в г. Костроме 2021 г. и его предместьях (800 человек), сравнительный анализ предыдущих массовых опросов 2014–2020 гг., которые были организованы при участии Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, применен метод этнологического мониторинга для экспертизы публикаций СМИ, проанализированы многочисленные отчеты официальных органов власти (администрации области, прокуратуры, МВД и др.). Совокупное изучение полученных материалов позволило увидеть комплексную картину изменений межэтнических отношений в указанном регионе с 2014 по 2019 гг. В ходе исследования была обнаружена медленная позитивная динамика межэтни-

ческих отношений до 2020 года и ее прямая зависимость от уровня благосостояния граждан. С 2020 г., вследствие негативного влияния пандемии на экономику РФ, произошло резкое снижение уровня жизни костромичей и как следствие рост националистических настроений, что негативно отразилось на межэтнической ситуации в регионе.

Abstract. The report will present the results of a study of interethnic relations in one of the economically weak regions of the Central Federal District – the Kostroma Region. We used such sources as local and federal statistics, the results of the latest sociological survey in Kostroma in 2021 (200 people), a comparative analysis of previous mass surveys from 2014–2020, which were organized with the participation of the Center for Ethnic political research of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. We used the method of ethnological monitoring, which was applied to examine media publications. Also we have analyzed numerous reports of official authorities (regional administration, prosecutor's office, Ministry of Internal Affairs, etc.). A cumulative study of the received materials made it possible to see a comprehensive picture of changes in interethnic relations in this region from 2014 to 2021. The study revealed slow positive dynamics of interethnic relations until 2020 and its direct dependence on the level of well-being of citizens. Since 2020, due to the negative impact of the pandemic on the Russian economy, there has been a sharp decline in the standard of living of Kostroma residents and, as a consequence, an increase in nationalist sentiments, which negatively affected the interethnic situation in the region.

Ключевые слова: межэтнические отношения, анализ, Центральный федеральный округ, Костромская область

Key words: interethnic relations, analysis, Central Federal District, Kostroma region

Актуальность исследования определяется кризисным состоянием регионов Центральной России как экономического, так и социально-демографического характера. Из-за растущего внешнего давления стран Западной Европы, США, вызванные спецоперацией на Украине, попытками дестабилизировать положение в союзных соседних государствах Казахстане и Белоруссии. Введение новых более жестких экономических санкций и попытка давления на Россию привели к ухудшению экономической ситуации в стране, что в первую очередь сказалось на слаборазвитых и дотационных регионах, к которым относится Костромская область. В 2020 г. произошел общемировой экономический спад из-за пандемии Covid-19 и связанных с ней ограничительных мер, своего рода «локдауны», также негативно сказавшиеся на экономике страны. По словам СМИ это было «беспрецедентной остановкой деловой активности ради борьбы с пандемией, обвалом цен на нефть и падением спроса на экспорт» [1]. Эти факторы очень сильно сказываются в первую очередь на благосостоянии и благополучии простых россиян Центральной России, приводя к отто-

ку рабочей силы (и в большей степени молодой его части) из провинции в столицы или более развитые промышленные центры населения Костромской и ряда сопредельных областей Нечерноземья (Ивановской, Владимирской). Этому есть ряд исторических объяснений.

Многие тенденции миграции закладывались еще в конце прошлого XX века и связаны с радикальными рыночными реформами 1990-х гг. В результате перехода к свободному перемещению капиталов, открытие внутренних рынков для дешевых импортных товаров привело к упадку всей текстильной промышленности региона. Оказались невостребованными десятки тысяч рабочих и специалистов, трудившихся в легкой промышленности Костромской области. Отток населения в поисках работы и естественная убыль населения, привели к сокращению жителей за последние 30 лет более чем на 200 тыс. человек или на четверть от общего числа жителей. Еще одним результатом упадка стало отсутствие поддержки государства с/х в условиях рыночных реформ, что привело, в критической климатической зоне, к ликвидации десятков колхозов и совхозов, а вместе с ними и сотен сел и деревень Костромской области. Без дополнительных рабочих рук и выравнивания демографической структуры населения за счет миграции, невозможно создание благоприятных экономических условий для развития региона. Поэтому внешняя миграция может рассматриваться как определенный способ разрешения проблемы депопуляции в Костромской области. Однако приток мигрантов несет проблемы в сфере межэтнического взаимодействия и создает определенную напряженность между приезжими и местным населением, что обуславливает актуальность и необходимость изучения проблемы взаимоотношений мигрантов и местных жителей не только в столичных регионах, но и в провинции.

Изучение в Центральной России межэтнической ситуации представляет особую актуальность, поскольку в современном общественном и научном дискурсе сложилось мнение, что в Центральных регионах межэтническая ситуация стабильна ввиду того, что доля русского населения в этих областях превалирует (как правило более 95%), и поэтому межнациональные отношения спокойны, уровень ксенофобии стремится к нулю, а в обществе царит толерантность и взаимное согласие, солидарность и терпимость. К слову, это же мнение поддерживается и местными властями. Наши исследования показывают совершенно иную картину. Например, полевые материалы, собранные в 2020 г. показали, что местные жители понимают важность труд мигрантов. Но в целом осознания потребности и важности в иностранных работниках пока нет.

Экономические и финансовые эксперты Костромскую область оценивают как депрессивную, слаборазвитую, с одной из самых сильных депопуляцией населения в стране. Вместе с тем официальные органы власти стараются скрыть ухудшение ситуации в регионе. Согласно отчету губернатора, в 2019 году Костромская область по целому ряду показателей развития вышла на относительно хороший уровень:

- 22-е место по темпам роста собственных доходов бюджета.
- 18-е место по уровню организации общего образования.
- 5-е место в рейтинге по отрасли «Культура».

По словам губернатора, за 2019 г. значительно, до 90% к собственным доходам, сокращён государственный долг Костромской области [2]. Сейчас госдолг региона – чуть более 80%¹, в 2017 г. он был 143%. Таких результатов, по словам губернатора, удалось достичь благодаря росту собственных доходов бюджета Костромской области. При этом ни одна социальная программа не была сокращена, указывает губернатор, но этот факт мы не смогли подтвердить в ходе своего исследования. Совокупный анализ других источников опроверг это высказывание. Например, депутат Костромской областной Думы и бизнесмен Владимир Михайлов говорит в одном из интервью следующее:

«Финансовые проблемы не позволяют выполнять все социальные обязательства. В области более 700 детей-сирот, достигших 18-летнего возраста, не могут получить жилье, даже если выигрывают суды. Региональные власти не поддерживают существующие предприятия, а делают ставку на приходящих инвесторов. Но создание льгот и преференций для новых производств создает неконкурентные условия для предприятий, которые уже здесь работают. У меня иногда возникает ощущение, что взят курс на развал еще оставшейся промышленности» [4].

Это подтверждают и наши полевые данные. Интервью с предпринимателями малого и среднего бизнеса говорят на отсутствие возможностей заниматься своим делом честно. Предприниматели в личных беседах рассказывают, что «местные власти везде требуют для себя льгот и выгоду, если ты им отказываешь, то шансов “выжить” у тебя просто не будет» [5]. Например, при строительстве до-

¹ Напомним, что в 2018 г. было введено внешнее экономическое сопровождение федеральными органами власти – казначейством, поскольку долг Костромской области стал равен годовому бюджету перед государством, а по размеру гос. долга область находится на втором месте среди всех регионов РФ.

мов необходима своевременное подключение к коммуникациям, чтобы сдать объект в назначенный срок. Местная администрация начинает тормозить этот процесс, а потом штрафует за просрочку в сроках сдачи на месяц или два, или требует нарушать предписанные строительством нормы прогрева здания, если это коммерческая недвижимость просит выделить первый этаж под поликлинику, бесплатно построить детский сад в этом же районе, школу, другой социальный объект. Для местного бизнеса это большие убытки. Многие предприятия не выдерживают такого натиска и разоряются, а люди остаются без работы [5].

По результатам нашего опроса в 2020 г. и статистическим данным рост безработицы составил рекордное количество и отрицательно отразилась на благосостоянии костромичей. Более 60% экспертов в области межэтнических отношений подтвердило этот факт, но в 2021 г. ситуация несколько стабилизировалась. Современное состояние этой проблемы в данном докладе не представлено и нами не рассматривается. По оценке местной администрации, Костромская область по уровню доходов населения находится на 53-м месте в стране. Наше обследование независимых рейтингов, а также анализ официальной статистики показывает, что положение Костромской области с 2018–2021 гг. не изменилось. В частности, РИА-рейтинг указывает на 70 место, а вот все остальные регионы ЦФО в основном находятся в середине списка.

Таким образом необходимо отметить, что действия администрации региона назвать эффективными сложно. Во-первых, изменения происходят очень медленно, во-вторых, руководство области замалчивает и выдает только положительные показатели региона, скрывая реальность в «упадочных» отраслях промышленности, в-третьих, в некоторых сферах назрел серьезный кризис, который требует срочного разрешения. Например, здравоохранение в связи с пандемией по результатам нашего опроса в 2021 г. и мониторинга СМИ находилось в весьма тяжелой ситуации и не справлялось с потоком больных. По словам респондентов, многие не могли добиться медицинской помощи и вынуждены были обращаться к платной медицине. Кроме того, на местном рынке труда существует ряд вакансий, которые являются не заполненными и фактически дефицитными (крановщик, сварщик, автослесарь), а зарплаты остаются в этих отраслях на прежнем уровне (2019 г.), из-за чего квалифицированные специалисты предпочитают перебраться в более благополучные для жизни регионы.

Еще одной проблемой в изучаемом регионе является низкая и недостаточная газификация. Область газифицирована только на 62%, что учитывает лишь крупные города и центры. Газификация идет очень медленно, и этот процесс начался относительно недавно. По отчетам видно, что основная программа по газификации области стартовала всего 10 лет назад, в 2011 г. началось строительство газопровода-отвода «Галич – Мантурово – Шарья», общей протяженностью 182 км [5]. Также согласно принятому закону 1 июня 2021 г. газ должны довести до территории домового владения, а подключение и проведение до дома и по участку должен будет оплатить хозяин домовладения. Ориентировочная стоимость подключения на сегодня составляет 100–150,0 тыс. руб. (там же). Для организации газоснабжения в доме необходимо разработать проект внутреннего газопровода, для этого необходимо получение технических условий на подключение к газу. С заказчиком согласовывается трассировка газопровода по участку. После утверждения данного проекта разрешается осуществлять строительство системы газопровода [6].

Другим немаловажным аспектом оттока местного населения является доход. Если зарплаты на достойном уровне, то как показали наши исследования люди возвращаются в родные места. Ярким примером является пос. Вохма Костромской области, где успешная политика местной администрации привела к возрождению производства, росту зарплат и как следствие возвращению молодежи в район.

Официальные предварительные отчеты сообщают, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) работников организаций Костромской области в январе-сентябре 2021 г. составила 34 130 рублей и увеличилась по сравнению с январем-сентябром 2020 г. на 9,6%.

Как мы видим из официального отчета, снова делается упор на хорошие и позитивные показатели. Отрицательная динамика почти не разбирается и не анализируется. Вместе с тем результаты опросов говорят совсем о другой средней заработной плате в Костромской области. Реальная средняя зарплата в Костроме составляет 25 тыс., а в Костромской области – 15–20 тыс. рублей. Одним из маркеров уровня жизни основной массы населения негласно считается зарплата сотрудников образовательной и здравоохранительной сфер. Учитель истории в Костроме с 6 летним стажем за одну ставку получает около 20 тыс., максимально возможной нагрузкой и большим педагогическим стажем – 35 тыс., что происходит значительно реже [8]. Согласно статистике РОССТАТА средняя зарплата учителей Костромской

области составляет около 25 тыс. руб., для сравнения в Москве 95 тыс., что почти в 4 раза больше [8].

Другой аналитический рейтинг зарплат по регионам, исключая большие города был также составлен агентством РИА. В нем была подсчитана средняя заработная плата в малых городах, деревнях и селах. Выяснилось, что Костромская область по этому показателю оказалась на 63 месте (из 85). Судя по подсчетам экспертов, средняя зарплата в малых населенных пунктах региона – 28 тысяч рублей, но не медианная (т.е. не та, которую получает большинство, а именно средняя заработная плата) [11, 12]. При этом соотношение реальной зарплаты с ценами на еду и услуги оказалось очень низким, что говорит об одном – на эти деньги местные жители могут купить лишь самое необходимое [8]. Расчёт медианной зарплаты (т.е. реальный доход большинства), получился еще более скромный. Реальная сумма дохода едва ли превышает 15 тыс. рублей.

В 2021 г. в рамках проекта РФФИ нами было проведено 4 опроса в Костромской области: Кострома, Солигалич, Чухлома и Нерехта, причем последние три города представляют уникальные данные, собранные местными жителями и отражающие жизнь российской глубинки. Необходимо отметить, опросы в этих городах проходили с большим трудом, люди не хотели давать оценку социально-экономическому аспекту нашего исследования. Большинство населения сейчас запугано властями. Ситуация в ходе опроса обострилась в Нерехте, потому что прошел слух о «московском анкетировании» и власть пригрозила увольнением при «неправильном» ответе на вопросы, из-за чего количество желающих резко снизилось. Как мы видим многие жители в целом довольны своим материальным положением, но почти 40% отметили, что испытывают материальные трудности, из них 10% считают свое материальное положение тяжелым. Напомним, что в 2019 г. только 15% посчитали, что их материальное положение затруднительно, а тяжелым назвали всего 3%.

В ходе опроса приняло участие 800 чел., в каждом городе было опрошено по 200 чел. согласно выборке, описанной в инструментарии 75% респондентов были в возрасте от 30–59 лет, 15% респонденты в возрасте 18–30 лет, 10% выборки представлены люди пенсионного возраста. 95% респондентов русские, 55% имеют среднее специальное, специальное и основное общее образование, 40% высшее и 5% неоконченное высшее, 76% участников опроса трудоустроены, 10% – занимаются ведением домашнего хозяйства, 7% безработные или самозанятые (официально не трудоустроены или имеют нелегальный доход).

Главной трудностью по мнению жителей области в общении с мигрантами – это незнание языка (56%), около 10% жителей региона раздражает несвойственное поведение, в основном отмечается шумность, крикливость (громкие разговоры и смех) в общественных местах и на транспорте и только треть (33%) не испытывают никаких трудностей. При этом 80% участников опроса почти не взаимодействуют в повседневной жизни с мигрантами, четверть из них не имеет никаких контактов с ними и только 15% имеют в основном разовые, эпизодические контакты с приезжими. У большинства респондентов (50%) основное общение происходит при обслуживании в магазинах, в такси или общественном транспорте и др. В деловой сфере или по рабочим вопросам с мигрантами взаимодействует примерно 40% участников опроса, которые как мы уже сказали носят эпизодический характер.

Одним из спорных моментов нашего опроса стал вопрос о трудоустройстве мигрантов и их участия на рынке труда. Здесь мнение участников разделилось. Большая часть опрошенных респондентов посчитали, что у местных жителей нет заинтересованности работать на тяжелых физических работах, где зарплаты намного выше средних по региону. Вместе с тем уровень социального напряжения по методике ИЭА РАН¹ указывает на неготовность жителей к приезду мигрантов и увеличению их количества в повседневной жизни (90%). Вместе с тем определенное понимание нужности и важности труда приезжих у жителей области есть, т.к. 80% считают, что без труда мигрантов жизнь в Костромской области станет хуже. Костромичи готовы к тому, что мигранты будут работать в сфере ЖКХ, строительстве, дорожных работах, сельском хозяйстве или в личных подсобных хозяйствах. Самое удивительное, что жители области не готовы в целом к увеличению количества водителей общественного транспорта из числа приезжих мигрантов (с этим утверждением согласилось только 10%), вместе с тем это одна из наиболее востребованных и нужных профессии в регионе, поскольку в областном центре сейчас существует определенный кризис в этом вопросе.

По статистике в изучаемый регион мигранты приезжают с целью обоснования и интеграции в российское общество, но не зарабатывать. Согласно официальной информации в 2021 г. приехало 1207 чел., из стран СНГ приехало 1022 чел. и по количеству приехавших мигрантов Костромская область занимает предпоследнее место в ЦФО. Исходя из этого источника можно отметить, что для мигрантов

¹ Автор и разработчик к.и.н., в.н.с. ИЭА РАН В.В. Степанов.

Костромская область не является привлекательной, потому что конкуренция с местным населением на рынке труда очень высока, да и сами мигранты предпочитают обосновываться в таких городах на постоянное место жительства, чувствуя особую привлекательность в небольших городах России и меньшую угрозу для себя. Об этом упоминали и сами мигранты в личных беседах, что город очень красивый, старинный, небольшой, жизнь здесь спокойнее и не так «суетливо», как в Москве. Адаптироваться в такое общество гораздо проще, многие из них проводили аналогии с Родиной [5, 8]

Еще одним важным вопросом был вопрос о преступности, которая увеличивается с приездом мигрантов. 13% респондентов согласились с этим высказыванием, а 25% затруднилось ответить на этот вопрос, но комментируя свой ответ говорилось «ложно сказать, неоднозначное соотношение», «зачастую мигранты оказываются не социализированы в новой среде жительства. Вследствие этого, большая часть преступлений (например, в Москве) совершается ими. Очевидно, что в этом плане политика социализации мигрантов, проводимая государством, провалена» [5]. Вместе с тем, полевые данные за предыдущие годы указывает на большое недоверие к приезжим людям. Многие считают, что они распространяют наркотики, обманывают русских женщин/девушек и используют последних для получения гражданства. Последний фактор подтверждает вопрос о готовности принять в свою семью мигранта. Отрицательно к этой идее отнеслось 42%, затруднились ответить 26%, нейтрально восприняли эту идею 25% и только 4% положительно. Похожий анонимный опрос был проведен администрацией города в 2014 г., когда 55% костромичей посчитали межэтнический брак «кошмарным», но при этом 70% участников отнесли себя к категории «толерантный» [10]. Получается, что за 7 лет ситуация почти не изменилась и отношение местных жителей к приезжим не изменилось.

Другой вопрос, о публичном выражении своего отношения к мигрантам затрагивал участие в пикетах, митингах и демонстрациях показал, что 55% не выйдет на улицу против иностранных граждан. Вместе с тем 35% респондентов затруднились ответить на этот вопрос и отметили, что все зависит от тематики митинга, а если будут серьезные нарушения закона РФ, то обязательно выступят в поддержку этой инициативы. Также 67% высказалось за идею информирования вновь прибывших и уже проживающих мигрантов, о существующих культурных нормах общества. За интеграцию высказалось около 57% респондентов. Вместе с тем, 30% не видят в этом большой необходи-

мости, а еще 15% затруднились ответить (вероятнее всего большинство не поняли вопроса и термин интеграции, а задать уточняющий вопрос постеснялись – Н.Б.). Вопрос о поддержке государством вновь приезжающих мигрантов и возможности помогать им тоже стал также неоднозначным. Многие сомневались и большинство отрицательно отнеслись к этой идее, что указывает скорее на материальные трудности и необходимости такой поддержки своих семей, ведь большинство живет весьма затруднительно, именно поэтому материальный аспект воспринимается негативнее всего.

По мнению автора, для укрепления межэтнического согласия и роста солидарности между народами необходимы более решительные действия со стороны местных властей. В первую очередь важно повышать образовательный уровень населения, распространять знания о культурах народов и ценности каждого этноса, организовывать просветительские курсы, которые бы носили систематический, регулярный характер. Для улучшения сложившейся ситуации необходимо совершенствовать методику проведения и менять подход к мероприятиям в сфере межэтнических отношений. Также в ходе исследования была выявлена определенная негативная роль СМИ, которые используют этнические маркеры в негативном ключе, оскорбляя чувства этнического меньшинства и формируя заведомо непривлекательный портрет приезжего мигранта, что неприемлемо с точки зрения политической культуры. Журналистам области необходимо сформировать этический кодекс освещения проблем взаимоотношений местного населения и мигрантов.

Библиографический список

1. Старостина Ю. Пандемический криз. Как скоро экономика России сможет вернуться к росту. ГАЗЕТА № 093 (3260) (1711) от 17 ноября 2020. РБК: URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/17/5fab9289a79476ec20f16cc>.
2. Положено начало реализации значимых проектов. URL: https://m.kosoblduma.ru/press/article/Polojheno_nachalo_realizacii_znachimyh_proektov.html. Дата публикации 02.06.2020.
3. Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 г.; Костромская область в цифрах. Стат.сб. /Костромастат. К., 2021. 117 с.
4. Кузнецов Д., Уханков А. Типичный депрессивный регион. С чем Костромская область отмечает свое 75-летие. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/08/15/tipichnyj-depressivnyj-region-s-chem-kostromskaya-oblast-otmechaet-svoe-75-letie>.
5. Полевые материалы автора. Кострома, Костромская область, 2021. Экспертные интервью. Опросы в г. Кострома, Нерехта, Чухлома, Солигалич.

6. Газификация Костромской области. URL: <http://gkh.adm44.ru/stroy/gazko> (дата обращения: 10.12.2021).
7. О газификации в Мантурово. Заместитель главы администрации городского округа город Мантурово по ЖКХ А.Д. Блохин. URL: <https://manturovo.bezformata.com/listnews/o-gazifikacii-v-manturovo/85889449/> (дата публикации: 24.07.2020).
8. Полевые материалы автора. Кострома, Костромская область, 2022. Экспертные интервью.
9. Зарплаты учителей в России 2021 – Зарплаты учителей в России. URL: https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-uchitelya-v-rossii.html#___2021 (дата публикации: 27.12.2021).
10. Чиновники 2014 – Чиновники хотят узнать правду о межнациональных отношениях. URL: <https://k1news.ru/news/society/kostromichi-schitayut-cto-braki-s-inostrantsami-eto-koshmar/> (дата публикации: 26.12.2014).
11. О заработной плате в организациях Костромской области в январе-октябре 2021 г. URL: <https://kostroma.gks.ru/folder/26037>
12. Зарплаты учителей в России. URL: https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-uchitelya-v-rossii.html#___2021 (дата публикации: 27.12.2021).

ЦИСКУЛЬТУРАЦИЯ И ТРАНСКУЛЬТУРАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

CISCULTURATION AND TRANSCULTURATION: ON THE PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY IN THE MODERN SOCIETY

А.А. Бражников

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

A.A. Brazhnikov

Krasnodar State Institute Of Culture, Russia, Krasnodar

Аннотация. В настоящей статье актуализируется проблема изучения этнокультурной идентичности в контексте процессов цискультурации и трансккультурации в современном обществе. Показывается, что цискультурация связана с проведением политики индигенизации, а трансккультурация – политики модернизации, хотя этническая идентичность не обязательно коррелирует с ними. Цискультурация и трансккультурация как культурные явления связываются с происходящими глобализационными процессами и постмодернистской практикой человечества.

Abstract. This article actualizes the problem of studying ethno-cultural identity in the context of the processes of transculturation and transculturation in modern society. It is shown that cisculturation is associated with the policy of indigenization, and transculturation is associated with the policy of modernization, although ethnic identi-

ty is not necessarily correlated with them. Transculturation and transculturation as cultural phenomena are associated with the ongoing globalization processes and post-modern practice of mankind.

Ключевые слова: цискультурация, трансккультурация, идентичность, этнос, индигенизация, модернизация, глобализация, постмодерн, современное общество.

Key words: transculturation, cisculturation, identity, ethnicity, indigenization, modernization, globalization, postmodern, contemporary society.

В настоящее время ведутся широкие научные и общественные дискуссии вокруг процессов глобализации, стирания культурных границ между этносами, с одной стороны, и проблемы сохранения собственной культурной идентичности народов не только в качестве этнокультурного наследия, но и в качестве данности бытия в условиях современного общества, с другой стороны. В этом контексте хотелось бы обратить внимание также и на проблему культурной идентичности народов, которая выражается в цискультурной или трансккультурной идентификации этноса (или отдельных этнических групп, его представителей).

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы по существу, заметим, что термины «цискультурация» и «трансккультурация» интерпретируются нами с позиции методологии и семантики, свойственной для гендерных исследований. Западный опыт изучения цисгендерных и трансгендерных идентичностей экстраполируется на изучение цискультурных и трансккультурных идентичностей, превращаясь в актуальную культурологическую проблему, соответствующую характеру современной науки, названной В. С. Стёпиным «постнеклассической» [5, с. 626] и подразумевающей перемещение вектора внимания с объект-объектного отношения в классической науке и объект-субъектного отношения в неклассической науке на субъект-субъектный подход.

Термин «трансккультурация» («трансккультурализм») был предложен ещё в 1940 г. антропологом Ф. Ортисом, который интерпретировал его в качестве описания процессов аккультурации и декультурации, приводящих к возникновению нового культурного явления – некультуры [6, с. 102–103]. Применительно к этносам речь идёт об этноковергенции, противопоставляемой культурной гомогенизации. Мы же предлагаем рассмотреть это явление с позиций постнеклассической науки, во взаимосвязи с его антагонистом – цискультурацией, обратив внимание на субъективное культурное «самочувствование», самоотождествление (идентичность) народов.

Цискультурация и трансккультурация применительно к проблеме этнической идентификации и процессам межэтнических взаимодействий – это концепции, употребляемые для обозначения явлений, описывающих бытие культур различных этнических групп как имеющее тенденции к замыканию на себе – своих (эндокультурных) исторически и географически сложившихся ценностях, стереотипах, установках и образцах, приводящему к отождествлению этноса с этой традиционно «своей» культурой (цискультурация, цискультурная идентичность) или, напротив, к интернализации чужих (экзочкультурных) черт в бытие культуры своего этноса, приводящей к отождествлению своей этничности с историко-географической культурной средой, традиционно воспринимаемой как «чужая» (трансккультурация, трансккультурная идентичность).

Цискультурация описывает стремление к сохранению культурных черт, воспринимаемых конкретной этнической группой или всем этносом в целом как «свои», то есть это стремление к сохранению идентичности своей национальной культуре, исторически сложившейся на определённой территории и обрешей свой уникальный культурный код под влиянием некоторых географических и социально-исторических факторов.

Трансккультурация в традиционной системе ценностей воспринимается как идентификация себя в качестве носителя чужой культуры, тогда как с точки зрения субъекта трансккультурации эта «чуждость», напротив, воспринимается как «самость», то есть культура, считающаяся чужой для этого этноса, воспринимается им как подлинно своя культура, невзирая на исторические и географические детерминанты и опираясь исключительно на самочувствование субъекта идентификации.

Цискультурация и трансккультурация обычно описывают самосознание этноса в условиях попадания его под культурное влияние другого этноса и в этом случае означают субъективное самочувствование первого в условиях происходящей культурной диффузии, аккультурации или попыток ассимиляции со стороны второго. То есть применительно к культуре национальных меньшинств. Однако в условиях современного общества, общества постмодерна, провозглашающего плюрализм идентичностей, становится возможным говорить о цискультурации и трансккультурации на добровольных началах, вне зависимости от проблемы вынужденного приспособления меньшинств к культуре большинства. Этому во многом способствовали процессы глобализации и индигенизации как естественной реакции на последнюю.

Заметим, что о «глобализации» можно говорить ещё с периода древней истории человечества. Тому примеры – торговля и, как следствие, взаимный культурный обмен носителей археологических культур Центральной Азии с народами, населяющими побережье Индийского океана уже в догосударственную эпоху; греческая колонизация Средиземноморского региона, приведшая не только к осуществлению культурного обмена со многими народами, но и к формированию фактически глобальной эллинской цивилизации; создание Римской империи и т. д. Всё это свидетельствует о предпринимаемых попытках «глобализации» полиэтнического и поликультурного мира, однако «мир» (диаметр осуществляемых межэтнических взаимодействий) в те времена был куда меньше, поэтому новый виток глобализации связывается с эпохой Великих географических открытий.

В основном завершив экстенсивный рост глобализационных процессов, человечество перешло в фазу их интенсивного роста: с появлением современной медиакультуры, технологических инноваций, повлекших возникновение целого ряда информационно-коммуникационных технологий от классических СМИ до сети Интернет, открылись возможности для осуществления подлинной глобализации – глобальной интеграции народов в транснациональную систему.

Итак, на современном этапе транскультурация в силу глобализации культуры, а также преобладания парадигмы постнеклассической культуры эпохи постмодерна стала восприниматься не как следствие культурной экспансии, а как выбор этносом своей культурной идентичности вне зависимости от привязки к традиционным представлениям о ней как об исторически и географически детерминированной. Технично-технологическое развитие общества обеспечило возможности для обособления от этих во все прежние исторические периоды решающих факторов.

В политическом дискурсе цискультурация и транскультурация связаны с проведением политики модернизации (по западному или восточному образцу – соответственно вестернизации или остернизации) или индигенизации (коренизации). Если первая означает стремление к заимствованию, инкорпорированию в свою культуру черт другой культуры, которые считаются правящими кругами более прогрессивными или более подходящими, то вторая, напротив, означает признание наивысшей ценности своей культуры. Политика индигенизации, или коренизации может проводиться как в рамках коренизации культуры всего государства, в особенности если это государство мо-

ноэтническое, так и отдельных его национальных частей в случае полиэтнического государства (такой пример мы видим в политике коренизации, проводимой Советским Союзом в 1920-х – начале 1930-х гг. и короткий период в 1953 г. по инициативе Владимира Ленина и Лаврентия Берия).

Однако проведение политики модернизации или индигенизации само по себе не отражает изменения в идентичности людей – носителей той или иной этнической культуры. Хотя возникновение цискультурной или транскультурной этнической идентичности может быть (и часто бывает) связано с характером проводящейся государством культурной политики, она означает именно самочувствование субъекта, этнической группы, этноса, которое, разумеется, может не совпадать с желанием власть имущих.

Итак, цискультурация и транскультурация в контексте изучения проблемы этнокультурной идентичности в современном обществе означают способы самоотождествления народов, национальных групп, их субъективную идентификацию с той или иной этнокультурой. Цискультурация и транскультурация как явления требуют научной рефлексии с позиций этнологии (в особенности этнопсихологии), культурологии и социологии, тогда как с точки зрения парадигмальности их проявления уже изучаются в связи с оформлением концепции транскультурализма, в том числе в рамках транскультурной психологии и педагогики, включая прикладные исследования их применения в образовательном процессе [4, с. 105].

Думается, изучение проблематики этнических идентичностей будет иметь и большое практическое значение, поскольку позволит этносам лучше понимать друг друга, подобно тому как гендерные исследования помогли лучше понять свойства гендерной идентичности, а также способствует преодолению идентистского взгляда на мир, интеркультурализации общества и в долгосрочной перспективе выходу человечества на новый уровень общественного развития (подробнее об этом мы писали в ряде предыдущих статей [1;2;3]). В силу этого мы считаем подобные исследования крайне перспективными, соответствующими «духу» современной науки, отвечающими социальным запросам и потребностям общества.

Библиографический список

1. Бражников А.А. Проблема идентичности в современной культуре // Научная палитра. 2022. № 2(36). URL: culture.esrae.ru/ru/63-1240 (дата обращения: 12.10.2023).
2. Бражников А.А., Максимова Э.П. Глобализация: социолого-культурологический анализ // Научная палитра. 2020. № 1(27). URL: culture.esrae.ru/ru/54-843 (дата обращения: 12.10.2023).
3. Бражников А.А., Мелконян Н.К., Фирстова В.Д. Глобализация или индигенизация: к чему движется мир? // Научная палитра. 2023. № 3(41). URL: culture.esrae.ru/ru/68-1385 (дата обращения: 12.10.2023).
4. Жигинас Н.В, Сухачёва Н.И. Транскультурализм как актуальная задача современной педагогики // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2015. № 4(10). С. 103-108.
5. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
6. Ortiz, F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar, Durham, NC: Duke University Press, 1995.

ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ УЧАСТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

CIVIC ATTITUDES OF WORKING YOUTH OF THE KRASNODAR TERRITORY IN THE CONTEXT OF PARTICIPATION IN THE ACTIVITIES OF NATIONAL - CULTURAL PUBLIC ASSOCIATIONS

М.В. Донцова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

M. V. Dontsova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования гражданских установок работающей молодежи Краснодарского края, сегментированной по признаку участия/неучастия в деятельности национально-культурных общественных объединений (НКОО) и других общественных организаций. Представлены выводы о необходимости активной государственной поддержки работы по вовлечению молодежи в общественную деятельность, в том числе НКОО.

Abstract. The article presents the results of a comparative study of civil attitudes of working youth of the Krasnodar Territory, segmented on the basis of participation/non-participation in the activities of national-cultural public associations (NCPA) and other public organizations. The conclusions about the need for active state support for the involvement of young people in public activities, including NCPA, are presented.

Ключевые слова: гражданские установки, гражданский активизм, национально-культурные общественные объединения (НКОО), работающая молодежь, Краснодарский край

Key words: civic attitudes, civic activism, national-cultural public associations, working youth, Krasnodar Territory

Введение. В настоящее время в мире набирает обороты новый виток межнациональной напряженности и конфликтности (события в Секторе Газа яркая тому демонстрация), что безусловно оказывает глобальное влияние на ситуацию в России. В данных условиях одним из способом противодействия нарастающей напряженности и рисков открытых противостояний внутри России, подобных беспорядкам, произошедших 29.10.2023 г. в аэропорту г. Махачкалы (Республика Дагестан) [6], является достижение высокого уровня консолидации многонационального российского социума. Данная задача в первую очередь касается молодежи, которая обладает высокой степенью мобильности и реактивности под воздействием обстоятельств и особенно поддается внешнему влиянию через интернет и социальные сети.

Со стороны органов власти и общественных организаций требуется консолидированная работа по разъяснению актуальных событий, происходящих в стране и мире, повышению информированности молодежи о национальных культурах и этносах, проживающих на территории России. Данная просветительская деятельность безусловно должна осуществляться в том числе на уровне национально-культурных общественных организаций, деятельность которых напрямую связана с достижением межнационального согласия и противодействием экстремизму. Так, О.С. Головачева отмечает, что к внешним функциям, которые выполняют НКО, относится «национальная консолидация и предотвращение межэтнических конфликтов... НКО имеет большой потенциал для достижения демократизации, усиления влияния общественного самоуправления на процесс консолидации общества и власти, а также на предупреждения социальных конфликтов и гармонизацию межэтнических отношений» [4, с. 139–140].

Одним из самых многонациональных регионов РФ является Краснодарский край. Регион имеет геостратегическое положение, являясь частью Азово-Черноморской зоны, которая в контексте нынешних событий, имеет важнейшее значение как для выполнения задач СВО, так и для экономического развития страны. Край является очень привлекательным для международной трудовой миграции, а также принимает большое количество беженцев и вынужденных переселен-

цев. «Анализ демографической ситуации и состояния рынка труда Краснодарского края, показал, что Кубань, несмотря на сложную социально-экономическую и политическую ситуацию, по-прежнему остается привлекательным регионом для мигрантов» [1, с. 21]. Данные Краснодарстата показывают, что международная миграция в Краснодарский край в январе-августе 2023 года составила 13899 чел. с положительным миграционным приростом (+6503), что существенно выше по сравнению с тем же периодом 2022 г., когда под влиянием СВО миграционный прирост в категории международной миграции стал отрицательным (-1463). В целом, миграционный прирост населения края по сравнению с январем-августом 2022 г. увеличился на 14154 человека, или в 2,3 раза [7].

Согласно актуальному списку, опубликованному на сайте Администрации Краснодарского края, в регионе зарегистрировано 155 национально-культурных общественных организаций (*далее «НКОО»*) и действует 4 Центра национальных культур (г. Краснодар, г. Армавир, г. Новороссийск, г. Сочи). НКОО очень активно привлекают молодежь к участию в общественных мероприятиях культурной направленности. Активность молодых людей в работе данных организаций способствует их вовлечению в общественную жизнь, формированию социально-политической активности, а также развитию лидерских качеств, что становится все более актуальным и значимым в контексте реализации государственной молодежной политики и формирования гражданского самосознания современной молодежи.

Исходя из данного тезиса, мы предполагаем, что участие в деятельности НКОО, а также наличие мотивации к подобной деятельности оказывает влияние на характер гражданских установок молодежи. Таким образом, цель исследования заключается в сравнительном анализе гражданских установок современной молодежи, принадлежащей различным категориям по признаку участия или неучастия в деятельности национально-культурных общественных объединений. Базовыми понятиями нашего исследования является «гражданские установки» – социальные аттитюды, проявляющиеся в предрасположенности личности к таким значимым гражданским ценностям, как преданность отечеству и бескорыстное служение родине [11] и «гражданский активизм» – поведенческие практики, ценности, формы и мотивы участия граждан и их групп в общественно-политической жизни [10].

Дизайн исследования. В статье представлены результаты исследования работающей молодежи, проведенного в октябре-декабре 2022 г. в рамках государственного контракта, выполняемого сотрудни-

ками Кубанского государственного университета, по теме: «Гражданские и жизненные стратегии рабочей молодежи Краснодарского края: роль НКО, лидеров мнений и других субъектов молодежной политики молодежи Краснодарского края, ее включенности в деятельность некоммерческих общественных организаций» (n=660).

Для целей нашего исследования из базы данных были отобраны респонденты в возрасте от 16 до 35 лет, имеющие трудовую занятость (постоянную или временную). В выборку включались респонденты по признаку участия/ неучастия в деятельности НКОО, а также иных общественных организаций по аналогии с методикой отбора, представленной в исследовании Е.В. Бродовской и др. [2]. В результате отбора общая численность респондентов составила 540 из 660 чел. Затем полученная была разделена на три сегмента.

Сегмент 1. Проявляющие интерес к деятельности НКОО – 200 чел., их них: *акторы* – молодежь, которая непосредственно участвует в работе подобных организации – 65 чел.; *вовлеченные*, выражающие желание принимать участие в работе данных организаций – 135 чел.

Сегмент 2. Проявляющие интерес к деятельности других общественных организаций (*далее «ОО»*) – 140 чел., из них: *акторы* (принимают непосредственное участие в деятельности ОО) – 65 чел., *вовлеченные* – 75 чел.

Сегмент 3. *Выключенные* – молодежь, которая не проявляют интереса к общественной деятельности – 200 чел.

Отбор осуществлялся по характеру ответа на вопрос: «Вам лично интересна деятельность молодежных общественно-политических организаций в нашей стране (крае) и хотели бы Вы принимать участие в их работе?». Варианты ответа: «Уже участвую в работе молодежной организации/ молодежного движения» (*акторы*), «Да, хотел(-а) бы» (*вовлеченные*), «Нет, не хотел(а) бы» (*выключенные*). Большинство опрошенных имеют высшее образование (52%) и средний уровень достатка (экономят, но живут прилично) (54,4%). В городах и поселениях городского типа проживает 40% респондентов, в сельской местности – 60%.

Для установления статистически значимых различий между группами использовался однофакторный дисперсионный анализ (One-Way ANOVA) и тест Хи-квадрат. Различия признавались значимыми на уровне $p < 0,05$.

Результаты. Молодежь, не вовлеченная в общественную деятельность (сегмент 3), имеет более депрессивные, чем другие сегменты, социально-экономические характеристики. Так, на отсутствие де-

нег как серьезную проблему, с которой тяжело справиться, чаще других указывали респонденты из 3-го сегмента («выключенные»), как и на проблемы со здоровьем. Также представители данного сегмента в 2 раза чаще указывали, что у них денег едва хватает на самое необходимое (33,5%). Отмечаются и значимые различия во взглядах на будущее: большая часть опрошенных из 1-го и 2-го сегментов выборки, считают, что сейчас мы переживаем самые тяжелые времена (41% и 53% соответственно), а молодежь, не вовлеченная в общественную деятельность (сегмент 3), пессимистично смотрят в будущее, считая, что тяжелые времена еще впереди (43%) ($p=0,002$). Оптимистичная позиция (тяжелые времена уже позади) в 2 раза чаще по сравнению с другими сегментами, высказывалась молодежью, вовлеченной в деятельность НКОО (сегмент 1) (22%).

В данном исследовании в качестве эмпирических индикаторов гражданских установок и гражданского активизма выступали следующие признаки:

- ценностные ориентации, предполагающие служение Отечеству, помощь людям;
- ориентация на работу в государственных органах, силовых структурах, гос. предприятиях, общественную деятельность;
- отношение к событиям 2014 г.;
- отношение к СВО;
- участие в помощи армии, участникам СВО, а также нуждающимся и пострадавшим.

Согласно полученным данным, для акторов НКОО в большей мере, чем для молодежи, не принимающей участие в деятельности общественных организаций, важно иметь в будущем любимую, интересную работу ($p=0,021$); стать профессионалом в своём деле, сделать успешную карьеру ($p=0,007$); заботиться об экологии, животных, окружающей среде ($p=0,013$); помогать людям, сделать их жизнь лучше ($p=0,007$); заниматься саморазвитием, творчеством ($p=0,006$). Ожидаемым, но в то же время очень важным отличием между изучаемыми сегментами является мотивация к деятельности на благо страны. Так, внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству выразили желание 67,7% акторов НКОО (сегмент 1) и только 39,5% из группы неактивной молодежи (сегмент 3) ($p<0,001$). Следует также отметить, что значимые различия по данной установке зафиксированы между теми, кто выражал желание принять участие в деятельности НКОО (категория «вовлеченные») и молодежью, заинтересованной в деятельности других ОО (77,8%/57,3%, $p=0,007$) (рис. 1). Ценности

свободы и независимости, как ни странно, также чаще встречались среди акторов НКОО ($p=0,006$).

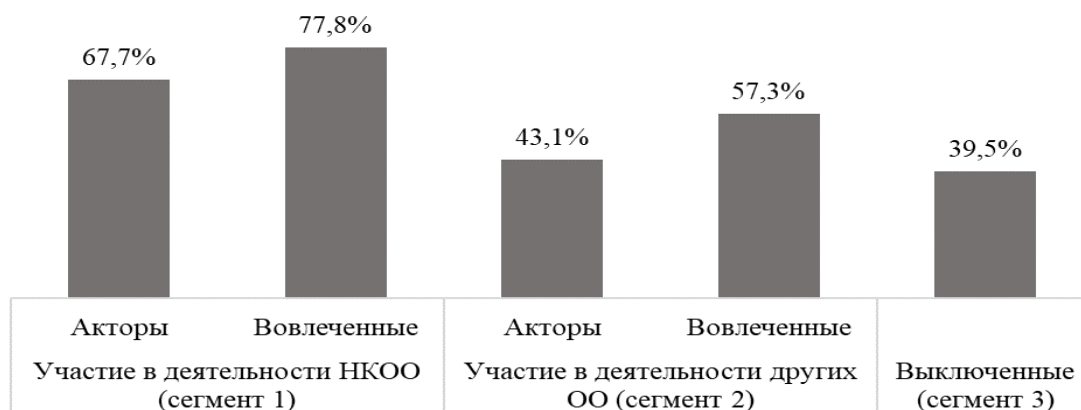

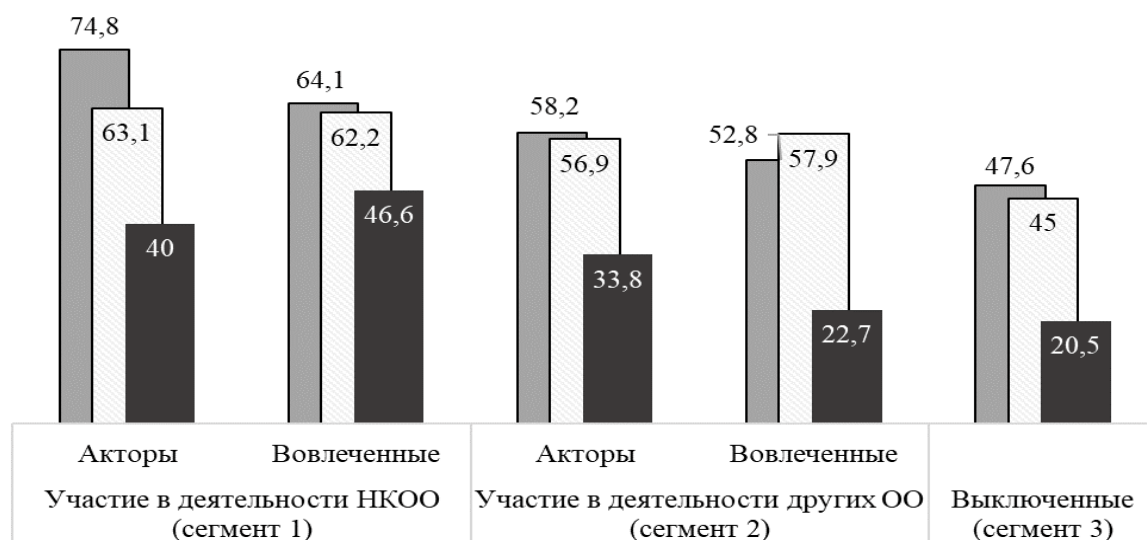
Рисунок 1 – Доля респондентов, выражающих желание внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству, %

Активисты НКОО чаще, чем молодежь из сегмента 3 («выключенные») демонстрировали мотивацию к трудовой деятельности в органах государственной власти и в сфере социальной поддержки. Так, в будущем актеры НКОО видят себя на политической деятельности в 43% случаев, молодые люди, не принимающие участие в работе общественных организации – в 22,5% случаев ($p=0,001$). Статистически значимые различия также обнаружены в мотивации к государственной службе ($p=0,002$), работе на государственном предприятии ($p=0,006$) и в общественной деятельности ($p<0,001$).

Как видно из рисунка 2, отношение к событиям 2014 г., действиям России в этих событиях (поддержке Донбасса и присоединению Крыма) прямо пропорционально участию в деятельности НКОО. Так, наибольший индекс согласия с высказыванием «Россия правильно сделала, что вмешалась в события на Украине в 2014 году, поддержав Донбасс и присоединив Крым» продемонстрировали актеры НКОО, наименьший – молодежь, не имеющая мотивации к общественной деятельности («выключенные»).

Частота согласия с утверждением «Россия правильно сделала, что начала Специальную военную операцию на Украине в 2022 году, фашизм нужно было остановить на дальних подступах, иначе он напал бы на нас, как в 1941 году» распределена равномерно между 1-ым и 2-ым сегментами выборки с небольшим снижением частоты данного мнения среди респондентов вовлеченных с деятельностью других ОО по сравнению с 1-ым сегментом. Статистически значимое уменьшение частоты согласия с данным высказыванием ожидаемо фиксируется в 3-сегменте опрошенных ($p=0,002$). Наибольшее число

друзей и знакомых, которые поддерживают СВО и участвуют в сборе помощи для бойцов, зафиксировано среди молодежи, вовлеченной в деятельность НКОО. Акторы НКОО в 88% случаев принимали непосредственное участие в помощи армии, участникам СВО, беженцам, а акторы других ОО – в 71% случаях. Представители молодежи, вовлеченной в деятельность НКОО, отметили, что участвовали в подобной активности в 70% случаев, вовлеченные в другие ОО существенно реже – в 56% случаев ($p < 0,001$). Распределение ответов об активности в сфере помощи нуждающимся и пострадавшим сопоставимо с результатами, представленными выше ($p < 0,001$).

- Согласие с утверждением: «Россия правильно сделала, что вмешалась в события на Украине в 2014 году, поддержав Донбасс и присоединив Крым»
- Согласие с утверждением: «Россия правильно сделала, что начала Специальную военную операцию на Украине в 2022 году, фашизм нужно было остановить на дальних подступах, иначе он напал бы на нас, как в 1941 году»
- В окружении есть люди, поддерживающие СВО и участвующие в сборе помощи для бойцов

Рисунок 2 – Сравнительные данные об индексе согласия с высказываниями о событиях 2014 г. и СВО в сегментах выборки, %

По мнению большинства опрошенных вне зависимости от сегмента, общественная деятельность развивает умение взаимодействовать с людьми, расширяет кругозор и знание о мире (44,1%). Такую точку зрения ожидаемо чаще поддерживает молодежь, непосредственно участвующая в деятельности общественных организаций, в том числе национально- культурной направленности (58,8%, $p < 0,001$).

Результаты исследование подтверждают вывод, что «Обще-

ственная деятельность видится «входом» в пространство гражданского активизма. Со временем при накоплении опыта и расширении общественных практик открываются возможности для включения граждан в политическое участие» [8, с. 142]. Однако, здесь следует обратить внимание на проблемы, которые препятствуют такому входу. Так, при ответе на вопрос: «*Как Вы думаете, что мешает молодежи участвовать в деятельности общественных организаций?*», участники опроса самой значимой проблемой назвали слабую мотивацию молодежи к активной деятельности (74,4%). Согласие с подобным мнением не зависит от категории опрошенных. Для молодых людей, которые заинтересованы в деятельности НКО и ОО, но не принимали непосредственного участия, наиболее значимыми болями являются: во-первых, недоверие и негативный образ общественных организаций и их членов, волонтеров в общественном мнении (63,3% от общей численности респондентов из категории «вовлеченные»), во-вторых, отсутствие информации об организациях, мероприятиях (69,5%), в-третьих, отсутствие опыта, руководства опытных волонтеров (59%). То есть, в практике работы общественных организаций, вне зависимости от их типа, лифты включения молодежи в их деятельность работают слабо по причине отсутствия широкой информации о существовании и деятельности общественных организаций, а также негативные стереотипы о последних. Корень данной проблемы был выявлен в исследовании Р.В. Пырмы: «Изучение методов масштабирования целевых аудиторий, применяемых общественными объединениями, заслуживает особого внимания. В целом можно констатировать ситуационную, несистемную работу с целевыми группами, не основанную на применении ни календарного плана, ни программы цифрового рекрутинга, ни тем более концепции социально-медийного сопровождения деятельности объединения... Анализируя ответы респондентов об одной из ключевых задач общественных объединений – методах формирования гражданских установок молодежи, отметим преобладание традиционных форматов ценностного воздействия на молодежную аудиторию, имеющих низкую продуктивность и низкий потенциал вовлечения широких слоев молодого поколения в гражданскую активность» [9, с. 53]. Речь идет о том, что в практике привлечения молодежи к работе общественных организаций мало используются современные средства обмена информацией, привычные в молодежной среде – посты в соцсетях, сообщения в мессенджерах, групповых чатах (Telegram, WhatsUp).

Выводы. Результаты исследования наглядно показывают, что ра-

ботающая молодежь, вовлеченная в деятельность НКОО, имеет выраженные гражданские установки и мотивирована на гражданский активизм. Молодежь заинтересована в общественной работе, волонтерской деятельности, имеет желание работать на благо страны. В целом, данное исследование подтверждает результаты других авторов [3; 5; 12]: общественная деятельность является важным элементом развития гражданского самосознания. Данный вывод диктует необходимость кратного усиления мер по вовлечению молодежи в различного рода активности. Однако, в данной сфере существуют препятствия, такие как низкий уровень информирования о работе общественных организаций, недостаточное использование современных средств коммуникации, привычных для молодежи, негативные стереотипы об общественных организациях, наличие которых вызвано опять-таки низким уровнем информирования о деятельности ОО. Преодоление данных барьеров возможно при планомерной работе государственных органов по поддержке государством общественных организаций, в том числе НКОО, которые привлекают в своей деятельности молодежь, а также повышением информированности молодежи и возможностях работы в данных организациях. Особенно подобная работа важна в многонациональных регионах, таких как Краснодарский край. Также, на наш взгляд, эффективны меры государственного поощрения молодых активистов за успехи в общественной деятельности.

Библиографический список

1. Агабекян Р.Л. Исследование особенностей миграционных процессов в Краснодарском крае в современных условиях // Вестник Академии знаний. 2023. №1 (54). С. 17–21.
2. Бродовская Е.В, Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2020. Том 10. № 6. С. 39-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48.
3. Гальченко А.С. Особенности мотивационной структуры гражданской активности подростков с разным статусом гражданской идентичности // Вестник Мининского университета. 2019. № 3 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsionnoy-struktury-grazhdanskoy-aktivnosti-podrostkov-s-raznym-statusom-grazhdanskoy-identichnosti> (дата обращения: 06.11.2023).
4. Головачева О.С. Национально-культурные объединения как институт гражданского общества // Наука. Инновации. Технологии. 2009. № 5. С. 135–140.
5. Косаченко Е.Ю. Социально-культурные условия формирования патриотического самосознания молодежи // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. № 2 (33). С. 148–155.
6. Кошкин В. Полиция задержала более 60 участников беспорядков в

аэропорту Махачкалы // Российская газета. 30.10.2023. URL.: <https://rg.ru/2023/10/30/reg-skfo/policiia-zaderzhala-bolee-60-uchastnikov-besporiadkov-v-aeroportu-mahachkaly.html> (дата обращения: 2.11.2023).

7. Общая характеристика миграционной ситуации в крае (Краснодарский край, январь – август 2023 г.) // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/region/doc1103/IssWWW.exe/Stg/d013/i016033r.htm> (дата обращения: 28.10.2023).

8. Пырма Р.В. Содержание современного гражданского активизма // Власть. 2021. № 2. С. 141–147.

9. Пырма Р.В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России // Власть. 2020. № 6. С. 46–54.

10. Трофимова И.Н. 2014. Гражданский активизм в России: новые реалии // NOTA BENE. 2014. № 9. С. 1020–1031.

11. Шаркова И.С. Гражданские установки личности: проблема диагностики // СибСкрипт. 2015. № 3-3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-ustanovki-lichnosti-problema-diaagnostiki> (дата обращения: 05.11.2023).

12. Яковлев П.И. Сущность формирования гражданского самосознания молодежи в условиях социально-культурной деятельности общественных объединений // Вестник ТГУ. 2011. № 12. С. 183–185.

САМОСОЗНАНИЕ И МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТАТАР РОСТОВА-НА-ДОНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

SELF-AWARENESS AND MARKERS OF ETHNIC ACTIVITY OF THE TATARS OF ROSTOV-ON-DON (BASED ON FIELD RESEARCH MATERIALS)

Р.А. Еникеев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

R.A. Enikeev

South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования по выявлению уровня этнической активности среди татар Ростова-на-Дону. Выявлены главные маркеры, благодаря которым сохраняется этническая самоидентификация.

Abstract. The article presents the results of a study to identify the level of ethnic activity among the Tatars of Rostov-on-Don. The main markers thanks to which ethnic self-identification is preserved have been identified.

Ключевые слова: Этнос, татары, национальное самосознание, этнические интересы, Ростовская область, демографические процессы

Key words: Ethnicity, tatars, national identity, ethnic interests, Rostov region, demographic processes

По результатам последней переписи населения, проходившей в 2021 г., население Российской Федерации увеличилось. Однако многие этносы значительно сократились в количественном отношении, в том числе идущие на втором месте после русских татары [2]. Население Ростовской области также увеличилось, татары же значительно сократились в сравнении с переписью 2010 г. [2]. Причин этому множество как объективных, так и субъективных, однако данная работа не об этом.

В Ростове-на-Дону 14 сентября 2022 г. в присутствии представителей органов власти Ростовской области и Республики Татарстан, которые оказали помощь в постройке, был открыт татарский культурный центр. В регионе действует Татаро-башкирский культурный центр Якташлар (Земляки), он ведет свою работу с 2003 г. Первое татарское объединение в области появилось ещё в 1993 г. и называлось «Нур» (свет). Оно объединяло прежде всего пензенских татар, однако позже слилось в единую организацию вместе с Якташлар, которое объединяет все группы татар [3, С. 73]. Если говорить о субэтнических группах татар, которые представлены в Ростовской области то это татары-мишари и казанские татары, причем первые преобладают в численном отношении. Сибирских татар и кряшен в регионе не наблюдается, возможно, имеются лишь немногочисленные представители.

За год в татарском культурном центре произошло множество различных мероприятий. Кулинарные мастер-классы, национальное вышивание, литературные собрания, лекции об истории татар. Также здесь отмечаются государственные и национальные праздники. Проходят собрания молодежи и мероприятия для людей преклонного возраста. Уделяется внимание и патриотическим мероприятиям, направленным в том числе на выстраивание межнационального мира и согласия. Каждое воскресенье, кроме летних каникул проходят уроки татарского языка и литературы для всех возрастов, а также уроки нравственности.

Приняв во внимание результаты переписи, мы провели исследование, опросив 10 респондентов, которые за последний год с разной степенью активности посещали татарский культурный центр. Было опрошено 5 мужчин и 5 женщин в возрасте от 18 до 72 лет: люди с техническим, теологическим, военным, финансовым, педагогическим, экономическим образованием. Шестеро – уроженцы Ростова-на-Дону, трое – уроженцы других субъектов РФ, и один респондент – уроженец страны СНГ. Опрос проходил с учетом конфиденциальности личностей. Ответы записаны на диктофон. Мы задавали вопросы об уровне

этнической идентичности, через определенные маркеры, такие как: язык, история, литература, национальные праздники, блюда, СМИ, отношение к культурному центру, духовное влияние Республики Татарстан и межнациональные браки. Именно эти категории показались нам наиболее важными и интересными, так как они отвечают на вопрос об этнических интересах [1, С. 130]. Опрос был проведен с 15 по 31 октября 2023 г.

Первый вопрос был об уровне владения татарским языком, абсолютно все респонденты ответили, что понимают его и могут на нем говорить. Читать без проблем могут семеро, а свободно писать шестеро. Одной из причин неполноценного владения респонденты называли русскоязычную среду и образование. Четверо респондентов подняли проблему диалектов, трое из них заявили, что их «семейный» микшерский порой вступает в конфликт с литературным казанским, а один респондент озвучил, что в Ростове говорят «нечисто». Четверо респондентов заявили, что дома говорят только на татарском, используя русскую речь лишь при крайне необходимости. Двое заявили, что говорят дома по-русски, остальные в смешанном формате. Один отвечающий поделился интересным опытом: в его семье принято переходить на татарский «чтобы другие не поняли», например, при выборе товаров на рынках и магазине. У восьмерых респондентов есть дети, среди них у троих дети владеют плохо или не владеют татарским. У тех, у кого еще нет детей заявили, что обязательно будут их учить татарскому.

Отдельно мы спросили респондентов про родной язык, что они вкладывают в это понятие и какой язык для них родной. В основном отвечавшие делали упор на связи с этносом, предками, культурой. То есть здесь прослеживалась прямая связь: какой ты национальности, таков и твой родной язык. В этом контексте звучали такие прилагательные как: свое, родное. Однако было и мнение, согласно которому родной язык – это язык образования, окружающей среды и семьи, и он никак не коррелируется с этносом по рождению. Этот респондент был единственный, кто ответил, что его родной язык русский. Среди оставшихся было трое, кто заявил, что русский язык тоже очень важен и сложно относиться к нему как к неродному.

Далее мы беседовали об истории татарского народа. Все высказали мысль, что им было бы интересно больше изучить в будущем историю своего народа. Шестеро заявили, что уже так или иначе пытались что-либо узнать в данной сфере. Вот какие моменты истории наиболее интересны нашим респондентам: этногенез, принятия исла-

ма Волжской Булгарией, взятие Казани в 1552 г. и история татарской женщины. Среди наиболее интересных личностей татарской истории были названы Мухлиса Буби – первая женщина шариатский судья и Минтимер Шаймиев – первый президент Татарстана, а также половина опрошенных назвала Габдулла Тукая, хотя последний был деятелем культуры, а не политики, а также последнюю царицу Казани Сююмбике.

Разговаривая, о татарской литературе один респондент признался, что ему вообще это неинтересно. Остальные сказали, что «что-то» читали, но времени на это почти нет. Среди писателей предсказуемо наиболее часто были названы Габдулла Тукай и Мусса Джалиль. Только один респондент, который было понятно, что много читает татарскую литературу, назвал Амирхана Еники, Роберта Минуллина и Лябиба Лерона. Последние двое являются современными деятелями. Треть опрошенных заявили что читали народную сказку «Шурале». В целом можно сказать, что интерес к литературе меньше, чем к истории, в том числе из-за того, что первое занимает куда больше времени и требует большего знания языка.

Нам было интересно, какие праздники отмечаются у татар Ростова. На вопрос, какие национальные праздники вы проводите в семье, почти все упомянули также и религиозные праздники Курбан-байрам и Ураза-байрам, один респондент также упомянул что отмечает Мавлид (день рождения пророка Мухаммеда). Кстати, двое во время беседы отметили прямую связь ислама и татарской культуры, заявив, что второго не может быть без первого. Из нерелигиозных все заявили, что посещают Сабантуй (праздник плуга), который в Ростове-на-Дону празднуется уже традиционно очень масштабно. Еще двое отметили, что слышали про праздник Каз эмеся – общипывание гусей, он традиционен для казанских татар. Наблюдается смешение религиозных и этнических праздников, причем среди последних отмечается только Сабантуй, остальные почти забыты.

Следом разговор зашел о национальной кухне. Самое популярное блюдо было пярмячи, которые очень любят готовить татары-мишари, коими являлись большинство респондентов. Также были отмечены пироги – бялешляр. Лишь пару человек заявили, что готовят эчпочмаки, костыбый, губадию – блюда казанских татар. На мой вопрос, как часто вы готовите национальные блюда, трое ответили, что еженедельно, двое, что только по праздникам, остальные по настроению. Кулинария остаётся сильным фактором национальной самоидентификации.

Далее мы поговорили о татароязычных СМИ. Люди более старшего поколения заявили, что смотрят телеканал ТНВ, причем довольно часто. Один респондент заявил, что пользуется радио, так как оно удобно ему в машине. Трое заявили, что вовсе не пользуются национальными СМИ. Остальные находят нужный контекст в интернете, например, подкасты на татарском видео на YouTube или новостные сайты, например, Татар-информ. Представители молодежи не пользуются даже русскоязычными новостными порталами, их привлекает развлекательный контент.

Когда мы говорили о татарском культурном центре, все отзывались о нем исключительно, как о месте крайне необходимом для поддержания национальной идентичности. Высоко оценены воскресные уроки по родному языку. Большинство респондентов считают, что мероприятия должны быть разноплановы и что им интересна разнообразность. Женщины особо отметили мероприятия клуба «Ак калфак» на которых происходят мастер классы по кулинарии и шитью. Представители молодежи также имеют свое отдельное направление, что отметили и респонденты из их числа.

Республику Татарстан посещали 8 из 10 респондентов, оставшиеся двое заявили о желании посетить. При этом один участник заявил, что республика не является для него культурным ориентиром, тогда как для остальных она является такой. Подчеркнуто, что Татарстан политический и культурный центр всех татар вне зависимости от субэтноса, что это то пространство, где можно легко оставаться татаринами, где для этого есть все условия. Один респондент особенно выделил заслуги нынешнего руководителя Рустама Минниханова. Все это показывает, что татар Ростова тянет к своей древней исторической родине, и они ею гордятся.

В конец мы поставили, возможно, самый сложный вопрос, вопрос о межнациональных браках. Все респонденты заявили, что у них есть родственники или знакомые татары Ростова-на-Дону, состоящие в межнациональных браках. Мы спросили сохраняется ли в таких семьях татарская культура? Двое человек были категоричны, заявив, что это невозможно, еще двое заявили, что все зависит индивидуально от каждой семьи. Остальные же в целом сказали, что вероятность сохранения татарской культуры будет очень низкая, только в исключительных случаях возможно обратное.

Многие респонденты отметили, что в таких браках кто-то обязательно должен уступить. Трое также заявили о сложности межкультурного брака, так как это два разных миропонимания. Также

была отмечена сложность самоидентификации детей в таких браках.

Подводя итог, мы можем отметить несколько фактов. Несмотря на глобальные вызовы современности, татарам Ростовской области удастся сохранять свою культуру. Открытие в 2022 г. татарского культурного центра заметно увеличило активность землячества в целом. Обобщая итоги опросов людей, которые его активно посещают, думается, что есть положительная тенденция в вопросе этнической активности. Все, кого мы опросили, понимают и говорят на татарском, но читать и писать могут уже не все. Ключевыми маркерами этничности остается кухня, праздники (пусть и небольшое количество), осознание Татарстана как культурного ориентира, посещение мероприятий культурного центра. Меньше интереса вызывает татарская история, еще меньше литература и СМИ. Отношение к межнациональным бракам нейтральное, но большинство признает, что сохранение там татарской культуры крайне проблематично.

Библиографический список

1. Дробижева Л.М. Этническая идентичность // Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2012.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками.
3. Патеев Р.Ф. Ислам в Ростовской области / под ред. А.В. Малашенко. М.: Изд-во «Логос», 2007.

СТРАТЕГИИ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЕДУЩИХ РУСИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЛОВАКИИ

STRATEGIES FOR INTERNET REPRESENTATION OF LEADING RUSIN ORGANIZATIONS IN SLOVAKIA

О.Г. Казак

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Беларусь*

O.G. Kazak

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье анализируются материалы интернет-сайтов двух влиятельных русинских организаций Словакии – «Академии русинской культуры в Словацкой Республике» и «Общества интеллигенции русинов Словакии». Особое внимание уделено материалам, отражающим общественно-политическую проблематику и имеющим конфликтогенный потенциал.

Abstract. The article analyzes materials from the Internet sites of two influential

Rusyn organizations in Slovakia – «Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic» and «Rusyn Intelligentsia Society of Slovakia». Particular attention is paid to materials that reflect socio-political issues and have conflict potential.

Ключевые слова: русины, национальная политика, национальные меньшинства, Словакия, Украина.

Key words: Rusyns, national politics, national minorities, Slovakia, Ukraine.

Активисты русинского движения считают коренное восточно-славянское население южных склонов Карпат отдельным народом с уникальным языком и культурой. В большинстве стран, в которых проживают русины (Словакия, Сербия, Польша и др.), они признаны самостоятельным национальным (языковым) меньшинством, лишь на Украине русины трактуются как субэтническая группа титульной нации (украинцев). Русинские этнополитические движения в различных странах зародились в последние годы существования социалистического блока. Русинская идентичность в Северо-Восточной Словакии существенно преобладает над украинским этноидентификационным выбором. Если в начале 1990-х гг. русинами себя считали чуть более 17 тыс. жителей Словакии, то по данным переписи населения 2021 г. в стране насчитывается более 63 тыс. русинов. Численный рост лиц, идентифицирующих себя с русинами, активность русинских институций Словакии обусловлены особенностями этнополитического менеджмента государства (поддержка институций национальных меньшинств, отсутствие давления на их активистов), а также самоорганизацией русинской общественности [1, с. 325]. Русинский язык, кодифицированный в Словакии в середине 1990-х гг., свободно используется в административной, театральной, медийной, образовательной, конфессиональной и литературной сферах. Русинские общественные организации пользуются государственными субсидиями [3, арк. 149–150].

В разделе «Политика» сайта «Академии русинской культуры в Словацкой Республике» (www.cms3.rusynacademy.sk) за анализируемый период (январь 2022 г. – сентябрь 2023 гг.) была размещена 81 публикация, в которых отражены различные аспекты политики властей Словакии, Сербии, Венгрии, Польши, Украины в отношении проживающих в этих странах русинов. Критически оцениваются действия властей Словакии и Украины. Политика Братиславы в русинском вопросе в ряде публикаций трактуется как националистическая. Так, в публикации от 11 августа 2023 г. сообщалось об отставке председателя Комитета по делам словаков, проживающих за границей, М.Я. Филипа, известного активиста русинского движения в Словакии.

По мнению автора статьи, против М.Я. Филипа была организована длительная информационная кампания по обвинению политика в «русинском национализме», координируемая советником председателя парламента Б. Коллара А. Гырнко. Автор резонансной публикации сообщал, что русинам Словакии чужд национализм, а отставка М.Я. Филипа носила дискриминационный характер [8].

Эксперты отмечают, что политика властей Словакии в отношении национальных меньшинств (в том числе русинов) является вполне эффективной и демократичной. Однако ни в одной из проанализированных публикаций раздела сайта не представлены однозначно позитивные оценки политики Братиславы. В частности, в заметке о назначении активиста русинских организаций, публициста, бывшего государственного секретаря Министерства образования, науки, искусства и спорта Словакии П. Крайняка на должность второго вице-премьера правительства Прешова акцентировалось внимание не на замещении русинами важных должностей в органах государственного управления, а на инициативах политика по расширению сферы использования русинского языка, сохранению культурного наследия русинов (утверждалось, что центральные власти прилагали недостаточно усилий для решения данных проблем) [5]. Критика политики Братиславы разной степени выраженности присутствует и в других публикациях. В сообщении о прошедшем 28 февраля 2022 г. заседании Комитета по делам национальных меньшинств и этнических групп Совета правительства Словацкой Республики по вопросам прав человека, национальных меньшинств и гендерного равенства сообщалось о принятии ряда документов, формирующих стратегию развития культуры национальных меньшинств Словакии до 2030 г.

Автор П. Медведь резюмировал свою статью следующим образом: «Напомню, что таких инициатив в прошлом было много. К сожалению, ни одна из них не была доведена до конца». В данной статье также утверждалось, что формально демократичные в отношении русинов мероприятия властей не приводили к удовлетворению культурных запросов национального меньшинства: время телепередач на русинском языке было увеличено с получаса до одного часа, но они стали выходить в эфир в неудобное для телезрителей время [7].

Несколько статей раздела иллюстрируют давний конфликт между русинскими и украинскими институциями Словакии. Наиболее показательна в этом плане публикация П. Медведя «Философствования по-советски» (11 июня 2022 г.). Статья представляла собой полемику с активистом украинского движения Словакии М. Шкурлой, который

в одной из своих заметок критиковал культурных деятелей (в частности, режиссера и актеров Театра им. А. Духновича в Прешове) за переход на позиции «политического русинства». П. Медведь подчеркнул, что украинская национальная идентичность утвердилась среди восточнославянского населения Словакии только после 1948 г. вследствие директивных действий властей: «Если тут и было что-то политическое, то это была украинизация, которую они (активисты украинского движения в Словакии – О.К.) так защищают. Потому что это было действительно политическое решение, которому каждый вынужден был подчиниться». П. Медведь упрекал своих оппонентов из «Союза русинов-украинцев» в том, что они расходуют выделенные государством средства на пропаганду советских нарративов [12].

В публикации от 26 марта 2023 г. сообщалось о дискуссии между П. Медведем, М.Я. Филипом (активисты русинского движения) и П. Богданом (активист «Союза русинов-украинцев»). П. Богдан в публикации был назван «выразителем интересов несуществующего народа». Автор статьи П. Медведь опровергал основной тезис П. Богдана о том, что русины являются украинцами с «неразбуженным национальным самосознанием». Термин «политическое русинство», по мнению П. Медведя, «выдумали на Украине, чтобы дискредитировать процесс нашего возрождения утверждением, что мы только политический конструкт, прежде всего Москвы, а может и США, который должен служить цели разделения Украины, ее ослабления». Автор заметки утверждал, что успехи русинского этнополитического движения в Словакии свидетельствовали о его естественной природе («вопреки тому, что нас долгие годы официально не существовало, где-то в людях это русинство жило, знали, кто мы есть, и поэтому смогли быстро организовать свои общества и даже создать международную платформу»), подчеркивал невмешательство русинских организаций Словакии во внутренние дела Украины [11].

В статьях, авторы которых затрагивали различные аспекты политики Киева в отношении национальных меньшинств, содержится резкая критика действий украинских властей. В статье от 21 декабря 2022 г. негативно оценивалась позиция властей Украины, склонных трактовать русинское этнополитическое движение как «пророссийскую диверсию». Речь шла о проведенном Службой безопасности Украины (СБУ) обыске в Кресто-Воздвиженском православном соборе Ужгорода. В официальном заявлении СБУ сообщалось об обнаруженном «флаге так называемой административно-территориальной единицы Республика Подкарпатская Русь». Автор статьи справедливо

отметил, что названного административного образования не существует, а найденный флаг был утвержден в качестве национальной символики русинов в 2007 г. «Всемирным конгрессом русинов». В материале подчеркивалась полная лояльность Украине, которую декларировали русинские организации после начала специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией: «Вопреки ясной позиции русинов касательно войны, СБУ, если верить опубликованным снимкам, считает русинскую символику и русинские песни угрозой или диверсией. Обратим внимание и на то, что Всемирный конгресс русинов никогда не предоставлял членства Российской Федерации, хотя со стороны последней такие стремления были» [9].

В крайне негативном ключе освещалась новость о возможном возобновлении работы Генерального консульства Украины в Прешове (публикация от 26 июня 2022 г.). Сообщалось, что в период функционирования консульства его сотрудники грубо вмешивались в дела русинских культурных институций («было украинское консульство, которое оказывало давление на русинский Театр им. А.Духновича для того, чтобы его постановки шли на украинском языке»). Автор статьи пришел к следующему выводу: «Консульство в Прешове не нужно русинам, зато ... оно снова необходимо главным образом Киеву для расширения своего влияния и, как видится, для дальнейшей украинизации русинского населения» [6].

В разделе «Война на Украине» размещена информация о положении русинов Украины в контексте специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией (34 публикации). Авторы материалов выражают солидарность официальному Киеву. В то же время во многих публикациях раздела подчеркивалось, что политика украинских властей по отношению к национальным меньшинствам в целом и русинам в частности не отвечает принципам демократизма [4; 10].

Обновление сайта «Общества интеллигенции русинов Словакии» (www.rusyn.sk) происходит гораздо чаще, чем интернет-ресурса «Академии русинской культуры в Словацкой Республике». В отличие от сайта «Академии русинской культуры в Словацкой Республике», интернет-портал «Общества интеллигенции русинов Словакии» не имеет специализированных разделов, посвященных общественно-политическим проблемам и деятельности русинских институтов. Нами были проанализированы материалы раздела «Новости» за три месяца (июль – сентябрь 2023 г.; 82 публикации). Почти все статьи написаны на словацком языке, зафиксированы лишь отдельные за-

метки, в которых используется русинский язык. Большинство публикаций посвящено неполитическим темам (в 19 публикациях освещаются различные сюжеты русинской истории, в 19 публикациях – культурные и инфраструктурные проекты в Прешовском крае (в них отсутствует акцентирование русинского фактора), в 12 – истории Словакии (также без какой-либо отсылки к русинам), девять публикаций посвящены известным уроженцам Прешовского региона. В пяти публикациях анализируются результаты парламентских выборов в Словакии. Четыре публикации посвящены ходу специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины, три публикации – внутренней политике Украины. Ни в одной из публикаций последних двух групп русинский вопрос не затрагивается. Общественно-политическим процессам среди русинского населения Словакии посвящены пять публикаций. Лишь в двух заметках освещался ход «Всемирного конгресса русинов».

В публикациях, посвященных общественно-политическим процессам в среде русинов Словакии, содержится критика национальной политики Братиславы, но не столь резкая, как в интернет-материалах «Академии русинской культуры в Словацкой Республике». Так, в одной из статей популярность, которой пользуются популистские политики у избирателей русинской национальности, объясняется недостаточным вниманием центральных властей к проблемам отсталого в экономическом плане региона проживания русинов: «30 лет деиндустриализации, подобной которой не знал даже американский “ржавый пояс”, где промышленность была хотя бы частично заменена сферой услуг, вызвали рост разочарования и экстремизма. Невежество и высокомерие, исходящие с запада страны, только усугубляют эту проблему» [16]. Схожей тональностью отличается заметка о режиссере М. Гонде, снимающем фильм о строительстве Старинского водохранилища в Восточной Словакии в 1980-х гг. Отмечалось, что фильм посвящен отсталому русинскому региону, «забытому государством, властью и Богом» [15].

Сайт «Общества интеллигенции русинов Словакии» содержит материалы, свидетельствующие о сложных процессах формирования национальной идентичности русинов Словакии (авторы заметок интернет-портала «Академии русинской культуры в Словацкой Республике» обращались к данной проблеме только в контексте конфликтов русинских и украинских организаций). Так, бывший староста (1990–2000 гг.) д. Ладомирова в районе Свидник Прешовского края М. Кость в интервью для сайта признал, что большинство русинов в

населенном пункте традиционно придерживались пророссийских взглядов, данная ситуация не изменилась после начала специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины [13]. Подобные утверждения содержатся и в материалах, посвященных истории русинов. Многие статьи данной тематики подготовлены известными профессиональными историками (И. Поп, П.Р. Магочи, С. Конечный, М. Шмигель). Русофильские настроения, свойственные значительной части русинов, трактуются авторами крайне негативно. Например, историк М. Шмигель в интервью порталу заявил, что «наивное русофильство, которому поддалась на рубеже XIX и XX вв. значительная часть чешской, словацкой и русинской интеллигенции, было лишь инструментом российской империалистической политики» [14]. Интервью М. Шмигеля представляет собой единственный материал сайта за анализируемый период, в котором затрагивается русинская проблема на Украине. Историк отметил, что озабоченность Киева «русинским активизмом и сепаратизмом» выглядит преувеличенной, но не исключил возможности использования русинского вопроса заинтересованными внешними игроками. М. Шмигель отметил, что Украина является единственным государством, не признающим проживающих в нем русинов отдельным народом. При этом критика национальной политики украинских властей была довольно сдержанной: «Следует подчеркнуть, что сегодняшняя Украина не запрещает своим гражданам чувствовать себя русинами или идентифицировать себя с ними. Их за это не преследуют, нет политических процессов, но меньшинством их на официальном уровне не признают. Никто даже не запрещает русинские общественные и культурные организации в Закарпатье, издание русинской прессы, периодических изданий и т.п.» [14].

На сайте «Общества интеллигенции русинов Словакии» за анализируемый период не публиковались материалы, посвященные взаимоотношениям русинских и украинских общественных институтов в Словакии, проблемам русинов в других странах. Авторы немногочисленных статей, посвященных специальной военной операции Российской Федерации, проводимой на территории Украины, демонстрируют полную солидарность с позицией Киева. Русинская проблема в данных заметках не упоминалась.

Таким образом, два крупных русинских института Словакии – «Академия русинской культуры в Словацкой Республике» и «Общество интеллигенции русинов Словакии» – демонстрируют различные стратегии интернет-представительства. Публикации интернет-портала

«Академии русинской культуры в Словацкой Республики» отличаются высоким уровнем политизированности, в них содержится резкая критика национальной политики Братиславы (прежде всего в отношении русинского меньшинства), негативно оценивается деятельность украинских организаций. Авторы сайта уделяют серьезное внимание положению русинов в других государствах (прежде всего на Украине), трактуют политику Киева в отношении русинов как дискриминационную и ассимиляторскую. Сайт «Общества интеллигенции русинов Словакии» в основном содержит материалы, посвященные различным аспектам истории и культуры русинов, развитию инфраструктуры Прешовского края. За анализируемый период на портале были размещены единичные статьи, имеющие конфликтогенный потенциал (упреки в адрес центральных властей Словакии в недостаточном внимании к интересам русинов). Если авторы заметок на портале «Академии русинской культуры в Словацкой Республики» в основном выражали недовольство политикой властей Словакии в этнокультурной и языковой сферах, то активисты «Общества интеллигенции русинов Словакии» критиковали Братиславу за недостаточно сбалансированную социально-экономическую политику в отношении регионов. На сайте «Общества интеллигенции русинов Словакии» отсутствовали статьи, посвященные русинским институциям Словакии и их сложным отношениям с украинскими организациями, действующими в этой стране. Полностью игнорируется проблема положения русинов в других странах, в частности, на Украине. «Общество интеллигенции русинов Словакии» в большей степени соответствует тренду развития современных регионалистских институтов в Европе, пришедших на смену старым этнорегиональным движениям с гипертрофированной ролью языкового группообразующего фактора. В современных институтах региональный компонент начинает преобладать над этническим [2, с. 110].

Библиографический список

1. Зан М.П. Дилеммы этноидентификации и общественно-политического представительства русинов в Словацкой Республике и на Украине (по результатам экспертного опроса) // Русин. 2021. № 65. С. 316–331.
2. Туров Н.Л. Сепаратизм в Европе: региональные партии и борьба за распределение ресурсов // Этнополитические процессы в современной Европе / отв. ред. П.В. Осолков. М.: Институт Европы РАН, 2022. С. 103–113.
3. Кічера Н.М. Русини в етнополітиці країн Центральної та Південно-Східної Європи. Дис. ... канд. політ. наук. Чернівці, 2015. 256 арк.
4. Медвідь П. Выголошiня ОСРС односно ситуацiї на Україні. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?26-2-2022-Выголошiня-ОСРС-односно->

ситуації-на-Україні (дата обращения 12.10.2023).

5. Медвідь П. Другым віцепрїматором Пряшова став Русин – Петро Крайняк. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/1-12-2022-Другым-віцепрїматором-Пряшова-став-Русин---Петро-Крайняк> (дата обращения 07.10.2023).

6. Медвідь П. Імперіалїзм-меншого-формату. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?26-8-2022-Імперіалїзм-меншого-формату> (дата обращения 07.10.2023).

7. Медвідь П. Народностный выбор обговорив і результати списованя жителїв. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?8-3-2022-Народностный-выбор-обговорив-і-результати-списованя-жителїв> (дата обращения 07.10.2023).

8. Медвідь П. Полїтіка споза мантинелїв. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?11-8-2023-Полїтіка-споза-мантинелїв> (дата обращения 07.10.2023).

9. Медвідь П. СБУ по разїї означїла русиньський флаг як флаг «республіки». Лож на Русинїв. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?21-12-2022-%C2%A0СБУ-по-разїї-означїла-русиньський-флаг-як-флаг-„республіки“-Лож-на-Русинїв> (дата обращения 07.10.2023).

10. Медвідь П. Солїдарность і єдність. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?24-2-2022-Солїдарность-і-єдність> (дата обращения 12.10.2023).

11. Медвідь П. Тото, што є в нас. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?26-3-2023-Тото-што-є-в-нас> (дата обращения 07.10.2023).

12. Медвідь П. Фїлософованя на советський способ. URL: <http://www.cms3.rusynacademy.sk/?11-6-2022-Фїлософованя-на-советський-способ> (дата обращения 07.10.2023).

13. Van A. Rozhovor. Budú tu volit' Fica a Mazureka... URL: <https://www.rusyn.sk/rozhovor-budu-tu-volit-fica-a-mazureka/> (дата обращения 14.10.2023).

14. Van A. Rozhovor: Kto sú Rusíni? URL: <https://www.rusyn.sk/rozhovor-kto-su-rusini/> (дата обращения 14.10.2023).

15. Otriová J. Miesto na východe, kde na ľudí zabudol štát, režim aj Boh. Nakrúca o ňom film Potopa. – URL: <https://www.rusyn.sk/miesto-na-vychode-kde-na-ludi-zabudol-stat-rezim-aj-boh-nakruca-o-nom-film-potopa/> (дата обращения 14.10.2023).

16. Skala V. Rusnák radí (Rusnákom), koho volit'. URL: <https://www.rusyn.sk/rusnak-radi-rusnakom-koho-volit/> (дата обращения 14.10.2023).

МЕСТО СМИ В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

THE PLACE OF MASS MEDIA IN THE STUDY OF «INTERETHNIC RELATIONS» IN SOCIAL STUDIES LESSONS

Н.А. Желтова

МБОУ СОШ №14, п. Советский, Краснодарский край, Россия

N.A. Zheltova

MBOU general education schools N14, Sovetsky v/, Krasnodar Krai, Russia

Аннотация. Применение СМИ на уроках обществознания – есть одно из основных положений Концепции ФГОС. Мы обратились к крупнейшей российской еженедельной общественно-политической газете «Аргументы и факты», где для читателей Кубани есть региональное приложение «ЮГ». Рубрики газеты становятся практическим материалом к изучаемым темам. СМИ становятся собеседником, оппонентом учащихся. При изучении темы «Нации и межнациональные отношения» данные источники информации делают учащихся более компетентными в вопросах современного развития общества, что, на мой взгляд, необходимо при формировании гражданских ценностей. Каждый очерк, публицистическая статья учат ставить цели и грамотно действовать в выбранном направлении. Работа с источниками формирует компетентность учащихся в вопросах современного развития общества.

Abstract. The use of mass media in social studies lessons is one of the main provisions of the Concept of the Federal State Educational Standard. I turned to the largest Russian weekly socio-political newspaper "Arguments and Facts", where there is a regional supplement "Yug" for readers of the Kuban. The columns of the newspaper become practical material for the topics studied. The media become an interlocutor, an opponent of students. When studying the topic "Nations and Interethnic Relations", these sources of information make students more competent in the issues of modern development of society, which, in my opinion, is necessary for the formation of civic values. Each essay and journalistic article teaches you to set goals and act competently in the chosen direction. Working with sources contributes to the development of project activities, forming the competence of students in the modern development of society.

Ключевые слова: межнациональные отношения, уроки обществознания, СМИ, нации, народы, школьное образование

Key words: interethnic relations, social studies lessons, media, nations, peoples, school education

«Нации – это богатство человечества, это обобщение личности его; самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего промысла».
А. И. Солженицын

На земле сейчас насчитывается около 2 тыс. наций, народностей племён.. наций и народностей намного больше, чем государств

в мире.. Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживает более ста пятидесяти народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной – читаем в учебнике обществознания [1, с. 123-124].

В Краснодарском крае проживает около 6 млн. человек. «По предварительным итогам Всероссийской переписи населения в Краснодарском крае проживает 5, 838 млн. человек» [2]. Национальный состав населения Краснодарского края, согласно последней переписи населения, распределён примерно следующим образом: русские – 5 011 433 чел. (88,3%), армяне – 312 150 чел. (5,5%), украинцы – 90 807 чел. (1,6%), другие национальности – 261 071 чел. (4.6%, менее 0,5% каждая) [4]. В учебнике Кубановедения читаем, что на Кубани проживает более 120 национальностей. Многонациональность – особая черта всех городов Кубани»- читаем в очерке Ю. Житниковой в еженедельнике «Аргументы и факты». «Дом ста народов» так нередко называют столицу Кубани, и именно так автор назвала свой очерк, который открыл рубрику «Многоликий край». Очерки о традициях, обычаях народов, проживающих на территории Краснодарского края, помогут вспомнить изученное и ответить на вопросы учебника Обществознания 8 класс:

– Почему в Конституции нашей страны говорится о многонациональном народе России?

– Как определяется национальность человека?

– Являются ли синонимами слова «нация» и «национальность»?

– Как предотвратить конфликты?

В одном из номеров еженедельника «Аргументы и факты» во вкладыше «Кубань» в рубрике «Многоликий край» на первой, второй, третьей и четвертой страницах мы читаем об армянах, татарах, сербах, черкесах. Опираясь на теоретические сведения в учебнике «Отношение к истории и традициям народа», учащиеся читают Историческую справку из выбранного очерка как аргумент, который подтверждает, что судьбу отдельного человека нельзя оторвать от судьбы его народа, и он не может быть безразличным к успехам и бедам своего народа. В данном случае материалы СМИ актуализируют изучаемый на уроке материал, иллюстрируют теоретические положения курса.

В очерке «Чтоб все были здоровы» [5] история армянского народа переплетается с судьбами отдельных людей, обычаи и традиции по празднованию Нового года из древности сохраняются и их чтут сегодня. И главное в празднике не подарки, которые ждали все, а

семь советов Аманора: взаимное уважение, мир, честность, мудрость, трудолюбие, скромность. Самое время обратиться к учебнику с целью прочтения и закрепления понятия определения термина *Нация*. Учащиеся должны понять, что *нация* - исторически сложившаяся в процессе развития устойчивая общность людей, проживающих на одной территории, имеющих общую культуру, язык, самосознание. Сохранение человеком своей этнической принадлежности является его родовой потребностью, поскольку помогает ему более четко определить свое место в окружающем мире. Очевидно, работа с источниками формирует компетентность учащихся в вопросах современного развития общества.

Фатима Шеуджен продолжает разговор об обычаях и традициях адыгов в очерке «Символ праздника – боярышник». Значение праздников у адыгов объясняет собеседник автора Н.А.Нефляшева – эксперт Совета по делам национальностей правительства Москвы. Наима Аминовна рассказывает о значимости праздника: «В традиционной адыгской культуре время праздника и время будней идеально сбалансированно. Торжество, перебивая течение повседневности, дает людям эмоциональную и психологическую разгрузку, через него поддерживаются стабильность социума и преемственность исторической памяти, единство рода и семьи. Помимо этого оно несет воспитательную функцию, через праздники транслируется национальная культура» [6].

«Каждому народу есть кем гордиться. Врачи, архитекторы, купцы еврейского происхождения внесли свою лепту в становление и развитие края» - так начинает знакомить читателя Ольга Киселёва с историей народа, проживающего на земле кубанской. В исторической справке мы читаем: Северо-Западный Кавказ издавна был территорией проживания еврейских общин. Ещё турецкий путешественник Эвлия Челеби упоминал в своей книге 1660 года о евреях-мамшухах-жителях причерноморских деревень».

В историко-публицистической статье «Лечили, строили, воевали» [6] мы узнаём о народе, представители которого сыграли большую роль в истории и культуре Краснодарского края. с Фёдор Бурсак, Семья Дицманов, Самуил Маршак, Цезарь Кунников и многие другие вписаны в историю Кубани. Этот пример ещё раз нас убеждает в том, что *нация* исторически сложившаяся в процессе развития устойчивая общность людей, проживающих на одной территории, имеющих общую культуру, язык, самосознание. И на вопрос, который мы поставили в начале урока: «Как определяется национальность че-

ловека?»), учащиеся смогу ответить, опираясь на материалы учебника и аргументировать примерами из очерков рубрики «Многоликий край».

Продолжая изучать рубрику «Многоликий край» учащиеся должны понять, что авторы предоставляют уникальную возможность сотрудничества и взаимопонимания, что является необходимым

«Мир требует усилий» [7] – так назвал свою статью Фёдор Пономарёв, в которой он поднимает актуальный вопрос *толерантности*. Автор вначале говорит о проблеме, которая бывает разной. В этом сложном вопросе собеседником публициста становится доктор философских наук, профессор кафедры истории, психологии и философии КубГТУ И.А.Аполонов. Иван Александрович рассуждает, что толерантность это «Глобальная философская проблема – соотношение в человеке национального как особенного, человеческого как всеобщего». Далее автор говорит о конфликтах, «к которым скатиться можно быстро». Но важное, на что нужно обратить внимание учащихся, что «общечеловеческие ценности порой побеждают национальные трения». Поэтому мир всегда от каждого человека требует личностного усилия. Статья Ф. Пономарева «Мир требует усилий» – это материал, требующий углубленного изучения, для того чтобы ответить на все вопросы к нашему уроку.

Библиографический список

1. Обществознание: учебник М.: Просвещение, 2019. С. 123–124.
2. Итоги переписи-2021: в Краснодарском крае проживает 5,83 млн чел. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/30/05/2022/62947f879a7947a1cbe200e7>.
3. Население Краснодарского края / <https://bdex.ru/naselenie/krasnodarskiy-kray/>
4. Мамина С. Чтоб были все здоровы // Аргументы и Факты. 2019. № 50.
5. Шеуджен Ф. Символ праздника – боярышник // Аргументы и Факты 2019. № 50.
6. Киселёва О. Лечили, строили, воевали // Аргументы и Факты. 2019. № 42.
7. Пономарёв Ф. Мир требует усилий // Аргументы и Факты. 2019. № 36.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ХАКАСОВ И РУССКИХ

SOUTH SIBERIAN INHABITANTS' PROFESSIONAL SELF-REALIZATION ON THE EXAMPLE OF THE KHAKASS AND RUSSIANS

Н.Г. Канзычакова

ГБНИУ РХ Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, г. Абакан, Россия

N.G. Kanzychakova

GBNIU RH Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia

Аннотация. Статья посвящена профессиональной самореализации. В данной работе будут рассматриваются особенности профессиональной самореализации жителей Южной Сибири на примере русских и хакасов. Приведены некоторые результаты социологического исследования, проведенного в 2021 г. в моногородах республики. Объем выборки составил 1000 человек.

Abstract. The article is devoted to professional self-realization. This paper considers the features of professional self-realization of South Siberian inhabitants on the example of the Russians and Khakass. It presents some results of the sociological study conducted in 2021 in single-industry towns of the republic. The sample size was 1000 people.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, хакасы, русские, Республика Хакасия, самореализация.

Key words: professional self-realization, Khakass, Russians, Republic of Khakassia, self-actualization.

Актуальность. В настоящее время в современном обществе в период конкурентных отношений возрастает интерес к феномену профессиональной самореализации личности в условиях меняющегося мира. Актуальным становится вопрос профессиональной самореализации.

Теоретическая база исследования. В современных условиях проблема самореализации является многоаспектным феноменом. Данный феномен наиболее подробно рассмотрели такие ученые, как К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, А.А. Реан. Отечественные исследователи определяют самореализацию к смысловым и ценностным ориентациям, и в своих научных трудах рассматривают в различных аспектах. Некоторые авторы считают, что самореализация как самовыражение, которое познается через свои способности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская). Другие

рассматривают как форма проявления самоорганизации (В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский) [4, с.90].

Также самореализацию рассматривают в следующих аспектах: как специфическую потребность, которая движется людьми; в реальном времени устанавливается процесс деятельности; как продукт деятельности, который оценивают и воспринимают другие люди. Самореализация является соединяющим моментом, с которым жизненные самоопределения связаны с решением различных проблем, выбора жизненных сред, больше всего правильных для самоосуществления и формирования жизненных стратегий [2].

В условиях активно меняющейся среды по-другому встает проблема развития и использования человеческого потенциала. Важность феномена самореализации можно объяснить тем, что в современных условиях человек является центром и ценностью мира, его способности и возможности реализации, а также интерес к самореализации объясняется ее определяющей ролью в профессиональной деятельности [6, с. 280].

В исследованиях А.Реан, общая успешность человека достаточно тесно связана с профессиональной самореализацией. Только индивид, состоявшийся профессионально, может, считать себя, как личность, и чувствовать себя целостным и счастливым [5, с.88].

Самореализация в профессии как объединяющая характеристика личности, которая показывает процесс и результат осуществления ею своих сущностных свойств, может быть одним из существенных условий субъективного благополучия, быть показателем не только успешности в профессиональной деятельности, но и поддерживать психологическое благополучие [8, с.340].

Профессиональную самореализацию определяют наиболее значимой составляющей личностной самореализации. Так, Гаврилова Е.А. рассматривает профессиональную самореализацию как «интегральную динамическую характеристику субъекта труда, отражающую процесс и результат осуществления им своих сущностных свойств, трансляции своего содержания другим людям и культуре через созидательные и коммуникативные процессы» [1, с.21]. Другие исследователи понимают профессиональную самореализацию как осуществление личностью своих профессиональных умений, индивидуальных способностей, устремлений, желаний и идей в трудовой деятельности, а также формирование профессиональной идентичности [7, с.14].

Другие авторы понимают, что необходимым условием профессиональной самореализации считают оптимистичный настрой, ра-

дость и удовлетворение от процесса и результатов собственной деятельности, проявление эмоциональной толерантности к временным профессиональным неудачам и трудностям [3, с.191].

В некоторых исследованиях одним из показателей профессиональной самореализации является социальный статус, материальное вознаграждение и удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Таким образом, можно сказать:

– самореализации является многоаспектным феноменом и интерес к самореализации объясняется ее определяющей ролью в профессиональной деятельности;

– профессиональная самореализация рассматривается как осуществление личностью своих профессиональных умений, индивидуальных способностей, устремлений, желаний и идей в трудовой деятельности, а также формирование профессиональной идентичности;

– проявление эмоциональной толерантности к временным профессиональным неудачам и трудностям.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса 2021 г. населения моногородов Хакасии. В опросе приняли участие жители монопоселений республики (n = 1000). Было проведено формализованное интервью по месту жительства респондентов (население в возрасте от 18 лет и старше). В опросе приняли участие жители монопрофильных поселений Республики Хакасия: города Абаза, Саяногорск, Сорск, Черногорск, поселок Вершина Теи, село Туим. С помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19 осуществлялась обработка данных и вычисления.

Результаты исследования. В рамках исследования, проведенного в 2021 г. мы изучали социальные проблемы моногородов в Республике Хакасия. В процессе нашего исследования хотели узнать, в какой сфере профессиональной деятельности работают жители моногородов.

На вопрос «Есть ли у Вас работа в настоящий момент?» (табл. 1) представители русского этноса указали, что имеют постоянную работу (66,1 %), а (23 %) не работают. Представители хакасского этноса имеют постоянную работу (55,3 %), (34,2 %) не имеют работу.

По результатам исследования (табл. 2) русские (2,4 %) не работают, потому что не могут найти работу, (1,1 %) не могут найти хорошо оплачиваемую работу, а также у (1,2 %) нет профессионального образования. Среди хакасов же в равной степени распределились сле-

дующие варианты ответов (2,6 %): не могут найти никакую работу, не могут найти хорошо оплачиваемую работу, не могут найти работу по душе, но в большей степени хакасы не могут устроиться на работу, т.к. не имеют профессионального образования (5,3 %).

Таблица 1. Распределение ответа на вопрос: «Есть ли у Вас работа в настоящий момент?», %

Варианты ответа	Русские	Хакасы
Есть постоянная работа	66,1	55,3
Есть временная работа	8,2	7,9
Перебиваюсь случайными заработками	2,7	2,6
Нет, я не работаю	23	34,2

На вопрос «Где находится место Вашей работы?» (табл. 2) примерно в одинаковой степени распределились ответы среди русских и хакасов (66,6% и 63,2% соответственно) отметили, что трудятся в том же населенном пункте, где и проживают.

Таблица 2. Распределение ответа на вопрос: «Где находится место Вашей работы?», %

Варианты ответа	Русские	Хакасы
В том же населенном пункте, где постоянно проживаю	62,6	63,2
Работаю в соседнем населенном пункте и езжу туда на работу каждый день	9,4	2,6
Работаю в другом городе/пгт/селе республики и живу там в течение рабочей недели (рабочего времени)	1	0
В другом регионе (вахтовым методом)	2,6	0

Среди опрошенных русских (22,7%), если сравнивать с хакасами (15,8%) в большей мере они их работа связана с квалифицированным умственным трудом, требующим профессиональных знаний (учителя, врачи, юристы, экономисты и др.). Русские (15,1%) больше, чем хакасы (5,3%) трудятся в сфере обслуживания (продавцы-консультанты). Представители хакасского этноса (13,2%) же чуть больше, чем представители русского этноса (9,6%) представлены в офисной сфере у них работа связана с умственным трудом, не требующих специальных знаний. Больше хакасов (10,5%) занимается неквалифицированным физическим трудом (разнорабочие, грузчики, плотники, работники завода, уборщики в офисе), чем русских (9,2%). Примерно в одинако-

вой степени русских (20%) и хакасов (21,1%) трудится сантехниками, электриками (квалифицированный физический труд, требующий профессиональных знаний).

Таблица 3. Распределение ответа на вопрос: «Ваша работа в большей степени связана?», %

Варианты ответа	Русские	Хакасы
С квалифицированным умственным трудом, требующим профессиональных знаний	22,7	15,8
С умственным трудом, не требующим специальных знаний	9,6	13,2
С общением с людьми (сфера обслуживания)	15,1	5,3
С квалифицированным физическим трудом, требующим профессиональных знаний	20	21,1
С неквалифицированным физическим трудом	9,2	10,5

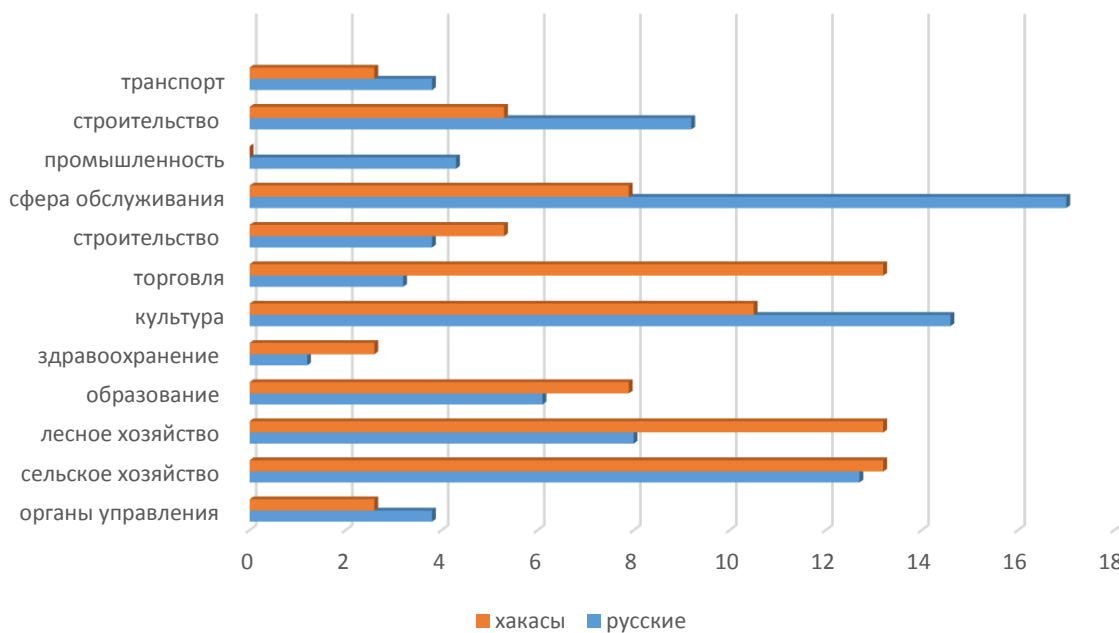

Рисунок 1 – Сфера деятельности респондентов, %

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что есть различия между русскими и хакасами (рис. 1). В сфере обслуживания больше трудятся русские (17%), чем хакасы (7,9%). Также русские больше работают в таких сферах как: транспорт (3,8%); строительство (9,2%); промышленность (4,3%); культура (14,6%); органы управления (3,8%). Хакасы трудятся больше в бюджетных сферах: здравоохранение (2,6%); образования (7,9%); в сфере торговли (13,2%); строительства (5,3%); в сфере лесного (13,2%) и сельского (13,2%) хозяйства.

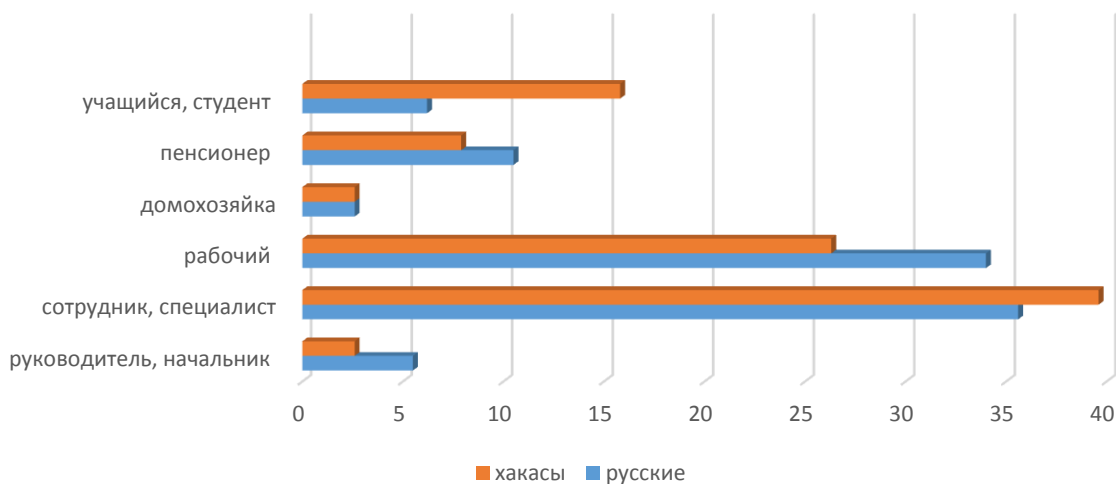

Рисунок 2 – Род деятельности респондентов, %

На рис. 2 видно, что русские больше по роду деятельности отнесли себя к рабочим (34%), к руководителям (5,5%), чем хакасы. В равной степени отнесли русские и хакасы себя к домохозяйкам (2,6%). Среди хакасов (39,5%) преобладают сотрудники и специалисты.

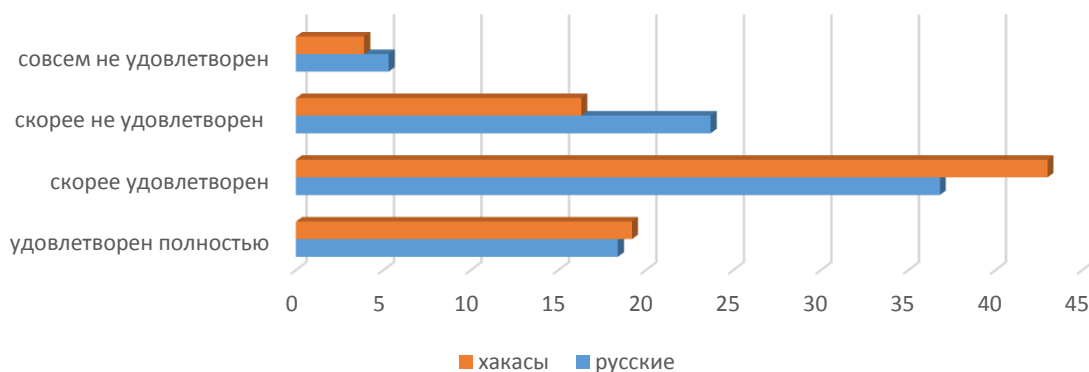

Рисунок 3 – Насколько удовлетворены своей работой, %

Если говорить о том, насколько удовлетворены представители русского и чеченского этноса своей работой, то хакасы (43 %) скорее удовлетворены, а среди русских удовлетворены работой 36,8 %. Совсем не удовлетворены практически одинаково русские и хакасы своей работой (5,3 % и 3,9 % соответственно) (рис.3).

Своим материальным положением скорее не удовлетворены 42,1 % хакасов и 34 % русских. Полностью удовлетворены своим материальным положением 10,5 % хакасов и 7,4 % русских (рис.4).

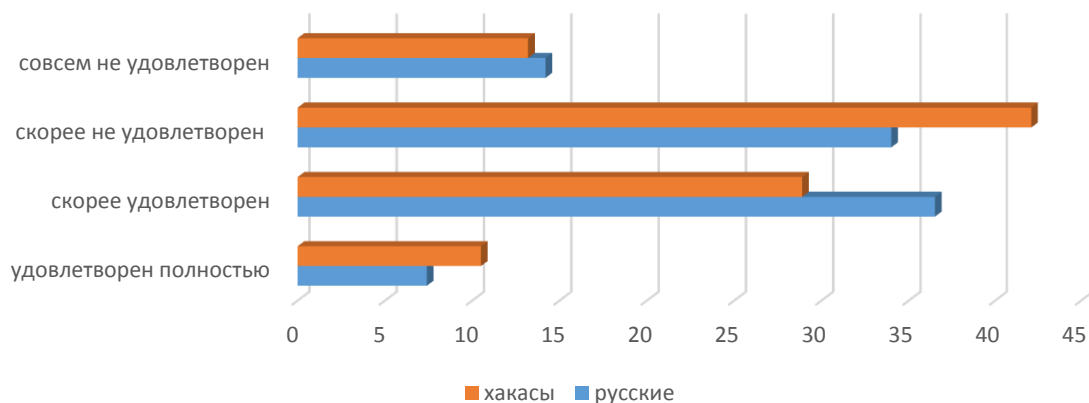

Рисунок 4 – Насколько удовлетворены материальным положением, %

Выводы. Рассматривая результаты исследования можно сказать следующее:

- одним из показателей профессиональной самореализации является социальный статус, материальное вознаграждение и удовлетворенность профессиональной деятельностью;

- большая часть русских и хакасов имеют постоянную работу, трудятся в том же населенном пункте где и проживают. Та часть представителей русского и хакасского этноса, которые не работают, потому что в основном не могут найти работу или найти хорошо оплачиваемую работу;

- в сфере обслуживания больше трудятся русские, чем хакасы. Также русские больше работают в таких сферах как: транспорт; строительство; промышленность; культура; органы управления. Хакасы трудятся больше в бюджетных сферах: здравоохранение; образования; в сфере торговли, строительства; в сфере лесного и сельского хозяйства;

- русские и хакасы скорее удовлетворены своей работой;

- в основном не удовлетворены русские и хакасы своим материальным положением.

Библиографический список

1. Гаврилова Е.А. Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации»: разработка, описание и психометрия // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2015. С. 19–35.

2. Галажинский Э.В. Детерминация самореализации личности: направления исследований // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 года. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.

3. Катькало К.Д. Психологические детерминанты личностно-

профессиональной самореализации: обзор исследований // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2021. С. 188–192.

4. Печеркина А.А., Катькало К.Д. Личностно-профессиональная самореализация: анализ исследований отечественных и зарубежных авторов // Педагогическое образование в России. 2021. № 1. С. 88–95.

5. Сабанчиева Р.З. Карьерные ориентации и профессиональная самореализация преподавателей высшей школы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 280–284.

6. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 278 с.

7. Свидерская С.П., Шабашева Е.А., Игнатович Ю.О. Диагностика профессиональной самореализации педагогов // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2021. № 4(12). С. 12–22.

8. Тарасова Е.М., Григорьева М.А. Показатели профессиональной самореализации женщин с разным социально-профессиональным статусом // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С. 340–347.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЕЖИ ЧУКОТКИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА¹

RESEARCH OF IDENTITY TYPES IN YOUTH OF CHUKOTKA: SURVEY RESULTS

О.П. Коломиец

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

O.P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N.A. Shilo Far East
Branch, Russian Academy of Sciences, Anadyr, Russia

Аннотация. В современном мире различные виды идентичности чаще всего не проявляются в чистом виде. Определение идентичности напрямую зависит от совокупности географических, исторических, социально-экономических, политических и этнокультурных факторов. В настоящей работе будут представлены результаты анкетирования студенческой молодежи по вопросам этнической и общероссийской идентичности, проведенного в 2022 году в Чукотском автономном округе.

Abstract. In the modern world, various types of identity most often do not appear in their pure form. The definition of identity directly depends on a combination of

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков), проект: «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток».

geographical, historical, socio-economic, political and ethnocultural factors. This paper will present the results of a survey of student youth on issues of ethnic and all-Russian identity, conducted in 2022 in the Chukotka Autonomous Okrug.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, молодежь, территориальная идентичность, этническая идентичность, культурная идентичность.

Key words: Chukotka Autonomous Okrug, youth, territorial identity, ethnic identity, cultural identity.

В современном мире различные виды идентичности чаще всего не проявляются в чистом виде. Определение идентичности напрямую зависит от совокупности географических, исторических, социально-экономических, политических и этнокультурных факторов. Опросы студентов Чукотского автономного округа об общественном мнении по вопросам этнической и общероссийской идентичности проводились в 2021 [1, с. 270–294] и 2022 гг. [3, с. 137–146]. В настоящей работе будут представлены результаты опроса 2022 года. Цель анкетирования – выяснение отношения целевой группы к следующим проблемам: понимание и осознание принадлежности к определенной этнической общности, знание истории, языка и культуры своего народа; отождествление себя с гражданами России.

Опрос студенческой молодежи проходил среди обучающихся ГАПОУ ЧАО «Чукотский многопрофильный колледж» (ЧМК) в мае 2022 г. За период опроса анкетеры собрали 208 анкет. Выборка составила 200 анкет. Репрезентативность выборки определена по полу; национальная принадлежность, образование, профессиональный статус респондентов не учитывались при выборе участников анкетирования. Из 200 респондентов, вошедших в выборку опроса, 118 чел. (59%) – девушки, 82 чел. (41%) – юноши. В анкетировании приняли участие русские (18 чел.), чукчи (122 чел.), эскимосы (7 чел.), юкагиры (2 чел.), эвены (5 чел.), чуванцы (2 чел.) и представители других национальностей.

Выборка опроса по направлению специальностей выглядит условно, так как большинство студентов колледжа учатся на таких специальностях, как автодело, информатика, медицина, ветеринария (относятся к техническим специальностям); гуманитарное направление представлено лишь педагогами. Соответственно, 57,5% опрошенных получают образование по техническим специальностям, 42,5% – по гуманитарному направлению. 18,5% опрошенных студентов совмещают учебу с работой.

Анкета состояла из 30-ти вопросов. Ответы на некоторые вопросы предполагали множественные, развернутые ответы и комментарии

респондентов, что позволило получить достаточно информативные материалы для изучения общественного мнения среди молодежи по вопросам этнической и общероссийской идентичности в Чукотском автономном округе.

Первая группа вопросов была посвящена определению общероссийской, гражданской идентичности. Так, согласно ответам, всегда ощущают общность, близость с гражданами России 16,5%, 37% – часто, иногда – 39%, никогда – 7,5% опрошенных.

По мнению 60,5% студентов, родная земля, территория объединяют их с гражданами России; 57% считают, что их объединяет общее государство; 37% – культура, обычаи и праздники; 35% объединяет русский язык; 31,5% – историческое прошлое; 31% – ответственность за судьбу страны; 14% – общие символы. 63% респондентов отметили, что для них принадлежность к российскому народу очень важна (5 баллов из 5); среднюю важность отметили 22% (4 балла из 5) и 27% (3 балла из 5) (рис. 1).

Рисунок 1 – Диаграмма ответов на вопрос о важности принадлежности к российскому народу, %

Для 65,5% опрошенных общими базовыми ценностями для российского общества является патриотизм, любовь к Родине; для 36,5% – это традиционность; для 30% – успех; для 31,5% – свобода; для 27% – справедливость, правда; 24,5% считают, что это социальная ответственность, забота об окружающих; творчество и самореализация важны для 20%; власть, доминирование – для 15%; богатство, высокий уровень жизни – для 12%.

У 74% респондентов принадлежность к российскому народу вызывает чувство гордости; у 13% ощущение защищенности; у 3,5% – ощущение неуверенности; у 1,5% – чувство досады, обиды; никаких особых чувств не вызывает – у 7,5%.

55% анкетированных считают, что правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России россиянами; 22,5% – российским народом; 13,5% считают, что правильнее всех называть русскими; затруднились ответить 6,5%. В одной из анкет в комментариях указано: «для иностранцев мы все русские».

Россию своей Родиной считают 63% респондентов; свой регион (область, республику) – 12%; свой город/свое село – 19,5%, географический регион – 2,5%. Также были оставлены следующие комментарии: «моя родина там, где моя семья», «родина она как мать», «свой регион и свое село».

В наибольшей степени региональная идентичность, «малая Родина» важна для 74% опрошенных (5 баллов из 5), в значительной степени – для 16% (4 балла из 5), средней степени – 8,5% (3 балла из 5) (рис. 2).

Рисунок 2 – Диаграмма ответов на вопрос о важности региональной идентичности, %

По мнению 61,5% респондентов именно место проживания, территория объединяет жителей больших регионов России – уральцев, сибиряков, дальневосточников; 45% считают, что объединяет специфическая культура; 45% – историческая судьба, прошлое; 26,5% – экономика, занятия, образ жизни; 27,5% – особое отношение к жизни, «состояние души»; 26,5% – экономика, занятия, образ жизни; 5,5% – черты характера; 4,5% – ничего не объединяет. Также в анкетах даны следующие комментарии к этому вопросу: «суровые», «алкоголизм», «сила воли».

Затем студентам были предложены вопросы, посвященные этнической (национальной) идентичности. Этническая идентичность –

одна из форм социальной идентичности человека, когда он выражает свою принадлежность к той или иной этнической группе [2, с. 72]. На вопрос о своей этнической принадлежности респонденты отвечали: «чуванка», «русский/русская», «эскимос/эскимоска», «чукча/чукчанка», «татарин/татарка», «юкагир/юкагирка», «метиска», «чеченец», «тюрк», «эвен/эвенка», «бурят», «получукчанка», «ламутка», «чуваши».

В качестве второй некоторые респонденты указали следующие национальности: татарка, «русский/русская», «эскимос/эскимоска», «башкир», «украинец/украинка», «чукча/чукчанка», «чуванец», «тюрк», «чеченец», «грек», «чукча-чуваши», «узбечка», «Азербайджан», «Грузия», «юкагир», «ламутка», «метиска».

По мнению 52,5% респондентов, родной язык является главным критерием при определении этнической принадлежности (национальности) человека; для 43% – национальность матери; для 42,5% – национальность отца; для 37,5% определяющей является культура; для 23% – место проживания (например, республика, национальный округ, национальный район); для 21% – религия; для 13,5% – воспитание; для 8% – желание человека; 6,5% – затруднились ответить. Этническую (национальную) принадлежность считают очень важной (5 баллов из 5) 67% опрошенных, средневажной – 17,5% (4 балла из 5) (рис.3).

По мнению 56,5% респондентов национальный язык объединяет представителей определенной этнической принадлежности (национальности); 53,5% – национальная культура; 41% – обычаи, обряды, традиции; 20,5% – религия; 20% – историческая судьба, прошлое; 18% – место проживания, территория; 15% – черты характера, менталитет, психология; 12% – родственные связи; 12% – внешность; 8% – занятия и образ жизни.

Этническая (национальная) принадлежность влияет на культурную сферу жизни у 51,5% анкетированных; на семейную сферу – у 50,5%; на религиозную – у 31%; на политическую – у 10%; никак не влияет – на 18,5%; затруднились ответить на вопрос – 14,5%.

Принадлежность к своему народу (национальности) вызывает чувство гордости у 72% опрошенных; ощущение защищенности у 6%; никаких особых чувств не вызывает у 16%; ощущение неуверенности у 1,5%. В ответах имеется один комментарий: «чукчи воинственный народ «лауроветлан».

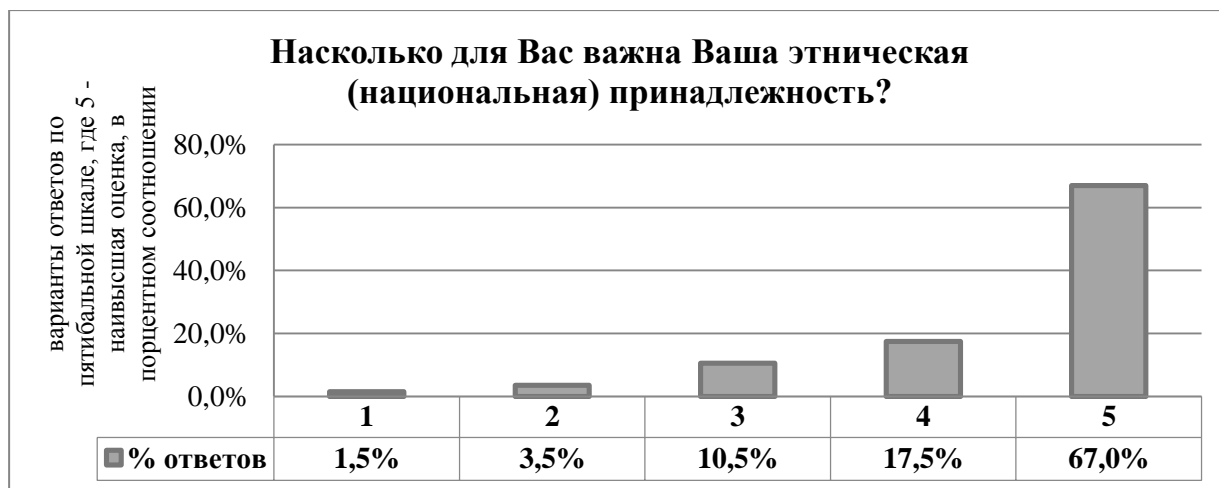

Рисунок 3 – Диаграмма ответов на вопрос о важности этнической принадлежности, %

В качестве важнейших дат и событий из истории своего народа были названы следующие: «15.01.2000», «1941-1945», «рождение молодого теленка (август), килвей и т.д.», «1945, 10 декабря – день Чукотки», «10.12.1930 образование округа», «1648 – открытие Чукотки», «написание стихотворений чукотских писателей», «праздник солнца», «1953», «когда чукчи не поддавались СССР», «никакие», «2022», «23.02.2022», «присоединение к Российской империи», «1945 г. 9 мая», «1945 День Победы!», «день олененка», «Победа в Великой Отечественной войне», «12 ноября», «16.11.2001», «9 августа (день коренных малочисленных народов севера) 10 декабря (День Чукотки)», «День Чукотки, День России», «9 мая, Кильвей, день быка и день теленка», «День Чукотки, День народного единства», «04 ноября – День народного единства, 10 декабря – День Чукотки, 12 июня, 12 декабря», «День Победы, 8 марта, 23 февраля, Новый год», «3 марта 1861 год, 1812 год, 1914-1918, 1939-1945», «СВО на Украине», «Килвей, День Солнца», «Килвей КМНЧ», «самая известная песня и песня о Чукотке – «Нунлигран», «день кита, день олененка».

Символы народа и великие люди, представители национальностей, к которым принадлежат респонденты, указанные в комментариях: «Юрий Рытхеу», «Антонина Кымытваль», «Путин», «Зоя Нынлюмкина», «Юрий Анко», «прадедушка и прабабушка», «летчик Дмитрий Тымнетагин», «Дежнев, Абрамович пришел на Чукотку», «Иван Кергинто», «Елена Ивановна Нутыкеу», «Тамерлан», «Вуквукай», «мой прадед», «космонавт Ляхов», «Ленин», «у нас все великие», «В. Путин, Сталин, Ленин», «Пелекен», «Дежнев», «мама, сестра», «бабушка, прадедушка», «Анна Отке», «Клава Геутваль», «все», «Галина Тагрина (1934–1997)», «деда». Чаще всего при ответе на дан-

ный вопрос студенты указывали фамилии чукотских писателей Ю.С. Рытхэу (отмечен в 31 анкете) и А.А. Кымытваль (отмечена в 8 анкетах).

Русский язык считают родным 51,5% респондентов; другой язык – 16%; оба языка (если указывали два родных) – 32,5%. В комментариях в качестве родных языков отмечены чукотский, эскимосский, армянский языки.

При этом свободно владеют русским языком 99,5% опрошенных. В качестве других языков, которыми в той или иной степени владеют респонденты, указаны: чукотский, эскимосский, украинский, английский, японский, бурятский, азербайджанский, юкагирский.

27% анкетированных указали, что считают себя православными; 20% – неверующими; являются верующими, но не принадлежат к конкретной конфессии – 9%; мусульманами – 5%; затруднились ответить – 32%.

Оценка респондентами отношений между представителями своей и других национальностей: доброжелательные – 50,5%; нормальные, бесконфликтные – 35%; напряженные, конфликтные – 2%; затруднились ответить – 12,5%.

Человека другой национальности готовы принять в качестве гостя, туриста в нашей стране: всегда – 49,5% опрошенных, в каких-то случаях – 20%; затруднились ответить – 29,5%; в качестве гражданина нашей страны: всегда – 45,5%, в каких-то случаях – 18,5%, никогда – 1%; затруднились ответить – 35%; в качестве коллеги по работе: всегда – 45,5%, в каких-то случаях – 15%, никогда – 2%; в качестве соседа по дому: всегда – 47%, в каких-то случаях – 13,5%, никогда – 2%; затруднились ответить – 37%; в качестве близкого друга: всегда – 55%, в каких-то случаях – 6,5%, никогда – 1,5%; затруднились ответить – 37%; в качестве матери/отца своих детей: всегда – 54%, в каких-то случаях – 2,5%, никогда – 7%; затруднились ответить – 37%; своего супруга/супруги: всегда – 51,5%; в каких-то случаях – 2,5%; никогда – 5,5%; затруднились ответить – 40,5% респондентов.

59% опрошенных считают, что для сохранения национальной самобытности своего народа необходимы литература по культуре и истории; 46,5% – фестивали, праздники; 37% – языковые курсы; 26% – общественные объединения; 24,5% – национальные музеи; 15, 5% – фольклорные коллективы; 11,5% – национальные школы; 6% – национальные СМИ; 5% – национальное телевидение; 3,5% – компактное проживание; 2,5% – национальный театр; 10,5% – что ничего не нужно.

50% опрошенных указали, что для них наиболее важна общероссийская, гражданская идентичность; для 28,5% она имеет среднюю степень важности; для 21,5% общероссийская идентичность менее важна.

Для 11% опрошенных наиболее важной является региональная (уральская, сибирская, дальневосточная или область, город) идентичность; для 42,5% она имеет среднюю важность; для 46,5% региональная идентичность менее важна.

Этническую (национальность) идентичность считают наиболее важной для себя 39% опрошенных; 29% отдают ей среднюю степень важности; наименее важной национальность считают 32%.

Сравнивая результаты опросов 2021 [1, с. 270–294] и 2022 гг., можно сказать, что в опросе 2022 г. респонденты Чукотского автономного округа показали большую сопричастность в вопросе принадлежности к российскому народу (63% указали на самую высокую важность принадлежности себя к российскому народу); выросло чувство гордости (74%), патриотизма и любви к Родине (65,5%). При этом более 74% всех респондентов в опросе 2022 г. указали на важность региональной идентичности, «малой Родины»; значительную важность этнической принадлежности отметили 67% опрошенных. Данная ситуация связана с внешнеполитической обстановкой, политической повесткой страны и с довольно активной общественной жизнью в регионе. Например, в течение 2022 г. в ЧАО проходил Фестиваль родных языков коренных малочисленных народов Чукотки, что всколыхнуло у жителей интерес к изучению языков КМНС, истории, краеведения.

Библиографический список

1. Динамика этнического состава населения и укрепление общероссийской идентичности в регионах Азиатской России / отв. ред. Т.Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2022. 300 с.
2. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / В.Б. Игнатьева [и др.]. Новосибирск: Наука, 2022. 272 с.
3. Этнополитическая ситуация в РФ в 2022 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В.А. Тишков, А.В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2023. 464 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ САМОСОЗНАНИЯ РУССКИХ: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

PHENOMENOLOGY OF RUSSIAN SELF-CONSCIOUSNESS: QUALITATIVE ANALYSIS

В.Н. Муха, В.Г. Муха

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия

V.N. Mukha, V.G. Mukha

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена проблемам современного состояния этнического самосознания русского этноса. На основе материалов интервью анализируется индивидуально-личностный уровень этнического самосознания русского населения Краснодарского края

Abstract. The article is devoted to the problems of the current state of ethnic self-consciousness of the Russian ethnos. The individual and personal level of ethnic self-consciousness of the Russian population of Krasnodar region is analyzed on the basis of interview materials

Ключевые слова: этническое самосознание, русский этнос, автостереотипы, этническая идентичность.

Key words: ethnic self-consciousness, Russian ethnos, autostereotypes, ethnic identity.

Этническое самосознание имеет два уровня проявления: индивидуально-личностный и групповой, ряд авторов определяет их как социально-психологический и идеологический. На индивидуально-личностном уровне – это проявляется как способность человека определять себя в качестве субъекта, наделенного специфическими этническими особенностями, осознавать себя как отдельного этнофора.

Исследование этого уровня предполагает использование качественных методов, в частности, метода феноменологического интервью. Отличительной особенностью данного метода выступает обращение к непосредственным переживаниям и субъективному смыслу затрагиваемых в интервью вопросов, описательность, использование естественного языка. информантов.

Анализ индивидуального уровня осознания этнического самоопределения интересен и тем, что позволяет увидеть уникальный опыт, связанный с конкретным комплексом переживаний своей этничности: «для осмысления собственной этничности люди применяют индивидуальные коды, символы, схемы классификаций» [1, с. 273]. Именно поэтому применение количественных методов сбора

данных не позволяет в полной мере выйти на это уровень проявления этнического самосознания и целесообразным является использование качественных методов.

Для выявления субъективных, интерпретативных элементов, конструирующих этничность представителя русского этноса, была проведена серия глубинных интервью с жителями Краснодарского края. Интервью проводились несколько лет (в 2005 г. – 25 интервью, 2011 г. – 11 интервью и 2023 г. – 25 интервью), чтобы отследить динамический аспект этнического самосознания, информантами выступили жители края в возрасте от 18 лет, которые самоопределяются как представители русского этноса.

До начала интервью информанты заполняли опросник «Типы идентичности», разработанный Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой [2, с. 163]. В процессе интервью основное внимание уделялось содержанию наполнению автостереотипа (представления о чертах собственной этнической общности и ее представителей), комплексу эмоций, связанных с этнической принадлежностью, факторам и ситуациям, способствующим актуализации осознания этнической принадлежности.

Анализ материалов глубинных интервью позволяет отметить, что в динамическом аспекте сущностные характеристики осознания этнической принадлежности фиксируются во всех трех волнах интервью, что позволяет сформулировать следующие выводы

1) Тип этнической идентичности определяет содержание автостереотипов, их эмоциональную наполненность. Адекватная позитивная самоидентификация способствует социально-нормативному отношению к своей этнической группе, толерантным межэтническим установкам.

Принадлежность к русскому этносу у информантов с нормальным типом этноидентичности вызывает чувство гордости, не подкрепленное негативными установками по отношению к представителям других этносов. У информантов, с индифферентной этнической идентичностью, автостереотип размыт, неактуально чувство сопричастности к своей этнической группе.

Биполярное эмоционально-оценочное отношение к своей этнической группе, выраженное в гиперпозитивной и негативной формах этнической самоидентификации, связано с активизацию негативных межэтнических установок.

2) Автостереотипы русских трансформируются под воздействием происходящих социокультурных и политических изменений и по

сути их отражают. Это проявляется в том, что в «образе мы» присутствуют как традиционные черты так и черты ранее не свойственные, но востребованные в новых социально-экономических и геополитических условиях.

В определении «себя» смешаны исторические, идеологические, политические, религиозные и культурные основания, что позволяет говорить об использовании гибких критериев этноидентификации. Тем не менее, можно выделить ряд основных критериев идентификации: «культура», «история», «происхождение», «государство», «язык».

Можно отметить отличия в автостереотипах информантов разных поколений. Так у представителей молодого поколения более выражен государственный и религиозный компонент этнического самосознания, тогда как представители среднего и старшего поколения используют социально-политические и культурные категории.

3) Положительные оценки собственного народа в ответах информантов преобладают над негативными оценками, что в целом может говорить о позитивном наполнении «образа мы». Набор негативных стереотипов традиционен и значительно меньше по содержанию, чем набор положительных автостереотипов.

4) Этническая идентичность для респондентов в повседневной практике не всегда одинаково значима и ряд факторов способны выводить ее из латентного состояния, влиять на ее актуализацию. Выделяются следующие типичные ситуации: появлении иноэтнического элемента в ближайшем окружении, изменение общей социально-политической ситуации в стране и мире. В целом, актуализация этничности сопровождалась процессами межгруппового и межличностного социального сравнения, которые активизировали в сознании человека понимание и оценивание своей и другой этнической группы.

Выявленные особенности существенно не трансформировались и практически полностью совпадают с теми выводами, что были сделаны автором в 2011 году [1].

Сравнивая интервью разных лет можно отметить, что в ответах информантов к 2023 году чаще стало фигурировать понятие «россиянин / российское» («российское общество», «российская культура», «я – скорее себя как россиянин определяю, а не как русский»), при этом нередко происходит отождествление русской и российской идентичности («наш россиянин, ну русский такой парень, не помню уже как зовут, выиграл..», «русский, российский – какая разница, это для меня одно и то же»). То есть данные глубинных интервью, пока-

зывают возможности совмещения этнической и гражданской идентичностей.

Так же к 2023 году в интервью несколько реже звучали упоминания о негативных чувствах, связанных со своей этнической принадлежностью. У информантов всех трех волн преобладали те, чью этноидентичность можно определить по типу нормы. Анализ интервью показал противоречивость этнического самоопределения именно молодого поколения, у которого одновременно ярко выражены и гражданская, и этническая составляющие самосознания, могут сочетаться толерантное отношение к окружающим и изоляционистские установки.

Безусловно, особенности качественного исследования не позволяют экстраполировать выводы на всю исследуемую совокупность. Но использование же качественной методологии позволило выявить скрытые механизмы конструирования этнической идентичности, способы и формы соотнесения себя с референтной этнической группой.

Библиографический список

1. Муха В.Н. Автостереотипы русского населения Краснодарского края (по материалам интервью)// Общество и право. 2011. № 5. С. 273-276.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 163.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОГО ЭТНОСА

SOME ASPECTS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE UZBEK ETHNOSIS

Ф.Н. Нажмиддинов

Навоийский государственный педагогический институт,
г. Навои, Узбекистан

F.N. Nazhmiddinov

Navoi State Pedagogical Institute, Navoi, Republic of Uzbekistan

Аннотация. В данной статье освещены проблемы формирования узбекского этноса в Центрально-Азиатском регионе. Проанализированы концепции формирования и развития этноса и их место в социальной жизни региона, рассмотрены проблемы этнической консолидации и ассимиляции в возрождения нации. Кроме того, освещены проблемы диаспоры и ирреденты, которые имеют важное значение при определении места этноса на территории национальной

государственности и за её пределами. В данной статье эти аспекты рассмотрены на примере узбекской нации.

Abstract. This article highlights the problems of the formation of the Uzbek ethnic group in the Central Asian region. The concepts of the formation and development of an ethnic group and their place in the social life of the region are analyzed, the problems of ethnic consolidation and assimilation in the revival of the nation are considered. In addition, the problems of the diaspora and irredents, which are important in determining the place of an ethnic group on the territory of national statehood and beyond its borders, are highlighted. In this article, these aspects are examined using the example of the Uzbek nation.

Ключевые слова: узбеки, Узбекистан, регион Центрально-Азии, этнос, этнические группы, нация, диаспора, ирредента, народ, этническое самосознание

Key words: Uzbeks, Uzbekistan, Central Asian region, ethnos, ethnic groups, nation, diaspora, irredenta, people, ethnic identity

Проникновение с VIII в. в Среднюю Азию арабских и аджамских народностей не оказало сильного влияния на этнические процессы в регионе. Хотя в этот период в этническом составе и произошли некоторые изменения, оседлое и полuosедлое тюркоязычное население Мавераннахра, согдийцы и коренные жители Хорезма оставались на своих территориях, и жили под властью арабских правителей. С формированием в IX в. в Мавераннахре узбекского народа создавался цельный тюркский слой и среда живого тюркского языка и, в свою очередь, начался стремительный процесс тюркизации согдийцев и других местных этносов. В этот период в Мавераннахре и Хорезме тюркский этнический слой является сильной основой, большинство которой составляют оседлые тюркские этносы [1, с. 32–43].

В Мавераннахре и Хорезме при караханидах, в связи с переходом политической власти к тюркским династиям, происходившие этнические процессы явились завершающим этапом в формировании узбекского народа. Именно в этот период складывались этнические факторы, такие как, территориальная, культурно-просветительная общность, свойственная узбекскому народу, осознание своей этнической сущности, этническая сплоченность в пределах государства и общность религии. В это время установился язык всего узбекского народа. Словом, созревает и складывается большинство этнических признаков, имеющее важное значение в формировании народа [2; 3].

Сложная политическая обстановка в Средней Азии, сложившаяся в результате завоевания Арабским халифатом Ирана, Хорасана и Мавераннахра, с одной стороны, объединила местное население, боровшееся против захватчиков. С другой стороны, население Ирана, говорившее на фарси, приняло мусульманство, участвовало в военных походах халифата, и было вынуждено пропагандировать ислам. В

результате, наряду с приходом в Хорасан и Мавераннахр арабского языка и исламской религии, среди местного населения усилилось идеолого-практическое значение языка фарси. Здесь, несколько изменившись под влиянием говоров местного населения, язык получил название фарсидари. Постепенно развиваясь, этот язык вытеснил из общения согдийский. Процесс особенно усилился, когда в Мавераннахре и Хорасане образовалось независимое государство Саманидов и фарсидари стал государственным языком. В результате на основе фарсидари стал формироваться литературный язык, появилась художественная литература. Как известно, по источникам, часть населения Мавераннахра и Хорасана, говорившая на фарсидари, с XI в. стали называть себя «този», то есть «таджик» [3; 4; 5;].

В XI в. с образованием государства Караханидов ускорился процесс объединения и переход к оседлой жизни карлуков, огузов, чигилей, ягма и других тюркских племен с тюркоязычным населением, жившим в Шаше, Фергане и других областях Мавераннахра. Происходило освоение богатой практики и традиций земледельческой и городской культуры. Появилась художественная литература, основанная на письменном тюркском языке и устном народном творчестве. В результате тюркоязычное население стало преобладать в Мавераннахре и Хорезме [3; 4].

Таким образом, благодаря этническим процессам, продолжавшимся в сверхсложной политической обстановке, в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме в IX–XII вв. формировались узбекский и таджикский народы. Несмотря на то, что названия этих родственных народов появились гораздо позже, носители их были прямыми потомками древнего земледельческого населения Турана, говорившего на двух языках. Совместное проживание на протяжении веков, интенсивные взаимные экономические и культурные отношения, объединенная борьба против внешних врагов привели к их этническому и языковому смешению. Эти народы создавали совместно материальные и духовные ценности в области обычаев, традиций, одежды, домашней утвари, музыки, художественной литературы. Их древнее культурное наследие влилось весомым вкладом в мировую сокровищницу культуры [5; 6].

Известно, что X–XII вв. занимают особое место в формировании узбекского этноса. В этот период возрастает политический и духовный авторитет народов живущих между Амударьей и Сырдарьей разговаривающих на языке тюрки и это стало свидетельством формирования их как народности. Как известно, народность является исторически сформировавшейся прочной единицей, основанной на общно-

сти своеобразных черт языка, территории, экономической жизни и духовности. В результате перехода от количественных изменений в качественные в X–XII вв. вышеуказанные черты проявляются и в узбекском обществе [2; 3; 4].

Таким образом, исторически укрепившись как народность, политически и экономически на определенной устоявшейся территории и благодаря единому языку, который считается, средством общения на этой территории, узбекская общность создает благоприятную почву для формирования великих мыслителей. Подобное этническое развитие происходит не спонтанно, как результат победы одной группы или поражения другой, но происходит в сложном этноисторическом процессе. Уже в XII–XIII вв., можно констатировать, что узбекская народность приобретает завершённую этническую форму и начинает своё этнополитическое развитие. Формирование и развитие как народности узбекского этноса открыло новые возможности в его слиянии в единое мощное государство и объединении как единой нации.

В ходе этнического развития узбекского общества оно выходит на новый политический и культурный уровень. Так как формирование узбекской народности выступает на определённом этапе исторического развития движущей силой его прогресса. Таким образом, установившиеся относительно благополучные экономические и культурные отношения на территории между Амударьёй и Сырдарьёй направляли общество к прогрессу и способствовали появлению в узбекском обществе выдающихся мыслителей, которые внесли свой вклад в развитие этого прогресса. В ходе формирования и развития узбекский этнос дал миру таких великих мыслителей как Махмуд Кошгари, Аль-Харезми, Аль-Бируни, Аль-Фергани, Ат-Термизи, Аль-Бухари, Алишера Наваи, Мирза Улугбек, Бабура и других, их творчество стало свидетельством этнокультурного прогресса [3; 4].

Однако в этот период стихийная политическая борьба за власть между отдельными группами оказала отрицательное влияние на этническое развитие, несмотря на эти регрессивные явления глубокие социально-духовные изменения, происходящие в обществе, стали его важной движущей силой. Если подходить к рассматриваемому вопросу с этой точки зрения, то становится очевидным, что X–XII вв. стали своеобразной переменной в социальном развитии узбекского этноса как народности и обеспечили условия для устойчивого этнического единства. История общества является не только историей производственных сил, но и в первую очередь, историей народностей и национальностей, которые в своей основе порождают эти силы.

Важное значение, имеет и тот факт, что народы этого региона

дали миру великих политических и духовных деятелей, и они предстали как сила, обеспечившая этническое развитие узбекской национальности. Из исторических источников известно, что до периода установления власти в Моварауннахре Шайбанихана из Дашти Кипчак на этой территории оседлый народ был известен как тюркоязычная этническая группа. Со времён Фараби и Кошгари до Бабуридов народы этой местности назывались тюрками, однако узбеки Дашти Кипчака являясь тюркоязычной этнической группой, а регион, где они жили назывался «Мамлакатиузбекия» («Страна узбеков») и народность назвалась узбеками. В результате установления владычества Шайбанихана в Моварауннахре этноним «узбек» стали применяться и по отношению к местным оседлым народам. Однако, необходимо отметить, что до установления владычества Шайбанихана в Моварауннахре наблюдались родственные отношения между местным населением и узбеками Дашти Кипчак [4].

Позже в связи с приходом Шайбанидов в Моварауннахр издавна существующие тесные родственные отношения усиливаются, ускоряется процесс консолидации местного населения. Дашти Кипчак, народы объединяются под общим этнонимом «узбек». То есть в связи с слиянием двух тюркских народов с общим языком, обрядами и культурой этнический процесс переходит на новый этап развития.

Необходимо также отметить, что существуют различные мнения об узбекском этнониме в различных исторических источниках и научных кругах. В произведениях Хамидуллох Казвини узбекский этноним связывает с именем хана Золотой Орды Узбекхана (1312–1342), государством, где он властвовал называют Узбек, а народ, который жил на этой территории назывался узбеками [4].

Абулгази Бахадирхан также в своём произведении «Шажараи-Турк» («Потомки Тюрк») пишет о том, что после смерти Тактагухана на трон садится тринадцатилетний Узбекхан, во время своего владения он приобрел огромный авторитет среди народа и его подданное население, стало называться узбеками. «Можно лишь с большей или меньшей долей уверенности сказать, что в конце XIV в. узбеками назывались тюркские и тюркизированные племена восточного Дашти-Кипчака, входившие в состав улусов Шейбана и Орды (в том числе и отдельные мангытские роды)» [2].

Следующая группа учёных (А.П. Чулошников, Г. Вамбери, Г. Ховорс, М.П. Пельс) происхождения названия узбеков связывает с поведением части тюрко-монгольских кочевых племен, поэтому их называют – «сам себе хозяин», т.е. узбек [5; 6]. Подтверждением этой позиции может служить то, что узбеки Даштикипчакского происхож-

дения и сегодня называют себя «уз-узига бек», т.е. «сам себе хозяин».

Известно, что узбекский этнос вначале возник как продукт политического объединения трёх крупных субэтносов. Первую составляла совокупность тюркских и тюрко-монгольских племён, которые жили до XIV–XV вв. на территории современной Центральной Азии, вели оседлый и полуседлый образ жизни, в научных литературах их называли «тюрками».

Вторую крупную этническую группу составляли жокаяющие узбеки проживающих издавна и узбеки Дашти Кипчак, переселившиеся в Моварауннахр вместе с Шайбаниханом в XV–XVI вв., они в основном занимались скотоводством и вели полукочевой образ жизни. Язык представителей этой группы относится к кыпчакскому диалекту, и называли они себя чистыми узбеками. К данной группе относятся кунграты, мангиты, кипчаки, найманы, кенагасы, сараи, китаи, минг, жуз, кирк, катаганы, лакаи и другие.

Представителей третьей группы составляет население, которое смешивалось с тюркоязычными племенами, живущими с древнейших времён на территории Центральной Азии. Вместе с тем, с приходом ислама в Центральную Азию в VII–X вв., происходил естественный процесс ассимиляции с местным населением арабских родов, поколений ишанов и ходжа, считавшихся элитой или кастой мусульманского общества.

Развитие производства и торговли, проявление качественной стороны народности, ещё большее укрепление позиции национальной торговли, широкая деятельность активистов национального возрождения (джадидов) свидетельствовали о переходе на новый этап развития в образовании узбеков как национальности в начале XX в. В конце XIX в. и начале XX в. экономические, культурные, политические и духовные изменения в общественной жизни узбекского общества нашли своё отражение и в национальном сознании [1, с. 23–41].

Этнические аспекты формирования и развитие узбекского народа стали результатом изменений в общественной жизни, начинается движение национального возрождения, и представители этого движения считали своей общечеловеческой обязанностью привнести в национальную жизнь общеполитические и духовные нововведения. Результат этой деятельности стали достижения в животноводстве (выращены кони карабайир и лакайской породы, крупнокурдючные гиссарские бараны), земледелии (освоены плодородные земли, новые виды бахчевых культур, фруктов и овощей), в ремесле [3; 4].

Этнический состав узбекской общности разнообразен и многообразен. Оно включает тюркоязычные этнические группы, которые

являются древнейшими жителями Маверауннахра и народности, появившиеся в связи с консолидацией и ассимиляцией соседних, арабских родов и узбеков Дашти Кипчака [5; 6].

Если исторически анализировать этнические единицы, то в произведении Рузбехана «Мехмонномаи Бухоро» («Гостеприимство Бухары») говорится о том, что кочевые узбеки состоят из объединения племён, которые входили в состав народа Шайбон, казахов и мангигов. Позже казахи выделились как отдельная национальность, но до XVI в. они были в составе кочевых узбеков. Маъсуд ибн Усман Кухистани в своём произведении «Тарихи Абулхайрхон» («История Абулхайрхана») рассказывает о кочевых узбеках и их политической государственности, организованной в XV в. и говорит о том, что в это время в состав народа Окурда и Шайбон входили буркут, киёт, кушчи, ийжон, кунграт, найман, чимбай, карлук, кенагас, дурмен, курловут, тубои, мангит, нукуз, тангут, уйгур, китай, тоймас, эчки, туман, минг и другие племена. Камолиддин Бинаи утверждает, что в 1480-е гг. в составе народа Шайбанихана было также племя шадбакли.

В произведении «Таворихигузида, нусратнома» указываются следующие этнические группы, входившие в нач. XVI в. в состав узбеков Дашти Кипчак: кушчи, найман, уйгур, курлавут, гирайли, кият, кунграт, тангут, эчки, дурмен, ёбоку, китай, чимбай, шункарли, шадбакли, ийжан, кавчин, мангит, жургун, минг, башкирд, мажар, салур, казан, эчки и байри [1, с. 39–87; 3].

Хафиз Ганиш Бухари в произведении «Шарафномаи Шохий» («Победы шахов») указывает, что узбеки Дашти Кипчака в XVI в. состояли из следующих этнических групп: бахрин, беш юз, дурмен, жалайир, кенагас, мангит, минг, мажар, найман, алчин, арлот, сулдус, тангярук, уйгур, халаж, китай, ширин, утарчи, кангли, катаган, кипчак, кунграт, кият, аргин, ёбу, мугул, сулжувут, тубайи, тама, кераит, карлук, сарай, тюрк, уйшун. А в XVII в. в произведении «Бахруласрар» Махмуд ибн Вали к вышеуказанным этническим группам причисляет племена: буйрак, кирк, курама, дугдак, юз, келачи, узз, кулан, аёнлик, кука, араб, куш аёк, уйрат, булачи (балгачи), макрит, фулавчи, шабаят, месит и др. [5; 6].

В произведении Мухаммедяр ибн Араб Мухаммед Катаган “Мусаххир ал-билод”, рассказывает о событиях, происходивших до 1580-х гг. Он перечисляет такие племена узбеков: барлас, аргин, билкут, жалайир, дурмен, калмак, кунграт, кушчи, кипчак, арлат, уйшин, мангит, буркут, кераит, катаган, ганчи, кизил аёк и другие.

В разных источниках существуют различные мнения относи-

тельно этнического состава узбеков. Многие исследователи высказывают мнение о существовании 92 узбекских племён. В том числе поэт Турди Фароги пишет следующее: «Беки, будьте милосердными, думайте о народе, В стране узбеков девяносто два племени, на них равно смотрите».

Чтобы глубже понять содержание этнополитического термина «узбек» вернёмся немного назад. В 1420-е гг. после краха Золотой Орды от восточной части Дашти Кипчака, т.е. восточной части реки Волга до северной части Сырдарьи появляется мощное государство кочевых узбеков. Это государство основал Абулхайрхан – дед Шайбанихана. Этот политический союз господствовал в течении сорока лет и на территории этого государства жили племена, которые обосновались здесь в древние времена. В исторических произведениях их называли «узбеками» не в этническом, а политическом значении. Подобно тому как термин «казах» употребляется по отношению населению, которое вело кочевой образ жизни в Чуйской и Еттисуйской долинах, переселившись с территорий, где господствовал Абулхайрхан и они тоже имели этнический авторитет, как и узбеки.

В исторических произведениях тех времён приводятся этнонимы многих племён, живших в стране Узбек. Они входили в состав не только сегодняшних узбеков и казахов, но и имелись в составе нынешних каракалпаков, башкирцев, ногайцев, южных алтайцев и частично киргизов. В XV–XVI вв. узбекские племена во главе Шайбанихана обосновались в Моварауннахре. Однако, как было отмечено выше, обоснование узбеков – даштикипчакцев в Моварауннахр происходит не только с захватом этих мест Шайбаниханом, но и до его прихода здесь были историко-политические условия для слияния тюркоязычных этнических групп. С приходом Шайбанихана политический авторитет этого этнического пласта, объединившийся под этнополитическим союзом узбек ещё больше укрепился.

Узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы и туркмены, которые издавна вели кочевой и полукочевой образ жизни, состоят из многих племён, поэтому при изучении проблем историко-политического формирования важно сопоставительно изучать племенной классификации этих народов [3, с. 54].

В начале XIX в. индийский исследователь Мир Иззатуллох анализирует этнические процессы в Афганском Туркестане и пишет следующее: «Местные узбекские племена состоят из мингов, кипчаков, катаганов, сараев, муйтанов, ишкамишев и чигатаев» [5; 6].

Следующие исследователи при определении этнического состава узбеков продолжили древние традиции и старались не выходить за

рамки традиционного числа племён. По свидетельству историка Махмуда ибн Вали при возведении ханом Абулхайрхана Золотой Орды участвовало более двухсот предводителей родов и племён [1, с. 70]. Однако более мелкие по количеству и качеству роды и племена в течение историко-этнического процесса естественным образом ассимилировались с более крупными и стали составляющими компонентами казахов, киргизов и других тюркских национальностей, и поэтому сегодня спорным остаётся количество этнических компонентов, образующих узбекскую общность.

Сегодня узбеки как крупных макроэтнос проживает во всех государствах региона. Так, например, в Таджикистане узбеки составляют одну четвёртую часть населения республики, по численности занимают второе место после таджиков.

При изучении узбеков их можно разделить на две группы: 1) узбекская диаспора, 2) узбекская ирредентная группа. Узбекская диаспора в Таджикистане возникла в результате переселений из Узбекистана в 1930–1950-е гг. с целью освоения целинных земель. Узбекскую ирреденту составляют узбеки, которые постоянно проживали на территории нынешнего Таджикистана. Узбекскую диаспору составляют в основном ферганские и ургутские узбеки, а узбекскую ирреденту составляют лакайцы, кунграты, барласы, жузы, дурмени, марки, карлуки, катаганы и кипчаки. Лакайцы являются самыми крупными ирредентами и относительно компактно живут в республике. Необходимо отметить, что при переписи населения в республике Таджикистан в 2000 г. узбекская диаспора в графе национальность отмечена узбеками, узбекская ирредента названа этническими терминами минг, дурмен, лакай, кунграт, катаган, жуз (юз), барлас и другие [4, с. 4–5].

Узбекская национальность состоит из народностей и этнических групп, схожих друг с другом и в то же время отличающихся обрядами, жизненными условиями и своеобразными чертами. Эти народности и этнические группы не только обеспечивают целостность, естественную красоту и национальный дух, но и показывают в течение многих веков славу, национальную гордость и единство узбекской нации.

Целесообразно было бы остановиться на лакайцах, которые составляют одну из этнических компонентов узбекской общности и живущих в центральном и южном Таджикистане. Мудрецы говорят: «Человек, который лишён чувства гордости за своих предков и несведущий в истории подобен слепому человеку – куда поведёшь туда и идёт» [5]. Лакайцы до революции составляли один из основных компонентов узбекского народа, занимали определенное место в жизни

Бухарского эмирата [2]. Они занимаясь животноводством, создали лакайских коней и являются искусными наездниками. В 1920–1930 гг. они активно участвовали в движении против большевиков. Армия Ибрагим-бека в начале одерживала победы, но в связи с военной силой и техническими возможностями большевиков, жизнь основной части народа трагически завершилась. Другая часть этноса была названа «кулаками» и «басмачами», третья из-за страха репрессий, направились искать мирное пристанище в Афганистан, лишь небольшая часть оставалась на родине, где многие представители в конце подвергались репрессиям [4; 5]. Репрессии 1937–1938 гг. также не обошла стороной лакайцев, их ссылали в Сибирь и Северный Казахстан или просто физически уничтожили. В результате остатки этноса ещё больше рассеялись по всей бывшей стране. Лакайцы ныне живут в составе тюркских этносов Северного Казахстана и Сибири, а также ассимилировались с другими тюркскими народами. Сегодня лакайцы живут в девятнадцати районах центрального и южного Таджикистана. По неточным подсчётам в Таджикистане живут около полутора миллиона узбеков, из них полмиллиона лакайцы [2; 3].

Библиографический список

1. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
2. Вамбери Г. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 1. / пер. А. И. Повловского. СПб., 1873.
3. Камолиддин Ш.С. Несколько замечаний об этническом атласе Узбекистана. URL: www.etnonet.ru.
4. Очерки истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.
5. Шаниязов К. Государства Канг и канглийцы. Ташкент, 1990. (на узб. яз.).
6. Шаниязов К. Процесс формирования узбекского народа. Ташкент, 2001. (на узб. яз.).

ЯЗЫКОВОЙ АКТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ¹

LANGUAGE ACTIVISM IN MODERN KALMYKIA

Л.В. Намруева

независимый исследователь, г. Элиста, Россия

L.V. Namrueva

independent researcher, Elista, Russia

Аннотация. В социогуманитарных науках активно исследуются вопросы сохранения и развития языков. В нашей статье будут проанализированы возможности, способствующие дальнейшему сохранению и развитию калмыцкого языка, который ЮНЕСКО внесен в список исчезающих. Титульное население республики по определенным причинам переориентировалось на русский язык, который доминирует во всех сферах. Вследствие этого прервался процесс передачи языка от предыдущего поколения к последующему. Материалом для статьи послужили информации в СМИ, данные авторских исследований.

Abstract. Issues of preservation and development of languages are actively investigated in the socio-humanitarian sciences. Our article will analyze the opportunities that contribute to the further preservation and development of the Kalmyk language, which is listed as endangered by UNESCO. The titular population of the republic, for certain reasons, has reoriented to the Russian language, which dominates in all spheres. As a result, the process of language transfer from the previous generation to the next was interrupted. The material for the article was information in the media, data from author's research.

Ключевые слова: Калмыкия, калмыцкий этнос, буддизм, Центральный хурул, восстановление и сохранение этнического языка, языковое сообщество

Key words: Kalmykia, Kalmyk ethnicity, Buddhism, Central Hurul, restoration and preservation of the ethnic language, language community

В настоящее время в республике пристальное и должное внимание уделяется восстановлению и сохранению социальных функций калмыцкого языка. Для этого предпринимаются различные меры, получил широкое распространение языковой активизм. Согласно разделяемому нами мнению А. Н. Биткеевой, «языковой активист – тот, кто акцентирует внимание на функциональном восстановлении и сохранении языка, ведет активную работу среди представителей языкового сообщества, язык которого находится под угрозой исчезновения. Работа активистов основывается на организации мероприятий, коорди-

¹ Публикация выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

нированных с языком – популяризация языка и культуры среди языкового сообщества, методическая разработка языковых программ для детских садов, открытие школ и т.д.» [2, с. 33].

Безусловно, в улучшении языковой ситуации в Калмыкии необходима государственная поддержка. Без серьезной финансовой основы невозможны проведение разнообразных конкурсов, перевод произведений калмыцкой литературы, создание нового поколения учебных пособий, учебников, издание детской и молодежной литературы на родном языке, подготовка онлайн-словарей и переводчиков. Разработчики ИТ-продуктов, отвечающих современным потребностям, их внедрение нуждаются в инвестировании и стимулировании. Первичные меры популяризации калмыцкого языка включают открытие бесплатных курсов, проведение конкурсов на его знание языка, увеличение числа школ с этнокультурным компонентом. Также необходимо постоянно разрабатывать современные методики преподавания языка. В этом случае полезен опыт реализации проекта «Учим калмыцкий язык с Дмитрием Петровым», инициатором которого стал Арслан Мучкаев, создатель приложения «Мана дун», благодаря которому в любое время можно послушать народные, современные песни и танцевальные мелодии. Дмитрий Петров – популярный телеведущий-учитель реалити-шоу «Полиглот» на телеканале «Культура» с 2012 года, российский синхронный переводчик, преподаватель Московского государственного лингвистического университета. По информации сайта проекта «Учим калмыцкий язык с Дмитрием Петровым», он услышал о проблемах калмыцкого языка, его драматическом современном состоянии и заявил, что ситуация вполне поправима: «Знаю, что многих носителей языка и этнических калмыков беспокоит угроза исчезновения языка, а исчезновение любого языка – это трагедия. Мы этого допустить не должны, и если будет к этому интерес, то разумеется что-нибудь придумаем, чтобы этому помочь» [7].

Роль буддизма на калмыцкий язык с научных позиций рассмотрена в работах историков, философов, лингвистов, социологов: Ц. Д. Манджиевой [3], Л. В. Намруевой [5] и других. Исследователи отмечают, что активное возрождение буддизма, восстановление и развитие национальной культуры, проблемы сохранения национального языка происходят параллельно [3, с. 1099]. Конфессиональный фактор является важным для этнической идентификации российских традиционных центров буддизма [5, с. 59]. Буддизм является традиционной религией калмыков, к которой принадлежат, «действуя скорее от привычного соотношения «калмык, значит, буддист», а, не

оценивая свое реальное религиозное поведение и мировоззрение» [5, с. 62]. Принято считать, что все калмыки относят себя к буддистам, буддизм – это один из этноидентифицирующих факторов, как способ сохранения этничности» [3].

Совершенно справедливо утверждение тувинского исследователя О.М. Хомушку о том, что «религия предстает одним из наиболее устойчивых элементов национальной культуры, сопротивляющейся нивелировке культурно-национальной самобытности, единственным каналом передачи этнокультурной информации от поколения к поколению» [8, с. 167]. Возросший интерес к религии, который наблюдается с 1990-х гг. по настоящее время, следует рассматривать с нескольких позиций: как интерес к религии как духовному наследию, как потребность к сохранению и возрождению этнической культуры, как способ уйти от негативных проявлений современной действительности. Религия и этнический язык являются одними из основных частей культуры, от сохранности которых зависит как сохранение самой традиционной культуры, так и этноса, носителя этой культуры.

В этой связи шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче на встрече с журналистами в декабре 2008 г. сказал, что есть надежда спасти калмыцкий язык при условии сохранения языковой среды, в первую очередь, в семье. Относительно проведения религиозных служб на калмыцком шаджин-лама заявил, что это тоже возможно. Хотя перевод мантр – довольно трудоемкий процесс, да и подчас само толкование терминов неоднозначно. Ринпоче заметил, перевести молитвы еще полдела, будут ли они адекватно восприняты верующими – вот в чем вопрос. Ведь для этого человек должен знать смысл молитв, несведущему же в буддизме ничего не скажут молитвы, произносимые как по-калмыцки, так и по-тибетски [9].

Проанализируем отдельные результаты исследования, проведенного автором в 2008 г., который в Калмыкии был объявлен Годом калмыцкого языка. В анкетировании приняли участие 467 респондентов-калмыков. Рассмотрим ответы на два открытых вопроса: «На каком языке Вы читаете молитвы бурханам?», «Как вы считаете, на каком языке должны читать молитвы в хурулах?». На первый вопрос 40 % респондентов не ответили. По всей вероятности, какой-то части выборки не свойственна религиозность, или же напротив, она религиозна, но в силу разных причин не читает молитв. Из тех, кто ответил, большая часть читает мантры на тибетском языке (более 15 %). На калмыцком языке произносят молитвы значительно меньшее количество людей.

Чуть более трети (34,8%) опрошенных не дали ответ на второй открытый вопрос «Как вы считаете, на каком языке должны читать молитвы в хурулах?». Каждый девятый отметил, что на тибетском языке, на котором сейчас ведутся все службы в хурулах. Половина нашей выборки однозначно отметила, что на калмыцком языке. Значит, потребность слышать родную речь в буддийских хурулах республики, понимать текст молитв очень велика у населения. В современных хурулах Калмыкии настоятелями являются, в основном, тибетские монахи. Общение прихожан с монахами зачастую происходит через переводчика. В редких случаях тибетцы быстро осваивают русскую или калмыцкую речь.

За период с 2008 г., когда был проведен анализируемый анкетный опрос, произошли большие изменения. Так, закончив длительное обучение за пределами страны, на родную землю возвращаются буддийские монахи, калмыки по этническому происхождению. В республике буддийскую литературу переводят с тодо бичиг (старокалмыцкого) на современный калмыцкий язык. Есть несколько буддийских общин, которые проводят молебны на калмыцком языке.

24 сентября 2023 г. в конференц-зале Центрального хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» впервые для широкой публики звучали древние калмыцкие молитвы. Благодаря работе сотрудников Центра по развитию калмыцкого языка собравшиеся не только слушали самые значимые для калмыцких буддистов молитвы – Сутра Сердца Праджняпарамиты, молитва призывания счастья, восхваление Белой Таре, Будде Медицины, молитва Будды Амитаюса и т. д. Было впечатляюще и незабываемо, когда зал в едином порыве вместе с исполнителем пропевал каждую строчку стариной молитвы «Базр дари». Руководитель администрации Центрального хурула Йонтенгелюнг отметил, что если каждая подготовленная молитва будет звучать в наших семьях, их будет знать подрастающее поколение, то это будет способствовать сохранению калмыцкого языка, калмыцкого этноса, его уникального духовного наследия.

В Калмыцком государственном университете постоянно проходят встречи буддийских священнослужителей со студентами и преподавательским составом. 1 сентября 2023 г. в день Знаний университет посетил высокий гость из известного монастыря Дрепунг Гоманг. Ректор КГУ Бадма Салаев отметил: «Эта встреча останется в истории нашего учебного заведения, поскольку сегодня была достигнута договоренность с Его Преосвященством, что студенты и преподаватели смогут стажироваться в монастыре Дрепунг Гоманг. Это большой шаг

в изучении буддизма, ведь наш университет уделяет особое внимание научным исследованиям по буддологии». С 2017 г. в КалмГУ работает магистерская программа подготовки специалистов в области истории и культуры буддизма. Кафедра философии и культурологии КГУ выиграла грант на разработку основной образовательной программы бакалавриата по направлению «Востоковедение». Участники молодежной буддологической лаборатории исследуют проблемы трансформации буддийской культуры в современном мире, «социального буддизма».

Более 10 лет в Центральном хуруле регулярно организуют курсы калмыцкого языка, истории и буддизма. Они включают: «Калмыцкий язык» – 8 занятий, «Основы буддизма» – 5 занятий, «Калмыцкая история» – 3 занятия. В заявке на обучение все желающие помимо сведений о себе отвечают на вопрос «Почему для вас важно изучать родной язык и буддизм?». По окончании курсов разыгрываются викторины и конкурсы на знание калмыцкого языка, традиций и обрядов калмыков, буддизма. Следует отметить, что курсы востребованы, желающие пройти обучение на них, готовы своими действиями возродить наследие наших предков, уверены, что ни в коем случае нельзя допустить утраты нашей родной культуры, в том числе калмыцкого языка и традиционной конфессии калмыков.

Подводя итоги, следует констатировать, что буддизм является одним из важных этноидентифицирующих факторов, влияющим на состояние титульного языка. В данной статье нами была рассмотрена роль активистов (общественные организации, лидеры, представители буддийских общин, научной интеллигенции) в улучшении положения калмыцкого языка, который позитивно воздействует на сохранение и развитие языка, культуры калмыков.

Библиографический список

1. Биткеева А.Н. Языковая ситуация в республике Калмыкия // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Чельшева; Науч. совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. Социоллингвистика. 2020. № 1. С. 252–263.
2. Биткеева А.Н. Языковой активизм в России: новые тенденции, акторы и задачи // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 2 (54). С. 32–43.
3. Манджиева Ц.Д. Роль конфессионального фактора в сохранении калмыцкого языка // Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», V Международный науч. форум (2021; Элиста). V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», 30 ноября 2021 г.:

материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 155–158.

4. Намруева Л.В. Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 г. в Калмыкии) // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 1. С. 59–64.

5. Намруева Л.В. Современная молодежь и состояние калмыцкого языка (По итогам социологического анализа 2000-х гг.) // Российский академический журнал. 2014. № 1. С. 109–113.

6. Намруева Л.В. Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) // Новые исследования Тувы. 2018, № 1. С. 143–152. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/762> DOI: 10.25178/nit.2018.1.12

7. От слов к делу: с чего начнется возрождение калмыцкого языка. URL: <https://riakalm.ru> (дата обращения: 16.10.2023)

8. Хомушку О.М. Этнические особенности человеческой общности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2006. № 1 (45). С. 161–170.

9. Эрендженова В. Тэло Тулку Ринпоче: Мы как одна футбольная команда // Известия Калмыкии. 2008. 5 декабря.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ 1980–1990-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INTERETHNIC RELATIONS IN BELARUS IN THE 1980-1990s. BASED ON MATERIALS FROM THE CENTRAL ARCHIVES OF THE RUSSIAN FEDERATION

И.А. Пушкин

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г. Могилёв, Республика Беларусь

I.A. Pushkin

Belarusian State University of Food and Chemical Technology,
Mogilev, Belarus

Аннотация. В статье отражены результаты работы по выявлению и анализу исторических источников, касающихся возрождения этнических особенностей национальных общностей Беларуси и межнациональных отношений второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., имеющих в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве новейшей истории (г. Москва). Исследуется роль советского идеологического и институционального наследия в управлении этнокультурным разнообразием в Республике Беларусь.

Abstract. The paper presents the results of identification and analysis of

historical documents related to the revival of ethnic features of national minorities of Belarus and international relations in the second half of the 1980s – early 1990s that are available in the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archives of Contemporary History (Moscow). The role of the Soviet ideological and institutional heritage in the control under ethnocultural diversity in the Republic of Belarus is studied.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, БССР, Республика Беларусь, Российские архивы, национальные меньшинства

Key words: national policy, interethnic relations, BSSR, Republic of Belarus, Russian archives, national minorities

Новые условия для развития этнических общностей СССР были созданы во второй половине 1980-х гг. С началом демократизации общественной жизни, наряду с возрождением национальной культуры белорусов, аналогичный процесс начался у большинства национальных меньшинств, проживавших на территории Беларуси.

Актуальным для белорусского исследователя является анализ материалов, позволяющих проследить связь центральных органов партийно-советского руководства СССР с процессами национального развития в Беларуси. Национальная политика в БССР второй половины 1980-х гг., особенности возобновления этнических традиций в первый год установления государственного суверенитета Республики Беларусь, социальная, религиозная и культурная жизнь национальных общностей отражены в документах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

В ГАРФ документы по истории этнокультурного многообразия и межнациональных отношений в Советской Белоруссии (БССР) хранятся в фондах: Р-6991 «Совет по делам религий при Верховном Совете СССР. 1947–1991 гг.» (описи 4, 6), Р-9497 «Парламентская группа СССР. 1989–1991 гг.» (оп. 9), Р-9654 «Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР и их органы. 1989–1991 гг.» (оп. 1 документы Съезда народных депутатов СССР за 1989–1991 гг., оп. 5 и 6 документы сессий Верховного Совета СССР за 1989–1991 гг., оп. 7 документы комитетов и комиссий Верховный Совет СССР, постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР, комитетов и комиссий Президиума Верховного Совета СССР за 1989–1991 гг., оп. 8 документы Президиума Верховного Совета СССР, оп. 10 документы Секретариата Верховного Совета СССР». В РГАНИ в фондах: 2 «Пленумы ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС. 1941–1990», 5 «Аппарат ЦК КПСС. 1952–1984 гг.» (оп. 55, 84, 90 отделы ЦК КПСС), 89 «Коллекция рассекреченных документов».

Наибольший интерес представляют материалы по межнациональным отношениям, в которых освещаются социально-экономическое развитие и национальный состав СССР, в том числе и БССР [1]. Основные направления национальной политики КПСС раскрыты в материалах: Пленума ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях» (20.09.1989 г.) [2], на котором, в частности, министр МВД СССР В. Бакатин в качестве средства разрешения межнациональных конфликтов озвучил следующее: «Во всех случаях МВД СССР практически имеет одну меру – и эта мера одна – ввод извне крупных сборных, причём со всей страны, милицейских формирований, курсантов и слушателей училищ, школ, а главное – подразделений внутренних войск» [3, л. 52–53]; предложений партийных комитетов, центральных ведомств и учреждений, специалистов по национальным вопросам, которые готовились государственно-правовым отделом ЦК КПСС к сентябрьскому Пленуму ЦК (1989 г.) [4]; к постановлению ЦК КПСС о развитии национального языка и культуры в БССР [5; 6]; к постановлению Политбюро ЦК КПСС от 2.12.1988 г. «О первоочередных мерах по улучшению освещения вопросов межнациональных отношений в центральной печати и местных органах массовой информации» [7]; постановления Политбюро ЦК КПСС от 25.01.1989 г. «О негативном аспекте международных связей некоторых самостоятельных общественных объединений» [8].

Много важной для исследователя информации содержится в документах высших органов представительной власти: проект постановления Верховного Совета СССР «О порядке изменения записей о национальной принадлежности граждан в паспортах и других официальных документах» (1990 г.) [9]; проект Закона СССР «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории СССР» и соответствующие материалы к нему [10]; статистические отчеты о национальном составе органов представительной власти БССР по состоянию на 1.01.1990 г. [11]; Закон СССР «О языках народов СССР», его проекты и предложения к ним от различных комиссий [12; 13; 14]; Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» и поправки к его содержанию [15; 16]; информация «О встрече с представителями комиссий по вопросам национальных отношений» (1990 г.) [17]; письмо от 20.02.1991

заведующего отделом международных отношений Секретариата Верховного Совета СССР Л. Шишова о начале разработки общей концепции создания механизма преодоления межнациональных конфликтов [18].

Ценными источниками по вопросам идентичности польского и еврейского населения БССР и национальной политике руководства БССР в 1980-е гг. являются: информационные отчёты отдела Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (Совет) и письма, обращения граждан в Совет [19]; материалы о ходе выполнения постановления Совета по делам религиозных культов при ЦК СССР «О мерах по усилению контроля за исполнением законодательства о религиозных культах католическими объединениями в БССР» (1982 г.) и созданного 29.03.1983 г., соответствующим постановлением ЦК КПСС по инициативе отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ СССР, Антисионистского комитета советской общественности [20, л. 35–44, 21, л. 7–10].

Процесс подготовки кадров для римо-католической церкви (РКЦ) содержится в отчете об итогах поездки заместителя начальника отдела Совета в Ригу для проверки хода выполнения постановления Совета от 24.02.1983 г. «О совершенствовании политического воспитания студентов католических духовных семинарий». На 1.10.1985 г. в Рижской католической духовной семинарии обучались 62 студента 7 национальностей: 13 латышей, 21 поляк, 12 украинцев, 6 белорусов, 7 немцев, 2 эстонец и 1 русский. В 1985 г. поступили на обучение – 3 украинца, 2 поляка, 2 белоруса и эстонец. Из них двое из Гродненской области БССР. В то время нередким был приём в семинарию лиц, ранее проживавших на территории БССР и специально переехавших в Латвийскую ССР. Они устраивались на работу кочегарами, сторожами в местные костёлы, разнорабочими на государственные предприятия [22, л. 6–8] и использовали данные возможности для поступления в семинарию.

На процесс активизации деятельности верующих и возрождения национального самосознания существенно повлияла политика «перестройки». В 1989 г. в Фарном костёле г. Гродно ксёндз Т. Кондрусевиц (впоследствии глава РКЦ в Беларуси), говоря об обновлении жизни во Христе, подчеркнул: «Перестройка, демократизация, гласность, осуществляемые в нашей стране, открыли такой широкий простор для деятельности церкви. Молитесь за перестройку, не бойтесь трудностей, работайте честно, неустанно» [19, л. 40]. В своих выступлениях во время богослужений

католические священники, говоря о религиозно-христианских нормах поведения католиков, нерушимости и вечности веры, стремились доказать исключительную религиозность поляков, обосновывали «единство национальной и христианской идей». Католическую церковь представляли как неотъемлемый элемент духовной культуры польской нации [20, л. 43–44].

Анализ обращений верующих БССР позволяет, в определённой мере, определить их национальную принадлежность. Например, 26.04.1985 г. поступило заявление верующих д. Дорово Ляховицкого района Брестской области в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров (СМ) СССР. От имени католического объединения его подписали 7 человек. Из них – Б. Марчик, М. Адасько, Б. Петровка, Г. Янковская поставили свои подписи на польском языке [23, л. 14–17]. До начала 1989 г. во всех обращениях верующих БССР в местные и центральные власти речь шла только о возвращении костёлов и регистрации религиозных объединений. О национальной принадлежности не упоминалось. Однако эти обращения подготовили почву и поспособствовали национальному возрождению.

В январе 1989 г. в ЦК КПСС на имя М. Горбачева было направлено письмо служителей РКЦ по поводу приглашении ксендзов из Польши. В ответе им сообщалось, что основной причиной, которая делает невозможным приглашение польских ксендзов в Беларусь, является отказ Ватикана урегулировать границы католических епархий в соответствии с государственными границами СССР, в частности в БССР [19, л. 7]. Чтобы найти выход из данной ситуации, было решено сделать ставку не на территориальный фактор, а на национальный, что и поспособствовало консолидации поляков в Беларуси. 25.12.1989 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР обратился к заместителю Председателя СМ БССР Н. Мазай: «В соответствии с поручением СМ СССР Советом по делам религий рассматривается вопрос о возможности привлечения ограниченного числа священнослужителей из ПНР для обслуживания ряда католических приходов Белоруссии, расположенных в местах компактного проживания лиц польской национальности» [19, л. 95].

Это активизировало процесс создания польских национальных объединений, на их организационных собраниях всегда присутствовали ксендзы. Произошло совпадение религиозных и национальных факторов, намерений и целей властей Польши и СССР. Одни разыгрывали политическую карту поляков на востоке, другие

попытались остановить поток многочисленных обращений граждан.

Сохранение родных языков национальными общностями Беларуси нашло отражение в материалах к постановлению ЦК КПСС и информационном письме от 5.02.1987 г. секретаря ЦК КПСС В. Печенникова в ЦК КПСС о мерах, принятых для решения вопросов, поднятых в обращениях белорусских писателей и деятелей культуры [6, л. 1–23]. 10.03.1987 г. состоялось заседание Секретариата ЦК КПСС, на котором, среди прочего, был рассмотрен вопрос «О письмах писателей, художников и ученых БССР по вопросам развития национального языка и культуры» [5, л. 1–10]. Значительное влияние на укрепление позиций русского языка в Беларуси оказало постановление ЦК КПСС и СМ СССР (1983 г.) о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в учебных заведениях союзных республик [24, л. 1–95].

Интересным источником являются материалы Закона СССР «О языках народов СССР», принятого Верховным Советом СССР 24.04.1990 г. В ходе его обсуждения поступил ряд предложений от различных комиссий и депутатов. Некоторые из них не были одобрены при окончательном голосовании, но были включены в законодательство Республики Беларусь после референдума 1995 г. Например, введение согласия родителей на выбор языка обучения детей, русского как одного из обязательных государственных языков [13, л. 57–59].

Верховный Совет СССР 26.04.1990 г. принял Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Ряд его положений нашел свое отражение в Законе Республики Беларусь «О национальных меньшинствах». В то же время, по нашему мнению, Закон СССР в большей степени обеспечивал права национальных общностей. Например, в нём чётко зафиксировано, что «органы власти обеспечивают для национальных групп: представительство в исполнительных и распорядительных органах, свободное использование родного языка, создание национальных групп в детских дошкольных учреждениях, национальных школ и классов, национальной культуры... [15, л. 49–56].

В значительной степени формирование основных направлений национально-государственной политики Республики Беларусь определено позицией ЦК КПСС и КПБ периода «перестройки» в СССР. Так, в постановлении «О межнациональных отношениях» XIX

Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) было рекомендовано обсудить вопрос о создании государственного органа по вопросам национальностей и межнациональных отношений [25, л. 18]. В январе 1997 г. указом Президента Республики Беларусь был создан Государственный комитет по делам религий и национальностей. В ноябре 2001 г. он преобразован в Комитет по делам религий и национальностей при СМ Республики Беларусь, реорганизован 15.07.2006 г. и в структуре Правительства появилась аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей (вернулись к статусу времён СССР).

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС (1989 г.) была принята «Национальная политика партии в современных условиях». В ней, в частности, отмечено: «Основные направления национальной политики: равноправие народов, каждый из которых должен иметь реальную возможность сохранить свою самостоятельность и самобытность, язык, культуру, традиции. Сегодня важнейшая задача заключается в создании действенных государственных, общественных и экономических механизмов, обеспечивающих органическое сочетание национальных и интернациональных ценностей и интересов» [2, л. 9–10]. Реализация данных положений характерна для современной Республики Беларусь.

Таким образом, документы пяти фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории содержат информацию о межнациональных отношениях в Беларуси в 1980–1990-х гг. Они являются важным источником при исследовании роли советского идеологического и институционального наследия в управлении этнокультурным разнообразием в Республике Беларусь в свете идеологии белорусской государственности. Помогают раскрыть характер и систему взаимодействия советского наследия с подходами по защите национальных меньшинств, которые предлагают европейские правозащитные институты.

Библиографический список

1. Материалы по межнациональным отношениям, освещающие социально-экономическое развитие и национальный состав СССР // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 1–464.
2. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 5. Д. 294. Л. 9–10.
3. Материалы Пленума ЦК КПСС “О национальной политике партии в современных условиях” (1989 г.) // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 5. Д. 298. Л. 52–53

4. Предложения партийных комитетов, центральных ведомств и учреждений, специалистов по национальным проблемам к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 5. Д. 329. Л. 1–333.

5. Выписка из протокола № 42/4с от 10.03.1987 г. заседания Секретариата ЦК КПСС “О письмах писателей, артистов и учёных БССР по вопросам развития национального языка и культуры” // РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 23. Д. 17. Л. 1–10.

6. Материалы к постановлению ЦК КПСС: письма писателей, артистов и учёных БССР по вопросам развития национального языка и культуры // РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 23. Д. 37. Л. 1–23.

7. Постановление Политбюро ЦК КПСС “О первоочередных мероприятиях по улучшению освещения вопросов межнациональных отношений в центральной печати и местных органах массовой информации” // РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–3.

8. Постановление Политбюро ЦК КПСС “О негативном аспекте международных связей некоторых самостоятельных общественных объединений” // РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 10. Л. 1–9.

9. Проект постановления ВС СССР “О порядке изменения записей национальной принадлежности граждан в паспортах и других официальных документах” // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 112. Л. 61–62 об.

10. Проект Закона СССР “Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории СССР” и материалы к нему // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 13. Л. 1–10.

11. Статистические отчёты // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 65–85 об.

12. Закон СССР “О языках народов СССР” // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 5. Д. 179. Л. 120–130, 136–137.

13. Проекты Закона СССР “О языках народов СССР”, предложения от комиссий // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 7. Д. 55. Л. 57–59.

14. Проекты Закона СССР “О языках народов СССР”, таблицы изменений // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 7. Д. 57. Л. 26–31.

15. Закон СССР “О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР” // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 5. Д. 180. Л. 49–56.

16. Поправки, отклоненные в ходе доработки проекта Закона СССР “О свободном национальном развитии граждан СССР...” // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 13. Л. 181–183.

17. Письмо “О встрече с представителями комиссий по вопросам национальных отношений” // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 109. Л. 168–172.

18. Письмо зав. отделом по вопросам межнациональных отношений Секретариата ВС СССР Л. Шишова // ГАРФ. – Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 114. Л. 99–100.

19. Информационные письма отдела Совета по делам религиозных культов при СМ СССР (1988 г.) // ГАРФ. – Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4080. Л. 1, 6, 7, 13, 17–18, 40, 95.

20. Информация о ходе выполнения постановления Совета по делам религий при СМ СССР “О мерах по усилению контроля за выполнением законодательства о религиозных культах католическими объединениями в БССР” // ГАРФ. – Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3080. Л. 35–44.

21. Обращение инициативной группы к советской общественности // РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 11. Д. 175. Л. 7–10.

22. Докладная записка об итогах командировки в ЛатССР заместителя заведующего отдела Совета по делам религий по Латвийской ССР. 22–29.09.1985 г. // ГАРФ. – Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3138. Л. 6–8.

23. Письмо Уполномоченного совета по Брестской области в Совет по делам религий при СМ СССР // ГАРФ. – Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3077. Л. 14–17.

24. Информация ЦК КП союзных республик, обкомов партии, министерств о выполнении постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 26.05.1983 г. о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в учебных заведениях союзных республик (1984 г.) // РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 90. Д. 185. Л. 1–97.

25. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС «О межнациональных отношениях» // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 5. Д. 294. Л. 18.

КИРГИЗЫ В МОСКВЕ И В РОССИИ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

KYRGYZ IN MOSCOW AND IN RUSSIA: WHAT HAS CHANGED IN FIVE YEARS

Г.Ю. Ситнянский

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

G.Yu. Sitnyansky

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Наплыв мигрантов из Средней Азии порождает в России серьёзные опасения, в том числе в отношении киргизов, не собирающихся интегрироваться в российское общество. Последнее относительно большинства киргизов верно, но только потому, что они рассчитывают, заработав денег, вернуться домой, имея возможность, как граждане страны ЕАЭС, при необходимости приехать вновь. В отличие от других среднеазиатов, они почти не поддерживают радикально-исламские движения, и в росте криминала их роль невелика. Киргизы же, планирующие остаться в России, интегрируются неплохо.

Abstract. The influx of migrants from Central Asia gives rise to serious concerns in Russia, including with regard to the Kyrgyz, who are not going to integrate into Russian society. The latter is true for the majority of Kyrgyz, but only because

they expect to return home after earning money, having the opportunity, as citizens of the EAEU country, to come again if necessary. Unlike other Central Asians, they almost do not support radical Islamic movements, and their role in the growth of crime is small. The Kyrgyz, who plan to stay in Russia, integrate well.

Ключевые слова: киргизские трудовые мигранты, цели миграции, планы, жизнь в Москве, интеграция и адаптация

Key words: Kyrgyz labor migrants, migration goals, plans, life in Moscow, integration and adaptation

В 2018 г. в статье о киргизских трудовых мигрантах в Москве и Подмосковье, я писал о привилегированном положении киргизов в сравнении с гражданами других среднеазиатских государств, хотя бы потому, что киргизы намного лучше знают русский язык. Поэтому много киргизов заняты квалифицированным трудом [21]: так, курьер в службах доставки может зарабатывать намного больше, чем дворник [17]. Хорошо владеющие русским языком получают в среднем 41-45 тыс., знающие плохо – значительно меньше [7, с.27, 33]. Задача статьи – рассмотреть, что изменилось за пять лет.

Так, немало киргизов работает в компаниях, занимающихся аутстаффингом (временный наём штатного сотрудника другой компании). Вот пример: люди работают на кассе «Перекрёстка», но числятся в штате фирмы-посредника. Ценят киргизов выше, чем других мигрантов из Средней Азии. Так, в сети алкомаркетов «Красное и Белое» большинство мигрантов (составляющих треть всех работников) – киргизы. Зарплата – 38-45 тыс. Женщинам предлагают поработать кассирами, а мужчинам – «сотрудниками по предотвращению потерь» (смесь охранника и грузчика). Становятся мигранты (тоже в основном киргизы) и администраторами магазинов [2].

Московские киргизы работают также таксистами (по некоторым данным, 60 тыс. из 1,4 млн. мигрантов в Москве – таксисты, но какова их доля среди киргизов, неясно – Г.С.), парикмахерами [24; 28], уборщиками на складах, водителями-экспедиторами; зная русский язык, можно занять должность кладовщика, мастера по ремонту обуви. Отчасти заняты киргизы и в строительстве, но меньше, чем таджики и узбеки.

Женщины подвизаются в обслуживании и уборке, в том числе в ресторанах; в последних они работают также посудомойками. Няни, продавцы-кассиры, парикмахеры, маникюрщицы, фасовщицы; сотрудники на производстве, особенно в пищевой промышленности, отчасти, как и у мужчин, благоустройство территории – вот их занятия [12]. Как мы видим, квалифицированным трудом заняты не все.

Например, у более исламизированных и менее европеизированных южных киргизов дела с образованием и знанием русского языка обстоят хуже, чем у северных.

Некоторые московские киргизы «выбиваются в люди» и даже занимают высокие посты в российских компаниях (или возглавляют свои, созданные в России – Г.С.) [28]. Об одном таком я писал: руководитель литературного клуба «Московские напевы» Б.Ш. Баланов, уроженец Оша, по специальности врач-невролог, создатель и владелец частной клиники [20].

Есть и другие. Например, Ибрагим Бадалов – кредитный брокер, основатель и генеральный директор консалтинговой компании «Success Finance», занимающейся вопросами недвижимости, финансирования малого и среднего бизнеса. Нургуль Каимова – коммерческий директор журнала «Я Деловая женщина». Занимается и недвижимостью, а также помогает соотечественникам адаптироваться в России. Марсель Салахунов – предприниматель, председатель Московского отделения Общероссийского Киргизского Конгресса, основатель бизнес-площадки «Табарман», где помогает молодёжи построить успешный бизнес [8]. Жылдыз Осмонова управляет собственным магазином и удалённо работает на московскую компанию [11].

Один из залогов карьеры – образование. Среди мигрантов на 2021 год имели высшее образование: белорусы – 45%, казахи – 25%, украинцы – 22%, молдаване – 18%, киргизы – 13%, узбеки, таджики, азербайджанцы – 8-9% [22, с.58-59]. То есть среди киргизов таких меньше, чем у выходцев из других «евразийских» государств (о «евразийской славянско-степной общности» мне не раз приходилось писать), но выше, чем у выходцев из государств восточных.

Что сегодня киргизам больше платят и что работодатели отдают приоритет им, подтверждается и другими источниками [напр.: 15], и моими собственными исследованиями во многих регионах России в 2006-2011 гг. и среди киргизов Москвы и области в 2018 г.: лишь 7% опрошенных, например, жаловались на задержку зарплаты. Представительство Государственной службы миграции Киргизстана в России и другие организации помогают мигрантам в отстаивании права на своевременную оплату труда [21, с.87].

Согласно изменениям и дополнениям к договору о вступлении Киргизстана ЕАЭС (август 2018 г.), киргизы получили право требовать от работодателя записи о работе в трудовую книжку. Работа в России стала засчитываться в общий трудовой стаж, а члены семей получили право на социальные обеспечения [16]. Соглашение о пен-

сионном обеспечении граждан стран ЕАЭС вступило в силу с января 2020 г. [19].

Мигранты из стран ЕАЭС могут въезжать в Россию без учёта ограничений по защите национального рынка труда, вставать на миграционный учёт в течение 30, а не 7 дней, документы об образовании у них принимаются без установленных законодательных процедур (кроме педагогических, юридических и связанных с медициной) [10, с.63, 77-78]. Для сравнения, мигранту из страны – не члена ЕАЭС нужно иметь множество документов, мигрантам из ряда стран – патент. Чтобы получить его, надо сдать медицинские анализы, экзамены на знание русского языка, истории и основ законодательства [4].

Скорая медицинская помощь киргизам предоставляется на равных с россиянами (в экстренной и неотложной формах), если нет угрозы жизни – платная. С 1 января 2017 г. им выдаётся полис ОМС [10, с.103].

Эти нововведения породили снижение числа желающих закрепиться в России на ПМЖ. В 2018 г. более 72% семейных киргизов предполагали вернуться в свою страну, чуть более 20% – периодически приезжать на работу и только 6-7% – закрепиться в России; постоянно жили в России 9,4% [21, с.89]; в 2007 г. таких было 24% [23, с.292]. Это и понятно: для всех перечисленных льгот не надо постоянно жить в России, а кроме того, если что, всегда можно вернуться. Часто молодые киргизы приезжают и для того, чтобы заработать на калым за невесту: эта традиция в Киргизстане до сих пор сильна [28].

Ещё одним отличием киргизской миграции от других стран Средней Азии является высокий процент женщин. По данным ФМС, уже в 2012-2013 гг. он достигал 40%, тогда как среди узбеков и таджиков – 18% и 16,5% соответственно [15]; к 2019 г. вырос до 20% [4]. К 2018 г. почти у трёх четвертей мигрантов из Киргизстана семьи полностью или частично жили с ними [21].

При этом киргизские женщины очень активны и инициативны. Некоторые специалисты считают, что это связано с традициями кочевников, у которых женщины всегда были более свободны, чем у оседлых мусульманских народов [17]. В том числе, на заработки в Россию часто едут 16-18-летние девушки, не имеющие жизненного опыта, в то время как таджики или узбеки отпускают работать взрослых замужних женщин. У более традиционалистской части киргизского общества есть опасения по поводу таких девушек, например, что таким будет труднее выйти замуж. Мол, «мало ли чем они там занимались»... Но надо учесть, что эти девушки часто в одиночку «тя-

нут» на себе целые семьи, например, выплачивая взятые родителями кредиты. Поэтому к ним есть и другое отношение: «Если девочка работала в Москве, значит, она сильная и всего добьётся» [11].

В последнее время в киргизской диаспоре наметилась тенденция создавать рабочие места для своих: те, кто открыл в России своё дело, дают работу землякам. А несколько лет назад стали появляться медицинские центры, спортивные клубы и даже агентства недвижимости, где киргизы сдают и продают киргизам жильё по лучшей цене, свои агентства трудоустройства (например, свои такси-группы, которые берут на работу по 100-200 таксистов [30]) и юридические конторы, где штампуют любые документы. Для развлечений – кафе и ночные дискотеки: таких точек по Москве уже более сотни. Имеются парикмахерские [6]. Из текста ясно, что уже пять лет назад всё это было. Всего в Москве около 80 киргизских ресторанов, 25-30 или более больниц и т.д. [13, с.124; 22].

Есть у московских киргизов и свои микрофинансовые организации. Так как иностранным гражданам сложно получить в российских банках кредиты, киргизские банки переехали вслед за соотечественниками. В Москве уже в 2018 г. действовало с полдюжины таких организаций [6]. Есть основания думать, что за пять лет их стало значительно больше.

У узбеков и таджиков подобных заведений несравнимо (в разы и даже в десятки раз) меньше, и понятно, почему. Помимо преимуществ, полученных киргизами в 2018 г. и позже, у них, в отличие от узбеков и таджиков, и до того была возможность упрощённого получения гражданства: до 2011 г. российские паспорта им выдавали за три месяца. Соответственно, им было легче запустить в Москве свой бизнес [6].

Спортивные клубы тоже имеются, например, по разным видам единоборств [26]. Появились футбольные команды – их уже в 2018 г. было больше 20 [6]. То, что киргизские спортклубы в основном специализируются на боевых искусствах, кое у кого вызывает опасения. И здесь надо посмотреть на вещи шире – проанализировать растущие в последние годы опасения перед наплывом мигрантов.

Многие видят опасность в том, что большинство киргизов не собирается интегрироваться в наше общество. При этом их, например, И. Белобородова, ведущего эксперта РИСИ при Президенте РФ, очень беспокоит такое количество киргизских бойцовских клубов в сочетании с опасением наличия среди их клиентов радикально-исламских настроений [6].

На мой взгляд, это преувеличение по крайней мере по трём причинам. Во-первых, ислам у киргизов сравнительно слаб, так что едва ли среди них могут возникнуть массовые симпатии к исламским радикалам. Вот данные опросов о том, что больше ценится киргизами: уважение к старикам, семейные ценности, гостеприимство, ислам же назвал только один опрошенный [13, с.152-158]. В последнее время, впрочем, в Киргизстане наблюдается рост радикального ислама. Однако, например, Г. Баялиева (Тюбингенский университет), констатируя рост в последнее время среди киргизов консерватизма, подчёркивает, что консерваторы неоднородны: есть сторонники «традиционалистского возрождения», проповедующие «чистый» киргизский образ жизни на основе эпоса «Манас», объективно противостоящие радикальной исламизации [27].

Во-вторых, в целом по России доля киргизов среди мигрантов сравнительно невелика. Так, на 2019 г. узбеки насчитывали 40% от общего числа трудовых мигрантов, таджики – 20%, украинцы – 9%, киргизы – 7% [22, с.56].

По данным переписи 2021 г., в Москве жили 16 858 киргизов. Разумеется, реально киргизов гораздо больше (есть сведения о 100 тыс., по другим данным – о 220 тыс.) [5; 17], но всё же значительно меньше, чем узбеков и таджиков.

По России в целом в 2020 г. больше всего было граждан Узбекистана – почти 3,5 млн., граждан Таджикистана – 1,9 млн., Украины – 792 тыс.; киргизстанцев было 738 тыс. [29].

А в-третьих, как уже сказано, большинство киргизов в России оставаться на ПМЖ не намерено. Среди мигрантов из региона в целом сделать это в 2022 г. планировала почти половина [7, с. 39] против 6-7% среди киргизов.

Та часть киргизов, которые намерены остаться в России, в российское общество стараются интегрироваться. О поэтическом творчестве московских киргизов, об их культурном сотрудничестве с российскими коллегами я уже писал [20]. Далее, ещё в 2017 г. киргизская диаспора первой организовала марш в День Победы и с тех пор они – активные участники «Бессмертного полка» [9] и т.д.

31 октября 2018 г. была принята новая Концепция миграционной политики РФ на 2019-2025 гг. Цель её – «создание миграционной ситуации, обеспечивающей социально-экономическое развитие страны, рост качества жизни..., обеспечение безопасности государства, защиту национального рынка труда, поддержание мира и международного согласия» [25, с.51-52]. И киргизы, в большинстве не соби-

рающиеся оставаться в России, вписываются в эту концепцию лучше прочих среднеазиатов. В связи с этим целесообразно изучить отношение в России к киргизам.

Понятно, что общие опасения, внушаемые мигрантами, распространяются и на них. Так, в Якутии весной 2019 г. имели место протесты против мигрантов из-за изнасилования киргизом якутской девушки. Однако, по данным якутской полиции в предыдущем, 2018 году в республике было совершено 296 изнасилований, из них только 4 мигрантами. Хотя эта цифра у многих вызывает сомнения [1], но именно среди киргизов, большинство которых приехало либо с семьями, либо с желанием обзавестись таковыми среди соотечественников, доля реальных и потенциальных насильников должна быть ниже.

51% россиян считают, что мигранты «способствуют криминализации общества», а 70% москвичей полагают, что численность мигрантов «чрезмерна» [13, с.25, 97] и что число мигрантов из Средней Азии надо существенно сократить. Основания для таких настроений имеются. Так, в Москве на Зеленодольской улице произошла массовая драка между киргизами и таджиками, в которой приняло участие около 150 человек. Причиной оказались ножевые ранения, полученные двумя киргизами [18]. Было подобное и в Екатеринбурге.

Однако в целом, среди многочисленных в последнее время сообщений о криминальном «беспределе» мигрантов по отношению к коренным россиянам, сведения о таковом со стороны киргизов мне лично не попадались. Некоторые авторы приводят такие отзывы о киргизах: «В целом положительно отношусь к киргизским мигрантам. Они спокойные, их не слышно и не видно. На моей памяти не припомню каких-то громких конфликтов именно с киргизами» [3].

Таким образом, позиции киргизской диаспоры в Москве и в России за пять лет укрепились, при этом едва ли выросло число желающих остаться в России на ПМЖ, большинство по-прежнему хочет только заработать. Киргизы трудятся во многих отраслях, но доля занимающихся более квалифицированным трудом среди них выше, чем среди других этносов Средней Азии. Больше, чем среди «восточных» этносов (Средняя Азия, Азербайджан), среди них лиц с высшим образованием (но меньше, чем среди других «евразийских» народов), соответственно, значительно выше число тех, кто «выбился в люди», создав, например, свои компании.

Особенно преуспели киргизы Москвы в создании инфраструктуры «для своих», от агентств по трудоустройству и кредитных организаций до индустрии развлечений.

При этом опасения, вызванные большим наплывом мигрантов в Россию, в целом представляющиеся обоснованными, на мой взгляд, мало обоснованы конкретно в отношении киргизов – как в силу сравнительной слабости у них ислама, так и в силу того, что большинство киргизов не собирается оставаться в России, а те, кто собирается, неплохо интегрируются в жизнь России. И в целом скотоводческие евразийские народы интегрируются в Россию гораздо лучше, чем оседлые народы Востока. Далее, в целом в росте криминала среди мигрантов доля киргизов невелика. К тому же киргизов существенно меньше, чем узбеков или таджиков.

Библиографический список

1. Антимигрантские волнения в Якутии: Что это было? // ЯндексДзен. 19 марта 2019. URL: <https://dzen.ru/a/XJERHsyFLwC0RtZf>.
2. Аронов Н. «Киргизов с руками отрывают» - репортаж с первой московской ярмарки вакансий для мигрантов // Москвич 6 мая 2019. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/kirgizov-s-rukami-otryvayut-reportazh-s-pervoj-moskovskoj-yarmarki-vakansij-dlya-migrantov/>.
3. Баннов Р. Много ли киргизов в Москве // Город Москва. 6 мая 2023. URL: <https://moshor.ru/kirgizy.html>.
4. Бондаренко Л. Тайная жизнь мигрантов в Москве: холодильник с мылом, киргизская дискотека // Московский комсомолец. 4 мая 2019.
5. В полиции рассказали, мигрантов из каких стран больше всего в Москве // РИА Новости. 22 апреля 2021. URL: <https://ria.ru/20210422/migranty-1729470664.html>.
6. Еленин С. Мигранты из Киргизии обустривают под себя столицу России // Комсомольская правда. – 20 августа 2018.
7. Коженев М. Мигранты из Киргизии обустривают под себя столицу России // Комсомольская В.В., Гребенюк А.В., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в Россию М.: ООО «Сам Полиграфист», 2022. 54 с.
8. Кыргызы в Москве, которые помогают соотечественникам // WE. 7 апреля 2020. URL: <https://weproject.media/articles/detail/kyrgyzy-v-moskve-kotorye-pomogayut-sootchestvennikam/>.
9. Лидер кыргызской диаспоры в Москве о спортклубах, грузе 200 и тоске по Родине // 24.kg. 11 апреля 2021. URL: https://24.kg/obschestvo/189483_lider_kyrgyzskoy_diasporyi_vmoskve_osportkluba_h_gruze_200_itoske_porodine/.
10. Лузина Т.В. (ред.). Миграционная безопасность: социально-экономический аспект. М.: Проспект, 2020. 144 с.
11. Минбаева А. Какова изнанка жизни кыргызстанских девушек в Москве? Пронзительная история // Sputnik. Кыргызстан. 28 июля 2019. URL: <https://ru.sputnik.kg/20190728/kyrgyzstan-zhyldyz-osmonova-intervyu-1045210141.html>.
12. Много ли киргизов в Москве? // Официальный сайт столицы. URL:

<https://moskva.bz/kirgizy.html>.

13.Омаров М.А. (ред.). Проблемы адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российских мегаполисах. М.: РПГУ, 2019. 205 с.

14.Перспективы кыргызской диаспоры в России. URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=2435:2017-08-04-04-24-16&catid=5:obshestvo&Itemid=6.

15.Пешкова В., Рочева А. Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы // Livejournal. 26 марта 2013. URL: <https://migrocenter.livejournal.com/107535.html>.

16.Почему киргизы живут на две семьи. URL: <https://moslenta.ru/city/kyrgyzstan.htm> (20 августа ****).

17.Размахин А., Свичкар В. «Московские девушки сначала пугали немного»: киргизы рассказали о жизни в Москве // Московский комсомолец. 27 июня 2023.

18.Родионов Дм. Таджики и киргизы делят Москву в уличных боях // Свободная пресса. 13 июля 2021. URL: <https://svpressa.ru/society/article/304041/>.

19.Россия будет платить пенсии трудовым мигрантам, иностранным гражданам из ЕАЭС. Соглашение подписано // Migranty.org. 11 марта 2021. URL: <https://migranty.org/v-pomoshh-migrantu/video-materialy/rossija-budet-platit-pensii-trudovym-migrantam-inostrannym-grazhdanam-iz-eajes-soglashenie-podpisano/>.

20.Ситнянский Г.Ю. Актуальные проблемы социальной справедливости в творчестве киргизских поэтов-гастарбайтеров г. Москвы// Вестник антропологии. 2021. № 4. С.129-148.

21.Ситнянский Г.Ю. Киргизы в России: «как дома» или «почти как дома»?// Среднеазиатские диаспоры в России: пересечение идентичностей и взаимодействие с постсоветскими государствами. М.: ИЭА РАН, 2018. С.86-97.

22.Тухтарова Е.Х. Влияние внешней трудовой миграции на экономическое развитие принимающих рынков труда. Дисс... к.э.н. Екатеринбург, 2021. 224 с.

23.Тюрюканова Е.В. Управление трудовой миграцией: долгосрочные тенденции и оперативные решения// Миграции в современной России: состояние, проблемы, тенденции. М., 2009. С.284-293.

24.Устюжанин А. «Я как робот. Ничего не замечаю уже»: откровенный рассказ таксиста, приехавшего в Москву из Киргизии // MSK1.ru. 19 сентября 2022. URL: <https://msk1.ru/text/transport/2022/09/19/71663981/>.

25.Фёдорова И.О. Управление процессом интеграции мигрантов в принимающее сообщество Санкт-Петербурга. Дисс... канд. социол. наук. СПб., 2020. 261 с.

26.Хомяков В. Москвабад по-киргизски: мигрантские откровения о русской столице заставляют задуматься // Царьград. 16 февраля 2022. URL: https://tsargrad.tv/experts/moskvabad-po-kirgizski-migrantskie-otkrovenija-o-russkoj-stolice-zastavlajut-zadumatsja_496521.

27.Центральноазиатский неоконсерватизм: нац. идентичность, гражданские свободы, вызовы в защите прав женщин и меньшинств // CABAR.asia. 29 марта 2021. URL: <https://cabar.asia/ru/tsentralnoaziatskij-neo-konservatizm-nats-identichnost-grazhdanskie-svobody-vyzovy-v-zashhite-prav-zhenshhin-i-menshinstv>.

28. Чайхана «Бишкек», кафе «Ала-Тоо» и метро в Москве – место тусовки киргизской диаспоры. Почему киргизы едут к нам и как им живется на родине // Пульс. 22 августа 2022. URL: <https://pulse.mail.ru/article/chajhana-bishkek-kafe-ala-too-i-metro-v-moskve-mesto-tusovki-kirgizskoj-diaspory-pochemu-kirgizy-edut-k-nam-i-kak-im-zhivetsya-na-rodine-8452185557594613310-7526370447462879599/>.

29. Шабалин А. Кыргызстанцы в России. Все ли они в Москве и сколько из них получили паспорта РФ // Migranty.org. 27 января 2021. URL: <https://migranty.org/novosti/kyrgyzstancy-v-rossii-vse-li-oni-v-moskve-i-skolko-iz-nih-poluchili-pasporta-rf/>.

30. August. «Теперь русские боятся киргизов»: советник президента Киргизии дал откровенное интервью // Fishki.net. 14 февраля 2022. URL: <https://fishki.net/4077942-tepery-russkie-bojatsja-kirgizov-sovetnik-prezidenta-kirgizii-dal-otkrovennoe-intervyu-o-migrantah-i-rossii.html>.

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

NATIONAL POLICY AND ITS IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Е.В. Давлатова

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

E.V. Davlatova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

Аннотация. В статье представлены результаты исследования в области национальных отношений в Республики Беларусь. Изучена и проанализирована нормативно-правовая база, регулирующая межнациональные отношения в стране.

Abstract. The article presents the results of research in the field of national relations in the Republic of Belarus. The legal framework regulating interethnic relations in the country has been studied and analyzed.

Ключевые слова: национальная политика, государственная национальная политика, Беларусь, документы, законы, суверенитет.

Key words: national policy, state national policy, Belarus, documents, laws, sovereignty.

Разработка основополагающих документов, регулирующих сферу национальной государственной политики Республики Беларусь, началась в девяностые годы XX века после обретения ею суверенитета. Появилась необходимость в создании новой нормативно-правовой базы, которая могла бы регулировать межнациональные отношения в новых социальных, экономических, политических и культурных условиях. На это и была направлена деятельность государственных структур по регулированию взаимоотношений между нациями, закрепленная в соответствующих законодательных и юридических актах. В короткий срок была создана правовая база, регулирующая межнациональные отношения в стране, в которую входят более 20 законодательных актов прямо или опосредованно регулирующих национальные отношения в белорусском обществе.

Основными базовыми нормативно-правовыми документами,

обеспечивающими правовую и политическую защиту всем народам, проживающим в стране являются: «Конституция Республики Беларусь», Закон «о национальных меньшинствах в Республике Беларусь», Закон «О гражданстве Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь «Об образовании», Закон «О культуре в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», «Кодекс Республики Беларусь о культуре», «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь», «Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2021–2025 годы».

Согласно статье 1 Закона «О национальных меньшинствах Республики Беларусь», «под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории Беларуси, имеющие ее гражданство, которые по своему происхождению, языку, культуре или традициям отличаются от основного населения республики» [1].

В Конституции Республики Беларусь – основном Законе Республики Беларусь, имеющем высшую юридическую силу, в статье 14 говорится о том, что «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов» [2].

Согласно статье 6 Закона «О национальных меньшинствах Республики Беларусь», «государство гарантирует гражданам Республики Беларусь, относящим себя к национальным меньшинствам, равные политические, экономические и социальные права и свободы, осуществляемые в установленном законодательством Республики Беларусь порядке, в том числе: право свободно избирать и быть избранными в государственные органы Республики Беларусь на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании» [3]. А также нацменьшинства имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах Республики Беларусь [3]. Среди прав, перечисленных в данном Законе, зафиксировано право на создание общественных объединений и вступление в действующие общественные объединения [3]. Также создавать общественные объединения и участвовать в их деятельности нетитульным нациям предусмотрено и в статье 2 Закона «Об общественных объединениях» [4]. Над созданием и улучшением данного Закона велась работа с 1994 по 2013 год, было внесено 11 изменений и дополнений. Право свободно избирать и быть избранными в госу-

дарственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (статья 38), право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей (статья 37), предусмотрено в Конституции Республики Беларусь [2].

В соответствии со статьей 5 Конституции «политические партии, другие общественные объединения, действуя в рамках Конституции и законов Республики Беларусь, содействуют выявлению и выражению политической воли граждан, участвуют в выборах» [2]. В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на референдумах, республиканских и местных собраниях.

Таким образом, граждане, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут принимать участие в политическом процессе страны как в пассивной, так и в активной форме.

Важным элементом национальной политики является создание условий свободного развития национальных культур, языков, традиций и обычаев, уважительное отношение к культурам других народов. Этот вопрос нашел свое отражение в ряде правовых документов, принятых в республике. В частности, согласно статье 15 Конституции республики Беларусь «государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь» [2]. В соответствии с Законом «О культуре в Республике Беларусь», принятом 4 июня 1991 года, «целью государства провозглашается возрождение и развитие белорусской национальной культуры и культур национальных сообществ Беларуси, как составной части общечеловеческой культуры» [5]. В соответствии со статьей 10 указанного Закона, «лицам любой национальности и этнической группы, которые проживают на территории республики, гарантируется право на развитие своей культуры и языка, на создание национальной школы, предприятий и учреждений культуры (театров, музеев, издательств и т.п.); граждане Республики Беларусь любой национальности и этнической группы имеют право на создание культурных объединений, ассоциаций, культурно-просветительных товариществ и обществ, национальных культурных центров» [5]. Данный Закон утратил свою силу в соответствии с Кодексом Республики Беларусь «О культуре» от 20 июля 2016 года, который в настоящее время является нормативным документом, регулирующим культурную политику в государ-

стве. В Кодексе в статье 32 прописаны права граждан республики в области культуры, в частности, на достойный уровень культурной жизни, «культурную самобытность, возрождение, сохранение и развитие национальных культурных традиций» [6]. Согласно 34 статьи Кодекса, «иностранные граждане и личности без гражданства на территории Республики Беларусь пользуются правами и производят обязанности в сфере культуры наравне с гражданами Республики Беларусь, если другое не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь, сим Кодексом и другими законодательными актами, международными договорами Республики Беларусь» [6]. Право на культурную самобытность, возрождение, сохранение и развитие национальных культурных традиций гарантируется каждому гражданину, проживающему в республике и представителям нацменьшинств прописано в статье 39 данного документа.

В соответствии со статьей 11 Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», «памятники истории и культуры национальных меньшинств, находящиеся на территории Республики Беларусь, являются частью культуры Республики Беларусь и охраняются государством в соответствии с законодательством Республики Беларусь», а согласно статье 8 данного Закона, «национальным меньшинствам государство содействует созданию условий для развития образования и национальных культур, путем выделения из республиканского и местного бюджетов необходимых для этого денежных средств» [1].

Таким образом, видно, что никаких препятствий для участия в деятельности национальных культурных объединений, нацменьшинств, лиц без гражданства и граждан иных государств на территории Беларуси нет.

Согласно статье 17 Конституции Республики Беларусь, государственными языками в стране являются белорусский и русский языки. В соответствии со статьей 2 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь», «Республика Беларусь проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики» [7].

Согласно статье 3 указанного Закона «гражданам Республики Беларусь гарантируется право пользоваться их национальным языком. Им гарантируется также право обращаться в государственные органы, органы местного управления и самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения на белорусском, русском или другом приемлемом для сторон языке» [7].

Статьей 6 предусмотрено, «что всякие привилегии либо ограничения прав личности по языковым признакам недопустимы, а публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользовании ими, проповедь вражды на языковой почве влекут установленную законом ответственность» [7].

Законом гарантируется, право на воспитание и получение образования на родном языке имеют представители всех национальностей, которые живут в стране (статья 21), право на сохранение и развитие культуры на языках других народов, представители которых проживают в республике. Право на учреждение средств массовой информации, издательскую деятельность, а также на получение, хранение и распространение информации на родном языке (статья 27).

Государственные структуры Беларуси стремятся к обеспечению оптимальных условий для сохранения и развития самобытности, культур и языков всех национальностей, представители которых проживают в Беларуси. При этом учитываются объективные особенности формирования конкретных национальных общностей на территории Беларуси, степени сохранности их представителями национальной культуры, самобытности и распространения национального языка, запросов и реальных потребностей представителей национальной группы.

Согласно статье 6 Закона Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь» определено, «что в местах компактного проживания граждан определенной национальности в образовательных или воспитательных учреждениях организуется изучение языка этой национальности, могут создаваться школы, группы или классы, в которых на соответствующем языке осуществляется воспитание или обучение» [8].

Правовая база по национальным отношениям постоянно совершенствуется. В связи с этим 13 января 2011 года был принят новый Кодекс Республики Беларусь об образовании, в который в последующем неоднократно вносились дополнения и изменения в течение 2011-2022 гг. Согласно статье 112 Кодекса «иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие за пределами Республики Беларусь, имеют право на образование в республике Беларусь в государственных учреждениях высшего или среднего специального образования» [9].

Реализация религиозных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в соответствии с законодательством Респуб-

лики Беларусь осуществляется с помощью Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в 1992 году, и также корректировался несколько раз с учетом изменений в конфессиональных отношениях, происходивших в последние годы в стране [10].

В 1997 году в республике был создан Государственный комитет по делам религий и национальностей республики Беларусь, основная функция которого, была в контроле над соблюдением законодательства в области соблюдения прав и свобод представителей национальных меньшинств, в сферах образования, культуры, языка и вероисповедания. В целях совершенствования деятельности органов государственного управления по проведению государственной этноконфессиональной политики, в ноябре 2001 г. он был преобразован в Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь [11].

Указом Президента республики Беларусь 5 мая 2006 года была учреждена должность Уполномоченного по делам религий и национальностей. В составе областных исполнительных комитетов и Минского горисполкома созданы соответствующие структурные подразделения (отделы по делам религий и национальностей). Среди основных задач, поставленных перед отделами по делам религий и национальностей, хотелось бы выделить следующие: «рассмотрение вопросов, возникающих в сфере взаимоотношения государства и религиозных организаций, государства и общественных объединений граждан, относящих себя к национальным меньшинствам; оказание по просьбе религиозных организаций и общественных объединений граждан, относящих себя к национальным меньшинствам, содействия в достижении ими договоренностей с государственными органами, содействие в укреплении взаимопонимания и терпимости между религиозными организациями различных вероисповеданий и представителями национальных общностей» [12].

При Уполномоченном по делам религий и национальностей функционирует специальный совещательный орган из представителей национальных меньшинств – Межэтнический Консультативный совет представителей общественных объединений граждан, относящих себя к национальным меньшинствам.

Республика Беларусь стремится активно развивать сотрудничество с другими государствами в сфере обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, обмена опытом государственного регулирования национальных отношений. Закон «О гражд-

данстве Республики Беларусь» установил защиту со стороны государства прав и интересов граждан страны, статус иностранных граждан в стране, лиц без гражданства, проживающих в республике, а также возможность и условия приобретения гражданства Республики Беларусь, его утраты.

В законе четко определено правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства: «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются теми же правами и свободами и выполняют те же обязанности, что и граждане республики Беларусь, за некоторыми исключениями, когда это диктуется интересами Республики Беларусь; иностранные граждане и лица без гражданства равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расово и национально принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий и других обстоятельств»[13].

Таким образом, характеризуя государственную национальную политику в Беларуси, необходимо отметить, для нее свойственно отсутствию каких-либо столкновений и конфликтов на этнической, расовой, лингвистической и конфессиональной основе. Фактическое состояние национальных отношений в Беларуси в настоящее время характеризуется стабильностью, межнациональным согласием, развивается в рамках действующего законодательства. В то же время следует учитывать, что в настоящее время республика сталкивается с новыми геополитическими вызовами и угрозами. Увеличение межнациональных конфликтов, усиление миграционных процессов в современном мире, санкционное давление на страну будут требовать объективной корректировки в подходах управления в области национальных и религиозных отношений.

Библиографический список

1. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 11 ноября 1992 года (с изменениями и дополнениями от 5 января 2004 г, от 7 мая 2007 г), текст по состоянию на 1 августа 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики. Беларусь. Минск, 2011.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г, 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г). // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=ld3elq1ppa766092389> (дата обращения: 25.10.2023).

3. Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Бела-

рუსь. URL: <https://belzakon.net/>. (дата обращения 15.11.2022).

4. Закон Республики Беларусь «Об общественных объединениях» от 4 октября 1994 года (с изменениями и дополнениями от 31.01.1995, 29.11.1999, 22.06.2003, 19.07.2005, 8.05.2007, 21.07.2008, 31.12.2009, 4.01.2010, 8.11. 2011, 4.11.2013, 31.12.2009). // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19403254> (дата обращения: 25.10.2023).

5. Закон «О культуре в Республике Беларусь» от 4 июня 1991 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2012 г.). Утратил силу в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года. // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30975170#pos=0;0 (дата обращения: 8.12.2022).

6. Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022 г.). // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=35508167#pos=589;-45. (дата обращения: 8.12.2022).

7. Закон «О языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.01.2021 г.). // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39249115#pos=1;-25. (дата обращения: 10.12.2022).

8. Закон Республики Беларусь «Об образовании» от 29 октября 1991 года (с изменениями и дополнениями от 22 марта 2005, от 3 мая 1996, от 9 ноября 1999 года). // Об образовании. URL: <https://normativka.by/lib/document/500070777/rev/2011011399> (дата обращения: 15.10.2023).

9. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 года (с изменениями и дополнениями от 12 декабря 2011, от 26 мая 2012, от 4 января 2014, от 18 июля 2016, от 18 июля 2019, от 23 июля 2019, от 14 января 2022). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk1100243>. (дата обращения: 15.10.2023).

10. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 года (с изменениями и дополнениями от 17 января 1995, от 29 ноября 1999, от 31 октября 2002). // Об образовании. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19202054>. (дата обращения: 17.10.2023).

11. Указ президента Республики Беларусь № 707 от 27.11.2001. О комитете по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь. URL: belzakon.net (belzakon.net). (дата обращения: 19.10.2023).

12. Постановление Совета министров Республики Беларусь 15 июля 2006 г. № 891 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600891>. (дата обращения: 25.09.2023).

13. Закон «О гражданстве Республики Беларусь» 1 августа 2002 года (с изменениями и дополнениями от 22 июня 2006, 4 января 2010, 24 декабря 2015, 20 июля 2016, 10 декабря 2020, 5 января 2023.). // Мир права. URL: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=H10200136 (дата обращения: 21.09.2023).

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В БССР В 1920-Е ГОДЫ

NATIONAL-CULTURAL REVIVAL IN THE BSSR IN THE 1920-S

И.В. Коледа

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

I.V. Koleda

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национально-культурного строительства в БССР в 1920-е годы. В комплексе мероприятий по осуществлению политики белорусизации решались проблемы разработки белорусского языка, становления издательского дела, системы образования и науки. Шло активное развитие белорусской литературы, театрального, изобразительного и киноискусства, а также культуры других народов, проживавших на территории Беларуси.

Abstract. The article deals with the issues of national-cultural construction in the BSSR in the 1920s. In the complex of measures to implement the policy of Belarusianization, the problems of developing the Belarusian language, publishing, education and science were solved. There was an active development of Belarusian literature, theater, fine arts and cinema, as well as the culture of other peoples living on the territory of Belarus.

Ключевые слова: национальная политика, белорусский язык, издательство, краеведение, литературное объединение, изобразительное искусство, кино.

Key words: national policy, Belarusian language, publishing, local lore, literary association, fine arts, cinema.

В историю Беларуси 1920-е годы вошли как период возрождения, расцвета белорусской культуры и языка. И наиболее интересным, можно сказать, уникальным явлением этого времени стала белорусизация – политика национально-государственного и национально-культурного строительства.

Развитие белорусского языка как приоритетное направление белорусизации и расширение сферы его использования увеличили спрос на белорусскую книгу, учебники, журналы. В связи с этим уже в 1921 г. было создано Государственное издательство Беларуси, а в 1922 г. начало работу кооперативно-издательское товарищество «Возрождение» (прежде всего с целью издания учебников для белорусских школ и произведений художественной литературы), в конце 1922 г. реорганизованное в издательство «Советская Беларусь».

В 1924 г. эти два издательства были объединены в единое Государственное издательство Беларуси, планы которого предусматривали издание литературы на языках народов разных национальностей, проживавших на территории Беларуси. И если в 1924–1925 гг. Белгосиздательство выпускало книги на четырех языках – белорусском, русском, еврейском и польском, то в 1927 – 1928 гг. – уже на шести (еще на литовском и латышском) [2, с. 229].

На белорусский язык постепенно переводились газеты и журналы. В 1927 г. на белорусском языке издавались газеты – «Советская Беларусь», «Звезда», «Белорусская деревня», «Красная смена»; журналы – «Пламя», «Молодняк», «Высота». Одновременно выходили газеты и журналы и на языках национальных меньшинств, проживавших на территории Беларуси: на польском языке – газета «Орка», на русском – «Рабочий», «Заря Запада», «Полесская правда», на еврейском – газета «Октябрь», для молодежи – «Юнгер-Арбайтер», журнал «Штерн», на литовском языке – газета «Красный пахарь». В 1928 г. из 17 республиканских газет 9 издавались на белорусском языке, 4 – на русском, 2 – на польском, 1 – на еврейском и 1 – на литовском [1, с. 29–30].

К концу 1929 г. в Беларуси насчитывалось пять республиканских издательств: Белорусское государственное издательство, газетно-журнальное издательство ЦК КП(б)Б «Звезда», ЦК ЛКСМ «Красная смена», «Советская Беларусь», издательство ЦСПСБ.

Расширение издательского дела в 1920-е гг. оказало значительное влияние на развитие системы народного образования, национальной культуры, науки. Увеличилось издание как белорусской литературы, так и произведений русской и мировой классической литературы в переводе на белорусский язык, что позволило ближе познакомиться с творчеством известных писателей, а также открыть для себя и новые малоизвестные имена.

Рост национального самосознания пробудил интерес к истории родного края в самых широких кругах населения, что, в свою очередь, привело к необходимости расширения информации по истории Беларуси. Научным центром по всестороннему изучению белорусской истории стал Институт белорусской культуры (Инбелкульт). Особенно активно его работа началась с осени 1925 г., когда была создана историко-археологическая комиссия во главе с профессором М. Довнор-Запольским, взявшая на себя издание исторических источников под названием «Белорусский архив».

Начиная с 1924 г. в Беларуси массово возникают краеведческие

организации – местные, районные, окружные. Их деятельность была широкой и разноплановой: проводились научные экскурсии, экспедиции, собирались экспонаты для музеев, фольклорные произведения, издавались рукописные сборники и журналы. В начале 1928 г. в Беларуси насчитывалось уже 301 краеведческая организация и 18 музеев (в Витебске, Минске, Гомеле, Могилеве, Слуцке, Полоцке, Мозыре) [4, с. 259]. Большой популярностью пользовался журнал «Наш край», где освещалась работа краеведческих кружков. Издавались также и местные неперIODические сборники («Витебщина», «Полоччина», «Могилевщина»).

В 1920-е гг. в непростых условиях шло развитие белорусской литературы, для которой были характерны творческие поиски и интересные находки. В это время в Беларуси действовало несколько литературных объединений. В 1923 г. начала свою деятельность группа «Молодняк», собравшая молодых поэтов, прозаиков, драматургов (М. Чарот, А. Александрович, А. Дудар, В. Дубовка, А. Вольный, Я. Пуца, К. Крапива, П. Трус, П. Глебко, К. Черный, М. Лыньков). Основное направление своего творчества литераторы видели в поисках литературных талантов в народе, новых форм, средств и приемов в литературе. Вместе с тем многие молодняковцы недооценивали значение классического наследия, противопоставляли молодых писателей «старым».

В 1926 г. было создано новое литературно-художественное объединение «Высота» (А. Бабареко, Д. Бедуля, П. Глебко, В. Дубовка, К. Крапива, М. Лужанин, Я. Пуца, К. Черный), ставившее целью сохранение культурного наследия и национальных традиций через развитие прежде всего белорусского языка и белорусской жанровости, заинтересованность молодежи в построении новой культуры через приобщение к духовному наследию народа.

На рубеже 1927–1928 гг. сформировалось еще одно литературное объединение – «Пламя», куда вошли вместе с молодыми и писатели более старшего поколения, в т. ч. Я. Колос, Я. Купала, Т. Гартный, А. Вольный, А. Гурло, М. Зарецкий, М. Чарот и др. Свои задачи они связывали с разьяснением национальной формы. Тогда были изданы сборник стихов «Наследие» Я. Купалы и его поэма «Без названия», поэмы Я. Колоса «Новая земля» и «Сымон-музыкант» и его повесть «В глубине Полесья», повесть Т. Гартного «Соки целины».

В конце 1920-х гг. относительно демократический период литературной жизни закончился. Свобода творчества все больше стала

ограничиваться рамками установок и требований большевистской идеологии.

Вместе с литературой все активнее развивалось национальное театральное искусство. Первый белорусский государственный театр был создан еще в 1921 г. под руководством Е. Мировича, выдающегося режиссера, драматурга и актера. Вместе с классикой он ставил и произведения белорусских драматургов: это пьесы М. Чарота «На купалье», В. Горбачевича «Свадьба», Я. Купалы «Раскиданное гнездо», Е. Мировича «Кастусь Калиновский». Здесь начинали работать такие актеры, как К. Владомирский, Б. Платонов, Л. Ржецкая, В. Галина, чье профессиональное мастерство в скором времени стало известно далеко за пределами Беларуси.

В 1921 г. для подготовки национальных актерских кадров по инициативе Наркомата просвещения БССР в Москве была создана Белорусская драматическая студия (с 1923 г. – Белорусский государственный институт искусства).

В 1926 г. в Витебске начал свою работу Второй белорусский государственный театр (художественный руководитель – С. Хачатуров). На сцене театра играли такие актеры, как С. Станюта, Р. Кошельникова, П. Молчанов.

В Минске еще в 1920 г. начала свою деятельность Белорусская театральная труппа под руководством В. Голубка, известного белорусского писателя, режиссера, актера. В 1926 г. труппа была преобразована в Белорусский государственный передвижной театр (с 1932 г. – Третий Белорусский государственный театр), который выступал в минских клубах, а также показывал спектакли по всей Беларуси. Театр придерживался традиций белорусской национальной культуры, и спектакли его, насыщенные музыкой, песнями, национальным колоритом, пользовались большой популярностью.

В 1929 г. в Беларуси насчитывалось уже шесть театров – кроме вышеназванных еще Государственный еврейский театр, Еврейский и Польский передвижные театры, многочисленные студии и самодеятельные театральные коллективы.

Развитие театрального искусства в 1920-е годы шло в общем русле белорусизации: на театральных сценах ставились пьесы как классического репертуара, так и современных произведений, с учетом театральных традиций закладывались основы новых, шли поиски путей усовершенствования профессионального мастерства.

Сезон 1927–1928 г. совпал с началом усиления идеологического террора со стороны советской власти. Официальная политика в сфере

театра все более нацеливается на вытеснение пьес, отражающих жизнь белорусского народа. Все больше места в театральной афише занимают идеализированные произведения «пролетарского» содержания [3, с. 182].

В 1920-е гг. становится известным белорусское изобразительное искусство. Следует отметить, что если новая белорусская литература могла опереться на родной язык, на опыт своих предшественников (В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича) и имена уже широко известных мастеров слова (Я. Купалы, Я. Колоса, М. Богдановича), то новое белорусское искусство такой опоры не имело. Художники, которые работали в Беларуси в 1920-е годы (А. Грубе, М. Дучиц, А. Костелянский, И. Мильчин), мало что знали о белорусских художественных традициях, о своих предшественниках.

Изучение истории белорусского искусства началось по инициативе выдающихся белорусских искусствоведов – М. Щекотихина и М. Касьперовича. Первый организовал при Белорусском государственном университете кафедру истории белорусского искусства и возглавил работу Комиссии истории искусства секции белорусского искусства при Институте белорусской культуры. М. Касьперович стал инициатором изучения истории белорусского искусства в Витебском художественном техникуме и многое сделал для популяризации изучения наследия белорусского искусства.

В скором времени определились новые направления в изобразительном искусстве: реализм (В. Волков, М. Дучиц), импрессионизм (В. Кудревич), неореализм (М. Филиппович, И. Ахремчик), декоративное направление (А. Марикс, В. Тихонов).

Рубежом, с которого начинается принципиально новый этап в развитии изобразительного искусства Беларуси, можно считать 1925 г., когда в Минске открылась первая Всебелорусская художественная выставка, благодаря которой удалось выявить художников, работавших в Беларуси, и познакомить с их творчеством широкие круги населения.

В 1927 г. было создано Всебелорусское объединение художников (А. Грубе, И. Дучиц, П. Мрачковская, А. Астапович, А. Тычина и др.), ставившее своей целью объединение творческих сил Беларуси, разработку плана развития белорусского изобразительного искусства, способствовало организации выставок, студий и т. д. Кроме Минска существовали филиалы в Витебске, Гомеле, Могилеве, а также в Москве и Ленинграде.

В 1928 г. свою работу начало Белорусское художественное

товарищество «Луч» (А. Вало, В. Бохан, В. Ковалев, В. Мурашов, В. Тиханович), деятельность которого была самой разной: это и лабораторные практические занятия, доклады по истории искусства, о белорусском народном творчестве, публичные лекции, вечера, диспуты, а также путешествия по БССР и СССР с целью ознакомления с художественным творчеством разных народов.

К сожалению, благоприятные условия для развития национального искусства фактически существовали всего три года – с 1927 по 1930. Однако многое из того, что было сделано за это время, с полным основанием можно отнести к белорусской художественной классике.

В 1924 г., был принят декрет СНК БССР о создании Государственного управления по делам кино. Производственная деятельность Белгоскино начинается с 1926 г., когда был создан первый художественный фильм «Лесная быль» (режиссер Ю. Тарич) по повести М. Чарота «Свинопас». За короткое время эта молодая организация не только наладила показ кинофильмов в городах, но и развернула свою деятельность в сельской местности, где работали кинопередвижки.

Первые белорусские художественные фильмы по своей тематике можно разделить на фильмы, посвященные гражданской войне («Лесная быль», «Сосны шумят»), историко-революционным событиям («Кастусь Калиновский»), борьбе в Западной Беларуси («До завтра»), мирному строительству («Песня весны»).

В 1920-е годы активизируется деятельность культурно-просветительских учреждений. Центром политической и культурно-просветительской работы в сельской местности стали избы-читальни, народные дома, где проводилось коллективное чтение газет и журналов, беседы на политические темы, работали кружки художественной самодеятельности. Важное место в повышении культурного уровня людей, формировании национального самосознания принадлежало библиотекам.

Пропаганда белорусской истории, народного творчества велась Государственным музеем, созданным в августе 1923 г. в Минске. В 1928 г. он насчитывал пять отделов: историко-археологический, нумизматический, этнографический, церковно-археологический и художественный. Сотрудники музея организовывали экспедиции для изучения различных памятников художественной культуры (на Случчину, Бобруйщину, Мозырщину, Минщину).

В годы белорусизации было немало сделано для формирования национального самосознания народа, развития его культурного уров-

ня. Всесторонне изучалась культура и история белорусского народа; появилось немало молодых белорусских писателей, которые принесли в белорусскую литературу новые интересные произведения; был заложен фундамент белорусского национального театра; в эти годы становится известным белорусское изобразительное искусство, для которого были характерны разные направления, творческие поиски новых художественных форм; начало свою деятельность белорусское кино.

Библиографический список

1. Асноўныя вынікі работы ўраду БССР. Да перавыбараў Саветаў. 1928 – 1929 г. Мінск: Выд-ва ЦВК і СНК БССР, 1928. 150 с.
2. Восьмы Ўсебеларускі з’езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. 486 с.
3. Глыбінны Ул. 3 гісторыі беларускага тэатру. Тэатральная дыскусія 1928/1929 // Спадчына. 1997. № 3. С. 182–191.
4. Трэпет Л. Краязнаўства. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1997. Т. 4. С. 257–260.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К «ФЕДЕРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК»

THE FIRST STEPS TOWARDS THE "FEDERATION OF NATIONAL REPUBLICS"

В.И. Петров

Российский технологический университет МИРЭА (Московский институт радиоэлектроники и автоматики), г. Москва, Россия

V.I. Petrov

Russian Technological University MIREA (Moscow Institute of Radioelectronics and Automation), Moscow, Russia

Аннотация. В статье дан теоретический анализ возникновения принципов процесса объединения народов, вошедших в состав СССР. Автор приходит к выводу, что опыт объединения народов в единые государства или содружества подтверждает необходимость единой идеи, такой как борьба с капиталистической эксплуатацией и с колониальным грабежом, что весьма актуально и в XXI в. для всех народов, особенно для «не западного» мира.

Abstract. The article provides a theoretical analysis of the emergence of the principles of the process of unification of the peoples who became part of the USSR. The author comes to the conclusion that the experience of uniting peoples into single states or communities confirms the need for a single idea, such as the fight against capitalist exploitation and colonial plunder, which is very relevant in the XXI century. for

all peoples, especially for the "non-western" world.

Ключевые слова: религиозные чувства народов, национальные движения, национальная буржуазия, принцип федерации, автономия.

Key words: religious feelings of peoples, national movements, national bourgeoisie, the principle of federation, autonomy.

В современный период коррекции состава Российской Федерации весьма актуальным является изучение первых шагов по созданию СССР как многонационального государства. К 1922 г. у В.И. Ленина сложилось достаточно ясное представление о роли «национальных чувств» в борьбе с буржуазным имперским засильем в социально-экономических вопросах жизни народов окраин России. Руководство РКП (б) понимало, что есть надежда использовать революционно-освободительные устремления народов Средней Азии для дальнейшего продвижения «пролетарской революции» дальше, в Сирию, в Персию, т. е. для развития мировой революции [3, с.141]. Дело в том, что на В.И. Ленина и его соратников повлияли некоторые события первой мировой войны, когда национально-освободительный аспект мог влиять на отношение народов к идее революции. В 1920-х гг. именно борьба народов против засилья империализма, в лице владельцев предприятий, как общего угнетателя населения окраин помогла Красной армии в разгроме, например, басмачей и иностранной контрреволюции в Средней Азии, на Южном Кавказе и в Закавказье. Особую роль и значение при объединении народов в федеративное государство имеет факт терпимого, уважительного отношения к религиозным чувствам народов, входящих в новое образование. Надо отметить, что пока был жив В.И. Ленин, прямых указаний по ущемлению мусульманских священников как на Юге, так и в целом по России не было, и по ограничению мусульманских культов мероприятий не проводилось. Политика большевиков по отношению к священнослужителям не носила еще репрессивного характера до осени 1925 г. Даже в отношении православной церкви Ленин пытался не нарушать процесс богослужений как в ходе Гражданской войны, так и в период борьбы с голодом в 1921–1923 гг. Так, при принятии решения об изъятии церковных ценностей для спасения голодающих, было отмечено, что можно изымать ценности, отсутствие которых не повлияет на отправление культа, с чем согласился и сам патриарх Тихон [1]. Безусловно, на местах представители революционной народной власти совершали произвольные «перегибы» в отношении священников разных конфессий, но народ сам проявлял элементы мести «заевшимся» и наиболее зажиточным служителям культа. Вина некоторых священников в го-

нениях на церковь явно была заметной: угодничество местному «баю», богатому купцу, равнодушие к чаяниям бедноты, спесь и надменность – все это присутствовало. «Шторм» революции затронул и духовенство, особенно после смерти В.И. Ленина, т.е. с 1925 г. В начале же 1920-х гг. отношение советской власти к исламу отличалась достаточно большей терпимостью, чем к большинству христианских церквей. В пределах советской России свободно совершались исламские ритуалы, действовали магометанские школы и суды шариата, а исламские священники имели, по-прежнему, свои гражданские права в полном объеме и не попадали в число лишенцев [7, с. 237]. Но это все переменится уже в 1925 г., когда противостояние басмачей было уже сломлено. ЦК ВКП (б) решил, что теперь можно действовать смело и началась ликвидация религиозных владений, ликвидировались вакфы (земельные владения при медресе или при мечети), эти земли перешли теперь в государственную систему, и были предназначены для больниц и школ.

По мнению В.И. Ленина, большевики должны были поддерживать лишь такие национальные движения, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение [4, с. 144]. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин пришел к выводу, что теперь классовая борьба осуществляется на международном уровне и колониальные народы в целом подвергаются эксплуатации со стороны промышленно развитых государств Европы и Северной Америки, из чего следовало, что революционным становится лозунг национального самоопределения. С 1920-х гг., лозунг национального самоопределения был наиболее актуальным для России. Советской власти необходимо теперь было поощрять нерусских подданных империи к свержению угнетателей, свергнуть их и взять собственную судьбу в свои руки. Причем, для такой борьбы иногда допускалась возможность руководства народным движением и национальной буржуазией [2, с. 110].

Ленинский план создания единого многонационального государства с самого начала мог быть представлен в двух вариантах: либо полностью дать возможность провозгласить свою независимость, либо предложить войти в состав Советской России как составные части. В реальной действительности получилось так, что почти все народы, начиная с 1917 г. и по момент, касающийся каждой республики в дальнейшем избрали не полную зависимость, а либо автономный статус внутри федерации, либо союзную (равноправную) ассоциацию. Естественно, надежды на мировую революцию исчезли уже в 1919 г.,

и предложить истинный интернационализм в 1922 г. Ленин не мог, а единственное решение могло выглядеть как возможность предоставить им войти в состав многонационального государства, где русские преобладали бы количественно, господствовали в администрации и где доминировали бы русский язык и культура. Для народов возникала возможная тенденция русификации, а это было бы то же самое явление, против которого они боролись при царе, не без участия самого В. Ленина [8, с. 95].

Видимо, опасность эта еще усугублялась и теорией самого коммунизма, где национальный вопрос рассматривался как второстепенный по отношению к «пролетарскому интернационализму». Правительство советской России с начала своего существования начало формировать федеративную структуру власти, которую в ЦК партии и ранее критиковали, обсуждали и даже не принимали ее в теории, но на практике строили ее. В декларации «прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.) дано ясное определение нового советского государства как «федерации советских национальных республик». Тогда это было всего лишь декларацией, так как советская власть в это время еще не контролировала в реальности большую часть бывшей империи, где предполагалось создание национальных республик. Федерация была делом будущего, она считалась более желательной, чем дезинтеграция. Тем не менее, само применение этого слова имело далеко идущие последствия. Оно хорошо сочеталось с «Декларацией прав...» (2 ноября 1917 г.), где провозглашались равенство и суверенность всех народов страны, ликвидировались все национальные привилегии и запреты и провозглашалось право наций на самоопределение «вплоть до отделения и создания независимых государств».

С первых дней деятельности СНК национальный вопрос присутствовал в любой повестке. Сразу же, в первых декретах отражались интересы трудящихся национальных окраин страны. Так, уже на второй день после съезда в Смольном дворце принимаются два важнейших политических документа учредительного характера для крестьянской и многонациональной страны – «Декрет о земле» и «Декрет о мире». В этих документах впервые обосновывалась законность национально-освободительной борьбы и, так называемых, сепаратистских движений. Надо сказать, что в «Декрете о мире» речь шла не только о нациях, но уже и о национальностях, каждая из которых, если вспомнить слова Ф. Энгельса, должна была стать «вершителем собственной судьбы» [6, с. 319].

Совет Народных Комиссаров утвердил начала своей деятельности по вопросу о национальностях, деятельности «ведущей к полному взаимному доверию народов России». Программа национальной политики СНК, таким образом включила уже с начала 1918 г. такие принципы, как: равенство и суверенность народов, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп [9, с. 107].

Надо отметить, что уже с января 1918 г. Советами было заявлено все, что возможно для отдельного народа, за исключением прав на культурно-национальную автономию. Уже фактически складывалось так, что Советская Россия учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федеративное объединение советских национальных республик. Таким образом, видим, что с самого начала отсутствует положение о суверенности отдельных наций, несмотря на то, что провозглашалось как таковое право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В таком понимании само понятие «советская национальная республика» отражает только форму политического строя в России – власть рабочих и крестьян, а не статус такого образования.

Впоследствии, третий съезд Советов устанавливает право рабочих и крестьян каждой национальности принять решения на своих полномочных съездах своих советов об участии в единой «федеративной» системе власти России. Такой опыт объединения народов в единое государство подтверждает необходимость единой идеи, такой как борьба с капиталистической эксплуатацией и колониальным грабежом. Удивительно, но и сегодня вопрос объединения народов против неоколониализма коллективного Запада опять актуален. Современное стремление государств к многополярному миру не исключает потребности лидера свободных государств, о чем открыто заявили представители Индии, Китая и ряд государств, бывших в составе СССР на Валдайском международном форуме в октябре 2023 г., напрямую называя таким лидером Россию [10]. В такой международной обстановке укрепляется национальное единение в самой Российской Федерации. Остается только выработать принципы соблюдения социальной защищенности населения в условиях сохранения рыночной экономики в России, или же внести коррективы в правила взаимодействия частного бизнеса и государства.

В заключении необходимо констатировать тот факт, что «Де-

ларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» восстановила марксистскую трактовку «принципа нации» и «принципа национальностей». Причем, «принцип национальностей» характеризовал необходимый объем самоуправления рабоче-крестьянских национальных административно-территориальных образований централизованного унитарного государства нового типа. Декларация как конституционный, учредительный акт вошла как главная основа в первую Конституцию советской России. Отличие было только в том, что появился термин «автономия». Такое явление как «автономия» в Конституции пояснялась тем, что Советы областей, отличавшихся особым бытом и национальным составом, могли бы объединиться в автономные областные союзы, которые вошли бы на началах федерации в РСФСР. Но все же, надо сказать, в Конституции России 1918 г. не было использовано понятие «республика». В связи с этим большевистской партии еще предстояло вести споры до 1922 года по главному дискуссионному моменту в вопросе объединения национальных территорий. «Ленинский» и «сталинский» проекты объединения народов в Союз обсуждались до момента образования СССР, но в достаточно ограниченном круге членов ЦК партии. Утверждая, что РСФСР лишь формально отражала федеративный союз, можно сделать такой вывод: РСФСР была еще переходным советским образованием, имевшим признаки союзного государства и федерации на основе областной автономии, то есть сочетавшим в себе «принцип нации» и «принцип национальностей» одновременно [5, с. 247].

Библиографический список

1. Акты Патриарха Тихона и Трагедия Русской Церкви XX века. Выпуск 18. URL: <https://subscribe.ru/archive/religion.akt/200606/15112315.html>. (дата обращения: 2 октября 2023)
2. Касьянов В.В., Петров В.И. Социально-политическая характеристика российского общества XIX века (попытка макроисторического анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1-1. С. 108–113.
3. Ленин В.И. Собрание сочинение. Т. XXV. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 141.
4. Ленин В.И. ПСС. Издание 5. Т. 27. Август 1915 - июнь 1916. Москва, Издательство политической литературы, 1969. С. 144.
5. Ленин В.И. ПСС. Издание 5. Т. XXV. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 247.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40. Издание второе. Москва: Издательство политической литературы, 1975. С. 319.
7. Москаленская Д.Н. (НГУ). Сборник «Репрессированная сибирская провинция». Новосибирск: изд-во: «Сибпринт», 2013. С. 237.
8. Петров В.И. Социально-политические аспекты развития общества в

России в XIX в. // Современные исследования государства и общества. 2016. № 3–4. С. 93–99.

9. Пилюгина Т.В., Петров В.И., Бабкова Л.И. Развитие конституционного права граждан на информацию о деятельности органов публичной власти в современных условиях. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 104–109.

10. URL: <https://yandex.ru/video/preview/5141608801342669672>. (дата обращения 15.10.2023).

ОТГОЛОСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И КОРЕНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

ECHOES AND CONSEQUENCES OF ETHNO-LINGUISTIC POLICY AND ROOT-FORMATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN MODERN REALITIES

А.В. Самбуева

МАОУ СОШ № 63 г. Улан-Удэ, Россия

A.V. Sambueva

School № 63, Ulan-Ude, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты социологических опросов уровня снижения владения родным языком в Республике Бурятия и исследования причинно-следственных связей данной проблемы и проводимой политики Коммунистической партии в прошлом истории региона.

Abstract. The article presents the results of sociological surveys of the level of decline in native language proficiency in the Republic of Buryatia and studies of the cause-and-effect relationships of this problem and the policy of the Communist Party in the past history of the region.

Ключевые слова: межнациональные отношения, социолингвистические исследования, этноязыковая политика, уровень знания родного языка, коренизация, региональная идентичность, Коммунистический режим.

Key words: interethnic relations, sociolinguistic studies, ethno-linguistic policy, the level of knowledge of the native language, korenization, regional identity, Communist regime

Стабильность межнациональных отношений в Бурятии, ровные и добрососедские отношения между основными этническими группами сложились неслучайно. Дело в том, что уже давно на бурятской земле сложились равноправие, уважение по отношению к другим народам, когда ряд политических шагов государства – автономия, политика коренизации государственного аппарата, создание институтов

бурятской науки, театра, искусства и т.д. – позволили достичь сбалансированного уровня развития крупнейших этнических групп. В истории очень много примеров взаимопомощи и взаимовыручки, а также событий межнациональных распрей и конфликтов. В современное время меняются условия и среда социальных взаимодействий.

Демократия и рыночная экономика предполагают постоянную конкуренцию лидеров, групп и, что тоже естественно, этнических общностей. Специфика Российской Федерации состоит в том, что именно центр определяет не только вектор национальной политики, но и содержание, формы и механизмы ее реализации. В нынешнее время бурятское сообщество вступило в отношения конкуренции/кооперации с другими этносами, для чего и нужна собственная этническая /региональная идентичность.

На протяжении долгого времени в регионе вызывает обеспокоенность степень сохранения родного языка и его популяризации. Однако, фактически, как показывают социолингвистические исследования¹, уровень владения родным языком гораздо ниже и можно констатировать постоянное ухудшение ситуации по разным показателям, в том числе признания того или иного языка родным, в среднем на 3% каждое десятилетие.

Согласно выделенной В.Ю. Михальченко [2, с. 37] функциональной типологии, бурятский язык относится к третьему типу неразвитых языков.

По переписи 2002 г., когда впервые в вопросник был включен вопрос о владении языками, 98,6% граждан РБ ответили, что владеют русским языком. Вторым государственным языком республики, бурятским, владели 23,6 % (при этом доля бурят в РБ составляла 27,8%, т.е., можно сказать, что с небольшой долей погрешности около 4% бурят не владели родным языком). Из других языков наиболее распространенными являлись английский – 3,8%, немецкий – 1,2%, украинский – 0,6%, татарский – 0,4%, французский – 0,4%, китайский – 0,2%. В 2010 г. доля положительно ответивших на вопрос о владении русским языком выросла с 98,6% до 99,7% от ответивших на во-

¹ В отделе языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проводится постоянный мониторинг изменения языковой ситуации в республике и по возможности в округах. Основные результаты этих обследований изложены в работах: Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 1999; Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 2002; Сундуева Д.Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита, 2005.

прос о владении языками. Доля же положительно ответивших на вопрос о владении бурятским языком существенно снизилась – до 13,7%. Каждым из трех языков – украинским, китайским, татарским – владеют около 0,3% опрошенных. В 1989 г. 99,9% русских РБ назвали свой язык своим родным языком, 146 чел. (0,02%) ответили, что владеют им как вторым языком, 2001 (0,3%) ответили, что владеют бурятским как вторым языком, при этом 111 чел. признали его родным. 89,4% бурят признали родным бурятский язык, при этом 73,6 % своим вторым языком признали русский язык («свободно владею вторым языком»). 2004 (1,6%) чел. ответили, что владеют бурятским языком как вторым. Третья самая многочисленная этническая группа – украинцы (22868 чел.). Половина из них признала родным язык своей национальности, а вторая половина родным признала русский язык, 18 чел. ответили, что владеют вторым бурятским языком. Более половины (56,4%) татарского населения республики признала родным свой татарский язык, 42,5% – русский, 110 чел. (около 1%) – бурятский, при этом владеют им как вторым 184 чел. (1,2%). Почти половина эвенков (из 1679 человек) признали родным русский язык, 74 чел. – бурятский. Русским языком как вторым из них владели более 45%, бурятским – около 3%. По данным переписи 2002 г., бурятским языком в республике владели 81,4% бурят, 0,7% русских, 10,2% татар, 95,8% сойотов, 19,6% эвенков, 0,4% украинцев. Эвенкийским языком владели эвенки – 32,4%. Существенное снижение доли владеющих бурятским языком наблюдается в 2010 г. не только среди самих бурят (43,6%), но и среди русских – 0,4%, татар – 6,6 %, 92,3% сойотов, 4,2% эвенков, 0,2% украинцев. Таким образом, демографическая мощь русского языка в Бурятии за прошедшее десятилетие выросла, бурятского – существенно снизилась.

По данным социологического опроса за последний год 75% городских и 94,9 % сельских бурят признают родным язык своей национальности, среди коренных горожан этот показатель и вовсе равен 54%. Несовпадение родного языка и национальной принадлежности является серьезным фактором ослабления этнического самосознания. Несмотря на осознание о необходимости знания родного языка в совершенстве владеет 71,8% сельских и 34,7% городских жителей и то среди последних, как правило, в большинстве своем недавние сельские мигранты. Кроме того, бурятский язык используется для общения с представителями старшего поколения.

Если взглянуть в прошлое истории региона: наши современные реалии – это результат достижений Коммунистической партии в раз-

витии советских национальностей. Она «освободила бурят-монгольский народ от национального гнета феодальной и капиталистической кабалы и рабства, возродила его к новой свободной и счастливой жизни» [1, с. 4]. Экономическое развитие стало проводиться в интересах бурятского народа и привело к тому, что у него «сложилась общность экономической жизни, связывающая и сплачивающая его в одну нацию. Зарождение и развитие социалистического уклада экономики являлось решающим фактором преодоления социально-экономической отсталости районов Бурятии» [3, с. 85], а «Бурят-Монголия стала республикой сплошной грамотности и социалистической культуры» [4, с. 99]. Даже русификация бурятского алфавита расценивалась положительно, поскольку это способствовало «быстрейшему приобщению бурят-монгольского народа к самой передовой в мире русской культуре» [1, с. 7], а значит – повышало его социальную мобильность.

Коммунистический режим в определенной мере допускает присутствие националистического дискурса в своем идеологическом тексте. В этом смысле можно говорить о существовании в рамках советского строя позитивного национализма. Возможно, подобный методологический ход был использован советской властью для того чтобы локализовать националистический дискурс в прошлом, исключить его присутствие в дискурсе современности и тем самым нейтрализовать его влияние на развитие культурных и политических процессов в республике. Однако это был далеко не единственный и не самый главный способ, придуманный коммунистами для «приручения» национализма. Гораздо более важным и эффективным методом «советчивания» этничности и национализма стала для коммунистов практика конструирования «позитивной» этничности, которая, в частности, осуществлялась с помощью политики коренизации и этноязыковой политики.

Библиографический список

1. Кудрявцев Ф.А. Краткий исторический очерк Иркутской области. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1948. 52 с.
2. Михальченко Ю.В. Функции русского языка в современном мире // Библиотечное дело-XXI век. 2008. № 1 (15). С. 75–79.
3. Санжиев Г.Л. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 647 с.
4. Хамаганов М.П. Бурят-Монгольская советская литература // 25 лет Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1948.

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ПАТРИОТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI СТОЛЕТИИ

FACTORS OF THE DYNAMICS OF PATRIOTISM IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE XXI CENTURY

Е.В. Савва

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E.V. Savva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Автор использовал для изучения динамики патриотизма количественные методы. Вербальное одобрение патриотизма россиянами и восприятие себя в качестве патриотов нарастали в 2006–2023 гг. Этот рост был особенно сильным в 2012 – 2018 годах. Главным фактором роста патриотизма является внешнеполитический. Усиление осознания себя в качестве патриотов было вызвано активизацией внешнеполитического противоборства. Влияние внешнеполитического фактора несколько уменьшилось в 2019–2023 гг.

Abstract. The author used quantitative methods to study the dynamics of patriotism. Verbal approval of patriotism by Russians and the perception of themselves as patriots increased in 2006–2023. This growth was especially significant in 2012–2018. The main stimulus for the growth of patriotism is the foreign policy process. The increased awareness of oneself as patriots was caused by the intensification of foreign policy confrontation. The foreign policy factor decreased slightly in the period 2019–2023.

Ключевые слова: динамика патриотизма; количественные методы; внутриполитические факторы динамики патриотизма; внешнеполитические факторы динамики патриотизма.

Key words: dynamics of patriotism; quantitative methods; internal political factors of the dynamics of patriotism; foreign policy factors in the dynamics of patriotism.

Автор рассматривает феномен патриотизма в качестве одного из наиболее актуальных в современном мире. Современные исследования патриотизма убедительно подтверждают [6], что он является одной из важнейших ценностей. Патриотизм понимается как чувство причастности к большой социально-политической общности. Такой общностью может быть регион или страна. Важной особенностью патриотизма является его тесная связь с этничностью. Население любой территории принадлежит к одной или нескольким этническим группам, поэтому патриотизм содержит этнический компонент. По мнению М.С. Инкижековой, объединяющей характеристикой социально активной личности выступает эмоционально-чувственное отношение к Отечеству, которое поддерживается рациональными представлениями о важности осознания принадлежности к стране и, соот-

ветственно, нации [3, с. 38]. Автор настоящей статьи ранее также анализировал взаимосвязь и взаимопроникновение концептов патриотизма и этничности и пришел к выводу о том, что динамика концептов патриотизма и этничности, а также отечественные особенности данных концептов создали ситуацию их активного сближения и взаимопроникновения [5, с. 253].

В сложном образе мира патриотизм играет, по мнению ряда авторов, системообразующую роль. По мнению Э.А. Зелетдинова и В.В. Дьякова, патриотизм необходимо рассматривать как базовый фактор гражданской идентичности, который выступает объединяющим элементом в поиске и «сборке» общих ценностей [3, с. 256]. Патриотизм инструментален. Он активно влияет на отношение человека к членам его этнической общности, государству и другим странам. Содержание и уровень патриотизма определяют включенность человека в трендовые для этноса и государства активности. Актуальность исследования динамики восприятия патриотизма определена важностью этой динамики для прогноза вектора развития страны. Повышение или снижение уровня патриотизма дает возможность прогнозировать направленность и формы социально-политической активности населения. Однако, это возможно при условии понимания исследователями содержания патриотизма представителями больших социальных групп. Это понимание может быть различным. По мнению ряда авторов, высокая актуальность патриотизма сочетается с низкой определенностью содержания этого понятия [2, с. 35].

Анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей патриотизма позволяет рассматривать его в качестве исторически нестабильного и слабо определенного научного концепта. Автор понимает патриотизм как сложный концепт, объединяющий эмоцию, то есть чувство принадлежности человека к стране, и политический принцип, то есть идею преданности человека этой стране. Необходимо подчеркнуть, что лояльность государству и оправдание любых его действий не являются атрибутами патриотизма. По мнению автора, преданность означает лишь готовность человека действовать в интересах своей страны. При этом субъект действия самостоятельно определяет, в чем состоят эти интересы.

Целью статьи является постановка научного вопроса о факторах динамики понимания россиянами патриотизма в нашем столетии. Какие причины в различные периоды времени определяли содержание российского патриотизма и каким было это содержание?

В качестве главного метода автор использовал количественный, а именно – вторичный сравнительный анализ простых процентных

распределений. Автор исходил из предположения о том, что цель нашего исследования можно достичь анализом результатов проведенных ранее репрезентативных социологических исследований общественного мнения. Сравнение распределений ответов на одни и те же вопросы о восприятии патриотизма за сопоставимые отрезки времени позволит выявить различия этого восприятия и сделать предположения о динамике.

Как было указано выше, автор использовал для изучения динамики патриотизма вторичный анализ, то есть новый подход к интерпретации результатов ранее проведенных исследований. Автор выбрал для вторичного анализа материалы Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). Выбор определен тем, что на протяжении более чем двадцати лет ФОМ проводит опросы россиян по нескольким аспектам патриотизма. Собранный этой исследовательской организацией массив сопоставимой информации позволяет интерпретировать представления россиян о себе как патриотах на протяжении достаточно длительного периода времени [4].

Восприятие себя россиянами в качестве патриотов можно интерпретировать на основе распределений ответов на вопрос «Вы считаете или не считаете себя патриотом?». По результатам опроса 3 декабря 2006, 57% респондентов ответили «считаю» и 30 процентов – «не считаю». Воспринимало себя патриотами незначительное большинство россиян. Итоги опроса 28 мая 2023 демонстрируют значительные изменения, произошедшие в массовом сознании за 17 лет: 84% респондентов утверждают, что осознают себя патриотами, и лишь 12% не думают так о себе. Значения выше 80% в подобных опросах необходимо трактовать как максимально возможный консенсус и своеобразный сигнал чрезвычайности положения [1, с. 81].

Увеличение доли респондентов, которые на вербальном уровне причисляют себя к патриотам, составило за 17 лет 27 пунктов. Уменьшение массива россиян, не причисляющих себя к патриотам, составило за тот же период 18 процентов. Безусловно, вербальный и реальный патриотизм могут существенно различаться. Социологические опросы позволяют зафиксировать лишь вербальное поведение. Вероятно, не все респонденты, которые заявили о своем патриотизме, проявят его в какой-то невербальной активности. Однако, выявленная опросами динамика вербального поведения всегда имеет реальные причины.

Для оценки этой динамики автор использовал сравнение среднегодовых значений. В 2006 г среди респондентов ФОМ вербальных

патриотов было на 27% больше, чем их антагонистов. В 2023 г. этот разрыв составил 72%. Среднегодовой рост доли людей, заявляющих о себе как о патриотах, выражается в значении 1,6%. На основании сопоставления с другими показателями, характеризующими динамику настроений общественного мнения в РФ, автор оценивает такую динамику в качестве высокой. Можно предположить, что у нее должны быть весомые причины. Для того, чтобы связать темпы изменений представлений о себе как о патриотах, необходимо сопоставить эти темпы на меньших периодах времени, а также проанализировать внутри- и внешнеполитическую ситуацию.

Период доступных нам наблюдений с 2006 по 2023 годы автор разделил на три примерно равных отрезка времени: с 2006 по 2012 (6 лет), с 2012 по 2018 (6 лет), с 2018 по 2023 (5 лет). Среднегодовое увеличение процента патриотов за первый периода составило 1,17%, второй – 2,17%, третий – 1,4%. Мы выявили динамику, которую с учетом среднегодового прироста за все 17 лет в 1,6% можно интерпретировать следующим образом: рост представлений о собственном патриотизме ниже среднего в первом периоде, значительное увеличение выше среднего во втором, снижение по сравнению со вторым в и возвращение к показателю ниже среднего в третьем периоде. Снижение среднегодовых темпов прироста в 2018–2023 гг. можно объяснить «усталостью» россиян от патриотической мобилизации после пиковых значений второго периода.

Автор объясняет пик 2012–2018 гг. двумя причинами. Первая – кумулятивный характер процесса, типичный для социальной сферы. Автор понимает под кумуляцией в данном случае накопление эффекта: на протяжении нескольких лет (первый выделенный нами отрезок времени с 2006 по 2012 год) количество людей, которые заявляли о себе как о патриотах, увеличивалось. Темпы такого увеличения растут со временем под воздействием патриотически ориентированных людей из социального окружения, которых становится все больше. Вторая причина – патриотическая мобилизация жителей РФ в период с 2014 г., начавшаяся с включения Крыма в состав РФ. Предположение о существенном влиянии патриотической мобилизации на динамику представлений россиян об уровне своего патриотизма подтверждается анализом результатов исследований ФОМ по годам в период с 2012 по 2018 год. В декабре 2012 г. 64% россиян считали себя патриотами. В апреле 2014 г. этот показатель составил 75%, что свидетельствует о бурном росте. Именно на этот период пришелся пик событий по включения Крыма в состав РФ. Включение Крыма было

успешным для РФ и вызвало бурную реакцию роста патриотизма. Других значимых событий, которые могли бы повлиять на такое увеличение показателя, не было, как показал качественный анализ текстов российских СМИ. Далее рост этого показателя значительно замедлился: в 2017 г. он составил 78%, а в июле 2018 г. снизился до 77%. Можно предположить, что события после апреля 2014 г. не были восприняты в качестве такого же успеха, как присоединение Крыма и не стали поводом взрывного роста патриотизма. Предположение о более сильном влиянии на рост вербального патриотизма успешных событий требует дальнейшей проверки.

В соответствие с гипотезой исследования, которая была сформулирована выше, повышение процента людей, которые относят себя к патриотам, а также усиление мнения о широкой распространенности патриотизма вызвано появлением сильных факторов роста вербального патриотизма в период с 2012 по 2018 годы. Автор предположил, что среди этих факторов присутствует «кумулятивный эффект» вербального патриотизма. В механизме кумулятивного эффекта необходимо выделить два аспекта. Первый аспект автор выше уже называл. Его можно определить как коммуникативно-количественный: по мере увеличения численности людей, которые относят себя к патриотам, усиливается их коммуникативное воздействие на других людей. Те, кто относит себя к патриотам, защищают свой выбор и становятся не просто носителями, но распространителями идей патриотизма. Количество коммуникаций, в ходе которых вербальные патриоты воздействуют на тех, для кого патриотизм по разным причинам неактуален, увеличивается. Второй аспект кумулятивного эффекта состоит в том, что по мере роста распространенности в обществе идей патриотизма усиливается конформизм людей, которые не считают себя патриотами, но не хотят противопоставлять себя большинству. Люди, не готовые остаться в стороне от доминирующего социально-политического тренда, присоединяются к мнению большинства.

Как было показано выше, главные факторы усиления осознания себя и других патриотами можно выявить сравнительным анализом трех выделенных выше периодов: 2006–2012, 2012–2018, 2018–2023 годы. Автор высказывает предположение, что причинами роста патриотизма являются события, которые создают возможности для активного информационного влияния на общественное мнение, а также вектор воздействия системы средств массовой информации (СМИ) страны. Направленность влияния системы СМИ не зависит от инфор-

мационных поводов. Объективно высокая значимость этих поводов лишь активизирует информационную кампанию и в результате усиливает ее влияние. Патриотизм устойчиво является одним из главных сюжетов отечественных СМИ в нашем столетии. Данный фактор можно рассматривать как постоянную величину в исследуемый период.

Каким содержанием россияне наполняют понятие патриотизма? Фонд Общественное мнение при проведении общероссийских опросов с 2006 года задает вопрос «Скорее может или скорее не может быть патриотом человек, который критикует власти своей страны?». В 2006 г. большинство респондентов (58%) выбрали вариант «скорее может». Противоположной точки зрения придерживалось всего около трети опрошенных (31%). В 2023 г. ситуация уже была противоположной: 51% россиян полагали, что человек, который критикует власти своей страны, скорее не может быть патриотом, и 44% заявляли, что может. Не подлежит сомнению, что за годы социологических замеров в восприятии россиянами патриотизма существенно усилился сегмент лояльности к власти. Патриотизм в настоящее время рассматривается большинством россиян как идея, которая не предполагает возможности критики властей своей страны.

Автор подчеркивает, что взрывное увеличение данного показателя мы фиксируем не во втором, а в третьем периоде наблюдений. В течение отрезка времени с 2006 по 2012 гг. доля людей, полагающих, что критик власти не может быть патриотом, практически не изменилась (31% и 29%). В период с 2012 по 2018 гг. динамика данного показателя также сохранялась в границах погрешности (29% и 31%). Однако, с 2018 по 2023 гг. данный показатель вырос на 20%, с 31% до 51%. Как было показано выше, для третьего этапа внешнеполитические факторы уже не были доминирующими в формировании восприятия патриотизма. При сохранении их высокой значимости, необходимо констатировать привыкание российского общества к бурной внешнеполитической повестке и о возвращении большинства россиян к внутрироссийским событиям как более актуальной. Можно уверенно предположить, что быстрое и сильное повышение значимости лояльности в низко определенной системе представлений о патриотизме определено внутренними факторами. При этом, однако, нужно учитывать тесную взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов.

Проведенное исследование позволило автору сделать несколько выводов. Определенность содержания патриотизма и связанная с

определенностью устойчивостью этого содержания во времени являются невысокими. В связи с этим восприятие патриотизма представителями больших социальных групп может изменяться, и данные изменения могут быть разноректорными. В XXI столетии в России ценность патриотизма усиливалась очень быстро. При высоких темпах динамики содержание понятия патриотизм не может восприниматься разными людьми идентично. Представители общности, которую условно можно назвать «новыми вербальными патриотами», наполняют понятие патриотизма содержанием под влиянием ситуативных мотивов, которые определили выбор в пользу патриотизма. Вторичный анализ результатов репрезентативных опросов ФОМ позволяет сделать предположения о направленности изменений восприятия патриотизма.

Вербальное одобрение патриотизма и восприятие себя, а также других россиян в качестве патриотов нарастали на протяжении всего периода наблюдений 2006–2023 гг. Этот рост был особенно сильным в период 2012–2018 гг.

Лояльность по отношению к власти как элемент системы патриотизма практически не изменялась в период 2006–2018, но затем быстро и значительно возросла в период 2018–2023 гг. Можно предположить, что такая динамика лояльности как компонента патриотизма вызвана не внешнеполитическими, а внутренними социально-политическими факторами.

Библиографический список

1. Гудков Л. Патриотическая мобилизация и ее следствия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 81–123.
2. Зелетдинова Э.А., Дьякова В.В. Патриотизм как элемент гражданской идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 255–257.
3. Инкижекова М.С. Категории «национальная идентичность» и «патриотизм» в современном образовательном пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 34–45.
4. Патриотизм и патриоты. Должен ли каждый быть патриотом? 9 июня 2023 // Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14882>
5. Савва Е.В. Патриотизм и этничность: соотношение и взаимопроникновение концептов // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар. Кубанский гос. ун-т. 2022. С. 247–254.
6. Brooks David The Necessity of Patriotism (Even in Times Like These). March 30, 2023 // The New York Times.

**ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА
г. КРАСНОДАРА (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**PATRIOTISM AND NATIONALISM IN THE VIEWS OF
MEDICAL COLLEGE STUDENTS KRASNODAR
(RESEARCH RESULTS)**

С.В. Буталий

ГБПОУ «Краснодарский краевой базовый медицинский колледж»
министерства здравоохранения Краснодарского края, г. Краснодар, Россия

S.V. Butaliy

GBPOU «Krasnodar Regional Basic Medical College»
Budgetary Educational Institution of the Ministry of Health of the Krasnodar
Territory, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлен анализ проблем патриотизма и национализма в контексте современных процессов, в том числе применительно к восприятию данных феноменов современной российской студенческой молодежью. Анализ опирается на материалы питотажного исследования, проведенного среди студентов Краснодарского Краевого базового медицинского колледжа в октябре 2023 г., которые показывают особенности взглядов молодежи на суть данных явлений и их проявление в современном обществе.

Abstract. The article presents an analysis of the problems of patriotism and nationalism in the context of modern processes, including in relation to the perception of these phenomena by modern Russian students. The analysis is based on materials from a educational study conducted among students of the Krasnodar Regional Basic Medical College in October 2023, which show the peculiarities of young people's views on the essence of these phenomena and their manifestation in modern society.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, студенческая молодежь, межнациональный конфликт, расизм, Россия

Key words: patriotism, nationalism, student youth, interethnic conflict, racism, Russia

В современных геополитических условиях возросла важность и значимость воспитания патриотизма в стране, особенно для молодого поколения, мировоззрение которого еще окончательно не сложилось.

Патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность по формированию у молодого поколения высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Целью патриотического воспитания является создание условий

для проведения гражданско-патриотических мероприятий в рамках учебной и воспитательной работы для становления высоконравственного гражданина России, имеющего активную жизненную позицию, разделяющего российские традиционные духовные ценности, обладающего актуальными знаниями и умениями, способного реализовать свой потенциал в условиях современного общества.

Задачи патриотического воспитания:

- формирование общих компетенций обучающихся;
- воспитание обучающихся в духе уважения к Конституции Российской Федерации, законности, нормам социальной жизни;
- развитие у обучающихся чувства гордости, глубокого уважения к символам государства – гербу, флагу, гимну Российской Федерации, а также символам города Краснодара и историческим памятникам Краснодарского края;
- активизация интереса к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, её героическим страницам, в том числе сохранение памяти о подвигах защитников Отечества;
- углубление знаний обучающихся о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России, города Краснодара и Краснодарского края;
- развитие интереса обучающихся к отечественной науке, культуре, литературе, а также деятельности россиян – видных представителей науки, культуры, образования, промышленности, других сфер, в т.ч. и видных деятелей Краснодарского края;
- популяризация подвигов Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, в том числе героев – кубанцев, достижений и успехов профессионалов различных сфер деятельности, формирующих позитивный образ нашей страны, Краснодарского края;
- вовлечение обучающихся в исследовательские работы в сфере гражданско-патриотического воспитания.

В связи с актуальностью темы патриотизма и национализма мы поставили перед собой задачу выявить, как представляет себе современная молодежь патриотизм и национализм, какие границы между ними проводит, какие смыслы вкладывает. Для решения этой задачи нами в октябре 2023 г. было проведено пилотажное исследование среди студентов Краснодарского краевого базового медицинского колледжа. Методом исследования стало анкетирование и анализ эссе, написанных респондентами на заданную тему. Выборка составила 125 чел.

Споры о развитии национализма и вариациях патриотизма ведутся в научной среде давно, поэтому наша работа не претендует на всеобъемлющий охват данной проблематики. Перечислим лишь некоторых авторов, которые внесли свой вклад в развитие теорий, позволяющих понять суть этих явлений. Это К. Маркс, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, К. Хирши и др. Так американские ученые Г. Кон, Ф. Нортон, в частности считали, что при национализме проявляется дух свободы, терпимости, компромисса [1]. Л. Снайдером и Дж. Хейсом предложена классификация форм национализма, в рамках которой отсчет формирования национальных государств и национализма начинается с 1845 года и связывается с процессом складывания наций [2].

Многие авторы, рассуждая о феномене патриотизма, подчеркивают тот факт, что грань между ним и национализмом является очень тонкой, чрезмерное увлечение патриотизмом может привести к национализму.

Как показало наше исследование, студенческая молодежь рассматривает патриотизм как сложное явление, которое имеет различные формы. На вопрос: «Кто такие патриоты?» 15% опрошенных указали, что это люди, любящие Отечество, 30% отметили, что это люди, работающие для Отечества, и 45% полагают, что патриоты – люди, ощущающие себя хозяевами, а не гостями в Отечестве. Студенты выделяют наряду с настоящим патриотизмом, псевдопатриотизм, а также говорят о «здоровом национализме». В эссе в целом прозвучала идея о том, что наблюдается проблемы снижения любви к Родине.

В вопросе о соотношении патриотизма и национализма, мнения студентов, в определенном смысле разделились. Одни полагают, что быть националистом (здоровым) и любить свою нацию – долг каждого человека. Другие возражают и настаивают на том, что национализм не может быть здоровым, это понятие наполнено негативными конотациями.

Патриот, по мнению студентов – *«это человек, который ощущает себя хозяином страны, а не гостем»*. Также высказывались мнения, что идеи патриотизма искажаются и подрываются в современном обществе, когда слова и дела людей расходятся.

Быть патриотом, значит действовать не в личных интересах, а в интересах общества и государства. Патриот – это человек с высокими моральными принципами, но декларируемые установки в отношении патриотизма не должны расходиться с делом. Здесь нужно принять во внимание свойственный возрасту максимализм и категоричность, но в

целом, можно уверенно сказать, что у студенческой молодежи есть свои сложившиеся представления в этом вопросе, хотя, возможно еще не вполне зрелые и взвешенные.

Патриотизм, полагает часть опрошенных студентов, предполагает, что ты можешь проявить здоровую критику внутри страны, стараясь сделать ее лучше, но будешь защищать ее интересы за пределами границ. Кроме того, патриотизм не предполагает разделение людей ни по языкам, ни по нациям, т.е. тесно связан с интернационализмом.

Студенты указывают на то, что пренебрежение патриотизмом, ироничное отношение к прошлому, к истории страны, может привести к необратимым последствиям и разрушить государство.

Еще один аспект, на который обращали внимание опрошенные, это неверное, в их понимании, рассмотрение патриотизма как идеологии. Поскольку патриотизм – любовь к Родине, это прежде всего чувства, которые переживают люди, они иррациональны и естественны для всех, это чувство каждого нормального гражданина. Истинный патриот – это защитник своей страны и народа, который воспринимает ее проблемы и достижения как свои собственные.

Фактически студенты в своих мыслях близки к идеям, которые в свое время высказывал философ Иван Ильин в работе «Чувство к Родине и национализм». Он писал: «Опасно превращать национализм в идеологию. Все грани относительны, патриотизм может перерасти в шовинизм» [3, с. 3].

Какую же надо проводить политику, чтобы не было проявлений национализма? И здесь мнения студенческой молодежи достаточно консолидированы: Россия – многонациональная страна и чтоб ее сохранить и развивать, всем надо быть вместе, и наряду с патриотизмом, нужно развивать интернационализм. Респонденты также отмечали, коренное различие между интернационализмом и толерантностью: *«Интернационализм – уважение к другим нациям и народам. Толерантность – всепрощение и потворство».*

В тесной связи с проблемами патриотизма и национализма, по мнению студентов, находится проблема расизма. К сожалению, для некоторых людей цвет кожи всё ещё является определяющим критерием в отношениях. Респонденты отмечали и причины расизма: *«Расизм это проблема неуверенного в себе человека и общества в целом», «причиной расизма является не цвет кожи, а убеждения человека. Расизм – это заразная болезнь, распространённая по всему миру».*

Подводя итог, хочется отметить, что взгляды представителей

разных возрастных и социальных групп не редко кардинально расходятся, в том числе и на проблемы патриотизма и национализма. Если старшее поколение более уравновешенно и сдержанно в своих суждениях, то молодежь в силу возрастных особенностей склонна к более резким и категоричным суждениям, но вместе с тем у молодых людей сложились вполне устойчивые представления о патриотизме, национализме, необходимости и важности воспитания достойного патриота и гражданина, стремление принести пользу своей стране.

Библиографический список

1. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М. 1994.
2. Хейс Карлтон Дж.Х. Национализм. М., 2010.
3. Ильин И. Чувство к Родине и национализм. М. 2001.
4. Гневашива В.А. Понятие и особенности национализма // Перспективы науки. 2017. № 12. С. 20–24.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION YOUTH POLICY IN THE MODERN REPUBLIC OF ADYGEA

С.Р. Жане

Филиал ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», пос. Яблоновский, Россия

S.R. Zhane

Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Maikop State Technological University", p. Yablonovsky, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена анализу актуальных вопросов модернизации основных направлений молодежной политики российского государства и современной Республике Адыгея.

Abstract. This article is devoted to the analysis of topical issues of modernization of the main directions of youth policy of the Russian state and the modern Republic of Adygea.

Ключевые слова: молодежная политика, модернизация, инновационное развитие, Росмолодёжь, Роспатриотцентр, межконфессиональные отношения, Российский Союз Молодежи (РСМ), толерантность, демография, мультикультурализм.

Key words: youth policy, modernization, innovative development, Rosmolodezh, Rospatriotcenter, interfaith relations, Russian Youth Union (RSM), tolerance, demography, multiculturalism.

В нашей стране эволюция государственной молодёжной политики имеет давние традиции. В СССР работа с подрастающим поколением была одним из стратегических задач государства, в рамках которой были задействованы все возрастные демографические группы молодого населения, объединенные в такие общественные организации, как – октябрята, пионерия, комсомол, КПСС. Каждая из этих структур имела свои цели, задачи и полномочия по представительству интересов разных возрастных групп советской молодёжи [3, с. 128].

Начиная с 1985 г. в СССР происходят масштабные изменения в идеологической, политической и экономической жизни общества. Данные процессы вызвали необходимость формирования новых принципов и государственных структур в области функционирования российской молодёжной политики, поскольку действовавшая на протяжении многих десятилетий советская модель, требовала коренных преобразований [1, с. 66].

В 1991 г. был принят Закон «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР», в котором были закреплены не только права молодёжи, но и обязанности государства по их поддержке путем принятия специальных мер экономического, правового и организационного характера [4].

Первыми специальными федеральными документами, регламентировавшими взаимоотношения государства и молодёжи после распада СССР, стали Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодёжной политики» [15] и Постановление Верховного Совета от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации» [6].

Современная Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года разработана на основе положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/126 от 05.02.2007 г. «Политика и программы, касающиеся молодежи: молодежь в мировой экономике – содействие расширению участия молодежи в социально-экономическом развитии» [9].

Государственное регулирование молодежной политики с 2018 г. базируется на нескольких программных документах: «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2030 года» и «Прогноза социально-экономического развития РФ до 2030 года» [10].

Структура федеральной исполнительной власти, отвечающая за молодёжную политику за период с 1992 г. по настоящее время, меня-

лась достаточно часто. В 2008 г. было создано Министерство спорта, туризма и молодёжной политики РФ, а Государственный комитет РФ по делам молодёжи преобразован в Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь).

Работу по развитию добровольческой деятельности ведёт подведомственный Росмолодёжи орган – «Роспатриотцентр». Ежегодно он проводит Всероссийский форум добровольцев, задачами которого стали развитие системы взаимодействия между его активистами, НКО, государством и бизнесом; оказание экспертной и методической поддержки эффективным волонтерским практикам и др. [2, с. 99]

Сегодня во всем мире молодёжное сотрудничество – одно из важнейших направлений развития дружеских и партнерских отношений между государствами. Поэтому одним из приоритетных направлений молодёжной политики РФ является также вовлечение молодёжи в международные культурные, экономические, научные и образовательные процессы посредством развития программ международного молодёжного сотрудничества, обменов в сфере работы с молодёжью.

В субъектах РФ также стала формироваться система органов исполнительной власти, ответственных за реализацию молодёжной политики на местах. Республика Адыгея как субъект РФ, проводит политику модернизации межнациональных и межконфессиональных отношений в республике и в регионе.

С 1991 г. в Республике Адыгея началась деятельность регионального отделения всероссийской общественной организации Российского Союза Молодежи (РСМ) – Союз молодежи Адыгеи. В рамках сотрудничества РСМ в республике эффективно осуществляются многочисленные молодежные проекты, студенты взаимодействуют с научно-образовательными программами [2, с. 100].

В 1992 г., в соответствии с Указом Президента РА № 140 «О первоочередных мерах в области молодежной политики», наметилась стратегия государственной молодежной политики в Адыгее. Был создан Комитет по делам молодежи, который координировал многочисленные программы поддержки молодежных инициатив. Управление молодежной политики с 1999 г. входило в функции Министерства образования и науки РА.

В соответствии с Постановлением Правительства РА от 20 февраля 1995 г. № 60 «Об основных положениях государственной политики Республики Адыгея в сфере национальных отношений», главными векторами национальной молодежной политики становятся:

формирование толерантности и сохранения равенства между этническими группами населения республики; приоритет прав человека в национально-культурной сфере; создание управленческих инструментов, способных реализовать интересы этнических общностей [7].

В 2007 г. при Государственном Совете-Хасэ начал свою деятельность Молодежный парламент Адыгеи. Наиболее важными направлениями деятельности парламента явились: осуществление прав молодежи на участие в управлении Республикой, поддержка в организации соглашений для поддержки инициатив молодежи в рамках развития и реализации молодежной политики; ее регуляция, подготовка к будущей парламентской деятельности, воспитание правовой и политической культуры молодежи РА [1, с. 68].

Адыгейская региональная организация «Российского Союза Молодежи» начинала свою деятельность с Международного фестиваля «Студвесна на Кавказе», который состоялся в 2015 г. К данному времени, РСМ в Адыгее было проведено более 40 проектов регионального и межрегионального уровней. В РСМ РА создан Тренинговый центр, подписаны соглашения с Главой Адыгея, а также с ведущими вузами республики.

Правительство России в 2016 г. разработало Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г. для реализации положений Основ государственной культурной политики, подписанных Указом Президента РФ еще в 2014 г. [11].

В рамках данных приоритетов, Кабинет министров РА принял Постановление 13 декабря 2019 г. № 297 «О государственной программе Республики Адыгея "Развитие культуры"». Целью программы является реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания для развития личности, особенно молодежи, и его приобщения к мировому и национальному культурному наследию [5].

В современной Адыгее в образовательном центре «Сириус» в 2019 г. начал функционировать Региональный центр выявления и поддержки одаренных детей «Полярис-Адыгея». Он продуктивно работает на базе инфраструктуры Адыгейского государственного университета, Майкопского технологического университета и других образовательных структур. Здесь выстроены многочисленные лаборатории, материализуются результативные образовательные программы.

В рамках реализации молодежных программ в ЮФО, запланированы организация в республике централизованного ведомства, занимающегося молодежной политикой, объединяющего все профиль-

ные молодежные движения и объединения (Юнармия, Ресурсный молодежный центр, Волонтеры Адыгеи, отделения Российского союза молодежи и союза школьников), которые включены в общую инфраструктуру.

Для поддержки формирования молодежных структур и модернизации молодежной политики в регионе, глава РА подписал Указ от 12.10.2022 г. № 118 «Об образовании Комитета Республики Адыгея по делам молодежи», который организует работу с молодежью, генерирует инновационные проекты [12].

В современной Республике Адыгее, по данным статистики, демографическая картина увеличения численности молодежи выглядит весьма оптимистично. На 1 апреля 2023 г. численность постоянных жителей Республики Адыгея – 463 088 чел., из них детей в возрасте до 6 лет – 46 251 чел., подростков (школьников) в возрасте от 7 до 17 лет – 54 702 чел., молодежи от 18 до 29 лет – 55 513 чел. [14].

В данной ситуации, в республике актуально ежегодное проведение различных мероприятий, направленных на образование и воспитание детей и молодежи. Региональное отделение Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» на сегодняшний день представлено во всех муниципалитетах Адыгеи, в его отрядах насчитывается более пяти тысяч юношей и девушек.

В 2018 году в рамках принятой Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года, разработана модель стратегического развития Республики, которая предусматривает следующие системные направления трансформации: 1. Флагманский проект «Адыгея без границ» – комфортное, привлекательное, эффективно используемое пространство жизнедеятельности населения, бизнеса и гостей республики. 2. Флагманский проект – «Умная Адыгея» – технологизация бизнеса и государственного управления на базе инфраструктуры ВУЗов. 3. Флагманский проект – «Культура Адыгеи» – развитие творческих инициатив на базе уникальной культуры, искусства и художественных промыслов региона [8].

Приоритетными направлениями развития РА стали такие сферы, как: 1. Образование – развитие научно-образовательных направлений: естественно-математические науки и научно-техническое творчество. 2. Здоровая Адыгея – высокотехнологичная медицинская диагностика, реабилитация и лечение. 3. Развитие туристско-рекреационного комплекса. 4. Развитие «зеленой» энергетики. 5. Развитие агропромышленного комплекса. 6. Развитие промышленности. 7. Комплекс

умной торговли и логистики и т.д.

В целом, современная молодежная политика в Республике Адыгея развивается по нескольким направлениям: военно-патриотическое воспитание, молодежное предпринимательство, поддержка талантливой молодежи и пропаганда здорового образа жизни, организация научно-технического и художественного творчества молодежи и детей, содействие функционированию молодежных организаций, ориентированных на привлечение молодежи к реформированию региона, формирование добровольчества, волонтерства, профориентация и помощь трудоустройству молодежи, организация навыков ведения бизнеса и проектной деятельности, молодежного предпринимательства, поддержка и помощь молодым семьям и молодежи и т.д.

В 2023 г. финансирование мероприятий в рамках реализации государственных программ в молодежной сфере из регионального бюджета доведено до 13 млн. рублей. Со следующего года в рамках подпрограммы «Реализация государственной молодежной политики» бюджетное финансирование на эти цели планируется ежегодно увеличивать.

Таким образом, к основополагающим векторам реализации государственной молодежной политики в области регулирования межнациональных отношений в Республике Адыгея относятся: расширение межэтнического сотрудничества, возрождение и поддержка сферы культуры; модернизация системы образования как важнейшего института воспитания подрастающего поколения; сотрудничество государственных органов с национально-культурными и творческими союзами; регулирование деятельности религиозных объединений и др. [5].

Воспитание межэтнического согласия и толерантного поведения молодого поколения вызывает необходимость усиления законодательной и финансовой базы государственных и образовательных структур по данному вопросу, использованию наиболее востребованных и эффективных инструментов государственной политики и механизмов ее реализации. Для реализации этого своеобразного «социального заказа общества», необходимы комплекс взаимосвязанных мероприятий по созданию нормативно-правовых механизмов, научно-образовательных стандартов и графика событийных мероприятий, содействующих возрождению социокультурного и духовного потенциала молодежи региона [3, с. 891].

Поэтому сегодня, особую роль получают проблемы воплощения

в жизнь инновационных технологий реализации межнационального диалога, организации национально-образовательных мероприятий, направленных на формирование мультикультуризма, толерантного взаимодействия молодежи и эффективных условий для профилактики девиантного поведения.

В целом, на фоне усиления конфликтов и разногласий современного общества, вопросы межнационального взаимодействия превращаются в одну из важнейших целей формирования национальной идеи безопасности России. Государственные программы регулирования молодежной политики должны содействовать стратегии стабильного развития российского государства в будущем.

Библиографический список

1. Жане С.Р. Эволюция региональной молодежной политики в современной Республике Адыгея <https://elibrary.ru/item.asp?id=44391207>. В сборнике: Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки. Материалы международной межвузовской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 65–69.
2. Жане С.Р. Основы совершенствования регионального и муниципального управления культурной политики в современной Республике Адыгея. В сборнике: Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки. международная межвузовская осенняя научно-практическая конференция : сборник материалов и докладов. Краснодар, 2022. С. 98–102.
3. Жане С.Р. Основные этапы становления государственной молодежной политики в современной России. В сборнике: Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2020. С. 127–130.
4. Закон СССР от 16.04.1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР». URL: <https://base.garant.ru/6335136/5ac206a89ea76855804609>.
5. Постановление 13 декабря 2019 г. № 297 «О государственной программе Республики Адыгея Развитие культуры». URL: http://www.adygheya.ru/upload_
6. Постановление ВС РФ от 03.06.1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/>
7. Постановление Правительства РА от 20 февраля 1995 г. № 60 «Об основных положениях государственной политики Республики Адыгея в сфере национальных отношений». URL: <https://zakon-region2.ru/5/83700/>
8. Постановление Правительства РА от 26 декабря 2018 г. № 286 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/>
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 62/126 от 05.02.2007 г. «Политика и программы, касающиеся молодежи: молодежь в мировой экономике –

содействие расширению участия молодежи в социально-экономическом развитии». URL: https://www.un.org/ru/ga/third/62/third_res.shtml.

10. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://www.srosp.ru/upload/files/documents/nasha_rabota.pdf.

11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <https://minkultura.udmurt.ru/files/deyatelnost.pdf>.

12. Указ от 12.10.2022 г. № 118 «Об образовании Комитета Республики Адыгея по делам молодежи». URL: <https://base.garant.ru/405459989/>

13. Указ Президента РА от 14 декабря 1992 г. № 140 «О первоочередных мерах в области молодежной политики». URL: <https://docs.cntd.ru/document/439039776>.

14. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/6mediabank>.

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS A SOCIAL ELEVATOR FOR YOUNG PEOPLE

В.М. Арбатов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.M. Arbatov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Современное государство все большее внимание уделяет молодежи, которая выступает в качестве ключевой инновационной категории, готовой обеспечить будущее развитие. Однако, учитывая возможные рискогенные факторы и ситуации, необходимо проводить работу, направленную на повышение социальной активности молодежи и вовлечение в деятельность общества и государства.

Abstract. The modern state is paying increasing attention to youth, who act as a key innovative category ready to ensure future development. However, taking into account possible risk factors and situations, it is necessary to carry out work aimed at increasing the social activity of young people and involvement in the activities of society and the state.

Ключевые слова: социализация, коммуникация, институты гражданского общества, социальный лифт, мобильность, устойчивые навыки, молодежь.

Key words: socialization, communication, civil society institutions, social elevator, mobility, sustainable skills, youth.

Социализация, как инструмент адаптации молодежи к современным условиям, является неотъемлемым элементом формирования и развития устойчивых навыков социальной мобильности и социаль-

ной активности молодежи. Роль институтов гражданского общества в этом процессе, обладающих консолидирующим эффектом, трудно переоценить, так как им уделяется значительное внимание в научных исследованиях.

Так, Елисеев А.Н. и Кретов А.Ю. особо отмечают, что необходимо выстраивать работу в сторону партнерства между властью и институтами гражданского общества, которое должно стать ключевым элементом молодежной политики в России [3, с. 96-97]. Аналогичного мнения также придерживаются Головин Н.А. [2, с. 38] и Резаков М.Р. [5, с. 29].

Аверкиева Е.В. отдельно отмечает о заинтересованности со стороны государства, обращающихся к необходимости интеграции деятельности государственных структур и институтов гражданского общества в целях повышения эффективности адаптационных механизмов и устранения рискогенных ситуаций [1, с. 40].

Развитие современного государства и гражданского общества диктует необходимость создания условий для самореализации молодежи, что в свою очередь, является одной из приоритетных задач каждого региона. Молодёжный контингент представляет собой одну из ключевых групп социума, которая должна обеспечить свое будущее и стремится к достижению намеченных целей, которая, однако может столкнуться с множеством вызовов, связанных доступностью ресурсов, образованием и социальным положением. Являясь поколением инновационного прогресса, молодежь также может сталкиваться с различными рискогенными ситуациями, несущих угрозу для жизнедеятельности человека, которые неподконтрольны обществу [6, с. 15].

Государство заинтересовано в том, чтобы обеспечить молодое поколение соответствующими условиям, позволяющим молодым людям самореализовываться, развивать свои универсальные и профессиональные умения и навыки, которые выступают в качестве вертикальных и горизонтальных социальных лифтов в будущей профессиональной деятельности.

На сегодняшний день молодежь составляет значительную группу населения. В Российской Федерации число молодых людей достигает примерно 51 тыс. человек, что составляет 35% от общего числа населения страны [4].

Современное состояние молодежи говорит о недостатке социального взаимодействия и коммуникации для построения деловых взаимоотношений, выявления сильных и слабых качеств, их проработки для диалога с потенциальными работодателями и представите-

лями отрасли. Одним из механизмов преодоления этой проблемы является создание некоммерческих организаций (далее – НКО), в рамках которого для молодого поколения открывается пространство новых возможностей, обеспечивающих их надлежащим уровнем гражданской мобильности и компетентности для преодоления ограничивающих факторов.

В настоящее время НКО предлагают широкий спектр мероприятий и программ различных направлений. Наиболее актуальными на данный момент являются формирование навыков личностного роста и развитие социально-ответственного поведения, поддержка в решении остросоциальных проблем и создание положительных формаций в обществе в рамках социального предпринимательства, помощь в разработке и реализации своих инновационных идей. Законодательная регламентация НКО определяет их нематериальную направленность на достижение общественных благ, что делает НКО актуальным инструментом продвижения молодежи. Это можно подтвердить следующими данными.

В ходе исследования был проведен анализ состояния предприятий и организаций по организационно-правовым формам за 5 лет (2017-2021 годы) [4], который позволил определить основные тенденции и сделать следующие выводы.

Наблюдается тенденция снижения общего количества организаций и предприятий в период с 2017 по 2021 годы. Снижение составило 26,7%, что составляет 1,216,6 млн. (в 2017 году 4,561 млн. организаций и предприятий, а в 2021 году – 3,345 млн.). Отдельное рассмотрение коммерческих организаций также показало снижение их общего количества на 29,8%, что составило 1,129 млн. (в 2017 году 3,784 млн., а в 2021 году – 2,655 млн.).

Отдельно стоит рассмотреть тенденцию развития НКО. В 2017 году их численность составляла 326 тыс., а в 2021 году уже 601,5 тыс., то есть всего за 5 лет произошло увеличение численности на 84,5%. Это говорит о том, что данная форма взаимодействия с молодежью является активно развивающимся методом вовлечения в деятельность общества и государства. Однако, значительная часть молодежи пессимистично настроена по отношению к деятельности социально-ориентированных НКО, что говорит о низком уровне интереса и вовлеченности.

Таким образом, рассмотренные тенденции отражают стремительный темп общественного развития, ориентированность на создание необходимых условий для улучшения жизни молодого поколе-

ния, а также направленность на повышение социальной активности и социальной мобильности молодежи. Тем не менее, молодое поколение разделилось на социально активное меньшинство и социально пассивное большинство относительно участия в проектах, организованных социально-ориентированными НКО. Необходимо развивать эффективные методы информирования и продвижения проектов, которые позволят повысить молодежную вовлеченность, что в дальнейшем обеспечит инновационное развитие общества и государства.

Библиографический список

1. Аверкиева Е.В. Институты гражданского общества в формировании национальной идентичности молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. № 1. С. 38–50.
2. Головин Н.А. Политическая социализация: теоретико-методологические основы исследования: автореф. дисс. ... д-ра наук. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.
3. Елисеев А.Л., Кретов А.Ю. Роль институтов гражданского общества в формировании механизмов и технологий реализации государственной молодежной политики в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 3. С. 95–103.
4. Официальная статистика. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 25.10.2023 г.).
5. Резаков М.Р. Патриотизм как фактор политической жизни современной России: автореф. дисс. ... к-та н-к. Пятигорск, 2018. 215 с.
6. Фролова С.М. Рискогенность повседневной жизни общества // Власть. 2012. № 10. С. 14–17.

РАЗДЕЛ III. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АДЫГЕИ¹

ETHNOCULTURAL BRANDING OF THE TERRITORY AS A RESOURCE FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ADYGEA

З.А. Жаде, Б.З. Гвашева

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Z.A. Zhade, B.Z. Gvasheva

Adygea State University, Maykop, Russia

Аннотация. В статье этнокультурный брендинг рассматривается в контексте устойчивого развития Республики Адыгея, брендинговое позиционирование которой основано на уникальности и своеобразии. Отмечается, что политика брендинга является составной частью Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года, основная задача которой заключается в брендинговом позиционировании Адыгеи как региона, благоприятного и перспективного для бизнеса и, соответственно, в привлечении инвестиционных, трудовых и других ресурсов. К технологиям брендинга авторы относят участие республики во Всероссийских конкурсах и проектах, предназначенных для выявления основных брендов страны. По мнению авторов, в республике брендинг наряду с другими инструментами стратегического развития рассматривается в качестве важнейшего ресурса, необходимого для устойчивого развития региона.

Abstract. The article examines ethnocultural branding in the context of sustainable development of the Republic of Adygea, whose branding positioning is based on uniqueness and originality. It is noted that the branding policy is an integral part of the Strategy for the socio-economic development of the Republic of Adygea until 2030, the main objective of which is the branding positioning of Adygea as a region favorable and promising for business and, accordingly, to attract investment, labor and other resources. The authors include the republic's participation in All-Russian competitions and projects designed to identify the country's main brands as branding technologies. According to the authors, in the republic branding, along with other instruments of strategic development, is considered as the most important resource necessary for the sustainable development of the region.

Ключевые слова: территориальный бренд, бренд региона, этнокультурный

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

брендинг, технологии брендинга, политика брендинга, устойчивое развитие, полиэтноконфессиональный регион, Республика Адыгея, инновационное управление регионом.

Key words: territorial brand, regional brand, ethnocultural branding, branding technologies, branding policy, sustainable development, multi-ethno-confessional region, Republic of Adygea, innovative management of the region.

«Брендинговый бум» сегодня затронул практически все регионы России. Одной из причин этого бума является конкуренция и соперничество между регионами за привлечение инвестиционных, трудовых и туристических ресурсов. Учитывая этот факт, брендинг территории стал одним из перспективных направлений инновационного управления регионом. Если ранее со стороны институтов государственной власти брендингованию уделялось недостаточное внимание, то в сегодняшней политической и социально-экономической повестке дня, данный вопрос ставится во главу угла. Во многих субъектах РФ приняты стратегии/концепции брендингования территории и созданы специальные комитеты, занимающиеся целенаправленно позиционированием региона посредством конструирования и продвижения узнаваемых внутри страны и за ее пределами брендов, символов и образов.

Брендинг региона является сложным и многоаспектным процессом, затрагивающим совокупность природно-географических, исторических, этнических, религиозных, социокультурных и иных особенностей и характерных черт территории.

Не вдаваясь в суть дискуссий относительно сущности и видов регионального брендинга в социогуманитарной науке, подчеркнем, что одним из его направлений является этнокультурный брендинг, под которым специалисты понимают «вид культурного брендинга, построенный на этнокультурных образах и идентичности» [1, с. 83].

В данной статье этнокультурный брендинг рассматривается в контексте устойчивого развития полиэтноконфессионального региона, каким является Республика Адыгея, брендинговое позиционирование которой основано на уникальности и своеобразии. Регион обладает достаточным брендинговым потенциалом: географическим и природно-рекреационным, историческим, этнографическим, религиозным, экономическим, культурным, научно-образовательным, информационно-цифровым, спортивным, гастрономическим и т.д.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что обозначенная тема достаточно подробно проанализирована группой ученых Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия имени

Д.С. Лихачева под руководством директора И.И. Горловой [1; 2; 8], а также представителями научного сообщества Адыгеи [3; 7]. Мы придерживаемся точки зрения профессора А.Ю. Шадже, согласно которой «инновационное управление регионом, в частности управление брендами, представляет собой «направление» или «мягкое воздействие» на сложные открытые системы, каковыми являются «регион», «общество», «бренд» [7, с. 128].

Политика этнокультурного брендинга является составной частью Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года (далее – Стратегия), основная задача которой заключается в брендинговом позиционировании Адыгеи как региона, благоприятного и перспективного для бизнеса и, соответственно, в привлечении инвестиционных, трудовых и других ресурсов. Стратегией предусмотрена реализация десяти флагманских проектов: «Адыгея без границ»; «Умная Адыгея»; «Культура Адыгеи», «Образование – основа развития Адыгеи», «Здоровая Адыгея», «Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Адыгея»; «Развитие «зеленой» энергетики Республики Адыгея»; «Развитие агропромышленного комплекса Республики Адыгея»; «Развитие промышленности Республики Адыгея»; «Умная торговля и логистика Республики Адыгея» [6].

Согласно Стратегии, такие конкурентные преимущества региона, как Адыгея – регион устойчивого развития на базе природы, климата и экологии; сложившийся в веках историко-культурный стержень; это почти полмиллиона человек в центре Южного полюса роста; единство общества, бизнеса и «команды развития»; регион, привлекательный для инвестиций [6], призваны способствовать проведению успешной брендинговой политики в республике.

На брендинг региона ориентированы такие государственные программы, как «Социально-экономическое развитие Республики Адыгея», «Развитие экономики», «Развитие культуры», «Развитие туризма» и др. Так, например, основными целями государственной программы «Развитие туризма» являются: «комплексное развитие внутреннего и въездного туризма за счет создания условий для формирования и продвижения качественного туристского продукта, конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках; создание всесезонного центра активного, экологического, познавательного, событийного, лечебно-оздоровительного туризма, детского, молодежного и семейного отдыха».

Свидетельством повышения интереса к анализируемой пробле-

ме является участие республики во Всероссийских конкурсах и проектах, предназначенных для выявления основных брендов страны. Во-первых, конкурс «ТОП-1000 культурных и туристических брендов России», в ходе которого отобраны «бренды (культурные и символические природные объекты, образы, традиции и промыслы, события и даты, великие имена, гастробренды, креативные кластеры), известные преимущественно на локальном уровне, но обладающие потенциалом для того, чтобы стать точками притяжения туристов, добровольцев и инвесторов в национальном и глобальном масштабе» [5].

Особую гордость для жителей Адыгеи представляют бренды, включенные в «ТОП-1000 культурных и туристических брендов России»: Тембот Керашев, Лагонаки, Западный Кавказ, дольмены Адыгеи, черкеска, золотое шитье адыгов, адыгское седло, адыгские танцы, черкесская шашка, адыгское златокузнечество, шичепшин (адыгская скрипка), адыгейский сыр, халюжи.

Во-вторых, всероссийский конкурс, в котором культурные и туристические бренды Адыгеи стали победителями, был объявлен Федеральной общественной интерактивной платформой «Живое наследие.рф». В категории «Сооружения» в числе победителей оказались дольмены, в категории «Природа» – плато Лагонаки, в категории «Гастрономия» – халюжи, в категории «Традиции и промыслы» – адыгские танцы, златокузнечество, национальная мужская одежда черкеска, народный инструмент шичепшин и золотое шитье.

В-третьих, масштабный проект «Россия – страна достижений», в котором Адыгею представляют: одна из лучших в стране Республиканская естественно-математическая школа; массовое гастрономическое событие – фестиваль адыгейского сыра; одна из лучших в мире Майкопская школа дзюдо и самбо; известный в мире ансамбль народного танца «Нальмэс».

Обозначенные выше бренды, ставшие победителями в разных конкурсах, прославляют республику, добавляют узнаваемости региону в масштабах страны и за ее пределами.

Ранее, анализируя традиционные и инновационные технологии брендинга Республики Адыгея, нами представлена классификация брендов региона, включающая следующие: официальные: флаг, герб, гимн; географические/природные/рекреационные: горы, пещеры, ущелья, каньоны, горные реки, водопады, источники минеральных и термальных вод, месторождение лечебных глин, видовое разнообразие флоры и фауны; исторические: важные исторические события, прославленные исторические деятели и т.д.; этнографические: фольк-

лор, традиции, костюмы, народные ремесла; религиозные: монастыри, храмы, церкви, мечети и др.; экономические: известные предприятия, производимая характерная продукция и т.д.; культурные: театры, музеи, ансамбли, писатели, поэты, художники, артисты и т.д.; научно-образовательные: учреждения образования и науки, научные школы, ведущие ученые и т.д.; информационно-цифровые: СМИ, социальные медиа и паблики, интернет-ресурсы; спортивные: команды, школы, чемпионы и т.д.; гастрономические: кухня и популярные продукты питания; персонализированные символы-идентификаторы: руководители региона и знаковые личности; столица: историко-культурные символы, «места памяти», достопримечательности, образы и т.д. [3, с. 23].

Также нами ранее аргументировано, что совокупность технологий и практик брендинга республики можно распределить на традиционные и инновационные [3, с. 24]. К последним следует отнести регистрацию семи брендов Адыгеи в Роспатенте: «адыгейский сыр», «адыгейская соль», «адыгейский чай», «минеральная вода Майкопская», «пиво Майкопское», «водка Майкопская» и «лимонад Майкопский». Инновационный тренд в брендинге региона выражается в том, что наряду с традиционными брендами появляются новые символы региональной уникальности.

Как видно из вышеизложенного, в республике брендинг наряду с другими инструментами стратегического развития рассматривается в качестве важнейшего ресурса, необходимого для устойчивого развития региона. Еще раз подчеркнем, что поиск векторов устойчивого развития республики занимает важное место в Стратегии социально-экономического развития Адыгеи до 2030 года, доминирующим контекстом которой является слоган «Адыгея – регион устойчивого развития на базе природы, климата и экологии», и подчеркивается, что «обязательным условием дальнейшей активизации экономического развития региона является соблюдение принципов устойчивого развития» [6]. В Стратегии подчеркивается известность ряда брендов за пределами региона, перечисляются известные туристические бренды.

Брендинг территории, как отмечается в документах стратегического планирования, «способствует развитию региона, привлечению инвестиций на территорию Республики Адыгея. Создание мощного позитивного территориального бренда позволит производителям продукции повысить свою узнаваемость на рынке и, как следствие, получить дополнительную добавленную стоимость» [4].

С целью проведения комплексной и эффективной брендинговой

политики, являющейся составной частью инновационного управления регионом, представляется целесообразным разработку Концепции брендирования Республики Адыгея. Акторами конструирования и продвижения брендов территории должны выступать органы государственной власти республики, органы муниципального управления, бизнес-структуры, СМИ, общественные организации, спортивные и культурные сообщества, научно-образовательные учреждения.

Библиографический список

1. Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А. Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 81–86.
2. Горлова И.И., Коваленко Т.В., Науменко В.Е. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендирования территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3. С. 234–244.
3. Жаде З.А. Брендинг Республики Адыгея на основе традиционных и инновационных технологий // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 10. С. 20–25.
4. Об Инвестиционной стратегии Республики Адыгея до 2025 года от 11 декабря 2014 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://clck.ru/35tLgS> (дата обращения: 22.10.2023).
5. Подведены итоги конкурса «ТОП-1000 культурных и туристических брендов России».. URL: <https://livingheritage.ru/news/podvedeny-itogi-konkursa-top-1000-kulturnyh-turisticheskikh-brendov-rossii> (дата обращения: 22.10.2023).
6. Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года. URL: <https://base.garant.ru/43636318/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 22.10.2023).
7. Шадже А.Ю. Бренд региона в гуманитарном познании: некоторые методологические особенности // Социально-гуманитарные знания. 2023. №. 9. С. 125–129.
8. Этнокультурное брендирование территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: монография / И.И. Горлова и др.; отв. ред. Т.В. Коваленко. М.: Институт Наследия, 2020. 114 с.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В МАЛИ: ПРИМЕР УЧИТЕЛЕЙ ВТОРОГО ЦИКЛА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ ДЕРСАЛАМА

GENDERED SOCIALIZATION IN MALI: EXEMPLE OF THE SECOND CYCLE TEACHERS AT THE DARSALAM PUBLIC SCHOOL

Кама́ра Ишака

Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, г. Бамако, Мали

Samara Ichaka

University of Letters and Human Sciences of Bamako, Bamako, Mali

Аннотация. Целью данной статьи является представление части результатов нашего исследования о роли учителей в передаче, неосознанной или неосознанной, гендерных ролей. Исследование проведено среди руководителей и учителей второго цикла в школьной группе Гауссу ДАБО в квартале Дарсалма г. Бамако. До недавнего времени, старшее поколение учителей этой школы воспроизводило стереотипы, передаваемые социальной и семейной средой, которые они укореняли в учениках. Вопрос в том, как влияет ли учитель на бессознательную или неосознанную передачу стереотипов ученикам? В ходе исследования были проведены интервью с директорами и учителями вышеупомянутой школы. Результаты показывают, что молодое поколение учителей стремится больше не воспроизводить традиционные гендерные стереотипы, а, напротив, транслируют идеи и модели поведения для большего равенства между полами. Действительно, происходят изменения в менталитете, которые позволяют с большей терпимостью принимать разные варианты и мнения, не обязательно принимая во внимание привычки, привитые в течение длительного времени.

Abstract. The purpose of this article is to present part of the results of our research on the role of teachers in transmitting, unconsciously or unconsciously, gender roles. The study was carried out among leaders and teachers of the second cycle in the Gaoussou DABO school group in the Darsalma quarter of Bamako. Until recently, the older generation of teachers at this school reproduced stereotypes transmitted by the social and family environment, which they ingrained in their students. The question is, how does a teacher influence the unconscious or unconscious transmission of stereotypes to students? During the study, interviews were conducted with principals and teachers of the above-mentioned school. The results show that the younger generation of teachers no longer strives to reproduce traditional gender stereotypes, but, on the contrary, convey ideas and behaviors for greater equality between the sexes. Indeed, changes in mentality are taking place, which allow more tolerance to accept different choices and opinions without necessarily taking into account habits instilled for a long time.

Ключевые слова: гендер, равенство, учитель, Мали, стереотип, социализация

Key words: gender, equality, teacher, Mali, stereotype, socialization

Введение. За последнее столетие в Африке в целом и в Мали в частности равенство между женщинами и мужчинами по закону и в представительстве претерпело значительные изменения. Эти изменения, регулирующие социальную, экономическую и политическую жизнь, характеризуются принятием страной нескольких законов. Эти законы учитывают положение женщин и мужчин, особенно в сферах: семьи (Кодекс о браке и опеке, Кодекс о гражданстве, Кодекс о родительстве) [1], труда (трудовой кодекс, Кодекс социального обеспечения) [2], уголовного (уголовный кодекс и уголовно-процессуальный кодекс) [3], политики (избирательное право) [4], земли (государственный и земельный кодекс) [5] и торговли (предпринимательский кодекс) [6].

Закрепленное в Конституции Мали с 1960 г., а недавно и в проекте национальной гендерной политики (ПНГ) от июня 2008 г. [8, с. 2], равенство является предметом горячих дискуссий в обществе. Эти дебаты предполагают принятие решительных мер по достижению реального равенства в правах, представлении и обращении между гражданами обоих полов без дискриминации. Представляется, что в этом процессе школа и учителя, были бы лучшим инструментом для достижения этой цели. Они могут помочь деконструировать стереотипы, передаваемые семьей, традиционными общественными институтами, основанным на определенном преобладании мужчин в некоторых областях. Действительно, «с самого раннего возраста, родители вообще учат ребенка различать, иногда неосознанно, игрушку, задание или занятие, сделанных, по их мнению, для девочки или мальчика» [9, с. 11]. Тем самым, они тормозят его реальные инициативы, принимая решения за него. Будучи предвзятыми, эти идеи поощряют сексизм, отражающийся в традиционных женских и мужских ролях.

Это означает, что определенное неравенство все еще существует в доступе к зарплате, политическим должностям и определенным профессиям. Также по-прежнему присутствуют многие гендерные стереотипы. Министерство по делам женщин, детей и семьи Мали опубликовало отчет о гендерном неравенстве, в котором 8,8% мест в парламенте занимают женщины и 7,3% взрослых женщин имеют как минимум среднее образование по сравнению с 16,2% своих коллег-мужчин. Женщины составляют 52% сельского населения, и на 64,2% больше среди них тех, кто живет за чертой бедности [10, с. 7]. Женщины, составляющие 75% сельскохозяйственной рабочей силы, имеют ряд препятствий, включая сегрегацию рынка труда и трудный доступ к кредитам в банках [1, с. 27]. В том же документе также указы-

ваются, что только 5% малийских женщин являются землевладельцами из-за неблагоприятных режимов землевладения [1, с. 7].

Перечисленные выше законы, направленные на равенство двух полов, должны быть усилены для глубокого изменения менталитета всего общества. Вот почему учителя играют важную роль в повышении осведомленности о гендерном равенстве, на них лежит ответственность за распространение таких ценностей Республики, как равенство и отказ от любой дискриминации.

Гендерная социализация в Мали поднимает важный вопрос, а именно, какую роль играет учитель в передаче, неосознанной или неосознанной, гендерных стереотипов ученикам? В частности, как молодое поколение учителей действует и думает для того, чтобы изменить менталитет о гендерных стереотипах в школьной группе Гауссу ДАБО в квартале Дарсалма?

В основе данной работы лежит гипотеза о том, что нынешнее поколение учителей имеет и до сих пор играет определяющую роль в передаче, неосознанной или неосознанной, гендерных стереотипов учащимся. Конкретно, в школьной группе Гауссу ДАБО в квартале Дарсалма учитель больше не склонен воспроизводить одни и те же стереотипы, действуя и думая по-другому.

Основная задача данной работы – оценить роль нынешнего поколения учителей в передаче, неосознанной или неосознанной, гендерных стереотипов учащимся. В частности, статья направлена на понимание конкретных действий и размышлений, осуществляемых учителем в целях деконструкции гендерных стереотипов.

Статья разделена на две части. В первой части представлен принятый методологический подход и место проведения исследования. Анализируя полученные результаты, вторая часть статьи подводит к выводу и обсуждению.

1. Методология исследования. В этой части представлены методологический подход, характеристики выборки и инструменты, используемые для сбора данных. Место проведения расследования также было кратко описано.

В исследовании был применён качественный подход, целью которого является понимание социального явления на основе интервью. Опрос проводился на основе индивидуальных интервью, которые были дополнены данными прямого наблюдения. Предпочтение отдавалось методу обоснованного выбора, в котором мы выбирали людей для исследования в соответствии с заранее определенными переменными, а не полагаться на случайность. Выбор данного метода выбор-

ки оправдан ориентацией нашего исследования на принятое поведение данным педагогическим коллективом к гендерному равенству. Таким образом, мы заботились не столько о репрезентативности, сколько об образцовости выборки. Полуструктурированное интервью остается методом сбора данных, используемым в этом исследовании. Всего, были опрошены 41 преподаватель, в том числе 4 женщины в школьной группе Гауссу ДАБО в квартале Дарсалма г. Бамако. Исследование проводили в вышеупомянутой школе с 4 января по 27 февраля 2023 г.

Школьная группа Гауссу ДАБО, единственная государственная базовая школа в квартале Дарсалама в третьей коммуне города Бамако. Она включает в себя два цикла, а именно 1-й и 2-й, расположенные в двух разных дворах. Во втором цикле группы, являющейся предметом данного исследования, работает 41 учитель, в том числе 4 женщины, и обучаются 485 учеников, в том числе 213 девочек.

2. Результаты исследования. Учителям школьной группы Гауссу ДАБО в квартале Дарсалама был задан ряд вопросов для того, чтобы выяснить, присутствуют ли гендерные стереотипы в их представлениях. В их ответах проявляются гендерные особенности. Они касаются преподаваемых предметов, профессий, спорта, домашних дел, моды и макияжа.

2.1. Стереотип о математике. Многие учителя, особенно учителя-мужчины, поддерживают идею о том, что мужчины лучше разбираются в математике, чем женщины. По мнению одного руководителя школы: *«Девочки лишены практичности и логического чутья по сравнению с мальчиками. Однако мальчики освоили все основные математические навыки»* (М.Д., руководитель школы, 47 лет). Однако другой учитель по математике, придерживается обратного мнения: *«Девочкам труднее добиться успеха в научных дисциплинах. Потому что они убеждены, что учатся не так хорошо, как их товарищи-мальчики»* (Б.С., учитель по математике, 48 лет).

Таким образом, мальчики немного лучше девочек справляются с математикой, поскольку многие из них владеют всеми основными математическими навыками. А девочки делают все для того, чтобы избежать математики и в результате оказываются плохо подготовленными к сложным заданиям и ситуациям. По словам Мари Дуру-Белла, *«в определенном смысле девочки по-прежнему опасаются математических тестов, в то время как мальчиков трудности стимулируют. Оценочное давление приводит к падению успеваемости девочек»* [6, с. 57].

Иногда при одинаковых начальных навыках девочки уже увеличивают разрыв с французским языком, тогда как мальчики быстрее прогрессируют в математике. Этот разрыв, по-видимому, связан с разочарованием девочек в уроках математики. Действительно, у некоторых девочек сложилось негативное представление об этом школьном предмете. В результате они более сдержанно относятся к своим способностям, даже убеждены в том, что они не созданы для математики. Сама идея необходимости мобилизации математических навыков дестабилизирует их. Они неосознанно боятся столкнуться с различными стереотипами, распространяемыми обществом, особенно школой. Эта гендерная идентичность формируется посредством взаимодействия между учителями и учениками, которые усиливают соответствие стереотипам. Действительно, даже среди учителей начальной и средней школы, а также среди родителей, все еще присутствует идея о том, что математика предназначена только для мальчиков, а литературные предметы – для девочек.

Однако учительница по французскому языку, считает, что хвататься здесь особенно нечем: *«Если мальчики немного лучше, почему так много из них нанимает частных учителей по математике? Научного обоснования этому утверждению нет»* (А.С., учительница по французскому языку, 28 лет).

Учительница по истории соглашается с этим мнением: *«Девочки учатся в школе лучше, чем мальчики, и имеют более высокую квалификацию, чем они. И потом, я считаю, математику более логичной и простой для понимания по сравнению с другими видами обучения»* (С.С., учитель истории, 34 года).

Это интервью подчеркивает тот факт, что девочки и мальчики обладают одинаковыми способностями к рассуждению, памяти и вниманию. Кроме того, помимо успешной академической карьеры, девочки более дипломированы, чем мальчики. Они практически догнали и даже превзошли уровень подготовки мальчиков. По мнению Мари Дуру-Белла «мужской прогресс продолжается до конца начальной подготовки. По окончании учебы, молодые женщины с большей вероятностью получают высшее образование, чем молодые мужчины. Прежде всего, они меньше покидают систему образования без диплома» [6, с. 55–57]. Согласно отчету ЮНЕСКО, мальчики показывают лучшие результаты по математике, чем девочки, но со временем этот разрыв исчезает [11, с. 32].

Таким образом, вопреки распространенному мнению, по мере учебы девочки демонстрируют большое владение математикой и

естественными науками. Способности к математике никоим образом не зависят от пола. Более того, это утверждение не может полностью объяснить или оправдать недостаточную представленность женщин в инженерных школах или в научных областях. Эта способность во многом зависит от практики преподавателей, ответственных за научные курсы. Их близость к научным предметам облегчает передачу этих знаний и побуждает студентов, особенно девочек, проявлять больший интерес к этой дисциплине. Кроме того, некоторые девочки находят математику более логичной и легкой для понимания по сравнению с другими предметами, отсюда и больший интерес к этому предмету.

2.2. Стереотип о спорте. Анализ высказываний учителей школьной группы Гауссу ДАБО подчеркивает сохранение гендерных стереотипов и в сфере спорта. Как и в математике, у мальчиков, согласно собранным высказываниям, присутствует спортивный ген. Так, учитель английского языка подчеркивает: *«Если сравнить рекорды международных спортсменов, то мужчины выступают лучше. Причины анатомические и физиологические. Именно поэтому мужчины больше занимаются футболом и легкой атлетикой, а девушки занимаются танцами и гимнастикой»* (Б.Т., учитель английского языка, 48 лет).

Действительно, как отмечают Натали Кулман и Александра Малгойр, «с точки зрения силы между женщинами и мужчинами существует реальный разрыв. У женщин дефицит силы или мощности может составлять от 40 до 60% для верхних конечностей и от 25 до 30% для нижних конечностей. Эта разница в абсолютной силе частично объясняет различия в производительности в определенных областях между двумя полами» [7, с. 84]. Предполагаемое различие приводит к тому, что гендерная категоризация событий высокого уровня, навязываемая во всех дисциплинах, в конечном итоге биологически оправдана. В результате у женщин не будет шансов что-либо выиграть. По мнению учителя истории: *«В физической культуре, в начальной или старшей школе, нет оснований применять разную шкалу для девочек и мальчиков. Фактор тренировки играет настолько важную роль в производительности, что девочка, которая занимается спортом на улице, будет лучше, чем мальчик, который вообще этим не занимается. Очень быстро именно этот фактор возьмет на себя биологические детерминанты»* (А.С., учитель истории, 34 года).

Это интервью подчеркивает тот факт, что вариативность и фактор тренировки никогда не принимаются во внимание, хотя они и

должны быть приняты. Учитель географии отмечает: *«Женский пол – это не слабый пол. Это зависит от возраста и вида спорта, но обычно женщина идёт с небольшой задержкой»* (Р.А., учитель по географии, 41 год).

Таким образом, при равном возрасте и подготовке женщины догоняют по спортивным показателям мужчин. Т.О., учитель по французскому языку, уточняет: *«Все виды спорта требуют не только физической силы, но и интеллекта. И женщинам этого достаточно, чтобы доминировать в спорте»*. (Т.О., учитель французского языка, 31 год).

Это интервью показывает, что только вес и физическая сила не могут победить, здесь необходим интеллект. Кроме того, эти комментарии освобождаются от определенных заранее установленных стандартов с целью критики стереотипной ситуации. Однако проблема гендерной категоризации в спорте все еще актуальна и заключается в том, что мужчины в целом всегда и естественно считаются превосходящими. И некоторые преподаватели прививают ученикам эти стереотипы, хотя они и необоснованны.

2.3. Стереотип о профессиях. Наряду с математикой и спортом, гендерная социализация формирует стереотипы о профессиях. Учителя средних школ школьной группы Гауссу ДАБО в Дарсаламе поделились своим мнением и впечатлениями о профессиях, которыми могут заниматься представители обоих полов. Помимо увеличения уровня занятости женщин за последние 30 лет, их ответы подчеркивают «сексизацию» профессий. Почти все опрошенные мужчины выступают за то, чтобы здоровье и такие профессии, как кассир, ресторатор, косметолог, парикмахер, стилист, выполнялись женщинами. Учитель по музыке отмечает: *«Женщины в подавляющем большинстве представлены в определенных профессиях, особенно в сфере обслуживания и ухода»* (Б.Б., учитель музыки, 37 лет).

Следуя этой логике, учитель математики поясняет: *«Кассир, ресторатор, косметолог, парикмахер, стилист – профессии, на которых зарабатывают много денег. С ногтями и волосами, которые быстро растут за короткий период времени, у косметологов и парикмахеров впереди еще светлое будущее»* (К.С., учитель математики, 43 года).

Следовательно, уход за собой, украшение себя, забота о своей внешности – это приятное занятие, которое рифмуется с занятостью и обогащением. Малийские женщины позволяют себе это все чаще и чаще, а растущий интерес действительно в значительной степени спо-

способствует росту рынка красоты, косметики и эстетики, цифры продаж которого стремительно растут.

Кроме того, профессии кассира, ресторатора, косметолога, парикмахера и стилиста отличаются своей универсальностью. Благодаря этой универсальности приветствуются все профили. У кандидатов широкий выбор и они неизбежно находят то, что ищут, среди приведенного выше списка профессий. Таким образом, феминизацию некоторых профессий можно объяснить, по крайней мере, частично, возможностями трудоустройства и финансовым комфортом, изменениями на либеральном рынке и сильным ростом женской активности за последние тридцать лет.

Некоторые учителя, особенно женщины, называют такие профессии, как механик, полицейский, пожарный, художник, ученый-компьютерщик и спортсмен, мужскими. Учительница по истории уверена: *«Такие профессии, как спортсмен, механик, полицейский, пожарный, художник, ученый-компьютерщик, принадлежат мужчинам. Они выбирают их по разным причинам. Не забывайте, что есть еще отличные женщины-полицейские и пожарные»* (С.С., учительница истории, 34 года). Показательно, что в этом интервью подчеркивается тот факт, что мужчины, выбирающие эти профессии, не обязательно являются лучшими.

Интервью позволили понять, что в определенных случаях на выбор профессии помимо школы во многом влияют семья и окружающие. Некоторые учителя говорили о такой ситуации на собственном примере: *«В детстве я хотел на какое-то время стать косметологом для того, чтобы сопровождать старшую сестру, которая работала в этой сфере»* (А.К., учитель рисования, 33 года). Учитель по физики также признается: *«После смерти моего отца я часто хотел бросить школу, чтобы посвятить себя сельскому хозяйству. Мне всегда хотелось взять на себя семейный бизнес, как это сделал в свое время мой отец»* (Г.С., учитель физики, 38 лет).

Таким образом, родители и родственники, скорее всего, неосознанно влияют на выбор своих детей в сфере профессии.

2.4. Стереотип о домашних делах. Учителя школьной группы Гауссу ДАБО в Квартале Дарсалама высказали свое мнение по вопросу о том, кто из родителей выполняет домашнюю работу, а кто работает за пределами семьи.

Учитель химии говорит: *«Обычно наоборот, мама занимается домашними делами, а папа работает на семью»* (О.Л., учитель химии, 48 лет). Также думает учитель географии: *«Женщины гораздо*

чаще выполняют семейную работу. Значит, мужчины к этому не привыкли» (А.Д., учитель географии, 51 г.).

Традиционно в Мали ответственность за финансовое обеспечение своей семьи несет мужчина. Он берет на себя всю работу, которую ему представляет возможность, ручную и даже опасную. Эта традиционная модель семьи отводит женщине роль матери и хранительницы дома, а мужчине – роль кормильца. В этой модели мужчины, являются основными источниками дохода семьи, а женщины выполняют большую часть домашней работы.

Эта гендерная организация семейных ролей постепенно трансформировалась с приходом индустриализации, которая способствовала массовому доступу женщин к формальному рынку труда. Женщины все чаще работают вне семейного дома также, как и мужчины, и вносят свой вклад в доход своей семьи. Учителя по математике уточняет: *«Лично я готовлю, когда хочу съесть то или иное блюдо, или когда некому это сделать. Здесь мы учим этому детей при каждой возможности»* (Б.К., учитель математики, 28 лет). Также думает учитель биологии: *«Мужчина не должен помогать своей партнерше по дому. Он должен участвовать в семейных делах. Потому что помощь подразумевает, что за выполнение семейных дел отвечает только женщина. Мой отец всегда так делал с моей мамой»* (С.К.С., учитель биологии, 41 год).

Эти интервьюируемые не обязательно учитывают существующие в обществе стереотипы, что свидетельствует об эволюции или даже изменении их менталитета. Это новое представление может исходить от образования, передаваемого школой или окружающими нас людьми. Эту позицию горячо разделяют все опрошенные нами женщины-учителя, которые считают совершенно нормальным меняться домашними ролями. Учитель французского языка заявляет: *«Мужчины и женщины равны в распределении домашних дел»* (А.С., учитель французского языка, 31 год). Учитель географии уточняет: *«Уборкой постоянно занимаются матери. Мальчики тоже могут заниматься домашним хозяйством»* (Р.А., учитель географии, 41 год).

Покупки, приготовление пищи и уход за детьми традиционно являются прерогативой женщин в Мали. Однако за последние двадцать пять лет распределение домашних и родительских обязанностей внутри малийских пар изменилось. Все больше мужчин посвящают себя домашним делам. Это даже стало трендом в социальных сетях. Но до полного равенства мы еще далеки.

2.5. Стереотип о моде и макияже. Учителя школьной группы Гауссу ДАБО в Квартале Дарсалама также поделились своим мнением по вопросу, о моде и, в частности, использовании макияжа. Очень долгое время мода в Мали разделилась на две части: женскую и мужскую. Но в последние годы мы стали свидетелями того, как этот жанровый барьер рушится. Иными словами, мужчины все чаще экспериментируют с традиционно женскими предметами моды, и наоборот. Так происходит во время шоу, где снимаются определенные табу: мужчины могут одеваться как женщины, женщины как мужчины. Особенно эта тенденция заметна среди молодежи. Она отмечает, что свобода самовыражения является для них очень важной ценностью, которая вынуждает их одеваться так, как они хотят. Короче говоря, сегодняшняя мода гораздо более инклюзивна и ориентирована на то, чтобы чувствовать себя хорошо.

Часть учителей занимают в этом вопросе либеральную позицию. *«Мы все равны и каждый делает то, что хочет»* (А.С., учитель французского языка, 31 год). С этим мнением соглашается учитель математики: *«Это нормально, если он женоподобен или хочет быть сорванцом. Я тоже согласна с мужским макияжем, например для шоу или даже для подростков»* (Б.К., учитель математики, 28 лет). В повседневной жизни, эти учителя были бы удивлены, увидев мальчика с макияжем. Однако они уважают выбор человека, который это сделает, что отражает тенденцию к изменению менталитетов.

Однако, другие учителя этих тенденций не одобряют. Один из руководителей школы уточняет свою позицию: *«Нет, мальчик не может быть похож на девочку, потому что иначе он транссексуал»* (М.Д., руководитель школы, 47 лет).

Мужской макияж не соответствует малийским привычкам, поскольку косметикой в этой культуре пользуются в основном женщины, поэтому украшая себя и заботясь о своем лице, они считают необходимым следовать гендерным нормам.

Словом, в отношении вышеупомянутых стереотипов наблюдаются изменения. Многие учителя школьной группы Гауссу ДАБО поняли важность преодоления гендерного неравенства и развития критического мышления для формирования собственного мнения о слишком стереотипных ролях. Кроме того, они выразили намерение больше не воспроизводить эти стереотипные роли, которые мешают им делать выбор, соответствующий их убеждениям.

Заключение. Гендерные роли создаются обществом, и транслируются, в том числе, учителями, которые склонны прививать их уче-

никам. Как только они поступают в школу, их приучают воспроизводить определенные гендерные стереотипы. Действительно, школьная среда благоприятствует этому процессу, с которыми здесь по-прежнему трудно бороться, поскольку ученик развивается и строит себя на примерах, которые для него являются надежными.

Результаты показывают, что способности к математике зависят не только от пола. Эта способность во многом зависит от практики учителей, которые способствуют передаче знаний и поощряют учащихся, особенно девочек, проявлять больший интерес к этой дисциплине. Спортивные навыки, по-прежнему, во многом зависят от вариативности и фактора подготовки. Что касается выбора профессии, то на него сильное влияние оказывают родители и родственники, неосознанно или сознательно. Стереотипы о распределении домашних и родительских обязанностей эволюционировали, но до идеального равенства еще далеко. Преподаватели, особенно молодые, на удивление, уважают выбор мужского макияжа.

Это отражает тенденцию к изменению менталитетов. Действительно, интервью, проведенные с учителями, позволили некоторым из них понять важность освобождения от определенных заранее установленных стандартов, и развивать критическое мышление для формирования собственного мнения о стереотипной ситуации. Многие из них выразили намерение больше не воспроизводить эти гендерные нормы, которые мешают им делать выбор, соответствующий их убеждениям. Однако понимание гендерной социализации требует дополнительных исследований для того, чтобы выделить другие гендерные роли, связанные с ней.

Библиографический список

1. Banque africaine du développement, 2020, Que nous apprend l'indice de genre en Afrique 2019 sur l'égalité des genres et comment y parvenir? Rapport sur l'indice de genre en Afrique, 66 p.
2. Coste Louis, 2004, Le père dû et le compagnon imaginaire, in *Imaginaire et inconscient*, Vol. 2, n° 14, p. 143–160.
3. Dalmaso Anne et Granet-Abisset Anne-Marie, 2023, Audelà des cosmétiques : L'importance économique et sociale des entreprises de la beauté, *Entreprises et histoire*, Vol. 2, no 111, p. 6–15.
4. Darmon Muriel, *La Socialisation*, Paris, Armand Colin, 2016, 128 p.
5. De Beauvoir Simone, 1949, Chapitre Enfance. Dans *Le deuxième sexe* tome II, Paris, Edition Gallimard, 528 p.
6. Duru-Bellat Marie, 1993, Réussir en mathématiques: Plus dur pour une fille ? *Cahiers pédagogiques*, n° 310, p. 55–57.
7. Koulmann Nathalie et Malgoyre Alexandra, 2018, *Les différences*

physiologiques homme-femme: quel impact sur l'aptitude physique au combat ? Dans Revue Défense nationale, Vol. 3, n° 108, p. 81–84.

8. Ministère de la promotion de la femme, de l'enfant et de la famille (MPFEF), Plan d'actions de la politique nationale genre du Mali 2011–2013: Ensemble, partageons l'avenir, Bamako, p.2, 72 p.

9. Mussard Sarah, Zafindrafenoarivo Manandaza, 2022, L'Egalité filles/garçons au cycle 3, Mémoire de master 2, Université de la Réunion (UR), Département d'outre-mer de la Réunion, 77 p.

10. Programme des Nations Unies pour le Développement (PNUD), 2022, Stratégie genre et plan d'actions 2019-2022, Rapport final, Bamako, p.7, 44 p.

11. UNESCO, 2022, Approfondir le débat sur les enfants et les jeunes encore laissés de côté, Rapport sur les inégalités de genres, Paris, p., 74 p.

**«ЧИТАЛ Я РЕЧЬ ПАПЫ РИМСКОГО. И, НАДО СКАЗАТЬ,
ЧИТАЛ С ИНТЕРЕСОМ»: К ВОПРОСУ
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВАТИКАНА И СССР
В НАЧАЛЕ 1960-х гг.**

**«I READ THE POPE'S SPEECH. AND, I MUST SAY, I READ
WITH INTEREST»: ON THE ISSUE OF RELATIONS BETWEEN
THE VATICAN AND THE USSR IN THE EARLY 1960-s**

Е.Н. Кумпан

Кубанский государственный университет. г. Краснодар, Россия

E.N. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены основные векторы внешнеполитического взаимодействия представителей СССР и Ватикана в 1960–1963 гг. На основе анализа текстов выступлений понтифика, личных посланий участников коммуникационного процесса, воспоминаний непосредственных участников событий показаны попытки наладить взаимодействие через формирующиеся «каналы» неформального общения с учетом реалий холодной войны.

Abstract. The article considers the main vectors of foreign policy interaction between representatives of the USSR and the Vatican in 1960-1963. Based on the analysis of the texts of the pontiff's speeches, personal messages of participants in the communication process, memories of direct participants in the events, attempts to establish interaction through the emerging "channels" of informal communication are shown, taking into account the realities of the cold war.

Ключевые слова: холодная война, Карибский кризис, Ватикан, Иоанн XXIII, Н.С. Хрущев, Дж. Кеннеди, Договор о запрещении испытаний ядерного оружия.

Key words: cold War, Caribbean crisis, Vatican, John XXIII, N.S. Khrushchev, J. Kennedy, Nuclear Test Ban Treaty.

В октябре 1958 г. кардинал Анджело Джузеппе Ронкалли был избран главой католической церкви. В послании, с которым он выступил на следующий день после избрания, говорилось о значимости договоренностей для преодоления конфликтов, о том что «мир – это спокойствие порядка» [15]. Векторы внешней политики Ватикана обрисованные новым папой, значительно отличались от установок его предшественника, Пия XII, который, например декретом, изданным в 1949 г. определил, что католики, отстаивающие идеи коммунизма отлучаются от церкви и не допускаются к ее таинствам [13].

В январе 1960 г. одна из римских газет – «Paese sera» сообщила, что СССР, учитывая значимость культурных ценностей собранных в Ватикане, подписал соглашение о неприкосновенности города в случае войны, что, как указывалось в статье, являлось косвенным признанием государственного статуса Ватикана [4, с.23]. Спустя несколько дней, 15 января, было опубликовано «Обращение Верховного Совета СССР к парламентам и правительствам всех государств мира» в котором сообщалось об инициативах Советского государства по сокращению вооружений в мире и об одностороннем принятии Закона об уменьшении Вооруженных сил СССР «еще на одну треть, а именно на один миллион двести тысяч человек». Верховный Совет отмечал, что «взрыв только одной водородной бомбы может стереть с лица земли крупнейшие центры мировой цивилизации» и призывал перейти «от разговоров о разоружении к его практическому осуществлению» [6]. Посольство СССР в Риме направило папскому нунцию ноту, в которой просило направить папе Римскому это Обращение.

15 мая 1961 г. понтификом была опубликована энциклика Мать и наставница («Mater et magistra»). В ней отмечается, что отдельные политические сообщества действительно могут обладать высоким уровнем культуры и цивилизации, иметь «многочисленное и трудолюбивое население, развитую экономическую структуру, огромные природные ресурсы и обширные территории», но даже в этом случае в изоляции от остального мира не могут найти решение целого ряда задач. В тоже время папа видит проблему в том, что «люди, а следовательно, и государства смертельно боятся друг друга». И потому государства наращивают вооружения, формально предназначенные для сдерживания потенциального агрессора. Более того, когда правительства апеллируют к справедливости, они расходятся в ее трактовке, это усиливает напряженность, ведет к конфликтам, а они имеют непредсказуемые последствия. Таким образом, международное понимание и сотрудничество необходимы ради взаимного развития и со-

вершенствования [16].

Эта идея получила продолжение во время Берлинского кризиса, когда в сентябре 1961 г. Иоанн XXIII выступил с призывом к «правителям государств прямо взглянуть в лицо огромной ответственности, которую они несут перед судом истории и, что более важно, перед Богом... не становиться жертвами ложных и вводящих в заблуждение провокаций [18]. Спустя 11 дней, в газете «Правда» был опубликован ответ Н.С. Хрущева на вопрос корреспондентов газет «Правда» и «Известия»: «Как вы оцениваете призыв Папы Римского к переговорам для предотвращения военной катастрофы. Первый секретарь ЦК КПСС отвечал, что он «читал речь Папы с интересом... Высказанная папой озабоченность за судьбы всеобщего мира показывает что повсюду за рубежом все отчетливее понимают, что безрассудство и авантюризм в делах мировой политики добром не кончаются... И объединение всех миролюбивых сил на земле – надежная гарантия ликвидации военной угрозы [7]». Примечательно, что как пишет С.Л. Фирсов, текст был составлен одним из главных идеологов коммунистической партии М. А. Суловым [10, с. 63].

В день 80-летия понтифика (ноябрь 1961 г.) посол СССР в Италии С.П. Козырев, исполняя поручение Н.С. Хрущева, вручил папскому нунцию письмо: помимо поздравлений, выразилось пожелание успехов в «благородном стремлении содействовать урегулированию международных проблем путем международных переговоров». Советской стороне был передан и письменный ответ, в котором Иоанн XXIII направлял «премьер-министру и всему русскому народу пожелания распространения мира путем счастливого соглашения о братстве всех людей» [4, с.24–25].

Возможность усилить влияние Советского Союза на Западе через расширение контактов с Ватиканом стало одним из факторов того, что Н. С. Хрущев разрешил присутствие наблюдателей от Русской православной церкви на Втором Ватиканском соборе. Однако вскоре после открытия собора мир оказался на грани – начался Кубинский кризис. Норман Казинс, журналист, редактор Saturday Review, один из основателей Национального комитета за разумную ядерную политику (National Committee for a Sane Nuclear Policy – SANE) в своей работе «Невероятный триумвират. Джон Кеннеди. Папа Иоанн. Никита Хрущев» рассказывает о попытке формирования диалога СССР, Ватикана и США, непосредственным участником которого он являлся.

Незадолго до Карибского кризиса, учитывая ограниченность контактов между США и СССР неизбежно обусловленную холодной

войной, большое значение приобрела неформальная дипломатия – так, в октябре 1960 г. в Дартмутском колледже [подробнее см. 5] (г. ГанOVER, штат Нью-Гэмпшир) встретились на конференции «академики, писатели и ученые из Соединенных Штатов и СССР», следующая встреча прошла в Крыму в июне 1961 г., а затем в Академии Филлипса, (АндOVER, штат Массачусетс) 21 октября 1962 года. Со стороны США в этих встречах участвовали Филип Мосли – в период с 1952 по 1961 г. директор исследовательской программы по Советскому Союзу Совета по международным отношениям, в 1955–1963 г. директор по исследованиям Совета по международным отношениям; автор около двухсот публикаций об отношениях Востока и Запада, советской и российской внешней политике. В 1960 году он завершил работу над сборником статей «Кремль и мировая политика» [19]. Джон Оукс, редактор «The New York Times», Роберт Б. Мейнер, губернатор Нью-Джерси, 1954-1962; Томас Кофран, исполнительный вице-президент Bank of America, Шепард Стоун, директор программы международных отношений Фонда Форда – Норман Казинс в своей книге выделяет 13 человек. Среди представителей Советского Союза, названных Н. Казинсом отметим академика Е.К. Федорова (главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР); Н.А. Таленского (генерал-майор, сотрудник журнал «Международная жизнь» и Института истории АН СССР), Ю. А. Жукова (председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР, с 1962 г. политический обозреватель газеты «Правда»), Б. Н. Полевого (писателя, кавалера Ордена Ленина, лауреата двух сталинских премий и Международной премии мира 1959 г.) [14, р. 14].

Карибский кризис начался как раз во время третьей встречи. Норман Казинс писал: «И у американцев, и у русских было одинаковое выражение острой озабоченности, когда они слушали президента», но конференцию было решено продолжить: «и россияне, и американцы, как частные лица, проявляли явное желание найти выход из кризиса [14, р. 14]. В этот момент в Андовер прибыл Феликс Морлион, представитель ордена доминиканцев, теолог; в США он считался экспертом по методам массовой пропаганды: еще в 1931 г. создал «Кинематографическую документацию прессы», которая стала составной частью движения «Католическое действие кинематографа, затем, с одобрения Пия XII в 1944 г. основал в Риме Школу средств массовой коммуникации и Частный университет социальных исследований Pro Deo [12, с. 78-81]. Ф. Морлион спросил у Н. Казинса, «не послужит ли папское вмешательство в кубинский кризис – пусть даже

только в форме призыва к большей ответственности – важной цели. Вполне возможно, что и Соединенные Штаты, и СССР смогут положительно отреагировать на внешнее предложение, в то время как одно и то же предложение, сделанное любой из сторон напрямую, может быть автоматически отклонено другой стороной без учета достоинств». Переговорив с членами делегаций СССР и США, Ф. Морлион позвонил в Ватикан и спустя несколько часов вернулся с сообщением, что «Папа Римский очень обеспокоен кубинским кризисом и хочет помочь предотвратить ужасную кульминацию (hideous culmination)», но будет ли приемлемо предложение, адресованное обеим странам, предусматривающее как прекращение переброски войск, так и блокады?

Н. Казинс позвонил Теду Соренсену, советнику Дж. Кеннеди, который сказал, что президент США приветствует предложение понтифика, но «центральная проблема заключается в самом присутствии российских ракет на кубинской земле. Эти ракеты должны были быть демонтированы – и как можно скорее». Получив эту информацию, Ф. Морлион также проконсультировался с руководителями советской делегации в Андовере, «один из которых позвонил в Москву и сообщил, что предложение Папы Римского, призывающее к выводу как военных судов, так и блокады, было полностью приемлемо для... Хрущева» [14, р. 18].

На следующий день, 25 октября, Иоанн XXIII выступил с посланием «К миру», эмоционально вырисовывая восприятие ситуации: «угрожающие тучи вновь омрачили международный горизонт и посеяли страх в миллионах людей... мы просим все правительства не оставаться глухими к этому призыву человечества. Пусть они сделают все, что в их силах, чтобы сохранить мир» [17]. Как подчеркивает Н. Казинс, «в соответствии с оговорками президента Кеннеди», понтифик не упомянул напрямую о переброске войск или блокаде [14, р. 18].

На следующий день газета «Правда» опубликовала заметку «Спасти мир»! Воззвание папы Иоанна XXIII». С одной стороны, знаковым является то, что статья сформирована из цитат выступления понтифика, с небольшой преамбулой но без дополнительных комментариев, и в тоже время обращает внимание то, что по объему это лишь менее трети колонки на 5 странице, при том что и в этой газете, и в выпусках от 24, 26, 27 октября главная (первая) страница и не менее трех других посвящены теме Карибского кризиса и публикациям, отражающим позицию СССР и поддержку его действий, в том числе

международную; в частности на первой странице в номерах от 25 и 26 октября напечатан ответ Н.С. Хрущева Бертрану Расселу и короткие фрагменты, показывающие реакцию мирового сообщества на этот ответ [8, с. 5].

Н. Казинс также отмечает, что хотя обращение Папы Римского и попало в заголовки газет по всему миру, его влияние не было очевидным; кризис продолжался еще в течение нескольких дней и был урегулирован иным способом, однако в ходе кризиса Ф. Морлион обсудил с советскими представителями возможность дальнейшего общения между Римом и Москвой и предложил Н. Казинсу выступить в качестве эмиссара папы Римского и отправиться в СССР [14, р. 18, 20]. Так был сделан следующий шаг.

Дж. Кеннеди, встретившись с Н. Казинсом перед поездкой в Рим и Москву, сказал ему, что если будет поднят вопрос о американо-советских отношениях, то Н. Хрущев «вероятно, скажет что-нибудь о своем желании снизить напряженность, но сделает вид, что у Соединенных Штатов нет взаимного интереса». И здесь важно прояснить позицию: «не думаю, что в американской политике есть хоть один человек, который больше, чем я, стремился бы положить конец холодной войне» [14, р. 23]. В Риме Н. Казинс также получил рекомендации от кардинала Беа и архиепископа Делл'Аква: добиваться улучшения религиозной ситуации в СССР, обсудить возможность публикации не только Нового Завета, но и Ветхого Завета, Корана и других священных книг, а также переговорить об освобождении из заключения Иосифа Слипого (впоследствии освобожден и вывезен из страны в январе 1963 г.), председателя украинской грекокатолической церкви, сотрудничавшего с нацистами в годы Великой Отечественной войны.

Приехав в Москву 12 декабря 1962 г., Н. Казинс встретился с Н. Хрущевым. В их беседе затрагивались такие аспекты как отношения с Югославией, десталинизация, проблемы дискриминации, ситуация в Германии, позиции США и СССР в отношении перспектив заключения договора о запрете испытаний ядерного оружия, образ СССР, формируемый американской прессой. Конечно, Н.С. Хрущев выразил и позитивную оценку личности понтифика, и надежду на возможную встречу: «Я не религиозен, но могу сказать вам, что мне очень нравится папа Иоанн. Я думаю, мы действительно могли бы понять друг друга. Мы оба приходим из крестьянских семей; мы оба жили рядом с землей, мы оба любим хорошо посмеяться. Есть что-то очень трогательное для меня в том, что такой человек, как он, борется, несмотря на свою болезнь, за достижение такой важной цели перед

смертью. Его цель, как вы говорите, – мир. Это самая важная цель. Если у нас не будет мира и начнут падать ядерные бомбы, какая разница, будем ли мы коммунистами, католиками, капиталистами, китайцами, русскими или американцами? ... Кто останется, чтобы отличить нас друг от друга?... В течение той недели кубинского кризиса обращение Папы Римского было настоящим лучом света. Я был благодарен за это». В завершении встречи Н.С. Хрущев собственноручно написал послания папе Иоанну и президенту Кеннеди, передал их распечатанными Олегу Быкову, который выполнял функции переводчика, и поручил ему перевести сообщения [14, р. 44–45, 57].

В марте 1963 г. во время вручения Иоанну XXIII премии фонда им. Э. Бальцана «За мир и гуманизм» прошла неформальная встреча А. И. Аджубея, Р.Н. Хрущевой и понтифика. Алексей Аджубей передал папе Римскому послание: «Искренне поздравляю Вас с присуждением комитетом фонда Бальцана премии «За мир и гуманизм», что является свидетельством признания ваших усилий в благородном деле поддержания мира. Желаю Вам доброго здоровья и сил для дальнейшей плодотворной деятельности на благо мира. Н. Хрущев», и принял ответное: «Выражая чувства благодарности Всемогущему и всем тем, кто содействовал столь высокому признанию миротворческой деятельности католической церкви, желаем процветания и благосостояния всему русскому народу, столь дорогому нам. Хотим заверить Вас, что мы будем продолжать отдавать все наши силы во имя торжества справедливости, любви, истинного братства между народами и мира во всем мире», подписанное понтификом по-русски. Как указывал А. Аджубей, «намечались пути к более конструктивным отношениям между нашей страной и Ватиканом». В перспективе представлялась возможной и встреча глав государств [1].

12 апреля 1963 г. прошла в более приватной обстановке, на госдаче, неподалеку от г. Гагры вторая встреча Первого секретаря ЦК КПСС и Н. Казинса. На эту встречу Н. Казинс, следуя предложению Н.С. Хрущева, привез и двух своих дочерей. Н. Казинс передал предварительную копию переведенной на русский язык и готовящейся к изданию энциклики Папы Иоанна «*Racem in Terris*». Н.С. Хрущев обратил внимание гостя, на то, что очень ценит личный медальон Папы Римского, высланный ему Н. Казинсом после декабрьской встречи: «когда партийные функционеры приходят ко мне на прием, я играю с [медальоном] довольно демонстративно и ... неизбежно меня просят объяснить, что это за большой диск с гравировкой. "О, – говорю, – это всего лишь медаль от Папы Римского..."» [14, р. 91, 108]. Централь-

ным стал вопрос о возможном компромиссе между СССР и США по заключению договора о запрещении ядерных испытаний: советская сторона была готова заключить договор и запретить испытания «подземные, наземные, в воде, в космосе, в любом месте», но высказывались закономерные опасения, что международные инспекции на советские военные объекты будут использованы для шпионажа [14, р. 100, 107–108].

22 апреля, после возвращения из СССР, Н. Казинс приехал в Вашингтон, где встретился с Дж. Кеннеди, затем Ллевеллином Томпсоном, бывшим послом СССР, советником президента по «советским делам», с Уильямом Фостером, главой Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению и с его заместителем Адрианом С. Фишером. Очень подробно в своей книге он описывает то, разрабатывался проект договора о запрете испытаний ядерных вооружений, как собирались голоса сенаторов, необходимых для его принятия, как шла кампания, направленная на получение поддержки от общественных организаций США. Оптимизм в отношении «обнадеживающих перспектив, которые, казалось, открывались перед Соединенными Штатами и миром», был отражен и в последней публичной речи в Дж. Кеннеди в Далласе, непосредственно перед убийством [14, р. 148].

В июне 1963 г. умер и понтифик. На второй день после его смерти «Известия» опубликовала специальную статью, в которой была фраза: «Их было 262 предшественника Иоанна XXIII в истории Католической Церкви. Но ни один из них, и об этом пишут все газеты, не вызывал столько симпатий простых людей, когда жил, и такого неподдельного горя, когда умер» [2, с.2].

В октябре 1964 г. был отправлен в отставку Н. Хрущев. Невероятный триумvirат о котором писал Н. Казинс, существовал недолго. В дни Карибского кризиса неформальная дипломатия Святого престола не оказала существенного влияния на его исход, но при этом призывы к миру, исходящие как от частных лиц, так и от политиков создавали информационный фон, который был выгоден и Н. Хрущеву, и Дж. Кеннеди. «Никто не хотел войны из-за Кубы, – в этом все были единодушны. Но оставалась вероятность того, что одна из сторон может сделать тот шаг, который – по причинам «безопасности», «достоинства», или «престижа» – потребует от противной стороны ответного шага... И так, от одного шага к другому, мы постепенно дойдем до катастрофы», – писал в своих воспоминаниях Роберт Кеннеди [3, с. 40]. При этом в прекращении Карибского кризиса сыграла важную роль именно неформальная дипломатия, о чем пишут в

своей работе А.А. Фурсенко и Т. Нафтали [11], а также непосредственный участник переговорного процесса А. Феклисов [9, с. 403-420]. Нити диалога, сформированные в октябрьские дни 1962 г. и миссия американца Н. Казинса, который выступал как представитель Ватикана, позволили найти точки соприкосновения и в позициях США с СССР: в августе 1963 г. в Москве был подписан Договор о запрещении испытания ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Преемник Иоанна XXIII, Павел VI в апреле 1966 г. провел встречу с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, а в январе 1967 г. понтифика посетил Председатель Президиума Верховного Совета Н.В. Подгорный. Визиты представителей СССР в Ватикан приобрели регулярный характер.

Библиографический список

1. Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. URL: http://www.belousenko.com/books/adjubey/adjubey_10_years.htm (дата обращения: 9.10.2023).
2. Известия. № 132 (14295). 5 июня 1963 г.
3. Кеннеди Р. 13 дней. Свидетельство о кубинском кризисе. Париж, 1969.
4. Красиков А. Ватиканский репортаж. М., 1990.
5. Московский М.А. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dartmut-skiy-dialog-pervye-shagi-neformalnoy-sovetsko-amerikanskoj-diplomatii> (дата обращения 25.10.2023).
6. Обращение Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик к парламентам и правительствам всех государств мира. Москва, Кремль, 15 января 1960 г. URL: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/2269/
7. Правда. № 15755. 21 сентября. 1961. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1961_265-9392 (дата обращения 25.10.2023).
8. Правда. № 16155. 26 октября 1962 г. С. 5. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1962_299-17088 (дата обращения 25.10.2023)
9. Феклисов А. Признания разведчика. М., 1999.
10. Фирсов С.Л. Папа Римский Иоанн XXIII в зеркале советской прессы: к вопросу об истории восприятия личности понтифика в СССР. Религия. Церковь. Общество. 2015. Выпуск 4. С.54-83.
11. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958-1964. М., 1999.
12. Четверикова О.Н. Оборотни или кто стоит за Ватиканом. М., 2018.
13. Acta apostolicae sedis. Commentarium officiale. Annus XXXX I - Series II. VOL. XVI. P. 334. URL: <https://www.vatican.va/archive/aas/documents/AAS-41-1949-ocr.pdf>. (дата обращения 12.10.2023).
14. Cousins N. The improbable triumvirate. An Asterisk to the History of a Hopeful Year. 1962–1963. New York, 1972.
15. Ioannes XXIII. Nuntius Radiophonicus ad universum catholicum orbem

datum_ E Sacello Sistino, Die XXIX Octobris Mensis, A.D. MCMLVIII. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/la/messages/pont_messages/1958/documents/hf_j-xxiii_mes_19581029_urbi-orbi.html (дата обращения 10.10.2023)

16. Mater et magistra. Encyclical of Pope John XXIII on christianity and social progress. May 15, 1961. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html (дата обращения 12.10.2023).

17. Message du Pape Jean XXIII. Pour la paix. «К миру». Jeudi 25. Octobre 1962. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/fr/messages/pont_messages/1962/documents/hf_j-xxiii_mes_19621025_intesa-popoli.html (дата обращения 10.10.2023).

18. Message of Pope John XXIII for peace. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/messages/pont_messages/1961/documents/hf_j-xxiii_mes_19610910_pace.html (дата обращения 12.10.2023).

19. Philip Mosely. URL: https://prabook.com/web/philip.mosely_/3761125 (дата обращения 25.10.2023).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ETHNOCULTURAL POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA AS AN INTANGIBLE RESOURCE IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

А.А. Кучмасова

Кубанский институт профессионального образования, г. Краснодар, Россия

A.A. Kuchmasova

Kuban Institute of Professional Education, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается этнокультурный потенциал Республики Северная Осетия – Алания, как важная составляющая развития туристской деятельности в регионе, которая способствует не только развитию туристской индустрии в республике, но и служит фактором «диалога между культурами» народов, проживающих как на территории Республики Северная Осетия – Алания, так и за ее пределами.

Abstract. The article considers the ethnocultural potential of the Republic of North Ossetia – Alania as an important component of the development of tourism activities in the region, which contributes not only to the development of the tourism industry in the republic, but also serves as a factor in the "dialogue between cultures" of peoples living both in the Republic of North Ossetia – Alania and beyond.

Ключевые слова: Республика Северная Осетия – Алания, культура, этнокультурный потенциал территории, туристская деятельность, культурно-

познавательный туризм, этнографический туризм, диалог культур.

Key words: Republic of North Ossetia - Alania, culture, ethnocultural potential of the territory, tourist activities, cultural and educational tourism, ethnographic tourism, cultural dialogue.

Сегодня, когда мир ценностей, в окружении которых мы живем в большинстве своем искусственный, приобретают все большую актуальность проблемы сохранения, развития и возрождения традиционной народной культуры. Само понятие «традиционная народная культура» используется для обозначения различных форм народного творчества, сложившихся на протяжении многовекового этнического развития. На сегодняшний день, когда исчезают многие элементы традиционной культуры, бесспорно, представляет необходимость ее научного изучения и сохранения. В своем творчестве народ отражает свою деятельность, общественный и бытовой уклад, знание жизни и природы, культуры и верования. В народном творчестве, сложившемся в ходе общественной трудовой практики, воплощены воззрения, идеалы и стремления народа.

Культура каждого народа, большого и малого, имеет право на сохранение своей уникальности и самобытности. Вся совокупность явлений и продуктов материальной и духовной культуры народа составляет органичное единство, нарушение которого ведет к утрате гармоничной целостности всей национальной культуре.

Согласно международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 г. «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы предоставления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ним инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [2, с. 126].

Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя уважению культурного разнообразия и творчеству человека.

Нематериальное культурное наследие проявляется, согласно Конвенции, в следующих областях: устные традиции и формы выражения, обычаи, обряды, празднества, знания и обычаи, отношение к природе и вселенной, знания и навыки, связанные с традиционными

ремеслами [3, с. 89].

На протяжении последних десятилетий проблема сохранения этнического наследия, самобытности и разнообразия многоликой палитры народов, территориальных групп и сообществ, приобрела поистине глобальный характер. С учётом растущей значимости туризма, его всестороннее изучение немыслимо без активного обращения к этнокультурной тематике [4, с. 117].

Проблема сохранения этнического наследия актуальна и на территории Северного Кавказа, где проживают многочисленные кавказские народы (кабардинцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, лезгины, даргинцы и другие народы). Актуальна данная проблема и в Республике Северная Осетия – Алания, на территории которой проживают осетины, ираноязычный народ с богатой историей и культурой.

Северная Осетия – Алания – это республика с уникальной древней культурой и живописной природой. Половину территории республики занимают горы, включая знаменитый величественный Казбек (более 5000 м высотой). С гор спускаются красивые, полноводные и чистые реки, в ущельях расположены изумительной красоты озёра, в низинах – цветущие альпийские луга. Кроме того, в Северной Осетии сохранились древние селения, традиционные деревушки и монастыри в горах.

Стоит отметить, что территория Северной Осетии была населена более 1000 лет назад. Местная культура того времени носила название кобанской по одноимённому селу, в котором и были обнаружены самые старые свидетельства проживания людей в современной Северной Осетии. В это же время образовался и народ, давший впоследствии имя республике – аланы [1, с. 11].

Таким образом, культурно-исторические туристско-рекреационные ресурсы Северной Осетии представлены объектами и явлениями социокультурной среды, очень сложны и многогранны. Они наиболее тесно связаны с историческими этапами и культурными процессами жизни общества.

Большое количество уникальных историко-культурных объектов сохранилось в горной местности республики. Среди наиболее значимых – это Дзивгисская наскальная крепость, Цмити - развалины старого средневекового горного селения, Даргавсский склеповый могильник – комплекс наземных и полуподземных склеповых сооружений XIV–XVIII вв. и другие [5, с. 129].

Однако культурно-исторические туристско-рекреационные ре-

сурсы не всегда выражены в материальной форме. Это также устные народные сказания, легенды, танцы и другие элементы национального фольклора осетин, а также произведения прикладного искусства, письменности. Этнический фактор остается важным компонентом для определения идентичности региона в международных связях. В последние годы важную роль в развитии страны играет культурный потенциал, возможность его использования в средствах массовой информации. Необходимость сохранения культурного разнообразия дает возможность для использования этого фактора в развитии территории и улучшения ее имиджа на международном уровне.

В настоящее время важным является понимание того, что богатый этнокультурный потенциал Республики Северная Осетия-Алания позволяет не только развивать культурно-познавательный и этнографический туризм, но и способствовать формированию межкультурной коммуникации, посредством развития внутреннего и въездного туризма.

Библиографический список

1. Бадов А.Д., Кебалова Л.А., Бадов О.А., Кучмасова А.А. Атлас. Рекреационная Осетия: путешествие в прекрасное: учебное пособие. Владикавказ, 2015. 240 с.
2. Рассохина Т.В. Организация туристской индустрии: менеджмент туристских дестинаций: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Т.В. Рассохина. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 210 с. URL: <https://urait.ru/bcode/518065> (дата обращения: 30.10.2023).
3. Сущинская М.Д. Культурный туризм: учебное пособие для среднего профессионального образования 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 157 с. URL: <https://urait.ru/bcode/514174> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Феденева И.Н., Нехорошков В.П., Комарова Л.К. Организация туристской индустрии: учебное пособие для среднего профессионального образования 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 205 с. URL: <https://urait.ru/bcode/516120> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Христов Т.Т. География туризма: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 273 с. URL: <https://urait.ru/bcode/519623> (дата обращения: 30.10.2023).

**БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ СИЛАМИ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX
ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
И ВСЕРОССИЙСКИХ СЪЕЗДОВ БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ)**

**THE STRUGGLE FOR SOBRIETY BY THE FORCES OF THE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AT THE END OF THE 19TH -
BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF
THE ORENBURG PROVINCE AND ALL-RUSSIAN
ANTI-DRINKING CONGRESSES)**

С.В. Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

S.V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты анализа вклада Русской православной церкви на процесс разворачивания антиалкогольного движения в Российской империи в позднеимперский период. В основу исследования положены данные материалов всероссийских съездов борьбы с пьянством и архивные материалы Оренбургской губернии.

Abstract. The article presents the results of analyzing the contribution of the Russian Orthodox Church to the process of unfolding of the anti-alcohol movement in the Russian Empire in the late imperial period. The research is based on the data of materials of All-Russian congresses of struggle against drunkenness and archival materials of Orenburg province.

Ключевые слова: Русская православная церковь, пьянство, трезвенническое движение, Оренбургская губерния

Key words: Russian Orthodox Church, drunkenness, teetotaling movement, Orenburg province

Русская православная церковь (далее – РПЦ) задолго до указа Св. Синода 1899 г. о необходимости «искоренения в народе пьянства» стала инициатором первых «трезвенных» организаций, ещё не имевших статуса «общества трезвости». С середины XIX в. РПЦ приветствовала те союзы, в которых людей влекло стремление с помощью зарок, обета, при поддержке значимого для них лица избавиться от алкогольной зависимости. РПЦ считала, что ей под силу «...скрепить слабую волю пьющего силою молитвенного обета, словом проповеди» [4, с. 58].

Оренбургская епархия не осталась в стороне от трезвеннического движения. Начиная с 1885 г. на её территории началось создание

обществ трезвости, приходских попечительств, братств, церковных советов. Все перечисленные объединения задались целью пропагандировать трезвый образ жизни путём духовного, нравственного просвещения жителей края, введения в повседневность новых форм досуга, исключая алкогольные возлияния [6, л. 2].

Отчёты священников, посылаемые на имя преосвященного Макария, епископа Оренбургского и Уральского, дают информацию о том, какие формы трезвенной пропаганды были наиболее успешными. Ими являлись ознакомления посредством брошюр с пагубными действиями алкоголя как на здоровье отдельного человека, так и на весь социум, а также внебогослужбные беседы [6, л. 4–5]. Оренбургское духовенство в ряде городов создало бесплатные библиотеки-читальни, фонд которых состоял из брошюр, книг, газет, журналов со соответствующей тематикой [7, л. 5]. В ходе внебогослужбных бесед акцент делался на то, как следовать христианским правилам в ходе повседневной жизни, но если вставал вопрос о религиозных делах, священники раскрывали их суть на примере заповедей, символа веры и т.д.

Особый «фронт работ» предоставляла казачья повседневность. В среде казачества стало активно внедряться пагубное веяние – злоупотребление алкоголем. Причин тому было достаточно – проникновение в казачью социальную группу пришлого элемента, привычка к питию, принесённая пришедшими с фронтов и т.д. К духовенству зачастую первым обращалась станичная власть. Ответными мерами было открытие в приходах обществ трезвости, решающее слово при назначении того, либо другого претендента на должности в станичном социуме с учётом того, насколько трезвую жизнь ведёт последний, настойчивое увещевание прихожан не давать разрешения на открытие в станицах винных лавок, кабаков [8, с. 450–451].

Организуя общество трезвости, следовало выполнить ряд условий. Для тех, кто выразил желание стать членом данного общества, обязательным было принять обет. Обычно процедура представляла из себя следующее: начало было за Литургией, затем шла проповедь. После её окончания те, кто решал начать новую, трезвую жизнь, давали обет, первыми словами которого было обращение к Богу с признанием того, что человек осознал, что гибель от пьянства неотвратима. Далее шло добровольное обещание перед ликом иконы того, что год (два, три и далее) имярек не будет употреблять алкоголь в любом виде. Далее шло приложение к образу Св. Пантелеймона (считавшегося небесным покровителем желавших избавиться от пьянства), про-

говаривалась кара за нарушение обета и призыв к Богу укрепить в вере и стойкости.

Общество действовало по специальным правилам, которые утверждались епархиальными архиереями. Основой (материальной) были исключительно добровольные пожертвования. Членские взносы не были предусмотрены. Направления деятельности рассматриваемых обществ были достаточно типичными: нравственные беседы, распространение антиалкогольной литературы, обустройство чайных, организация концертов, чтений, спектаклей. Всё это должно было удерживать людей от пьянства. При этом мероприятия должны были нести системный характер. То общество, которое имело своё помещение (зачастую его выделяла администрация завода, фабрики, мануфактуры), использовало его для проведения регулярных чтений. Чтения трезвенно-нравственного содержания могли совершаться в чайных, в помещениях учебных заведений. Чтения предусматривали следующее: начало отдавалось пению «трезвенных молитв», затем шла духовная беседа, по её окончанию вновь пелась молитва. Заканчивалось мероприятие общеобразовательным чтением.

Инициатива с чайными была призвана дать населению возможность увидеть, что помимо традиционного общения с распитием спиртного есть и другие формы общения. Для того, чтобы внедрить чайные в быт трудящихся, снижались цены на чай и сопутствующие ему продукты. Сами чайные должны были привлекать чистотой, светом, благоустройством (в противовес «кабацкому духу»). Для обустройства чайных использовались картины соответствующего содержания, в красном углу обязательно были иконы. Помещения чайных могли использоваться для праздничных молебнов и для спевков церковных хоров трезвенников. Масштабы и возможности некоторых из чайных были столь велики, что в них по разрешению епархиальных и гражданских властей устраивались храмы. Включение в непосредственную церковную повседневность тех же рабочих положительно влияло на результативность усилий духовенства по пропаганде трезвости. Эта включённость проявлялась в участии рабочих в церковном хоре, в чтении и пении на клиросе, в слежении за порядком в церкви. Вся неделя была расписана: беседы занимали воскресные вечера; по средам и пятницам работали катехизаторские и миссионерские курсы; вторник и четверг посвящались обучению пению; понедельник – доклады, сопровождавшиеся «туманными картинками». Суббота – это всенощные, сопровождаемые пением. Особой торжественностью отличались молебны в праздничные дни.

Ряд церковных обществ трезвости практиковали постановку театральных пьес. Концептуальным стержнем чтений, бесед, молитв было стремление донести до каждого человека осознание огромного вреда алкоголя для личности, семьи, общества. Конструктивность бесед состояла в том, что человека убеждали в том, что сообщая с верой в Бога, можно избавиться от этого зла. Широко использовалась наглядность – т.н. «световые картинки», разыгрывавшие как библейские темы, так и нравственно-духовные (на Урале их было принято называть «туманными картинами»). Членов общества вовлекали в чтение тематических брошюр и листовок. У обществ трезвости, находившихся вблизи столичных городов и крупных духовных просветительных центров, имелась возможность пригласить для прочтения лекций в рамках чтений знаковых фигур того времени из духовного звания, чьи познания и ораторское искусство делали их выступления особо значимыми для людей, желавших начать новую, трезвую жизнь. Особой любовью и уважением пользовались такие священнослужители, как о. Афанасий Лепорский, о. Тихон Синьковский, протоиерей Николай Добронравов и др. [6, л. 2].

Российское духовенство активно включилось в работу Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, который вёл свою работу с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. в Санкт-Петербурге. На съезде большую роль сыграли епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский), протоиерей Петр Миртов. Последний был известен как председатель Санкт-Петербургского Александро-Невского общества трезвости и как редактор журналов, выходящих под эгидой РПЦ: «Отдых христианина», «Воскресный благовест», «Трезвая жизнь». Всего же из 453 делегатов съезда духовных лиц было 26 человек.

Священнослужители вышли на съезд с инициативой обратить особое внимание на детский, в том числе школьный алкоголизм. Было предложено ввести в школы специальный предмет – учение о трезвости. Был представлен опыт подобного рода на примере духовных семинарий. Инициатива духовенства была одобрена и вошла в пятый раздел резолюции «По вопросу о роли школы в борьбе с пьянством». Съезд признал необходимым «вести в виде отдельного предмета преподавание начал трезвости в низшей и средней школе» [10, с. 47; 9, с.2]. Более того, участников съезда познакомили с опытом ряда церковно-приходских школ, преподаватели которых вели свою деятельность по противодействию алкоголизму в двух направлениях: в воспитательно-образовательном и в специальном.

Первое основывалось на литературных чтениях русской класси-

ки, на рассуждениях о нравственных идеалах, на организации детских праздников патриотического толка, постановки спектаклей и т.д. Большую отдачу имела организация игр, уроки художественного труда, прогулки, экскурсии, походы на богомолье, организация в школах детских обществ «друзей трезвости».

Второе, специальное направление предполагало включение элементов учения о трезвости в школьную учебную программу. Особое место отводилось урокам Закона Божьего. Они давали большое воспитательное пространство – погружение в христианскую мораль. Предмет русского языка тоже был удобен для внушения трезвого образа жизни. Предлагалось вводить в диктанты тексты о пагубности алкоголя, изложение основывать на подобных материалах. На уроках естествознания разбирать те последствия, которые возникают в организме человека под действием спиртных напитков. На уроках пения предлагалось уделять внимание «трезвенным песням». Даже уроки арифметики давали возможность включать нужный материал в решение задач [5, с.3; 3, с. 165–172; 10, с. 36].

На съезде много говорилось о том, что помимо предложенного необходимо разработать специальный систематический курс учения о трезвости. Он должен был основываться на постулатах химии, анатомии, физиологии и общественных наук. Этот курс мог брать своё начало с первого года обучения детей в школах. На первых порах предполагалось ограничиться беседами общеобразовательного плана. Следующая ступень – чтение учителем рассказов о вреде алкоголя. Далее – разучивание стихотворений на антиалкогольную тему. С каждым годом специальный курс должен был усложняться с введением в него новых сведений из естественных и социальных наук.

Следующий Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом был инициирован самой Русской православной церковью с подачи Александро-Невского общества трезвости и Московского Епархиального общества борьбы с народным пьянством. Этот съезд проходил в Москве с 6 по 12 августа 1912 г. в Москве. На нём вновь был поднят вопрос о школьном алкоголизме и борьбе с ним в следующих ракурсах: религиозно-нравственные подходы к борьбе с алкоголизмом; борьба с алкоголизацией населения обществ трезвости, братств, попечительств и пр., пьянство и повседневность сельских и городских слоёв населения, алкоголизм школьников и пути борьбы с ним; средства массовой информации и культурно-просветительные учреждения в противодействии алкоголизации [2; 1, с. 30–35].

Вновь был поставлен вопрос о разработке для учебных заведений специальной дисциплины – «науки трезвости», которая должна занять своё место в образовательных программах школ всех типов и подчинений. Тем более, что в странах Запада такой опыт уже имелся. Во Франции в антиалкогольную программу входили: сведения из сферы гигиены, алкоголь и социально-экономическая жизнь страны, опора на специальные хрестоматии, в которых были сгруппированы тексты антиалкогольной направленности.

Особый упор делался на личность учителя. Учитель должен стать примером для своих учеников. Только так можно было убедить детей в необходимости соблюдения здорового образа жизни и даже противодействовать семейным традициям возлияния.

Съезд констатировал: в России на 1912 г. действовало около 2 000 обществ трезвости, членами которых было свыше 500 000 человек. С таким результатом в сфере антиалкогольной борьбы Российская империя подошла к Первой мировой войне, и роль РПЦ в достижении этого результата весьма велика.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. 218 с.
2. Едлинский М.Е. Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с народным пьянством. Киев: Б.и., 1912. 402 с.
3. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Сентябрь – октябрь. Тверь: Твериздат, 2003. 300 с.
4. Леонтьева Т.Г. Народная трезвость и церковный приход // История и время. Тверь: Изд-во ТверГУ, 2004. С. 58–63.
5. Любимов Н. Слова и речи. М.: Б.и., 1903. 228 с.
6. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4746.
7. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5739.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. № 12.
9. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося 6-12 августа 1912г. Пг.: Б.и., 1916. Т.3. 445 с.
10. Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством СПб.: Б.и., 1910. Т. 1. 508 с.

К ВОПРОСУ О «ХРИСТИАНИЗАЦИИ» НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ XVI – НАЧАЛО XVII ВВ.

ON «CHRISTIANIZATION» OF THE VOLGA REGION PEOPLES IN THE 16th – EARLY 17th CENTURIES

Л.П. Найденова

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

L.P. Najdenova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие Русской православной церкви и светской власти в процессе покорения народов Поволжья на первоначальном этапе завоевания Казанского ханства. Характеризуются методы достижения цели видными деятелями православной церкви. Впервые публикуется полный текст житийного рассказа о мученике Иване Нижегородском.

Abstract. The article considers the problem of interaction between the Russian Orthodox Church and the Civil Power in the process of subjugation of peoples of the Volga region on the early stage of conquering the Kazan Khanate. The methods used by prominent representatives of the clergy to achieve this aim are studied. The full text of The Life of Martyr Ivan of Nizhny Novgorod is published for the first time.

Ключевые слова: народонаселение, демографические процессы, Поволжье, Казань, Москва, христианизация, церковная политика, исламизация, Житие, мученик Иоанн Нижегородский, св. Гермоген, св. Варсонофий.

Key words: population, demographic processes, Volga region, Kazan, Moscow, christianization, Church policy, islamization, Life, Martyr Ivan of Nizhny Novgorod, St. Germogen, St. Varsonofy

Процесс распространения и усвоения религиозных представлений чрезвычайно сложен и включает в себя и культурные аспекты, и повседневные практики, и структуру и функционирование государственных институтов; ментальные и ценностные (социальные и онтологические) установки как индивида, так и общества. Процесс длительный и никогда не завершающийся. Провозглашая какую-либо религию государственной, элита скорее декларирует о намерении, чем констатирует итог. В 988 г. было объявлено о крещении Руси, христианство стало государственной религией, во многом определившей развитие и культуры, и политики, но это было пусть и важное, но начало процесса. Даже для самого поверхностного усвоения христианства основной массой населения понадобились столетия. Легче и быстрее религия распространялась в городах, на периферии осуществить обращение в христианство оказалось сложнее. Муром был

крещен в нач. XII в. При этом Муромская земля, где жили в основном меря, мурома, мешера, отчасти мордва, долго оставалась языческой. В XII в., по словам летописца, «крестилось много; болгары и жидаы и всякая погань».

Вятичи и радимичи приняли христианство в середине XII в.; причем за попытку крестить язычников преподобный Кукша, заплатил жизнью. Жившие вокруг Смоленска кривичи – во 2-й пол. XII в. Древляне приняли крещение только в XIII в. Христианизацией подвластного населения активно занимались князья. В этом отношении церковь особо выделяет заслуги Андрея Боголюбского и Ярослава (Константина) Святославича, причисляя их к лику святых.

Ислам, как и христианство, среди народов Поволжья также утверждался в течение столетий. Принято считать, что первым тюркским правителем, принявшим ислам стал Сатук Бугра-хан (901(?)–955 гг.), основатель Караханидской державы. С этого времени исламизация тюрков становится массовой, и ислам превращается в мощный этнообъединяющий фактор. В процессе распространения авраамическим религиям приходилось и бороться, и соседствовать с «традиционными» верованиями. Так, источник начала XIII в. отмечал, что башкиры – безбожники [4, с. 34].

Булгары к XIII веку верили в небесное божество Тенгри, но уже были знакомы с исламом. Царь Алмуш вступил в союз с Багдадским халифатом, прося прислать наставника в истинной вере. В мае 922 г. посольство багдадского халифа прибыло на Волгу. Алмуш созвал большой совет, на котором ислам был принят в качестве государственной религии. Май 922 г., стал датой принятия ислама тюркскими народами России.

С появлением монголов в XIII в. начинается конкуренция между христианством и исламом за влияние на кочевое и оседлое население. Несмотря на распространение ислама в Золотой Орде, вплоть до конца XIV в. конфессионального антагонизма между христианством и исламом не наблюдалось. Более того, в 1261 г., при хане Берке, на территории Золотой Орды митрополитом Кириллом учреждается Сарайская епархия, которая была призвана окормлять православное население южных земель и многочисленных христиан-приезжих. В это время на территории Улуса Джучи существовали армянские храмы, в Орду наведывались католические посланники. К концу XIV века, тем не менее, оформляется противостояние двух этносоциальных единств – Московского государства и Улуса Джучи (Золотой Орды).

Казань, часть некогда единой Орды, стала центром ислама со второй половины XV в. По численности населения Казань того времени уступала лишь Москве, Новгороду и Вильно. В XVI в. только в пределах Казанского Кремля насчитывалось пять соборных мечетей. Здесь же находилось главное медресе, начинается ислам начинает распространяться среди финских народов Волжско-Уральского региона: черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов).

К началу XVI в. противостояние Москвы и Казани окончательно оформилось. На то были и вероисповедные, и политические, и экономические причины. Как известно, историю пишут победители; и Москва позаботилась о том, что бы изложить свою версию. Наверное, самое полное изложение московской версии отразилось в Летописце начала царства [9, с. 98–297] и Казанской истории [6, с. 252–509]. И если Летописец начала царства – труд исторический, то Казанская история в значительной степени является произведением публицистическим; не случайно он дошла до нашего времени в огромном количестве списков.

Анализируя экономические причины наступления на Казань, исследователи часто указывают на то, что Волжский торговый путь контролировался ханством, препятствовавшим развитию отношений с Востоком. В то же время русские источники называют основной экономической причиной желание завладеть плодородными землями, которую «бедный воинник» Иван Пересветов называл «подрайской землицей». Овладение ею внушало надежду на решение экономических и социальных проблем русского общества. Тревожили русских и набеги татарских отрядов, грабивших местное население и тысячами уводивших людей «в полон» [9, с.106–107, 114, 116].

Конфессиональные вопросы были не менее важны, как на государственном, так и мировоззренческом уровне. Так, Летописец приписывает Василию III слова, обращенные к сыну, будущему царю Ивану Васильевичу: «Мнози бо иновернии покушашесе на православие, на нашу дръжаву» [9, с. 75].

Симптоматично, что «православие» и «держава» находятся в этом обращении рядом. Важным аргументом для Москвы была попытка представить территорию Казанского ханства как «исконные земли» московского государя. Москва стремилась видеть в казанских ханах коварных и неблагодарных вассалов, по отношению к которым великий князь ведет миролюбивую политику [9, с.100–105, 148]. Завоевание Казани, по мнению русского автора, «избавит бедное християньство, мучимое от безсерменства» [9, с.163]. Казанцами

борьба с москвитами также воспринималась как религиозная война. Не случайно воспитанники медресе были самыми упорными защитниками города в 1552 г. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о том этапе исторического развития, когда религиозное осмысление мира было неотъемлемой частью и государственной, и экономической жизни, и представлять вероисповедные аргументы как маскировку или декорацию не следует. Русская православная церковь одобряла завоевание Казани, считая борцов с ним «христоролюбивым воинством». Митрополит Макарий обратился к русскому войску с призывом выступить на защиту православия. [9, с. 177]. Иван Васильевич заявил: «хощу итти против нечестивых варвар и хощу *страдати* за православную веру и за святых церкви» [9, с. 185]. Заметим, что процесс завоевания царь представляет как страдание, жертву. Завоевание Казани русской элитой осмыслялось в библейских категориях: ряд фресок в Золотой палате, современных Летописцу начала царства, изображают избавление израильтян от египетского плена, что наводит на мысль о борьбе с Казанью; есть там же изображение победы Гедсона над мадиамлянами [3, с. 156, 168].

Военное присоединение Казани неизбежно сопровождалось разрушением мечетей, а затем и изгнанием мулл. Это был первый, по сути, военно-государственный этап «христианизации»: уничтожение культовых сооружений и изгнание их служителей. «Расчистив» таким образом поле деятельности, государство и церковь должны были приступить к собственно христианизации. Однако свидетельств тому, что Москва собиралась христианизировать все население Поволжья, нет. Свою задачу Иван Васильевич видел не в просвещении мусульман Словом Божьим, а в победе над Казанью и исламом, и создании на этой территории твердынь православия в виде храмов и монастырей, что не означало, конечно, отказа Русской православной церкви от политики прозелитизма.

Спустя три года после завоевания Казани в 1555 г. учреждается Казанская епархия (в 1607 г. из нее была выделена Астраханская епархия). Первым владыкой Казанским стал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Гурий. Следует отметить, что Гурий, оказавшись в узилище, переписывал азбуки для детей, т.е. уже в юности продемонстрировал интерес к просветительству. Давая наказ архиерею, Иван Грозный и Собор отмечали: "всякими обычай как возможно приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводит" [1, с. 259–260]. В Казань Гурий взял своего ученика (и будущего преемника) Германа.

Важную роль в христианизации в первые десятилетия после завоевания Казани играл архимандрит Варсонофий. В юности этот человек 3 года провел в татарском плену, где выучил татарский язык. Таким образом, ему было легко общаться с местным населением: «Бе стязаяся с неверными и укоряя их, и препирая, и ко крещению приводя, уча и наказуя веровати во Святую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа». Считается, что Варсонофий еще и занимался врачеванием. Вместе с ним в Казань отправилось 6 монахов, из Николо-Песношского и Андроникова монастырей. Такими силами православной церкви предстояло обратить в христианство население в несколько сот тысяч человек. В 1557 г. Варсонофием и его сподвижниками был основан Спасо-Преображенский монастырь, к 1565 г. число насельников монастыря достигло 100 человек. Владыка Гурий же за 8 лет правления в епархии основал 4 монастыря, построил более десяти церквей. Следует отметить, что все миссионеры, включая и завоевателя Казани Ивана Грозного, воспринимали себя страдальцами, жертвующими собой ради торжества православия. Мотив страдания, жертвы ради веры, ярко отражен во многих житиях святых; в том числе в небольшом тексте о подвиге нижегородца Ивана, сохранившийся в рукописях Иосиф-Волоколамского монастыря и связанных с ним.

Публикуемый текст «О мученике Иване, иже за Христа муче в граде Казанне» находится в Сборнике середины XVI в., принадлежащем иноку Мартину Рыкову (Рыковский сборник) (РГБ, Вол. 520; 373 лл.; Сборная рукопись разных почерков; л. I нумер. «старец макарей», л. II нумер. «соборник Мартина старца Рыкова»). Состав рукописи см. в Посланиях Иосифа Волоцкого [5, с.113] Первоисточником для старца Мартина, возможно, послужил текст из другой Волоколамской рукописи, так называемого Нифонтовского сборника Q.XVII. 64. [7, л. 254]. Описание сборника содержится в Посланиях Иосифа Волоцкого [5, с.101–106]. Рукопись написана Нифонтом Кормилицыным, Сарским архиепископом в 1554–1558 гг. а во время завоевания Казани – архимандритом Новоспасским «на Крутицах». Нифонт, как человек, приближенный ко двору и явно осведомленный в татарской проблематике, был заинтересован в сборе фактов, доказывающих религиозную необходимость покорения Казани. Во всяком случае, самый ранний известный список публикуемого текста находится именно в его Сборнике. В тексте описывается мученическая смерть христианина Ивана от «татар», пытавшихся обратить его в ислам. Текст начинается с даты – «в лето 7037 Генваря 20 день», т.е. 24 января 1529 г.; под этой датой Житие мученика Иоанна внесено в

ряд Миней Четых. Юноша Иван, родом из Нижнего Новгорода, был пленен татарами и при разделе пленников достался «царёву дядке», «князю» по имени Алей-Шпур. По наблюдению Р.П. Дмитриевой, русским летописям известно имя «князя Али-Шукура»: его сына убили в Казани в 1531 г. [2, с. 222]. Р.П. Дмитриева полагала, что автором рассказа мог быть сам Нифонт Кормилицын и отмечала, что некоторыми натуралистическими подробностями в описании смерти героя рассказ напоминает повесть «О преставлении старца Антония Галичанина». Нельзя не заметить, что рассказ об Антонии Галичанине в Нифонтовском сборнике Q.XVII.64 [7, л. 254–258] находится перед рассказом об Иване и написан тем же почерком. Их разделяет Послание о смерти Кассиана Босого, сходное по теме – смерть праведника, – но написанное другим почерком и вклеенное между рассказами об Антонии и Иване. Можно предположить, что в сюжетах об Иване, как и Антонии, Нифонта интересовал прежде всего мотив смерти и предсмертных мук. В Нифонтовском сборнике рассказ о мученике Иване заканчивается сообщением, что «...положено тело его в Казани в месте сокровенне на лесе на старом кладбище русском». В Сборнике Мартина Рыкова сказано несколько иначе: «Положено тело его в Казани в месте сокровенна на селе на старом кладбище русскои». Где находилось старое русское кладбище в Казани – не известно. Местное предание полагает, что на месте, где сейчас находится Свято-Успенский Зилантов монастырь.

О святем мученице Иване иже за Христа муче во граде Казане*: «В льто 7037 Генваря 20 день во граде Казани у дятки у царева Алишу Куря князь служа нькии хрестьянского роду плънник имянем Иван родом Нижнего Новаграда. И належация ради нужи от татар чтобы отвергося Христа, а бы в их вьре. Он же никако ж не отвержися, но и Магомета их прокля. Они ж ласканием и муками многими прещаше; он же яко твердый адамат заплева лице их и вьру их прокля. Они же висвидяше его нага, руце ему и пако суровым ремнем завязаны крьпце и поставя его на дьяние еще твердо великими дармы и чтоми ласкаше ему чтобы обрезался. Он же проклиная их и безвьрники нарицае. А сам именуя себе раба Исуса Христа Сына Божия. Он же повель главу ему усъщи. И усъкоша главу ему мечем. Он же паде взнач и толико держащес глава малыми жилами с десныя страны и горла обоя и состави по костем прьсечены и еще все тьло изсъче и утробу насквоз пронзе противу сердца. Он же умре и лежаща с перваг часа и до ноши, а был тог мраз велик. И остая под ним около его на всь страны по локтю и в последний час дни развестаса руце его.

Он же единою рукою главу свою взем, постави прямо якож подобно. А другою рукою тайныя уды закрыв. И воста с мьста. И иде к детям боярским великого князя, и ноши тое повель священнику вся дневная и причащальная отпривити себь, а сам седяше и прошение ко всь велеумно отдавая и себе грешна нарицая, и причастився божественных таин. И всю ночь без сна пребываа; наутрия же восходящу солнцу предасть душу свою в руке Господеви, за нь же и пострада. Бысть же весь дом в нем же представися исполнеин благоухания, яко дивитися. Положено тьло его в Казани в месте сокровенна на сель на старом кладбище русской» (лл. 371–372). (**Полиграфические сложности сделали необходимым при передаче текста заменить «ять» на «Ъ»*)

Для главных проводников церковной политики деятельность в Казани была важным, но эпизодом их биографии: владыка Варсонофий в 1567 г. был рукоположен в епископа Тверского и Кашинского. Ученик Гурия, Герман, служил архимандритом Успенского монастыря в оплоте православия Свияжске, после смерти в 1563 г. Гурия, в марте 1564 года стал его преемником, но через 3 года, в 1566 г. поставлен митрополитом Московским и всея Руси. Герман, фигура широко известная в политической и церковной истории России того времени, но не казанским периодом своей деятельности.

Активным деятелем по утверждению православия в Поволжье оказывается один из самых ярких представителей русской церкви – Гермоген. Гермоген (или Ермоген) служил в Казани священником. В 1579 г. после большого пожара в Казани была обретена чудотворная икона Богородицы, и Ермоген добивается переноса иконы с места обретения в свой храм. В 1587 г., по смерти жены, постригается в Чудовом монастыре, уже в 1589 г. становится казанским владыкой и уже в новом качестве в сентябре 1592 года участвует в перенесении мощей Казанского архиепископа Германа из Москвы в Успенский монастырь в Свияжске, настаивает на установлении Дня поминовения павших при взятии Казани русских воинов и включении в святцы казанских святых Петра и Стефана. Мученики Петр и Стефан были, что особенно важно для продвижения православия, казанскими татарами-мусульманами, принявшими христианство. Причем один из них крестился после исцеления, совершенного православным миссионером. Родственники убили их как предателей-отступников весной 1552 г., за несколько месяцев до взятия русскими Казани. В октябре 1595 года Ермоген участвует в открытии мощей святителей Гурия и Варсонофия и пишет их житие; а в 1594 г. – очень яркую и выразительную «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы». Не-

смотря на активную борьбу за христианизацию народов Поволжья, в русской истории Гермоген, умеренный голодом в феврале 1612 г., более известен как несгибаемый борец за «чистоту православной веры», принявший мученическую смерть от рук не врагов-мусульман, а своих единоверцев-христиан.

Царская власть стремилась оказывать деятельную, в том числе и насильственную, помощь православным миссионерам в борьбе с исламом. Одна из таких мер – указ 1593 г. царя Федора Иоанновича, написанный под влиянием радетеля о победе православия митрополита Гермогена, гласивший: «Мечети же татарские все пометати и татарам мечети однолично не ставити и конечно татарские извести» и запрещающий «татарам» и «немцам» держать православных слуг [1, с. 438]. Отметим, что и в этом случае действия власти не были до конца последовательными. Так, параллельно с запретами, в XVII в. строятся новые мечети в татарских селах Башкирии, вероятно, в связи с наличием там большого числа казанских татар. Известно, что в XVII в. существовала мечеть и в Астрахани. Антимусульманские действия со стороны государства имели целью, в первую очередь, политическое подчинение земель с исламским населением, а религиозная нетерпимость не была тотальной. Имеются многочисленные свидетельства толерантного отношения царской власти к мусульманам в XV–XVII вв. при условии их верности московским государям. В это время часть представителей золотоордынской знати переходят на службу к великим князьям; некоторые из них первоначально не меняют конфессиональной принадлежности. Вместе с тем московское правительство в XVII в. принимает ряд мер по защите правовых и экономических интересов православного, в том числе татарского и башкирского, населения и православной веры, и ограничению прав мусульман [8, с. 86–98].

При общей тенденции борьбы за сокращение влияния ислама в Поволжье московское правительство в XVI–XVII вв. не смогло организовать системную деятельность в этом направлении. Ситуация для мусульманского населения Поволжья изменится к худшему в последующий период.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, Т. I. СПб, 1836. 551 с.
2. Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVIII: Исследования по истории русской ли-

тературы XI-XVII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 431 с.

3. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. М., типограф. В. Грачева и Комп., 1862. 461 с.

4. Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С.119–148.

5. Иосиф Волоцкий. Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л.: Наука, 1959. 390 с.

6. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т.: Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 617 [1] с.

7. Нифонтовский сборник. Рукопись ГПБ, Q.XVII.15 (бывш. собр. Толстого, II, 254). сер. XVI в.; 357 лл.

8. Ногманов А. И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. / Акад. наук Татарстана. Отд-ние гуманитар. наук. Казань : ФЭН, 2002. 228 с.

9. Полное собрание русских летописей. Т.XIII; ч.1. СПб.: Типограф. И.Н. Скороходова, 1904. 317 с.

10. Рыковский сборник. НИОР РГБ. Ф. 113. Волоколамское. № 520; л. 371–372 .

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1920-Е ГГ.: НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ СССР В ВЕНЕЦИАНСКИХ БИЕННАЛЕ

SOVIET-ITALIAN CULTURAL COOPERATION IN THE 1920S: ON THE EXAMPLE OF THE USSR'S PARTICIPATION IN THE VENICE BIENNALES

О.А. Перенишко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

O.A. Perenizhko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируются основные цели, организация и роль представительства советского искусства в XIV и XVI Международных Художественных выставках в Венеции в 1920-е гг. Участие в Венецианских биеннале значительно укрепляло советско-итальянские культурные связи, а также сыграло большую роль для дальнейшего развития советского искусства в целом.

Abstract. The article analyzes the main goals, organization and role of the representation of Soviet art in the XIV and XVI International Art Exhibitions in Venice in the 1920s. Participation in the Venice Biennales significantly strengthened Soviet-Italian cultural ties, and also played a big role for the further development of Soviet art in general.

Ключевые слова. Италия, СССР, Венецианская художественная выставка,

Биеннале, советское искусство, культурная политика, культурные связи, советско-итальянские культурные связи, Италия-СССР.

Key words: Italy, USSR, Venice Art Exhibition, Biennale, Soviet art, cultural policy, cultural ties, Soviet-Italian cultural ties, Italy-USSR

Культурное взаимодействие в области межгосударственных отношений всегда занимало важное место. Культура – это то особенное пространство, где люди разных национальностей говорят на одном, понятном для всех, языке. Сегодня, когда мы наблюдаем, как западные государства пытаются вычеркнуть наше искусство из анналов мировой истории и культуры, сделать максимально незаметным для последующих поколений, полезно вспомнить и проанализировать опыт молодого советского государства, решившего использовать культурный фактор, а именно участие в XIV Международной художественной выставке в Венеции 1924 г., с целью укрепления государственных позиций в условиях внешнеполитической изоляции.

Мировое сообщество в 1920-е гг. не спешило признавать де-юре нашу страну, хотя де-факто укреплялись международные связи, прежде всего торговые и поэтому участие в международных мероприятиях было важно по многим аспектам. Необходимо было показать, что, несмотря на революционные потрясения и смену государственного строя, русское искусство существует и развивается, а также вполне отражает современные прогрессивные идеи.

В XIX в. в Европе сложилась традиция выставочной деятельности и презентации государственных достижений, в том числе и в области искусства. Российская империя принимала активное участие в международных художественных выставках и уже на второй выставке в Венеции в 1897 г. был открыт Русский отдел под кураторством И.Е. Репина и М.М. Антокольского. В 1914 г. был торжественно открыт Русский павильон, здание для которого возвел молодой талантливый архитектор А.В. Щусев, но Первая мировая война закрыла возможность представить русское искусство. После установления власти Советов в России в Русском павильоне выставляли свои произведения художники-эмигранты.

После официального возобновления торговых связей между РСФСР и Италией главные организаторы XIV Международной Биеннале Джованни Бордига и Иларио Нери, заручившись поддержкой министра иностранных дел Италии, обратились с приглашением не к руководству Русского Павильона, а к советскому правительству подчёркивая что «русские художники, играющие большую роль в развитии современного искусства живописи и скульптуры, будут радушно

приняты средой художников всех других наций, принимающих участие в Выставке в Венеции» [4, Л. 43].

Молодое советское государство находилось в критически сложном экономическом положении, но укрепление позиций на международной арене было делом первостепенной важности. Тем более, что культурные связи между Россией и Италией насчитывали не одно столетие, а Русский павильон нужно было закреплять в качестве нашей государственной собственности. Это подтверждают слова советского дипломатического и торгового представителя в Италии в 1923–1924 гг. Николая Ивановича Иорданского: «широкие общественные круги и отражающая их настроение пресса, крайне заинтересованы участием СССР на выставке... стремление завязать сношения с Россией чрезвычайно сильны, в этом отношении выставке предстоит сыграть крупную роль, как определенному этапу взаимного сближения» [15, Л. 64–65].

Организация выставки проходила на фоне усиления государственного контроля в области культуры, образования и культурных заграничных связей, где в это время царила полная свобода. Существующие в стране заграничные миссии под вполне благовидными предложениями помощи голодающим или неимущим студентам, создавали сеть благотворительных фондов с трудно контролируемым целевым финансированием. Поэтому были созданы Комиссия заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР (1923 г.), Особый комитет по организации заграничных артистических турне и художественных выставок при Комиссии заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР (1924 г.), объединившиеся в 1925 г. во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) под председательством О.Д. Каменевой, целью которого было «содействие установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками» [22, Л.1].

Организацией участия советской делегации в художественной выставке в Венеции занимались не только НКВД, но и Наркомпрос, и комитеты Президиума ВЦИК СССР. Особую роль в этом процессе сыграл Анатолий Васильевич Луначарский, который, будучи наркомом просвещения, прекрасно обходил все бюрократические моменты и, потратив немало времени и сил, добился финансирования делегации в столько непростое для страны время за счет золотого резервного фонда в размере 11 886 руб. [6, Л.29]. Получивший фундаментальное гуманитарное образование, великолепно разбирающийся в искус-

стве А.В. Луначарский понимал глубину идеологического значения участия советских художников в XIV Биеннале и в прениях организационных заседаний всегда придерживался жесткой позиции сохранения золотой середины между открытой пропагандой и настоящим искусством: «Можно развернуть небольшую выставку плакатов, устроить угол или витрину Пролеткульта, но сделать это тактично, чтобы это не имело вида самочинной пропаганды, а скорее дипломатических шагов по сближению культур ... Мы должны доказать, что русские художники живы, существуют, работают и идут наперед, что русское искусство ценно и интересно, что художники работают с нами, входят в нашу жизнь и сливаются с нами» [15, Л.66-67]. Позицию А.В. Луначарского поддержал Президиум ВЦИК СССР: «...выставка должна стать источником и закреплением широкой связи между миром художников Италии и России, а не только формальной связью» [12, Л.43].

В феврале 1924 г. при Государственной академии художественных наук были созданы Художественный совет выставки (председатель А.В. Луначарский) и Комитет Русского отдела. Официальным Комиссаром выставки стал Павел Семенович Коган, президент Государственной академии художественных наук [14, Л.27]. Концепцию устройства выставки в Русском павильоне разрабатывал известный советский искусствовед, театровед и литературовед, заведующим отделом нового и новейшего искусства Государственной Третьяковской галереи и хранитель отдела французской живописи Государственного музея изящных искусств Абрам Маркович Эфрос [18]. Советское участие на Венецианской выставке было первым выступлением после десятилетнего перерыва поэтому решили «представить русское искусство, создавшееся в течение этих десяти лет, причем акцент должен ложиться на искусство, возникшее в революционную эпоху» [15, Л.66].

Ограниченная площадь Русского павильона диктовала Комитету свои условия, поэтому решили отобрать «ударную группу художников», исходя из следующих принципов:

- «а) высококачественность произведений (работы мастеров),
- б) объективность в смысле художественных направлений (представительство всех течений),
- в) идеологическая и формальная современность (отражение новой России)» [13, Л.18].

Все экспонаты решили представить в четырех отделах: 1) живопись, скульптура, графика; 2) театр (макеты, эскизы декораций и ко-

стюмов); 3) быт новой России; 4) декоративное искусство и его индивидуальное проявление. Благодаря слаженной интенсивной работе членов Комитета Русского отдела уже на третьем заседании 8 марта 1924 г. был утверждён «ударный список художников». Особых споров об участии советских мастеров не возникало, но об участии художников-эмигрантов разгорелись жаркие дискуссии. По мнению А.М. Эфроса «приглашать слабых заграничников не имеет смысла; приглашать сильных – опасно и невыгодно. Как бы ни получилось конкуренции между русскими художниками, живущими за границей и художниками, оставшимися в России. Эмигрантская критика не приминёт воспользоваться этим противопоставлением.... Мы можем желать участие только художников крупных и стоящих на нашей платформе» [15, Л.69].

После многочисленных просмотров и споров утвердили список основных авторов по трем категориям. От живописцев решено было отправить работы Ю. Анненкова, Н. Альтмана, А. Архипова, К. Богаевского, Б. Кустодиева, К. Юона, К. Петрова-Водкина, П. Крымова, П. Кончаловского, А. Лентулова, И. Машкова, П. Фалька, К. Малевича, М. Сарьяна, А. Экстер и других. Также принимали участие графики - М. Добужинский, В. Фаворский, А. Кравченко, А. Усачев, С. Чехонин, В. Фолелеев и др. Третью группу участников представляли скульпторы – А. Матвеев, С. Коненков, В. Домогацкий, И. Шадр [21]. Решили также представить художественную промышленность в авторском исполнении (ленинградский фарфор и подносы, украинскую керамику, Палехскую роспись по дереву) и эскизы театральных костюмов и декораций.

Основная концепция выставки в Русском павильоне заключалась в презентации актуальной современной художественной жизни в СССР и формировании представлений у европейцев реального образа Советской России. Именно с этой целью были выставлены портрет Л. Троцкого художника Ю. Анненкова, скульптурный портрет В. Ленина в исполнении И. Шадра, портрет М. Калинина работы Е. Кацмана, а также сцены из жизни Красной армии, ставшие сюжетами для картин К. Петрова -Водкина, Б. Кустодиева и других авторов.

По данным официального каталога XIV Венецианской Художественной выставки в Русской павильоне было представлено 176 картин, 19 скульптур и 300 работ на бумаге, а также 80 работ декоративно-прикладного искусства [23, р. 222–226]. Советские организаторы прибыли в Италию только в конце июня 1924 г., спустя почти два месяца после официального открытия XIV Биеннале. Павел Коган, как

комиссар Русского павильона, 6 июня дал развернутое интервью газете «Il Popolo d'Italia», в котором сообщил, «что касается художественных течений, то мы не упустили ни одного, представляющего интерес для России на сегодняшний день.... Широко представлено прикладное искусство. Мы уделили ему большое внимание, поскольку оно непосредственно отражает художественный вкус нашего народа» [1, с. 179].

19 июня 1924 г. состоялось официальное открытие Русского павильона и по воспоминаниям Б.Н. Терновца «речей не было...Всех покоряет пышная и сияющая здоровьем «Баба» Архипова, «Въезд Красной Армии в Красноярск» Никонова... Многих останавливает строгий и глубокий Петров-Водкин. Тоже отношение к Кустодиеву – он привлекает главным образом сюжетом – темы русской провинции, купцы, гуляние и т.п. ... В воскресенье публика совершенно переполнила наш павильон и, не преувеличивая, можно назвать цифру посещения в этот день в 3000–4000 человек» [20, с. 154–155].

Финансовый успех от участия в XIV Международной венецианской выставке был несомненным. Всего было продано работ на сумму 54 900 лир, [9, Л.25] а по количеству проданных экспонатов, Русский павильон обогнал все иностранные. Коллекционерами, а также художественными галереями Венеции, Генуи, Милана были куплены работы П. Кончаловского, А. Архипова, И. Грабаря, П. Крымова, А. Куприна, П. Кузнецова, И. Машкова, М. Сарьяна, К. Богаевского, А. Остроумовой-Лебедевой, несколько авторских икон, а также изделий декоративно-прикладного творчества и из фарфора [8, Л. 100].

Совершенно очевидно, что участие советских художников в Международной художественной выставке в Венеции в 1924 г. было принципиально важным для продолжения развития культурных связей между двумя странами в сложное время и укрепления наших внешнеполитических позиций. Подтверждалась преемственность молодого советского искусства с предшествующим русским с одной стороны, а с другой европейские критики могли удостовериться, что прогрессивные идеи не были чужды нашим мастерам, а наоборот, они гармонично вписывались в крепкую русскую художественную традицию.

Закрепить успех 1924 г на следующей Биеннале не удалось, так как экономическая ситуация в нашей стране значительно ухудшилась, и максимальная экономия проводилась даже в сфере культуры. 24 ноября 1925 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о нецелесообразности участия в художественных выставках за грани-

цей [7, с. 59]. Руководство ВОКС в лице Ольги Давыдовны Каменевой и полномочный представитель СССР в Италии Платон Михайлович Керженцев настаивали на продолжении нашего участия, так как воспринимали Венецианскую выставку крупным художественным явлением в Европе и важной идеологической представительской площадкой: «Отсутствие произведений советских художников на этой выставке образовало бы пробел, который может получить значение и истолкование, выходящее далеко за пределы художественных интересов, тем более, что в выставке принимают участие все, даже самые малые государства Европы, в том числе и пограничные с нами.... крайне страшным зрелищем будет зрелище заколоченного павильона там, где участвуют до тысячи художников всех наций» [10, Л. 39–40]. К сожалению, советское руководство в условиях финансовых трудностей приняло решение все же не участвовать и предоставило Русский павильон организаторам Венецианской биеннале с условием – в нем должны быть представлены работы только итальянских художников [2, с. 46].

К участию в следующей Художественной выставке стали готовиться заранее, тем более что, как Академия художественных наук, так и ВОКС и Полпредство СССР в Италии всегда выступали за продолжение традиции культурного представительства нашей страны за границей. Большую роль в получении положительного решения от СНК сыграло 10-летие Красной Армии и возможность представить ее мощь в художественных воплощениях. На организацию выставки СНК из резервного фонда было выделил 10 000 золотых червонцев и 9000 в иностранной валюте [5, Л.1-11]. Как и в прошлый раз по решению Наркомпроса при ГАХН был создан Комитет Отдела СССР под председательством П.С. Когана. [11, Л.167].

В 1928 г. заметно изменились условия проведения Биеннале – в 1924 г. представители ГАХН имели право находиться весь период работы выставки рядом с экспонатами и могли давать пояснения в случае необходимости, теперь же произведения советского искусства «должны были говорить сами за себя» [19, с.93]. Поэтому в организационном комитете вновь разгорелись споры Б.Н. Терновец придерживался мнения, что выставка должна быть прежде всего художественная, а не политическая, так как обстоятельства изменились и могут быть провокации со стороны фашистских властей Италии, особенно в условиях, когда не будет советского представительства во время ее демонстрации. К тому же правительство Б. Муссолини признало Венецианскую Биеннале «неизменным государственным институтом», а

это означало, что Советский Союз, имеющий собственный павильон в Венеции теперь должен был перед отправкой экспозиции согласовать ее с послом Италии в Москве [2, с. 46]. Концепция Б.Н. Терновца после долгих споров была утверждена.

Как и в прошлый раз самым спорным моментом в обсуждении концепции наполнения Русского Павильона XVII Биеннале был сам состав экспонентов. Генеральный секретарь Венецианской выставки Антонио Мараини предлагал в качестве «желательной меры» провести две – три персональные презентации крупных известных художников «как облегчающих восприятие выставки посетителями и дающих возможность представить художнику связным комплексом его произведений» [17, Л.41]. Комитет Отдела сначала концептуально согласился с А. Марини и выбрал шесть художников, которые могли достойно представить советское искусство – К.С. Петрова-Водкина, Б.М. Кустодиева, П.В. Кузнецова, П.П. Кончаловского, Р.Р. Фалька, Д.П. Штеренберга, но, в дальнейшем, как видно из протоколов заседаний Комитета эта идея будет отвергнута и вновь вернуться к концепции представительства максимального разнообразия советского искусства. Б.Н. Терновец напоминая о малом размере Русского павильона предложил в этот раз показать работы молодых советских художников, а для более известных, например А.В. Лентулова, И.И. Машкова, А.Е. Карева, установить очередность и представить их работы в 1930 г, что, конечно же вызвало недовольство со стороны мастеров [17, Л. 43].

К моменту окончания отбора открылась выставка, посвящённая 10-летию Красной Армии, вызвавшая большой отклик у публики и Комитет решил включить в состав экспонентов на Биеннале еще три крупные работы – «Купание красной конницы» П.П. Кончаловского, «Смерть комиссара» К.С. Петрова-Водкина и «Защита Петрограда» А.А. Дейнеки. В самый последний момент, когда уже был утверждён общий состав работ, после переговоров Комитета Отдела с АХХР экспозиция дополнилась еще несколькими полотнами, в том числе «Матросы в засаде» Ф.С. Богородского, Е.А. Кацмана «Портрет т. Чумака», А.А. Юона «Вступление в Кремль» и др. [16, Л. 7]. Таким образом, мы видим, что отбор экспонентов с одной стороны проходил в довольно демократичной атмосфере, с другой стороны, так и не сложилась единая концепция представительства советского искусства как в 1924 г., так и в 1928. Всего в экспозиции Русского павильона было представлено 259 работ [24].

Так как постоянного представителя от Комитета Отдела в Рус-

ском павильоне на всем протяжении работы XVI Биеннале не было, полпредство СССР в Италии собирало все отзывы в итальянской прессе и отправляло в ВОКС. После завершения выставки Б.Н. Терновец представил развернутую аналитическую статью о восприятии советского искусства в Италии, тонко отделяя политические мотивы от реальных художественных замечаний. Наиболее агрессивные отзывы в итальянской прессе оставили бывшие футуристы, чаще всего активно поддерживающие режим Б. Муссолини – Маргерита Сарфатти, Карло Карра, Энрико Прамполлини. Красной линией в их высказываниях был упрек в отходе от прогрессистских форм искусства, возврат к классическим канонам и явному интересу к социальной тематике: «Любопытная неожиданность ждет нас в русском павильоне. Здесь, видимо, окончилось царство футуризма, возвращаются со всею поспешностью к Академии. Приходится признать, что академическая живопись является официальным искусством Советской России» [19, С.98]. Также официальная профашистская пресса, упрекает советских художников в их активной пропагандистской художественной манере: «Республика Советов уделяет внимание вопросам искусства. Искусство, бывшее «служанкою религии» для нее является служанкою идей, слугой у алтаря пропаганды» [19, с.94].

Но, несмотря на официальный негатив итальянской прессы, многие издания приводят серьезные искусствоведческие очерки о Русском павильоне, наполненные уважением к новой художественной школе, ценящей при этом свои устои. Особенно поражали публику большие полотна, выполненные по заказу государства: «Павильон СССР с художественной точки зрения сделал решительный шаг вперед и теперь ведет, на глазах публики, политическую пропаганду своими большими, полными силы, насыщенными цветом картинами. ... Искусство, которое ошеломляет и опутывает... «Матросы в засаде» Богородского, «Защита Петрограда» Дейнека, «Красные командиры» В.Яковлева, «Смерть Комиссара» Петрова-Водкина, «Индустрия» Пименова – вот новое русское искусство, торжественное и строгое, даже в выражении непривычных господствующих страстей» [19, с.105-106]. Отзывы итальянской прессы подтвердили верность выбранного пути культурной политики СССР, старающегося представить государственную мощь через искусство.

Повышенный интерес публики, которая не иссякала в Русском павильоне, тоже свидетельствует об успехе представления советского искусства в 1928 г. Интересное описание атмосферы XVI Биеннале оставил один из ее участников – художник Ф.С. Богородский, нахо-

дящийся в то время на стажировке в Италии «В первый же день помчались на Международную художественную выставку... Нас ожидала здесь приятная неожиданность. Во-первых, не в пример другим павильонам, наш был переполнен зрителями. Во-вторых, советские картины выглядели очень своеобразно и сильно... Неожиданно кто-то крикнул: «Привет русским художникам». Весь зал разразился такими бурными аплодисментами, что мы растерялись. Нас окружила толпа, замелькали блокноты для автографов, многие пытались с нами разговаривать...» [3, с. 238–239].

Подводя итоги, отметим, что руководство молодой советской страны четко осознавало важность художественного представительства в европейском пространстве. Успешно представив работы художников на XIV и XIV Венецианских Биеннале СССР подтвердил преемственность молодого советского искусства с предшествующим русским и показал свою готовность в укреплении дружеских отношений с Италией во многих сферах. Сложная экономическая ситуация не позволила нашей стране принять участие в XV Биеннале в 1926 г., но при этом руководство, чтобы не разрушить прошлый успех, заявило уже о своих условиях и в Русском павильоне более не было представлено творчество художников-эмигрантов. А в успех Русского павильона 1928 г. закрепил позиции советского искусства как ретранслятора новой государственной идеи и вызвал массовый отклик у публики. Даже официальная итальянская пресса, несмотря на многие отрицательные отзывы, отмечала своевременность и наполненность советской культуры, а система государственного заказа произвела сильнейшее впечатление на государственных деятелей Италии, показало, что современное искусство имеет не только художественную ценность, но и важное общественное и внешнеполитическое значение.

Библиографический список

1. Барнетт В.Э. Участие России в Биеннале в Венеции в 1924 году // Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1932. Москва-Берн, 1993.
2. Бартеле М. От павильона без гражданства к заброшенному павильону. Россия и Советский союз в Венеции, 1920–1942 // Русские художники на Венецианской биеннале. 1895–2013 Москва: Stella Art Foundation, 2013.
3. Богородский Ф.С. Воспоминания художника. Москва, 1959.
4. Вербальная нота Итальянской торговой делегации (перевод) // РГАЛИ. Ф.941. Оп.15. Д.51.
5. Выписка из протокола № 255 заседания СНК от 15.03.1928 // ГАРФ Ф.5446 Оп.9. Д.499.
6. Выписка из протокола №50 заседания Комитета Труда и Оборона от 9.04.1924 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп.1. Д.2508.
7. Об участии в художественных выставках за границей. Пр. № 84.

- 22.10.1925// Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б)-НКВД о культурной политике 1917–1953. Москва, 1999.
8. Письмо Б.Н. Терновца // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 56.
 9. Письмо Б.Н. Терновца // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 57.
 10. Письмо П.М. Керженцева О.Д. Каменевой 1 февраля 1926 г. // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 62.
 11. Письмо П.С. Когана консулу СССР в Триесте И.Фонштейну // ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 7. Д. 538.
 12. Письмо уполномоченного Комиссии заграничной помощи М. Шефтеля ответственному секретарю КЗП при Президиуме ВЦИК СССР // ГАРФ. Ф. Р-5574. Оп. 2. Д. 52.
 13. Положение о Русском отделе XIV Международной выставки искусств в Венеции // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2682.
 14. Постановление Народного комиссариата по просвещению от 28 февраля 1924 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2682.
 15. Протокол № 1 Заседания Художественного Совета Русского отдела XIV Венецианской выставки искусств в Венеции от 25 марта 1924 г. // ГАРФ. Ф. А-390. Оп. 4. Д. 1240.
 16. Протокол заседания Комитета Отдела СССР XVI Международной выставки искусств в Венеции от 22.03.1926 // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 71.
 17. Протокол совещания по осмотру экспонатов XVI Международной выставки искусств в Венеции от 21.03.1926 // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 70.
 18. Протоколы №1–6 заседания комитета Русского отдела XIV Международной выставки искусств в Венеции // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Д. 52, 54.
 19. Терновец Б.Н. Итальянская пресса и советский отдел XVI Международной выставки в Венеции // Искусство. 1928. № 3–4.
 20. Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. Москва: Советский художник, 1977.
 21. Тугенхольд Я. К участию СССР на Венецианской выставке // Известия ВЦИК 1924. 16 мая.
 22. Устав ВОКС // ГАРФ. Ф. Р-5382. Оп. 1. Д. 1.
 23. XIV Esposizione Internazionale d'Arte della Citta di Venezia. Catalogo. 3 ed. Venice. 1924.
 24. XVI Esposizione Internazionale d'Arte della Citta di Venezia. Catalogo. 3 ed. Venice. 1928.

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ СТАНИЦЫ РОГОВСКОЙ

THE SPIRITUAL ORIGINS OF ROGOVSKAYA VILLAGE

И.В. Наделяева

МБОУ СОШ № 15 ст. Роговская Краснодарского края, Россия

I.V. Nadelyaeva

Municipal secondary school N 15 st. Rogovskaya, Krasnodar region, Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовной безопасности. Автор приходит к выводу о том, что духовная безопасность играет одну из ключевых ролей в сохранении общественной безопасности, указывает на необходимость дальнейшего исследования проблемы.

Abstract. The article discusses the problem of spiritual security. The author comes to the conclusion that spiritual security plays a key role in maintaining public safety.

Ключевые слова: духовная безопасность, кубановедение, институты гражданского общества, национальное самосознание, нравственные ориентиры, Марии-Магдалины женский монастырь.

Key words: spiritual safety, Kuban studies, institutes of civil society, national self-awareness, moral reference point, Saint Mary Magdalene Convent.

Одну из ключевых ролей в сохранении общественной безопасности играет духовная безопасность. Трагедия народов и государств, как правило, начинается с разрушения их духовности, с внедрения в сознание чуждых идей и ценностей. Поэтому обеспечение духовной безопасности является приоритетной задачей нашего государства, в том числе и системы образования.

Если с детства прививать чувство любви к своей большой и малой Родине, национальную гордость, гражданскую ответственность, то можно снизить отток населения из страны и из регионов. Нужно с младенчества прививать волю к жизни, любовь к себе и ближнему, развивать инстинкт самосохранения. При грамотном подходе можно избежать суицида, отравлений алкоголем, наркотиками. Необходимо поднимать социальный и нравственный статус семьи, материнства и детства. Нельзя увеличить рождаемость исключительно за счет повышения уровня благосостояния граждан, необходимо прививать будущим поколениям семейные ценности, и тогда проблема роста рождаемости потеряет свою остроту.

Защита духовной экологии ребенка у нас в крае обеспечивается изучением различных учебных дисциплин, в том числе кубановедения. Наши учителя имеют возможность качественно преподавать историю родного края, имея в арсенале хороший содержательный УМК

(учебно-методический комплекс). С сентября 2016 г. в содержание предмета кубановедения был введен новый курс «Духовные истоки Кубани», и предмет получил новую перспективу своего развития. Сегодня кубановедение превратилось из методического приема в общепедагогический принцип, сущность которого состоит в установлении связи изучаемого школьного предмета со знаниями и умениями, приобретенными в результате практического исследования родного края, например, через детско-юношеский туризм. Регулярные занятия туризмом пробуждает чувство прекрасного, формируется эстетическое отношение к окружающему миру. Чем богаче мир, окружающий ребенка, тем разностороннее его личность.

Одной из форм туризма являются паломнические поездки. Посещение намоленных мест с двухсотлетней историей, например в Свято-Михайловский Афонский мужской монастырь (г. Майкоп), формирует духовный облик школьника, его характер, жизненные ориентиры, отношение к Родине, другим людям, к природе, к труду. Отстояв службу, посетив святой источник, увидев такое аскетическое место, как пещерный (подземный) монастырь, заставляет школьников задуматься о смысле жизни, о той несокрушимой вере, которая питает и которой живут монахи казачьего монастыря.

Кубановедение является в определенном смысле цементирующим звеном в системе обеспечения духовной безопасности. Институты гражданского общества: советы ветеранов, клубы по интересам, молодежные комплексы, СМИ, музеи, православные храмы и монастыри – создают вместе с преподавателями кубановедения важные предпосылки для формирования духовной безопасности школьников. Тесная дружба и сотрудничество сложились между учителями кубановедения нашей школы и насельницами Марии – Магдалины женского монастыря станицы Роговской. История первого на Кубани женского монастыря восходит к 1848 г. Удивительна и трагична судьба святой обители. До 1917 г. ею управляли четыре игуменьи - Митрофания, Олимпиада, Сарра и Серафима. Черноморский монастырь был открыт специально для того, чтобы служить убежищем для вдов и девиц войскового происхождения. Во время Кавказской войны число вдов и сирот увеличивалось, и монастырь принимал все новых послушниц. Во время войны среди медсестер было много монахинь. «С июня 1877 года до января 1878 года при госпитале Ардаганского отряда состояли одна монахиня и шесть послушниц» [2 с. 6].

Марии - Магдалинская обитель росла и украшалась благолепными храмами, величественным собором и добротными монастыр-

скими зданиями и строениями. В ней проживало около 600 человек, из них 300 монахинь, 250 послушниц и 50 девочек сирот. Здесь были небольшая библиотека, детский приют, школа для девочек.

В 1918 г. часть монастырских зданий и земель была отобрана. 10 июля 1918 г. недалеко от монастыря, у реки Кирпили, после Литургии, красноармейцами, выстрелом в рот с криками: «И мы тебя приобщим», был расстрелян монастырский священник Григорий Никольский. В страстную пятницу 29 апреля 1921 г. все насельницы в течение часа были изгнаны из монастыря. Еще ранее, часть насельниц была сослана на рыбные промыслы в Порт-Петровск (г. Махачкала). Все остальные были подвергнуты репрессиям и ссылкам, так что даже и на Соловках оказались некоторые из них. Лишь небольшая горстка осела в окрестных хуторах и станицах. Местные жители хутора Красный Роговского поселения говорили нам, что до 1960-х гг. на хуторе жила одна монахиня и похоронена она была на хуторском кладбище.

Прошли годы. Отгремели революции и войны. С 1994 г. святая обитель стала возрождаться в станице Роговской. Коротка человеческая жизнь. Наверное, поэтому мы жадно хватаем земные радости, отпущенные судьбой. Но в какой-то миг спохватываемся, начинаем сомневаться: а так ли ладно мы живем? И хочется взглянуть совсем на другую жизнь людей, отказавшихся от всех маленьких и больших удовольствий. И получить от них помощь и совет... Это желание и привело в Марии – Магдалинский женский монастырь роговских учителей кубановедения и школьников.

Встречи заранее планируются администрацией школы с игуменьей Тавифой. Встречи всегда проходят приветливо и доброжелательно. Ребятам показывают ухоженные теплицы с капельным поливом из колодца, где выращивают помидоры, перец, баклажаны, огурцы. Кстати, теплицы отапливаются дровами. Каждый год монахини высаживают более тысяч штук рассады овощей, в основном голландских сортов. Меньше нельзя, надо накормить 24 насельниц, а еще рабочих, паломников. В углу двора дети посещают сушку. Приземистый домик, в котором по старинным рецептам сушат яблоки, сливы, вишню, малину. Печь с дровишками, стеллажи, на которых млеют фрукты, доходя до нужной кондиции. Любовно насельницы ухаживают за садом. А еще коровы, куры... Везде и во всем чувствуется заботливая женская рука. И если кто-то думает, что монахини маются от безделья, то ошибается. От зари до зари, с четырех утра до девяти вечера, – молитвы и неустанные хлопоты по хозяйству.

Детям рассказывают об истории создания монастыря, компетентно и содержательно отвечают на многочисленные интересные вопросы. Гостеприимные хозяйки этого уютного и сокровенного уголка станицы Роговской угощают школьников вкусным какао с постными пряниками. Кстати, молоко, сыр здесь также собственного производства, отменные, как и варенье из лепестков роз, монастырский чай.

Мальчишек и девчонок монахини всегда одаривают подарками: кусочками мыла собственного приготовления, пакетиками трав из лаванды, боярышника, душицы, рецептами приготовления ароматного чая.

Уходить быстро из монастыря школьникам не хочется. Сколько внимания, доброты, человечности они видят по отношению к себе, сколько нового узнают! Дети здесь встречают людей из разных уголков России – паломников. Многие россияне вылечили свои недуги благодаря изготовленным в роговском монастыре мазям, настойкам.

Но самое главное то, что кубановедение дает возможность приобщить учащихся к добросовестному, полезному труду в различной форме. Матушка Тавифа считает, что обращение детей к крестьянскому укладу, послужит хорошей предпосылкой к духовному оздоровлению как взрослых так и детей, поскольку труд на земле имеет созидательную силу, является положительным фактором в развитии личности и воспитании в ребенке любви к своему Отечеству. Сбор лепестков роз, цветков календулы, яблок и груш в саду, нарезка фруктов для сушки – все это стимулирует у детей понимать важность таких социальных понятий как взаимопомощь, коллективный труд, ответственность. Православное волонтерство является одним из главных направлений в деятельности школьного отряда добровольцев «Вместе мы – сила!»

Февраль 2022 года. Начало проведения специальной военной операции, и как следствие её – героически погибшие роговчане... Солдаты России, шагнувшие в бессмертие... Как можно успокоить матерей, жен, детей, чьи сыновья, мужья, отцы погибли в специальной военной операции, какими методами, способами? Руководители муниципалитета были твердо уверены, что их надо собрать всех вместе, прежде всего, выслушать, сплотить, оказать необходимую помощь. Подобного опыта в крае и России не было.... Несколько раз родственников погибших ребят собирали вместе в г. Тимашевске, сначала только их одних, потом совместно со школьниками. Но чувствовалось, надо что-то еще сделать для этих матерей. Мы позвонили Матушке Игуменье.

И вот по приглашению игуменьи Тавифы, настоятельницы женского монастыря равноапостольной Марии Магдалины станицы Роговской матери, отцы, жены, дети героев приехали в эту известную на весь край обитель – центр патриотизма, духовности, культуры.

На божественной литургии льется звонкое и чистое женское пятиголосье. Заслушаешься! И это неспроста. Вот уже 14 лет подряд учит петь сестёр Татьяна Александровна Мальцева, кандидат педагогических наук, заслуженный деятель искусств Краснодарского края, преподаватель специальности «Хоровое дирижирование» Краснодарского музыкального колледжа имени Н.А. Римского – Корсакова. Кстати, и здесь мастер своего дела развивает музыкальные, вокально – хоровые навыки у девочек разного возраста, приезжающих в обитель на каникулы. Они с учителем разучивают произведения духовного, патриотического содержания, детские, классические. Девочки поют на клиросе, исполняют рождественские колядки. Некоторые из них продолжают обучение в профессиональных учебных заведениях.

... Родственники погибших защитников Отечества входят в Храм Покрова Пресвятой Богородицы – очень чистый, светлый, с красивой росписью стен. Наместник мужского монастыря архимандрит Иоанн (Коновалов) прислал иеромонаха отслужить панихиду по убиенным воинам. Слова молитвы никого не оставили равнодушными. Плакали свечи – плакали люди. Долго стояли в храме, слушали тишину, смотрели на чудную роспись, чувствовали себя одной большой единой и дружной семьей. После панихиды и прогулки по территории монастыря Матушка Игуменья пригласила на обед. Все общались, рассказывали о своих сыновьях. Было видно, что на лицах матерей и жен не было озлобленности. Наоборот, они чувствовали себя матерями, отцами, детьми героев, честно выполнивших свой воинский долг перед Родиной. Удалось нашей Матушке обогреть сердца и души сломленных горем людей. За чашкой чая звучали сердечные откровения, советы, наставления. Много положительных отзывов о радушном приеме в монастыре поступило в СМИ, администрацию Роговского сельского поселения, муниципалитета от родственников погибших бойцов.

Очень бы хотелось, чтобы данный опыт общения пригодился другим регионам, населенным пунктам России... Подвиг легендарной тимашевской матери Елистиньи Федоровны Степановой повторяют сегодняшние матери, благословляя своих сыновей на борьбу с нацизмом, для того, чтобы сохранилась вера православная, традиции предков, русская речь, культура, русский дух, характер. А такие мо-

настыри, как роговской женский монастырь равноапостольной Марии Магдалины, формирует лучшие человеческие качества, помогает преодолеть трудности, невзгоды, суровые испытания.

Благословенны часы, которые текут в тихой обители. И как же все-таки здорово, что есть люди, которые совершают христианский подвиг, отказавшись от сладостного земного притяжения. Их горячие молитвы – и о нас с вами.

Старшеклассники школы активно сотрудничают с архивным отделом администрации муниципального образования Тимашевский район, потому что использование архивных источников на уроках кубановедения имеет не только научную, но и огромную общественную значимость. Выявление новых исторических документов, как результат работы школьников в архиве, способствует формированию и усилению их интереса к местной истории, прошлому своей станицы, школы. В архиве хранилась уникальная коллекция метрических книг за 1875–1919 гг. роговских Николаевской и Ново-Николаевской церквей (фонд 330). Каким – то чудом смогла сохранить в период фашистской оккупации (с августа 1942 по февраль 1943 г.) бывшая заведующая Тимашевского ЗАГСа Томилко Галина Ивановна эти 34 бесценных сокровища. Теперь коллекция заняла достойное место в ГАКК и открыта для всевозможных исследований краеведам, учителям, школьникам края.

В этих книгах, казалось бы, далеких от живой жизни, сохранились странички истории станицы Роговской. Метрические книги Николаевской церкви – это своеобразная история в статистике. Из книг можно узнать кто жил в станице, их имена и фамилии, вероисповедание, звания. Согласно исследованиям, в станице за период 1875–1920 гг. проживал один генерал П.Н. Камянский, один полковник Н.К. Камянский, 2 войсковых старшин, 3 сотника, 5 есаулов, 2 подьесаула, 6 вахмистров, 8 унтер офицеров, 1 хорунжий, 184 урядника.

Метрические книги состояли из трех разделов: первый включал в себя сведения о рожденных, второй – о бракосочетающихся, третий – об умерших. Интересно, что в записях о рождении никогда не указывалась национальность родителей, не было такой графы в книгах. Нумерация рождений и смертей велась у «мужских душ» своя, а у женских – своя. Например, в 1875 году в станице родилось 143 мальчика и 132 девочки, всего 275 человек. А умерло 159 человек [3]. Наиболее «урожайным» по рождению детей стал 1891 год – 540 человек [4]. Из третьей части книг можно определить, какие болезни

«вспыхивали» в станице, от чего умирали дети. Взрослые чаще всего умирали от чахотки, водянки, рака, горячки, сибирской язвы, «от старости». Дети – от младенческой болезни, скарлатины, кори и оспы. В книгах перечисляются смерти не только от болезней, но и от условий внешней среды. Например, Иван Алексеевич Дзюба 27 лет задушен обвалившейся глиной, а четырехлетняя Васса Козюлина «убилась от падения в колодезь». Казак Ефрем Смаглий 30 лет был убит «разбойниками», а Лука Победенный, 27 лет, повесился и был «лишен христианского погребения» [5].

Кроме казаков в станице проживали крестьяне, мещане, выходцы из городов Ейска, Азова, Екатеринодара, Темрюка. Население станицы пополнялось за счет приезжающих из Курской, Воронежской, Харьковской, Орловской губерний.

Благодаря уникальной коллекции Метрических книг за 1875–1919 гг. школьники на уроках кубановедения могут воссоздать картину первых этапов истории Православия в станице Роговской. Показать связанные с этим важные исторические события и лица, а также роль и значение в этом процессе роговского казачества (равно как и значение Церкви в исторической судьбе роговчан, их взаимовлияния и взаимопонимания).

Только в Тимашевском архиве можно изучить фонд, в котором хранятся исследовательские работы учащихся СОШ № 15: «Летопись роговской школы», «История землеустройства станицы Роговской», «История церкви в станице Роговской», «Малолетние узники», «Возвращенные имена», «Монастыри Тимашевского района», «Родословная семьи Денисенко» и др. Конструктивное сотрудничество школы и архива направлено на выполнение одной цели – осуществление духовно-нравственного, патриотического и гражданского воспитания наших детей и молодежи.

Учитывая сложность и многогранность процесса духовного воспитания молодого поколения, нужно не забывать о рисках. Формируя национальное самосознание, важно не переступить тонкую грань, когда начинают формироваться ложные чувства национальной исключительности и национального превосходства.

Задача педагогической общественности – ответственно подойти к выработке нравственных ориентиров. Страна, общество нуждаются в высокой духовной планке. Только нравственно совершенствуясь, мы снова обретем уважение и влияние во всем мире. Россия всегда поражала другие страны высочайшим уровнем своей духовности. А духовность – это самая большая и неповторимая ценность для всего человечества.

Библиографический список

1. Наделяева И.В. На страже духовности // Педагогический вестник Кубани. 2014. № 3. С. 16–17.
2. История основания старинной Марие-Магдалинской женской пустыни // Храм Святителя Димитрия Ростовского, х. Димитрова. URL: <http://dimitriyhram.narod.ru/index/0-4>.
3. Архивный отдел администрации МО Тимашевский район. Ф. 330. Оп. 3. Д. 19.
4. Там же. Ф. 330. Оп. 3. Д. 21.
5. Там же. Ф. 330. Оп. 3. Д. 23. Л. 15, 17, 24

ОБРАЗ СТРАН-СОСЕДЕЙ В ОФИЦИАЛЬНОЙ КИТАЙСКОЙ ПРЕССЕ

MAGE OF NEIGHBORING COUNTRIES IN THE OFFICIAL CHINESE PRESS

Д.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

D.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируется образ стран-соседей (России, Японии, Южной Кореи, КНДР) формируемый центральным информационным изданием Китая Жэньминь жибао (人民日报), проводится сравнительный анализ формируемых им образов. Приводятся данные прикладного социологического исследования (контент-анализа источника). Дается авторская трактовка общего образа страны, формируемого в массовом сознании граждан Китая.

Abstract. The article analyzes the image of neighboring countries (Russia, Japan, South Korea, North Korea) formed by the central information publication of China, People's Daily (人民日报), and conducts a comparative analysis of the images formed by it. Data from applied sociological research (content analysis of the source) are presented. The author's interpretation of the general image of the country, formed in the mass consciousness of Chinese citizens, is given.

Ключевые слова: Россия, Китай, Япония, Южная Корея, Северная Корея, массовое сознание, социальные стереотипы, пропаганда, СМИ, информационная политика Китая, образ России.

Key words: Russia, China, Japan, South Korea, North Korea, mass consciousness, social stereotypes, propaganda, mass media, China's information policy, the image of Russia.

Любое государство, и даже шире – любое общество в самом широком смысле, формирует коллективное представление о себе и своем окружении. Формирует универсальную оппозицию «свой – чужой».

Любые элиты, правители, духовные и светские авторитеты воздействуют на это коллективное представление и трансформируют его в рамках своих потребностей и возможностей с целью формирования позитивного образа своего государства, и менее позитивного (в разной степени – от малого и ситуативного отличия вплоть до формирования образа врага и мобилизации общества перед лицом внешней угрозы) образа других государств.

Однако, в условиях глобализации современного мира граждане имеют доступ к весьма широкому кругу источников информации, которые транслируют картину сформированную другими акторами (другими государствами, преследующими собственные цели, оппозиционными партиями и структурами, обывателями, транслирующими свое субъективное представление и т.д.). Эти картины мира могут существенно отличаться от тех, которые производят и транслируют внутренние, подконтрольные государству каналы.

Соответственно, следует предположить, что представления о других государствах будут черпаться гражданами из наиболее массовых каналов информации (т.е. – подконтрольных государству) как наиболее доступных, но перепроверяться, верифицироваться через негосударственные. В случае, если человек выявляет факт существенного расхождения в картине – он перестает доверять определенным источникам. В случае же если такое расхождение незначительно или отсутствует – человек продолжает считать получаемую информацию достоверной.

Задачей данного исследования стало выявление специфики формируемого официальными китайскими СМИ у граждан Китайской Народной Республики образа Российской Федерации. Для полноты картины, этот образ сравнивался с образом нескольких других сопредельных государств – Северной Кореи, Южной Кореи и Японии.

Сама тема не нова, существует значительный пласт работ как по китайской прессе, так и в целом по манипулированию общественным мнением через СМИ. В плане именно образа России в представлении Китая и китайцев необходимо отметить работы академика С.Л. Тихвинского, который представил обзор истории формирования и развития образа нашей страны в Китае от момента установления официальных контактов до XX в. [4]. В 2013 г. была издана обзорная монография профессора Ли Суйяня по истории восприятия образа России в КНР, в которой системно рассмотрена эволюция представлений и восприятия СССР / России в КНР [5] и др.

Однако современная внешнеполитическая ситуация отличается

значительным динамизмом, в связи с чем интерес представляют в первую очередь оперативные, актуальные тенденции. Так, например ситуации вокруг украинского конфликта посвящено исследование О.И. Калинина, в котором он пришёл к заключению, что СМИ КНР в основном дают нейтральную оценку действиям РФ и материалы носят сугубо информационный характер [1].

В данном исследовании источником выступил сайт (китаеязычная версия¹) издания Жэньминь жибао (人民日报). В выборку попали публикации за 2022 год, которые были отобраны по наличию в содержании ключевых слов – названий государств (России, Северной Кореи, Южной Кореи и Японии).

Один из базовых показателей – это объем, уделяемый СМИ определенным темам (в данном случае – государствам). Наиболее часто упоминаемой страной оказалась Южная Корея (Республика Корея), она упоминалась в 29,3% обследованных статей. На долю Японии пришлось 26,8%, Северной Кореи – 24,4%. Наименьшее число упоминаний у России – 19,5% от всех отобранных публикаций. При этом нужно учитывать, что это оценка не всего контента портала, а именно материалов, упоминающих название государства.

Следует отметить, что разница между объемом, посвященным сопредельным странам не значительна. От лидера (Южной Кореи) до аутсайдера (РФ) разница порядка 10%. То есть центральный информационный ресурс четко обозначает официальную позицию по рассмотренным сопредельным странам и происходящих в них (или связанных с ними) событиях.

Сравнение этого рейтинга с рейтингом торговых партнеров Китая показывает их значительное, но не полное сходство. Так, лидеры по упоминаниям – Южная Корея и Япония являются важнейшими экономическими партнерами и занимают 2 и 3 место в рейтинге по общему объему торговли КНР (выше них – только США²). Россия за-

¹ Хотя на сайте есть возможность выбора языка, и подразумевается, что на разных языках будет представлен один и тот же контент – на самом деле это не так. Русскоязычная, англоязычная и китаеязычная версии отличаются. Не все материалы присутствующие в китайской версии дублируются на русском и английском, и не все присутствующие в английской версии присутствуют в русской. Из тех материалов, которые присутствуют в нескольких версиях, расхождений при поверхностном анализе не выявлено. Тем не менее, для выявления воздействия на китайское общество анализ проводился именно китаеязычной версии.

² И ЕС, но если рассчитывать совокупно, все страны ЕС а не по одиночке. Одиночные страны занимают гораздо более скромные позиции, например – самое высокое место у Германии – 7.

нимает десятое место, а вот Северная Корея занимает крайне низкое место (ниже 30), и не имеет такого экономического значения для КНР.

Таблица 1. Общий объем торговли Китая с рассматриваемыми странами за 2022 г. [2]

Место в рейтинге	Страна	Объем млрд. дол. США
2	Южная Корея	362,2
3	Япония	357,4
10	Россия	190,3

Если же рассмотреть вес стран в мировых политических процессах, то здесь роль России будет уже гораздо выше, а Северная Корея – крайне низка. Но в региональных политических процессах, тем не менее, роль Северной Кореи достаточно заметна. То есть данный рейтинг имеет под собой как экономическую, так и политическую основу и ориентирован на региональную ситуацию, а не мировую.

Тональность обработанных публикаций разнонаправленная. Порядка 1/4 материалов (24,4%) имеют положительную направленность, позитивно описывают страны или происходящие в них процессы. Такое же число (что заставляет задуматься о сознательном регулировании этого соотношения) публикаций содержать информацию негативного характера (24,4%). При этом 51,2% – это безоценочные, или ровные, нейтральные информационные сообщения о фактах и событиях.

Наиболее часто в материалах о других странах в Жэньминь жибао описываются политические события. Преимущественно это политические отношения КНР с сопредельными странами. В тесной связи с политической тематикой рассматриваются вопросы военные, как относящиеся к существующим конфликтам, так и касающиеся вооруженных сил этих стран, политики применения (в том числе сюда включались понятия «политика милитаризма» и т.д.), учений, военно-промышленного комплекса, производства вооружений и т.д.

Несмотря на то, что лидерами по упоминаниям являются страны с которым у Китая наибольший торговый обмен, тема экономики и торговли в публикациях занимает не так много места, и сопоставима с социальной тематикой (куда мы включили медицину, правовую защищенность и т.д.). Темы науки, культуры, спорта освещаются не так активно, но тут, вероятно, выражается специфика именно официального издания, которое в первую очередь ориентированно на процессы государственного уровня.

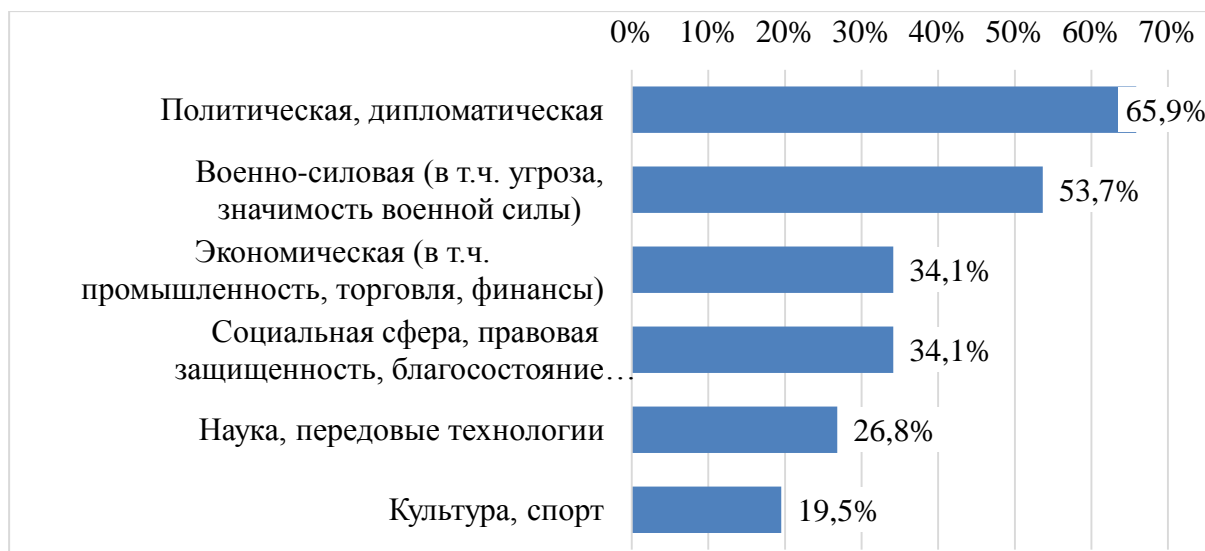

Рисунок 1 – Распределение охваченных исследованием материалов по сферам общественной жизни, %

Если сравнить страны по соотношению публикаций в зависимости от эмоциональной тональности, то здесь картина становится принципиально иной. На рис. 2 можно увидеть страны, которые представляются редакционной политикой позитивно и наоборот. Так среди публикаций о Японии значительная доля (72,7%, почти 3/4) публикаций имеет негативный характер разной степени жесткости. На этом фоне 16,7% негативных публикаций о Южной Корее смотрятся весьма комплементарно. Также по Южной Корее почти в 2 раза больше публикаций, которые можно счесть позитивными (16,7% по РК и 9,1% по Японии). Из охваченных исследованием публикаций по Японии не зафиксировано не одного нейтрального информационного сообщения, даже небольшие заметки сопровождалась соответствующими акцентами, формирующими, как правило, негативную тональность.

Оценить что первично – реальные противоречия и соперничество государств, негативный исторический опыт середины XX в. или информационная политика КПК не представляется возможным, но наблюдаемая картина показывает все признаки стабильности социально-культурного воспроизводства негативных образов. По данным М.И. Струковой, Е.А. Щелконоговой в 1990-е гг. «...общее содержание статей в «Жэньминь жибао» по теме Японии можно свести к нескольким основным вопросам: проблеме исторической памяти, роли Тайваня в отношениях между двумя странами, территориальным противоречиям Японии и КНР, опасениям возрождения японского милитаризма» [3]. Соответственно, общее информационное воздействие за

прошедшие годы изменилось несущественно.

В отношении России и Северной Кореи ситуация совершенно обратная – информация подается подчеркнуто нейтрально. В охваченных исследованием публикациях не зафиксировано не одного материала, имевшего бы явно негативную окраску. Все публикации либо позитивные, либо эмоционально отстраненные, подчеркнуто формально-информационные. Разницу в объемах позитивных публикаций о КНДР и РФ, по всей вероятности, следует отнести к объективной разнице между странами и происходящими в них событиями, а вот редакционную политику необходимо признать схожей.

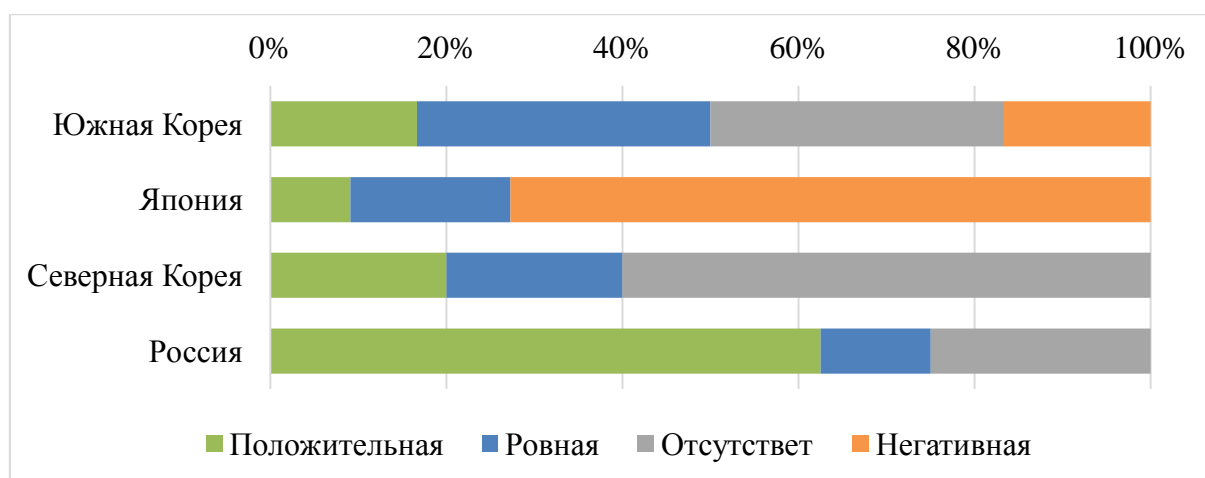

Рисунок 2 – Распределение охваченных исследованием материалов по сферам общественной жизни, %

Интересным представляется распределение исследуемых материалов по освещаемым в них темам. В целом тематика по странам достаточно близка. Выделенные в ходе исследования тематические блоки наблюдаются по всем странам. За одним исключением: в рассмотренных материалах вообще не представлены материалы по социальной сфере КНДР. В рассмотренном массиве не было зафиксировано ни одной статьи касавшейся социального обеспечения, здравоохранения (и это при не полностью ликвидированных последствиях пандемии COVID-19!), благосостояния населения Северной Кореи или каких-либо государственных действий, решений в этой области. Очевидно, что реалии КНДР не дают возможности представлять эту сферу в позитивном ключе, и как следствие, эта тема игнорируется.

Однако доля материалов по тем или иным сферам существенно различается. Так, можно выделить явное преобладание тематики военной силы по материалам, касающимся Северной Кореи, и приоритет темы экономики, промышленности в материалах о Южной Корее.

Если страны ранжировать по числу публикаций на военную тему, то лидером будет КНДР, затем Япония (72,7% от всех упоминаний), Россия (62,5%), Южная Корея (16,7%). И это на фоне продолжающегося полномасштабного военного конфликта на Украине. То есть количество публикации о военной силе Японии (как бывшей, так и нынешней), о милитаризме в ее современной внешней политике превышает количество публикаций о текущем крупнейшем вооруженном конфликте в Европе со времен Второй Мировой Войны. В российском национальном сознании давно укоренилась европоцентричность, которой совершенно лишено китайское национальное сознание. И внимание к европейским конфликтам, к конфликтам, в которые вовлечена Россия (сколь бы дружественными и взаимовыгодными не были бы наши взаимоотношения) в китайском обществе и китайской прессе не будет придаваться большее, чем проблемам и ситуациям в азиатском регионе, который является для Китая и китайцев субъективным центром мира.

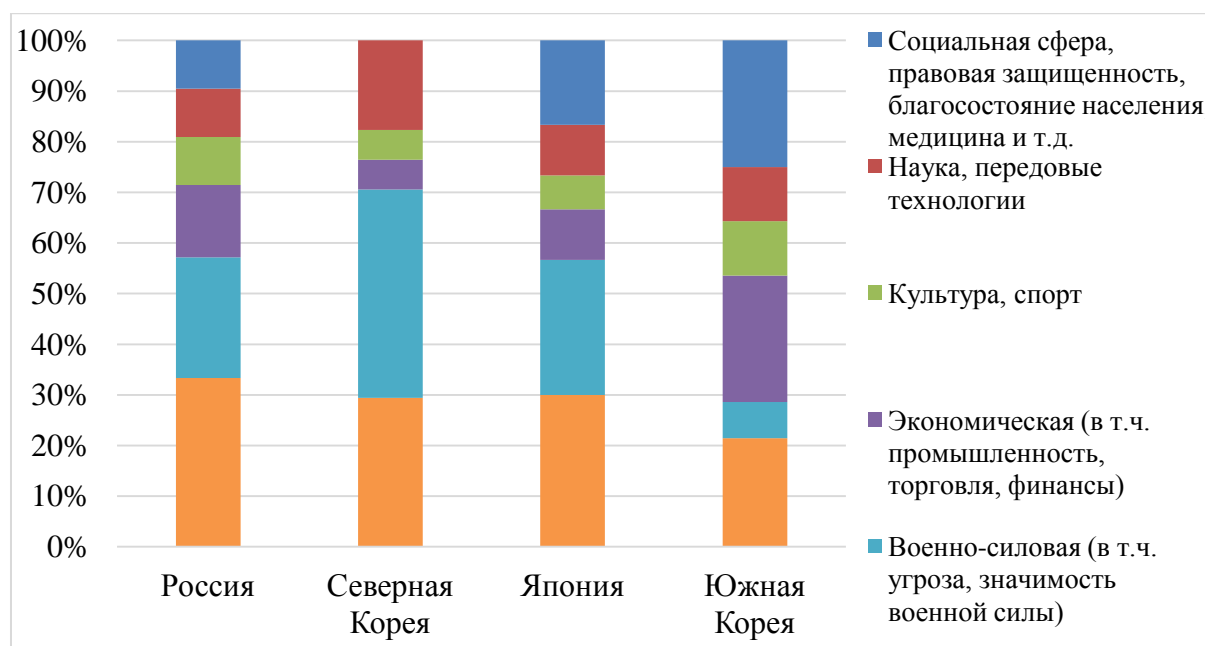

Рисунок 3 – Распределение материалов по сферам общественной жизни, %

Показательные результаты получаются при сравнении доли публикаций на тему культуры и спорта (важную в контексте «soft power»). Здесь по России и по Южной Корее доля материалов одинакова – около 25% (что опять-таки наводит на мысль, что эта доля регламентируется редакционной политикой). По Японии доля этих материалов составила 18%, по Северной Корее – 10%.

Подводя итог, можно в целом охарактеризовать образы стран. Россия представляется в официальной прессе КНР как значимый и надежный партнер, но не «сподвижник» и относительный «союзник». Япония – развитая (и культурно, и экономически) успешная страна, которая, находясь под влиянием США, идет по пути возврата к империалистическому и милитаристскому прошлому. Причем еще не враг, но страна, чье правительство проводит курс на конфронтацию с Китаем. КНДР – сильный и важный в военном отношении союзник. Южная Корея – успешно (хотя и не без проблем и кризисов) развивающееся общество, причем общество, не имеющее политических, либо незакрытых исторических противоречий с китайским, обладающее значительным потенциалом для дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества с Китаем.

Кроме того, проведенный анализ позволил обнаружить целенаправленную редакционную политику в отношении конкретных стран, тем и тональности. А учитывая статус издания – можно смело считать ее политикой КПК. Политика эта заключается в формировании различных имиджей сопредельных государств через публикацию тех материалов, которые формируют нужный образ, и игнорирования тех, которые противоречат требуемому образу.

Библиографический список

1. Калинин О.И. Опыт проведения контент-анализа политических медиатекстов (на примере китайского языка) // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 65–73.
2. Стоимость импорта и экспорта по странам (регионам) происхождения/назначения 2022. Главное таможенное управление Китая. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.20e8effa-649adf8e-9d7fa82f-74722d776562/www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html (дата обращения: 20.05.2023).
3. Струкова М.И., Щелконогова Е.А. Стереотипы восприятия Японии жителями Китая в контексте современных отношений двух стран // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 190–196.
4. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 244 с.
5. 许华. 俄罗斯国家形象与软实力 (Ли Суйань. Национальный имидж России и мягкая сила). URL <http://www.ooyj-oys.org/UploadFile/Issue/sgphbqiv.pdf> (дата обращения: 06.02.2023).

ВЛИЯНИЕ ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ КАЗАЧЬЕЙ МОЛОДЁЖИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ КАЗАЧЕСТВА

THE INFLUENCE OF THE CHURCHLINESS OF COSSACK YOUTH ON THE FORMATION OF SOCIAL IMAGES OF THE COSSACKS

А.А. Сергеев, М.М. Медведев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.A. Sergeev., M.M. Medvedev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования воцерковлённости казачьей молодёжи Краснодарского края и её представлений об образах казачества и казаков. Устанавливается связь между уровнем воцерковлённости и формированием определённых составляющих социального образа казачества. Заключается, что социальный образ казачества формируется преимущественно на внешних признаках и субконсensualных характеристиках образа казака.

Abstract. The article presents the results of a study of the churchliness of the cossack youth of the Krasnodar region and their ideas about the images of the Cossack army and cossacks. There is a connection between the level of churchliness and the formation of certain components of the social image of the Cossacks. It is concluded that the social image of the cossacks is formed mainly on the external signs and sub-consensual characteristics of the image of the cossack.

Ключевые слова: казачество, воцерковлённость, социальный образ, социология религии

Key words: cossacks, churchliness, social image, sociology of religion

Сегодня часто различные учёные выделяют следующую проблему казачества, как одну из самых ключевых – необходимость ответить на вопросы: «Кто такой казак?» и «Что такое казачество?» [3]. Текущее состояние казачества характеризуется также уникальными обстоятельствами, такими как: обострённый межпоколенческий разрыв, насчитывающий более ста лет, тесная постулируемая связь с Русской Православной Церковью, интерес к вступлению в казачество у не-казаков и др. [9].

Подобные факты выстраивают весьма пёструю картину из вызовов, с которыми сталкивается казачество и на которые необходимо реагировать. На наш взгляд эффективный выход из складывающихся проблем можно будет найти только в том случае, если казачество в целом и казаки в частности смогут ответить на поставленные вопросы

в формате «образа» казачества в их глазах. Авторским коллективом было проведено исследование церковной социализации (воцерковлённости) казаков, одной из задач которого было изучение социального образа казачества в глазах казачьей молодёжи. Работа посвящена выявлению связи между воцерковлением и формированием социальных образов.

Объектом исследования стали казаки Кубанского казачьего войска и казачья молодёжь, состоящая из участников различных казачьих объединений и обществ. Предметом настоящего исследования стал социальный образ казачества в глазах казачьей молодёжи, его связь с уровнем воцерковлённости.

Теоретические рамки исследования. Одним из элементов, критически необходимых казачеству сегодня – его социальный образ. Образ является основанием для идентичности, содержа в себе экзистенциальные, социально-психологические, ментальные характеристики. Сам образ формируется посредством познания окружающей среды, отражая при этом профессиональную, коммуникативную, духовную квалификацию, а также ценности и опыт человека и сообществ. Образ – это субъективная картина мира или его фрагментов, включая самого субъекта, который в результате восприятия социального мира и под влиянием коллективного сознания (бессознательного) становится социальным [4]. Наиболее логичным становится рассмотрение образа через теорию феноменологии: «Социальный образ – это интересубъективная форма интерпретации и освоения мира с позиции определённой ментальности, создаваемой коллективными или индивидуальными субъектами социальных взаимодействий и посредством воздействия на сознание общества социокультурных объектов социальной реальности» [12]. Таким образом, социальный образ является результатом субъективной активности в процессе социальных коммуникаций, некоторой формой знания об окружающем мире, на основании которого строится отношение человека и сообществ ко всему социальному.

Важной частью исследования является соотнесение формирования социального образа с религиозной социализацией респондентов. В российском социологическом дискурсе существует два крупных подхода к изучению религиозной социализации: 1) некоторые авторы приравнивают религиозную социализацию к воцерковлению, такой подход свойственен конфессионально-ориентированным учёным [7; 13; 16]; 2) иные исследователи выходят за конфессиональные рамки и рассматривают религиозную социализацию как многоэтапный процесс, на первой стадии которого человек интернализирует саму рели-

гиозность, закладывает фундамент для последующего восприятия (на втором этапе) моделей и паттернов поведения, элементов догматики, присущих отдельному религиозному учению [14; 15].

В настоящем исследовании будет активно использоваться первый подход, где, по мнению В.Ф. Чесноковой, воцерковление – это «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» [16]. При помощи В-индекса понятие «воцерковлённости» операционализируется через пять переменных: «частота посещения храма», «частота Причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост». Доступно иллюстрирует способ применения индекса К.С. Дивисенко: «Каждая переменная измеряется по порядковой шкале, имеющей пять градаций. На основе этих шкал строятся пять групп по степени воцерковленности. Следует отметить, что группирование происходит по принципу «сильного ответа»: принадлежность к группе в каждом случае определяется максимальным значением любой из пяти шкал. Так, в самую слабую группу попадают респонденты, у которых в ответах зафиксированы только минимальные значения по всем шкалам. «Пропуск» во вторую группу получают те случаи, в которых максимальный балл по любой из шкал равен двум. На этом же алгоритме построено выделение следующих трех групп. Таким образом, чтобы попасть в пятую, наиболее сильную группу верующих, которых можно считать, по мнению Чесноковой, воцерковленными, необходимо только по одной из пяти шкал занять максимальную позицию» [2, с. 130].

Помимо «В-индекса» мы использовали методологию М. Куна и Т. Маркпартленда для интерпретации ответов респондентов: «Сам М. Кун делил все ответы на две категории: а) консесуальные ответы, характеризующие социальный статус и роль испытуемого, его принадлежность к определенной группе; к этой категории относятся ответы такого типа, как «студент», «дочь», «гражданин» и т. п.; б) субконсесуальные ответы, относящиеся к индивидуальным характеристикам, например: «толстый», «неvezучий», «счастливей»» [5].

Методы исследования. В мае 2023 г. нами был проведён анкетный опрос, включающий блок с открытыми вопросами. В опросе приняло участие 1216 респондентов: участники Союза казачьей молодёжи Кубани, казаки Кубанского казачьего войска, ученики школ, реализующих казачий компонент, курсанты казачьих кадетских корпусов, а также участники казачьих объединений средних и высших учебных заведений Краснодарского края – преимущественно молодёжь. Среди

участников опроса 70% имеют возраст до 21 года, средний возраст составил 21,55 лет (для женщин – 24,52 года, для мужчин – 17,63 года). Большинство опрошенных – женщины (56,4%).

В данной работе будет предоставлен анализ открытых вопросов данной анкеты (вопросы №22-28), проведенный с помощью программ «MS Excel», «SPSS Statistics» и «RStudio».

Общие результаты. Вопрос №22 имел следующую формулировку: «Назовите святого, с которого Вы бы хотели брать пример». В сущности, подобные персонифицированные «ориентиры» также относятся к сфере образов и картины мира респондентов, поэтому в рамках исследования были внедрены вопросы о святых и светских личностях. Полученные результаты выведены на рисунке 1.

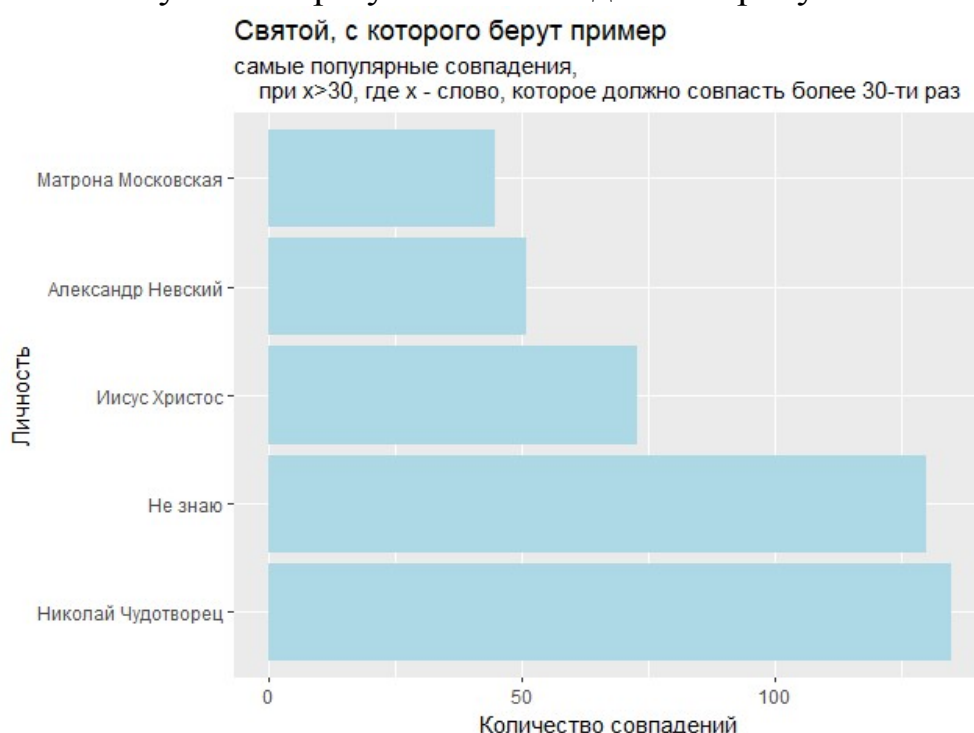

Рисунок 1 – Референтные святые у казаков

Ответы казаков несколько отличаются от результатов похожего исследования, проведенного ВЦИОМ в 2020 г. в масштабах страны [11]. Если у россиян самые популярные святые: свт. Николай Мирликийский, блж. Матрона Московская и прп. Серафим Соровский, – то у казаков на первом месте также «Николай Чудотворец», однако на втором месте – ответ «Не знаю», на третьем – «Иисус Христос», на четвертом – святой «Александр Невский», лишь на пятом – блж. «Матрона Московская». В глаза бросается существенная разница: в опросе ВЦИОМ Николая Чудотворца указали 48% россиян, а среди казаков – лишь 11,1% (от количества всех респондентов-казаков). Также второе

место занял ответ «Не знаю» (10,7%), а третье – Иисус Христос (6%). Весьма интересно, что на первых трёх позициях только один святой (2-я позиция – «не знаю», 3-я – Бог). Был назван небесный покровитель кубанского казачества Александр Невский (4,2%), однако другие святые, имеющие отношение к казачеству (как Илья Муромец и пр.) названы не были вовсе. Такие малые проценты вкупе с ситуацией на первых трёх позициях могут нам гипотетически указывать на то, что у современных казаков и казачьей молодёжи не сформирована общепризнанная референтная группа святых, на которых казачество бы опиралось.

Интересным выглядит соотношение светских личностей, с которых молодые казаки берут пример (рис. 2).

Рисунок 2 – Референтные исторические личности у казаков

В 2023 году ВЦИОМ так же провёл похожее исследование на данную тематику (однако без дополнения о том, что респондент берет пример с исторической личности). Так у россиян самыми популярными персоналиями оказались Петр I, И. В. Сталин, А. С. Пушкин, В. И. Ленин и Екатерина II [8]. У молодых казаков самый популярный ответ – «не знаю» (13,7%), на втором месте – Петр I (3,8%), на третьем – Екатерина II (3,6%), на четвертом – И. В. Сталин (3,1%), на пятом – Александр Невский (2,1%). Мы сочли уместным показать, что в ответах на данный вопрос появляется «казачья» личность – «Илья Муромец», однако только лишь у 1-го респондента (0,1%). Столь малые проценты так же, как и в предыдущем вопросе, могут гипотетически

указывать на отсутствие всеобщей референтной группы из исторических персоналий у современного молодого казачества.

Представление респондентов об образе казака рисунке 3. Необходимыми компонентами образа казака, были выделены следующие: силу, смелость, мужество. Интересно, что черта «Православный» расположилась на последних местах в окружении таких характеристик, как «Форма», «Одежда», «Красный». На основе этих данных можно предположить, что для большинства казаков Православие – периферийная и внешняя черта, которая не составляет образ казака, однако присуща ему так же, как и форма (но форма в общем, абстрактная форма, а не конкретная, так как на графике присутствуют уточнённые элементы казачьей формы: «Папаха», «Шашка»).

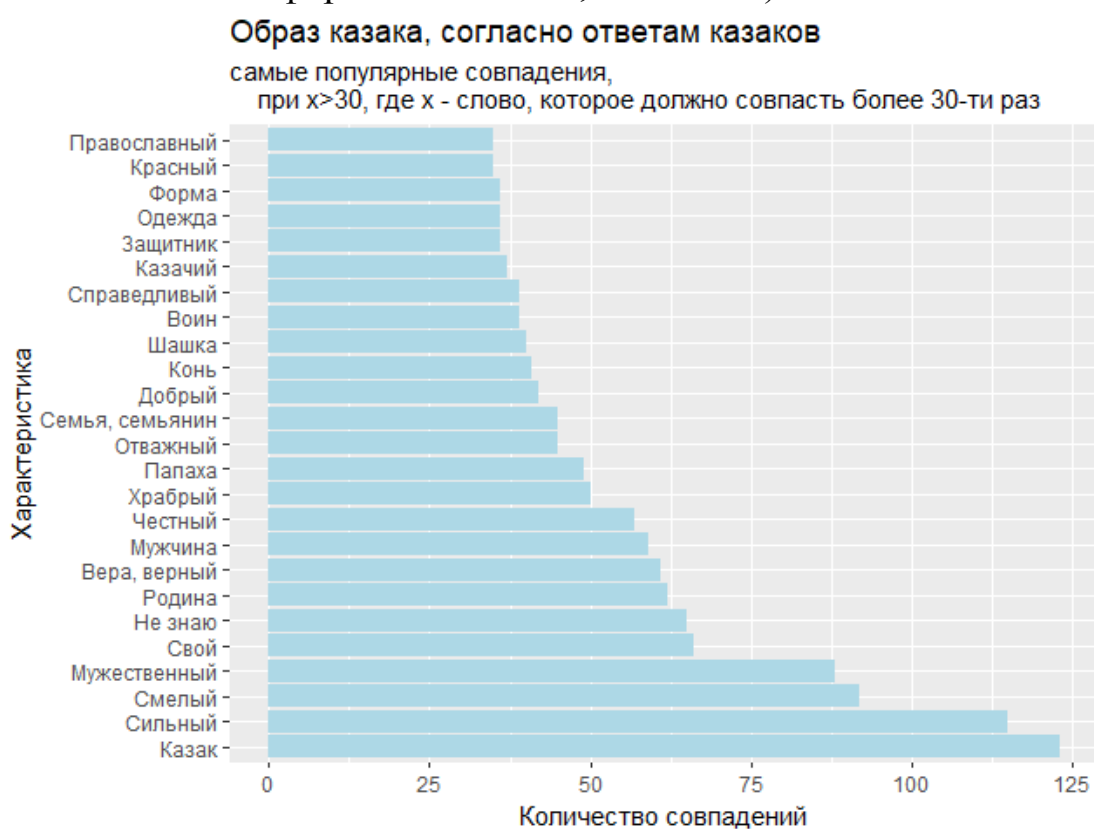

Рисунок 3 – Компоненты образа казака, %

Конкретизация данных. В данном разделе работы мы будем сравнивать образ казака у разных групп казаков по уровню воцерковлённости. Подробный анализ уровня воцерковлённости современного казачества (по методологии В.Ф. Чесноковой) был изложен в другой работе, здесь мы не будем останавливаться на подробностях, укажем лишь на таблицу 1.

Таблица 1. Типология казаков по степени воцерковленности

		Статистика по общему массиву		Статистика по массиву православных	
		% от массива	Накопленный %	% от массива	Накопленный %
Воцерковленные (Ц)	Сильные	3,78	3,78	4,75	4,75
	Остальные	6,83	10,61	8,57	13,33
Полувоцерковленные (П)		14,64	25,24	18,39	31,72
Начинающие (Н)		23,36	48,60	29,34	61,06
Слабовоцерковленные (С)		28,70	77,30	36,05	97,11
Очень слабовоцерковленные (О)		2,30	79,60	2,89	100
Неверующие (А)		14,14	93,75		
Прочие конфессии		6,25	100,00		

Приступим к изучению ответов разных групп (разделённых по уровню воцерковлённости), изложенных на рисунках 4-7.

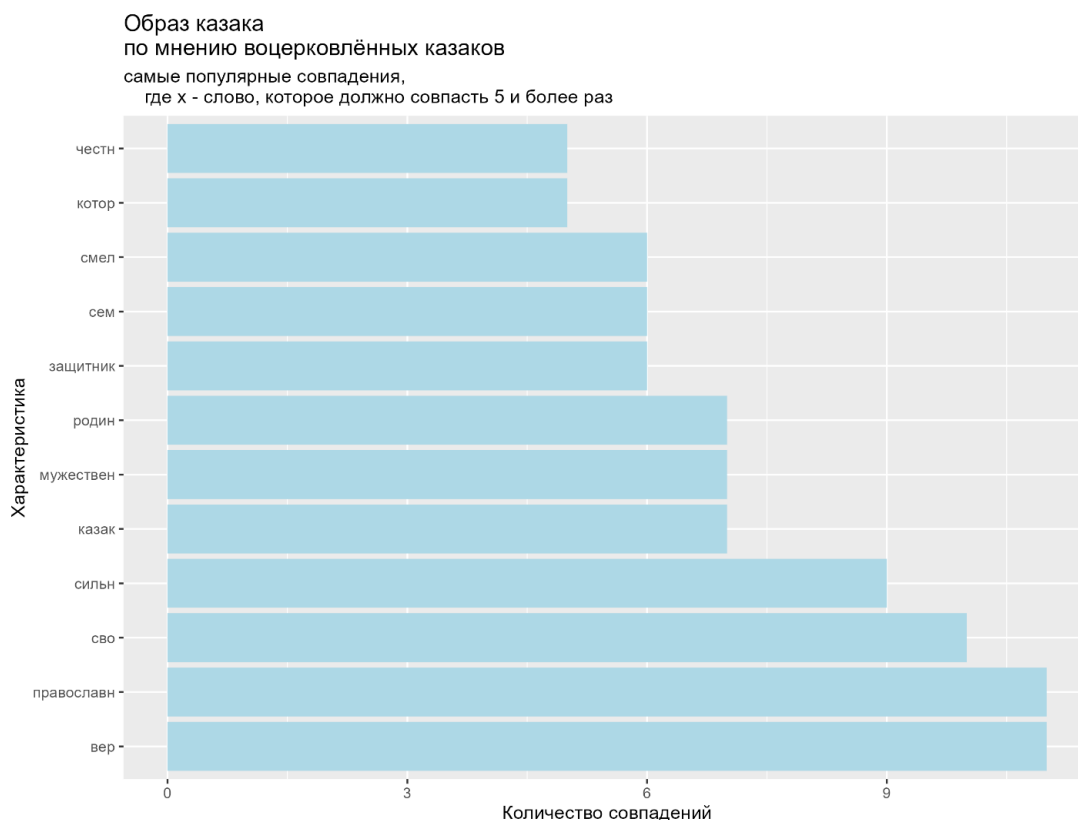

Рисунок 4 – Образ казака, по мнению воцерковлённых казаков, %

Как показано на Рисунке 4 – у воцерковлённых казаков, которые чаще всех посещают богослужения и участвуют в церковных таинствах, образ казака (стоит подчеркнуть, что на рисунке 5 и последующих программа при построении графика оставила только основы слов) теснее всего связан с верой и православием (первые два места), на третьем месте «свой» (или обладающий чем-то своим), а только затем идут сила, мужество, Родина, защита и пр. На этом рисунке уже заметен контраст с рисунком 3, который представляет всех казаков в

целом. На рисунке 4 – Православие и вера (которые теперь ассоциируются не с верностью Родине, а именно с Христианством) с периферийной позиции передвигаются на центральную и одну из самых ключевых; и, наоборот, форма и внешние атрибуты казачьего образа отсутствуют полностью.

На рисунке 5 представлен анализ ответов полувоцерковлённых казаков. Важно подчеркнуть, что, несмотря на название, которое даёт этой группе общепринятая методология, «Православие» у этой группы расположилось на 16-м месте. На первое место выходят субконсесуальные (по М. Куну и Т. Маркпартленду) категории, такие как «Сильный», «Смелый», «Мужественный» [6].

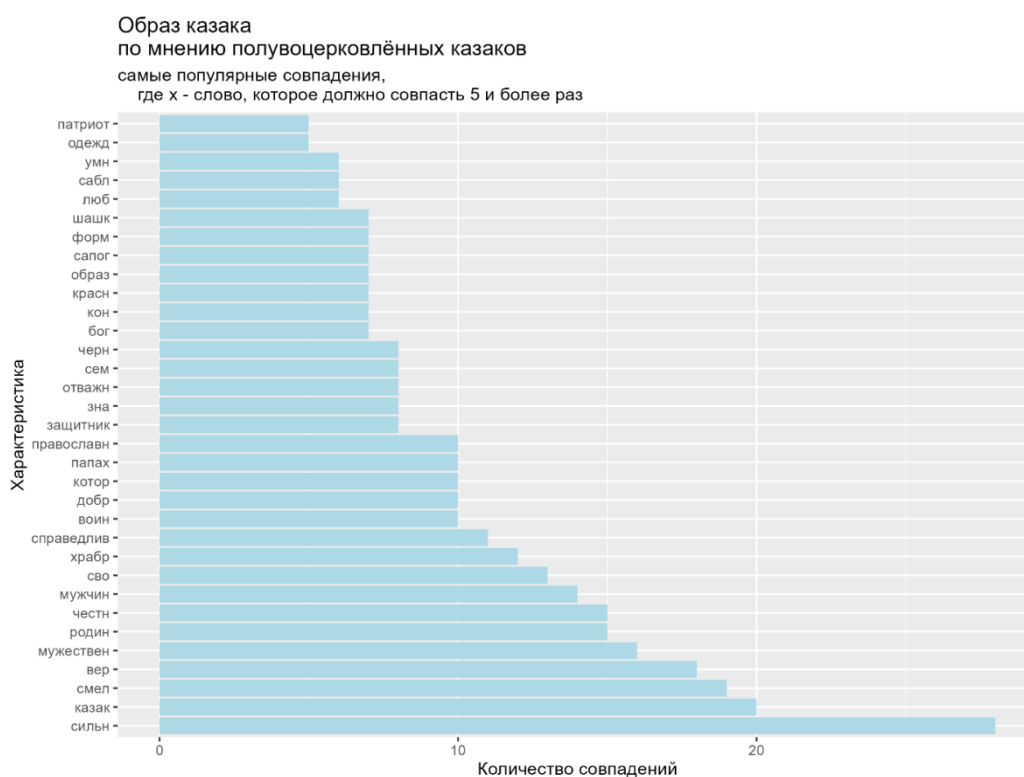

Рисунок 5 – Образ казака по мнению полувоцерковлённых казаков, %

Ответы группы начинающих (идти к воцерковлению) казаков приведены на рисунке 6. Мы видим из вышеприведённого графика, у этой группы казаков православие находится в одной группе с такими характеристиками казака, как «Подстрижен», «Тело», «Традиция», «Уважение», «Шашка», «Опрятный», «Красивый» – все эти характеристики в самом конце списка, все они отражают некоторые внешние характеристики казака, вероятно, что православию придаётся такое же значение. На первых местах также субконсесуальные характеристики.

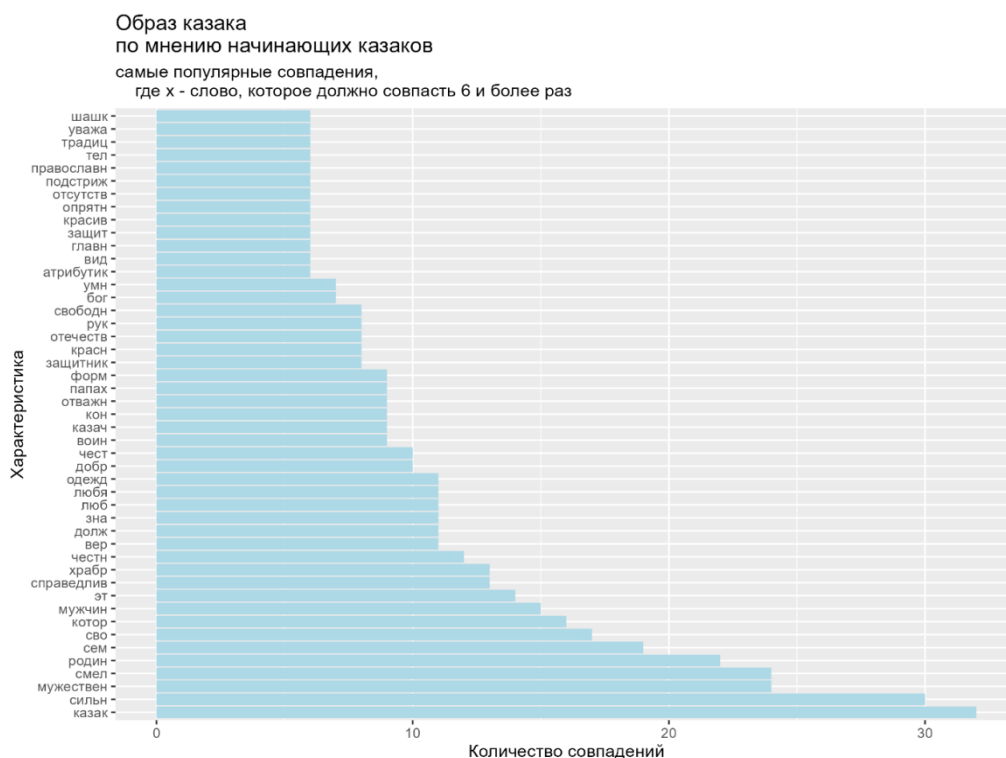

Рисунок 6 – Образ казака, по мнению начинающих казаков, %

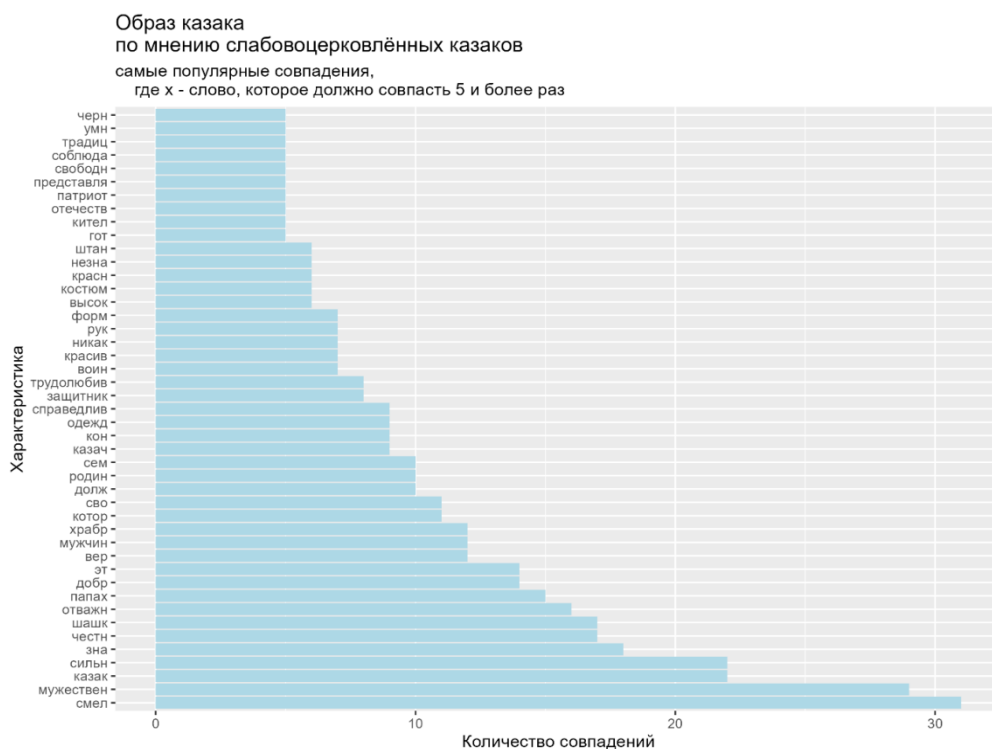

Рисунок 7 – Образ казака по мнению слабовоцерковлённых казаков, %

Рисунок 7 иллюстрирует ответы «слабовоцерковлённых» казаков. Группа слабовоцерковлённых – самая большая группа (28,7% от 1216 респондентов). Ответы этой группы интересны тем, что право-

славие с графика пропадает, на первых местах так же субконсесуальные характеристики, внешние атрибуты (одежда), а на 5-м месте расположился ответ «Не знаю» («знаю») – такого ответа не было у предыдущих групп совсем.

Группа «очень слабоцерковлённых» будет вынесена за рамки анализа в связи с малым количественным составом, что делает ответы непрезентативными.

Анализ тенденций и выводы. В описанных выше данных заметны следующие тенденции:

1. Отсутствие консесуальных характеристик на лидирующих позициях во всех группах, кроме воцерковлённых;

2. При поступательном движении по цепочке от наиболее воцерковлённых казаков к наименее воцерковлённым мы видим, как постепенно сдаёт позиции православие как характеристика образа казака;

3. Одновременно со «сдачей позиций» православием другие характеристики, субконсесуальные, занимают центральные позиции в образе казака;

4. У казаков, которые попали в наименее воцерковлённые группы, субконсесуальные характеристики начинают сдвигаться к внешними атрибутами образа казака (элементами казачьей формы и пр.);

5. У наименее воцерковлённой группы из рассмотренных появляется ответ «Не знаю». Некоторые казаки данной группы не смогли описать образ казака;

6. Образ казака чаще всего включает качества: смелый-мужественный-сильный и визуальную характеристику – форму.

Можно предположить, что такое малое количество консесуальных характеристик может свидетельствовать об отсутствии социальной интеграции внутри казачества как социальной группы российского населения: казаки (за исключением воцерковлённых, которых объединяет религиозный «православный» стержень) не мыслят (либо мыслят слабо) себя частью единого общественного организма. Необходимо подчеркнуть, что описанные тенденции динамики образа казака между группами с разными степенями воцерковлённости верны и для образа казачки, образа православного человека, образа православия (в целом), образа казачества (в целом), святого, с которого нужно брать пример, исторической личности, с которой нужно брать пример (к сожалению, объём настоящей работы не позволяет рассмотреть все полученные данные). Везде мы будем замечать, что самые подробные и осмысленные ответы будут у казаков, попавших в группу «Воцерко-

влённые», что позволяет заключить о том, что православие до сих пор способно выполнять функцию символического универсума, объясняющего реальность [1]. Однако, судя по всему, если казак выпадает за рамки институционального православия, то он, вероятно, не находит иных социальных институтов, которые бы проводили смыслы о казаке и казачестве, из-за чего образы последних либо частично размываются, либо полностью рушатся. Данное положение можно подтвердить тем, что во время воцерковления человек проходит этап «групповой идентичности» [10]. Именно на этом этапе православный человек социально интегрируется в малую группу (община, приход; именно здесь появляется консесуальная характеристика), которая уже потом станет проводником значений из символического универсума в повседневную реальность индивида.

В заключение можно сказать, что социальному образу казачества ещё предстоит значительные трансформации, наделение новыми смыслами и атрибутами. Безусловно, чрезмерная фиксация на внешних качествах не позволит образу выступить социальным ориентиром и идеалом построения общества, однако полученные выводы способны стать фокусом для обозначения проблем исследуемого сообщества. Предстоит широкая работа в областях мифо- и смыслогенеза, чтобы социальные образы казачества действительно начали выполнять конструктивные функции.

Библиографический список

1. Горшков О.Е. Символ в социально-феноменологических моделях // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 51–55.
2. Дивисенко К.С. Тесным путём и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 128–138.
3. Зейналова Л.М., Нешиной А.В. Основные проблемы современного российского казачества // Вестник УМЦ. 2019. № 1 (22). С. 113–117.
4. Инишев И. Феноменология как теория образа // Философско-литературный журнал «Логос». 2010. №5 (78). С. 196–204.
5. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А., Синёва О.В. Проблема методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Маркпартленда при помощи процедуры многомерного шкалирования // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2015. № 11. С. 15–26.
6. Кун М., Маркпартленд Т., Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: 1984. С. 180–188.
7. Пруцкова Е.В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // Мониторинг обще-

ственного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 235–252.

8. Путешествие по отечественной истории [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 30.10.2023).

9. Рожков А.Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодёжи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) // Голос минувшего. 2016. № 3–4. С. 164–182.

10. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 141–168.

11. Святые: люди и места [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svyatye-lyudi-i-mesta> (дата обращения: 30.10.2023).

12. Сильнова Е.И. Социальный образ: начала концептуализации // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 3–1. С. 43–49.

13. Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11(271). С. 89.

14. СклЯрова Т.В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. № 4 (15). С. 7–17.

15. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2–1. С. 205–212.

16. Чеснокова В.Ф. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века [Электронный ресурс] // Яков Кротов. История. URL: http://krotov.info/history/20/1990/chesnokova_00.htm (дата обращения: 22.08.2023).

ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

JAPAN AND THE JAPANESE IN THE PERCEPTIONS AND ASSESSMENTS OF RUSSIAN YOUTH

Е.В. Стрельцова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E.V. Streltsova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В данной статье представлены результаты пилотажного исследования направленного на изучение особенностей восприятия Японии и японцев российской молодежью г. Краснодара. Исследование позволило определить содержание и направленность образа страны восходящего солнца и ее жителей, а также источников их формирования. Делан вывод о том, что молодежь в целом сегодня достаточно позитивно воспринимает Японию и ее жителей, что может стать основой для развития сотрудничества и взаимодействия двух стран и народов.

Abstract. This article presents the results of a pilot study aimed at studying the characteristics of the perception of Japan and the Japanese by Russian youth in Krasnodar. The study made it possible to determine the content and direction of the image of the land of the rising sun and its inhabitants, as well as the sources of their formation. The conclusion is drawn that young people in general today perceive Japan and its people quite positively, which can become the basis for the development of cooperation and interaction between the two countries and peoples.

Ключевые слова: Япония, японцы, молодежь, российско-японские отношения, стереотипный образ, межкультурная коммуникация

Key words: Japan, Japanese, youth, Russian-Japanese relations, stereotypical image, intercultural communication

XXI век – это век информации, глобализации, стремительного развития науки и новых технологий. Обучение за рубежом, научная деятельность, сфера бизнеса и многое другое – все это приводит к необходимости общения с представителями других стран и культур. А для успешной коммуникации человеку, независимо от страны его проживания, необходимо не только знание иностранного языка, но и, что не менее важно, умение принимать своего собеседника как носителя другой культуры, имеющего свой духовный мир и свое мировосприятие, зачастую радикально отличное. Незрелость подобных навыков и необходимых познаний в данном вопросе может стать серьезным препятствием в процессе межкультурной коммуникации.

Таким образом, актуальность исследования процессов межкультурной коммуникации и лежащих в их основе стереотипов восприя-

тия других народов и стран представляется очевидной. В настоящее время, в связи с нестабильной политической обстановкой крайне сложно поддерживать столь необходимые для совместных достижений межкультурные коммуникации. И это не говоря уже о том, что стереотипные образы и крайне поверхностные знания о другом народе могут стать серьезным препятствием на пути взаимовыгодного сотрудничества.

В отношении Японии и России эти проблемы имеют особое значение, поскольку исторически, да и на современном этапе, отношения между этими странами и народами были неравномерными [1, с. 21].

Проблематика взаимного восприятия народов, формирования образов стран и их представителей достаточно широко разработана в социальных науках как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Среди исследователей, чьи работы затрагивают вопросы взаимного стереотипного восприятия россиян и японцев можно отметить: П.О. Воробьеву, В.Л. Ларина, М.В. Фоменко, Ф.А. Попову, Л.В. Жилину, В.М. Алпатова, Д.В. Стрельцова, А.М. Алексеева-Апраксина, Ю.Д. Михайлову, О.А. Селюнину, а также Нахо Игуаз, Чэнь Цянгунь и др. Вышеупомянутые авторы исследуют процессы формирования стереотипных образов у представителей двух стран, факторы, влияющие на взаимное восприятие, как исторического, так и современного характера. Месте с тем, нужно отметить, что процессы взаимного восприятия – явление динамичное, которое в значительной степени зависит от меняющегося политического, экономического и прочих контекстов [2, с. 151]. Это позволяет говорить о необходимости исследования стереотипных образов народов в режиме мониторинга.

В этой связи нами было организовано и проведено пилотажное исследование, направленное на выявление существующих на данный момент представлений о Японии и японцах у российской молодежи. Исследование проведено с применением метода анкетирования среди молодежи г. Краснодара в возрасте 18–25 лет., выборка случайная (N=30 чел.)

Первая задача исследования состояла в том, чтобы определить отношение молодежи к Японии и японцам. Согласно полученным результатам 93,3% опрошиваемых отметили, что они в целом положительно относятся к Стране восходящего солнца и ее жителям. При этом 6,7% опрошенных ответили, что их отношение к Японии является негативным (преимущественно девушки 22–25 лет). Свою позицию респонденты обосновали негативными образами, которые трансли-

руют в отношении Японии СМИ и сложившимися негативными стереотипами в отношении японцев. На вопрос о том, в какой степени на сформированное у респондентов отношение к Японии повлияло их ближайшее окружение (друзья/семья/знакомые и пр.) 76,7% отметили, что такого влияния они не испытывали. При этом около четверти опрошенных молодых людей полагают, что именно ближайшее окружение в той или иной степени повлияло на их отношение к Японии и ее жителям.

В отношении японской культуры, респонденты чаще всего отмечали, что высоко ценят качество японской продукции (40%), японскую гик-культуру (36,7%) и замыкает этот топ-3 японская мифология (26,7%). Однако тут следует также отметить, что несмотря на в целом положительное отношение к Японии, 36,7% опрошенных отметили, что они вовсе не интересуются данной страной.

Вторая задача заключалась в выявлении сложившегося у молодых людей образа Японии. Характеризуя Японию, респонденты чаще всего выбирали следующие характеристики: страна с богатыми традициями и культурой (76,7%), экономически сильная страна (63,3%), страна с красивой природой (36,7%). Наименее популярны ответы: военная страна (3,3%) и страна, лидирующая в мировом сообществе (3,3%) Ответ: страна либеральных ценностей и демократии не выбрал ни один респондент.

Самыми распространенными ответами на вопрос об источниках представлений о Японии оказались: уроки истории в школе и вузе (63,3%), фильмы и сериалы (53,3%), СМИ (50%) и, неожиданно, но не такой предполагаемо изначально широкий источник – аниме и манга (36,7%). Здесь также следует отметить усилившуюся в последнее время образовательную часть компьютерных игр (26,7%). Японцев практически все респонденты наделили такими чертами как: трудолюбивые, сдержанные, пунктуальные, ответственные, вежливые и дисциплинированные.

Далее мы попросили респондентов оценить перспективы взаимоотношений между двумя странами. В связи с чем респондентам предлагалось ответить на два вопроса: «Как Вы считаете, в настоящее время между Россией и Японией сложились хорошие или плохие отношения? Почему?» и «На Ваш взгляд, возможно ли в будущем наладить тесное сотрудничество между Россией и Японией?». Большая часть респондентов высказала неуверенность по поводу возможности тесного сотрудничества в ближайшие годы, поскольку санкции и активное влияние США мешают и без того крайне непростым отноше-

ниям между этими странами.

Среди причин, которые осложняют отношения между Россией и Японией, около 80% респондентов указало на сложности с Курильскими островами и неподписанный мирный договор. Тем не менее, 73,3% опрошенных уверены в возможности дальнейшего тесного сотрудничества между данными странами, 6,7% – сомневаются, и 20% категорично отрицают исправление политической ситуации в ближайшем обозримом будущем. Помимо этого, около 20% респондентов оценивают нынешние отношения между Японией и РФ как вполне конструктивные, упоминая совместную научную деятельность и экономические отношения. Кроме того, свидетельством в целом позитивного восприятия и отношения к Японии со стороны российской молодежи может служить тот факт, что подавляющая часть опрошенных выразила желание хотя бы раз посетить Японию в качестве туристов, другая, меньшая часть молодых людей готова рассмотреть для себя возможность переезда в Японию либо на более длительный срок, либо на постоянное местожительство.

Подводя итог, можно сделать вывод, что результаты проведенного пилотажного исследования свидетельствуют о наличии благоприятной платформы для дальнейшего развития российско-японских отношений в виде положительных стереотипов и настроя на позитивные контакты российской молодежи.

Библиографический список

1. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития. М.: Спецкнига, 2012. 32 с.
2. Алпатов В.М. Русский взгляд на Японию: мифы и реальность // Ежегодник Япония. 2012. № 41. С. 141–151.

ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КИТАЕ: ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

TRADITIONAL PERCEPTION OF SPACE TIME AND SPACE IN CHINA: REFLECTION IN POETIC CREATIVITY

Ю.Г. Смертин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Y.G. Smertin

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье исследуются представления китайцев о времени и пространстве, ключевых категориях духовной культуры, складывавшиеся на протяжении многих веков и вербализированное в поэтической форме в средневековом Китае. Делается вывод о циклическом восприятии времени. Образ мира основывался на пятичленной пространственной структуре, центром которой был Китай – Серединная империя, окруженная с четырех сторон света варварами.

Abstract. The article examines Chinese ideas about time and space, the key categories of spiritual culture, developed over many centuries and were verbalised in poetic form in medieval China. The conclusion about the cyclic perception of time is made. The image of the world was based on a five-member spatial structure, the center of which was China - the Middle Empire, surrounded on four sides of the world by barbarians.

Ключевые слова: Китай, пространство, время, поэзия, инь-ян, чжун-середина.

Key words: China, space, time, poetry, yin-yang, zhong-center.

Пространство и время являются одними из базовых понятий человеческого мировоззрения. Их восприятие конкретным этносом во многом определяют его менталитет, а значит и способы организации общества.

Китайцы с древности соединяли духовные явления с социальными. Пространство и время у них образуют некий качественно неоднородный континуум, который организуется по подобию общества и внутренней организации человека [3].

Для понимания этого феномена можно обратиться к китайскому поэтическому творчеству, всегда занимавшему исключительное место в духовной жизни китайского этноса. В поэзии сосредоточивались и наука, и философия, и этика, и политика, и многое другое, она являлась фокусом китайского менталитета. Китайская поэзия, пожалуй, в наибольшей степени выражает национальные концепции мышления и

чувствования, которые формализуются в ряде устойчивых поэтических тем. Среди них центральное место занимают темы времени и пространства.

В Китае категория времени была неразрывно связана с циклическими представлениями. Китайцы, будучи земледельческим народом, воспринимали течение времени как чередование времен года в их бесконечном повторении. Китайская поэзия поэтому носит «сезонный» характер. В стихах на разные темы почти всегда есть природный фон определенного времени года.

Китайские поэты считают, что естественные изменения в течение четырех сезонов параллельны изменениям в жизни. В течение всего года чувствительные китайские поэты всегда ассоциируют сезонные изменения с переменами в жизни, а именно «весна, лето, осень, зима» с «рождением, ростом, упадком, смертью». Они различаются по циклу, но схожи по форме [8, р. 19].

Интересно, что большинство лирических стихов «осенние» или «весенние». Это связано с тем, что одной из базовых ценностей китайской цивилизации является упор на гармонию, а именно весной и осенью *Инь* и *Ян* находятся в относительном равновесии, в отличие от зимы и лета (доминирование *Инь* и *Ян*, соответственно).

Ян и *Инь* – два начала (положительное и отрицательное, свет и тьма, мужское и женское, сухое и влажное, жаркое и холодное, верх и низ, небеса и земля и т. п.), порождающие в своем взаимодействии-взаимодополнении весь феноменальный мир. *Инь* и *Ян* содержатся в разной пропорции во всех вещах, непрерывно взаимодействуя и порождая циклические изменения: смену тёплого и холодного сезонов, ночи и дня, солнца и луны и т. д. Соотношение этих сил подспудно присутствует в любом китайском стихотворении, причем вряд ли авторы сознательно включали эти символы в ткань произведения, чтобы придать ему философский характер [2, с. 18–19; 7, р. 847].

Человек погружен в бесконечный поток природных превращений и его земное и загробное существование – это часть вечного цикла рождений, роста, упадка, смертей и последующих возрождений в природе. Китайская поэзия наполнена глубоким чувством осознания времени и острым сожалением в связи с неотвратимостью его ухода. Существуют сотни стихов, в которых поэты сокрушаются по поводу скорого окончания весны, наступления зимы, они страшатся приближающейся старости. Увядание весенних цветов, опадание осенних листьев, тусклый свет последних лучей заходящего солнца – все это неизменно напоминает поэту «крылатую колесницу времени» и вы-

зывает предчувствие уходящей молодости, грядущей старости и смерти.

Зачем так скоро лепестки опали?
Хочу, чтобы помедлила весна.
Жаль радостей весенних и печалей,
Увы, я прожил молодость сполна!
Мне выпить надо, чтоб забылась скука,
Чтоб чувства выразить – стихи нужны.
Меня бы понял Тао Цянь, как друга,
Но в разные века мы рождены [4, с. 285].
(*Ду Фу, 712–770. Перевод А. Гитовича*)

Большинство китайских интеллектуалов не были уверены в существовании бессмертия. Те из них, кто был приверженцем даосизма с его культом бессмертных-*сяней*, скорее брали из него возвращения в обезличенный поток жизни, чем положение о возможности вечной жизни на небесах. Буддисты стремились к угасанию сознания в нирване, а конфуцианцы вообще не думали о том, что будет после смерти. Здесь следует отметить, что в сознании китайцев все эти религиозные системы мирно уживались, и в зависимости от жизненных и политических ситуаций на первый план выходила та или иная доктрина. Поэтому поэтам приходилось безропотно подчиняться судьбе всех простых смертных, сетуя, однако, на проходящее время. Причем проблема старости возникла задолго до достижения поэтом почтенного возраста.

Не светит месяц, нет огня здесь в ночь холодной пищи.
Ночь глубока – я все стою над темными цветами.
И вдруг, встречая новый день, я лет своих пугаюсь.
До сорока сегодня мне один лишь год остался [4, с. 314].
(*Бо Цзюй-и, 772–846. Перевод Л. Эйдлина*)

Это осознание краткости и конечности жизни придавало ей большую ценность, и «люди культуры» стремились успеть свершить все лучшее, пока она еще продолжалась. Этот подход отчасти объясняется сверхчувствительностью китайских интеллектуалов ко всем проявлениям природы.

Однако не все китайские поэты достигали такой степени самоотстраненности при созерцании природы. Большинство из них ощущали контраст между изменчивостью человеческой жизни и постоянством, извечным возрождением природы. Именно это чувство придает поэзии острую пронизательность и наделяет ее элегическим смыс-

ЛОМ.

Осенний ветер – тысячи деревьев сохнут,
Весенний дождь – и сотни трав растут.
Наверно, есть какой-то план небесный
В сезонной смене увяданья и расцвета.
И только камень на вершине горной,
Чьи месяцы и годы невозможно счесть,
Не знает ничего о четырех сезонов круге
И не меняет никогда природных свойств.
Старик всю жизнь прожил среди этих гор,
Он ноги еле тащит, но карабкается вверх,
Чтобы погладить камень и вздохнуть:
«Как стать мне столь же стойким, как и ты?» [11, с. 76].
(Лу Ю, 1125–1210. Перевод автора)

Китайская поэзия остро осознает историческое время. Чувства поэтов по отношению к истории сравнимы с отношением к собственной жизни. В своем творчестве они сопоставляют расцвет и падение правящих династий с постоянством природных явлений; они грустят, видя тщетность героических поступков и великих стремлений, они проливают слезы над жертвами давних сражений или над известными красавицами, которые умерли сотни, а то и тысячи лет назад. Очень часто встречается образы развалин дворцов, крепостей и т. п., которые подчеркивают тщету человеческих стремлений, славы, побед.

Древняя башня разрушается.
Осень наступила, тоскую о милом сердцу крае.
Глухой буддийский храм, тоскую о милом сердцу крае.
Вершины горные в облаках за глубокой рекой.
Вечернее солнце легло на древний вал,
Холодные звуки гонга заполняют пространство.
Грущу о делах Южной династии –
Река Чаньцзян – одна лишь до сих пор течет [1, с. 15–16].
(Мэн Хао-жань, 698–740. Перевод Г. Дагданова)

В восприятии пространства важным понятийным комплексом китайской цивилизации является пятичленная модель мира. Эта древняя пространственно-временная структура основывается на разделении земного мира на четыре части света и выделении пятого, срединного пространства (*чжун*). В этой схеме самым благоприятным, сакральным направлением является Юг – средоточие *Ян*, олицетворение огня, силы, лета, дня. В противоположность ему Север (как пол-

ная реализация *Инь*) был табуирован, ассоциировался со смертью, зимой, ночью, слабостью. Запад воплощал хаос, завершение, конец жизни, осень, вечер. Восток был более благоприятен и связывался с жизнью, весной, утром, началом. Во время всех официальных церемоний китайские императоры были обращены лицом на юг.

Погибельные Север и Запад (или северо-запад) чаще всего встречаются в поэмах, посвященных военным походам китайцев против «варваров»-кочевников, обитавших на соответствующих границах Поднебесной империи. Причем в этих стихотворениях обычно не рассказывается о военных действиях, а излагаются невероятные тяготы предприятия, которые постоянно нарастают по мере удаления от центра, от родных мест. Пространство за границами «средины» само по себе враждебно и губительно.

Мы на север шли по Тяньшаня-горы перевалам...
О, как страшно! Как грозно суровые высятся скалы
На Тяньшаня-горы перевалах.
О, как страшно! Как грозно суровые высятся скалы!
По обрывистым тропкам, да отвесным откосам
То и дело с повозок слетают колеса.

* * *

Средь теснин и ущелий редко встретишь кого из людей,
Только снежные хлопья несет неустанно метель.
Редко встретишь кого из людей,
Только снежные хлопья несет неустанно метель.
Мы не чаем дождаться окончанья пути,
Но чем дальше идем, тем труднее идти. [6, с. 413].
(Цао Цао, 155–220. Перевод М. Кравцовой)

Пятичленная пространственная модель мира лежит в основе культа «Пяти священных вершин», которые маркируют четыре части света и центр. Это реальные горы: Тайшань – на востоке, Хушань – на западе, Хэншань – на юге, Хэншань – на севере и Сушань – в центральной части Древнего Китая (названия южной и северной гор звучат одинаково, но пишутся разными иероглифами). Эти священные горы часто упоминаются вместе и по отдельности в стихах китайских поэтов.

Очень важное значение в китайской культуре и натурфилософии имеет концепция срединности. Серединное пространство, центр (*чжун*) является своего рода сакрально-политическим фокусом мирового пространства. Отсюда исходит самоназвание китайского госу-

дарства – *Чжун го* («Серединное государство»), противопоставлявшее себя «варварам четырех сторон света». Простейшей формой, выражающей пространственные представления, является китайский «магический квадрат» (*Ло шу*), сумма каждой из сторон и диагоналей равна 15 [9, p. 1252–1259].

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Число 5 является здесь центром-*чжун* и кратным для суммы всех направлений. Это символ баланса и стабильности, его можно встретить в самых важных концептах китайской культуры: 5 первоэлементов, создающих все сущее, 5 основных цветов в живописи, 5 типов отношений в семье и обществе, 5 основных вкусов в кулинарии, 5 легендарных первоимператоров Китая, 5 видов счастья и т. д. [Подр. см.: 5, с. 279–280].

Центр-*чжун* тоже не был для китайцев безоговорочно благоприятным пространством, он имел свою оппозицию «центр – даль», где серединой был родной дом. Каждый, кто хоть немного знаком с китайской поэзией, заметит обилие стихов, выражающих чувство тоски по родине. Поэты постоянно горюют о своем вынужденном отъезде из дома и выражают страстное желание вернуться. Для западного читателя это выглядит весьма сентиментально, но нужно помнить об огромности территории Китая, трудностях сообщения, глубоком контрасте между высококультурной жизнью в больших городах и суровыми условиями в отдаленных регионах. Необходимо иметь ввиду важность семьи в традиционном китайском обществе, что обуславливает глубокую привязанность человека к родному дому.

Откуда этой чудной флейты льются звуки,
Плывущие весенней ночью над Лояном?
Мотив услышав «Ивовых ветвей срывание»¹,
Всяк с грустью вспоминал родимый дом [10, с.16].
(*Ли Бо, 701–762. Перевод автора*)

Хотел домой вернуться – все напрасно.
Меня удерживают воды Чу и горы У.
Будь добр, брату передай бумагу эту,
Здесь каждый иероглиф – мои слезы [10, с. 49].
(*Бо Цзюй-и. Перевод автора*)

¹ Название популярной грустной мелодии на тему о разлуке.

Кроме того, китайцы, будучи сельским и сухопутным народом, не испытывали страсти к путешествиям. Не удивительно поэтому, что ностальгия стала традиционной темой в китайской поэзии. Причем поэты могли писать ностальгические стихи, находясь всего в сотне километров от дома в весьма комфортных условиях.

Поэты в Китае были мыслящим слоем общества или, точнее, мыслящий слой общества состоял из поэтов разной степени одаренности. Это было связано не только с тем, что стихосложение входило в государственный экзамен для занятия чиновничьей должности, но и с общим для китайских интеллектуалов поэтическим восприятием природы и человека как части природного бытия, имеющего пространственное и временное измерение.

Библиографический список

1. Дагданов Г.Б. Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя. Новосибирск: Наука, 1984.
2. Дашеева В.В., Хандархаева В.В. Философия учения 阴阳 инь-ян в китайской культурной традиции. Вестник Бурятского университета. Философия. 2022. Вып. 2.
3. Еремеев В.Е. Великий предел [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080107121124/http://science.rsuh.ru/eremeev/tri/symbol/204.htm> (дата обращения 12.10.2023).
4. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977.
5. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Восточная литература, 1993.
6. Кравцова М.Е. Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб: Петербургское востоковедение, 1994.
7. Ames R.T. "Yin and Yang" // Encyclopedia of Chinese Philosophy. A.S. Cua (Ed.). New York: Routledge, 2003.
8. Qiuping Wang. The Expressive Forms of Natural Imagery in Chinese Poetry // Advances in Literary Study, 2017. № 5.
9. Yoke Ho Peng. Magic Squares in China // Encyclopedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures. Springer, 2008.
10. 唐诗一百首 (Танская поэзия. Сто стихотворений). Beijing: People Press, 1994.
11. 唐宋诗一百五十首 (Поэзия династий Тан и Сун. Сто пятьдесят стихотворений). Beijing: People Press, 1995.

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАРАИМОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

CREATION OF BODIES OF CONFESSIOAL SELF- GOVERNMENT OF THE KARAITES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

А.С. Ткачев

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

A.S. Tkachev

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Аннотация. В статье рассмотрена история создания «Крымского и Одесского караимского общества Таврического губернатора» – учреждения, выполнявшего функции центра конфессионального самоуправления караимов Российской империи в XIX – начале XX в. Впоследствии оно получило название «Таврического и Одесского караимского духовного правления». ТОКДП было учреждено в марте 1837 г. в Евпатории, и подчинялось Департаменту духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД, контролировалась таврическим губернатором. Проанализированы пункты «Положения» о духовном правлении караимов, которое в общих чертах повторяло устройство Таврического магометанского духовного правления, организованного ранее, но с конфессиональными отличиями.

Abstract. The article examines the history of the creation of a body that served as the center of confessional self-government of the Karaites of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, namely, the “Crimean and Odessa Karaite Society of the Taurida Governor”. Subsequently, it received the name “Taurida and Odessa Karaite spiritual government”. TOKSG was established in March 1837 in Eupatoria as a body of confessional self-government of the Karaites of the Russian Empire, subordinate to the Department of Spiritual Affairs of Foreign Denominations (DSAFD) of the Ministry of Internal Affairs. The points of the “Regulations” on the spiritual government of the Karaites analyzed, which in general terms repeated the structure of the Taurida Mohammedan spiritual government, organized earlier, but with confessional differences.

Ключевые слова: Крым, караимы, законы, органы конфессионального самоуправления, этноконфессиональная политика

Key words: Crimea, Karaites, laws, confessional self-government bodies, ethno-confessional politics

Одним из старожильческих народов, проживающих сегодня на территории Крымского полуострова, являются крымские караимы. Предметом научной дискуссии продолжают оставаться такие вопро-

сы, как: происхождение караимов, их появление в Крыму, история взаимодействия караимских светских лидеров и религиозных авторитетов с верховной властью и государственными структурами Российской империи, а также история контактов с мусульманской и еврейской рабанитской общинами.

Одним из актуальных вопросов изучения прошлого караимов является история создания и деятельности учреждений караимского конфессионального самоуправления. Непосредственный интерес представляют этапы их формирования, легитимации и профильной работы. Это особенно актуально в контексте развития поликонфессиональной ситуации как на территории Таврической губернии, так и в западных губерниях Российской империи. Поэтому необходимо на основе ранее опубликованных и ранее не вводившихся в научный оборот архивных документов осуществить анализ российской законодательной базы, проследить за изменениями в юридическом статусе караимского населения.

После 1783 г. активная интеграция караимов в российское образовательное и культурное пространство обозначила необходимость создания учреждений их конфессионального самоуправления. Со вхождением в состав Российской империи ряда территорий, присоединенных после разделов Речи Посполитой, часть караимского населения, ранее проживавшего на литовских и польских землях, в 1793–1795 г. стала российскими подданными. Вскоре деятельность по созданию учреждений конфессионального самоуправления была инициирована и литовскими караимами. Таким образом, и в Таврической области (а затем – и в Таврической губернии), а также в Северо-Западном крае России «христианская государственность» и «караимское население» входили в непосредственное взаимодействие, осуществляли разносторонние контакты, укрепляя российское присутствие в регионах. Одновременно с организацией духовного правления караимы активно упрочивали свои позиции в сфере гражданского права.

Первые шаги по организации органов конфессионального самоуправления крымские караимы предприняли после существенных успехов в законодательной сфере, укрепляя свое положение, когда российское правительство приняло ряд законов и постановлений, подтвердившими юридический статус караимского населения империи. Так, в частности, с опубликованием закона 1 июля 1794 г., в соответствии с которым евреи-рабаниты должны были платить двойной промысловый налог, караимы (после их обращения к правителю Но-

вороссии и Бессарабии графу П.А. Зубову и визита в Санкт-Петербург делегации от крымской караимской общины с ходатайством об освобождении от уплаты указанного налога), в 1795 г. императрицей Екатериной II были освобождены от уплаты этого налога [6, с. 77–78; 8, с. 109–110].

Далее последовал ряд правительственных законов и распоряжений, которыми подтверждались и другие права караимов. Среди них следует упомянуть освобождение караимов от несения воинской повинности, датированное 27 ноября 1827 г. (императорским указом 26 августа 1827 г. устанавливались нормы военного призыва для евреев), а также подтверждение прав на жительство в Севастополе и Николаеве (20 ноября 1829 г., в соответствии с указом «О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывание в Севастополе и Николаеве», евреям-рабанитам там жить запретили). 13 апреля 1835 г. было опубликовано «Положение о евреях», по которому объявлялось, что караимы, «сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями». Караимов стали называть «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а затем это обозначение сократилось до лаконичного «караимы». Таким образом, караимы все более дистанцировались от евреев-рабанитов в российском правовом поле [6, с. 81].

Все это время продолжалась работа по подготовке проекта открытия органов караимского конфессионального самоуправления. Анализируя сохранившиеся документы, можно утверждать, что представители караимского истеблишмента за основу своих притязаний взяли разработанный ранее проект открытия подобного учреждения для крымских мусульман. 23 декабря 1831 г. был опубликован указ об учреждении «Таврического Магометанского Духовного Правления», которым закреплялось «Положение о ТМДП», а также объявлялся его штат. 29 ноября 1832 г. в ходе заседания Таврического губернского правления решение об официальном открытии мусульманского духовного правления было утверждено [7, с. 109–114].

Подготовкой документации о создании аналогичного ТМДП учреждения занимался евпаторийский караимский купец 1-й гильдии Симха бен Шеломо Бабович, который фактически являлся светским главой крымских караимских общин. Сегодня в фонде 241 Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора» (2053 ед. хр., 1837–1920 гг.) хранятся черновики проекта,

копии записок, отношений и ходатайств, направленных С. Бабовичем представителям высших эшелонов власти. На страницах этих документов обсуждались вопросы, связанные с возможностью предоставления караимам таких же прав, которые были даны крымским мусульманам в отношении их конфессиональной самоорганизации. Из содержания указанных материалов следует, что российские власти благосклонно отнеслись к идее создания учреждения, которое бы занималось управлением духовными делами караимов [1, л. 1–24].

Наконец, 3 марта 1837 г. указ № 9991 с «Положением об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин, был подписан императором Николаем I. В преамбуле текста закона говорилось, что «живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [2, с. 132]. Признав такую просьбу уважительной, правительство утвердило в Государственном Совете поданный ранее С. Бабовичем проект устройства духовного правления караимов. Вновь открытое учреждение получило официальное наименование «Крымского и Одесского караимского общества Таврического губернатора».

Что касается содержательной стороны данного документа, то он был разделен на три части, в каждой из которых было от полутора до трех десятков пунктов. Так, в первой части «Положения», озаглавленной «Состав и порядок определения», утверждался состав караимского духовенства и порядок определения лиц, к нему принадлежавших. Первым пунктом оглашался состав Таврического караимского духовенства, куда входили: гахам (глава правления и религиозный авторитет караимов), газзаны (караимские священнослужители, совершающие богослужение в кенасе – должность газзана соответствовала должности раввина синагоги у евреев-рабанитов) и шамашы (лица, ответственные за административную и хозяйственную деятельность; должность также была выборной). Местом жительства гахама определялась Евпатория – как город, в котором в первой половине XIX в. существовала наиболее многочисленная караимская община.

Далее в документе подробно рассматривался порядок избрания главы духовного правления, газзанов и шамашей, а также оговаривался порядок лишения указанных лиц этого звания. «Избрание Гахама совершается в Евпатории, всеми обитающими в Таврической губернии и в Одессе караимскими обществами, из которых каждое отпра-

ляет на сей конец от себя поверенного в Евпатории» [2, с. 132].

Собрание делегатов от общин по выборам гахама считалось правомочным, если в нем участвовало не менее половины уполномоченных представителей общин (от каждой общины – по одному делегату). Таврический губернатор представлял министру внутренних дел сведения о двух кандидатах, набравших наибольшее число голосов, а министр в свою очередь утверждал в должности караимского гахама одного из кандидатов, направляя свое заключение в Правительствующий Сенат.

Второй частью «Положения» закреплялись права и обязанности гахама и духовных лиц. «Гахам, газзаны и шамашы, при вступлении в должность, приводятся к присяге по предписанной форме, в уездных судах, в присутствии уездного стряпчего». Караимы, занимавшие духовные должности, освобождались, на время пребывания в должностях, от уплаты податей и повинностей, и могли пользоваться как личными, так и относящимися к собственности, правами свободного состояния. Параграф 18 «Положения» гласил, что караимское духовенство «в делах, относящихся к обязанностям их звания, подлежит суду своего начальства» [2, с. 133]. Таким образом подтверждалось право караимского духовенства на сугубо конфессиональное рассмотрение их деяний. Однако во всех иных случаях (а именно, в отношении гражданского и уголовного законодательства) гахам, газзаны и шамашы подлежали суду по общим законам, наравне с лицами, принадлежавшими к сословиям городских или сельских обывателей. Если же в гражданском или уголовном суде рассматривалось дело караимского гахама, то судебное решение могло получить надлежащее исполнение только после утверждения приговора Правительствующим сенатом [2, с. 133].

Гахам, в соответствии с пунктами «Положения», должен был наблюдать за деятельностью таврического караимского духовенства, за состоянием караимских молитвенных домов (кенас), заботиться об их состоянии и финансовом обеспечении, о сохранении надлежащего порядка при отправлении богослужебных обрядов, об учреждении училищ (мидрашей) при кенасах, «наблюдая притом как за ученьем, так и за нравственностью учителей и учеников» [2, с. 133].

«Положением» определялись обязанности газзанов и шамашей, причем полномочия старшего и младшего газзанов разграничивались: «Газзанам старшим предоставляется преимущественно: обрезание младенцев мужского пола, наречение имен, совершение и расторжение браков, а младшим: отправление молитв и исполнение духовных

треб для прихожан». Отдельно оговаривалось, что в случае отсутствия или болезни старшего газзана обряд обрезания и регистрация брака могли быть совершены его помощником или же младшим газзаном. Годовые отчеты о приходах, расходах и остатках денежных сумм, об имуществе кенас, равно как и заполненные метрические книги газзаны должны были присылать на рассмотрение гахаму [2, с. 133; 5, с. 513–573].

Наконец, в третьей части документа излагался непосредственно «Порядок у управления духовными делами Таврического Караимского общества». Гахам получал право координировать свои действия, совещаясь с газзанами Евпаторийской кенасы – для этого они каждую неделю, по определению гахама, должны были приходить к нему «для совета и рассуждения о делах». Совещание гахама с евпаторийскими газзанами получило определение «присутствия, называемого Таврическим Караимским Духовным Правлением». Присутствие имело свою печать, с изображением герба Таврической губернии, и было снабжено надписью: «Печать Таврического Караимского Духовного Правления» [2, с. 134].

Текущие дела в Таврическом караимском духовном правлении рассматривались по предложению и определению гахама, и он же итогам слушаний выносил свой вердикт, который должен был приводиться в исполнение газзанами. Далее уточнялось, что если бы по какому-либо делу газзаны нашли то или иное заключение гахама противоречащим общим государственным узаконениям или же предписаниям высшего начальства, то они были обязаны, не более чем в трехдневный срок, предоставить сведения об этом таврическому гражданскому губернатору. Жалобы на решения гахама в делах, подлежащих его юрисдикции, принимались и рассматривались местным губернским начальством [2, с. 134]. Подчинялось караимское духовное правление непосредственно Департаменту духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД и контролировалось таврическим губернатором.

Весной 1839 г. в Евпатории состоялись первые выборы на должность Таврического и Одесского караимского гахама. 4 апреля 1839 г. в этой должности указом № 19266 был утвержден Симха бен Шеломо Бабович [3, с. 348–349]. Вскоре большинство постов газзанов в кенасах были заняты духовными лицами, определенными по общественным приговорам караимских общин того или иного прихода. А 8 апреля 1863 г. был издан закон, по которому «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются

всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» [4, с. 303]. Законом за караимами закреплялись все права, предоставленные им ранее. Они официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т. п.

Менее через месяц, 2 мая 1863 г., вышло постановление об учреждении «Трокского караимского духовного правления» (ТрКДП) в г. Троки. Оно находилось в непосредственном подчинении у ТОКДП и занималось вопросами организации религиозной жизни караимов западных губерний России [8, с. 182–191].

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е. И. В. канцелярии, 1838. Т.12, Отд.1. 822 с.
3. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е. И. В. канцелярии, 1840. Т. 14, Отд. 1. 1185 с.
4. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. Т. 38, Отд. 1. 940 с.
5. Прохоров Д.А., Белый О.Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2008. Вып. 14. С. 513–573.
6. Прохоров Д.А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. Симферополь, 2015. № 1. С. 76–88.
7. Прохоров Д.А. Формирование органов конфессионального самоуправления мусульман и караимов Таврической губернии в первой половине XIX в.: общее и отличия // История российской государственности. Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. Москва, 19 декабря 2020 г. М., 2021. С. 109–114.
8. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / Изд-е З.А. Фирковича. СПб.: паровая скоропечатания П.О. Яблонского, 1890. XXXVI, 223 с.

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ ПО МНЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

STEREOTYPICAL IMAGE OF RUSSIA AND RUSSIANS IN THE OPINION OF FOREIGN STUDENTS: RESULTS OF A QUALITATIVE RESEARCH

О.А. Хомченко

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия

O.A. Khomchenko

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования мнения иностранных студентов об образе России и русского. Приведены результаты опроса методом свободного описания, а именно методикой неоконченных предложений. По результатам исследования составлена полная характеристика России и русского по мнению иностранных студентов, в которую вошли наиболее часто встречаемые качества.

Abstract. The article presents the results of a study of the opinions of foreign students about the image of Russia and the Russian. The results of the survey using the free description method, namely the method of unfinished sentences, are presented. Based on the results of the study, a complete description of Russia and Russian in the opinion of foreign students was compiled, which included the most frequently encountered qualities.

Ключевые слова: иностранные студенты, образ, Россия, русские.

Key words: foreign students, image, Russia, Russians.

Образ страны обучения – это важная категория, которая лежит в основе формирования отношения иностранных студентов к стране, в которой они обучаются. Образ – это сложное явление, содержащее множество аспектов и сторон. Образ – это живое, наглядное представление о ком-либо, чем-либо; это копия, слепок, отпечаток в сознании явлений объективной действительности [1]. Ядром этнического образа являются этнические стереотипы. Этнические стереотипы – это форма проявления менталитета, национального характера, определяющая поведение человека в различных ситуациях и влияющая на его симпатии и антипатии в межкультурном взаимодействии. Этнические стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, а именно те из них, которые описывают членов этнических групп, приписываются им или ассоциируются с ними [2]. Этнические стереотипы представляют особый интерес в области изучения социологии.

В рамках исследования был проведен опрос с использованием методики свободного описания. Было опрошено 100 иностранных студентов из 18 стран.

Респондентам предлагалось описать характеристики России и русских. В результате анализа полученных данных в ходе исследования, мы получили следующую структуру образа России глазами иностранных студентов, которая включает в себя пять основных компонентов (рису. 1):

Компонент 1 – объединяет элементы, отражающие природно-климатические и географические особенности России (лес, природа, города, ресурсы, территория).

Компонент 2 – совокупность элементов, связанных с политико-правовыми аспектами российского государства (президент, демократия, уровень развития государства).

Компонент 3 – совокупность элементов, связанных с этнокультурными особенностями российского народа, качествами, чертами характера, присущими жителям России (этническая характеристика жителей России, черты характера, качества русских).

Компонент 4 – объединил элементы, характеризующие культуру и искусство России (музыкальная культура, спорт, архитектура, культурное наследие).

Компонент 5 – объединил личные оценки, отношения, интенции респондентов в отношении России (желание побывать, место, где был, симпатии, антипатии).

Основу образа составляют «климат и география» (31% всех элементарных обоснований) и «политико-правовые аспекты» (27% всех приписанных характеристик). Следовательно, Россия для иностранных студентов, в первую очередь, рассматривается с точки зрения природно-климатических и географических особенностей, а также политико-правовых характеристик.

Рассмотрим каждый компонент в отдельности.

В Компоненте «климат и география», который составил 32% от всех качеств, названных респондентами, большинство характеристик были положительными. Наиболее часто назывались качества, описывающие размер территории страны, а также ее природу: «большая» – 16% из 32%, «красивая» – 5,7%, «богатая» – 3,1%, «с красивой природой» – 2,7%, «огромная» – 1,8%.

Еще одним компонентом, который составил основу образа России, был компонент, включающий в себя политико-правовые особенности страны (26%). Можно отметить, что чаще всего назывались

следующие качества: «многонациональная» (7,1% из 26%), «с большими возможностями» (5,8%), «независимая» (3,5%).

Компонент «жители» составил 14% от всех характеристик, которые давали респонденты. Россия здесь представлена, как «сильная» (5,5%), «хорошая» (1,7%), «могучая» (1,7%), «добрая» – 1,3%, «душевная» – 0,8%. Эти качества во многом обусловлены историей нашей страны, а также стереотипным образом ее жителей.

В компоненте «культура и искусство» (12%) Россия ассоциируется у иностранных студентов с «русским языком» - 6%, «с интересной культурой» – 2,1%, «с богатой историей» - 1,7%. Это характеризует Россию как интересную страну с самобытной культурой и историей.

В Компоненте «личные оценки» (15%) были даны следующие ответы: «мне нравится Россия» – 4,%, «хочу жить в России» – 1,7%, «полюбил Россию» – 1,3%, «отличная/кайфовая» – 1,3%, «чистая» – 1,3%. Это свидетельствует о положительном отношении к России.

Следует отдельно отметить некоторые интересные высказывания иностранных студентов о России. Например, один из респондентов отметил, что «русский язык относится к наиболее богатым языкам мира, язык мирового значения».

Также Россию связывают с известными личностями. Например, «...Россия – это Иван Грозный, Петр первый, А.С. Пушкин, Ломоносов, Менделеев, Екатерина II, Николай II, Распутин, товарищ Ленин, Сталин. Горбачев, Ельцин, Путин, Лавров, Кадыров, Захарова».

Были респонденты, которым нравится Россия и которые хотят жить в России: «... страна, в которой я хочу жить и создать семью»; «... я хочу жить здесь вечно...»; «...страна, где сбываются мечты»; «... есть прекрасные места, где вы можете провести свой отпуск».

И также следует отметить высказывания, показывающие Россию как великую страну, занимающую значимое место в мире: «Страна, которой нужно гордиться»; «...написано огромное множество стихов, сказано столько добрых слов и теплых слов»; «Опираясь на мир, она заслуживает уважения и она заслуживает того, чтобы стать великой страной в мире»; «... это мать, кормящая огромное количество многонационального населения»; «... объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках. Это свободная соборность, единство в разности. Россия грандиозна...».

Таким образом, Россия в восприятии иностранных студентов – это большая, красивая, богатая, независимая, сильная, могучая, многонациональная страна с красивой природой, интересной культурой и

богатой историей. А также это страна больших возможностей.

При изучении качеств русского также была использована методика свободного описания. Респондентам предлагалось закончить предложение: «*Русский – это...*». В результате обработки данных было выделено семь компонентов образа (рис. 2): компонент 1 – элементы, отражающие связь с Россией и другими культурами; компонент 2 – отношение к труду, деловые качества; компонент 3 – коммуникативные характеристики; компонент 4 – отношение к людям; компонент 5 – общая направленность личности; компонент 6 – жизненный опыт, образ жизни, привычки; компонент 7 – внешний вид.

Таким образом, на первое место в основе образа русского человека иностранные студенты поставили качества, отражающие отношение к людям (32%). На втором месте – качества, определяющие общую направленность личности (22%). На третьем – элементы, показывающие связь с Россией (19%). И на четвертом месте – качества, отражающие отношение к труду, деловые качества (16%). Таким образом, получается многогранный образ русского человека.

Разберем компоненты образа русского человека подробнее.

В компоненте «связь с Россией» (19%) в основном назывались качества, носящие нейтральную направленность: «человек» – 2,2% из 19%, «гражданин РФ» – 2,2%, «говорит на русском языке» – 1,8%, «национальность» – 1,3%. Но 7,5% иностранных студентов отметили, что русский человек – «патриот», а 3,1% сказали, что у него есть «национальная идентичность и индивидуальность». Эти два качества говорят о том, что у русского человека есть особенности, отличающие его от представителя другой национальности, а также определяющие его принадлежность к России.

Что касается компонента «деловые качества», который составил 16% всех высказываний респондентов, то здесь можно отметить следующие качества: «сильный/волевой» – 3,9%, «ответственный» – 2,6%, «образованный» – 2,2%, «умный» – 1,7%, «трудолюбивый» – 1,7%.

Компонент «коммуникативные характеристики» занимает всего 5% в образе русского человека, но все же стоит отметить в нем такое качество, как «общительный». Так считают 3,8% респондентов.

Компонент «отношение к людям» является самым значимым в образе русского человека. Он составил 32%. Среди качеств русского, отражающих отношение к людям, указывались «добрый» – 10,1%, «гостеприимный» – 4,8%, «отзывчивый/готовый помочь» – 3,5%, «открытый» – 2,6%, «вежливый» – 2,6%, «дружелюбный» – 2,2%.

Компонент «общая направленность личности» является вторым по значимости в образе русского (22%). Здесь самыми популярными ответами были: *«искренний/честный»* – 5,4%, *«хороший»* – 4%, *«смелый/бесстрашный»* – 4%, *«щедрый»* – 3,6%.

В компоненте «образ жизни» были выбраны как положительные, так и отрицательные, причем ответы распределились практически поровну. *«Активный»* – 0,9%, *«пьет алкоголь»* – 0,9%, *«любопытный»* – 0,9%, *«семьянин»* – 0,9%, *«курит»* – 0,4%.

Следует также отметить компонент «внешний вид». В него вошло только одно качество, описывающее внешний вид русского человека – *«красивый»*. Этот компонент самый незначительный, он составляет всего 2%.

Многие респонденты высказывались о том, что нельзя говорить о национальности, каждый человек индивидуален по своему характеру. Например, такие высказывания, как: *«В российском обществе нет единого мнения насчет того, кто такие русские»*; *«...национальная принадлежность никак не влияет на человеческие, умственные или физические качества человека»*; *«...понятие «русский» не имеет территориальных и национальных границ»*.

Были также высказывания, говорящие о гордости и патриотизме русского человека: *«...волевые люди, которые, не смотря на трудности, все равно процветают, русские очень сплоченные»*; *«...Русский – не тот, все предки которого славяне. Русский – это тот, кто считает себя русским»*; *«Самый многочисленный народ в России. Русский человек гордится, что он русский и не станет выдавать себя за человека другой национальности»*; *«...умеющий искренне любить и ненавидеть»*.

Интересно определяет русских один из респондентов: *«Это социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность индустриальной эпохи»*.

Таким образом, русский человек в восприятии иностранных студентов – это сильный, ответственный, образованный, общительный, добрый, гостеприимный, отзывчивый, открытый, вежливый, искренний, смелый и щедрый человек. А также русский человек обладает национальной идентичностью и является патриотом своей Родины.

Россия в восприятии иностранных студентов – это большая, сильная, свободная, богатая, могучая, многонациональная, независимая страна с красивой природой, интересной историей и красивой архитектурой. Но для иностранного студента – сложная и необычная.

Русский человек в восприятии иностранных студентов – это, с

одной стороны, сильный, образованный, добрый, отзывчивый, открытый, вежливый, щедрый, гостеприимный, общительный, смелый, ответственный, искренний, честный, воспитанный, трудолюбивый, целеустремленный человек с чувством юмора, а с другой – хитрый и закрытый человек, злоупотребляющий алкоголем. А также русский человек обладает национальной идентичностью и является патриотом своей Родины.

Библиографический список

- 1 Гончарова Н.Ю. Общетеоретические Основы изучения понятия «Образ» // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 6. С. 33–36
- 2 Таганова Т.А. Этностереотип: лингвистический и лексикографический аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (14). С. 72–77.
- 3 Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 117–121.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ В ТУРИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛАРУСИ

ETHNOCULTURAL POTENTIAL OF REGIONS IN THE TOURIST POLICY OF BELARUS

Н.М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

N.M. Yakush

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье анализируется программная стратегия национальной туристской политики современной Беларуси. Акцентировано внимание на познавательной и коммуникативной функциях туризма, способствующих личностному развитию и включающих человека в пространство культурного диалога. Рассмотрены направления деятельности и мероприятия по охране, развитию и репрезентации историко-культурного наследия в стране. Изучены локальные историко-культурные комплексы и фольклорно-этнографический потенциал в разрезе отдельных территорий, определены перспективы дальнейшего развития тематических маршрутов внутреннего культурно-познавательного туризма. Выявлены изменения в пространственной организации познавательного туризма, новые формы туристского обслуживания и локальные инициативы как составляющие регионального туристского продукта. Анализ этнокультурной составляющей современного туризма в Беларуси проведен в соотнесенности с необходимостью сохранения и упрочения культурной идентификации социума, усиления общегражданской национальной идентификации в суверенном государстве.

Abstract. The article analyzes the program strategy of the national tourism policy of modern Belarus. Attention is focused on the cognitive and communicative functions of tourism, promoting personal development and including a person in the space of cultural dialogue. The areas of activity and measures for the protection, development and representation of historical and cultural heritage in the country are considered. Local historical and cultural complexes and folklore and ethnographic potential in the context of individual territories have been studied, and prospects for the further development of thematic routes of internal cultural and educational tourism have been determined. Changes in the spatial organization of educational tourism, new forms of tourist services and local initiatives as components of the regional tourism product have been identified. An analysis of the ethnocultural component of modern tourism in Belarus was carried out in relation to the need to preserve and strengthen the cultural identification of society, strengthening civil national identification in a sovereign state.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, самосознание, локально-культурный комплекс, идентификация, культурно-познавательный туризм, этнокультурный потенциал, туристские ресурсы, рекреация, региональный туризм, полиэтническая общность

Key words: historical and cultural heritage, identity, local cultural complex, identification, cultural and educational tourism, ethnocultural potential, tourist resources, recreation, regional tourism, multi-ethnic community

Путешествие как вид человеческой деятельности выступило неотъемлемым компонентом социальной истории всего человечества. Постигание древними людьми в процессе их постоянного перемещения феноменов пространства и времени непосредственно связано с формированием в человеке человеческого – духовности, эмоционального восприятия мира, коммуникативности. Поэтому туризм как частный вид путешествия и особая форма его организации является феноменом культуры, имеющим особое гуманитарное измерение. Классическая теория туризма сформулировала шесть общих целей, которые отличаются сугубо гуманистическим содержанием и направленностью и по которым туристское путешествие ограничивается от путешествий вообще. Эти цели определяют миротворческое и созидательное начала туризма как культурного явления.

Современный туризм оказывает существенное влияние на политическую, экономическую, экологическую, социально-культурную ситуацию многих стран и народов и межгосударственные отношения. Одновременно он постоянно расширяет сферу биологического, интеллектуально-гуманитарного, психологического приложения и непосредственно связан с модернизационными процессами, динамикой культуры, развитием социума.

В условиях сегодняшнего экологического, демографического, духовного кризиса на передний план научного дискурса выходит тема

национальной безопасности в политической, военной, информационной, демографической и культурной сферах. В фокусе дискуссий пространство национально-культурного типа, которое призвано формировать новые универсальные системы ценностей, задавать программы человеческой деятельности и направления инновационного развития при сохранении единства национальной общности и ее культурной самобытности. Проблема состоит в том, что, с одной стороны, решение этих задач предполагает закрепление в структуре сознания общечеловеческих ценностей и идей гражданского общества, с другой – осознание личностью своей этнокультурной идентичности. Она по-разному артикулируется в разных политических системах и типах цивилизаций. Реально и стабильно нация может консолидироваться только на основе общечеловеческих гуманистических ценностей, благополучия всех её социальных, этнических, конфессиональных групп, строгого соблюдения законности, гражданских прав и свобод.

В Беларуси этничность как традиционного, так и модернизированного типа на групповом и индивидуальном уровнях существует и проявляется давно, а этнокультурная самоидентификация сопряжена с национальным самосознанием и государственным, и этнического характера. С начала 1990-х гг. развернулись процессы государственного строительства суверенной Республики Беларусь, актуализировавшие вопросы национально-культурной идентичности народа. Значимые артефакты историко-культурного наследия стали фактором укрепления основ государственности. На законодательном уровне в научный и практический оборот были введены понятия «культурного наследия», «культурных ценностей» и «историко-культурных ценностей», выявлены и поставлены на учет соответствующие объекты. В качестве приоритетов культурной политики были выделены сохранение, восстановление и охрана значимых и уникальных исторических памятников, формирование на их основе зримых образов прошлого, включение достижений белорусской культуры в международное культурное пространство. Значительная роль в решении таких задач была отведена туристской рекреации.

Силы академической и вузовской науки страны включились в аналитико-систематизационную разработку потенциала ресурсной базы культурно-познавательного туризма в разрезе административно-территориального деления Республики Беларусь. Итогом научных усилий стало появление изданий “Туристские регионы Беларуси”(под общ. ред. И. И.), “Туристическая мозаика Беларуси” (под науч. ред

А.И. Локотко), “Туристская энциклопедия Беларуси” (под общ. ред. И.И. Пирожника). В целом они представили характеристику туристских регионов, зон и районов республики с учетом локализации историко-культурного наследия, выявления тематического содержания экскурсионного показа памятников культуры и природы, а также перспективных для развития познавательного туризма маршрутов.

Всего на территории Беларуси учтено свыше 17,5 тыс. памятников истории и культуры. Из их числа 5355 объектов включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, в том числе 2266 памятников археологии, 1797 – архитектуры, 1211 – истории, 66 – искусства [1, с. 62]. В целом наибольшее количество памятников истории и культуры сосредоточено в Минске, а в Гродненской и Брестской областях находится большинство историко-культурных объектов, представляющих и выявляющих отличительные черты культурного наследия всей республики [2, с. 52].

Расширению сферы их туристского использования способствовали следующие направления туристской политики: 1) развитие всестороннего международного культурного сотрудничества Республики Беларусь; 2) скоординированная политика государственных и коммерческих структур по рекламно-информационному продвижению национального продукта культурного туризма; 3) работа по возрождению малых исторических городов Беларуси; 4) реализация «Государственной программы развития и возрождения села»; 5) деятельность по предоставлению объектов в Список Всемирного культурного и природного наследия Юнеско; 6) участие в реализации проекта Юнеско «Развитие культурного туризма и его влияние на экономическое и социальное развитие региона»; 7) изменение форм музейной коммуникации; 8) усилия, направленные на реституцию культурных национальных ценностей.

Результатом предпринимаемых мер стало общее повышение attractiveness культурно-туристских ресурсов и улучшение состояния историко-культурного наследия по регионам страны. Произошла реставрация ценной в художественно-эстетическом плане застройки и памятников в малых городах, появились музейно-усадебные и музейно-этнографические комплексы в сельской местности, начался рост и развитие музеев-территорий, связанных с процессами музеефикации культурных ландшафтов. Одновременно стал меняться профиль и статус областных и районных комплексных краеведческих музеев, которые превращаются в центры популяризации истории и

культуры своего края. Музеи исторического профиля включились в решение вопросов культурной идентификации белорусов и выступают сегодня элементом имиджевой политики регионов.

Рассмотренные изменения существенно отразились на внутривидовой структуре культурного туризма, его формах, пространственной организации, масштабности исторического и художественного показа, локализации и направленности туристских потоков. Прочно утвердились такие разновидности культурной туристской рекреации, как туризм фольклорно-этнографический, событийный, религиозно-культурный, заметно увеличились представительность и наглядность информационно-иллюстративных характеристик памятников изобразительного искусства и архитектуры, в зону активного туризма вовлечены новые территории и пласты истории.

По мере происходящих изменений актуальным направлением туристской политики Республики Беларусь выступает региональный туризм, позволяющий раскрыть богатство и разнообразие культурной среды в ее провинциальных особенностях, включая в познавательный процесс контакт с носителями культурных традиций. Туризм в регионах не только способствует инфраструктурному обустройству отдельных местностей и выступает драйвером их социально-экономического развития, но и решает задачу сохранения критериев национальной идентичности, являясь эффективным средством распространения национальной этнокультурной информации.

Белорусское общество формировалось как полиэтническая общность, структура которой сложилась ещё в эпоху Великого княжества Литовского. В этот период основную часть населения составляли православные русины, прямыми потомками которых являются современные белорусы. Одновременно выделялись зоны компактного проживания восточных литовцев, польского, латышей, великороссов, татар, евреев, цыган. Вся дальнейшая история социально-экономического, политического, культурного развития белорусских земель опосредована контактами, взаимосвязями, процессами интеграции и ассимиляции этих этносоциальных языковых групп.

В основном современный национальный состав населения Республики Беларусь отражает традиционную этническую структуру. Согласно переписи 2019 г. на территории Беларуси проживают более 130 этносов. Преимущественное большинство – 7 990 719 или 84,9% – белорусы. Наиболее многочисленными этническими меньшинствами являются представители титульных наций соседних с Беларусью государств (русские – 7,5% населения, поляки – 3,1%, украинцы – 1,7%).

В меньшем количестве на территории Беларуси проживают евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы, туркмены, молдаване, грузины, китайцы, узбеки, арабы, таджики, болгары, греки, мордва и другие этносы составляющие 2,8% от общей численности населения [3, с. 51–52].

Укрепление общегражданского самосознания в полиэтническом обществе возможно лишь при грамотном учете соотношения уровней общегосударственной национальной унификации и групповой этнокультурной самоидентификации и солидарности, которые сложились исторически. Во второй половине XIX – нач. XX в. начался процесс консолидации белорусского этноса в общегражданскую нацию. Стремясь максимально приспособить систему новой коммуникации к потребностям масс, интеллигенция пыталась переработать сложившиеся локальные этнические, этнографические традиции языка и культуры населения и создать наиболее общие, универсальные их формы. Характерно, что в активную деятельность по формированию национального самосознания белорусов были включены представители почти всех конфессий, представленных на Беларуси в XIX веке. Поэтому языковая и конфессиональная форма сознания этнических групп населения частично нашла отражение в общекультурном пространстве белорусской нации как социальной общности государственно-политического типа.

Этнографическая Беларусь интересна и разнообразна, что способствует расширению в локальном и региональном туризме его фольклорной составляющей. В соответствии с историческими, этнокультурными и лингвистическими критериями на территории Беларуси выделяют шесть историко-этнографических ареалов: Северный (Поозерье), Восточный (Поднепровье), Центральный, Северо-Западный (Понеманье), Восточное Полесье и Западное Полесье. Каждый из регионов имеет свою местную этнокультурную и социальную историю. Границы этнографических ареалов близко соотносятся с границами основных диалектов белорусского языка. На основе культурно-бытовых различий легко конструируются этнографические комплексные объекты туристского показа [4, с.26, 85, 145]. О перспективности этнографического туризма в Беларуси свидетельствует популярность туристско-экскурсионных маршрутов, связанных с музеями Белорусского Полесья (г. Пинск), Мотольского музея народного творчества (Ивановский район), Белорусского государственного, музея старинных народных ремесел музея народной архитектуры и быта (Минский район), Ветковского музея народного творчества и

технологий «Дудutki» (Пуховичский район).

Сохранение в белорусской культуре этнокультурного колорита сельских поселений и аутентичного народного творчества, а также самобытных культурных укладов этнотерриториальных сообществ, стимулирует развитие новых, набирающих популярность видов туризма: сельского, эколого-этнографического, событийного, ностальгического, гастрономического, этнического, элементы которых дополняют традиционную структуру туристического продукта.

Туристская практика уже накопила определенный опыт в разработке и реализации интересных программ, связанных с возрождением аутентичной культуры. В этой связи особенно показательны: во-1-х, реализация проекта ПРООН по созданию зеленых маршрутов с сопутствующей инфраструктурой в административных районах страны; во-2-х, развитие событийного туризма, связанного с этнографическим наследием. Самые известные из зеленых маршрутов: «Неманский шлях», «Голубое ожерелье Россон», «Край желтых кувшинок и седых валунов», «Воложинские гостинцы», а из событийного туризма - уже традиционные фестивали «Анненскі кірмаш», «Мотальскія прысмакі», бренд «Зюзя Паазерскі», «Заборскі фэст», массовые фестивали и праздники в Логойском, «Зимние забавы» в Шкловском районе и др [5, с.124-125].

Важную роль в сохранении культурного наследия и его включении в туристскую рекреацию играет деятельность национально-культурных объединений. В Беларуси при учреждении культуры «Республиканский центр национальных культур» действует 21 национально-культурное общественное объединение. Они проводят самые разнообразные мероприятия, главным из которых является Республиканский фестиваль национальных культур, объединяющий все национальные меньшинства, проживающие на территории страны. Ежегодно творческими коллективами и исполнителями национально-культурных объединений проводится более 50 мероприятий. Наиболее презентативными стали разнообразные по жанру фестивали народного творчества: Международный праздник традиционной культуры «Браслаўскія зарніцы», Международный фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся», Международный фестиваль народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік», Международный фестиваль народного творчества «Венок дружбы», Республиканский фестиваль фольклорного искусства «Берагіня» и другие. Эти формы туристского обслуживания ориентированы на непосредственное вовлечение туристов в творческий процесс и локальные инициативы

(мастер-классы народных ремесел, дегустация блюд народной кухни, экскурсии, историческая анимация, самодеятельное искусство).

За последние десятилетия сложились многие составляющие регионального туристского продукта Республики Беларусь. Рекреационно-туристское освоение современной Беларуси в рамках культурно-познавательного туризма сопровождалось созданием туристического золотого кольца “Беларусь” на основе исторических городов и поселений республики, привело к образованию групп туристско-экскурсионных центров международного (11), национального (15), регионального (43) значения, около 60 экскурсионных пунктов, выделению локальных туристско-рекреационных и комплексных историко-культурных районов [6, с.29]. Фактически регионы сформировали новый сегмент экскурсионного продукта. К числу положительных достигнутых результатов можно отнести заметное обновление туристской инфраструктуры, что существенно отразилось на маршрутной географии и содержательной наполненности регионального туризма. При этом значительную роль сыграла реализация следующих проектов: Государственная программа социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 гг.; Государственная программа развития курортной зоны Нарочанского региона на 2011–2015 гг.; Государственная программа развития белорусской части Августовского канала на 2009–2011 гг.

Показательно, что развитие сельского и агроэкотуризма как стратегического направления национальной туристской политики, строительство агроусадеб также стимулируют интерес к местному фольклору, легендам, мифологии, порождают потребность в создании инновационного турпродукта на основе нематериального духовного наследия белорусского народа. С учетом мотивации туров «щадящего» воздействия на среду и влияния на местное сообщество для организации полноценного активного отдыха в сельской местности необходимо создание инфраструктуры, построенной на сотрудничестве агроусадеб с владельцами транспортных средств, центрами народных промыслов и ремесленного производства, художественными и фольклорными коллективами, музеями, администрацией заповедников и др.

Культурный туризм Беларуси, начиная с 1930-х гг. и по настоящее время выявлял различные измерения исторического наследия. В советский период своего развития он представлял часть общественно-политического движения, был тесно связан с идеями социалистического строительства и патриотического воспитания молодежи, ориен-

тировался на организованное школьно-молодежное движение и самостоятельные краеведческие формы. В истории современной Беларуси культурный туризм стал частью государственного строительства, выступает в качестве организационной и символической формы репрезентации всего исторического наследия, решает задачу укрепления национального самосознания. Анализ сети экскурсионных маршрутов, информационной насыщенности туристского показа объектов историко-культурного наследия показывает рост объемов представленности фольклорно-этнографического наследия во внутреннем познавательном туризме и его использования в полифункциональных центрах международного туризма. В рамках нашего исследования выявлена тенденция влияния упрочения культурной и общенациональной идентификации от уровня развития этнографического, культурно-познавательного туристского освоения регионов Беларуси.

Библиографический список

1. Туризм и туристские ресурсы в Республике Беларусь: стат. сборник. Минск: Нац. стат. комитет, 2019. 76 с.
2. Туристские регионы Беларуси / редкол.: Г.П. Пашкевич [и др.]; под общ. ред. И.И. Пирожника. Минск: БелЭн, 2008. 608 с.
3. Беларусь. Статистический ежегодник 2022: стат. сборник. Минск: Нац. стат. комитет, 2022. 374 с.
4. Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына: Беларусь: Краіна і людзі / В.С. Цітоў. Мінск: Беларусь, 2001. 208 с.
5. Решетников, Д. Г. География туризма Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие. Минск: Издательство «Четыре четверти», 2011. 320 с.
6. Туристическая мозаика Беларуси / редкол.: А.И. Локотко [и др.]; науч. ред. А.И. Локотко. Минск: Белорус. наука, 2011. 640 с.

РАЗДЕЛ IV. ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПАНДЕМИИ COVID-19

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES
OF THE COVID-19 PANDEMIC

В.Б. Жиромская

Институт российской истории РАН (ИРИ РАН),
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия

V.B. Zhiromskaya

Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences (IRI RAN),
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению последствий пандемии коронавирусной инфекции для населения Российской Федерации. Пандемия привела к значительным людским потерям, вызвала резкое ухудшение демографической ситуации и нарастание кризисных явлений – повышения смертности и снижения рождаемости. Автор сосредоточил внимание на влиянии пандемии на репродуктивное здоровье населения. На основе уже имеющейся медицинской статистики и врачебных заключений в статье рассматриваются последствия перенесенного в период беременности заболевания для матерей и рожденных ими младенцев.

Abstract. The article is devoted to the study of the consequences of the pandemic of coronavirus infection for the population of the Russian Federation. The pandemic has led to significant human losses, caused a sharp deterioration of the demographic situation and an increase in crisis phenomena - an increase in mortality and a decrease in the birth rate. The author focused on the impact of the pandemic on the reproductive health of the population. Based on the already available medical statistics and medical reports, the article examines the consequences of the disease suffered during pregnancy for mothers and babies born by them.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, людские потери, смертность, заболеваемость, здоровье населения, демографический кризис, рождаемость, репродуктивное здоровье

Key words: pandemic, COVID-19, human losses, mortality, morbidity, population health, demographic crisis, fertility, reproductive health, reproductive installations

Пандемия COVID-19 – одна из наиболее трагических страниц

истории вступившего уже в свое третье десятилетие XXI века. Пандемия унесла миллионы человеческих жизней и оказала серьезное негативное влияние на здоровье населения, демографические процессы и демографическую ситуацию в целом в России и в мире. Проблема нестабильности демографической ситуации стоит остро.

Последствия пандемии COVID-19 еще предстоит изучать. Однако можно уже сделать первые выводы.

Последствия пандемии исследуются по нескольким направлениям:

- Число жертв;
- Влияние на основные показатели естественного движения населения;
- Влияние на миграционные процессы;
- Семья и брак в условиях пандемии;
- Влияние на общую структуру заболеваемости;
- Последствия для состояния здоровья потомства.

На последнем вопросе мы остановимся подробно.

В настоящее время о числе погибших от COVID-19 много разнящихся данных. Пока не удастся дать точную оценку жертв, тем более, что коронавирус был как основной, так и сопутствующей причиной смерти, вызвавшей обострение имевшихся у зараженного хронических заболеваний. Заболевания коронавирусной инфекцией в России начались в марте 2020 г. За 2020 г. по данным с сайта Росстата от коронавирусной инфекции умерло 145 тыс. человек. В публикациях были и более высокие цифры, но на сайте Росстата названо число жертв именно по основной причине смерти. В 2021 г. число жертв COVID-19 составило уже 466 тыс. человек [7]. Смерть от коронавирусной инфекции привела к заметному повышению смертности в целом. Конкретные данные динамики населения в годы пандемии также уточняются, но общие тенденции проявились уже достаточно отчетливо. В 2020 г. умерло 2,1 млн россиян (общий коэффициент смертности составил около 15 ‰), в 2021 г. – 2,4 млн (более 17 ‰), родилось же и в 2020, и в 2021 гг. по 1,4 млн.

В 2021 г. в абсолютных данных рождаемость снизилась незначительно, но из-за возросшей смертности отрицательный естественный прирост составил более значительную величину, чем в 2020 г. : соответственно минус 1 млн против минус 700 тыс. В 2022 г., прежде всего, за счет снижения смертности падение естественного прироста замедлилось – минус 595 тыс. человек. Приток мигрантов в эти годы продолжался, но лишь отчасти компенсировал сокращение населения.

Общий прирост (включая мигрантов) сохранил отрицательную величину: 2020 г. минус 577,5 тыс., 2021 г. минус 613,4 тыс., 2022 г. минус 532,6 тыс. человек [7].

Заболеваемость заметно спала только во второй половине 2022 г. но и в дальнейшем наблюдались (и до сих пор наблюдаются) волны инфекции.

Младенческая смертность практически не повысилась, оставшись в 2020-2021 гг. на уровне 4,5-4,6 ‰ [7] (соответствует уровню многих европейских стран). Среди всех умерших младенцы в возрасте до 1 года в 2021 г. составили 0,27%.

Подсчеты жертв пандемии продолжаются и уточняются. В настоящее время медики пытаются учесть все смерти как от коронавирусной инфекции как основной причины, так и сопутствующей основному заболеванию и обострившей его.

Коронавирусная инфекция обострила целые группы хронических заболеваний.

В структуре заболеваемости под влиянием пандемии увеличились хронические легочные болезни, нарушения кровообращения, заболевания опорно-двигательной системы (артрозы), неврологические заболевания. Отмечалось ухудшение состояния у больных диабетом и почечной недостаточностью.

Особо следует отметить смертность пациентов от коронавирусной инфекции в послеоперационный период. Если плановые операции в период пандемии, как правило, откладывались и в связи с загруженностью больниц больными коронавирусной инфекцией и в связи с нежеланием пациентов подвергать хирургическому вмешательству организм в столь опасный период, то необходимость в хирургических вмешательствах в экстренных случаях (аппендицит, ущемление грыжи, необходимость удаления камня при мочекаменной болезни, некоторые виды переломов и т.д.) существовала и в условиях пандемии. Пациенты помещались изолированно от больных COVID, соблюдались карантинные правила, но полностью исключить возможность заражения коронавирусной инфекцией было практически невозможно. Пациент успешно переносил операцию и шел на поправку, иногда уже готовился к выписке. Но происходило заражение, и в этих случаях летальные исходы были часты. Не только потому, что организм в послеоперационный период ослаблен, но и потому, что при ряде операций используется ингаляционная анестезия (через дыхательные пути), что делает больного особенно уязвимым.

Эпидемия в России на первом этапе «классического» COVID-19

не поразила молодежь. Однако практически сразу заболеваемость вышла за пределы 65 плюс, сильно затронув средний возраст. Чем дальше, тем больше вирус мутировал, распространяясь на молодежь и даже детей. И в дальнейшем появлялись все новые штаммы, коронавируса все более поражал людей молодого возраста.

Влияние пандемии на протекание беременности и состояние новорожденных активно изучается в настоящее время в основном медиками. Исследования проводятся в Китае, США, Швеции, Азербайджане и др. странах. В России издаются первые результаты наблюдений и в центре, и в регионах – в Центрально-черноземном регионе, на Юге России, в Поволжье, в Сибири, на Дальнем Востоке. Сначала публиковались описания отдельных случаев и небольших групп наблюдаемых пациентов, затем обследования расширяются, наблюдения охватывают уже сотни пациентов [8, с. 809-815; 9; 10, с. 127-132; 4, с. 41-47; 3, с. 75-79].

Однозначного ответа на многие вопросы еще нет. Однако многие исследователи отмечают повышенную опасность легочных осложнений при коронавирусе у беременных, причем ухудшение может произойти внезапно и развиваться с очень большой скоростью [5, с. 33-35]. Однако при своевременной медицинской помощи и квалифицированном наблюдении летальных исходов удавалось избежать.

Все исследователи отмечают негативное влияние пережитых женщинами стрессовых ситуаций в связи с заболеванием коронавирусом.

Перенесенный в период беременности COVID приводит, это фиксируется исследователями, к целому ряду осложнений.

По материалам обследования, проведенного на базе Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова» (Москва) и Института «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского» (Симферополь), «при COVID-19 в структуре осложнений беременности преобладали железодефицитная анемия – 44,2%, преэклампсия – 38,2%, угроза преждевременных родов – 35,3%. Преждевременные роды произошли в 36,8% случаев. Кесарево сечение выполнено в 73,3% случаев» [5, с. 33].

Вопрос об увеличении частоты кесаревых сечений в период пандемии дискутируется исследователями [6, с. 56-62]. Неоднозначны и выводы о состоянии новорожденных и возможности их заражения от матери. По этому вопросу много пугающих публикаций в СМИ.

Так, в СМИ появляются тревожные известия – якобы дети, чьи

матери перенесли COVID, рождаются с задержкой развития, страдают судорогами, вообще нежизнеспособны и т.д. Однако эти сенсации обычно основываются на единичных случаях, причем связь нарушений внутриутробного развития с перенесенной матерью коронавирусной инфекцией практически ничем не доказана.

В опубликованных медицинских обследованиях у младенцев, рожденных болевшими COVID матерями, иногда отмечаются диагностированные асфиксия, внутриутробная пневмония, церебральная ишемия [8, с. 809-815; 5, с. 36].

Однако авторы уже упоминавшегося обследования РНИМУ им. Н.И. Пирогова и «Медицинская академия имени С.И. Георгиевского» делают вывод, что «Частота осложнений у новорожденных соответствовала общепопуляционным показателям» [5, с. 36].

По поводу заражения во многих исследованиях утверждается, что передача инфекции от матери к плоду во внутриутробный период (так называемая «вертикальная передача инфекции») не выявлена или, во всяком случае, очень маловероятна, близка к 0 [5, с. 33-36; 6. С. 56-62; 2, с. 27-30].

Пока исследования еще малочисленны. Но явно учащаются преждевременные роды, вследствие чего больше младенцев, чем обычно, рождаются с «недовесом», что требует дополнительных усилий от медиков и родителей по выхаживанию ребенка. В итоге чаще прибегают к реанимационной помощи и респираторной поддержке.

Важной задачей является помощь детям, родившимся в COVID, чтобы вырасти здоровыми. А для этого надо представлять себе, в чем они будут нуждаться.

В принципе пострадавшим от COVID людям разного возраста требуется комплексная медицинская, психологическая, социальная, экономическая помощь. У переболевших в течение длительного времени, по крайней мере, календарного года сохраняются постковидные симптомы – сердцебиение, нарушение дыхания, тревожность, слабость, нарушения памяти, бессонница и проч. Люди часто страдают от временного снижения или даже потери работоспособности. Пострадавшим необходима реабилитация.

Серьезным вопросом является изменение репродуктивных установок населения в период пандемии.

В период пандемии претерпели изменения и установки населения на желаемые сроки и число рождений детей. В 2020 г. было проведено несколько опросов онлайн, по телефону и в очной форме. Основной темой опросов был вопрос о желании респондентов иметь де-

тей, учитывая эпидемиологическую ситуацию [1, с. 140-143].

Наиболее крупным был опрос «Человек, семья, общество» (ЧСО), проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в Москве в 2020 г. Это был начальный период пандемии, период непривычных для населения жестких карантинных мер, изменения всего ритма жизни. Число респондентов, не намеревающихся иметь детей, заметно возросло по сравнению с 2017 г., когда производился подобный опрос. Если в возрастных группах 35 и старше число не желающих иметь детей выросло не очень сильно – с 15 до 20%, (в основном не имели намерения рожать ребенка респонденты, уже имеющие детей), то среди молодежи процент не имеющих детей и не желающих их иметь вырос с 8 до 20. При этом посмотрим на данные с другой стороны – 80 % молодых респондентов сохраняли намерение иметь детей [1, с.141] .

В опросе в Екатеринбурге 2020 г. был поставлен вопрос о целесообразности откладывания беременности в условиях пандемии. 47% женщин высказались за откладывание беременности (но не отказывались от намерений иметь детей в будущем), 28% не хотели откладывать, остальные затруднялись с ответом [1, с. 141-142].

В Саратове также в 2020 г. был проведен опрос, по которому 57% опрошенных женщин и 48% мужчин посчитали, что пандемия вообще не повлияет на репродуктивное поведение [1, с. 142].

Опросы по отдельным регионам давали разные результаты.

Крупные обследования еще впереди, но эти данные показывают непосредственную реакцию на резкое изменение жизненных условий. Выводы, которые можно сделать по этим, весьма неполным, опросам, также довольно относительны. Однако некоторые тенденции проявились отчетливо. Негативное влияние пандемии на репродуктивные установки бесспорно, однако и ценность детей в семье устойчиво высока. Многие респонденты не хотят даже откладывать прибавления в семье. Те же, их большинство, кто хочет повременить, хотят именно отложить, а не отказаться от деторождения. Среди причин отказа называют, прежде всего, экономические трудности, собственно страх перед заболеванием стоит не на первом месте. Многие видят причину проблем с рождаемостью в нестабильности семьи, большом числе разводов и т.д.

COVID-19 унес многие жизни, повредил здоровью сотен тысяч и миллионов людей. Его последствия имеют долгосрочный характер. Отсюда встают сложные задачи перед всей системой здравоохранения и жизнеобеспечения населения по преодолению последствий панде-

мии. И особой задачей является сохранение традиционной ценности семьи и детей, ориентации населения именно на семью с детьми.

Библиографический список

1. Вакуленко Е.С., Макарова М.Р., Горский Д.И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. 9 (4). С. 138-159.

2. Гончарова М.А., Петров Ю. А. Новая коронавирусная инфекция SARS-COV-2: влияние на течение беременности // Гинекология. 2020. № 4 (74). С. 27-30. URL: [rumedo.ru bb4c68c7d6c37974d12bd0fa67202f00.pdf](https://rumedo.ru/bb4c68c7d6c37974d12bd0fa67202f00.pdf) (дата обращения: 01.11.2023).

3. Ковальчук А.С., Кучерявенко А.Н. Течение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) у беременной (клинический случай) // Журнал инфектологии. 2020. № 12 (3). С. 75-79.

4. Артымук Н.В., Белокриницкая Т.Е., Филиппов О.С., Шифман Е.М. Новая коронавирусная инфекция COVID-19 у беременных Сибири и Дальнего Востока // Вестник интенсивной терапии им. А.И. Салтанова. 2020. № 2. С. 41-48.

5. Доброхотова Ю.Э., Гуменюк Л.Н., Пучкина Г.А., Михайличенко В.Ю. Осложнения и исходы беременности у женщин с COVID-19 // Акушерство и гинекология. 2022. № 3. С. 32-38.

6. Вуколова В.А., Енькова Е.В., Рыжиков Ю.С., Сокол Е.Б., Ипполитова Л.И., Киселева Е.В., Корж Е.В. Оценка течения беременности, родов и состояния плода у женщин с COVID-19 [Электронное издание] // Вестник новых медицинских технологий. 2020. № 6. С. 56-62.

7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

8. Clinical characteristics and intrauterine vertical transmission potential of COVID-19 infection in nine pregnant women: a retrospective view of medical records / Chen H., Guo J., Wang C., Luo F., Yu X., Zhang W. et al. // Lancet. 2020. № 395 (10226). P. 809-815. URL: [https://dx.doi.org/10.1016/S0140-673\(20\)30360-0](https://dx.doi.org/10.1016/S0140-673(20)30360-0) (дата обращения: 11.12.2023).

9. ISUOG Interim Guidance on 2019 novel coronavirus infection during pregnancy and puerperium: information for healthcare professionals: Ultrasound Obstet / Poon L.C., Yang H., Lee C.S., Copel J.A., Leung T.Y., Zhang Y. et al. // Gynecol, 2020. № 55 (5). P. 700. URL: <https://dx.doi.org/10.1002/uog.22013> (lfnf j,hfotybz (дата обращения: 1.10.2023).

10. Pregnancy and perinatal outcomes of women with coronavirus disease (COVID19) pneumonia: a preliminary analysis AJR. Am. J. / Liu D., Li L., Wu X., Zheng D., Wang D., Yang L., Zheng C. // Roentgenol, 2020. № 215 (1). P. 127-132. URL: <https://dx.doi.org/10.2214/AJR.20.23072> (дата обращения: 15.12.2023).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

DEMOGRAPHY PROCESSES IN UZBEKISTAN

М. Равшанов

Навоийский государственный горно-технологический университет,
г. Навои, Республика Узбекистан

M. Ravshanov

Navoi State Mining and Technological University, Navoi, Uzbekistan

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменения демографической ситуации в современном мире, связанный с существенным сокращением рождаемости и старением населения Земли. Подробно рассматривается демографическая ситуация в современном Узбекистане и анализируются существующие прогнозы, положительные движения народонаселения в стране в ближайшем времени.

Annotation. The process of the demographic situation change in the modern world associated with the significant decline in the birth rate and greying of the world population is reviewed in the article. The demographic situation in modern Uzbekistan is described in details and the existing forecasts of the country's population movements in the nearest decades are analyzed.

Ключевые слова: демография, рождаемость, возрастная когорта, этнокультурная идентификация, мигранты, адаптация, маргиналы

Key words: demography, fertility, age cohort, ethnocultural identification, migrants, adaptation, marginalized

Демографическая статистика последних трех десятилетий свидетельствует о том, что в большинстве развитых стран мира наблюдается постоянное сокращение рождаемости, а значит, происходит существенное постарение населения, в связи с чем все большую актуальность приобретают проблемы, связанные с воспитанием, образованием и обучением подрастающих поколений, представляющих сначала потенциальный, а затем и актуальный человеческий капитал. Происходящие в этих странах процессы свидетельствуют о пристальном внимании институтов власти к проблемам молодежи, в первую очередь связанным с образованием и трудоустройством, с интеграцией молодежи в существующие общественные отношения и позитивной идентификацией с культурными традициями страны [3; 4].

Люди ждут от государства строительства школ, детских садов и больниц, повышения качества образования и медицины, решения на местах проблем, связанных с питьевой водой и электроэнергией, дорогами и транспортом, увеличения количества рабочих мест, создания новых возможностей для предпринимательства, обеспечения спра-

ведливости, искоренения бюрократии и коррупции. Поэтому принцип «Прежде всего – человек, а затем – общество и государство» становится основополагающим в преобразованиях Нового Узбекистана. Наша республика имеет самый высокий демографический потенциал среди стран СНГ. В 2021 г. на Узбекистан приходилось 11,9% населения региона и 46,7% – Центральной Азии [3; 4].

По численности населения Узбекистан занимает 41-е место из 242 стран и 3-е – в государствах СНГ. Мы входим в число стран, население которых увеличивается высокими темпами. Так, в численность Узбекистана в 1991г. составляла 21 млн. 106,3 тысячи человек, а в 2022 г. – 36 млн. 024,9 тысячи (увеличение на 70,7 %). Около половины (49,7 %) населения республики проживает в Самаркандской (11,4), Ферганской (11), Кашкадарьинской (9,7), Андижанской (9,2) и Ташкентской (8,3) областях. Число постоянных жителей в среднем за год в 1991 г. составляло 498,6 тысячи человек. В 2000-х – 325,4 тысячи. В 2020 г. увеличилось до 653,7 тысячи, в 2022-м – до 753,6 тысячи [3; 4].

В настоящее время повышается и плотность населения: если в 1991 г. на один км² земельного участка приходилось 46,1 жителя, то к 2022 г. этот показатель составил 80,2. Плотность населения относительно высока в Андижанской (772,7 человека), Ферганской (584,8) и Наманганской (405,1) областях. В городской местности проживает 50,9 процента населения (18 млн. 335,7 тысячи). В результате проведенных комплексных реформ по широкомасштабному развитию городов численность городских жителей увеличилась с 8 млн. 450 тысяч человек до 18 млн. 335,7 тысячи (или в 2,2 раза) с 1991 по 2022 гг.

За годы независимости сельское население выросло с 12 млн. 656,3 тысячи до 17 млн. 689,2 тысячи, в то время как доля в общей численности населения снизилась с 60 до 49,1%. В структуре населения республики соотношение между полами практически одинаковое: мужчин – 50,3 %, женщины – 49,7 % (2022 г.).

По данным минувшего года, население Узбекистана моложе трудоспособного возраста составляет 31,7% (от 0 до 15 лет), трудоспособное – 56,8% (женщины 16-54 лет, мужчины – 16-59), старше трудоспособного возраста – 11,5 (женщины 55 лет и старше, мужчины – 60 лет и старше). Число жителей моложе трудоспособного возраста за годы независимости увеличилось с 9 млн 117,7 тысячи до 10 млн. 997,9 тысячи человек (на 20,6 процента). Население моложе трудоспособного возраста, составляющее треть населения республики, дает возможность получить «демографический дивиденд» за счет пе-

перехода к населению трудоспособного возраста в 2030-2050 годах. В 1991-м население трудоспособного возраста составляло 10 млн. 352,9 тысячи, к 2022-му – 20 млн. 464,5 тысячи (увеличение на 97,7 %).

По демографическим показателям Узбекистан входит в число стран, относящихся к стадии «первого демографического дивиденда». Согласно исследованию ООН «Перспективы мирового населения», к 2048 г. наибольшую часть жителей Узбекистана (27,6 миллиона человек) составят трудоспособные граждане (от 15 до 64 лет). Преобладание доли населения трудоспособного возраста в структуре общей численности населения, прибавление в среднем около 600 тысяч молодых людей к трудоспособному возрасту ежегодно обуславливает необходимость обеспечения их занятости, создания новых рабочих мест. Население, появившееся в высокий период рождаемости (1950-1965 гг.), растет высокими темпами за счет перехода в ряды пожилых людей сегодня. В частности, численность граждан в этой группе увеличилась с 1 млн. 635,7 тысячи в 1991-м до 4 млн. 128,1 тысячи в 2022 г. (в 2,5 раза). Доля от общей численности населения увеличилась с 7,7 до 11,2 процента соответственно [3;4;5].

Среди массовых процессов современности проблематика этнических различий и культурной идентификации является одной из наиболее значимых, она неразрывно связана с актуальными вопросами современной практической жизни народов, их образом жизни, укладами хозяйствования, ведущими видами деятельности, особенностями духовной культуры, языком этноса, конфессиональной принадлежностью.

Интерес к этнонациональным проблемам в мире тесно связан с демографическими процессами, происходящими в мире. По подсчетам демографов, в конце XX в. население Земли превысило 6 млрд человек, но рост численности населения происходит не за счет высокой рождаемости, а за счет увеличения продолжительности жизни населения в возрасте от 65 лет и старше.

За последние тридцать лет в мире численность детей в возрасте от момента рождения до четырех лет уменьшилась от 600 млн в 1980 г. до менее чем 400 млн в 2005 г., в это же время когорта старших граждан (65 лет и старше) увеличилась от 200 тыс. до 1,6 млн человек и будет неуклонно увеличиваться в связи с особенностями возрастных когорт, существующих в мире. Общеизвестно, что для сохранения существующей численности населения любой страны необходимо, чтобы в среднем на каждую женщину приходилось не менее 2,1 рождения, а для расширенного воспроизводства – не менее 2,5. Таких

показателей в настоящее время нет ни в одной развитой стране мира. В США на каждую женщину приходится 2,49 рождения, во Франции – 1,9, в Англии – 1,7, Канаде – 1,6, в Японии – 1,48, в Германии – 1,45, а в Италии – всего 1,4 [3;4;]. Аналогичная ситуация складывается и в других регионах мира. Как отмечает Бьюкенен П.Дж.: «...смерть Запада – не предсказание... это диагноз, констатация происходящего в данный момент. Нации "первого мира" вымирают» [1].

В Узбекистане, также как в других странах мира, уже с конца 70-х гг. прошлого века наблюдалось сокращение рождаемости, а с 1992 г. резко возросла смертность среди старших возрастных групп узбеков. Это привело к депопуляции, продолжающейся и в настоящее время. Расчеты российских исследователей на ближайшую перспективу показывают несостоятельность и утопичность представлений о том, что демографические проблемы, проявляющиеся на протяжении целого ряда десятилетий (например, нестабильность семьи или возрастающая в течение последних сорока лет малодетность российской семьи), можно разрешить на основе реализации некоторых одноразовых социальных программ вроде ваучера для рожениц или пресловутого «материнского капитала» [3;4;5].

Таким образом, уменьшение численности детей и молодежи – социально-демографических групп современного узбекского общества – можно рассматривать как значимый социальный факт, который необходимо будет учитывать в течение ближайших трех десятилетий, когда он начнет оказывать существенное влияние на все сферы жизнедеятельности страны, ускоряя или замедляя становление цивилизованных рыночных отношений Узбекистана.

Современный Узбекистан характеризуется большинством исследователей как общество риска, в котором все происходящие социокультурные процессы весьма хаотичны, а деятельность традиционных и новых социальных институтов подвержена многочисленным радикальным изменениям. В то же время острые социальные конфликты характерны для взаимодействия узбеков в различных сферах жизнедеятельности узбекского общества, не говоря о параде суверенитетов всех регионов и субъектов Федерации. Вместе с тем современный Узбекистан – тот базис, на котором осуществляется социализация подрастающих поколений [3;4].

Отметим как специфическую особенность Узбекистана, подтверждаемую данными Госкомстата, что за период 1989-2001 гг. прибыло из страны в РФ около 2 млн. мигрантов, но за этот же период выбыло из РФ более 4,7 млн человек, т.е. благополучное сальдо ми-

грации все-таки составило 1,231 млн человек. Однако не надо забывать, что из Узбекистана в среднем за год на постоянное местожительство уезжают около 100 тыс. человек, и, как правило, большинство из них – это молодые и высокообразованные люди.

Важную роль в понимании тенденций развития населения страны должен сыграть комплекс документов, объединенный в положения «Концепции демографического развития Узбекистана на период до 2015 г.», которая была одобрена Распоряжением Правительства в конце 2001 г. В этих документах отмечается, что к началу 2001 г. численность населения Узбекистана составляла примерно 32 млн. человек. Коэффициент рождаемости, необходимый для простого возмещения поколений, должен быть 2,15 рождения на одну женщину, суммарный коэффициент рождаемости (количество детей на одну женщину) в 2021 г. в Узбекистане составил 3,17, т.е. больше, чем требуется для простого замещения поколений.

В 2021г. в возрастной структуре Узбекистана доля людей в возрасте 65 лет и старше составляла 5,1 процента. Значит, согласно международным критериям, Узбекистан входит в число стран, «находящихся на грани демографического старения».

На протяжении десятков лет в Узбекистане некоторых узбекских семей осуществляющий мониторинговые исследования, отмечает, что характер рождаемости в Узбекистане в настоящее время определяется доминирующим среди населения представлением о положительной ценности.

Это повсеместно бытующее представление населения о максимальном количестве детей в семье существует в системе ценностей большинства узбеков достаточно давно, оно передается от старших поколений к младшим, и понадобятся большие усилия государства для того, чтобы изменить сложившиеся ценностные ориентации населения на необходимое и достаточное количество детей в семье.

При современной рождаемости в Узбекистане существует достаточно высокая смертность практически во всех возрастных группах – от новорожденных до лиц старшего возраста. Специалисты особенно отмечают тот факт, что для современного Узбекистана характерна сверхсмертность людей трудоспособного или экономически активного возраста, среди которых около 80% составляют мужчины. Официальная статистика свидетельствует о том, что уровень смертности мужчин экономически активного возраста в 4 раза выше, чем у женщин этой же группы, и в 2–4 раза выше, чем у мужчин этого возраста, живущих в развитых странах мира.

По среднестатистическому прогнозу, сделанному официальными организациями, изучающими проблемы народонаселения Узбекистана, к 2016 г. население Узбекистана повысилось на 10,4 млн. или на 7,2%, и составит 34,4 млн человек, причем число лиц пенсионного возраста будет почти вдвое больше численности лиц, достигших 16 лет, или лиц экономически активного возраста.

Основываясь на данных статистики Узбекистана, которая показывает соотношение поколений и особенности возрастных групп в совокупном населении Узбекистана, считает наиболее вероятным, что до 2050 г. будет идти постоянное превышение населения. Ученые прогнозируют превышение численности населения Узбекистана не менее чем на 4,2 млн человек по сравнению с 2001 г. Ежегодная убыль населения достигнет минимума в 2008 г., а затем начнет быстро возрастать, превысив ежегодную убыль в 1 млн человек. До 38,5% возрастет доля населения старше 60 лет, а численность лиц трудоспособного возраста уменьшится до 9,4% от общей численности населения Узбекистана [2, с. 127]. Общее количество детей и молодежи в Узбекистане велико, поэтому темпы и формы первичной социализации детей и молодежи в значительной степени зависят от того, насколько учитываются местные обстоятельства. Вместе с тем для подавляющего большинства молодых узбеков процессы вторичной социализации предполагают миграцию преимущественно внутри страны. В центральные и южные регионы Узбекистана, но и постоянная, можно сказать, традиционная для узбеков миграция из деревни в город, из малых городов в мегаполисы и столицу.

Для современного Узбекистана характерна не просто городская модель расселения, а неуклонный рост мегаполисов и крупных городов, население которых более чем наполовину состоит из мигрантов первого поколения. Культура любой городской среды представляется мигрантам и желанным, но все равно новым социальным миром, который чаще всего является враждебным и чуждым их первичным социальным представлениям, культурным ценностям и традициям. Мигранты первого поколения чаще всего являются маргиналами, и их пограничное положение на стыке двух культур делает их поведение особенно несамостоятельным, а потому и непредсказуемым и девиантным.

Социологи-урбанисты отмечают, что каждый город, имеющий «пришлое» население в десятки тысяч, превращается в «джунгли цивилизации», где выживает сильнейший, и идет постоянная борьба за лидерство, место работы, формы досуга. Вместе с тем город – это

среда, в которой существенно ослаблен социальный контроль и где от каждого требуется высокая самодисциплина и ответственность за свое собственное бытие. Мигранты и маргиналы, будучи наиболее проблемными группами населения, представлены молодежью, которая особенно остро ощущает свою неангажированность в новой для нее городской среде.

На ближайшую 20-30-летнюю перспективу миграционные процессы в Узбекистане будут составлять одну из особенностей движения узбеков из трудоизбыточных в трудонедостаточные регионы, а потому в стране сохранится и существенная маргинальность городского населения, в первую очередь молодежи. Практика свидетельствует о том, что мигрантов и маргиналов отличает высокая степень девиантности и пренебрежение к существующим в обществе культурным традициям, моральным, религиозным и правовым нормам.

Значимым объективным параметром, существенно влияющим на становление молодых узбеков, справедливо считается здоровье, составляющими которого являются биогенетические предпосылки, природная и социокультурная среда обитания, а также и собственные усилия человека, направленные на здоровый образ жизни и ответственное отношение к своему здоровью [2, с. 78-91].

Принятые Правительством Узбекистана в последние годы программы по существенному улучшению социального здоровья населения с особой настоятельностью требуют понимания того, что уровень здоровья человека всего на 7–10% зависит от состояния здравоохранения и его материально-технической базы, а более чем наполовину определяется образом жизни и системой мотиваций человека на здоровье и долголетие.

Позитивные и крайне необходимые для стабилизации всего узбекского общества изменения в уровне здоровья населения возможны лишь на основе практической реализации целого комплекса мер: во-первых, необходимо существенно поднять качество жизни всего населения, затем радикально изменить базовую медицину, систему здравоохранения, всю социальную сферу, а также разработать и претворить в жизнь четкую и эффективную социальную политику, направленную на сохранение и умножение здоровья узбекского населения.

Вместе с тем нельзя забывать и о том, что в условиях господства либерально-рыночных ценностей каждый человек должен вести здоровый образ жизни, потому что без этого ему не удастся успешно реализовать свои возможности, выжить в обществе высоких неопреде-

ленностей, разнообразных социальных рисков и коммерческой медицины.

Специалисты по привлечению мигрантов на работу в РФ обращают внимание на то, что современная демографическая картина мира предполагает, что мигрировать в страну будут по преимуществу выходцы из стран и Центральной Юго-Восточной Азии, что требует программ по социокультурной адаптации мигрантов к новым для них культурным, социально-экономическим и климатическим условиям [1, с.46-81].

Ряд исследователей считают, что в современных условиях у узбеков сохранится и даже будет усиливаться тенденция поисков работы за рубежом, которая особенно характерна для наиболее молодой и высокообразованной части населения Узбекистана, причем это касается не только ученых, деятелей науки и искусства, но и высококвалифицированных строителей, монтажников, нефтяников, газовщиков, военных специалистов разного профиля. Приостановить этот поток иммигрантов могут только радикальные изменения в экономике страны, связанные с практической реализацией программ обновления страны, предложенных Правительства Узбекистана и продвигаемых в жизнь трудом всех узбеков.

Библиографический список

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.; СПб., 2003.
2. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002.
3. Вишневский А.Г., Витковская Г.С. и др. Миграция и безопасность в России. М.: Интердиалект, 2000.
4. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2010 год. Ташкент: Госкомитет по статистике, 2016.
5. Народонаселение мира в 2003 году. Инвестиции в здоровье и права подростков. Издание ЮНФПА, 2003.
6. World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2010.
7. Stat.uz Население Узбекистана. URL: <https://stat.uz/ru/2-uncategorised/5222-o-zbekiston-aholisi-ru>. (дата обращения: 07.06.2020)

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
РЕПРОДУКТИВНОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
(ОКТ. 1917-1927 ГГ.)**

**PERIODICALS AS A SOURCE FOR STUDYING REPRODUCTIVE
LITERACY OF THE POPULATION
(OCT. 1917-1927)**

Ю.С. Филина

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

J.S. Philina

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia

Аннотация: В данной статье рассмотрен потенциал использования синхронной периодической печати в исследовании темы репродуктивной грамотности российского населения в первое десятилетие после прихода к власти большевиков. Сделан вывод, что несмотря на то, что за последние десятилетия в российском исследовательском поле произошел значительный рывок в тематике репродуктивного поведения, однако отдельные аспекты, такие как различные проявления перехода к биомедицинской модели родов или трансформация мужского места как вспомогательного элемента в течение беременности, родов, заботы о младенце и воспитания ребенка, требуют дальнейшего изучения.

Abstract: This article examines the potential of using periodicals in studying the topic of reproductive literacy of the Russian population in the first decade after the Bolsheviks came to power. It is concluded that despite the fact that over the past decades there has been an increase in the number of studies on the topic of reproductive behavior, however, certain aspects, such as various manifestations of the transition to a biomedical model of childbirth or the transformation of the male place during pregnancy, childbirth, caring for the baby and raising a child, require further study.

Ключевые слова: периодическая печать, репродуктивное поведение, родовспоможение, «Работница», «Крестьянка».

Key words: periodicals, reproductive behavior, obstetrics, “Rabotnitsa”, “Krestyanka”.

В данной статье рассмотрен потенциал использования синхронной периодической печати при исследовании темы репродуктивной грамотности российского населения в первое десятилетие после прихода к власти большевиков. Репродуктивная грамотность – система информированности различных слоев населения по вопросам, касающимся репродукции: зачатия, беременности, аборт, вариаций и распространенности использования контрацептивных методов, послеродовом уходе за матерью и младенцем. Репродуктивная грамотность, с одной стороны, ограничена уровнем медицины изучаемой эпохи, с

другой стороны, является результатом полового воспитания – формального (систематическое просвещение населения со стороны государства или каких-то иных структур) и неформального (устная передача знаний от родственников или иных представителей ближайшего окружения).

Исследования репродуктивного поведения и репродуктивной грамотности являются относительно новым предметом для изучения историков. В отличие от больших демографических тем, данная область, в особенности репродуктивная грамотность ограничена с точки зрения источников. Если область государственной политики в области семейного права и охраны детства исследована с использованием законодательных актов, делопроизводственных материалов, статистики [3, 17], то на более «низовом» уровне пропаганды населению имеется исследовательская лакуна. Следует отметить, что исследование материалов периодической с точки зрения представленной в них визуальной составляющей, определяющей такие типы, как крестьянка, баба, «ОхМатМлад», бабка и т.д. было реализовано в работе Н. Плунгян [12].

Периодическая печать давно признана исследователями, как источник для изучения общественного дискурса по разным направлениям. Периодическая печать данного активно введена в научный, как источник изучения женского образа [напр., 9]. В первую очередь, это касается т.н. женских журналов, в которые входит «Работница», «Крестьянка», «Коммунистка», «Журнал для женщин» и т.д. К отдельным темам репродуктивного поведения исследователи обращались, опираясь на материалы, в том числе, данных журналов. В особенности это касается темы аборт [6]. Однако представляется, что женская периодическая печать не исчерпала на этом свой источниковый потенциал. Смежная с абортами тема – контрацепция, также была одной из тем, актуальных не только для строго профессиональных, медицинских журналов. Так, впервые из вышеупомянутых журналов с темой контрацепции на страницах «Коммунистки» выступила Н.К. Крупская. Она обращается к теме репродуктивного поведения с двойственным посылом. Средства контрацепции, с точки зрения, Н.К. Крупской – это вынужденная и временная мера. В то же время, она говорит о необходимости их «моральной» реабилитации, т.е. использование средств контрацепции не должно восприниматься обществом как аморальное. [8, с. 20]. Также, важным аспектом для дальнейшего изучения является соотношение темы абортов и контрацепции на страницах женской периодической печати, направленной на разные

слои населения. Тема контрацепции появляется раньше на страницах «Работницы». При этом, читательницам этого журнала не говорили прямо о методах контрацепции, упоминали о ней лишь как о меньшем зле в сравнении с абортами, направляли во врачебные консультации [7, с. 29]. В то же время, в «Крестьянке» в 1924 г. опубликовано письмо, где женщина прямо запрашивает информацию о средствах контрацепции [1]. Ответ на данный вопрос был дан лишь в 1927 г. Первое противозачаточное средство – это «ватный шарик, смоченный в уксусе. Делают из ваты шарик величиной с куриное яйцо, обматывают его несколько раз ниткой. Один конец нитки оставляют длинным. Разводят 2 столовые ложки уксуса в стакане воды». Второе – «резиновым мешочком» (презерватив) [5]. В «Работнице» или «Коммунистке», а также «Журнале для женщин» прямое указание способов контрацепции отсутствует.

В большей степени женская периодическая печать является источником распространения репродуктивной грамотности с точки зрения оказания женщине медицинской помощи при беременности и родах, что является прямым отражением и продолжением перехода к биомедицинской модели родов [10, с. 151–340]. Журнал «Крестьянка» обращается к своим читательницам с настойчивым посылом и вреде повитух [4]. В то же время, приводится и положительный образ «бабки», которая обучилась медицинскому делу [2].

Периодическая печать данного периода является также важным источником в малоисследованной теме мужского «место» в семейном мире, мужского родительства. В журнале «Крестьянка» много внимания уделяется деревенским обычаям и суевериям, связанным с родами и включающим отца в этот процесс. Например, заворачивать новорожденного в одежду отца, чтобы укрепить его связь с ребенком [18] или то, что муж должен лезть в хомут, чтобы жене легче рожалось [13]. Подобные обычаи признавались вредными для здоровья ребенка, связывались с неграмотностью повитухи. Авторы статей стремились предотвратить их воспроизводство. Также поднимается тема свободного развода, который с точки зрения крестьянки – возможность для мужчины бросить женщину с ребенком. «Мы видим на каждом шагу женщину, брошенную с ребенком» - пишет крестьянка, но авторы ей объясняют, что новые законы не делают разницы между ребенком, рожденным в браке и вне его, что женщина имеет имущественные права, однако тяготы воспитания ребенка и необходимость отцовского участия в этом процессе не упоминаются [11]. Условно «мужская» периодика (например, газета «Рабочий»/ «Рабочая газета»)

обращается к теме репродуктивной грамотности и воспитания детей значительно реже. За 1922 г. встречается 13 упоминаний данной тематики, от литературного рассказа, где у рабочего рождается дочь [16], до вопросов борьбы с подпольным акушерством [14]. Интересна дискуссия в «Рабочей газете» о том, можно ли, в тяжелых экономических условиях, приоритетно увольнять работниц-жен [напр., 15]. Предварительно можно заключить, что роль мужчины в семье транслировались в двух типах: «мужа-владельца» и «мужа-товарища». Традиционно негативные черты (пьянство, ревность и пр.) часто приписывались ушедшему прошлому, но и возникали в письмах в журналы (в основном, со стороны женщин-работниц, характеризующих свою повседневность). Позитивные и негативные образцы поведения мужчин стали формироваться в том числе и женщинами, что шло в противовес предыдущим социальным практикам. «Муж-товарищ» существовал лишь как формирующаяся идентичность, в отрицании негативных черт «мужа-владельца»: если последний не желает отпускать жены на партийные собрания, то первый понимает всю их важность.

Соответственно, периодическая печать является важным источником изучения репродуктивной грамотности, еще не исчерпавшим свой исследовательский потенциал. Данное обстоятельство связано, как с продолжительной табуированностью темы репродуктивного поведения, если она была направлена на непосредственные практики данного поведения, а не только большие данные, так и сложностью в выявлении источников. За последние десятилетия в российском исследовательском поле был сделан значительный рывок, однако отдельные аспекты, такие как различные проявления перехода к биомедицинской модели родов или трансформация мужского места как вспомогательного элемента в течение беременности, родов, заботы о младенце и воспитания ребенка, требуют дальнейшего изучения. Отдельный интерес для дальнейших исследований представляет региональная периодическая печать.

Библиографический список

1. *А.Г.* Почтовый ящик. Товарищу Петровской // Крестьянка. 1924. №8. С. 37.
2. *Аппакова Д.* Повитуха // Крестьянка. 1926. №3. С. 12–13
3. *Араловец Н.А.* Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. Москва, Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2019. 271 с.
4. *Врач.* Обращайтесь только к врачу // Крестьянка. 1923. №5. С. 26
5. *Гольденберг.* Выкидыш (в ответ на письмо крестьянки) // Крестьянка. 1927. №9. С. 16

6. *Графова М.* Аборт в Советской России в эпоху НЭПа: официальная пропаганда vs массовые установки // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(4). С. 229–264.
7. *Золотавин Н.А.* Что такое искусственный выкидыш (аборт) // Работница. 1924. № 10. С. 28–29.
8. *Крупская Н.К.* Война и деторождение // Коммунистка. 1920. №1–2. С. 18–20. С. 20.
9. *Минаева О.Д.* Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015. 232 с.
10. *Мицюк Н., Пушкарева Н., Белова А.* Человек рождающий. История родильной культуры в России Нового времени. М.: НЛЮ, 2022. 512 с.
11. *Ножкина З.* О разводе // Крестьянка. 1923. №1–2. С. 26
12. *Плунгян Н.* Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 288 с.
13. Помогла // Крестьянка. 1923. №7. С. 46-47
14. Рабочая газета. 1922. №181. С. 3.
15. Рабочая газета. 1922. №244. С. 4.
16. *Серафимович А.* Ткач // Рабочий. 1922. №11. С. 3.
17. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
18. *Яхнина Р.* Суеверие и предрассудки в жизни матери и ребенка // Крестьянка. 1924. №12. С. 22–23.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

PROSPECTS FOR DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

У.Ф. Сатторов

Навоийский горный колледж, г. Навои, Республика Узбекистан

U.F. Sattorov

Navoi Mining College, Navoi, Uzbekistan

Аннотация. Стратегия развития Нового Узбекистана предусматривает построение общества, где интересы человека ставятся превыше всего, а создание достойных условий жизни и ускоренное развитие всех сфер являются главной целью преобразований. В совокупности это должно обеспечить процветание государства и повысить уверенность каждого гражданина в завтрашнем дне.

Annotation. The development strategy of New Uzbekistan provides for the construction of a society where human interests are placed above all else, and the crea-

tion of decent living conditions and accelerated development of all spheres are the main goal of transformation. Taken together, this should ensure the prosperity of the state and increase the confidence of every citizen in the future.

Ключевые слова: демография, Узбекистан, развитие, процветание, преобразование

Key words: demography, Uzbekistan, development, prosperity, transformation

По данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан, по состоянию на 27 июня 2023 г. в стране живут 36,4 млн чел. Для сравнения: в 1920 г. численность населения нашей страны составляла 4,4 млн. То есть за последнее столетие население Узбекистана увеличилось более чем в восемь раз. За период с 1920 по 2022 гг. коэффициент естественного прироста достиг 20,9 ‰ и возрос на 9,9 ‰.

В последние годы демографическая ситуация в Узбекистане характеризуется стремительным ростом численности населения. Его плотность к началу 2023 г. превысила 80 чел. на квадратный километр. Следует также обратить внимание на значительный разброс данного показателя по стране: с наивысшего – более 6,6 тыс. чел. в столице, до наименьшего – 9,5 чел. в Навоийской области. По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, предварительная оценка численности населения стран Содружества на начало 2022 г. составляла 287 млн чел. Население России в 2022 г. составляло около 146 млн чел. Прирост населения в этой стране имеет негативную тенденцию с показателем естественной убыли на уровне более четырех процентов. Наиболее позитивная демографическая ситуация наблюдается в странах Центральной Азии, Азербайджане и Армении. Среди стран Содружества Узбекистан является лидером, в 2022 г. этот показатель достиг около 21% [6; 7].

Оценивая достигнутые успехи социально-экономического развития, необходимо принимать во внимание темпы и глубину изменений демографической ситуации, долгосрочные тенденции народонаселения страны.

Для оценки долгосрочных тенденций изменения демографической ситуации группой национальных и международных экспертов на основе применения признанной в научных кругах когортно-компонентной модели был разработан набор многовариантных прогнозов демографического развития страны и ее регионов на период до конца 2050 г. Он включает 14 региональных прогнозов для 12 административных областей, Республики Каракалпакстан и г. Ташкента, а также прогноз для республики в целом.

Основой для прогнозно-ориентированного анализа демографических тенденций как на национальном, так и на региональном уровнях явились подробные данные официальной статистики о численности населения за 2000–2021 гг. Также учитывались предварительные итоги регистрации актов гражданского состояния за девять месяцев 2022 г.

По результатам расчетов численность населения Узбекистана в предстоящие три десятилетия будет динамично расти и превысит 41 млн чел. в 2030 г., 46 млн чел. в 2040 г., 50 млн чел. – в 2050-м гг. В целом за 2022–2050 гг. население страны увеличится на 41%. На протяжении всего прогнозируемого периода решающим компонентом воспроизводства населения страны останется его естественный прирост, который будет характеризоваться высоким числом родившихся и относительно низким числом умерших. Объемы внутренней и внешней миграции увеличатся. Наряду с этим до 2030 г. ожидается рост отрицательного миграционного баланса, который в 2030–2050 гг. стабилизируется на низком уровне (40 тыс. чел.). В миграционных процессах прогнозируется преобладание численности выбывших (эмигрантов) над числом прибывших (иммигрантов). Для территориальных перемещений населения будет характерна высокая мобильность лиц молодого трудоспособного возраста [6; 7].

Ожидаются изменения не только в численности, но и в возрастной структуре населения. Так, за 2022–2050 гг. численность населения в возрасте до 15 лет возрастет на 0,9 млн чел. При этом за 2022–2035 гг. доля данного возрастного контингента увеличится до 13,6 млн чел., но в последующий период снизится до 12,3 млн чел., его удельный вес в общей численности населения сократится с 31,7 до 24,2%. Численность трудоспособного населения будет расти на протяжении всего прогнозируемого периода и вырастет до 28,3 млн чел. в 2050 г., то есть увеличится более чем на 7,8 млн чел. При этом его доля в период 2025–2050 гг. будет сохраняться на высоком уровне (56%) и практически не снизится. Это является свидетельством достаточно благоприятной ситуации с трудовыми ресурсами в нашей стране, что в свою очередь создает солидную и долгосрочную базу для развития производительных сил, привлечения инвестиций и в конечном итоге формирования основ для роста благополучия населения.

Население старше трудоспособного возраста станет наиболее быстрорастущей группой в течение прогнозируемого периода, его численность увеличится более чем в 2,5 раза, с исходных 4,1 млн чел. до 10,1 млн чел. в 2050 г., доля в общей численности населения – с

11,3 до 20%. Предполагается, что при этом средний возраст населения повысится. Региональные различия будут касаться темпов и объемов прироста численности населения. Наибольший прирост ожидается в Сурхандарьинской (53,7%), Кашкадарьинской (49,3%) и Джизакской областях (48,7%), а также в Ташкенте (48,9%). Наиболее низкими темпами численность населения будет расти в Республике Каракалпакстан (24%), Ташкентской (24,7%) и Бухарской (28%) областях [6; 7].

Узбекистан по численности населения опередит многие страны СНГ и по данному показателю сохранит лидирующее место в Центральной Азии. С точки зрения возможностей использования позитивных тенденций, связанных с численностью и структурой населения, Узбекистан в настоящее время находится на стадии первого демографического окна возможностей, а в последующем будет переживать период второго окна демографических возможностей. Для реализации этих возможностей и получения максимального демографического дивиденда следует обеспечить ускоренное и скрупулезное исполнение положений Стратегии развития Нового Узбекистана, которые, по мнению экспертного сообщества и представителей международных структур, являются наиболее важными документами для устойчивого развития страны.

Выдвигаемые направления преобразований по созданию достойных условий для реализации каждым человеком своего потенциала – дальнейшее реформирование системы образования, обеспечение охраны здоровья, повышение средней продолжительности жизни населения, оказание адекватного перечня социальных услуг опираются на всемерный учет динамичных и благоприятных демографических изменений. Меры по обеспечению устойчивого экономического роста в качестве фундамента благополучия населения и сокращения бедности исходят из того, что темпы экономического роста должны в разы опережать естественный прирост населения Узбекистана. Перспективы демографического развития нашей страны и ее регионов вполне логично должны быть нацелены на реализацию комплекса мер по сбережению водных ресурсов и охране окружающей среды на фоне глобальных изменений климата и увеличения демографической нагрузки на ограниченные природные ресурсы. С позиции повышения качества жизни и формирования комфортных условий проживания для населения страны учет демографической ситуации также выдвигает необходимость формирования принципиально новых форм организации государственного управления и гарантий по обеспечению

верховенства закона.

Ключевым фактором реализации демографических возможностей является построение Нового Узбекистана в качестве безопасного и миролюбивого государства. Для создания гарантий мира и стабильности будут ускоренно развиваться добрососедские отношения с соседними странами, проводиться открытая, прагматичная и активная внешняя политика со всеми государствами. Максимизацию демографического дивиденда, создание условий для свободных миграционных и туристских потоков невозможно представить без миролюбивой внешней политики, и именно этот элемент будет иметь ключевое значение для будущего нашей страны. Текущая и перспективная демографическая ситуация создает благоприятные условия для построения Нового Узбекистана, предоставляет возможность формирования дополнительных конкурентных преимуществ страны с точки зрения человеческого капитала. Вместе с этим Стратегия развития и выдвинутые Президентом пять стратегических направлений преобразования нашей страны являются безусловной гарантией по воплощению в жизнь надежд и устремлений миллионов граждан Узбекистана [3, с. 45–76].

8 июня, 2023 г. в Ташкенте состоялся круглый стол, посвященный обсуждению «Прогнозов демографического развития Республики Узбекистан и ее регионов на период до 2050 года и результатов выборочного обследования по изучению факторов рождаемости», организованный Агентством по статистике при Президенте Республики Узбекистан и Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Более 80 участников из числа представителей министерств, государственных ведомств, международных организаций и научного сообщества приняли участие в круглом столе. На мероприятии был представлен и обсужден прогноз демографических трендов Республики Узбекистан и ее регионов на период до 2050 г., а также результаты выборочного обследования по изучению факторов рождаемости.

Представленный прогноз, включающий 14 прогнозов для Республики Каракалпакстан, двенадцати областей, и города Ташкента, а также прогноз в целом для Республики Узбекистан, был разработан группой, состоящей из национальных экспертов и международных экспертов из Карловского университета Чешской Республики, при финансовой поддержке представительства Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Узбекистане. Агентство по статистике при Президенте Республики Узбекистан предоставило подробные данные официальной статистики населения за 2000–2021 гг., которые

послужили основой для прогнозно-ориентированного анализа демографических тенденций как на национальном, так и на региональном уровнях [2, с. 13–43].

Использование результатов прогнозных расчетов, осуществленных в представленном исследовании, позволят органам государственного управления принимать наиболее эффективные решения на национальном и региональном уровнях. В соответствии с прогнозом население Республики Узбекистан в ближайшие три десятилетия будет динамично расти. С наибольшей вероятностью уже к 2028 г. население Узбекистана будет насчитывать 40 млн жителей, а к 2050 г. ожидается, что перешагнет отметку в 50 млн чел. При этом, на протяжении всего прогнозируемого периода решающим компонентом воспроизводства населения будет естественный прирост. Наряду с высокой динамикой роста населения, будут также происходить глубокие изменения во всех возрастных структурах, при этом ожидается ускорение темпов старения населения. Ежегодный естественный прирост населения Узбекистана увеличился на 760 тыс. чел. Он отметил, что Узбекистан занимает первое место среди стран СНГ по уровню рождаемости и 57% населения находится в трудоспособном возрасте, 32% моложе трудоспособного возраста и 11% составляют пожилые люди. Сегодня в среднем ежегодно на рынок труда нашей республики выходит более 600 000 чел. В настоящее время ожидаемая продолжительность жизни составляет 74,3 года, из них 76,6 года для женщин и 72,1 года для мужчин. В годы независимости этот показатель увеличился на 7,9 лет.

Представитель ЮНФПА в Узбекистане отметил, что «Демографические тенденции находятся под пристальным вниманием общественности Нового Узбекистана, которые будут определять стратегию развития. Таким образом, национальный потенциал в области демографического прогнозирования, а именно предвидение характера и последствий значительных демографических изменений и осуществление упреждающего планирования на основе анализа, имеет решающее значение для реализации устремлений Нового Узбекистана. Это одно из основных направлений партнерства между Фондом ООН в области народонаселения и Правительством Узбекистана. Во время мероприятия эксперты также представили результаты выборочного обследования по изучению факторов рождаемости в Республике Узбекистан, проведенное Институтом семьи и женщин при широкой технической поддержке Карловского университета Чехии. Исследование предоставило важную информацию о факторах,

влияющих на уровень рождаемости и репродуктивное поведение женщин в Узбекистане. По результатам проведенного обследования в качестве основных факторов роста рождаемости после 2017 г. в Узбекистане можно рассматривать улучшение материального положения семей с детьми и общее повышение уровня уверенности людей в завтрашнем дне. Все сформулированные предположения послужили основой для оценки параметров классической когортно-компонентной проекционной модели, широко используемого метода прогнозирования населения [4; 5].

По состоянию на 1 января 2022 г. постоянное население Узбекистана составило 35 млн 271,3 тыс. чел., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 712,4 тыс. чел. или 2,1%. В частности, городское население составило 17 млн 918,3 тыс. чел., сельское – 17 млн 353 тыс. чел. По данным Фонда народонаселения ООН, Узбекистан занимает 43-е место в мире по численности населения. Число родившихся в стране в 2021 г. увеличилось на 63,4 тыс. чел. или 7,5% по сравнению с предыдущим годом, а количество умерших уменьшилось на 1,1 тыс. чел. или 0,6% по сравнению с 2020 г. Количество зарегистрированных браков увеличилось на 8,3 тыс. чел. или 2,8% по сравнению с 2020 г., а количество разводов увеличилось на 11 тыс. чел. или на 39% [6].

По состоянию на 1 января текущего года 31,2% постоянного населения страны составили люди моложе трудоспособного возраста, 57,6% – трудоспособного возраста и 11,2% – старше трудоспособного возраста.

По состоянию на 1 января 2022 г. на кв. км приходилось в среднем 78,6 чел. Это на 1,6 чел. больше, чем за аналогичный период прошлого года (77,0 чел. на 1 кв. км в 2021 г.). В разрезе регионов самая высокая плотность населения отмечена в Ташкенте (8035,1 чел.), Ферганской (576,4 чел.) и Андижанской (756,6 чел.) областях, а наименьшая в Навоийской области (9,3 чел.), Республике Каракалпакстан (11,7 чел.) и Бухарской области (49,1 чел.). В 2021 г. родилось 205,2 тыс. детей, соответственно, коэффициент рождаемости на 1000 населения составил 25,9‰. Этот показатель на 1,3‰ выше, чем в 2020 г. (24,6‰).

В январе-декабре 2021 г. умерло 174,5 тыс. чел., коэффициент смертности на 1000 населения составил 5‰, снизившись по сравнению с 2020 г. (5,1) на 0,1‰.

За прошлый год 61,7% смертей пришлось на болезни системы кровообращения, 7,8% – на опухоли, 6,7% – на болезни органов ды-

хания, 5,2% – на несчастные случаи, отравления и травмы, 4,1% умерли от болезней органов пищеварения, 3,1% – от инфекционных и паразитарных болезней и 11,4% от других болезней [6; 7].

Библиографический список

1. Вишневский А.Г., Витковская Г.С. и др. Миграция и безопасность в России. М.: Интердиалект, 2000.
2. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2010 год. Ташкент: Госкомитет по статистике, 2016 год.
3. Народонаселение мира в 2003 году. Инвестиции в здоровье и права подростков. Издание ЮНФПА, 2003.
4. World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2010.
5. Народное слово, 20 января 2012.
6. Ахмедов Т., Абдуллаев Б., Закиров Д. Социально-экономические аспекты развития семей в Узбекистане. В сб.: Демографическое развитие Республики Узбекистан за годы независимости. Ташкент, 2011.
7. Statistikaqo'mitasi – Демографическая ситуация (январь-декабрь 2019 года) Stat.uz. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20170601/5535950/uzbeki-osemie.html/>

ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗМЕЩЕНИЙ АРМЯН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В XXI ВЕКЕ

DYNAMICS OF TERRITORIAL PLACEMENTS OF ARMENIANS OF KRASNODAR REGION AND THE REPUBLIC OF ADYGEA IN THE XXI CENTURY

М.А. Степанов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

М.А. Stepanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье на основе данных Всероссийских переписей населения предпринимается попытка осмыслить характер и принципы территориального размещения армянского населения Краснодарского края и Республики Адыгея на уровне муниципалитетов. Рассмотрение показателей численности населения основных этнических групп за 2002-2021 гг. позволило определить основные тренды в изменении этнодемографической ситуации в выделенных регионах.

Abstract. The article attempts to comprehend, based on the data of the All-Russian Population Censuses, the nature and principles of the territorial distribution of the Armenian population of the Krasnodar Region and the Republic of Adygea at the municipal level. The consideration of the population indicators of the main ethnic

groups for 2002-2021 made it possible to determine the main trends in the change of the ethnodemographic situation in the selected regions.

Ключевые слова: армяне, Краснодарский край, Республика Адыгея, Всероссийская перепись населения, этнодемография.

Key words: Armenians, Krasnodar Region, Republic of Adygea, All-Russian Population Census, ethnodemography.

В силу ряда исторических причин судьба армянского народа тесно переплетена с развитием Российского государства, армяне являются одной из самых многочисленных этнических групп в Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., всего в стране проживало 147 182 123 человека, из которых 946 172 человека при переписи указали себя армянами [1], что составляет примерно 0,64% от всего населения страны. При этом, около 50% процентов всего армянского населения России сосредоточено в Южном (35%) и Северо-Кавказском (15%) федеральных округах, что видно из следующей диаграммы. Больше всего армян проживает в Краснодарском крае – 211 132 человека [1] или 22% от общей численности армян России.

Армяне на территории современных Краснодарского края и Республики Адыгея – т. е. области, исторически определяемой как Кубань – проживают не одно десятилетие и даже не одно столетие. Та или иная этнографическая группа армян заселяла регион в разные периоды. Так, армянское население Кубани на данный момент в основном представлено амшенскими армянами (переселявшимися в регион со второй половины XIX в.), немногочисленными черкесогаями и с конца 1980-х гг. и до наших дней переселенцами из Армении, Карабаха, Азербайджана и других регионов постсоветского пространства.

Процессы миграций и естественного воспроизводства обуславливают динамику территориального размещения армян Кубани по муниципалитетам Краснодарского края и Республики Адыгея. При рассмотрении данной динамики на историческом промежутке начала XXI в. и на основе данных Всероссийских переписей населения 2002 г., 2010 г., 2020 (2021) гг. представляется возможным определить устойчивые тренды в расселении групп армянского населения Кубани, выявить их территориальные очаги и спрогнозировать их дальнейшее этнодемографическое развитие.

Всероссийская перепись населения 2002 г., запечатлев то, каким подошло общество к началу XXI в., выявила тренд в национальном составе Краснодарского края и Республике Адыгея, который по-прежнему является характерной чертой региона: армяне стали второй

по численности национальностью, «потеснив» с этой позиции украинцев, традиционно занимавших второе место в переписях на протяжении всего предыдущего столетия. Подобное изменение В. Н. Ракачев объясняет разницей в естественном приросте у армян и украинцев в 1990-е гг.: у первых темпы естественного прироста снижаются, у вторых увеличивается естественная убыль [6, с. 51].

Обращение к данным переписи на уровне муниципалитетов позволяет более наглядно представить себе положение дел в регионе на 2002 г. (рис. 1).

Можно заметить, что рассматриваемый регион в целом делится на две части: северные районы по большей части – «украинские», а южные – «армянские», за исключением г. Геленджика (греки) и Успенского района (черкесы), где эти группы сохраняют свои позиции на протяжении всего рассматриваемого периода, а также Крымского района (турки, причем преимущественно это турки-месхетинцы). Что касается Адыгеи, то тут ситуация несколько иная: здесь в отличие от Краснодарского края второй по численности национальностью в большинстве муниципалитетов являются русские, тогда как армяне занимают вторую позицию лишь в двух районах.

Отличительная особенность Адыгеи как национальной республики заключается в том, что титульный этнос здесь не является большинством, однако на уровне ряда муниципалитетов адыгейцы по численности занимают первую позицию. Так, можно заметить, что большая часть адыгейцев сосредоточена на севере республики – т. е. в пределах территорий бывшей Адыгейской автономной области в 1922-1936 гг., когда ее центром был г. Краснодар. По данным же переписи 2002 г., адыгейцы численно преобладали в г. Адыгейске, Теучежском, Шовгеновском и Кошехабльском районах. В г. Майкопе, Тахтамукайском и Красногвардейском районах адыгейцы занимали второе место по численности после русского населения. Что касается Гиалинского и Майкопского районов, то второй национальностью в них являются армяне, так же уступая первое место русскому населению.

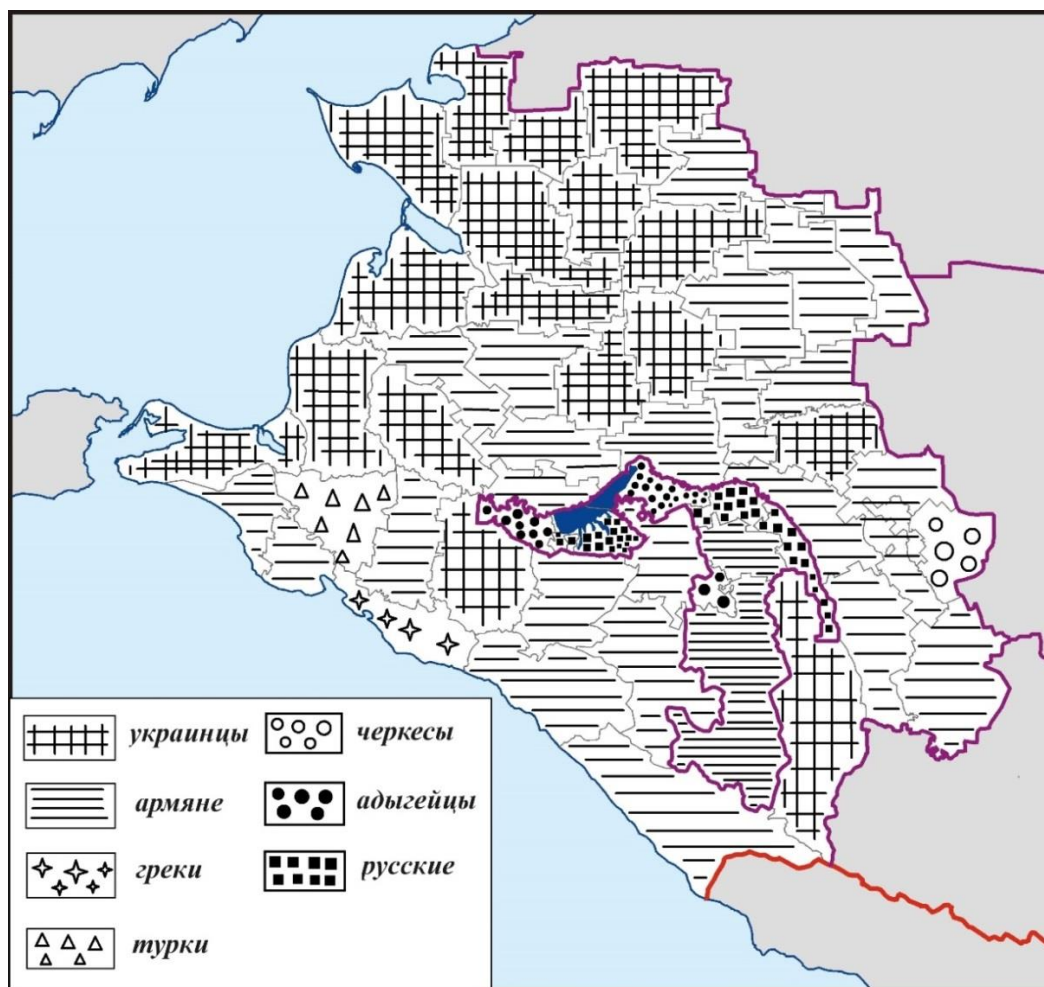

Рисунок 1 – Вторая по численности населения национальность по муниципалитетам Краснодарского края и Республики Адыгея [5]

В целом по республике Адыгея на 2002 г. насчитывалось 15268 армян [4], что составляло 3,42% от всего ее населения, доля армянского населения в Гиагинском и Майкопском районах составляла соответственно 3,14% и 10,02% от общего населения районов. Майкопский район также выступает своеобразным центром сосредоточения армянского населения республики – здесь проживало 38,37% всех армян Адыгеи. Также отметим высокую концентрацию армян республики в г. Майкопе и Тахтамукайском районе – 33,57% и 11,36% от общего числа армян соответственно, хотя при этом они не составляют в этих муниципалитетах и 3% от общей численности населения. Такую концентрацию армянского населения в данных районах можно объяснить столичным статусом г. Майкопа, а также географической и экономической близостью Тахтамукайского района к г. Краснодару.

Возвращаясь к Краснодарскому краю, отметим, что здесь на 2002 г. доля армян в населении составила 5,36%. Рассчитав отношение численности армян в каждом муниципалитете края к общей чис-

ленности населения этих муниципалитетов, становится возможным определить районы, в которых доля армянского населения превышает этот общекраевой показатель. К таковым муниципалитетам на 2002 г. относятся: г. Сочи (20,16% населения – армяне), Туапсинский район – 14,5%, Апшеронский район – 11,21%, г. Анапа – 9,06%, Отрадненский район – 8,83%, Белореченский район – 8,71%, г. Армавир – 8,62%, Курганинский район – 7,19%, Новокубанский район – 6,79% и г. Горячий Ключ – 6,07%.

При этом надо отметить, что на территории г. Сочи в 2002 г. находилось 29,15% всех армян края, в г. Армавире и Туапсинском районе – по 6,65% и 6,63% соответственно. Интересен случай г. Краснодара как административного центра и крупнейшего по численности населения города, на который приходится 10,21% армян края (второй результат после г. Сочи), которые при этом составляют всего 3,54% от всего населения города, что даже меньше общекраевого показателя. Таким образом, более половины армянского населения края (52,64%) было сосредоточено всего в четырех муниципалитетах.

Исходя из этого, мы можем выделить четыре крупных территории расселения армян в рассматриваемом регионе:

1) район Сочи, Туапсе, Горячего Ключа, Апшеронска, Белореченска; г. Майкоп и Майкопский район Республики Адыгея (далее по тексту – «амшенский» очаг) – это регион, осваивавшийся амшенскими армянами с конца XIX в. в ходе их переселения из Османской империи; позднее здесь возникнет Армянский национальный район, существовавший в 1925-1953 гг.;

2) район г. Армавира, Новокубанского, Отрадненского и Курганинского муниципалитетов (далее по тексту – «черкесогайский» очаг) – это регион, связанный с историей другой субэтнической группы армян, а именно черкесогоаев, внесших значительный вклад в развитие Кубани в XIX – начале XX вв.;

3) г. Анапа – армянское присутствие здесь наблюдалось еще со времен, когда Анапа была османской крепостью в XVIII в., и было представлено как черкесогаями, так и переселенцами из Крыма, а позднее и амшенскими армянами [3, с. 352];

4) Тахтамукайский район Республики Адыгея и г. Краснодар – столица края, его административный, политический, экономический и культурный центр, чем и обуславливается его привлекательность для мигрантов (в том числе и для армян) и этническое многообразие.

К 2010 г. ситуация с расселением армян в регионе несколько изменяется (рис. 2).

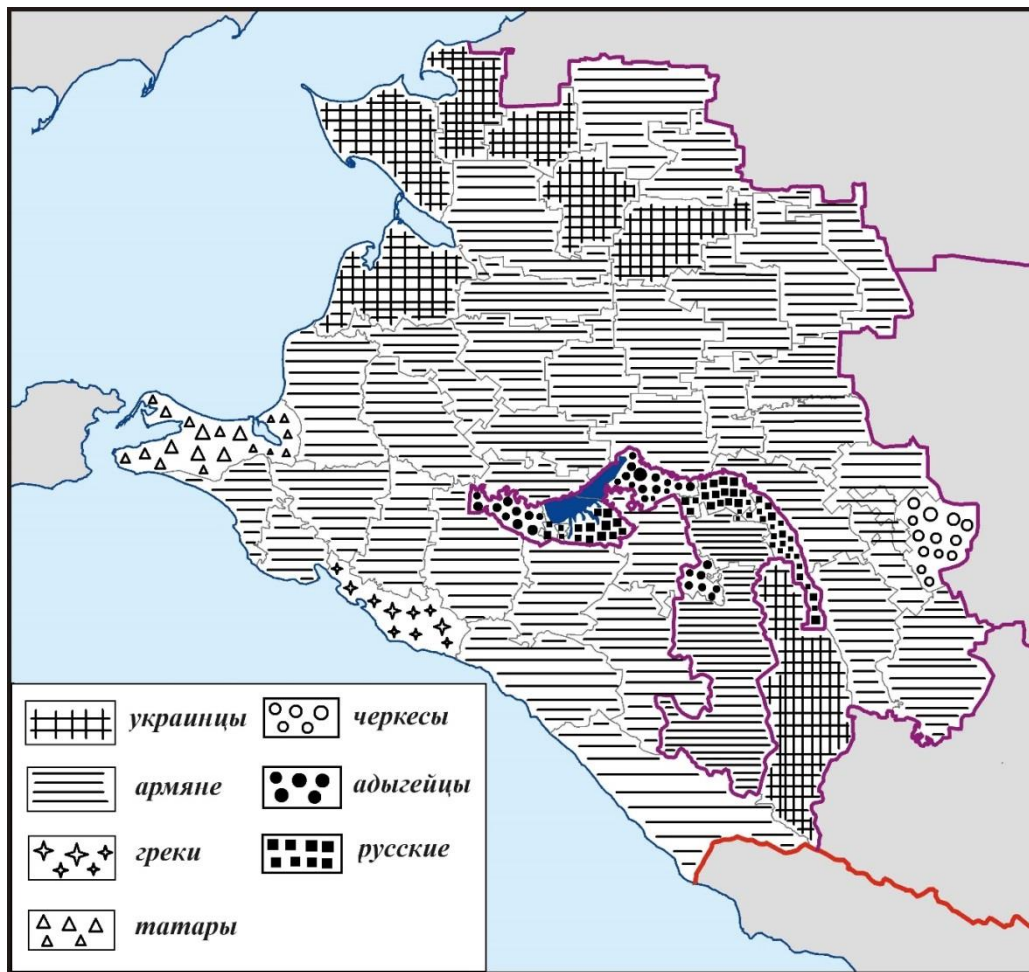

Рисунок 2 – Вторая по численности населения национальность по муниципалитетам Краснодарского края и Республики Адыгея [5]

Как видно, за 8 межпереписных лет распределение по второй по численности национальности в Республике Адыгее не изменилось: общереспубликанская доля армян в структуре населения составила 3,54%, а в Гиагинском и Майкопском районах – 3,83% и 10,47% соответственно. На территории этих районов на 2010 г. проживала почти половина (47,15%) всего армянского населения республики: 39,32% – в Майкопском районе, 7,83% – в Гиагинском. Сохраняется высокая концентрация армянского населения республики и в г. Майкопе и Тахтамукайском районе – 29,89% и 11,36% от общего числа армян Адыгеи соответственно. В абсолютных показателях за 8 лет численность армян Адыгеи увеличилась незначительно: с 15268 человек до 15561 человека [4].

Что касается Краснодарского края, то очевидна «экспансия» армянского населения на северные территории: из «украинских» муниципалитетов к 2010 г. осталось всего лишь семь: Мостовский район на

юго-западе края и Приморско-Ахтарский, Ейский, Щербиновский, Староминский, Ленинградский и Павловский районы на северо-востоке края. Уходят со второй позиции турки в Крымском районе, и выдвигаются на вторую позицию татары в Темрюкском районе.

Что касается армянского населения, то его численность в крае возросла: с 274566 человек в 2002 г. [5] до 281680 человек в 2010 г. [5], что составило 5,39% от общей численности населения. К муниципалитетам, где этот показатель превысил общекраевой, относились: г. Сочи – 19,46%, Туапсинский район – 13,67%, Апшеронский район – 10,47%, Отрадненский район – 9,79%, г. Армавир – 9,3%, г. Анапа – 8,98%, Белореченский район – 8,54%, Курганинский район – 7,59%, Новокубанский район – 6,95% и Кавказский район – 5,4%. По большей части, список муниципалитетов не изменился с 2002 г.: Отрадненский район увеличил свою долю в сравнении с городами Армавиром и Анапой, а г. Горячий Ключ и Кавказский район поменялись местами в рейтинге (десятым и одиннадцатым соответственно). При этом, по-прежнему, большинство армян края концентрируется в г. Сочи – 29,06%, г. Краснодаре – 10,95%, г. Армавире – 6,87% и Туапсинском районе – 6,15%. Таким образом, в тех же четырех муниципалитетах, что и в 2002 г., в 2010 г. аккумулируется более половины (53,03%) армянского населения всего края.

В целом конфигурация «армянских» территорий особо не меняется. Незначительные изменения заключаются в том, что «амшенский очаг» прирастает Гиагинским районом Республики Адыгея, а «черкесогайский» очаг прирастает Кавказским районом Краснодарского края. Что касается Краснодарского края в целом, то безусловно видна его дальнейшая «арменизация», но в данном случае речь идет просто об увеличении доли в населении, причем незначительном, неспособном повлиять на данном этапе каким-либо образом на социокультурный ландшафт: в большинстве муниципалитетов, где армяне стали второй по численности национальностью, их доля колеблется от 1,19% до 3,16%.

Всероссийская перепись населения 2020 г., проводившаяся из-за ковидных ограничений в 2021 г., представила в определенном смысле неожиданные итоги (рис. 3).

Итоги данной переписи крайне неоднозначны как на федеральном, так и на региональном уровнях. Из более чем 147 миллионов человек всего населения Российской Федерации около 16,5 миллионов человек не указали своей национальной принадлежности, что составляет около 11% населения страны – в предыдущих переписях данный

показатель был значительно ниже: около 1% (2002 г.) и 4% (2010 г.) [1].

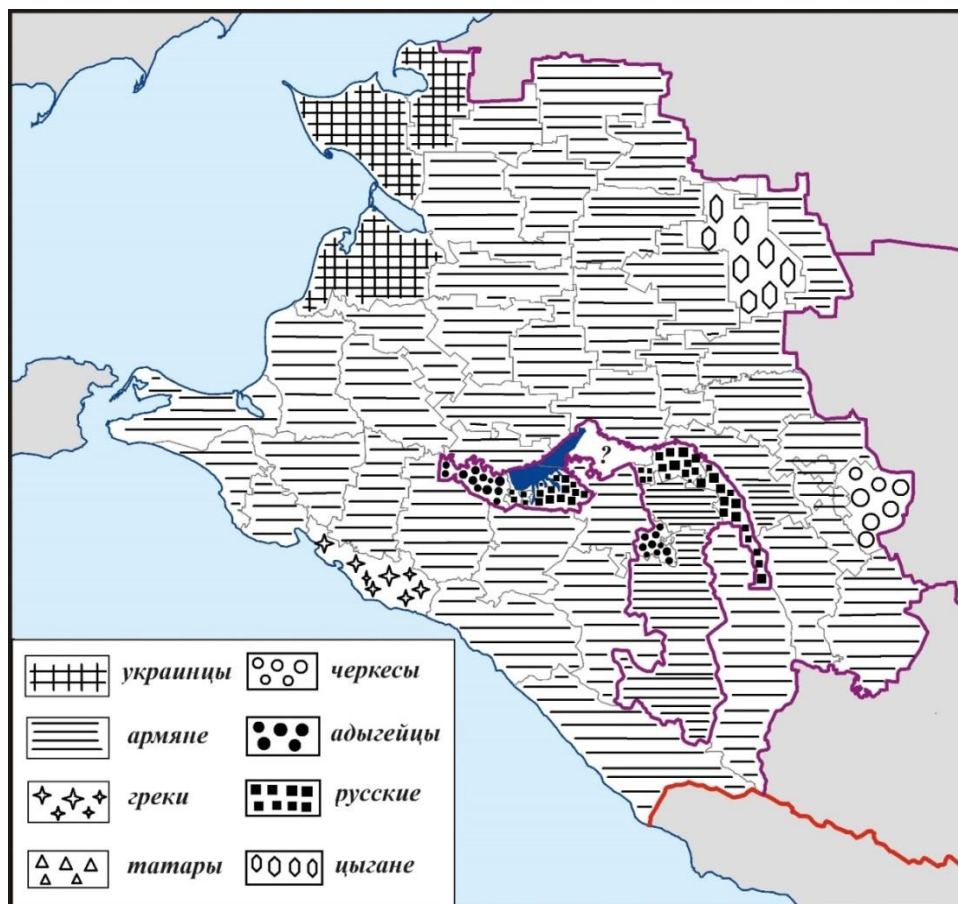

Рисунок 3 – Вторая по численности населения национальность по муниципалитетам Краснодарского края и Республики Адыгея [2]

В Краснодарском крае и Республике Адыгея численность лиц, не указавших национальную принадлежность так же высока: 292149 человек (5% от населения региона) и 50304 человека (10,13%) соответственно [2].

Необходимо отметить, что, в отличие от Российской Федерации в целом, в Краснодарском крае и Республике Адыгея увеличивается численность русского населения, что можно объяснить мощными миграционными потоками на юг страны. Так, если в целом по стране численность русского населения снизилась на 5437718 человек (с 2010 г. на момент 2021 г.), то в Краснодарском крае она увеличилась на 598520 человек, а в Республике Адыгея – на 17064 человека [2]. В целом за последнее десятилетие численность населения возросла на 611626 человек в Краснодарском крае и на 56940 человек в Республике Адыгея, что невозможно объяснить лишь естественным воспроизводством, так как за предыдущий межпереписной период (2002-2010

гг.) численность населения возросла всего лишь на 101426 человек в Краснодарском крае, а в Адыгее она снизилась на 7113 человек [4, 5].

Возвращаясь к вопросу о второй по численности населения национальности, отметим, что в Краснодарском крае к 2021 г. сохранилось всего три «украинских» района: Щербиновский, Ейский и Приморско-Ахтарский. Впервые цыгане стали второй по численности национальностью в Новопокровском районе (772 человека), на третьем месте – армяне (710 человек) [2]. Неоднозначная ситуация в Красногвардейском районе Республики Адыгея: на втором месте там оказались курды (4589 человек), на третьем – адыгейцы (4142 человека) [2]. Но при этом в переписи отдельной графой идут черкесы (612 человек) [2], которые в совокупности с адыгейцами могли бы занять второе место.

Численность армян Адыгеи к 2021 г. сократилась до 14810 человек [2], что составило 2,98% от всего населения республики. Доля армянского населения в Гиагинском и Майкопском районах составила 3,59% и 9% соответственно. Что же касается концентрации армянского населения Адыгеи, то в Гиагинском и Майкопском районах сосредоточилось 7,73% и 35,52% от общего числа армян республики соответственно, в г. Майкопе – 25,47%, в Тахтамукайском районе – 19,57%.

В целом в Краснодарском крае продолжается «арменизация» муниципалитетов, при этом, что парадоксально, численность армян значительно снизилась с 281680 человек в 2010 г. до 211132 человек в 2020 г. [2], что привело к снижению их доли в крае до 3,62% (для сравнения: доля армян в 2002 г. и 2010 г. приближалась к 5,4%).

В 2021 г. к муниципалитетам, где доля армян в населении превысила общекраевой показатель, отнесены: Туапсинский район – 10,92%, г. Сочи – 9,78%, Отрадненский район – 9,16%, Апшеронский район – 8,13%, Белореченский район – 7,31%, г. Анапа – 6,22%, Курганинский район – 6,02%, Новокубанский район – 5,71%, г. Армавир – 4,89%, Кавказский район – 4,88%, Успенский район – 4,59% (что говорит о некотором расширении «черкесогайского» очага), г. Горячий Ключ – 3,87%.

Очагами концентрации армянского населения, по-прежнему, остаются г. Сочи (26,75%), г. Краснодар (11,06%), Туапсинский район (6,52%) и г. Анапа (6%) – в этих четырех муниципалитетах проживает половина (50,33%) всего армянского населения края.

Таким образом, в рассматриваемый период (2002-2021 гг.) можно выделить следующие тенденции и устойчивые тренды в изменении

этнической карты и территориальном размещении народов Краснодарского края и Республики Адыгея:

1) снижение доли украинского населения в национальном составе, уменьшение количества «украинских» муниципалитетов,

2) увеличение количества «армянских» муниципалитетов, но не за счет увеличения численности армянского населения, а за счет уменьшения численности других этносов,

3) увеличение доли русского населения (на 2002 г. – 84,79%, 2010 г. – 84,6%, 2021 г. – 85,38% от общей численности населения региона).

На основе выявленных тенденций, при их сохранении в перспективе, можно предположить, что армянское население как минимум сохранит вторую позицию в большинстве муниципалитетов Краснодарского края, как максимум займет эту позицию во всех муниципальных образованиях края, это возможно даже в том случае, если численно оно не будет расти или даже уменьшится. Также очевиден тренд на моноэтнизацию региона, т. е. увеличение численности и доли русского населения в крае за счет миграционных потоков из других субъектов РФ. Что касается этнодемографической ситуации в Республике Адыгея, то она кажется более устойчивой с точки зрения размещения этнических групп.

Таким образом, динамика территориальных размещений армянского населения Краснодарского края и Республики Адыгея продолжает нарастать, но не путем собственного естественного воспроизводства, а за счет уменьшения численности населения иных этнических меньшинств региона.

Библиографический список

1. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики-

ки: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladieni_e_uazykami (дата обращения: 16.10.2023).

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: [сайт]. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 16.10.2023).

3. Колесов В.И. Анапа / В.И. Колесов, С.С. Мирзоян, Х.В. Мхитарян // Армяне Причерноморья: энциклопедия. Т. 1. / сост. И.В. Кузнецов. М., 2020. С. 352-356.

4. Население Адыгеи // Этно-Кавказ: [сайт]. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnadyghea.html> (дата обращения: 16.10.2023).

5. Население Краснодарского края // Этно-Кавказ: [сайт]. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkrasnodarskiy.html> (дата обращения: 16.10.2023).

6. Ракачев В.Н. Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989-1999 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 49-55.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1980-е гг.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RURAL POPULATION OF THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS IN THE 1980s.

И.А. Тимошина

Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

I.A. Timoshina

Vologda State University, Vologda, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования демографического развития сельского населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. На основе материалов центральных и местных архивов показано изменение общей численности сельских жителей и колхозников. Проанализирован естественный прирост и миграционная активность сельского населения региона в последнее десятилетие СССР

Abstract. The article presents the results of a study of the demographic development of the rural population of the Arkhangelsk and Vologda regions in the 1980s. On the basis of archival materials of central and local archives, the change in the total number of rural residents, the number of collective farm population is shown, the natural growth and migration activity of the population of the region in the last decade of the USSR is analyzed.

Ключевые слова: демографическое развитие, естественный прирост населения, миграция населения, Архангельская область, Вологодская область.

Key words: demographic development, natural population growth, population migration, Arkhangelsk region, Vologda region.

Условия протекающего в стране перманентного демографического кризиса в сельской местности обуславливают актуальность изучения специфики региональных демографических процессов в их исторической перспективе. Архангельская и Вологодская области занимают центральную и юго-западную часть территории Европейского Севера России. Исторически так сложилось, что Европейский Север являлся малозаселённым регионом. Но интенсивное промышленное строительство и политика государства по привлечению трудовых ре-

сурсов в 1930–1980-х гг. способствовали росту общей численности населения, влияли на демографические процессы, во многом определяя их. В этот период значительные изменения затронули сельское население – кардинально менялась сельская поселенческая сеть Архангельской и Вологодской областей, начался процесс обезлюдивания деревни.

Демографические аспекты развития Европейского Севера России в XX веке являются объектом пристального внимания исследователей. Демографические процессы в деревне Архангельской и Вологодской областей, как части Европейского Севера России накануне, в период Великой Отечественной войны и в 1950-е гг. рассмотрены О.В. Ильиной [6]. Их главные тенденции на селе в 1960-1970-х гг. изучены Н.В. Гилёвой [3]. Особенности демографического развития Архангельской и Вологодской областей, как части Европейского Севера России в последнее десятилетие СССР в историографии освещены лишь косвенно. Исследователи включают 1980-е гг. в более обширные временные периоды, не акцентируя внимание на последнем десятилетии СССР, либо проводят более локальные исследования на примере других административно-территориальных образований, как республика Коми [14], что актуализирует настоящее исследование.

Изучение демографических характеристик населения предполагает использование различных источников. Важное место среди них занимают Всесоюзные переписи населения. Перепись даёт возможность получить подробные данные об основных демографических характеристиках населения, которые включают в себя численность и размещение населения, половозрастной состав, состояние в браке, уровень образования, национальный состав, миграция. В рассматриваемый период было проведено две переписи, сопоставляя материалы которых можно отследить динамику и вектор изменений демографических процессов в сельской местности Архангельской и Вологодской областей. Это переписи населения 1979 и 1989 гг. Также в работе использованы итоги переписей населения 1959 и 1970 гг., для сопоставления динамики численности населения в разные временные периоды и данные текущего статистического учёта населения, которые находятся на хранении в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Вологодской области (ГАВО).

Один из ключевых демографических показателей развития территории – численность населения. Динамика численности сельского населения Архангельской и Вологодской областей и его удельный вес

в общем количестве жителей во 2 половине XX века представлены в таблице 1 и 2.

Таблица 1. Численность сельского населения (тыс. чел.) [1, с. 5;11]

Территории	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
РСФСР	55474	49310	42468	39063
Архангельская	586,9	477,1	408,4	418,1
Вологодская	853,6	679,6	545,6	473,5

Таблица 2. Удельный вес сельского населения в общей численности населения (%) [1, с. 5;11]

Территории	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
РСФСР	47,2	37,7	30,7	26,4
Архангельская	46,2	34,7	27,9	26,6
Вологодская	65,2	52,5	41,3	35,0

Приведённые в таблицах данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. говорят о сокращении сельского населения как в изучаемых регионах, так и по России в целом до 1980-х гг. В 1980-е гг. в Архангельской области, в отличие от Вологодской области и страны, где количество сельских жителей продолжало убывать, сельское население численно выросло на 10 тыс. человек. Но увеличение численности не повлияло на увеличение удельного веса селян Архангельской области в общей численности населения – он сократился с 1979 по 1989 гг. на 1,3%, так как городское население росло более активно. Сельское население Вологодской области уменьшилась с 1979 по 1989 гг. на 72,1 тыс. человек или 6,3%. Уменьшение численности сельского населения произошло во всех районах области, за исключением Вологодского, Вашкинского и Верховажского, где оно увеличилось незначительно или осталось на уровне 1979 года. Наиболее значительно сельское население сократилось в Белозерском, Никольском, Сокольском, Харовском, Грязовецком, Усть-Кубенском районах (20–25%) [2, с. 23].

Численность колхозного населения изучаемого региона за 10 лет, как и в целом численность сельского населения, имела свои тенденции. В Архангельской области, на фоне роста общего числа сельских жителей, численность колхозников выросла на 700 человек с 34,9 тыс. человек в 1980 году до 35,6 тыс. человек в 1989 году. В Вологодской области, на фоне общего сокращения селян, число колхозников сократилось на 20,3 тыс. человек со 141,1 тыс. человек в 1980 году до 119, 8 тыс. человек в 1989 году [10, Л. 16; Л. 34].

Одним из факторов, влияющих на число жителей, согласно демографическому уравнению, является естественный прирост. Естественный прирост населения изучаемого региона см. в табл. 3.

Таблица 3. Естественный прирост сельского населения в 1980-е гг. (человек) [9, Л. 17]

Год	1979	1980	1981	1982	1983
Архангельская область	1165	1257	1831	2461	2305
Вологодская область	-728	-509	-60	655	462
Год	1984	1985	1986	1987	1988
Архангельская область	1815	1703	3040	3145	2394
Вологодская область	503	483	1396	1141	594

Естественный прирост сельского населения Архангельской области опережал естественный прирост сельского населения Вологодской области, в среднем за десятилетие, в 4 раза. Но, несмотря на столь разный уровень и имея незначительные колебания с 1982 года, в обеих областях он достиг максимума в 1986-1987 гг. Затем начал вновь сокращаться в 1988 году. Росту данного показателя способствовало увеличение рождаемости с 1982 года, как следствие расширения экономической помощи семьям. Наибольшее значение естественного прироста отмечалось в 1986 и 1987 гг., что обусловлено эффектом не только от экономических мер государства, направленных на стимулирование рождаемости, но и сокращением алкоголь-ассоциированной смертности после введения антиалкогольной кампании в 1985 г. [16]. Сокращение показателя с 1988 года отражало нарастающий социально-экономический кризис в государстве.

Другим фактором, определявшим численность сельского населения и его динамику в 1980-е гг. являлась миграция.

Миграционная активность населения в сельской местности Архангельской области с 1979 по 1989 гг. значительно отличалась от миграционной активности населения в Вологодской области. Если до 1986 года в Архангельской области наблюдался отрицательный миграционный прирост населения, то 1987 года этот показатель становится положительным. В Вологодской области в 1980 году миграционный прирост сельского населения составил - 9620 человек, достиг наибольшего значения в 1981 году, а в конце периода – 1989 году он

сократился до -5353 человек. Тем самым можем говорить о миграционном оттоке населения из сельских поселений Вологодской области, который не компенсировался естественным приростом населения. Из села уезжали молодые женщины и мужчины репродуктивного возраста, что негативно влияло на брачную структуру населения. Неблагоприятное соотношение полов в сельской местности Вологодской области складывалось в возрасте наибольшей брачности (20-39 лет). В изучаемый период особые сложности со вступлением в брак наблюдались для сельских мужчин. Если в целом по Вологодчине на 1000 мужчин в возрасте 20-39 лет приходилось 920 женщин, то в сельской местности лишь 774 [13, с. 94].

Таблица 4. Миграционный прирост сельского населения (чел.) [10, Л. 44]

Год	1979	1980	1981	1982	1983
Архангельская область	-1390	-3704	-3733	276	-1174
Вологодская область	-9602	-7336	-12798	-5623	-5721
Год	1984	1985	1986	1987	1988
Архангельская область	-691	-170	-552	101	717
Вологодская область	-3596	-5509	-6117	-5566	-5353

Исследователь российской деревни Л. Н. Денисова в своём исследовании отмечала, что повышенный, по сравнению с другими районами России отток молодёжи из сельского хозяйства Нечерноземной полосы, в том числе Вологодской области вызван, с одной стороны, близостью городов и промышленных предприятий, с другой – более высоким уровнем ручного низкооплачиваемого труда и неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями [5, с. 47]. Данный тезис подтверждает официальная статистика об уровне заработной платы. Если средняя заработная плата в 1982 году в Архангельской области составляла 230,4 р. в городе и 217,6 р. на селе, то в Вологодской области она равнялась 174,4 р. в городе и 171,3 р. на селе. Архангельская область была приравнена к районам Крайнего Севера, поэтому оплата труда была выше, за счёт региональных надбавок [15, Л. 32-34].

Удельный вес сельского населения говорит о степени урбанизированности региона. РСФСР в 1958 году перешагнула урбанизационный рубеж – более 50% населения страны (52,8 по данным переписи

1959 года) являлись горожанами. Архангельская область перешагнула данный рубеж в это же время, будучи одной из высоко урбанизированных областей России. В Вологодской области наблюдалась иная тенденция, во многом из-за специфики системы хозяйства. Вологодчина – преимущественно аграрный регион Европейского Севера России. Урбанизационный переход здесь был совершён относительно поздно – в конце 1970-х гг., что и зафиксировала перепись населения 1979 года. К 1989 году Архангельская область была высокоурбанизированным регионом, Вологодская область – регионом со средней степенью урбанизации.

Рост городских поселений был закономерен, так как одним из направлений советской политики по отношению к селу являлось переустройство деревни. Вплотную к этому подошли в начале 1960-х гг., когда стало очевидно, что исторически сложившая мелкоселённая сеть поселений, как в Вологодской и Архангельской областях, не соответствовала новым требованиям по укрупнению производства. Тенденция укрупнения сельскохозяйственных и лесных предприятий тянула за собой и укрупнение посёлков, их концентрацию вокруг центральных усадеб. Что часто подразумевало формирование крупных посёлков городского типа и негативно влияло на сельские поселения. Динамика численности сельских поселений Вологодской области отражена на рис. 1.

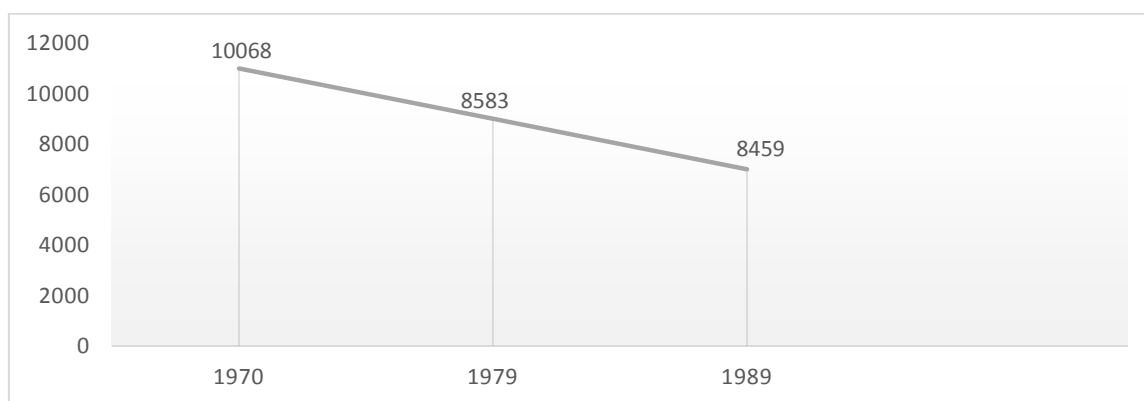

Рисунок 1 – Динамика количества сельских населённых пунктов Вологодской области в 1970–1980-е гг. [4, Л. 6]

В 1970-е гг. на Европейском Севере России и в Вологодской области, в том числе наблюдалось резкое сокращение количества сельских населённых пунктов. С 1970 по 1979 гг., в условиях ликвидации мелких и неперспективных сельских поселений на Вологодчине их стало меньше на 1485 поселений или на 14,7%. В 1980-х годах снижается ежегодный темп сокращения сельских поселений. За 10 лет с

1979 по 1989 гг. в области и стало меньше на 124 поселения (1,5%). По мнению Н. В. Солдатовой, этому содействовало, в первую очередь, замедление промышленного строительства в крупных городах области – Вологде и Череповце [12, с. 59]. Кроме того, в 1988 году была принята правительственная программа по усилению мер социального преобразования села Российского Нечерноземья. Но несмотря на это, количество сельских населённых пунктов продолжало сокращаться. В Архангельской области наблюдалась аналогичный процесс. Если в 1970 году в регионе насчитывалось 5160 сельских населённых пунктов, то в 1989 году их количество сократилось до 3602 [7, с. 99].

Таким образом, рассмотрев представленный материал можем говорить о демографическом развитии села Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. и выделить как общие, так и особые тенденции в каждой территориально-административной единице. Общей и наиболее глобальной тенденцией являлось сокращение сельских населённых пунктов и их укрупнение в 1980-е гг. Сокращение сельских населённых пунктов в Вологодской области сопровождалось значительным сокращением численности сельского населения, который во многом был обусловлен активной миграцией в крупные города региона. В Архангельской области, несмотря на сокращение сельской поселенческой сети, число сельских жителей в 1980-е гг. увеличилось. Естественный прирост сельского населения в Вологодской области был в 6 раз меньше миграционного оттока из деревни и не мог его компенсировать. В Архангельской области ситуация была более благополучная – естественный прирост в значительной степени перекрывал миграционный отток из села, за счёт чего численность сельского населения области в 1980-е гг. росла.

Библиографический список

1. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М.: Статистика, 1974. 83 с.
2. Вологодская область в цифрах 1980–1990 гг. Вологда: Госкомстат РСФСР, 1991. 151 с.
3. Гилёва Н. В. Демографические процессы в колхозной деревне Европейского Севера России в 1960–1970-е гг.: дис. кандидата исторических наук: 07.00.02. Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2001. 164 с.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1703. Оп. 20. Д. 9728, Оп. 21. Д. 10320.
5. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Изд. центр ИРИ. 1996. 216 с.
6. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Се-

вера России в 1940–1950-е гг. Вологда: ВГПУ, 2011. 122 с.

7. Константинов, А. С. Трансформационные изменения в территориально-поселенческой структуре Архангельской области в 1939-2010 гг. // *АиС.* – 2013. – № 11. – С. 93-107.

8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 68. Д. 6210.

9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 68. Д. 6212.

10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 68. Д. 6217.

11. РГАЭ. Ф. 1652. Оп. 336. Д. 1566а.

12. Солдатова Н. В. Динамика расселения Вологодской области во 2 половине XX века. Вологда. 2010. 166 с.

13. Тимошина И. А. Состояние брачности в Вологодской области в конце 1980-х гг. // *Материалы Всероссийской научной конференции «XVI ежегодная сессия аспирантов и молодых учёных».* Вологда. Том III. 2023. С. 90-93.

14. Фаузер В. В., Смирнов А. В. Население республики: Коми от советского прошлого к арктическому будущему // *ЭКО.* 2021. № 9. С. 168-190.

15. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. П-1283. Оп. 56. Д. 215.

16. Шельгин К. В. Алкогольная и неалкогольная составляющие смертности в России, 1980-2015 гг. // *Социальные аспекты здоровья населения.* 2017. № 3. С. 3–18.

ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

THE PROCESS OF URBANIZATION IN WESTERN SOCIOLOGY

Э.Н Тужба., З.Э. Тужба

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия

E.N. Tuzhba, Z.E. Tuzhba

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В современном мире образ жизни городских жителей, определяет стандарты человеческого существования и именно поэтому город интересен в качестве объекта исследования. Город имеет прямое отношение к социологии, являясь, по сути, основой всего социального, полем функционирования всех сфер жизнедеятельности, где граждане реализуют свои способности и потребности. В статье проанализированы теоретические работы, посвященные городской среде, которые охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; факторами их развития и расширения. Показано, что теоретические основы анализа городского пространства, ставшие ориентирами последующих исследований, были заложены в нач. XX в.

Abstract. In the modern world, the lifestyle of urban residents determines the standards of human existence and that is why the city is interesting as an object of research. The city is directly related to sociology, being, in fact, the basis of everything

social, the field of functioning of all spheres of life, where citizens realize their abilities and needs. The article analyzes theoretical works on the urban environment, which covered issues related to the cause of their occurrence, structure and functions; features of the lifestyle of the population and various groups; factors of their development and expansion. It is shown that the theoretical foundations of the analysis of urban space, which became guidelines for subsequent research, were laid at the beginning of the 20th century in the works of.

Ключевые слова: социология города, глобализация, городская культура, городское пространство, урбанизация, мегаполис, социальные риски, субурбанизация.

Key words: urban sociology, globalization, urban culture, urban space, urbanization, metropolis, social risks, suburbanization

В современном мире образ жизни городских жителей, определяет стандарты человеческого существования и именно поэтому город интересен в качестве объекта исследования. Город имеет прямое отношение к социологии, являясь, по сути, основой всего социального, полем функционирования всех сфер жизнедеятельности, где граждане реализуют свои способности и потребности. Он является местом сосредоточения финансов и власти, источником инноваций, духовного и культурного влияния.

На протяжении всей своей истории человечество проживало в сельской местности, в рамках аграрного общества. Еще в начале XIX века 97% жителей земли проживало в сельских поселениях в численном отношении редко превышавших 5 тыс. человек. В течении двух веков, уже к 2000 г. в мире сформировалось 254 города, с населением в 1 млн. и более человек [1].

Сегодня существует более 400 городов-миллионников, которые различаются по своему характеру, культуре и истории. Если взять за основу фактор населения, то выделяют сверхкрупные города, превышающие 3 млн. чел.; крупнейшие более 1 млн. чел.; крупные от 250 тыс. до 1 млн. чел.), большие от 100 до 250 тыс. чел.; средние от 50 до 100 тыс. чел.; малые менее 50 тыс. чел.

Урбанизация, это всеобъемлющий процесс усиления роли городов, городской культуры и образа жизни в развитии социума, охватывающий в территориальном аспекте и сельскую местность, определяя ее трансформацию – социальную, экономическую, демографическую и т.д. В результате наблюдается стремительное развитие пригородов крупных городов – субурбанизация, сопровождающаяся внедрением некоторых городских условий и норм жизни в сельское поселение. Все это ведет к качественным изменениям сельской местности: увеличиваются несельскохозяйственные занятия сельского населения и

маятниковая миграция; изменяется социально-профессиональная структура, образ жизни сельских жителей, уровень благоустройства.

Рост интереса к исследованию городской среды со второй половины XIX в. явился ответом на процессы урбанизации. Возникновение новых и развитие старых городов, увеличение их политической, экономической и культурной роли, способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городского населения. В XX веке урбанизация обрела глобальные черты, в разных частях света стали возникать мегаполисы с большим количеством населения, и прогнозируется их дальнейшее расширение, что актуализирует развитие такого отраслевого направления, как социология города.

Первые современные теоретические исследования города охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; межличностной коммуникацией в условиях города; факторами их развития и расширения.

Одним из первых изучал жизнь в городе Дж. Кей-Шаттлуорт, которому принадлежит сбор и анализ количественных данных о нравственных и интеллектуальных характеристиках различных слоев населения с целью разработки решений в области социальной политики и социального управления; рекомендаций по улучшению санитарных условий жизни текстильных рабочих Манчестера [2].

В работах К. Маркса прослежена историческая связь материального производства, форм собственности, дифференциации и разделения труда с городской средой. На разных стадиях развития с изменением общественных отношений изменяется и роль города. Основатель диалектико-материалистического подхода к изучению общества проводит сравнительный анализ города и цивилизации, города и деревни. Индустриальный город у классика рассматривается в контексте исторического процесса, являясь ступенью на пути экономического развития и строительства социализма. Город как бы противопоставлен деревне, это место разрушения сельской традиционной жизни, место формирования «классового сознания», объединения рабочего класса для свершения социальной революции. Именно города выступают местом сосредоточения огромного количества рабочих и их эксплуататоров, полем классово-борьбы, достигающей именно здесь своего наивысшего проявления.

Э. Дюркгейм пишет: «Города всегда происходят от потребности, побуждающей индивидов постоянно находиться в максимально воз-

можной близости друг к другу; они представляют, как бы точки, в которых социальная масса сжимается сильнее, чем в других местах». В своем анализе общества, Э. Дюркгейм воспринимает его не просто объединением людей, а как живой целостностью, состав которой определяется поведением индивидов и собственными законами развития. Общество рассматривается в качестве единого социального организма системы, элементы которой должны гармонизировать между собой ради сохранения целого.

«Города возникают от необходимости, стимулирующей людей находиться в близости друг к другу, в них социальная масса сжимается сильнее, чем в иных местах» [3, с. 241].

Общие нормы и ценности выступают основой взаимодействия экономики, государства, семьи и т.д., и на основе этих норм и ценностей происходит социализация индивидов. Во взаимодействии общества и личности важное значение имеет коллективное сознание. Коллективность трактуется Э. Дюркгеймом, как «основной фактор социальности», естественное лоно жизнедеятельности людей. Основатель структурного функционализма, одного из основных направлений в современной социологической теории рассматривал индустриальное общество как структуру функциональных отношений.

Классик анализировал общества, основанные на механической (простые) и органической (сложные) солидарности. В первом случае разговор идет о традиционном обществе, во втором индустриальном. Для традиционной солидарности специфично следующее: одинаковость сознания, которое подчинено коллективному сознанию; отношения между людьми непосредственны. Церковь и семья являются основными агентами социального контроля.

Органическая солидарность предполагает, что отношения между людьми строятся на основе выполняемых ими профессиональных функций, что люди отличаются, принадлежат к собственной сфере деятельности, обладают индивидуальным сознанием. Признавая важность и связывая надежды на усиление значения «органической солидарности», автор, тем не менее, выражает озабоченность тем, что переход от традиционного общества (основанного на механической солидарности) к индустриальному (основанному на органической солидарности), чреват разрушением традиционного социального контроля, усилением девиаций в поведении, социальной аномией. Как мы видим, в первом случае разговор идет об аграрных обществах, во втором о городских. Тем не менее, Э. Дюркгейм полагает, что основой урбанизации и прогрессивного развития общества является профес-

сиональное разделение труда. На этих позициях стоят и многие современные авторы, а некоторые идеи продолжают развитие в социологии города – городская среда как уплотнение пространства и интенсификации взаимосвязей и взаимодействий; городская среда как новая форма социокультурной интеграции, переход к обществу иного типа.

В своей работе посвященной положению рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс пишет: «Промышленная революция второй половины XVIII века в Англии, произвела переворот в гражданском обществе, способствуя развитию пролетариата.... До использования машин полный цикл производства ткани осуществлялся в рамках семейного производства, располагавшегося вблизи городов, а произведенная продукция продавалась. Материальное положение таких рабочих было значительно лучше, они не переутомлялись, имели возможность откладывать часть вырученных средств и арендовать небольшой участок земли, который обрабатывали в часы досуга.... Они в моральном и интеллектуальном отношении находились на уровне крестьян, который был выше, чем у городских жителей. Проживая по соседству с городами и не посещая их, они вели приличный образ жизни, регулярно посещали церковь, не устраивали заговоров и превосходно уживались с привилегированным классом. В их среде отсутствовали и поводы к безнравственной жизни, поскольку по близости не было кабаков, притонов.... Машинное производство способствовало увеличению производительности, снижению цены на продукцию, что постепенно вело к исчезновению ткачей-земледельцев и превращению их в новый класс ткачей, не имевших собственности и существовавших только на заработную плату. Результатом явилось то, что меньшинство (капиталисты) богатели, а рабочий класс утратил всякую собственность, уверенность в заработке. Население росло очень быстро, и практически весь прирост приходился на рабочий класс. Аналогичные процессы наблюдались и в сфере ремесленного производства и торговли. На смену мастерам и подмастерьям пришли капиталисты и рабочие, а ремесло превратилось в фабричное производство.

В этом и состоят социальные риски города, о которых Энгельс не говорит прямо, хотя отмечает, что социальное положение масс местом концентрации которых выступают города, только ухудшается. Встает вопрос, как Энгельс объясняет возникновение больших городов, и какие факторы определяют их развитие.

Каждая вновь созданная фабрика, построенная в сельской мест-

ности, утверждает автор, потенциальный зародыш фабричного города. Когда фабрика не может обеспечить работой всех желающих, начинает падать заработная плата, что приводит к появлению новых фабрикантов (конкуренция) и поселок постепенно превращается в город. Чем больше город, тем лучше инфраструктура и его привлекательность для основания бизнеса, централизация собственности здесь достигает апогея, и тем последствия этого развития по отношению к рабочим проявлены наиболее определенно. Большие города с их централизацией, скоплением огромного количества людей в одном пространстве умножают мощь, но и предполагают жертвы, которые обнаруживаются впоследствии.

Ф. Энгельс пишет: «Это обособленность, бесчувственное равнодушие каждого, преследующего только свои частные интересы человека, тем более оскорбительны и отвратительны, поскольку эти индивиды сосредоточены в ограниченном пространстве.... этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, и он больше всего просматривается в суеде большого города. Социальная война «всех против всех» провозглашена здесь открыто, и каждый воспринимает другого в качестве объекта эксплуатации» [4].

Таким образом, в работе Ф. Энгельса представлены закономерности капиталистической формы хозяйствования, рассматривается специфика промышленного переворота, приведшего к возникновению заводского пролетариата, и отмечен классовый антагонизм. Критика капитализма основана на утверждении неизбежности образования армии безработных, периодического возникновения экономических кризисов, и усиления эксплуатации трудящихся в процессе расширения капиталистического производства, что, в конечном счете, вызовет волну возмущений и приведет к свержению существующего строя.

В зарубежной научной традиции накоплен большой опыт исследования городской среды, в результате сформировалось несколько теоретических подходов к анализу феномена городского пространства. Согласно социологическому подходу городская среда понимается как социальное пространство, динамическая система социальных взаимоотношений и коммуникаций, на которую возложена посредническая функция в формировании межличностных отношений. Город при социологическом ракурсе рассмотрения, это социальный институт обеспечивающий коммуникацию множества гетерогенных человеческих общностей и индивидов.

М. Вебер [5] не ограничивается определением понятия «город»,

предлагает собственную классификацию типов городов, показывает их отличия, выделяет факторы оказывающих влияние на формирование типа города. Он вводит в свою методологию категорию идеальный тип, и предлагает любые процессы или общественные явления объяснять посредством отклонения от условно принятого идеала. Идеальный тип, это некая модель того, что отвечает интересам и полезна индивиду. Религиозные, моральные, политические и другие ценности и основанные на них нормы, правила и установки поведения и общежития могут выступать в качестве идеальных типов.

Главными показателями его системы выступают пространственные характеристики города, хозяйственные занятия, основа выживания населения, стратификационная корреляция между различными слоями, культура города, специфика управленческой деятельности, творческая деятельность, динамика эволюционных трансформаций характерных для городской повседневности. Таким образом, город, это поле аккумуляции факторов, оказывающих влияние на его развитие, центр потребления и производства, специфика которых определяется сложностью социальной структуры. Товарно-денежные отношения выступают экономической базой города, причем М. Вебер проводит различия между хозяйственной составляющей и административно-политической, так как в первом случае разговор идет о рынках и деньгах, а во втором об армии и крепостных сооружениях. В функциональном отношении Вебер выделил несколько принципов отличающих город от других населенных пунктов. Это безопасность, управление, торговля и обмен, разделение труда и промышленность способствующие эффективности общественного производства.

Г. Зиммель в сравнительном анализе жизни в большом городе и сельской местности, отмечает социально-психологические риски, вызванные повышенной нервозностью городской жизни, возникающей от непрерывной смены впечатлений. Большой город порождает подобные психологические условия стремительным темпом, разнообразием хозяйственно-профессиональной и общественной жизни.

В сельской местности впечатления протекают равномерно, медленно в условиях привычного образа жизни, что требует меньшей затраты сознания. Этим и объясняется превосходство интеллектуального характера душевной жизни в больших городах в сравнении с сельской местностью, где требуется проявление души и чувственных отношений.

Большие города, будучи центрами обмена и финансового хозяйства, придали функции обмена такое значение, которое оно не могло

достичь в сельской местности ввиду скудности обменных отношений. Денежное хозяйство и рассудочность находятся в тесной взаимосвязи, так как и первому, и второму свойственно деловое отношение к людям, при котором очень часто формальная справедливость сочетается с жестокостью и равнодушием. Противоположный характер людских отношений в сельской местности, где они проникнуты чувствами, а продукт производится для знакомого потребителя, большой же город живет производством для рынка для неизвестного потребителя, что приводит к формализации и обезличиванию отношений. Выражая явные симпатии сельскому образу жизни Г. Зиммель признает, что разнообразия и сложности жизни большого города, вызванные скоплением такой большой людской массы с дифференцированными интересами в ограниченном пространстве, предполагают именно такой порядок иначе неизбежно наступление полнейшего хаоса. Г. Зиммель пишет: «Жизнь большого города предполагает пунктуальность, точность, расчётливость, его сложность и пространность находятся в тесной связи с его финансово-хозяйственным и интеллектуалистическим характером... Факторы и условия, способствовавшие возникновению совершенно безличной формации, оказывают влияние, в то же время, на крайнее развитие ее индивидуальности» [6].

Ф. Тённис рассматривает город посредством анализа двух типов общественной организации, которыми являются социальная общность и общество. В своей типологии социальности он предлагает различать общинные отношения, где доминируют родственные и личностные отношения и общественные, где доминируют формальные институты. Общинные отношения естественны, общественные искусственны, в случае с общинными отношениями разговор идет о земле, территории, семейном праве; с общественными об имуществе, финансах, торговом праве. По его мнению, в исторической перспективе общественная социальность вытесняет общинную. Эти два типа социальности характеризуют как взаимоотношения людей, так и их отношение к социуму. В обществе целое возникает из частей, в общине социальное целое предшествует частям.

По мнению Ф. Тённиса, исследование города предполагает анализ функционирования города в качестве организма, выступающего неотделимой частью общности [7, С. 58].

В идеале традиционное сельское общество Тенниса характеризуется следующими чертами: непосредственные взаимоотношения и контакты выступают главенствующей формой отношений; основой регуляции взаимоотношений выступает традиция, кровное родство,

дружеские и соседские отношения; социальное положение индивида определяется полученным по родству статусом; «самость» функционирующая на основе личных убеждений и возникающая на этапе первичной социализации является субъектом социального действия.

В идеале тип нового, городского общества характеризуется следующими чертами: безличные, специализированные отношения, основанные на расчете выступают основной формой отношений; формальная деловая этика и нормативность выступают механизмами регуляции взаимоотношений индивидов; личные достижения, достигаемый статус основа социального положения человека; субъектом социального действия выступает человек, действующий на основе формальной механической солидарности с другими членами общества и формальными организациями.

Процесс урбанизации во второй половине XIX века, спровоцировал рост научного интереса к исследованию городского пространства. Развитие и расширение старых и возникновение новых городов, усиление их культурной, политической и экономической роли, способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городов. В XX веке урбанизация обрела глобальные черты, в разных частях света стали возникать мегаполисы с большим количеством населения, и прогнозируется их дальнейшее расширение, что актуализирует развитие такого отраслевого направления, как социология города. Первые современные теоретические исследования города охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; межличностной коммуникацией в условиях города; факторами их развития и расширения. К началу XX века в работах (К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса), были заложены основы в исследовании города, которые стали ориентирами последующих исследований. При всей важности и значимости работ предшественников, заложивших основы исследования города, создание социологии города как отраслевой социологии отправляет нас к Чикагской школе, которая будет рассмотрена нами далее, представители которой разработали два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни) составляющих современную теоретико-методологическую основу отраслевой социологии города.

Библиографический список

1. Cohen R., Kennedy P. Global sociology. N.Y., 2007. P. 408.
2. Добренков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии //

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/14.php (дата обращения 17.04.2023).

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии // Пер. Л.Б. Гофмана. М. : Наука. 1991. 576 с.

4. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet03.htm> (дата обращения 22.05. 2023).

5. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист 1994. 704 с.

6. Зиммель Георг. Большие города и духовная жизнь // <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 11.06.2023).

7. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль. 2002. 452 с.

8. Вожжова А.В., Пупкова Ю.В. Лидеры мнений в социальных сетях // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. №6. С. 86-93.

ЭТНИЧЕСКАЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

ETHNIC INTRAREGIONAL DIFFERENTIATION OF MORTALITY ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

С.Р. Хазипова

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

S.R. Khazipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния этнического фактора на смертность в Республике Башкортостан. Были рассмотрены три преобладающие группы в республике: русские, башкиры, татары. Был рассчитан показатель ожидаемой продолжительности жизни для трех национальных групп. Были выявлены различия: самые высокие результаты долголетия среди башкирских групп, самые низкие среди татар. Также был проведен социологический анализ опросного метода, проведенного в 2020-2021 гг. по отношению к здоровью среди населения Башкирии. Было установлено, что среди татар хронических заболеваний выше, чем в других этнических группах.

Abstract. The article presents the results of a study of the influence of the ethnic factor on mortality in the Republic of Bashkortostan. Three predominant groups in the

¹ Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков)

republic were considered: Russians, Bashkirs, Tatars. The life expectancy indicator was calculated for three national groups. Differences were revealed: the highest longevity results among Bashkir groups, the lowest among Tatars. A sociological analysis of the survey method conducted in 2020-2021 in relation to health among the population of Bashkiria was also carried out. It was found that there are more chronic diseases among Tatars than in other ethnic groups.

Ключевые слова: этническая дифференциация смертности, этническая демография, татары, башкиры, русские.

Key words: ethnic differentiation of mortality, ethnic demography, Tatars, Bashkirs, Russians.

Введение. Анализ этнической дифференциации смертности является важным аспектом изучения демографических процессов, поскольку он представляет собой объективную характеристику этнического процесса и влияет на воспроизводство населения. Однако в России эта тема изучена недостаточно. Как отдельная научная тема она зародилась с работой демографа М.В. Птухи в 1920-е годы. Основываясь на демографических данных из европейской части Российской империи, М.В. Птуха провел первоначальное исследование смертности 11 этнических групп, которое было настолько фундаментальным, что именно с него началось формирование отдельной научной дисциплины – «этнической демографии» в СССР [10]. В зарубежной Европе развитие этнической демографии, в частности смертности возникло с работой польского антрополога и статистика Л. Кшивицкого по демографическому развитию родоплеменных обществ. Демографическое поведение связывали с нравами и обычаями разных национальных групп [3].

Смертность, как и рождаемость, обычно не связана напрямую с этнической принадлежностью, за исключением редких случаев насильственной смерти, связанной с этническими конфликтами или геноцидом. Однако этнические традиции играют в этом отношении большую роль. Влияние этнических факторов на смертность обычно меньше, чем на рождаемость, и в большей степени зависит от социально-экономических факторов. Основное влияние этнических факторов проявляется в генетическом аспекте.

Одним из способов, с помощью которого этническая принадлежность влияет на смертность, является практика эндогамии, то есть предпочтение браку с членами своей собственной этнической группы. Это может привести к различиям в распространенности определенных наследственных заболеваний среди разных этнических групп. Генетические особенности, связанные с определенными условиями

окружающей среды, также могут влиять на состояние здоровья. Например, изменения в этих условиях в результате миграции могут привести к различным заболеваниям и более высокому уровню смертности. На распространенность определенных заболеваний и показатели смертности также могут влиять такие факторы, как местные условия окружающей среды, экономическая деятельность и другие аспекты жизни, характерные для этнических районов. Именно поэтому изучение различных систем жизнеобеспечения, изучаемых в рамках этнической экологии, представляет особый интерес для этнической демографии [10].

Целью данного исследования является изучение характеристик смертности и средней продолжительности жизни в Республике Башкортостан для наиболее многочисленных национальностей в период, близкий к переписи. Исследование будет основано на имеющихся статистических данных, но ограничено имеющимися данными. Важно отметить, что при переписи населения в Башкортостане этническая принадлежность учитывалась на основе самоопределения, а национальность фиксировалась в результате ответа относительно опрашиваемого.

Методы и информационная база. Было проведено исследование, в ходе которого изучили три наиболее многочисленные национальности в Башкортостане: башкир, русских, татар. Исследование охватывало период времени, близкий к переписи населения, а именно 2020–2021 годы. Так как исследовались малые территории, то данные были малочисленны. Поэтому ожидаемая продолжительность жизни рассчитывалась за два года: 2020–2021 гг. соответственно. Были созданы таблицы ожидаемой продолжительности жизни тех районов и городов в которых преобладало население данных национальностей. На основе полученных данных была изучена взаимосвязь показателя ожидаемой продолжительности жизни и этнического фактора. Кроме того, было проведено социологическое исследование в Республике Башкортостан. Объем выборки количественного исследования в Башкортостане – 1 184 человека. В данных республиках опросы проводились в период с 2020 по 2021 гг. Метод сбора данных: анкетирование с помощью бумажных анкет и при помощи веб-ссылки на электронную анкету; платформа для опросов SimpleForms позволяла отслеживать поступающие анкеты и осуществлять контроль качества данных. Использовалась стратифицированная выборка по типу населенного пункта с квотированием по полу, возрасту, образованию и национальной (этнической) принадлежности респондентов, что обеспечива-

ет валидность и репрезентативность выборки.

Теоретические основы. Изучение влияния этнической принадлежности на смертность и ожидаемую продолжительность жизни населения делится в два этапа: научные работы до пандемийного 2020 года [1; 4]; работы, связанные с периодом Ковид-19 [2]. С распространением коронавирусной инфекции количество исследований, рассматривающих основные факторы здоровья и продолжительности жизни увеличились. Соответственно, была изучена более глубоко тематика этнической дифференциации смертности.

Результаты. Историческое становление и развитие этнических групп в Урало-Поволжском регионе было сложным и насыщенным событиями. Исследователь А.Т. Бердин подчеркивает важность взаимодействия этнических групп в исторической динамике и выявляет закономерности развития этого процесса. Согласно его теории, татарская нация сформировалась в конце 19 века благодаря подъему мусульманского просвещения [6]. Этот фактор стал ключевым в объединении различных этнических групп и формировании татарского национального проекта. Татары играют важную роль как часть российского общества, сочетая в себе элементы диаспорной цивилизации и традиционного общества. В результате в современном обществе сформировался особый социокультурный тип этнической культуры.

Исследователь А.Т. Бердин считает, что формирование татарской нации связано с расцветом мусульманского просвещения в конце 19 века. Эта тенденция стала ключевым фактором объединения различных поволжских этносов и субэтнических группировок и создания татарского национального проекта. Татары являются неотъемлемой частью российского общества, объединяющей элементы диаспорной цивилизации и традиционного общества. Это привело к формированию особого социокультурного типа этнической культуры в современном обществе. Татарская нация в основном формировалась с преобладанием элементов промышленной и городской культуры, таких как торговля, ремесла, преподавание и различные торговые услуги. В то же время лучшее в башкирском миропорядке отличается от такового у татар и характерно для традиционного общества, они менее урбанизированы.

Башкиры по своему статусу и поул-позиции отличались от других народов. Они были свободными членами общины, владельцами своих земель, которые передавались по наследству. Башкиры не были подвластны правящей империи и порабощению, которое пыталось их поработить, и, по сути, они были защитниками всей России, вплоть до

Кавказских войн. В их обществе основным занятием было скотоводство с элементами кочевничества, пчеловодство и охота, которые основывались на их собственности на землю. У них не было элементов цивилизации диаспоры [6]

Поэтому многие муниципальные районы Республики Башкортостан делятся на 3 вида с преобладающим этническим составом той или иной группы. В исследовательской работе выделены такие три группы, как: русские, татарские, башкирские. *К русским относятся:* город Кумертау (64,3%), город Салават (52%), город Стерлитамак (52,6 %), Белорецкий район (59,1 %), Бирский район (51,6 %), Благовещенский (60,4 %), Дуванский район (63,2 %),. *К Башкирским:* город Сибай (58,9%), Абзелиловский муниципальный район (91,2 %), Аскинский район (72,9%), Баймакский район (87,8%), Балтачевский район (51,7 %), Благоварский район (50,4 %), Бураевский район (70,2%), Бурзянский район (97,9%), Гафурийский (52,9%), Зианчуринский (72,3%), Зилаирский район (58,7%), Илишевский (78,6%), Кугарчинский (59,2%), Мечетлинский район (65,5%), Салаватский район (69,6%), Татышлинский район (69,5%), Учалинский район (68,8%), Хайбуллинский район (82,9%). *К татарским поселениям относят:* Бакалинский район (51,6%), Буздякский (55,3%), Дюртюлинский (50,5%), Кигинский (52,9%), Чишминский район (50,3%).

На основе районов были рассчитаны показатели ожидаемой продолжительности жизни с помощью статистических данных Росстат: таблицы С-42 «Умершие в году по возрасту и полу» и таблицы 2РН «Численность населения по возрасту и полу». Данные брались за два года с 2020-2021 гг. в связи с малочисленностью событий из-за малых территорий. В таблице 1 рассмотрены основные статистические показатели среди полученных результатов ожидаемой продолжительности жизни населения РБ. К этническим группам относились группы районов с преобладающим этническим составом вышеупомянутым ранее.

Таблица 1. Основные показатели ожидаемой продолжительности жизни среди этнических групп: русских, башкир и татар*

Этническая группа	Среднее	Стд. отклонение	Медиана	Минимум	Максимум	Размах
Башкиры	68,5	3,5	68,2	63,7	77,8	14,1
Русские	66,2	3,2	66,4	62,0	69,9	7,9
Татары	65,6	2,5	65,3	62,9	69,3	7,6

*Данные были рассчитаны автором на основе полученных результатов ОПЖ в SPSS. Данные ОПЖ получены с помощью индивидуального запроса в Росстат. Были использованы:

таблицы С-42 «Умершие в году по возрасту и полу» и таблицы 2РН «Численность населения по возрасту и полу». Данные брались за два года с 2020-2021 гг. в связи с малочисленностью событий из-за малых территорий.

По таблице 1 видно, что преимущественно в башкирских территориях среднее значение показателя ожидаемой продолжительности жизни был равен 68,5 лет. При этом минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни было обнаружено в Учалинском районе – 63,7 лет, а максимальное в Баймакском муниципальном районе – 77,8 лет. Менее высокие показатели наблюдается условно в русских и татарских территориях. Преимущественно на территориях с русским населением среднее значение ожидаемой продолжительности жизни составляет 66,2 года, где максимальное значение в городе Салавате – 69,9 лет, минимальное значение в Белорецком муниципальном районе – 62 года. В районах, где наибольшее количество составляли представители татар, было выявлено, что средняя продолжительность жизни составляет – 66,7 года. Среди них долгожителем являлся такой муниципальный район, как Буздякский с значением в 69,3 года. А наименьшее количество ожидаемой продолжительности жизни был у Дюртюлинского муниципального района – 62,9 лет.

Автором был проведен корреляционный анализ в базе SPSS для обнаружения взаимосвязи между ожидаемой продолжительности жизни и национальной принадлежностью на основе полученных результатов. Было обнаружено, коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,07. Поскольку это число положительное, это означает, что эти две переменные имеют слабую положительную связь. Но значение r , связанное с коэффициентом корреляции Пирсона составляет 0,7. Так как это значение не менее 0,05, две переменные: этническая принадлежность и ожидаемая продолжительность жизни не имеют статистически значимой связи. Таким образом, можно предположить, что в данный пандемийный период смертность населения среди разных национальных групп не имела зависимости от этнического состава в Республике Башкортостан.

Отсутствие определенной корреляции между этническими группами и смертностью может быть обусловлено тем, что данные национальности настолько ассимилировали друг с другом за большой достаточно срок проживания вместе. К примеру, в городах Башкортостана в смешанных русско-башкирских и русско-татарских семьях отмечаются как мусульманские, так и православные религиозные праздники. В основном, русское мужчины и его жена принимают участие в праздновании праздников своих родственников: мусульман-

ского, если муж мусульманин, и православного, если муж православный [8].

Однако, рассчитывая ожидаемую продолжительность жизни было все-таки обнаружено, что среди башкирских поселений выше ожидаемая продолжительность (табл. 1). Поэтому данная гипотеза должна было провериться с помощью дополнительного социологического исследования с помощью опросного метода, который был описан в разделе методов. В таблице 2 проанализировано состояние здоровья основных национальных групп.

По таблице 2 видно, что состояние здоровья среди башкирских групп больше с состоянием отличным (14%) и хорошим (46%). Среди татар хотя на данный момент больше людей с отличным здоровьем (16,8%), чем у башкир и русских, но меньше со средним состоянием здоровья (36,2%).

Таблица 2. Состояние здоровья среди основных национальных групп в Республике Башкортостан. Ответ на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние Вашего здоровья?», %*

Национальность	Отличное	Хорошее	Удовлетворительное	Неудовлетворительное	Затрудняюсь ответить
Башкир (ка)	14,0	46,0	32,2	6,6	1,2
Русский (ая)	11,4	36,2	41,3	9,9	1,3
Татарин (ка)	16,8	32,6	42,4	7,3	0,9
Другая	15,2	34,8	26,1	23,9	0,0
Итого	13,8	37,9	38,4	8,8	1,1

Примечание: Объем выборки количественного исследования в Башкортостане – 1 184 человека.

*Данные были получены в ходе опросного метода в 2020–2021 году в Республике Башкортостан на базе SimpleForms.

Среди татарских групп имеется наибольшее количество хронических заболеваний – 34,8%. Наименьшее количество заболеваний у башкир, количество здоровых составляет 66,9%. Русские имеют средние позиции по данному вопросу. Однако, если рассматривать исследования, которые изучают генетическую структуру популяций татар, русских и башкир в Республике Башкортостан можно обнаружить некоторую схожесть, что объясняет не столь значительный размах среди показателей здоровья. Поволжские татары, которые географически граничат с Башкортостаном, либо проживают в ней генетически идентичны с башкирами: преобладающий западно-евразийский (84%), и восточно-евразийский компонент (16%) [5].

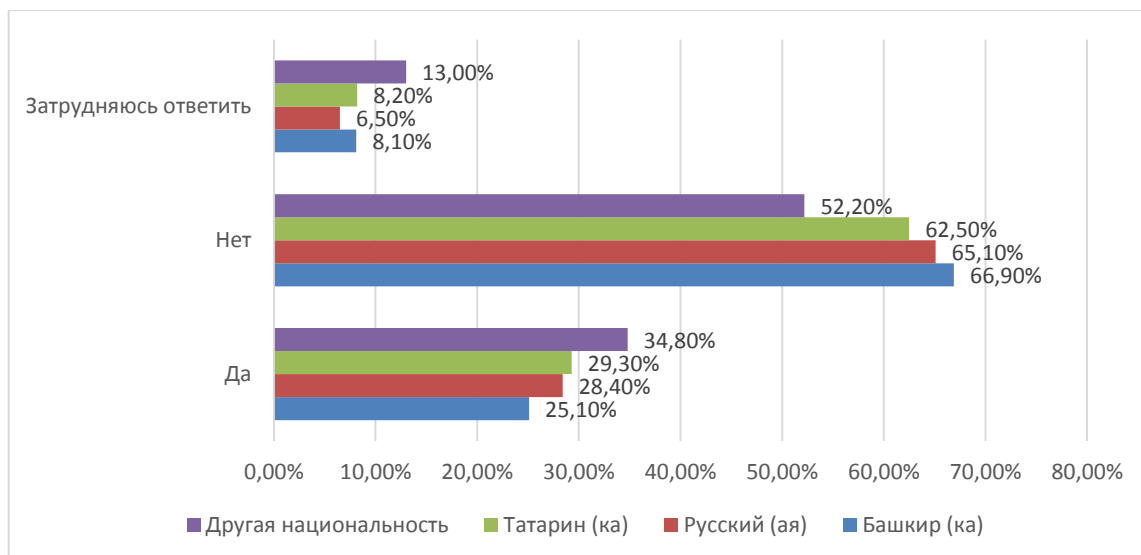

Рисунок 1 – Хронические заболевания среди основных национальных групп в Республике Башкортостан. Ответ на вопрос: «Имеется ли у Вас какая-либо хроническая болезнь, установленная врачом, включая перенесенные инфаркт или инсульт?»*

Примечание: Объем выборки количественного исследования в Башкортостане – 1 184 человека.

*Данные были получены в ходе опросного метода в 2020-2021 году в Республике Башкортостан на базе SimpleForms.

Стоит упомянуть, что первые контакты русских с башкирами не были описаны в письменных источниках, но можно предположить, что такое взаимодействие имело место на местном уровне, особенно в северной и северо-восточной частях Башкортостана, где русское население присутствовало еще до XVI в. Географы считают, что территория Башкортостана имеет удобные топографические условия для пересечения, особенно в направлении с севера на юг, а не с запада на восток [9]. Поэтому можно предположить, что данные национальности прошли через путь ассимиляции.

Выводы. Таким образом, можно сделать выводы, что, хотя и наблюдается различия в продолжительности жизни среди разных национальных групп, нельзя сделать определенного вывода, что между этническими группами и смертностью существует взаимосвязь. В связи с многолетней ассимиляцией и схожими генофондом данные этнические группы в некоторой степени ведут схожий образ жизни. Но все-таки нельзя утверждать, что данные национальные группы полностью идентичны. Например, состояние здоровья выше и отсутствие хронических заболеваний выше среди башкирских людей, чем у русских и татарских групп. Таким образом, эти данные в некоторой степени могут объяснить то, что средняя продолжительность жизни

варьируется от максимального до минимального значения в таком порядке: башкиры, русские, татары.

Однако необходимы дополнительные исследования, чтобы полностью понять причины и механизмы этих различий в показателях смертности среди различных этнических групп. Исследователям рекомендуется принимать во внимание другие факторы, которые могут повлиять на доступ к медицинскому обслуживанию, для борьбы с неравенством в отношении здоровья.

Библиографический список

1. Chartier K, Caetano R. Ethnicity and health disparities in alcohol research. *Alcohol Res Health*. 2010;33 (1-2):152-60.
2. Mackey K, Ayers CK, Kondo KK, et al. Racial and Ethnic Disparities in COVID-19-Related Infections, Hospitalizations, and Deaths : A Systematic Review. *Ann Intern Med*. 2021;174: 362-373.
3. Primitive Society and Its Vital Statistics. Krzywicki, L. Publications of the Polish Sociological Institute. London : Macmillan, 1934. 589 p.
4. Абдуллаева Э.К., Хачиров Дж. Г., Атаев М.Г. Этническая принадлежность, возраст и пол как факторы риска смертности взрослого населения от болезней органов дыхания в сельской местности республики Дагестан // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 3. С. 22-27.
5. Балановская Е.В. и др. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // *Вестник Московского университета*. Сер. 23. Антропология. 2016. №3. С. 75-85.
6. Бердин А.Т. Башкиро-татарский этносоциальный симбиоз с точки зрения историсофии // *Вестник Башкирск. ун-та*. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkiro-tatarskiy-etnosotsialnyy-simbioz-s-tochki-zreniya-istoriosofii> (дата доступа: 30.10.2023)
7. Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVII-XVIII вв. Уфа : Китап, 2010. 265 с.
8. Кучумов И.В. Русские и башкиры в процессах межэтнического взаимодействия на Южном Урале // *Genesis: исторические исследования*. 2016. №5. С. 190-204.
9. Тахаев Х.Я. Природные условия и ресурсы Башкирской АССР : Экон.-геогр. характеристика / *Акад. наук СССР. Башк. филиал*. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. 296 с.
10. Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977. 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЯПОНИИ

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC CRISIS IN JAPAN

А.А. Барабанова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.A. Varabanova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены специфические черты демографического кризиса в Японии. Культурная трансформация, экономический спад, а также две волны высокой рождаемости, создает вызов японским властям. Японское правительство изменяет миграционную политику, которая теперь ориентирована на частичное замещение недостающей рабочей силы именно в тех сферах, которые наиболее всех подвержены влиянию демографического кризиса. При этом такой подход к решению проблемы является временным.

Abstract. The article presents the specific features of the demographic crisis in Japan. Cultural transformation, economic decline, and two waves of high birth rates pose a challenge to Japanese society. The Japanese government is changing its migration policy, which is now focused on partially replacing the missing labor force in those areas that are most susceptible to the impact of the demographic crisis. However, this approach to solving the problem is temporary.

Ключевые слова: Япония, миграционная политика, трудовая миграция, рынок труда, семья, стареющие население.

Key words: Japan, migration policy, labor market, family, aging society.

В послевоенной Японии было две волны так называемого «бэби-бума», резкого скачка рождений. Первая волна произошла в период с 1947 по 1949 г. Число рождений в данный период превысило 2,5 млн чел. каждый год, в результате чего общее число рождений составило около 8 млн. В 1949 г. был достигнут максимальный показатель в 2,69 млн родившихся [5]. Когорта, родившаяся в этот период, называется «поколение узелков» (団塊の世代)[6]

Вторая волна «бэби-бума» произошла в период с 1971 по 1974 гг., пик рождений в 2,09 млн пришелся на 1973 г. Однако, в отличие от первого бума, этот рост рождаемости представляет собой рост числа рождений, который не сопровождался ростом общего коэффициента рождаемости. Людей родившийся в этот период часто называют (団塊ジュニア), что означает «джуниоры узелки»[7].

Суммарный коэффициент рождаемости неуклонно снижался с 1955 г., т.е. с конца второй волны рождаемости, особенности сильно коэффициент падает в период с 1985 по 1990 г. Очией Эмико профес-

сор Киотского университета связывает это с уходом от традиционной модели семьи и ее роли в обществе, к «индивидуальной модели» и господству нуклиарной семьи [8].

Однако нельзя сказать, что Япония полностью отошла от традиционных нравов в отношении семьи. В японских семьях мужчина обеспечивает всю семью, в то время как женщина после рождения ребенка оставляет работу и посвящает себя домашним обязанностям. Данное убеждение все еще актуально в Японии, что создает проблемы для японских женщин для реализации в трудовой сфере. Например, в 2018 г. Токийский медицинский университет уличили в фальсификации результатов в пользу мужчин [1]. Японки часто испытывают трудности с трудоустройством, ведь работодатель ожидает, что они уволятся после замужества. «Вы превращаетесь в домохозяйку без собственного источника доходов. Для таких женщин, как я, это неприемлемо», – говорит сотрудница банка Эри Томита [2].

Сложности также испытывают и японские мужчины. Если в период экономического чуда на одну зарплату можно было содержать всю семью, то после краха японского финансового пузыря, в нынешних условиях не все японские мужчины могут позволить себе семью. Так чтобы завести семью мужчине необходима успешная карьера, при этом японская трудовая этика ставит на первое место работу, а потом семью. И таким образом у мужчин не остается времени на поиск потенциальной невесты. Так большую известность приобрели термин «кароси» (過勞死), смерть от переработки. Зачастую проблему низкой рождаемости рассматривают с «женской» стороны вопроса, однако стоит также рассматривать вопрос японской трудовой этики. В Японии переработки считаются полноценной частью рабочего дня. Как итог работа заменяет японцу семью.

При этом с достижением пенсионного возраста 1 и 2 поколений «бэби-бума» Япония столкнулась с проблемой стареющего населения и острой нехватки рабочей силы. Средний возраст в стране 49 лет. Ожидаемая продолжительность жизни 84,9 лет. При коэффициенте рождений в 1,3 Япония переживает острый демографический кризис. [4] Общая численность населения Японии составляет 126,44 млн чел. по состоянию на 1 октября 2018 г. Население в возрасте 65 лет и старше составляет 35,58 млн чел. Процент людей в возрасте 65 лет и старше (уровень старения) в общей численности населения составляет 28,1%. Население в возрасте от 65 до 74 лет составляло 17,6 млн чел., что составляло 13,9% от общей численности населения. Численность людей в возрасте 75 лет и старше составила 17,98 млн чел., что со-

ставляет 14,2% от общей численности населения, превысив численность населения в возрасте от 65 до 74 лет. В 2065 г. примерно 1 из 2,6 чел. будет в возрасте 65 лет и старше, а примерно 1 из 3,9 чел. будет в возрасте 75 лет и старше [9]. В данных условиях Япония пересматривает само определение «пожилой», в «Отчете Рабочей группы по пересмотру определений пожилых людей» (март 2017 г.) говорится, что новым определением пожилых людей является возраст 75 лет и старше.

Однако с такой проблемой столкнулись и другие государства. Многие страны пытаются решить данную проблему с помощью мигрантов. Однако японское миграционное законодательство является довольно строгим, а доля иностранной рабочей силы мала. В 2015 г. оно составляла всего 2,5% [3]. Однако стоит отметить рост числа неквалифицированных иностранных рабочих, работающих в Японии.

Кроме того, азиатские экономики, откуда приезжает большая часть иностранных рабочих в Японии, быстро развиваются и в то же время начали сталкиваться со старением и сокращением населения. Это значит, что им самим нужна рабочая сила в своих странах. При этом Япония развивает только трудовую миграцию. Процесс получения гражданства долгий и доступен только при браке с японцем. Поэтому миграция в демографическом кризисе Японии играет оказывает только временный эффект. Отработав определенное время, молодые мигранты вернутся домой.

Библиографический список

1. Токийский университет признался в фальсификации экзаменов в пользу мужчин [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/world/624248>
2. Everything you need to know about Japan's population crisis [Электронный ресурс] URL: <https://theweek.com/articles/453219/everything-need-know-about-japans-population-crisis>
3. Historical Background of the Japanese Restrictive Immigration Policy [Электронный ресурс] URL: <https://www.jcer.or.jp/english/historical-background-of-the-japanese-restrictive-immigration-policy>
4. Japan Demographics [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldometers.info/demographics/japan-demographics/#median-age>
5. 第2表－1 人口動態総覧の年次推移 [Электронный ресурс] URL: https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/jinkou/kakutei20/dl/04_h2-1.pdf
6. 団塊の世代 URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%9B%A3%E5%A1%8A%E3%81%AE%E4%B8%96%E4%BB%A3-323154>
7. 団塊ジュニアとはどんな世代？年齢や特徴は？直面する社会課題も徹底解説 URL: <https://bizx.chatwork.com/digitalization/second-generation-baby-boomer/>
8. 特集 家族社会学の回顧と展望—1970年代以降 [Электронный ресурс]

URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jjoffamilysociology1989/10/10-1/10_10-1_145/_pdf

9. 令和元年版高齢社会白書（概要版） [Электронный ресурс] URL: <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2019/html/gaiyou/index.html>

ЭМИГРАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТАДЖИКОВ В РОССИЮ

EMIGRATION OF ETHNIC TAJIKS TO RUSSIA

Ф.М. Гарибова

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

F.M. Garibova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье проведен анализ эмиграции этнических памирцев – жителей Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан в Россию. Определена история возникновения памирского народа. Выявлены исторические этапы эмиграции из ГБАО в Россию.

Abstract. This article analyzes the emigration of ethnic Pamiris – residents of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region (GBAO) of the Republic of Tajikistan to Russia. The history of the Pamir people is determined. The historical stages of emigration from GBAO to Russia are revealed.

Ключевые слова: памирцы, миграция, эмиграция, Горно-Бадахшанская автономная область

Key words: Pamiris, migration, emigration, Gorno-Badakhshan Autonomous Region

Памирцы (памирские народы) – группа народов, населяющая области Западного Памира (Горный Бадахшан), разделённого между Таджикистаном, Пакистаном, Китаем (юго-запад Синьцзян-Уйгурского автономного района), Афганистаном. Говорят, на языках восточноиранской группы иранской ветви индоевропейской языковой семьи, в отличие от собственно таджиков, язык которых относится к западноиранским языкам.

Данный этнос состоит из множества народностей, объединенных общим происхождением, обычаями и традициями, религией и историей. Памирцев разделяют на северных и южных. Среди первых наиболее многочисленной национальной группой являются шугнанцы, их насчитывается более 100 тыс. чел. Рушанцев в три раза меньше. Сарыкольцев почти 25 тыс. чел., а язгулямцев причисляют к малочисленным народностям.

Основную часть южных памирцев составляют ваханцы, их при-

мерно 70 тыс. чел. А сангличцев, ишкашимцев и мунджанцев намного меньше.

Вопрос о национальной (этнической) принадлежности памирцев тесно связан с этнополитической ситуацией как в Таджикистане в целом, так и в Горном Бадахшане в частности. Этническую принадлежность жителей Памира следует рассматривать как явление многоуровневое. Первый уровень – этнический, а именно принадлежность к помири. Этническое самосознание народов Горного Бадахшана проявляется в их самоназвании – «памирец». (Находясь за пределами ГБАО, они идентифицируют себя как «памирские таджики», определением «памирский» выделяя себя из основной массы этнических таджиков.) Если в прошлом понятие «памирец» было связано с географическим местожительством, то со второй половины XX в. приобрело отчетливое этническое звучание [1, с. 12].

Однозначного ответа на вопрос о происхождении памирцев нет. История этого этноса насчитывает более двух тысячелетий. Учитывая принадлежность жителей Бадахшана к европеоидной расе, некоторые исследователи склонны полагать, что памирцы – потомки древних ариев, оставшиеся в горах во время индоевропейской миграции и впоследствии смешавшиеся с местным населением. Впрочем, каких-либо исторических доказательств этой теории нет.

По мнению большинства специалистов, несколько восточно-ранских племен перебрались на Памир отдельно друг от друга и в разное время. Интересно, что их ближайшими родственниками были легендарные скифы – древний этнос, создавший в VII–IV веках до нашей эры огромную империю, простиравшуюся от Крыма до Южной Сибири.

Происхождение памирцев ученые связывают с несколькими волнами миграций кочевого племени саков, которые начали заселять высокогорье в VII–VI веках до нашей эры. Тогда предки ваханцев переселились из Алайской долины, которая расположена восточнее Бадахшана. А будущие ишкашимцы перебрались на высокогорье с юго-запада. Мунджанцев после лингвистического исследования их языка ученые считают остатками бактрийской общности, уцелевшими в отдаленных районах.

Следующая волна миграции саков породила северных памирцев, которые перекочевали в Бадахшан с запада по реке Пяндж, распавшись впоследствии на шугнанцев, рушанцев, язгулямцев и ванджцев. А еще позже предки сарыкольцев перебрались на свои нынешние территории, входящие в настоящее время в состав китайской провин-

ции Синьцзян. Все эти миграционные волны завершились к началу нашей эры.

Благодаря богатым залежам рубина и лазурита обитателей высокогорья регулярно посещали купцы, которые обменивали на драгоценные камни предметы обихода, домашнюю утварь, а также ножи и топоры, другие инструменты. Еще во II веке до нашей эры через долину реки Пяндж шли караваны из Китая по Великому шелковому пути.

На протяжении всей истории Памира этот край пытались завоевать разные тюркоязычные племена, китайцы, арабы, монголы, а также династии Сасанидов и Тимуридов. Но никто из них не остался на высокогорье, чтобы править горсткой племен. Поэтому даже номинально завоеванные памирцы долгое время продолжали жить спокойно, как и привыкли.

Ситуация изменилась в XIX в., когда Россия и Британия вели активную борьбу за влияние в Азии. В 1895 г. была официально установлена граница между Афганистаном, который находился под протекторатом англичан, и Бухарским эмиратом, пользовавшимся поддержкой россиян. Две империи разделили сферы влияния по реке Пяндж, причем Ваханский коридор отошел к Афганистану. Впоследствии там же была установлена граница СССР. Ни в Москве, ни в Лондоне никого не волновала судьба памирских народов, которые оказались буквально отрезанными друг от друга.

Сейчас высокогорье поделено между Таджикистаном, Китаем, Афганистаном и Пакистаном. Языки памирских народов последовательно вытесняются, а их будущее остается неопределенным.

Горно-Бадахшанская автономная область представлена в основном народами со своей особой этнической и конфессиональной идентичностью, а также своими собственными языками («памирскими языками»). Памирские народы, населяющие обширные восточные высокогорья Таджикистана (шугнанцы, рушанцы, ваханцы, ишкашимцы, язгулямцы и некоторые другие), говорят на своих языках, визуально узнаваемы и культурно отличаются от этнического большинства, в основном исповедуя религию исмаилитов (ветвь шиизма), в отличие от большинства населения Таджикистана: мусульман-суннитов. По административно-территориальному делению ГБАО состоит из единственного города – Хорог и 7 районов.

В годы Советского союза не наблюдалась массовая миграция населения ГБАО. В основном в Россию направлялись с целью повышения квалификации, к примеру, учителя, научные и медицинские

работники. Миграционные процессы из ГБАО в Россию возникли в результате распада СССР и гражданской войны в Таджикистане. Выбором страной назначения в миграции жителями ГБАО в основном была Россия, и это связано с тем, что до распада Советского Союза бадахшанцы находились под сильным влиянием советской системы воспитания и образования. В школах изучали русский язык, телевидение в области, по сравнению с другими районами Таджикистана, принимало только российские телевизионные каналы. И, как следствие, практически все население трудоспособного возраста в какой-то степени владело русским языком. Но после того, как Таджикистан обрел независимость и началась гражданская война, ситуация изменилась.

Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) занимает всю восточную часть Таджикистана, являясь крупнейшим по площади регионом страны. Почти всю территорию ГБАО занимает высокогорье, где расположена высокогорная система Памир.

Многотысячная миграция из Таджикистана и Бадахшана началась в мае 1992 г., когда в Таджикистане разразилась кровавая гражданская война, длившаяся почти пять лет. Вместе с 90 тысячами славян, немцев и евреев, бежавших из Таджикистана в Россию, из республики уезжали узбеки, таджики и памирцы – всего более миллиона человек. Беженцы направлялись прежде всего в близкий Афганистан, а также в Пакистан, Иран и Китай, небольшая часть попала в Санкт-Петербург.

Первая волна миграции из ГБАО в Россию началась в 1992–1995 гг., и связана она с начавшимися в то время военными действиями в годы гражданской войны. Их численность составляла приблизительно 300–400 человек. В основном в этой волне эмигрировали мужчины трудоспособного возраста и работали в Москве грузчиками на вокзалах.

Вторая волна в 1995–1998 гг. была вызвана в результате кризисных последствий гражданской войны. Численность мигрантов составляла 1500–1800 чел., и, как и в первой волне, это были мужчины трудоспособного возраста. Уже в эти годы мигранты осваивали Московскую область и сферу строительства [2, с. 115].

Несмотря на множество трудностей, с которыми сталкиваются мигранты в России, жители ГБАО считают, что выезд на работу за пределы региона является одним из наиболее привлекательных направлений для улучшения своих жилищных условий. В настоящее время жители равнинных регионов Таджикистана собираются рабо-

тать в странах СНГ или Средней Азии. Что касается мигрантов из восточной части ГБАО, то этнические кыргызы из Мургабского района в основном едут в близкий им в социокультурном плане Кыргызстан. Выходцы с западного Памира традиционно предпочитают эмигрировать в российские города, в основном в Москву и Санкт-Петербург. Российская Федерация также предпочтительна, потому что гражданам Таджикистана не нужна въездная виза. Кроме того, знание русского языка, наличие транспорта, родственные связи, дружеские отношения являются решающими факторами при выборе российских городов [4, с. 89].

В настоящее время выходцы из ГБАО независимо от численности присутствуют практически во всех российских городах, но лишь в трех городах России имеются региональные общественные организации, которые зарегистрированы в Министерстве юстиции РФ. В Москве – Региональная общественная организация «НУР» (РОО НУР), в Санкт-Петербурге – «Памир» и в Екатеринбурге – «Дидор». Региональная общественная организация «НУР» со времени основания занималась и до сих пор продолжает заниматься социальными и юридическими проблемами земляков – от информирования их о наличии рабочих мест до написания ходатайств в те или иные муниципальные, правоохранительные и другие организации. Процесс миграции из ГБАО является стихийным и фактически не контролируется региональными властями или соответствующими российскими службами. Также в России прибывшие из Таджикистана не делятся по этническому признаку. По данным исследователей из Таджикистана, 4,7% всех эмигрантов Республики Таджикистан в Российской Федерации составляют жители ГБАО.

Библиографический список

1. Каландаров Т.С. Памирские мигранты-исмаилиты в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. (УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН). 29 с.
2. Каландаров Т.С. Исмаилитская община Москвы: будущее сквозь призму прошлого. Вестник антропологии, 2018. №3 (43). С. 112–130.
3. Об истории, этнографии, языках и верованиях народов Памира см.: Моногарова Л.Ф. Памирцы // Вопросы истории, 1973. № 2. С. 213–219; Каландаров Т.С., Терехов В.П. Путешествие в страну рубиновых гор. М., 2006 и др.
4. Паршин П.Б. Место и роль Горно-Бадахшанской автономной области в государственной системе Таджикистана // Международная аналитика. 2016. № 2 (16). С. 83–96.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ АФРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

EDUCATIONAL MIGRATION OF AFRICAN YOUTH: A VIEW THROUGH THE LENS OF SOCIAL MOBILITY

Д.М. Ланмейнз

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

D.M. Langmain

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Сегодня как никогда актуально рассмотреть вопрос студенческой миграции как важного вида социальной мобильности в современном обществе, поскольку она открывает путь к более высоким позициям и достижениям. Начало XXI века отмечено впечатляющим ростом числа мобильных студентов по всему миру, и в частности из Африки. Это явление обусловлено тем, что прежде африканское общество отставало в развитии науки, техники и исследований на фоне ухудшения общественно-политической ситуации в ряде африканских стран, экономического кризиса, межэтнических конфликтов и т.д. Постепенно эти барьеры устраняются и африканская молодежь все активнее включается в образовательную мобильность. В данной статье рассматривается ситуация академической мобильности камерунских студентов, которая выходит за рамки получения престижных дипломов и современных знаний о качествах, которые необходимо повышать, позиционировать себя как трамплин на пути к полной реализации и освобождению африканского континента.

Abstract. Today, more than ever, it is important to consider the issue of student migration as an important type of social mobility in modern society, since it opens the way to higher positions and achievements. The beginning of the 21st century has seen an impressive increase in the number of mobile students around the world, and in particular from Africa. This phenomenon is due to the fact that African society previously lagged behind in the development of science, technology and research against the backdrop of the deteriorating socio-political situation in a number of African countries, the economic crisis, interethnic conflicts, etc. Gradually, these barriers are being eliminated and African youth are increasingly involved in educational mobility. This article examines the situation of academic mobility of Cameroonian students, which goes beyond the acquisition of prestigious diplomas and modern knowledge of the qualities that need to be improved, positioning itself as a springboard towards the full realization and liberation of the African continent

Ключевые слова: образовательная миграция, африканские студенты, высшее образование, Африка, Камерун, жизненные стратегии, социальная мобильность

Key words: educational migration, African students, higher education, Africa, Cameroon, life strategies, social mobility

Рассмотрение социальной миграции в сетке социальных мотивов

вов сводится к вопросу и пониманию социокультурных факторов, которые способствуют расширению этого явления. В быстро меняющемся мире, где культурные, политические, экономические и социальные потрясения бросают вызов традиционному образу жизни, образование играет важную роль в формировании нового типа личности, способной адаптироваться и свободно преодолевать трансформации и сложные проблемы современного общества.

Однако качество образовательного контента, производимого большинством университетов центральной Африки, таких стран как Камерун и его соседи: Чад, ЦАР, Габон, Экваториальная Гвинея, не в полной мере отвечает нуждам и требованиям текущей ситуации.

В отличие от ряда соседних африканских стран, Камерун является политически стабильной страной. Благодаря своим крупным университетам, таким как: Университеты Дуалы, Яунде 1 и 2, Нгаундере, Дшанг, культурному разнообразию и экономической мощи, его называют Африкой в миниатюре. В этой ситуации возникает вопрос: как объяснить массовую мобильность камерунских студентов за границу? Каковы явные и неявные причины этого явления?

Опираясь на идеи методологического индивидуализма Макса Вебера, концепцию рациональной стратегии актора и системы Мишеля Розье и символический интеракционизм Эрвина Гоффмана, и теорию социальной мобильности Питирима Сорокина, мы попытаемся понять и объяснить причины такого явления как массовая образовательная миграция камерунских студентов в страны Европы, Азии и Америки.

Миграционный процесс тесно связан с горизонтальной и вертикальной мобильностью, как ее описывает российский социолог Сорокина. поскольку каждый индивидуум-мигрант, помимо миграции в другую социальную группу, стремится найти лучшие социально-экономические условия существования. в той же перспективе,

Методологический индивидуализм, как его понимал Раймон Будон, Макс Вебер рассматривает академическую мобильность как результат индивидуального и рационального поведения. Таким образом, он присоединяется к Мишель Крозье в ее стратегии социального актора и системы. Действительно, в социальном контексте, определяемом как структура игры акторов, африканские студенты позиционируют себя в стратегии и тактике поиска квалификации с целью гарантировать себе место выбора на международном рынке. Для Эрвина Гоффмана это неопровержимый способ сформировать современную идентичность. потому что, по его словам, «идентичность возникает во

время взаимодействия». Которая рождает новый тип человека, которому можно служить, а не быть поработанным реалиями современного мира.

Согласно статистике ЮНЕСКО на 2015 г., один из 16 африканских студентов обучался за пределами страны своего происхождения. В 2019 г. общее количество камерунских студентов, обучающихся за рубежом, составило в Германии – 27052 чел., во Франции – 5272, в Бельгии – 2265, в Канаде – 1608, в Соединенных Штатах Америки – 1048, в России – 511 чел. [1].

Анализ статистических данных побудил нас провести исследование, направленное на изучение места и роли высшего образования в жизненных стратегиях африканской молодежи на примере студентов из Камеруна.

Мы поставили следующие задачи:

- 1) рассмотреть место и роль образовательной миграции в современном мире;
- 2) определить статус высшего образования в системе ценностей африканской молодежи;
- 3) выявить причины образовательной миграции в контексте реализации жизненных целей африканской молодежи.

В пилотном исследовании, проведенном в апреле 2023 г., приняли участие 30 камерунских студентов, в том числе 15 девочек и 15 мальчиков, обучающихся в Кубанском государственном медицинском, технологическом и аграрном университете в Краснодаре, Россия. Метод исследования – полуструктурированное интервью.

Результаты исследования.

1. Причины мобильности: поиск адекватного и современного образования

Феномен образовательной мобильности присутствует во всех обществах, однако причины этих движений варьируются от одного общества к другому, а также от одной эпохи к другой. Анализ информации, полученной от студентов в ходе интервью, позволил выявить три стратегии, которые лежат в основе образовательного миграционного движения молодых камерунцев.

Исходя из постулата Макса Вебера о методологическом индивидуализме, образовательную миграцию африканских студентов в конечном итоге можно квалифицировать как рациональное социальное действие, которое носит целерациональный характер. Поскольку в ходе этой миграции молодые люди ставят перед собой конкретную цель, а средства для ее достижения адаптированы к ситуации.

В действительности, осознавая недостатки и архаичность системы образования своей страны, камерунские студенты видят в образовательной миграции средство самообновления и самореализации. Миграция за пределы Африки также обусловлена тем, что в образовательном континууме, действующем в Центральной Африке, не тех условий, которые удовлетворяли бы их образовательным запросам и потребностям. Уровень высшего образования в большинстве африканских университетов и колледжей не удовлетворяет потребности в знаниях, навыках, квалификации, инновациях и творчестве, которые характеризуют современное общество.

Однако, эту ситуацию можно охарактеризовать скорее как образовательный кризис, поскольку только небольшая часть дипломов предназначена для государственной службы, а остальные выпускники обречены на безработицу. Следовательно, существует острая необходимость для африканских студентов переезжать в развитые страны, чтобы учиться новым технологиям в промышленном секторе, в сфере здравоохранения и т. д. Такое образование рассматривается как средство быстрой адаптации к нынешним и будущим изменениям в социальной реальности как в Африке, так и в остальном мире.

Более того, современное общество по своей сути является капиталистическим, и действия, предусмотренные социальными субъектами, осуществляются как часть процесса конкретной рационализации их экономических целей.

Об этом свидетельствует заявление одного из респондентов: *«В своей мобильности я ориентируюсь на страны с большими возможностями, такие как Франция, Канада, Соединенные Штаты Америки и Россия»* (мужчина, 22 года, Кубанский государственный медицинский университет)

Мы видим здесь то, что французский социолог Мишель Крозье называет рациональным действием, так как по мнению респондентов, африканцы также ищут наиболее выгодный способ вложения средств в реализацию своих будущих проектов. Именно это побуждает их учиться за границей, несмотря на дороговизну жизни, расизм, физическое и моральное давление. Одновременно мы можем отметить в ответах респондентов недовольство мобильностью, организованной ранее в основном государством и для государства, и движением в сторону более индивидуализированной мобильности.

Помимо надлежащего современного образования, получения престижных дипломов, чтобы гарантировать привилегированный социальный статус в будущем, образовательная миграция африканских

студентов представляет собой важный ресурс для содействия устойчивому развитию в Африке.

2. Цель миграции: трамплин для свободы и устойчивого развития африканского континента и Камеруна в частности

Миграция открывает новый взгляд на развитие Африки. Они позволяют учитывать внутреннюю и внешнюю динамику в понимании французского этнолога и социолога Жоржа Баландье. В действительности, все развитие управляется внутренними силами, такими как: действующие лица, их идентичности, их репрезентации, конфликты, которые ими движут, и т. д. Однако элементы, поступающие извне, могут видоизменять (положительно или отрицательно), ускорять, замедлять или подавлять внутренние энергии. Это «внешняя динамика». По мнению Норберта Элиаса, с точки зрения теории социальной мобильности это можно рассматривать как движущую силу социальных изменений. Талкотт Парсон рассматривает миграцию как движение вперед и назад, которое вращается вокруг положения баланса и реализации различных возможностей, которые предоставляет современное общество.

Таким образом, опыт и образование, полученные африканскими студентами во время их образовательной миграции, могут помочь Африке собрать необходимые ресурсы и силы для решения многих насущных проблем и задач. Африканский континент обладает огромным потенциалом с точки зрения полезных ископаемых, сельского хозяйства и демографии. Но, чтобы выдвинуться на ведущие позиции на международных площадках, он должен адаптироваться к академическим, экономическим, социальным требованиям мирового сообщества, привнося при этом свою оригинальность и свою неповторимость. Как сказал Норберт Элиас: социальные изменения это непрерывный технический прогресс и дифференциация общества, с одной стороны, и конкуренция между людьми и группами людей.

Библиографические ссылки

1. Global Flow of Tertiary-Level Students. URL : <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (дата обращения: 21.02.2023).

2. Higher education: Between 2017 and 2018, Cameroon produced more than 112,000 graduates. URL : <https://www.stopblablacam.com/society/1007-4506-higher-education-between-2017-and-2018-cameroon-produced-more-than-112-000-graduates> (дата обращения: 27.01.2023).

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАНТОФОБИИ

METHODOLOGY AND EMPIRICAL SOCIOLOGICAL RESEARCH OF ETHNIC MIGRANTOPHOBIA

В.Н. Петров

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.N. Petrov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению феномена этнической мигрантофобии, анализируются материалы эмпирического социологического исследования ее проявлений в условиях принимающей региональной социальной общности Краснодарского края. Предлагаются практические рекомендации по профилактике и снижению ее конфликтогенного потенциала.

Abstract. The article discusses theoretical approaches to the study of the phenomenon of ethnic migrant phobia, analyzes the materials of an empirical sociological study of its manifestations in the conditions of the host regional social community of the Krasnodar Territory. Practical recommendations for the prevention and reduction of its conflict potential are offered.

Ключевые слова: мигранты, этнические мигранты, мигрантофобия

Key words: migrants, ethnic migrants, migrantophobia.

Введение. Масштабные перемещения и интенсивность потоков этнических мигрантов характерны для исторического и современного развития Юга России и, в частности, Краснодарского края. В научном познании миграционных процессов разработано несколько моделей описывающих взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Исходными посылками моделирования в этой области социальной реальности выступают несколько вопросов. Почему в исследуемом взаимодействии возникают проблемы? В чем они находят свое выражение? Как разрешать эти проблемы?

Одна из точек зрения на причины возникновения проблем заключается в том, что таковые создаются принимающим обществом. Это оно, сопротивляясь расширению приема мигрантов, защищает свои ресурсы и права населения на эти ресурсы. При этом власть и СМИ принимающего общества, выражая его интересы, вносят свой вклад в проблематизацию отношений с мигрантами.

Иноэтничные миграции, особенно в их массовидных значениях, наделенные представлениями о реальных и мнимых негативных по-

следствиях, определяются как угроза принимающему обществу. В нем создаются объяснения причин тревоги, приводятся доказательства проявления этой угрозы и разрабатываются гипотезы последствий. Мигранты наделяются чертами, в совокупности составляющими образ врага и это находит свое выражение в развитии ксенофобии и мигрантофобии [1].

Методологические посылки исследования. Мигрантофобия – одна из актуальных проблем межэтнических отношений представляет состояние тревоги от присутствия иноэтнических мигрантов и существование на этой почве явной или латентной неприязни местных жителей по отношению к ним, зачастую находящей выражение в действиях конфликтного характера. Этническая мигрантофобия – это вид напряжённости, при которой этнические мигранты воспринимаются как носители угрозы экономической, политической, социальной, культурной безопасности этнической группы, доминирующей в этноструктуре принимающего общества. При этом, особенностью образа мигрантов является сложное сочетание рациональных объяснений реальных угроз и символических кодов, находящих выражение в мифах, заблуждениях, иллюзиях.

Мигрантофобия (боязнь, неприятие мигрантов) – это явление, которое формируется в процессе идентификации, результатом которого возникает оппозиция идентичностей «мы» – местные жители, «они» – мигранты. При этом особенностью сознания местных жителей являются негативные образы мигрантов, которые возникают вследствие системного социально-психологического кризиса этнических идентичностей местных жителей, сознание которых обладает конструктивными способностями преобразовать психические свойства и признаки фобии в социальные образы или конструкты семантического пространства с различной смысловой и аффективной нагрузкой.

Проблема мигрантофобии существует как несовпадение, противоречие и столкновение идентичностей этнических мигрантов и населения принимающего общества, субъективной интерпретации этого несовпадения в виде стереотипов, установок и предубеждений, распространенных у местных жителей. Состояние мигрантофобии существенным образом влияет на конструирование статусно-ролевого содержания, формирование стилей и способов поведения в институализированном пространстве взаимодействия этнических мигрантов и местных жителей.

Специфика явления мигрантофобии ориентирует нас на изучение микропроцессов, происходящих на уровне межличностных отно-

шений и в межгрупповых взаимодействиях, содержащих локально-этнические противоречия, а также макропроцессов, происходящих на институциональном уровне.

Конструирование этноконтактной ситуации, включающий свойства «мигрантофобия – толерантность к этническим мигрантам», предусматривает использование модели групповой дифференциации мигрантов с различной этнической принадлежностью по заданным параметрам: цель пребывания, время пребывания, экономическое значение, способ расселения, юридический статус, уровень образования, этническая определенность.

Результаты и анализ данных эмпирического исследования этнической мигрантофобии. В социологическом исследовании, проведенном на территории Краснодарского края в 2009 г. изучалось пространство семантических конструкторов, существующих в сознании местных жителей по отношению к этническим мигрантам. Метод исследования – анкетный опрос. Выборка (N=339), многоступенчатая на основе дифференциации местных жителей по половозрастным, социально-статусным, социально-ресурсным признакам и признакам экономико-географического районирования в Краснодарском крае.

Опорными точками, в данном случае, стало выявление представлений о том, как должны соотноситься между собой культуры этнических мигрантов и местных жителей, какими фобийными основаниями обусловлена конфликтогенность в их взаимодействиях, насколько распространены и с представителями каких этнических групп имеют место быть конфликтные практики, а также, мнения о том, какую политику из допущений и запретов стоит выстраивать по отношению к иноэтничным мигрантам.

По данным проведенного опроса местные жители высказывали готовность принять мигрантов в свое социальное пространство, но не всех подряд, а избирательно, отдавая предпочтение определенным категориям. Ментальные преференции имеют мигранты из бывших советских республик. За предоставление им вида на жительство, с последующим переходом в статус полноправного российского гражданина, высказались 41,1%. Еще большая расположенность местных жителей демонстрировалась по отношению к трудовым мигрантам. 58,7% из общего числа опрошенных считают допустимым приглашение на временную работу иностранных специалистов, однако, с четкой оговоркой: «без предоставления гражданства». Также, достаточно благожелательно, отнеслись респонденты к приглашению молодежи из других стран на учебу в высших и средних специальных учебных

заведениях: «за» высказались 60,7% опрошенных.

Опрошенные из числа местных жителей, в подавляющем большинстве своем, осознают бесперспективность изоляционизма. Хотя есть и те, кто выступил за полный запрет на въезд в регион любых мигрантов – 18,8%. Основная же часть – 65,5% – за введение квот на прием и осуществление процедур строгого отбора кандидатов на получение гражданства РФ. За осуществление жесткого контроля за проживанием и передвижением всех временных мигрантов – 65,2%.

Столь же определенно высказываются опрошенные из числа местных жителей по поводу пребывания нелегальных мигрантов. 69,9% поддерживают практику высылки, на основании судебного решения, всех мигрантов, которые незаконно находятся на территории РФ. При этом выявляется и наличие крайне радикальных взглядов на этот вопрос: 23,0% поддержали бы такие действия как «высылка без всякого разбирательства всех мигрантов, включая членов семьи». Примечательно и то, что большая часть опрошенных не интересуются и фактически не знают, какая по своей направленности, к приему мигрантов политика проводится властями Краснодарского края. 14,2% респондентов считают, что эта политика направлена на привлечение мигрантов в регион, 26,5% – на ограничение притока, 57,5% – затруднились ответить.

Анализ данных проведенного опроса выявляет характер восприятия и отношение местных жителей к этническим мигрантам. Последние определяются как довольно ощутимый источник конфликтов. На то, что конфликты между местными жителями и этническими мигрантами происходят, обращает внимание 76,7% опрошенных. При этом 57,5% сами были участниками или свидетелями конфликтов с мигрантами. Всего лишь 6,5% опрошенных не были вовлечены или не замечают таковых конфликтов. Чаще всего, по собственному опыту участия или по наблюдениям респондентов, конфликты происходят с мигрантами-представителями таких этнических групп, как армяне – 54,9%, дагестанцы – 39,8%, чеченцы – 39,2%, цыгане – 36,6%, азербайджанцы и грузины – по 24,2%, таджики – 14,2%. В данном контексте, можно сказать, что с представителями этих этнических групп связывается представление о повышенных конфликтогенных рисках и угрозах. В то время как с рядом представителей других этнических групп конфликты нечасты и, тем самым, маловероятны. В частности, по мнению 2,5% респондентов конфликты происходят с представителями молдаван, 3,5% – с украинцами, 4,4% – с народами Африки, 4,7% – с корейцами и китайцами, 6,8% – с арабами.

Возвращаясь к этносам, представители которых по мнению респондентов создают повышенный конфликтогенный фон, заметим, что, наличие в этой группе армян, в какой-то степени, гипотетически, имеет объяснение в их общей численности и относительной доле в составе населения Краснодарского края, а также особенностях территориальной и локальной концентрации. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность этой этногруппы в Краснодарском крае составляла 274566 чел., доля в общем составе населения – 5,4 % [2].

Однако, при более внимательном рассмотрении, возникает сомнение в значении данной взаимосвязи как основной детерминанты конфликтности между этническими мигрантами и населением принимающего общества. Так, присутствие в этой группе представителей других этносов (кроме армян), очевидно не находится в связи с их абсолютным и долевым представительством в общем составе населения. По результатам переписи, численность и относительная доля составляла соответственно: дагестанцев – 10590 чел. (0,2%), чеченцев – 2864 чел. (0,06%), цыган – 10873 чел. (0,2%), азербайджанцев – 11944 чел. (0,2%), грузин – 20500 чел. (0,4%), таджиков – 1179 чел. (0,02%) [2].

Более значимым, на наш взгляд, является фактор роста абсолютных и относительных значений такового представительства за предшествующий период. В межпереписной период с 1989 по 2002 гг. этот рост составил соответственно у армян – 102809 чел. (159,9%), дагестанцев – 3521 чел. (155,4%), чеченцев – 1241 чел. (176,5%), цыган – 2687 чел. (132,8%), азербайджанцев – 1601 чел. (115,5%), грузин – 8395 чел. (169,4%), таджиков – 499 чел. (173,4%) [2; 3].

Исследования показывают, что фобийное сознание местных жителей по отношению к этническим мигрантам обусловлено обширным комплексом факторов, под влиянием которых происходит адаптация или дезадаптация, интеграция или дезинтеграция групп местных жителей и мигрантов в процессах их взаимодействия и взаимоотношений: фактор статусности (стратификационная иерархия в этническом пространстве, позиционирование местных и пришлых); религиозный фактор (несовпадение и непримиримость в вопросах вероисповедания); идеологический фактор (обоснование превосходства, подчинения); фактор ментальности (противоречия в восприятии действительности, различия в проявлении экономической, политической, культурной, других видах социальной активности); исторический фактор (исторически сложившиеся традиции межэтнических взаимодействий, накопленные в истории отношений претензии, обиды); де-

мографический фактор (характер демографических процессов, в аспекте воспроизводства населения); фактор межличностного взаимодействия в системе «местные жители-мигранты» (симпатии, антипатии, толерантность, доверие, готовность к сотрудничеству, существующие на уровне установок); фактор расселения мигрантов (анклав, компактное, дисперсное поселение), фактор региональной миграционной политики (система разрешительных, запретительных формальных институтов и административных мер по отношению к мигрантам); фактор влияния СМИ (характер и способы презентации самих этнических мигрантов и проблем возникающих во взаимодействии их с местными жителями) [4;5].

Предшествующие исследования [6;7] и проведенный факторный анализ данных эмпирических исследований позволили сделать вывод о том, что все многообразие факторов группируется вокруг двух основных координат: конкуренция этнических мигрантов и населения принимающего общества в стремлении обладать ресурсами конкретного регионального или локального социально-территориального пространства; социальная безопасность принимающего сообщества. При этом основной детерминантой, влияющей на появление и актуализацию этих координатных направлений в сознании местных жителей становится быстрый рост абсолютной численности и долевого соотношения иноэтничных мигрантов в целом и отдельных этногрупп в общем составе этноструктуры принимающего общества.

В проведенном опросе измерение признаков мигрантофобии осуществлялось посредством предложения респондентам комплекса суждений (методическое решение по типу шкалы Лайкерта), в отношении которых можно было выразить свое согласие или несогласие. 7 из этих признаков отнесены к факторам конкуренции (суждения 2, 3, 8, 9, 10, 11, 13) и 7 – к факторам безопасности (суждения 1, 4, 5, 6, 7, 12, 14). (табл. 1).

Данные опроса свидетельствуют, что в сознании местных жителей существует ощутимо выраженная тревога от присутствия в их социальном пространстве мигрантов. При этом страхи, находящие свое выражение в той или иной степени согласия респондентов с признаками конкурентных преимуществ мигрантов в равной степени соотносены с тем набором признаков, в которых находят свое выражение опасения по поводу создаваемых мигрантами угроз безопасности.

Практические предложения по результатам социологического исследования. На основании анализа полученных результатов исследования сформулированы предложения по разработке и реализации

адаптационных программ, основной целью которых является снижение уровня межэтнической напряженности в отношении этнические мигранты – принимающее общество, профилактика мигрантофобии.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие опасения вызывает у Вас присутствие мигрантов?», %

	Не согласен	з/о	Согласен
1. Мигрантов больше, чем принято считать на самом деле	13,3	14,2	72,0
2. Мигранты вытесняют местных из сфер экономической деятельности, в которых можно рассчитывать на хорошую работу и зарплату	42,8	15,6	41,3
3. Мигранты создают дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру и тем самым сокращают возможности местных	47,5	11,2	41,0
4. Мигранты в большинстве случаев являются причиной разнообразных конфликтов и поэтому несут угрозу для безопасности местных.	39,8	15,3	44,5
5. Мигранты культурно чужды нам и поэтому представляют угрозу для российской культуры	51	14,5	34,2
6. Мигранты более сплочены, мобилизованы и поэтому могут одержать верх над местными	39,5	11,5	48,7
7. Мигранты создают угрозу территориальной целостности	54,9	11,8	32,4
8. Мигранты создают конкуренцию местным на рынке труда	32,4	12,4	54,6
9. Из-за наплыва мигрантов растут цены на аренду и стоимость жилья	31,6	22,7	45,4
10. Большинство мигрантов ведет себя как хозяева в то время, когда они гости	32,7	10,9	55,8
11. Большинство мигрантов очень состоятельны, постоянно и во всем демонстрируют это, что выглядит вызывающе на фоне бедноты местного населения	42,2	20,9	36,6
12. Увеличение численности мигрантов ведет к повышению вероятности террористических актов	35,7	21,5	42,2
13. Мигранты подкупают чиновников, и поэтому делают всё, что захотят	33,6	22,7	43,4
14. Мигранты создают криминальные группировки	26,3	28,9	44,0

Для адаптации субъектов межэтнического пространства, на наш взгляд необходимо:

1. Приобщение мигрантов к культуре местных жителей. Подтверждается необходимость проведения мероприятий и тренингов по созданию межкультурного общения в рамках института образования. Снижение значения антропологического фактора (восприятие мигрантов по внешним признакам) в реакциях местных жителей может обеспечить наличие межкультурных сообществ, проведение фестивалей, «уроков толерантности». Это особенно актуально в молодёжной среде.

2. Определение чётких правил приёма мигрантов. В адаптационные программы необходимо включить разделы, предусматривающие активное распространение информации среди местных жителей о том, кто, почему и с какой целью приезжает в Краснодарский край. В связи с этим, должны осуществляться проекты по повышению этнокультурной компетенции местных жителей в изменяющихся условиях социальной реальности в г. Краснодаре, смещая акценты защитных механизмов с оппозиции к иноэтничным мигрантам на формирование чувства национального достоинства и устойчивой гражданской позиции.

3. Коррекция социальной идентичности. На этом уровне необходим мониторинг состояния и изменений в качестве и параметрах идентичности. В случаях, если будет обнаруживаться тенденция роста гиперидентичности и негативного этноцентризма принимать оперативные меры социального и социально-психологического характера по нормализации психоэмоционального состояния местных жителей, не допуская роста фрустрации и общей подавленности, переходящих в устойчивую мигрантофобию. Это особенно важно в связи с актуализацией проблемы этнического статуса местного населения.

Другая группа предложений обращена к выработке рекомендаций по коррекции социальной политики в Краснодарском крае, с целью минимизации влияния факторов мигрантофобии на отношение местных жителей к мигрантам в ситуации межэтнических взаимодействий. На основании выше перечисленных аналитических выводов были разработаны следующие предложения.

1. Целесообразно расширить масштабы и интенсивность межэтнических взаимодействий целевой группы (местные жители) для осуществления интеграции мигрантов и формирования толерантного сознания. Исследование показало, что взаимодействие контактных групп приводит к смещению миграционных и этнических акцентов в сторону социально-психологических характеристик индивидов.

2. На основании выявленных факторов, снижающих влияние

мигрантофобии можно порекомендовать актуализацию факторов культурного единства, уважения и толерантности к этнокультурным формам жизни, как у местных жителей к этническим мигрантам, так и у этнических мигрантов к местным жителям.

3. Учитывая возрастную и социальную специфику, необходимо в перспективе обратить внимание на низкоресурсные и низкостатусные группы местных жителей, так как их взаимодействие с этническими мигрантами носит более проблемный характер.

4. Сотрудникам миграционных служб рекомендуется активизировать свои действия в направлении социальной поддержки мигрантов, а так же популяризировать через СМИ и социальную рекламу свои действия в этой области среди местных жителей, чтобы снизить или ликвидировать скепсис о бездействии государственных служб в отношении мигрантов.

Заключение. Таким образом, этнические мигранты существуют в восприятии местных жителей как некая данность, принимаемая дифференцированно по своим характеристикам, вызывающая тревогу потенциальной конфликтогенностью, угрозами конкуренции и безопасности.

Как показывают результаты проведенного исследования, существуют различные виды мигрантофобии, основанные на этнических противоречиях, конфликтах потребностей и интересов социально-экономического и политического характера, нарушениях в отношении прав и свобод граждан отдельных национальностей, на явных и латентных межэтнических конфликтах.

Библиографический список

1. Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. 240 с.
2. Всероссийская перепись населения РФ 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdfm.html (дата обращения: 12.10.2023)
3. Национальный состав населения по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. 1990. Краснодар.
4. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.
5. Миграция и информация. М., 2000.
6. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М., 2000.
7. Миграция и национальная безопасность / гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2003.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LABOUR MIGRATION ON THE INTERETHNIC RELATIONS IN CENTRAL RUSSIA

Д.И. Петросян

Владимирский филиал Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной Службы, г. Владимир, Россия

D.I. Petrosyan

Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir, Russia

Аннотация. В статье дается краткий обзор состояния рынка труда Владимирской области и основных тенденций в мобильности иностранной рабочей силы. Автор также описывает результаты социологического опроса как населения Владимирской области, так и трудовых мигрантов из бывших республик СССР, прибывших в регион и приходит к выводу о взаимосвязи динамики миграционного движения с ростом ксенофобии.

Abstract. The article presents a brief review of Vladimir regional labor market and basic tendencies in mobility of foreign employees. The author also describes main results of the samples of Vladimir region residents and migrants from former USSR republics, working in Vladimir region and shows the links between migration dynamics and the growth of Xenophobia.

Ключевые слова: рынок труда, трудовая мобильность, трудовая миграция, межэтнические отношения, ксенофобия, социальная адаптация,

Key words: labor market, labor mobility, labor migration, inter-ethnic relations, Xenophobia, social adaptability.

Привлечение иностранной рабочей силы из ныне независимых бывших республик Советского Союза является в первой четверти 21 века осознанной политикой насыщения рынка труда, проводимой как федеральными, так и региональными властями Российской Федерации. Еще в 2019 г. в своем докладе «Деятельность органов службы занятости населения Владимирской области по решению проблем обеспечения экономики региона кадрами» (11.02.2019 г.) директор Департамента по труду и занятости населения Владимирской области А.Г. Григорьев отмечал такие негативные тенденции, как нарастание дефицита трудовых ресурсов («с 2013 г. снижение трудоспособного населения составило в среднем 16,3 тысяч человек») и хронический дефицит квалифицированных кадров [1]. В соответствии с его прогнозом, в 2019 – 2023 гг. области необходимо было привлечь допол-

нительно 10 тысяч квалифицированных рабочих и служащих. По словам А.Г. Григорьева, привлечение иностранной рабочей силы явилось эффективным способом балансировки спроса и предложения на рынке труда. Если на 1 января 2017 г. Департаментом по труду и занятости населения области было выдано 9773 патентов на осуществление трудовой деятельности иностранным гражданам с безвизовым режимом въезда в РФ и 1497 разрешений на осуществление трудовой деятельности иностранным гражданам с визовым режимом въезда в РФ, то к январю 2018 г. данные показатели выросли до 11200 и 2200, соответственно [там же].

Эпидемия Ковид-19, естественно, снизила приток иностранной рабочей силы в 2020–2021 гг. Тем не менее, начиная с 2022 г. количество запрошенных и удовлетворенных заключений о привлечении и использовании иностранных работников стало расти:

– январь – июнь 2021 г. – 56 заключений о привлечении 765 работников;

– январь – июнь 2022 г. – 65 заключений о привлечении 927 работников;

– январь – июнь 2023 г. - 94 заключений о привлечении 1333 работников [2].

Таблица 1. Миграция во Владимирской области

	Январь-август 2023			Январь-август 2022		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (+), снижение (-)	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (+), снижение (-)
Миграция	18122	19027	-905	20757	21236	-479
из неё						
в пределах России	14789	16033	-1244	16546	17250	-704
в том числе:						
внутрирегиональная	6211	6211	-	7663	7663	-
межрегиональная	8578	9822	-1244	8883	9587	-704
международная миграция	3333	2994	+339	4211	3986	+225
в том числе:						
со странами СНГ	2989	2693	+296	3861	3506	+355
с другими зарубежными странами	344	301	+43	350	480	-130

Как видно из таблицы 1, внутрироссийская миграционная убыль населения Владимирской области нарастает (минус 905 чел. в январе – августе 2023 г. и минус 479 за тот же период 2022 г.) и не покрывается международной миграцией (плюс 339 чел.) [3].

Естественно, в основном международные миграционные потоки связывают область со странами СНГ. Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что больше всего мигрантов приезжает из Таджикистана (1560 чел., 52% всех прибывших). Относительно заметными также являются группы прибывших из Армении (307 чел., 10,3% всех прибывших) и Киргизии (243 чел., 8,1%). Выходцы из этих стран дают положительное сальдо миграционных потоков.

Таблица 2. Миграция с государствами – участниками СНГ

	Январь-август 2023			Январь-август 2022		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (+), снижение (-)	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (+), снижение (-)
<i>Всего</i>	2989	2693	+296	3861	3506	+355
в том числе со странами:						
Азербайджан	84	94	-10	149	116	+33
Армения	307	295	+12	419	541	-122
Беларусь	77	70	+7	100	110	-10
Казахстан	79	85	-6	124	153	-29
Киргизия	243	185	+58	243	259	-16
Республика Молдова	118	114	+4	146	189	-43
Таджикистан	1560	1012	+548	1611	893	+718
Туркменистан	61	43	+18	57	44	+13
Узбекистан	241	264	-23	325	336	-11
Украина	219	531	-312	687	865	-178

Как показывает опрос мигрантов, средний срок их пребывания в области составляет 2,5 года. [4] Причем почти половина респондентов (42,2%) приехали в область не ранее года назад. Лишь четверть мигрантов провели во Владимирской области более 3-х лет. Для значительного большинства трудовых мигрантов Владимирская область явилась первым местом проживания в России (60%). Половина опрошенных мигрантов указали, что ехали в область на конкретное рабочее место (52,7%). К тому же две трети опрошенных (62%) отметили, что о месте будущей работы они узнали еще перед отъездом. Это говорит о достаточно высокой степени организованности доставки на предприятия области необходимой рабочей силы из-за рубежа. При-

чем, лишь 16% мигрантов, прибыв во Владимирскую область, не смогли сразу найти работу. Подавляющее большинство – 83,9% – утверждают, что нашли работу сразу. Почти три четверти респондентов (70%) указали, что на поиски работы у них ушло максимум несколько дней. Таким образом, большинство мигрантов, по их словам, не испытали трудностей с поиском работы.

Основными отраслями экономики, в которых работают опрошенные мигранты, являются строительство (34%) и промышленное производство (14%). Обе сферы требуют определенной квалификационной подготовки.

Сами респонденты, оценивают свои профессиональные навыки и умения очень высоко. Подавляющее большинство – 77% отметили, что им вполне хватает квалификации для выполнения той работы, которой они занимаются. Лишь 5% признали, что являются мало квалифицированными работниками. Между тем, на протяжении последних лет стратегия привлечения трудовых мигрантов из бывших республик СССР довольно негативно воспринимается местным населением Владимирской области. Трудовые мигранты – носители иной культуры – являются важным фактором усиления ксенофобии среди жителей Владимирской области. По сравнению с 2021 г. доля жителей области, испытывающих опасение, настороженность или неприязнь, сталкиваясь в повседневной жизни с мигрантами (с 22% до 28% в 2023 г.). Еще более заметно выросла доля тех, кто хотел бы ограничить приток в область людей некоренной национальности (с 22% до 37%).

Отметим, при этом, что для большинства жителей Владимирской области все характерно отсутствие страха перед мигрантами (65 – 65% в разные годы наблюдений).

Подавляющее большинство – более трех четвертей (77,5%) респондентов уверены, что трудовые мигранты выполняют черновую, грязную работу, на которую местные жители в основном не соглашаются, и только 22,5% считают, что приезжие отнимают рабочие места у коренного населения [5]. Такие результаты опровергают тезис, которым оперируют некоторые политики националистического толка, о тотальном недовольстве русского населения мигрантами именно из-за того, что они лишают заработка местных жителей.

Почти две трети респондентов (63%) не видят в мигрантах-мусульманах угрозы для православия, поскольку те не демонстрируют открыто свои убеждения. Однако тут же заметим, что довольно большая часть владимирцев – более трети – такую угрозу, исходящую со стороны приезжих мусульман, отмечают (37%).

В вопросе о качестве труда мигрантов преобладает мнение, что они работают хорошо и стараются все делать качественно (58% против 42% считающих, что работают приезжие плохо и что наши местные работники выполнили бы ту же работу лучше).

Немногим более половины респондентов (54%) совершенно не пугает принадлежность мигрантов к другой национальности, поскольку «они такие же люди, как и местные». В то же время почти у половины жителей области (46%) тревогу и настороженность вызывает уже сам внешний вид мигрантов («сразу видно, что они не наши, чужие», как было сказано на фокус-группе). Чаще всего при виде мигрантов тревожатся и настораживаются женщины, особенно молодые.

Строго пополам разделились мнения респондентов по вопросу об отношении мигрантов к русской культуре. Одна половина (50%) участников опроса считает, что приезжие относятся с уважением к нашей культуре и языку (хотя и придерживаются, в первую очередь, своих традиций). Другая половина (50%), наоборот, полагает, что мигранты ведут себя вызывающе, они не уважают и не хотят изучать нашу культуру и стараются навязать свою.

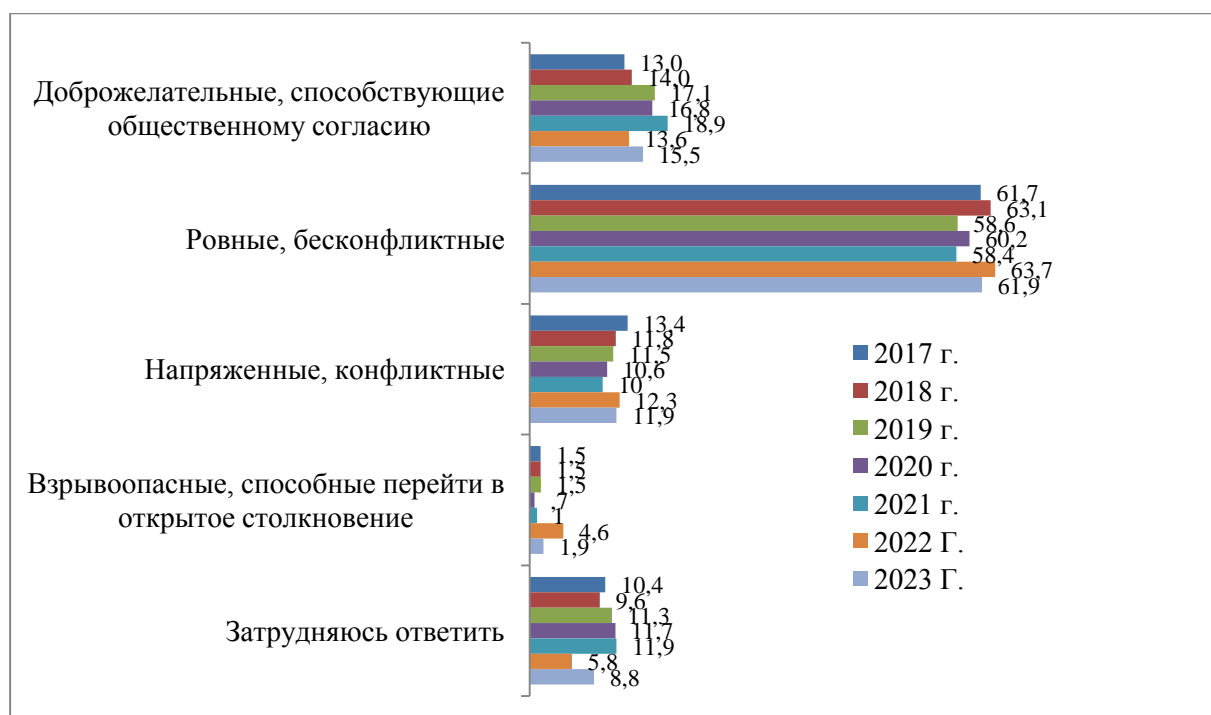

Рисунок 1 – Оценка состояния межнациональных отношений в области, %

Две трети респондентов (66%) полагают, что к нам приезжают в основном малообразованные и неквалифицированные люди, а оставшаяся одна треть (33%) – что среди мигрантов немало вполне образованных людей, но они просто вынуждены заниматься неквалифици-

рованной работой.

Пожалуй, с точки зрения жителей Владимирской области, главной проблемой, которую влечет за собой рост числа мигрантов в области, является ухудшение криминогенной ситуации. Абсолютное большинство респондентов (56%) полагают, что из-за трудовых мигрантов из республик Средней Азии и Кавказа растет преступность (увеличивается число краж, случаев хулиганства, изнасилований, и так далее). Однако, при этом, довольно большая часть участников опроса (44%) считают мигрантов в большинстве своем нормальными, дружелюбными людьми, старающимися не совершать правонарушений и не нарушать законов РФ.

Следует иметь в виду, что даже в парах, где преобладают нейтрально-позитивные высказывания, или наблюдается равновесие, немалые доли респондентов настроены негативно. Например, 37% владимирцев, ощущающих угрозу для православия, исходящую от приезжих мусульман, или 46% жителей области, у которых вызывает тревогу и озабоченность даже внешний вид мигрантов, и особенно, 50% респондентов, отмечающих, что мигранты ведут себя вызывающе по отношению к русской культуре, представляют серьезный потенциал для быстрого развития межнациональных конфликтов.

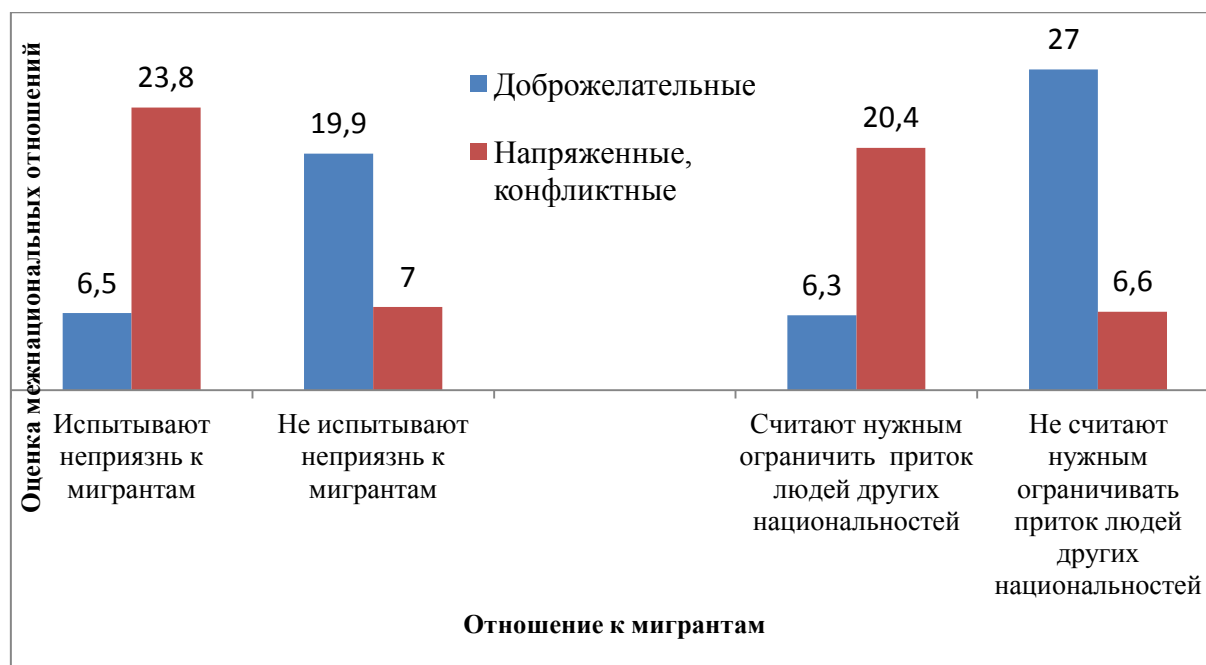

Рисунок 2 – Оценка состояния межнациональных отношений в зависимости от отношения к мигрантам, %

В целом состояние межнациональных отношений во Владимирской области оценивается жителями как вполне благополучное

(рис.1). Большинство респондентов, из года в год считает их равными, бесконфликтными (62%), а то и доброжелательными (15,5%). Тем не менее, оценка межнациональных отношений жителями области заметно зависит от их отношения к мигрантам (рис. 2 и 3). Среди испытывающих неприязнь по отношению к мигрантам лишь 6% опрошенных считают межнациональные отношения доброжелательными (против 20% среди не испытывающих неприязни), а 24% (против 7% среди не испытывающих неприязни) называют их напряженными и конфликтными. При сравнении позиций жителей области, считающих, что приток иностранцев в регион следует ограничить с теми, кто придерживается противоположной точки зрения, выявляется та же картина. Среди первых лишь 6% называют межнациональные отношения доброжелательными и 20% – напряженными и конфликтными. Среди вторых это соотношение, наоборот, составляет 27% к 6%.

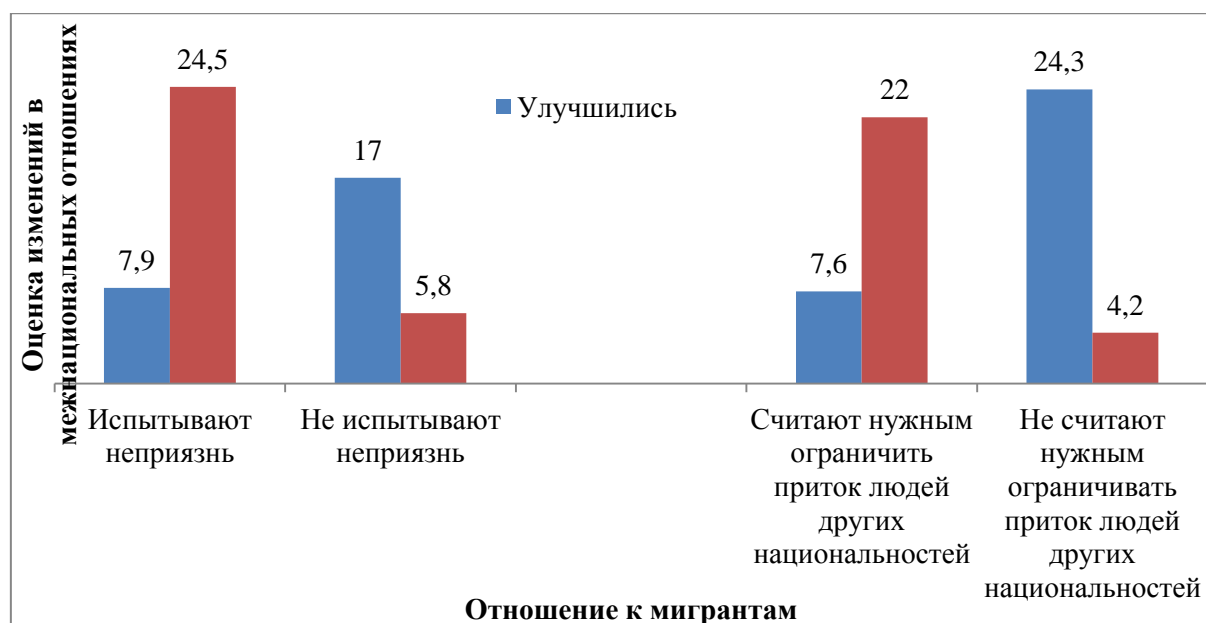

Рисунок 3 – Оценка изменений в межнациональных отношениях в зависимости от отношения к мигрантам, %

То же самое при оценке изменений в межнациональных отношениях за последний год. Испытывающие неприязнь по отношению к мигрантам отмечают улучшения в два раза реже, чем не испытывающие неприязни (8% против 17%) и в четыре раза чаще указывают на ухудшение (24% против 6%). Выступающие за ограничение притока людей иных национальностей, кроме русской, в три раза реже, чем не видящие необходимости в таком ограничении, отмечают улучшение межнациональных отношений (8% против 24%) и в пять с половиной раз чаще – их ухудшение (22% против 4%).

Таким образом, очевидно, что условные ксенофобы воспринимают даже едва заметные изменения в национальном составе области весьма болезненно и могут реагировать на них весьма конфликтно. Это говорит о том, что продолжение политики компенсации нехватки рабочей силы на региональных рынках труда за счет притока иностранных рабочих, требует особых усилий по адаптации населения центральных регионов России к подобной долгосрочной стратегии.

Библиографический список

1. Деятельность органов службы занятости населения Владимирской области по решению проблем обеспечения экономики региона кадрами. 11.02.2019 г. URL: https://vladzan.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/тексты/доклады%20и%20
2. Сведения о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения за январь-июнь 2023 г. Официальный сайт Министерства труда и занятости Владимирской области. URL: <https://mtzn.avо.ru/statistika1>
3. О демографической ситуации во Владимирской области в январе – августе 2023 г. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. URL: https://33.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1102_08_без%20.pdf
4. Петросян Д.И., Соколова М.В. Социально-трудовая мобильность мигрантов из бывших республик СССР (на основе данных социологического опроса во Владимирской области) // Политика и общество. 2018. №7. С. 1-8.
5. Петросян Д.И., Свинцов И.В. Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений Владимирской области. Владимир : Владимирский фил. РАНХиГС, 2015. 165 с.

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ В НОВОРОССИЙСКОМ КРАЕ И В КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ETHNIC MIGRATIONS IN THE NOVOROSSIYA REGION AND IN THE CRIMEA AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES

Д.А. Прохоров

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

D.A. Prokhorov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Аннотация. В статье проанализирована этноконфессиональная ситуация, сложившаяся в конце XVIII – начале XIX в. в Новороссийском крае в целом, и в Крыму в частности. Выявлены основные тенденции, сопровождавшие эмиграци-

онные процессы в регионе, рассмотрен опыт взаимодействия российской администрации в отношении различных групп населения: крымских татар, греков, армян, караимов, евреев, и представителей других народов, проживавших в регионе. Приведены статистические показатели по различным этносам и конфессиям, изучены проблемы этноконфессионального взаимодействия в многонациональном регионе.

Abstract. The article analyzes the ethno-confessional situation that developed at the end of the 18th – beginning of the 19th century in the Novorossiya region in general, and in Crimea in particular. The main trends that accompanied the emigration processes in the region identified the experience of interaction of the Russian administration in relation to various groups of the population considered: Crimean Tatars, Greeks, Armenians, Karaites, Jews, and representatives of other peoples living in the region. Statistical indicators for various ethnic groups and confessions presented, the problems of ethno-confessional interaction in a multinational region are studied.

Ключевые слова: Новороссийский край, Крым, этносы, конфессии, статистика, колонизационные и эмиграционные процессы.

Key words: Novorossiya, Crimea, ethnic groups, confessions, statistics, colonization and emigration processes.

После присоединения Крыма в 1783 г. российские власти приступили к разрешению проблемы заселения полуострова, так как значительная часть жителей региона эмигрировала. Например, если в 60–70-х гг. XVIII в. численность крымских татар составляла более 400 тыс. человек, то в 1793 гг. их насчитывалось лишь 112 200 человек [1, с. 90, 121]. Под руководством правителя Новороссии князя Г.А. Потемкина Крымское правительство (1783–1784), а затем Таврическое областное правление (1784–1796) осуществляли мероприятия по переселению в Крым представителей различных категорий населения. Для новых жителей Крыма Г.А. Потемкин распорядился «принять нужные меры и старание о приготовлении им в Таврической степи удобных и выгодных для жилищ, угодий и хлебопашества мест, и все нужные к построению домов вещи по указному положению для таких назначенные, туда доставить казенным коштом, снабдив и домо-строительными орудиями; а по прибытии их туда приложить свое старание о действительном и порядочном оных поселении с доставлением им всех предписанных выгод и пособий» [11, с. 603].

В числе мигрантов были: уволенные в отставку солдаты с женами (в основном, из центральных губерний Российской империи), заштатные служители церкви и старообрядцы, дербетовые калмыки с Волги, а также архипелагские греки, поляки, немцы, болгары, итальянцы, румыны и пр. Среди русских и украинских переселенцев встречались отставные солдаты, государственные крестьяне из российских губерний, а также церковнослужители, старообрядцы, беглые кре-

постные. Русские и украинские переселенцы-крестьяне в основном селились в материковой части Таврической области, а калмыки и ногайцы – в северокрымских степях [7, с. 234–233; 4, л. 29–30].

Все переселенцы в Крым освобождались на полтора года от уплаты податей и на три года от постоя войск, а в 1785 г. по распоряжению Г.А. Потемкина весь скот, оставшийся после покинувших полуостров крымских татар, предложено было передать в распоряжение переселенцев [18, с. 80]. Кроме того, наряду с организованной колонизацией, происходил процесс стихийного заселения пустующих земель – беглые крестьяне, «работные люди», просрочившие паспорта, проникали в Таврическую область и нанимались обычными работниками в помещичьи имения, при этом чаще всего беглые объявлялись местной администрацией «неразысканными».

В 1784 г. переселенным в Крым архипелагским грекам (741 муж.) российская императрица даровала земли в районе Балаклавы, опустевшей после высылки в 1778 г. крымских греков в Приазовье. Новые жители основали еще семь небольших поселений между Балаклавой и Ялтой. К 1792 г. на землях греческого пехотного полка проживало уже 1800 греков-эмигрантов обоего пола. Общее же число прибывших в Крым жителей всех национальностей в 1785 – июле 1793 гг. достигло 12 600 лиц мужского пола [1, с. 88–89]. В июне 1792 гг. в Таврической области, в соответствии с ведомостью, составленной правителем Таврической области С.С. Жегулиным, насчитывалось уже 157 133 жителей (85 805 муж. и 71 328 жен.). Что касается крымских татар, то их численность, как уже говорилось выше, составляла 112 200 человек; в 1792 г. на полуострове насчитывалось 1480 мечетей [17, л. 17 об., 18; 1, с. 90, 121].

После вхождения Крыма в состав Российской империи на полуостров вернулась часть армян, причем приезжали те из них, кто ранее мигрировал в Османскую империю, а также ремесленники и купцы из Нового Нахичевана (последние официально получили право проживать в Крыму лишь в 1811–1814 гг.). В 1787 г. разрешение вернуться получили армяне-католики. Вскоре численность крымских армян увеличилась за счет переселенцев из Восточной и Западной Армении. По высочайше утвержденной грамоте в 1799 г. армянам Старого Крыма возвратили храмы, земли, городские кварталы. В Старом Крыму и Карасубазаре были созданы городские национальные самоуправляемые общины [19, с. 562, 567–568]. Карасубазарский римско-католический суд учредили в 1784 г., в соответствии с грамотой Екатерины II: «По поселении вашем учредить Ратушу, которую назвать

Католическим Судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляциею Наместнического Правления» [5, л. 55–57]. В компетенцию суда входил разбор уголовных, гражданских и опекунских дел лиц римско-католического вероисповедания. Среди документов, сохранившихся в архивах этого учреждения – материалы о сборе окладных налогов и недоимок; дела об опеке над сиротами, о выдаче заграничных паспортов и т. п. По своей структуре Карасубазарский римско-католический суд повторял устройство нижних земских судов: он состоял из председателя, двух заседателей и секретаря. Армянский магистрат состоял из председателя, четырех заседателей, секретаря и четырех урядников [5, л. 55–57; 20, с. 265; 6, с. 135].

Массовый приток немцев в Крым относится к 1805 г. В Симферопольском уезде они основали колонии: Нейзац, Фриденталь, Розенталь (виртенбергцы), в Феодосийском уезде – Гейльбрун, Судак и Герценберг. В том же 1805 г. на полуострове возникла швейцарская колония Цюрихталь, а в 1811 г. еще одна немецкая колония – Кроненталь. Колонии, расширяясь, образовывали выселки, которые, в свою очередь, превращались в новые колонии. При переселении колонисты получили в собственность от 60–65 десятин лучшей земли, надолго освобождались от натуральных и денежных повинностей; им было даровано широкое самоуправление. Меннониты появились в России в 1789 г., когда Екатерина II выделила им для заселения пустующие земли Новороссии. В 1800 г. 150 семейств переселились в урочище Молочные воды Мелитопольского уезда Таврической губернии, получив до 120 тыс. десятин земли. Меннониты селились на левом берегу Молочной, а на правом – выходцы из немецких государств Нассау, Бадена, Вюртемберга, Баварии. В 1806 г. на правом берегу было уже 18 колоний, где размещались 250 семей [8, с. 18; 9, с. 45].

В конце XVIII – начале XIX в. в Крым прибывали и государственные крестьяне из Полтавской, Черниговской, Воронежской губерний. Они селились или отдельными слободами, или в крымско-татарских селах, образуя смешанные поселения. В первой половине XIX в. в Крым на постоянное поселение прибывают также религиозные сектанты: раскольники, молокане, духоборцы, приезжавшие в основном из Саратовской и Тамбовской губернии, скопцы и пр. В Керчь-Еникальском градоначальстве уже в 1830-е гг. поселились выкrestы из субботников, в Евпаторийском и Симферопольском уездах

– штундисты [3, л. 3]. Часть поселений основали в Крыму крестьяне-однодворцы. Что касается украинцев, то интенсивное освоение Крыма они начали лишь с 1850-х гг., после очередного оттока крымских татар в Турцию.

После трех разделов Речи Посполитой между Российской империей, Прусским королевством и Габсбургской монархией в 1772, 1793 и 1795 гг. наряду с присоединением территорий, где проживали представители иудейских общин, наблюдался активный рост численности еврейского населения в самой Российской империи, причиной которого стала миграция евреев из-за рубежа. Например, в 1770–1780-х гг. в материковые губернии России переселялись евреи из Польши и Галиции, отошедшей после первого раздела Польши к Австрии. Манифестом 4 декабря 1762 г. разрешалось всем «иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России», а евреи по указу от 16 ноября 1769 г. получили право на жительство в Новороссийском крае. Миграция евреев и караимов из Галиции и Герцогства Варшавского в Россию продолжилась в начале XIX в., и, по некоторым оценкам, в период с 1772 по 1827 гг. сюда добровольно или вынужденно иммигрировали несколько десятков тысяч евреев, причем большинство из них осело в Новороссии, в том числе, и в Бессарабии [12, с. 126–127; 13, с. 1018]. Одним из наиболее привлекательных в экономическом плане регионов для переселенцев стал Крым.

По данным составленного в 1784 г. генерал-поручиком бароном О.А. Игельстромом «Камерального описания Крыма», на полуострове всего проживало 140 тыс. человек; из них – более 50 тыс. мужчин нехристианского населения, в том числе и 1407 «жидов» (евреев-рабанитов, крымчаков, а также караимов) [10, с. 159]. 23 декабря 1791 г. Екатерина II подписала указ «О предоставлении евреям прав гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической губернии», согласно которому евреям разрешалось постоянное жительство в Белоруссии и Новороссии, но одновременно воспрещалась запись в купечество (в частности, в Москве) [14, с. 287]. Этот документ фактически положил начало введению черты еврейской оседлости. На Крымский полуостров переселялись евреи-ашкеназы, которые впоследствии обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории и Феодосии.

Внутренняя политика Российской империи в этот период характеризовалась антиеврейскими настроениями, что не могло не отразиться на государственном законодательстве. С 1791 г. евреям-рабанитам разрешили селиться в Новороссийском крае (в Екатерино-

славской, Херсонской губерниях и в Таврической области, а с 1812 г. – и в Бессарабской области). С 1794 г. евреи получили право на проживание в северо-восточных губерниях Украины (в Киевской, Черниговской и Полтавской). Указом от 23 июня 1794 г. для евреев, проживавших в Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерниях и в Таврической области Екатерина II установила двойную норму налогообложения. «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записываться по городам в мещанство и купечество, – говорилось в документе, – повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий». Тем же из евреев, кто не изъявил желания остаться в российском подданстве, по уплате ими трехлетней двойной подати, разрешалось покинуть пределы империи (указом от 1 мая 1800 г. тех евреев, кто был не в состоянии уплатить подать за три года, велено было высылать за границу, а бродяг «иностранной нации» – отправлять на рудокопные заводы, как это было в Курляндской губернии) [14, с. 532; 15, с. 150]. Вскоре евреи, состоявшие в купеческом и мещанском сословиях в местностях, где «им жительство, торги и промыслы дозволены», получили, в соответствии с указом от 21 января 1796 г., право на откуп (по 500 руб. за 1 человека) от обязанности предоставлять из своей среды рекрутов для военной службы [14, с. 857–858].

Что касается крымских араимов, то еще во второй половине XVIII в., благодаря тесным связям с караимскими общинами Литвы, в Крым стали прибывать на постоянное жительство члены караимских общин северо-западных губерний Российской империи. В свою очередь, миграция караимов из западных губерний на Юг России обуславливалась постепенным угасанием общин Польши и Литвы и, напротив, экономическим ростом вновь присоединенного региона и перспективами, открывавшимися перед переселенцами в Крыму [2, с. 267–270].

Караимы Крыма поначалу тоже подпадали под действие российского антиеврейского законодательства, поскольку различия между ними и евреями-рабанитами местные власти не делали, обозначая во всех документах их как «евреи-караимы». Представители светской и духовной элиты караимской общины, стремившейся получить экономические и другие льготы, обратились к высшей администрации с прошениями. В частности, они ходатайствовали перед правителем Таврической области генерал-майором С.С. Жегулиным и правителем

Новороссии и Бессарабии графом П.А. Зубовым об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога. В 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, представлявшая интересы караимов, для того, чтобы лично передать это прошение. В конечном итоге её миссия завершилась успехом, и 8 июня 1795 г. по рескрипту императрицы Екатерины II крымские караимы были освобождены от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя [14, с. 705–706]. Таким образом, караимов «изъяли от уплаты» дискриминационного налога, установленного для российских евреев.

Стремление караимов отмежеваться от иудейского этнического и религиозного компонента обуславливалось российской политикой «поражения в правах» приверженцев иудаизма и попыткой караимских духовных и светских лидеров избежать притеснений по конфессиональному признаку. Караимы и далее укрепляли свои позиции в сфере гражданского права, что в конечном итоге привело к изменениям как в географии их расселения, так и к трансформациям традиционного уклада жизни караимских общин. Некоторая часть крымских караимов переселилась в крупные торгово-промышленные центры материковых губерний России. Так, например, в первой половине XIX в. часть караимов иммигрировала из Крыма в Одессу, где наблюдалась наибольшая, по сравнению с другими губернскими городами на юге Российской империи, концентрация представителей купеческого сословия. Статус «порто-франко», присвоенный городу в 1819 г. (он действовал до 1859 г.), привлекал многочисленных купцов из внутренних губерний России, а также из стран Европы. Впоследствии караимские общины появились в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове и других городах.

Правительство в течение первой половины XIX в. приняло ряд законов и постановлений, которыми подтверждались различные права и привилегии караимов. Завершением этого процесс стал закон, принятый 8 апреля 1863 г., гласивший: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит» [16, с. 302–306].

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. этноконфессиональная ситуация в Крыму существенно трансформировалась. В результате V и VI ревизий, проведенных на территории полуострова, соответственно, в 1792 и 1796 гг., было установлено, что общее число жителей здесь составляло 156,4 тыс. человек. В их числе: 137,0 тыс.

крымских татар, 6,8 тыс. русских, 2,1 тыс. украинцев, 3,0 тыс. греков, 2,7 тыс. цыган, 1,2 тыс. евреев, 2,3 тыс. караимов, 1,0 тыс. армян, 0,1 тыс. немцев, 0,1 тыс. болгар, представителей прочих народов – 0,1 тыс. чел. В 1796 г. в Крыму насчитывалось 58 деревень с населением 99 195 казенных и помещичьих крестьян [10, с. 160]. В 1816 г. был зафиксирован общий прирост населения: из 212,6 тыс. крымских жителей 182,7 тыс. составляли крымские татары, 10,3 тыс. – русские, 7,7 тыс. – украинцы, 3,0 тыс. – караимы, 2,7 тыс. – армяне, 2,0 тыс. – евреи, 1,8 тыс. – греки, 1,5 тыс. – немцы, 0,8 тыс. – болгары, 0,1 тыс. – прочие народы [1, с. 121–124].

Библиографический список

1. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 159 с.
2. Гаммал М.И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история / Сост., отв. ред. Г. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 265–286.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 118. Оп. 1. Д. 2384.
4. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 91.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Изд. центр РГГУ, 2008. 710 с.
7. Конкин Д.В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / [Н.И. Храпунов, Д.В. Конкин, М.А. Никифоров и др.]; Под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 231–243.
8. Лаптев Ю.Н. Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С. 11–21.
9. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX – начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С. 37–49.
10. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.
11. Муравьев М. Материалы для местной истории // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 601–605.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 16. 1120 с.
13. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 18. 1039 с.
14. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 23. 974 с.
15. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 26. 880 с.
16. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцеля-

рии, 1866. Т. 38, Отд. 1. 940 с.

17. Российский государственный исторический архив (РГАДА). Ф. 10. Оп. 3. Д. 59.

18. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. С. 73–87.

19. Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2009. Вып. 15. С. 561–572.

20. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / [Н.И. Храпунов, Д.В. Конкин, М.А. Никифоров и др.]; Под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 247–275.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

IMMIGRATION CRISIS IN TERMS OF CLASH OF THE CIVILISATIONS

Е.В. Рябинин

Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи,
г. Мариуполь, Россия

Y.V. Ryabinin

Mariupol State University named after A.I. Kuindzi, Mariupol, Russia

Аннотация. Статья посвящена одной из основных проблем, с которой сталкивается сегодня Европейский Союз, а именно миграционный кризис. Автор анализирует основные причины, которые легли в основу миграционного коллапса в Европе. Автор поддерживает идею С.Хантингтона о столкновении цивилизаций, и подчеркивает, что европейцы обречены на проигрыш в этом конфликте.

Abstract. The article under consideration deals with the pressing problem that European Union faces currently that is immigration crisis. The author analyses all the reasons that led to the immigration collapse in Europe. The author supports the idea of S. Huntington who predicted the clash of civilizations and believes that Europeans are doomed to be defeated due to the wrong multiculturalism and tolerance policy.

Ключевые слова: Европейский Союз, мигранты, миграционный кризис, столкновение цивилизаций

Key words: European Union, immigrants, immigration crisis, clash of civilizations

В последнее время проблема исламизации Европы выходит на первый план среди всех проблем, с которыми сталкивается

европейское общество. С. Хантингтон в начале 1990-х гг. главной проблемой XXI в. определил столкновение цивилизаций, а именно христианской и исламской [8]. В то время, когда С. Хантингтон представил свой прогноз, еще не было окончательно ясно как будет происходить этот религиозно-цивилизационный конфликт. Но события последних лет свидетельствуют о том, что вероятность тотальной исламизации Европы к концу этого столетия становится реальной.

В августе 2015 г. миграционный поток из Ливии, Сирии, Ирака и Афганистана увеличился до рекордных размеров. Страны ЕС оказались не готовы к наплыву беженцев, что вылилось в срочное принятие решений по их размещению без тщательного анализа возможных последствий. Следует отметить, что конечным пунктом пребывания мигранты выбирают, в большинстве случаев, Германию из-за высокого уровня развития страны, а следовательно, более высокого уровня социальной защиты, включая поддержку мигрантов. Такие страны, как Венгрия, Греция, Хорватия и Сербия, являются перевалочными пунктами беженцев, которые впоследствии используют железнодорожный транспорт и отправляются в Германию. Если беженцы пытаются спастись от военных действий в своих странах, то предполагается, что они могут достичь территории соседних государств и попросить убежище. Однако они намеренно выбирают развитые европейские страны.

Следует отметить, что некоторые мигранты настроены достаточно агрессивно, что вылилось в столкновение с полицией и представителями пограничных служб, которым пришлось применять водометы и слезоточивый газ. Небезосновательно предположение экспертов о том, что вместе с потоками мигрантов в Европу проникали и представители «Исламского государства».

На фоне миграционного кризиса и столкновения цивилизаций, которое уже проявилось в виде террористических актов в Париже и Брюсселе в 2016 г., и снова в Брюсселе в октябре 2023 г., возникает необходимость проанализировать корни сложившейся ситуации и спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Этим и определяется актуальность этой статьи.

Современная концепция развития Европы основывается на концепции этноплюрализма, согласно которой 1) многонациональная общность должна развиваться на основе сохранения самобытности каждого этноса; 2) национальная политика, основанная на принципе отказа от ассимиляции этносов. Вот тут-то и кроется основная

проблема Европы, которая может стать бомбой замедленного действия.

В Европе наблюдается картина, когда окрестности крупных городов превращаются в национальные гетто, причем с явной тенденцией к расширению. Проблема Западной Европы состоит в том, что, сделав ставку на мультикультурализм, она сформировала для мигрантов изолированные «национальные кварталы». Как следствие, мигранты оказались отгороженными от общества, а принятие локальных правил поведения стало вопросом индивидуального выбора [5, с. 95].

Одним из социальных последствий создания такого рода анклавов является рост теневого сектора экономики, финансов и услуг. Другим следствием является криминализация некоторой части мигрантов. Третьим следствием является формирование этнокорпоративной морали, под которой подразумевается поддержка тех людей, которые считаются «своими» [3, с. 52].

А главная проблема, с которой сталкиваются мигранты – это проблема культурно-религиозного плана. Мусульмане приезжают в общество, далеко продвинувшееся в контексте секуляризации и превращения религии в дело каждого гражданина. При чем они испытывают культурный шок, влияющий на их менталитет и практические действия. У одной группы мусульман усиливается стремление отстраниться от принятого ими социума и еще больше у них укрепляется приверженность исламским заповедям и нормам поведения. У других, напротив, размывается мусульманская идентичность и они начинают усваивать западные ценности, но количество таких мусульман ничтожно [10, с. 52].

Кроме того, согласно информации Евростат, большое количество мигрантов – это молодые люди в возрасте от 0 до 35 лет (79% от общего количества), а это и категория людей, которая является самой активной и готова рожать детей. Так, в 2014 г. (перед началом кризиса) в ЕС прибыли 25% людей в возрасте от 0 до 18 лет, 54% – 18–34 года, 20% – 35–64 года, и только 1% – 65 лет и выше [11, с. 31].

В погоне за конструированием европейской идентичности, европейцы, сами того не подозревая, делают Европу безликой, лишенной своей самобытности, духовности и истории. Основной ценностью, объединившей их большую часть, было христианство, пусть в виде разных церквей, фундаментальные принципы которой сегодня забывают. Еще во время подготовительных работ по

принятию европейской конституции, обнаружились острые противоречия по поводу вопроса о необходимости упоминания христианского наследия Европы в ее тексте. В итоге осталась лишь расплывчатая фраза о всеобщем историческом наследии континента.

А отказ от христианских ценностей равнозначен отказу от собственной истории и предков. Не следует забывать, что впервые понятие «европейцы» было упомянуто в хрониках VIII в. в связи с христианами, противостоящими вторжению в Европу арабов-мусульман. Даже Ватикан настаивает, что «Европа или христианская, или это не Европа». То есть, христианские ценности рассматриваются как ядро общеевропейской идентичности, объединяющей европейские нации. Однако, в Лиссабонском договоре отсутствует информация о том, что Европа христианская.

В Европе сегодня проживает 44 млн. мусульман, что составляет 6% ее населения. По разным прогнозам, мусульманское население Европы в 2025 г. удвоится (в самом ЕС будет 30 млн. мусульман). Только в крупнейших городах Нидерландов и Бельгии уже сегодня население автохтонно только наполовину.

Основной проблемой миграционного кризиса является проблема идентичности. Мигранты не предпочитают принимать европейскую идентичность: они живут в Англии, Франции, Нидерландах, но не являются англичанами, французами, голландцами. И позицией Европы, пережившей в XX веке две мировые войны, продолжает оставаться терпимость, неприятие национализма, мультикультурализм.

Другой проблемой является неспособность противостоять угрозам внесистемного характера.

За всю историю Западной Европы народам никогда не угрожали силы внесистемного характера, то есть настолько чуждые, что не смогли бы понять и принять хотя бы элементарные нормы и закономерности функционирования угрожающих сообществ. Конфликты, развертывавшиеся на территории Западной Европы, носили внутрицивилизационный характер. Европе не приходилось сражаться с татаро-монгольскими ордами, несшими свой совершенно непонятный образ жизни в столь же чуждой им славянской Руси. Европе не приходилось сохранять свою идентичность под давлением иноязычного и инокультурного сообщества. Даже падению Римской империи под давлением варваров предшествовало долгосрочное полуконфликтное сосуществование с теми же варварами, а также исторический опыт Римской империи по взаимодействию с другими

культурами [1, с. 382]. А войскам А. Гитлера некоторые европейские страны подчинялись за считанные дни.

Третьей проблемой является демографический кризис в Европе. Есть мнение, что сегодня в Европе и у ее границ сталкиваются не христианская и мусульманская цивилизации, а постхристианские светско-либеральные ценности и традиционная ценностная система мусульман, выдержавшая испытание временем и реформами. По мнению британского журналиста Тони Блэнкли «если сохранятся нынешние темпы рождаемости, если продолжится современная политика Евросоюза, если не изменится образ мышления Европы (в некоторой степени – и Америки), то европейские ценности и образ жизни будут вытеснены из Европы ценностями радикального ислама».

Падение рождаемости действительно становится серьезной проблемой западной цивилизации. Однажды мулла Омар из французского Бордо заявил: «Одной только плодовитостью наших женщин мы победим христиан. Ведь француженки, чтобы быть свободными, не хотят рожать. Мы же заставим их ухаживать за нашими детьми».

В результате всего этого в Европе появятся территории, которые не будут контролироваться центральным правительством, скажем, французское Косово или британский суннитский треугольник. Таким образом, вполне возможно, что в ближайшие 20-30 лет Европа действительно превратится в «Еврабию».

Отсюда возникает серьезная проблема, которая напрямую связана с идентичностью – вопрос старения Европы и необходимость решения вопроса наполняемости рабочих мест за счет мигрантов.

Что касается вопроса населения, то согласно мнению экспертов, население Европы вырастет к середине XXI столетия на 10 млн. чел., однако две трети из них составят люди старше 65 лет. Среди трудоспособного населения значительная часть будет принадлежать мигрантам. По данным исследований бюро Евростат к 2035 году население Европы вырастет с 495 млн до 521 млн человек, а затем снова начнет снижаться. Причем на исходный рост будет влиять именно наплыв мигрантов.

Вместе с тем, снижение численности населения не будет равномерным по всей Европе. Напротив, значительно увеличится количество жителей таких стран как Великобритания (на 25%), Кипр (66%), Ирландия (53%), Швеция (18%), Люксембург (52%). В то же время серьезных потерь ожидают страны Восточной Европы. Число

жителей Польши уменьшится на 18%, Болгарии – на 28%, Румынии – на 21%, в то время как в странах Прибалтики численность населения уменьшится примерно на четверть.

Немецкие демографы бьют тревогу: чтобы удержать численность европейцев на нынешнем уровне, показатель рождаемости должен превышать 2,11 ребенка на каждую семью. Сегодня этот показатель для немецкой семьи составляет 1,3 ребенка, для итальянского – 1,2, для испанского едва достигает 1,1. В целом индекс фертильности европейской (белой) женщины составляет 1,2 ребенка, тогда как для представительниц ислама, проживающего в ЕС – 4,2. Острой остается проблема старения европейского населения. Сегодня на каждого жителя Европы в возрасте от 65 лет приходится четыре работающих. Через пятьдесят лет этот показатель снизится в два раза, и на каждого пенсионера придется всего двое работающих. Для экономики ситуация, когда только треть населения находится в трудоспособном возрасте, может обернуться настоящей катастрофой [4].

С учетом этих тенденций делаются неутешительные прогнозы: в ближайшие полвека культурно-цивилизационный вид европейского континента изменится почти до неузнаваемости. В Великобритании численность мусульман за последние 30 лет увеличилась в 36 раз. В Нидерландах половина всех новорожденных появляется на свет в мусульманских семьях. В Бельгии 25% населения – мусульмане [2].

Следующей проблемой является допущение властями ЕС радикализации миграционного сообщества. Во Франции безработные существуют за счет пособия, уже населяющих целые кварталы и даже целые пригороды крупных мегаполисов. Проблемы начинаются, когда сознательного возраста достигают те дети, родившиеся в Европе и никогда в жизни не видевшие своей этнической родины, откуда бежали их родители. Предел мечтаний для их родителей – социальная помощь и жизнь в мигрантском гетто бельгийского Андерлехта или в окрестностях Парижа – их детям видится как самое дно жизни в Европе. При этом, как правило, у них нет возможности вырваться из этой ситуации социально приемлемыми средствами – образование они не получили, рабочие специальности их не привлекают так же, как и молодежь коренного населения. Между тем амбиции и энергия многих остаются невостребованными. В этом случае они образуют взрывную социальную среду, пополняющую уличные банды и организованные преступные группы европейских городов.

Свою злобу мигранты выплескивают на обычных европейцев, избивая их, грабя, убивая, проводя массовые изнасилования, как это случилось в новогоднюю ночь в Кельне в 2015 г.

Ну а главная причина такого большого миграционного потока, который мы наблюдаем на современном этапе, – это активные военные действия на Ближнем Востоке, которые втянули этот регион в тотальную дестабилизацию. Главной причиной столь беспрецедентного потока мигрантов являются военные кампании в Ираке, Сирии и Ливии. Дестабилизация ситуации в Секторе Газа в октябре 2023 г. и последовавшая наземная операция Израиля приведет к еще большему числу мигрантов из этого региона.

Какую ситуацию в контексте столкновения цивилизаций можно спрогнозировать для Европы на ближайшее будущее?

Главной проблемой для Европы станет процесс радикализации политического поля в Европе. Сегодня на выборах в разных странах ЕС в парламент уже проходят, а в некоторых случаях с достаточно хорошими показателями представители правых и праворадикальных политических сил. Сегодня радикализация пока проявляется в большей степени в настроениях обычных жителей стран ЕС. В свое время одной из причин поражения Н.Саркози на выборах во Франции стало невыполнение им обещаний расчистить пригороды крупных городов от мигрантов.

Праворадикальные партии будут поддерживаться, поскольку меняется отношение европейцев к мигрантам, и это отношение довольно негативное. Уже в 2008 г., по данным исследования американского аналитического центра Pew Research, на неблагонадежность мусульман жаловались 38% французов, четверть британцев и 46% поляков. В 2011 г. опросы немецкого фонда имени Фридриха Эберта показали, что уже 50–60% граждан семи стран ЕС, в том числе Великобритании, Франции и Польши, считают мусульманских мигрантов «слишком требовательными».

В семи странах ЕС (Германии, Франции, Нидерландах, Италии, Португалии, Польше, Венгрии) был проведен опрос общественного мнения фондом имени Фридриха Эберта. Фонд получил следующие результаты: 50,8% опрошенных (средняя по восьми странам) согласны с утверждением, что в стране живет очень много мигрантов; 32,7% считают, что из-за большого количества мигрантов они чувствуют себя чужаками в своей стране; 50,7% считают, что в случае дефицита рабочих мест коренное население должно иметь преимущество перед претендентами-мигрантами; 44,1% уверены, что

в стране живет очень много мусульман; а по мнению 54,5% ислам – это религия нетерпимости [6, с. 44].

В докладе Совета Европы присутствует анализ вызовов современного европейского сообщества. В докладе предоставлена информация относительно опроса европейцев о том, что они думают о переселенцах. Все ответы были классифицированы по следующим категориям: «иммигранты влекут за собой рост преступности»; «мигранты привозят болезни в страну»; «работники-мигранты забирают наши рабочие места»; «работники-мигранты забирают наши зарплаты»; «мигранты злоупотребляют помощью государства»; «мигранты ведут себя так, будто это их страна»; «мигранты создают параллельные сообщества»; «дети мигрантов снижают стандарты в наших школах»; «женщины-мигранты живут как меньшинство» [7, с. 17].

Следует подчеркнуть, что такие радикальные ответы и мнения были еще в начале 2010-х гг. Не вызывает сомнений тот факт, что после кризиса 2015–2016 гг. эти мнения стали еще более радикальными.

Всё это станет, по мнению автора, причиной для реализации хантингтоновского столкновения цивилизаций.

Можно предположить, что ситуация в рамках столкновения цивилизаций будет развиваться следующим образом.

Во-первых, сегодня уже образовалась критическая масса мусульманского населения в Европе. Можем предположить, что мусульмане, иммигрировавшие в Европу в предыдущие годы, проводили определенную работу по созданию радикальных исламистских организаций, в которые вступают мигранты последней волны, которые не будут довольствоваться низкими социальными пособиями и будут стремиться получить больше. Произошедшие в редакции журнала «Шарли» и террористические акты в Париже и Брюсселе показали, что подобные убийства возможны и их частота и размах будут только увеличиваться. Европа, в случае начала серьезных конфликтов, из-за повышенной степени толерантности не сможет им противостоять. Уличные беспорядки во Франции в 2023 году после убийства подростка мусульманина, серьезно дестабилизировали страну. Также ЕС может получить удар с юга, со стороны мусульманских БиГ, Албании, Косово, то есть тех государств, которым Европа в свое время помогала обрести независимость.

Таким образом, столкновение цивилизаций произойдет на

территории Европы, внутри европейского сообщества – между коренными европейцами и мигрантами из стран Ближнего Востока и африканского континента. И этот конфликт будет стимулироваться межличностными конфликтами, поскольку мигранты не стремятся ассимилироваться в европейское сообщество или принимать его традиции и культуру.

Библиографический список

1. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / Под редакцией А.Д. Воскресенского. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 528 с.
2. Гулевич В. Демографические беды [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14752> <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1451> (дата обращения: 08.09.2023).
3. Добаев И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // МЭМО. 2008. №4. С.50-56.
4. Костырев В. Население Европы стремительно стареет [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1451> <http://infox.ru/science/human> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Носенок В. Западная Европа и исламизм: противостояние усиливается // МЭМО. 2008. №2. С.94-103.
6. Прядко И. Закрытие Европы // Корреспондент. 2011. №13 (450). С.42-44.
7. Рябинин Е. Европейский союз: анализ сущности и проблем на современном этапе. Мариуполь, 2011. 157 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
9. Хенкин С. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // МЭМО. 2008. №3. С.48-58.
10. Germany to spend extra 6bn to fund record influx of 800,000 refugees [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/07/germany-to-spend-an-extra-6bn-to-fund-record-influx-of-800000-refugees>. (дата обращения: 15.09.2023).
11. Key figures on Europe. 2015 edition. Eurostat. Belgium. 2015. 194 p.

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ПОВОРОТА НА ВОСТОК¹

ETHNIC MIGRATIONS AND INTERETHNIC RELATIONS IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF A TURN TO THE EAST

Т.Б. Смирнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Омск, Россия

T.B. Smirnova

Dostoevsky Omsk State University; Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia

Аннотация. после поворота России на Восток, изменились направления и выросла интенсивность этнических миграций. Эти изменения оказали влияние на состояние межнациональных отношений. В статье анализируются этнические миграции из стран Центральной Азии в регионы Сибирского федерального округа и межнациональные отношения в этих регионах.

Abstract. After Russia turned to the East, the directions changed and the intensity of ethnic migrations increased. These changes had an impact on the state of interethnic relations. The article analyzes ethnic migrations from the countries of Central Asia to the regions of the Siberian Federal District and interethnic relations in these regions.

Ключевые слова: миграции, межнациональные отношения, Азиатская Россия, поворот на Восток.

Key words: migration, interethnic relations, Asian Russia, turn to the East.

Этнические миграции, после временных ограничений в 2019-2020 гг., вышли на новый уровень: изменились их направления в связи с поворотом России на Восток и резко выросла их интенсивность. Переориентация России на более тесное взаимодействие с государствами Центральной Азии и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, неизбежно ведет к качественному изменению населения восточных районов страны, в том числе регионов Сибирского федерального округа, южные районы которого непосредственно граничат с азиат-

¹ Исследование выполнено по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг.

скими странами. Сибирь исторически является воротами России в Центральную Азию и находится с ней в тесных контактах.

В новых условиях поворота на Восток появляются новые направления демографических процессов, которые требуют изучения. О том, что поворот на Восток неизбежен, многие ученые и политики говорили неоднократно, но этот поворот произошел настолько стремительно, что предположить его последствия и учесть риски очень сложно. Мало предсказуемой является и ситуация в сфере миграций. Резкое изменение политики с западного вектора на восточный, и главная причина этого изменения – специальная военная операция (СВО), – по-разному воспринимаются во всех слоях общества – россиянами и мигрантами, в национальных республиках и в русских регионах, молодежью и людьми старшего возраста, бизнесменами и управленцами. В этих условиях важной задачей является изучение влияния последних политических событий на демографические процессы в нашей стране, оценка преимуществ и рисков нового вектора экономической политики, прогноз развития восточного направления и выработка практических рекомендаций.

Азиатский вектор развития России анализировался в научных трудах неоднократно, но не утратил своей актуальности, особенно в связи с новыми внешнеполитическими обстоятельствами. Многие исследователи отмечают, что поворот России на Восток недостаточно концептуализирован, и существует в формате отдельных сюжетов. Хотя, можно выделить два наиболее популярных сегодня подхода: концепцию «Большой Евразии» и неоевразийство. Сами по себе эти подходы неоднородны, например, неоевразийство представлено сильно отличающимися друг от друга концепциями Л.Н. Гумилева [2], А.Г. Дугина [3], Н.А. Назарбаева [6], Е.Ю. Винокурова [1].

Наиболее полно концепции поворота на Восток представлены в серии докладов Валдайского клуба «К Великому Океану» [5], и в трудах ученых – авторов этих докладов. Идеологом возрождения имперского лозунга «Вперед, к Великому Океану» является Сергей Караганов, известный политолог и экономист, многолетний декан, а сейчас – научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Более десяти лет он отстаивает идею необходимости поворота на Восток и развития ускоренными темпами Сибири и Дальнего Востока. Он считает, что нужно не просто расширять торговлю с азиатскими странами, а изменить вектор внутреннего развития России. Надо поднимать восточные регионы, и в первую очередь – Центральную Сибирь [4]. Эти, начавшиеся 10 лет назад изменения

стратегических планов развития, стали предметом изучения в рамках Программы научных исследований по проблемам этнокультурного многообразия российского общества и российской идентичности. Эта Программа реализовывалась по поручению Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. (Пр71, п. 6) в 2020-2022 гг., и была пролонгирована на 2023-2025 гг.

Программа научных исследований этнокультурного многообразия, по словам ее руководителя академика РАН В.А. Тишкова, изначально обрела общероссийский характер как по своей тематике, так и по составу исполнителей. Среди последних ведущее место заняли ученые профильных институтов РАН, члены Научного совета РАН, представители федеральных университетов ряда регионов Российской Федерации, включая российские республики. Это обстоятельство позволило охватить исследователей и изучаемую ими проблематику очень широко, раскрыть специфику ситуаций в регионах, разные взгляды, озабоченности и оценки изучаемого населения, экспертов, а также самих участников исследований. Разнообразие тем и регионов позитивно отразилось и в содержании выполненных работ, выводы и рекомендации которых хотя и выражают прежде всего авторские позиции ученых, но во многом они обусловлены местными ситуациями и полученным полевым и социологическим материалом. Своей тематикой, составом участников и географическим охватом проведенных работ программа выполняла одну из своих основных задач – поддержку, повышение уровня и практической направленности отечественных научных исследований в области этнологии, социологии, политологии и философии по тематике межнациональных отношений и российской идентичности [7, с. 4].

На первом этапе реализации в Программу вошли 22 проекта по 10 направлениям, одним из которых было направление «Динамика этнического состава населения и этнодемографические процессы в Российской Федерации». Наш проект, реализованный по этому направлению в 2020-2022 гг., был посвящен изучению этнодемографических процессов и миграций в Азиатской России [9]. В 2023-2025 гг. нами реализуется проект «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток».

Азиатская Россия занимает территорию 13 млн. 133 тыс. кв. км, что составляет 77% всей площади страны. Здесь расположены три федеральных округа – Уральский (основная его часть), Сибирский и Дальневосточный, которые превосходят по территории любое другое

государство мира. Но живет на этой невероятно большой территории 37,1 млн. чел., что составляет 25%, то есть всего четверть населения России. Размещено население очень неравномерно, в основном на юге, полосой вдоль границы России и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. В составе трех федеральных округов находится 27 субъектов (края, области, республики, автономные округа и автономная область).

Для всех регионов Сибирского федерального округа (СФО), за исключением Новосибирской области, характерно сокращение численности населения, в том числе за счет внутренних миграций. Сибирский федеральный округ состоит из 10 субъектов: Красноярский край, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области. В 2018 г. два субъекта, входившие ранее в состав СФО (Республика Бурятия и Забайкальский край), были переданы в состав Дальневосточного федерального округа. Площадь СФО – 4 млн. 362 тыс. кв. км, численность населения – 16 792 699 чел. [8]. По сравнению с 2010 годом численность населения уменьшилась почти на 385 тыс. чел. (с учетом административно-территориальных изменений). Столица федерального округа – Новосибирск.

Главной особенностью Сибири является богатство ее природных ресурсов. Главным препятствием для их освоения являются огромные пространства и суровый климат, а также малонаселенность и недостаток людей. С момента присоединения Сибири к Российскому государству, численность ее населения непрерывно возрастала, вплоть до начала 1990-х гг., когда произошел демографический разворот, и население двинулось из Сибири на запад, в центральные регионы России. Естественный прирост во всех регионах, за исключением Республики Алтай и Республики Тыва, отрицательный. В СФО превышение смертности над рождаемостью наблюдается на протяжении последних лет, отрицательное сальдо имеют межрегиональные миграции, которые частично компенсируются приезжими из стран СНГ. Из всех регионов СФО только Новосибирская область, как столица округа имеет устойчивый миграционный прирост. Столичный статус, имеющий следствием разнообразные рабочие места и более высокую заработную плату, является главной причиной привлекательности Новосибирска для мигрантов.

Этнический и религиозный состав населения федерального округа очень многообразный. Русские составляют подавляющее большинство – 86% населения. В национальных республиках в поли-

тической и культурной жизни большую роль играют этнические элиты.

Во всех регионах округа тревожным симптомом является отток населения не только из малых городов, из сельской местности в крупные промышленные центры, но и выезд, в основном молодежи, в центральные регионы страны. Для региональных бюджетов характерны дефициты, уровень жизни населения низкий, экологическая ситуация тяжелая, особенно в крупных городах, в которых сосредоточены обрабатывающие и оборонные производства. Риски межнациональных конфликтов невысокие, но они есть, особенно в связи с оттоком населения в регионы Центра, и с замещением местного населения мигрантами из стран Центральной Азии.

Учитывая стратегическое значение Сибирского федерального округа, а также то, что его южные регионы являются приграничными с Центральной Азией территориями, с интенсивными трансграничными миграциями, при выполнении проекта была проведена оценка состояния и комплексная характеристика народонаселения этих территорий.

Необходимость комплексной характеристики привела к выделению трех этапов исследования по проекту: 1) анализ динамики этнического состава населения регионов азиатской части России на основе данных переписей населения и статистики; 2) изучение влияния современных миграций на этнический состав населения регионов; 3) изучение этнической идентичности населения регионов Азиатской России (наряду с общероссийской и региональной идентичностью). На каждом этапе исследования выполнялись два основных вида работ: 1) аналитические исследования, для которых главными источниками стали результаты переписей населения и текущей статистики; 2) социологические исследования, посвященные факторам, влияющим на изменение этнического состава населения.

Для проведения исследования были выбраны 4 региона Сибирского федерального округа – Красноярский край, Республика Алтай, Новосибирская и Омская области. В каждом регионе техническое задание (аналитическое исследование, проведение опросов, формирование баз данных, подготовка отчетов) выполнялось по единой программе, с использованием единой методологии и инструментария.

В ходе социологических опросов, посвященных миграциям, было опрошено 1600 чел. Опрашивалось по 400 чел. в каждом регионе, из них 200 чел. – был проведен массовый опрос с разбивкой по полу и возрасту и 200 чел. – были опрошены студенты университетов, с раз-

бивкой на общественные, гуманитарные, естественные и технические направления подготовки. В университетах Сибири обучается большое количество студентов из Китая, Индии, Вьетнама, Монголии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана.

По мнению всех жителей (и взрослых респондентов, и учащейся молодежи), миграция является довольно актуальным вопросом. Но регионы делятся на те, из которых выезжают, и те – в которые приезжают. В азиатской части России почти все регионы имеют отрицательное сальдо внутрироссийской (межрегиональной) миграции, и положительное сальдо международной миграции. Все регионы Сибири являются притягательными для мигрантов из стран Азии. Респонденты называют среди причин более высокий уровень жизни в их регионах и возможность получения более высоких заработков по сравнению с другими странами, постоянный спрос на иностранную рабочую силу, гарантированную возможность занятости для иностранцев в государственном и частном секторах экономики. Новосибирская область является одним из основных регионов-потребителей иностранной рабочей силы в Российской Федерации.

Отношение респондентов к мигрантам в целом нейтральное (от 50 до 70%), хотя устойчивые мнения о миграции присутствуют в сознании респондентов (создание этнических анклавов, рост преступности, занятие мигрантами рабочих мест местного населения и пр.). Чуть более 40% выражают запрос на изменение миграционного законодательства в сторону ужесточения.

При этом сами опрошенные студенты в недалеком будущем могут стать мигрантами. Подавляющее большинство студентов рассматривают для себя возможность миграции в другой регион или страну в основном по карьерным соображениям. Отток населения, особенно молодежи, является актуальной проблемой для всех регионов СФО, что подтверждают не только данные опросов (около 80% студентов задумывались или рассматривают возможность переезда в другой регион и страну), но и официальной статистики.

Стоит обратить внимание на то, что очень большое количество респондентов указывают в качестве причины их желания покинуть регион плохую экологию. Это, например, жители Омска и Красноярска. Следующей важной проблемой, которая снижает качество жизни населения, а, следовательно, дает ощутимый импульс росту миграционных настроений – низкое качество управления. Третья болевая точка, которую диагностируют данные опросы – стагнация местной экономики. Ориентация на традиционные отрасли себя исчерпала и

необходимы новые сферы, которые смогут перезапустить экономику. Они пока не найдены. В итоге талантливые молодые люди покидают свои регионы. Например, в Красноярске только 8,5% студентов планируют остаться в крае. Руководству регионов необходимо предпринимать срочные меры, которые приведут к переоценке миграционных настроений.

Выраженную специфику имеют регионы с высокой долей сельского населения. Так, Республика Алтай, с самыми низкими в Сибири душевыми доходами, при отсутствии какого-либо производства, живет за счет личного подсобного хозяйства, скота, садов и огородов. Наиболее актуальными респонденты считают отъезд местного населения, распространение вахты, отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов, захват мигрантами определенных экономических сфер, например, туризма и рекреационных зон.

Даже Новосибирская область, которая последние 15 лет является привлекательным регионом как для мигрантов, приезжающих из регионов Сибири и Дальнего Востока, так и для иностранных граждан, прибывающих из-за рубежа, испытывает существенные сложности. Новосибирск стал одним из важнейших образовательных центров Сибири и Дальнего Востока, привлекающих молодых людей с целью получения высшего образования. На вопрос студентам, почему они выбрали именно Новосибирск в качестве города для получения образования, ответы распределились следующим образом: Новосибирск – это крупный образовательный центр - более 90% опрошенных согласны с данным высказыванием; более 85% поддерживают высказывание, что Новосибирск – это крупный научный центр; мысль о том, что в Новосибирске интересно, и есть чем заняться кроме учебы значима для 80% опрошенных; около 60% выбрали Новосибирск из-за того, что это город с высоким уровнем жизни, а более 60% опрошенных выбрали его из-за того, что стоимость обучения в вузах здесь ниже, чем в других городах.

Однако настораживающим фактом является то, что более 80% опрошенных считают, что здесь мало бюджетных мест, и тот факт, что более половины обучающихся считают, что после обучения в Новосибирске сложно будет устроиться по специальности. Миграционный потенциал студенческой молодежи города Новосибирска является крайне высоким: остаться проживать в городе после окончания вуза планируют только 30% опрошенных, остальные респонденты подвержены миграционным настроениям. Основная цель переезда среди студентов прагматична – получение более высокого дохода и карьер-

ные устремления.

В ходе второго этапа проекта, рассчитанного на 2023-2025 гг., в центре исследования находятся межнациональные отношения в регионах Азиатской России. Межнациональные отношения между народами, проживающими за Уралом давно, носят мирный и непротиворечивый характер. Проблематичными являются в основном отношения принимающего сообщества с мигрантами последних десятилетий и «новыми» диаспорами. Поэтому в проекте межнациональные отношения рассматриваются во взаимосвязи с миграционными процессами.

Определенная напряженность существует между мигрантами и принимающим сообществом. Так, на вопрос «Надо ли ограничивать приезд иностранцев в Россию?» ответили «нет, не нужно» 30% респондентов, ответ «да, надо ограничить» дали 46% и затруднились ответить 24% респондентов. Большинство опрошенных считает, что мигранты оказывают отрицательное влияние на регион, куда они прибывают, или не оказывают никакого влияния. Например, мигранты оказывают отрицательное влияние на региональную экономику – так ответили 33% респондентов, оказывают положительное влияние – 30% и не оказывают никакого влияния – 37%. Мигранты оказывают отрицательное влияние на демографию региона – так ответили 30% респондентов, оказывают положительное влияние – 33% и не оказывают никакого влияния – 37%. Самый болезненный вопрос – это вопрос этнической преступности. Так, мигранты оказывают отрицательное влияние на уровень преступности – так ответили 55% респондентов, оказывают положительное влияние – 6% и не оказывают никакого влияния – 39%.

В заключение следует сказать, что в условиях поворота на Восток, миграционной составляющей этого поворота надо уделять повышенное внимание. Проведение государственной национальной политики без учета специфики миграционных процессов в регионах ведет к росту неблагоприятных последствий. Поэтому очень важно выявить миграционные установки населения в современных социально-экономических условиях с целью разработки модели управления миграционными процессами.

Библиографический список

1. Винокуров Е.Ю. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. 30 апреля.
2. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2008. 608 с.

3. Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. 796 с.
4. Караганов С.А. Восточно по расписанию. Как быстро пойдет движение России от Европы к Азии // Аргументы и факты. 2023. 23 марта.
5. Караганов С.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, 05.07.2012.
6. Назарбаев Н.А. Евразийство – одна из главных идей XXI века (Избранные тезисы выступления президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Евразийском Национальном Университете им. Л. Н. Гумилева 26 мая 2006 г.) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 2. С. 85-87.
7. Тишков В.А. Предисловие // Многообразие России и российская идентичность. Отчет о Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности. М., 2023. 249 с.
8. Численность постоянного населения на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/>
9. Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски. Отв. ред. Т.Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2021. 272 с.

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО
И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛОРУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX В. В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ
ИСТОРИКОВ КОНЦА XX – НАЧ. XXI ВВ.

REFLECTION OF HISTORICAL MEMORY IN THE
HISTORIOGRAPHY OF THE BELARUSIAN STATE OF THE XX
CENTURY IN THE WORKS OF BELARUSIAN HISTORIANS OF
THE LATE XX – BEGINNING. XXI century

П.С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

P.S. Kruchek

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. Особое место в жизни каждого народа занимает историческая память об этапах развития его государственности. Именно она фиксируется как в учебниках по истории, так и в общих представлениях граждан об историческом прошлом как основы национальной консолидации. В статье показано какое место занимала проблема белорусской государственности XX века в трудах современных белорусских историков.

Abstract. A special place in the life of every nation is occupied by the historical memory of the stages of development of its statehood. It is precisely this that is recorded both in history textbooks and in the general ideas of citizens about the historical past as the basis for national consolidation. The article shows what place the problem of Belarusian statehood of the twentieth century occupied in the works of modern Belarusian historians.

Ключевые слова: историческая память, историография, нация, государственность.

Key words: historical memory, historiography, nation, statehood.

Изучение феномена исторической памяти в последнее время стало одним из приоритетных направлений не только собственно исторической науки, но и представителей других гуманитарных отраслей знаний, что делает данное направление по сути междисциплинар-

ным. Но все же следует признать, что именно на историков возлагается основная нагрузка в деле разработки этого относительно нового направления.

В ходе исследования ученым приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных с тем что, историческая память является дифференцированным и изменчивым явлением, она постоянно обновляется, воспроизводится, проверяется, трансформируется, поэтому она нуждается в определенной фиксации. Решить данную проблему можно с помощью инструментария различных исторических дисциплин, в том числе историографии.

Проблему взаимосвязи профессиональной историографии и исторической памяти можно увязать и с определенным типом исторической культуры общества. Профессиональное знание влияет на коллективные представления о прошлом, но, в свою очередь, оно существует в каком-то культурном контексте, испытывает воздействие определенного типа исторической культуры, массовых стереотипов и предрассудков.

Сегодня профессиональная историография сталкивается и с другой проблемой, а именно с резким сокращением временного промежутка между моментом совершения события и началом его изучения. В условиях, когда живы свидетели событий, а также их непосредственные потомки, воспринявшие информацию о событии из первых рук, влияние историографии на память затрудняется, сталкиваясь с альтернативными версиями прошлого. В результате образуются места усиления исторической преемственности и, наоборот, места их разрывов, забвений, умолчаний [5, с. 9].

Особое место в жизни каждого народа занимает историческая память об этапах развития его государственности. Именно она фиксируется как в учебниках по истории, так и в общих представлениях граждан об историческом прошлом как основы национальной консолидации. Закрепление данных тенденций происходит, как правило, в отечественной историографии, однако стоит иметь ввиду, что это обоюдно зависимый процесс: часто академическая историография предлагает, а иногда и навязывает обществу свои представления об основных этапах развития государственности и тенденциях ее развития, выступая в некоторой степени в роли транслятора государственной идеологии.

Если не принимать во внимание краткий промежуток времени начала XX в., то начиная с 1920-х гг. по мере установления коммунистической идеологии и вплоть до конца 80-х гг. в советской историографии господствовал принцип партийности, согласно которому мог-

ла существовать только официальная трактовка исторических событий, а альтернативные взгляды рассматривались как инакомыслие, с которым необходимо было бороться.

На протяжении практически семидесятилетнего периода господствующей точкой зрения на историю белорусской государственности был нехитрый тезис о том, что до 1919 г. белорусский народ был угнетенной, безгосударственной нацией и только с установлением советской власти он наконец получил свою государственность в виде БССР, которая в полной мере и реализовала на практике все национальные потребности белорусов. Данный тезис, с небольшими вариациями, в зависимости от той или иной политической конъюнктуры неизменно транслировался населению, однако во второй половине 80-х гг. XX в, ситуация начинает меняться коренным образом.

Характеризуя состояние историографии белорусской государственности XX в., можно отметить, что она пережила два серьезных «всплеска». Первый произошел во второй половине 1980-х гг. и был вызван перестройкой. Вторым произошел в начале 1990-х гг. и был основан на провозглашении независимости БССР и образовании Республики Беларусь.

В период перестройки основные темы исследования – переосмысление некоторых сюжетов из истории КПСС и возвращение к истории неоправданно репрессированных личностей. Популярными становятся «круглые столы» историков, материалы которых публиковались в периодических изданиях или сборниках статей. В них показаны первые попытки переосмысления таких важных вопросов в истории Беларуси, как развитие национального движения в Беларуси в начале XX века; создание БНР и БССР; идеологическая борьба за пути решения проблемы белорусской государственности и др. В научный оборот вводятся новые архивные источники, ранее недоступные для историков.

Появились работы, в которых сделана попытка по-новому ответить на вопросы, ранее задаваемые историками, а также работы, в которых предлагаются новые подходы к эволюции белорусской государственности. Хотя следует отметить, что, несмотря на изменения в отечественной историографии, большинство работ все же осталось в русле прежней исторической парадигмы

Историческая наука в это время разрабатывала новую методологию. Историкам нужно было переосмыслить многое из написанного, выработать соответствующие подходы к явлениям и процессам, которые ранее не занимали должного места в исторических исследовани-

ях. Конечно, эта трудная задача была делом не одного дня.

Но настоящий взрыв интереса к истории белорусской государственности, не утихающий и по сей день, начинается после провозглашения независимости Республики Беларусь в 1991 г. С тех пор вышли сотни публикаций по той или иной стороне истории белорусской национальной государственности. Появляются новые имена, продолжают работать уже известные исследователи.

Так, в 1992 г. вышел в свет монографический труд И. М. Игнатенко «Октябрьская революция и самоопределение Беларуси», в котором процесс становления БССР освещен на основе новых документальных источников: процесс формирования белорусской государственности не был линейным и иногда декларируемые ценности не совпадали с политической реальностью [1].

Новые подходы наблюдать и в изучении партийной жизни и партийных идеологий начала XX в. В этих исследованиях анализируется, как действия и программные требования, в первую очередь белорусских политических партий, повлияли на процесс формирования белорусской государственности.

Если охарактеризовать основные направления научной деятельности последних десятилетий, то можно выделить прямые исследования национальной государственности Беларуси, которые, по сути, можно разделить на три потока. Первый из них – это работы белорусских историков, в центре внимания которых находится широкое общественное движение в Беларуси после революции, одним из проявлений его стал процесс создания белорусской государственности. Здесь можно упомянуть работы М. Бича, П. Бригадина, Я. Мирановича, В. Ладесева, Р. Платонова, М. Сташкевича. Данное направление характеризуется широким кругом вопросов, в частности рассмотрением влияния политических партий и групп на формирование государственности.

Он непосредственно примыкает к исследованиям по истории государства и права. Здесь основное внимание уделяется процессу государственного строительства, формированию государственных институтов, созданию системы власти в центре и на местах и т. д.

Это работы белорусских исследователей А. Вишневого, В. Круталевича, И. Юхо. Особо следует отметить книгу, изданную в 1999 г. В.А. Круталевича «История Беларуси: становление национальной государственности (1917–1922)» [3], являющуюся продолжением ранее опубликованных монографий.

Исследование основано на обширных архивных и других доку-

ментальных материалах, хорошо прослеживает процесс оптимизации государственного управления. Рассматривается комплекс вопросов, связанных с формированием белорусской государственности на данный момент.

Были и исследования общего характера, но с упором на идеологическую составляющую, в частности работы М. Костюка, В. Михнюка, Р. Платонова, Т. Протько. Они исследуют влияние коммунистической идеологии на государственную жизнь Беларуси. Показано, что все остальные политические идеологии были фактически обречены на уничтожение правящей идеологией, которая постепенно расширяла свое влияние не только на политическую, но и на все другие сферы общества.

Важную роль в изучении становления национальной государственности играет изучение национального движения, потому что это фундамент, на котором строится национальное государство, и именно он обеспечивает его жизнеспособность, хотя развитие белорусского национального движения еще требует детального изучения.

Проблема ближайших предпосылок создания белорусской национальной государственности освещалась и в исторической литературе. Здесь можно вспомнить работы В. Козлякова, С. Рудовича, М. Сташкевича, Н. Семенчика. Они исследуют широкое общественное движение, развернувшееся после Февральской революции в Беларуси, показывают, как постепенно кристаллизовалась идея белорусской государственности.

Проблема влияния международной обстановки и международных отношений на этот процесс занимает значительное место в исследовании становления белорусской государственности. Фактически до начала 1990-х г. данная проблема не рассматривалась в отечественной историографии; В наше время от этой схемы постепенно начинают отказываться.

Проблема влияния международной обстановки и международных отношений на этот процесс занимает значительное место в исследовании становления белорусской государственности. Фактически, до начала 1990-х годов эта проблема не рассматривалась в отечественной историографии; В наше время от этой схемы постепенно начинают отказываться. Но, к сожалению, большинство публикаций по этому поводу представлены статьями общего плана.

В работах общего плана авторы пытаются проследить, как международная обстановка повлияла на ту или иную сторону процесса развития белорусской государственности. Можно отметить, что про-

блема внешнеполитической ориентации во многом определяла мировоззренческие установки представителей политических партий и группировок начала XX века. В этой связи особо хотим отметить книгу А. Тихомирова «Беларусь в системе международных отношений послевоенного периода Европы и советско-польской войны (1918–1921 гг.)» [6] – по сути, единственное фундаментальное исследование по широкому кругу вопросов, круг вопросов влияния международного фактора государственности.

Что касается двусторонних отношений, то отношения с Германией [4] и Польшей [2] наиболее развиты, что соответствует влиянию, которое эти страны оказали на процесс создания белорусской государственности. Таким образом, в немецкой проблематике преобладают исследования влияния отношения руководства Германии к проблеме самоопределения белорусов, развития белорусского вопроса, а также отношения немецких оккупационных властей к БНР. В этих работах преобладает мнение, что немцы не были заинтересованы в решении белорусского вопроса по разным причинам.

Польские проблемы также влияют на отношения с БНР, но одно из главных мест в нем занимает вопрос – почему польское руководство отказалось от сотрудничества с белорусами и постепенно перешло к аннексии белорусских земель и ассимиляции народа.

Если рассматривать взаимодействие с другими странами, то, к сожалению, есть единичные публикации. Белорусско-литовские отношения изучаются как в связи с взаимодействием с Тарифой, так и с созданием Литовско-Белорусской Советской Республики.

Из последних публикаций, посвященных белорусско-российским отношениям, можно вспомнить книгу П. Чигринова «Белорусско-российские отношения» в котором рассматриваемому периоду посвящен отдельный раздел [7]. На основе новых документов автор стремится переосмыслить характер этих отношений, избавиться от их заведомо пафосного описания.

Изучение становления государства невозможно без изучения процесса становления его территории. Более того, в случае с Беларусью этот процесс более тесно связан с решением политических вопросов как в межпартийной, так и внутрипартийной борьбе в ВКП(б). Публикации по формированию государственной территории Беларуси представляют очевидный интерес для исследователей. В нашем случае наибольший интерес в них вызывает исследование взаимосвязи изменения политического курса ВКП(б) и расширения БССР.

Подводя итоги исследования изменения парадигмы в изучении

истории становления белорусской государственности, можно сделать следующие выводы:

1. Процесс трансформации в изучении процесса становления белорусской государственности начался в конце 80-х гг. XX в. и заметно ускорился после 1991 г., что было, безусловно, вызвано социально-политическими процессами, происходившими в СССР в процессе его распада и становления новой формы белорусской государственности в виде независимой Республики Беларусь. Данный переход был не одномоментным и фактически занял около десятилетия окончательно завершившись на рубеже XX-XXI вв.

2. Пик данного перехода пришелся на 1999 – 2001 гг. когда были окончательно сформированы основные направления в исследовании процесса становления и развития белорусской государственности. В это время завершается переход от советской парадигмы объяснения государственно-строительных процессов к его новой интерпретации в условиях существования независимого белорусского государства, хотя влияние старой школы сохранялось еще длительное время. Основным содержанием данного перехода было изменение в отношении к роли белорусской нации в данном процессе. Из исторического объекта, которому в некотором смысле государственность была дарована, он превращается в исторический субъект, благодаря чей воле и была создана национальная государственность в начале XX в.

3. Как видно из обзора, проблема белорусской государственности остается одной из центральных тем белорусской историографии. Однако, многие аспекты этой проблемы остаются малоизученными. На наш взгляд, недостаточно изучены: уточнение идеологических представлений о путях и формах становления белорусской государственности в различных политических кругах, действовавших в то время в Беларуси и России; эволюция идеи государственности в процессе развития революционного и государственного строительства; влияние изменений в международной обстановки на вышеуказанное.

4. Данный процесс шел одновременно с трансформацией исторической памяти белорусов в то же время стимулируя их. В центре осмысления становятся проблемы возникновения и направления развития белорусского национального движения, цели и формы конкретного воплощения белорусской государственности, а также влияния на этот процесс идеологического компонента, основные достижения и неудачи государственного строительства Беларуси в XX в.

Таким образом, мы можем зафиксировать, что изменения в историографии и исторической памяти являются единым процессом,

отражающим новые социально-политические реалии.

Библиографический список

1. Игнатенко Н. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Наука і тэхніка, 1992. 254 с.
2. Коўкель І. І. «Беларускае пытанне» ў палітыцы Польшчы (1918–1920) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы : Усебеларус. канферэнцыя гісторыкаў, Мінск, 3–5 лютага 1993 г.: у 2 ч., Ч.1: Гісторыя Беларусі. Минск: Універсітэцкае, 1994. С. 150–161.
3. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917 – 1922). – Минск: Право и экономика, 1999. 388 с.
4. Мигун Д. А. Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы). Мн.: Респ. ин-т высш. шк. Бел. гос. ун-та, 2001. 61 с.
5. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8 – 26.
6. Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска–савецкай вайны (1918 – 1921 гг). Мн.: Экоперспектыва, 2003. 400 с.
7. Чигринов П. Г. Белорусско-российские отношения: история и современность. Минск: Акад. МВД, 1999. 606 с.

РОЛЬ БОЛЬНИЧНЫХ КАСС В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1933 гг.)

THE ROLE OF HEALTH INSURANCE FUNDS IN THE SOCIAL SECURITY OF THE POPULATION OF WESTERN BELARUS (1921–1933)

О.С. Ананько

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
ГУО «Хвиневичская средняя школа», Дятловский район,
Гродненская область, Республика Беларусь

O.S. Ananko

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
«Khvinevichskaya secondary School», Dyatlovsky district,
Grodno region, Belarus

Анотацыя. В межвоенный период больничные кассы в Польше были учреждениями, создавшими первую общенациональную систему социального страхования. На территории Западной Беларуси они создавались с 1924 г. и покрывали основные жизненные потребности работников в случае их временной

недееспособности, вызванной болезнью, беременностью или материнством.

Abstract. During the interwar period, the health insurance funds in Poland were the institutions that created the first nationwide social insurance system. On the territory of Western Belarus, they were created since 1924 and covered the basic living needs of workers in the event of their temporary incapacity caused by illness, pregnancy or motherhood.

Ключевые слова: Западная Беларусь, межвоенный период, больничные кассы, страхование.

Key words: Western Belarus, interwar period, health insurance, insurance.

Страхование в больничных кассах являлось самым широким из всех видов социального страхования, действовавших во Второй Польской Республике. Концепция страхования была скопирована польскими властями из Германии [7, s. 158]. Вместе с тем последовательных действий польских властей, направленных на совершенствование внедряемой системы и ее приспособление к местным условиям, не последовало.

Первым правовым актом польского законодательства в области страхования стал закон главы государства от 11 января 1919 г., который определил организацию и внутреннюю структуру касс, однако он не вступил в силу из-за того, что не был утвержден Сеймом. Его заменил Закон от 19 мая 1920 г. об обязательном страховании на случай болезни. Этот акт представил подробную процедуру создания и функционирования больничных касс и содействовал созданию системы медицинского страхования, основанного на принципах территориальности и самоуправления [10, s. 234]. Также закон гарантировал всем застрахованным лицам три вида помощи: основную (медицинская и денежная помощь), внеочередную (оказание помощи больным и увеличение помощи), страховую для беременных женщин (акушерская помощь и денежная) [9, s. 57]. Организационными единицами страхования стали больничные кассы.

Больничные кассы организовывались по территориальному признаку и создавались с таким расчетом, чтобы количество обязательно застрахованных лиц составляло не менее 10 тысяч. Но в Виленском, Новогрудском, Полесском, Белостокском воеводствах их количество можно было сократить до 5 тыс., а территорию, принадлежавшую больничным кассам, увеличить. Запрещалось создавать кассы, которые охватывали только муниципальный район [14, s. 281].

Страхование распространялось на всех официально работающих жителей страны. Для населения Западной Беларуси организация больничных касс началась с августа 1922 г. [1]. Но только в 1924 г.

было создано первое страховое учреждение в Гродно, в 1925 г. – в Пинске, в 1926 г. – в Барановичах. Уставы касс определяли их структуру (совет, дирекция, административные комиссии), порядок их деятельности и формирования. Это страхование было организовано на основе обязательных взносов, размер которых составлял 6,5% от зарплаты [5, с. 60]. Средства страховых касс формировались и за счет взносов предпринимателей. Категория населения, на которую распространялось действие закона о социальном страховании, пользовалась бесплатной медицинской помощью, включавшей в себе обеспечение лекарствами и другими лечебными средствами, стационарное лечение. Больничные кассы также выплачивали денежное пособие по причине беременности или материнства, на похороны в случае смерти застрахованного лица или члена его семьи [11]. Однако из-за высокой стоимости некоторые застрахованные отказывались от больничных касс, другие теряли право на социальное обеспечение из-за неуплаты или несвоевременной оплаты [3].

Больничные кассы создавали амбулатории, медицинские пункты, врачебные кабинеты, аптеки и аптечные пункты, нанимали медицинский персонал. Также они участвовали в проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий и деятельности общественных медицинских организаций [4, с. 108]. Гродненская больничная касса в 1925 г. открыла аптеку, амбулаторию, 9 врачебных кабинетов и 1 фельдшерскую амбулаторию, аптеку. В 1927 г. в Полесском воеводстве 9,1 % врачей работали благодаря кассам [5, с. 60]. В случае отсутствия кассовых аптек, как это было в Пружанах, существовали склады при поликлиниках и медицинских пунктах, готовые обеспечить необходимыми лекарствами [2, л. 38]. Больничные кассы на территории Западной Беларуси не имели собственных больниц, центров здоровья (учреждения амбулаторного типа), детских оздоровительных учреждений. Они лишь выделяли средства на получение у них помощи [5, с. 60].

Определенного пакета медицинских услуг в больничных кассах не существовало, а бесплатная медицинская помощь была направлена на восстановление здоровья или только на поддержание трудоспособности. Лечение в стационаре, в отличие от медицинской помощи, не было бесплатным. Больничная касса покрывала только половину расходов по низшему тарифу, остальную часть должен был покрывать сам застрахованный. Только в тех случаях, когда Больничная касса переводила больного в более высокий класс лечения, она должна была возместить полную стоимость пребывания. Однако, если застрахо-

ванный сам требовал повышенного стандарта услуг, медицинское учреждение было обязано принять это требование во внимание, но пациент должен был оплатить разницу [8, s. 130]. Застрахованные могли пользоваться государственными больницами при условии, что эти отделения имели договор с больничной кассой [9, s. 68].

Медицинскую помощь в больничных кассах оказывали врачи. В штат входили врачи общей практики, врачи-специалисты, а руководил их работой главный врач больничной кассы. Положение медицинских работников больничной кассы, независимо от рода их занятий, отличалось от положения чиновников и должностных лиц непосредственно самой кассы. Врачи больничных касс, руководители санаториев, лабораторий занимались своей деятельностью и не подчинялись органам управления больничных касс. Кассовые врачи были независимыми в своих медицинских функциях и руководствовались при выполнении своих терапевтических задач фактическими моментами, продиктованными исключительно здравоохранением доверенных им застрахованных лиц [15, s. 283]. Работали врачи по территориально-участковому принципу и амбулаторный прием осуществлялся в специальных кабинетах. Из-за недостаточной численности медицинского персонала лечением занимались и врачи совершенно другой специальности. Практически у каждого врача всегда были лишние пациенты и за два часа консультация оказывалась около 20 пациентам. Кроме этого, они могли посещать в рамках работы в кассе пациентов на дому и вести свою частную практику [2, л. 30об, 31]. Редко больничными кассами оплачивалось получение медицинской помощи у частнопрактикующих врачей, но, если такое и происходило, то эти врачи должны были иметь заключенный договор с фондами медицинского страхования [4, с. 108].

Чаще всего амбулаторно-поликлиническая медицинская помощь осуществлялась больничными кассами через «центры здоровья», которые были созданы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в уездных и крупных городах. Это были комплексные амбулаторные учреждения, которые сочетали в своей работе как элементы диспансерного обслуживания, так и формы социальной опеки. Центры здоровья оказывали общеврачебную и специализированную медицинскую помощь, в том числе женщинами детям, а также проводили профилактическую работу [4, с. 108–109].

Кассы имели установленную законом собственную систему самоуправления, что гарантировало независимость от государственной администрации. Это выражалось прежде всего в том, что правление

кассы избиралось сроком на три года путем прямых, тайных выборов, проводившихся среди работников и работодателей [6, s. 143]. Органы самоуправления принимали ключевые решения, которые касались функционирования больничной кассы.

Однако организация больничных касс имела много недостатков. Во-первых, отрасль социального страхования предусматривала организацию больничных касс с созданием управлений в каждом воеводстве и главного страхового управления. Однако их по всей Польше было создано только четыре. Белостокское, Виленское, Полесское, Новогрудское воеводства входили в состав Варшавской конторы. Поэтому надзор, который велся с такого расстояния, оставался только на бумаге. Во-вторых, воеводские управления определяли сумму кассовых сборов, и она росла почти каждый месяц. Несмотря на это, врачи жаловались, что кассы опаздывают с выплатой их гонораров, а налогоплательщики видели неправомерное использование средств и содержание армии чиновников [12, s. 21–22]. В-третьих, встречались случаи безответственного отношения врачей к пациентам. Например, в Барановичах по некомпетентности врача умер пациент [13, s. 4].

Таким образом, больничные кассы как один из видов социального страхования начали официально формироваться на территории Западной Беларуси с 1922 г. однако фактически они действовали только в 1924 г. Кассы имели установленную законом гарантию независимости от государственной администрации, поэтому имели собственную систему самоуправления. Категория населения, на которую распространялось действие закона о социальном страховании, пользовалась бесплатной медицинской помощью. Однако не все жители могли позволить себе страхование из-за высоких цен. Недостатки организации больничных касс стали очевидны в годы экономического кризиса 1929–1933 гг., что привело к их ликвидации 28 марта 1933 г. Больничные кассы были заменены общественными страховыми учреждениями. Существование больничных касс стало первым этапом в формировании общественных страховых учреждений на территории Западной Беларуси.

Библиографический список

1. Абраменко М. Е. Особенности здравоохранения в Западной Белоруссии [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zlotykh-net-togda-derzhites.html>. (дата доступа: 29.01.2022).
2. Государственный архив Брестской области (ГАБВ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 108.
3. Особенности здравоохранения на территории Западной Беларуси [Электронный ресурс] // Республиканская научная медицинская библиотека. –

Режим доступа: <http://rsml.med.by/ru/особенности-здравоохранения-на-терр/> (дата доступа: 29.01.2022).

4. Тищенко Е. М., Стасюкевич Г. Д., Ерчик В. В. Из истории страховой медицины в западных областях Беларуси // Бюллетень научно-исследовательского института социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко. 1994. Вып.1. С. 108-109.

5. Тищенко Е. М., Гриб С. Н. Страховая медицина в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921-1939 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 4. С. 59–60.

6. Chałupczak G. Kasy chorych w systemie ochrony zdrowia w Polsce // Facta Simonidis. 2008. № 1. S. 141–161.

7. Frankowski, W. O nowy system leczenia Kasowego // Lekarz Polski. 1930. № 7. S. 158–159.

8. Grassmann M., Zemke-Górecka A., Kędra B. Szpitalnictwo cywilne w województwie białostockim w II Rzeczypospolitej // Miscellanea Historico-Iuridica. Białymstok, 2009. T. 8. S. 127–142.

9. Jach-Męczekalska, I. Prawne aspekty transformacji systemu ochrony zdrowia w Polsce po 1989 roku Interdyscyplinarne studium z zakresu nauk o zdrowiu i nauk prawnych: praca doktorska. Poznań, 2016. 269 л.

10. Jach-Męczekalska, I. Organizacja Kas Chorych w II Rzeczypospolitej // Hygeia Public Health 2015. № 50(1). S. 233–238.

11. Kasy chorych w Polsce [Электронный ресурс] // Web.archive. – Режим доступа:

https://web.archive.org/web/20090528233919/http://www.muzeum.warszawa1939.pl/osoba.php?osoba_id=13. (дата доступа: 21.10.2022).

12. Komisja Bobrzyńskiego o Kasach Chorych // Lekarz Polski. 1926. № 5. S. 21–22.

13. Lecznictwo Kasy Chorych w Baranowiczach // Zycie Nowogrodskie. 1930. № 3. S. 4.

14. Nowa organizacja Kas Chorych // Lekarz Polski. 1930. № 12. S. 281–284.
Uwagi do projektu przepisów służbowych dla pracowników Kas Chorych // Lekarz Polski. 1932. № 12. S. 283–286.

**ВКЛАД ОМСКИХ ЭТНОГРАФОВ В ИЗУЧЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ**

**CONTRIBUTION OF OMSK ETHNOGRAPHERS TO THE STUDY
OF MODERN ETHNIC PROCESSES AMONG THE PEOPLES OF
WESTERN AND SOUTHERN SIBERIA**

И.В. Лоткин

Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия

I.V. Lotkin

Omsk State Transport University, Omsk, Russia

Аннотация. Статья посвящена вкладу омских этнографов в изучение современных этнических процессов у народов Западной и Южной Сибири, результатом которого стало введение в научный оборот значительного объема статистических и этнографических материалов. Подчеркивается, что в постперестроечные годы у всех без исключения этносов региона происходил процесс возрождения утраченных народных культурных ценностей, особенно в духовной и соционормативной культуре.

Abstract. The article is devoted to the contribution of Omsk ethnographers to the study of modern ethnic processes among the peoples of Western and Southern Siberia, the result of which was the introduction into scientific circulation of a significant amount of statistical and ethnographic materials. It is emphasized that in the post-perestroika years, all without exception ethnic groups of the region had a process of reviving lost folk cultural values, especially in spiritual and socionormative culture.

Ключевые слова: Западная и Средняя Сибирь, современные этнические процессы, материальная и духовная культура, национально-смешанные браки.

Key words: Western and Middle Siberia, modern ethnic processes, material and spiritual culture, national-intermarriage.

Одной из важнейших задач этнографической науки является исследование динамики этнических и этносоциальных процессов и методов их прогнозирования. На протяжении 1986–1995 гг. на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета (ОмГУ) (заведующий – д.и.н., проф. Н.А. Томилов) данные процессы изучались у народов и национальных групп Сибири – сибирских и поволжских татар, алтайцев (телеутов), шорцев, манси, селькупов, чулымских тюрков, казахов, русских, украинцев, чувашей, немцев, латышей, эстонцев и др.

В результате работ в Музее археологии и этнографии ОмГУ был сосредоточен значительный объем статистических и этнографических данных разного рода – свыше 20 тыс. заполненных опросных листов

по изучению современных этнических процессов, несколько тысяч семейно-генеалогических схем, более 2 тыс. музейных этнографических предметов. По проблемам изучения этнических процессов и современной традиционно-бытовой культуры омскими этнографами было защищено 10 кандидатских диссертаций [1; с.10].

Изучавшая этнические процессы у *казахов* Западной Сибири Ш.К. Ахметова отмечала, что тенденция к расселению в смешанных в национальном отношении селах особенно проявилась во второй половине XX в. в связи с процессом укрупнения хозяйств, что привело к исчезновению многих мелких казахских населенных пунктов, жители которых разъехались по центральным усадьбам, где основным было население других национальностей. Дисперсное расселение в этнически смешанной среде в городе и в селениях со смешанным составом привело к обширным межэтническим контактам, прежде всего в производственной сфере и в быту. Однако в семейно-бытовой сфере западно-сибирская группа казахов сохранила определенную замкнутость. При этом доля смешанных браков данной национальной группы на момент исследования составляла всего 7-8% от общего числа [2; с. 29, 30].

У городских казахов Западной Сибири в развитии этнокультурных процессов ведущую роль играл русско-казахский билингвизм, находящийся в тесной связи с бикультурализмом, и способствующий развитию межэтнической интеграции. Однако, в отличие от билингвизма, в котором доминирует русский язык, бикультурализм данной группы можно было охарактеризовать как казахско-городской вследствие преобладания этнически специфических компонентов в бытовой культуре, которые успешно адаптировались к условиям урбанизации при усвоении норм городской культуры с некоторыми элементами заимствования из русской культуры [3; с. 68].

Значительный вклад в изучение современных этнических процессов у *сибирских немцев* внесла Т.Б. Смирнова. Важным направлением ее исследований стало изучение этнического самосознания данной национальной группы, поскольку именно оно выполняет функцию этнического определителя [4; с. 3–9]. Самую значительную группу (45,4%) составили немцы, назвавшие себя «сибирскими». В большинстве это были потомки тех колонистов, которые переселились в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. При опросе 14,6% респондентов не осознали своей принадлежности к какой-либо группе, остальные назвали себя поволжскими, украинскими, волынскими немцами, меннонитами (голландцами, «платтдойч»), швабами [5; с. 94]. По мнению

автора, в рассматриваемый период у данной национальной группы доминировали этноэволюционные процессы межэтнического характера, и, прежде всего, этническая ассимиляция. Факторы, определяющие течение ассимиляционных процессов были следующие: во-первых, развитие немецко-русского двуязычия, которое превратилось в массовое стойкое явление и могло считаться этническим признаком российских немцев. Во-вторых, это влияние русской культуры на немецкую традиционную культуру. В-третьих, это глобальный процесс урбанизации, при котором традиционная национальная культура постепенно уходила в прошлое, а ее воспроизводство, восполнение и «подпитка» происходила в силу национального культурного вакуума за счет общероссийских эквивалентов [6; с. 161-162].

Современные этнические процессы у *сибирских латышей и эстонцев* долгие годы изучал И.В. Лоткин. По его мнению, в истории расселения представителей этих национальных групп в Сибири можно выделить следующие пики миграций:

1. 1802 – середина 1880-х гг. – ссылка латышей и эстонцев в Сибирь.

2. Начало 1890-х гг. – 1914 г. – добровольное переселение, часто сопровождаемое обратным возвращением, и ссылка уголовных и политических преступников.

3. 1914 – 1917 гг. – эвакуация в Сибирь промышленных рабочих и беженцев из прифронтовых зон.

4. 1920 – 1923 гг. – оптация латышского и эстонского гражданства и выезд в связи с этим в Прибалтику, а также реоптация.

5. 1940 – 1941, 1944 г. – конец 1950-х гг. – двухсторонние миграции (возвращение в Прибалтику латышей и эстонцев из других районов СССР после восстановления Советской власти в 1940 г., депортации 14 июня 1941 г., эвакуация латышских и эстонских граждан с частями Красной Армии летом 1941 г и их возвращение после изгнания оккупантов, высылка коллаборационистских, националистических и эксплуататорских элементов (главным образом кулаков) в 1944 г. – начале 1950-х гг. с их последующим возвращением.

В результате этих переселений в Западной Сибири сложились национальные группы латышей и эстонцев с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием [7; с. 47-48].

Исследователь пришел к выводу, что наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре выходцев из Прибалтики все большую роль приобретает их приобщение к общерос-

сийским формам культуры. Более активно этот процесс протекал в указанный период у сибирских латышей, которые в большей степени, чем эстонцы, утратили национальную специфику в культуре [7; с. 130].

По переписи 1989 г. количество *русских* в Омской области составляло 80% от всего населения. На долю городского населения приходилось почти 70% жителей (в 1950 г. – 33%). Увеличение городского населения происходило за счет миграционного потока, преобразования сельских населенных пунктов в поселки городского типа, а также естественного прироста [8; с. 119].

Характеризуя русское население Среднего Прииртышья, М.А. Жигунова отмечала, что оно отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой расселения, многоступенчатой миграцией, различными природно-географическими условиями, активными межэтническими контактами [8; с. 148]. При этом в северных районах Омской области, по сравнению с южными, наиболее стойко сохранились этнически специфические черты. Это обусловлено целым рядом причин: преобладанием старожильского населения, преимущественно однонациональной средой (доля русских на севере области составляла до 90%), удаленностью от административных центров и основных транспортных магистралей, незначительной долей городского населения и пр. [9; с. 154]

Их самосознание опирается в основном на общность происхождения языка и духовной культуры. Также высокой динамикой в конце XX в. характеризовалось самосознание вторичного уровня – многие русские называли себя сибиряками [8; с.148].

У *селькупов*, по мнению Л.Т. Шаргородского, в сфере хозяйства и материальной культуры в рассматриваемый период произошли заметные изменения, которые определялись вытеснением и трансформацией традиционных хозяйственных отраслей и сокращением форм материальной культуры. В большей степени процесс трансформации затронул жилые и хозяйственные постройки, весь комплекс одежды, за исключением верхней зимней одежды и обуви у тазовско-туруханских селькупов. В меньшей степени изменился пищевой рацион, который как у южных, так и у северных селькупов сохранил свою этническую специфику. Но в питании отчетливо просматривалась тенденция к вытеснению традиционных продуктов и замене их новыми, также росло число заимствованных блюд.

В большей степени процесс трансформации затронул духовную культуру селькупов. Ее традиционные элементы сохранились лишь в

виде реликтов. Вместе с тем в конце XX в. значительно расширились возможности приобщения селькупов к различным формам многонациональной российской и мировой культуры. Этому способствовало дальнейшее развитие в северных регионах средств коммуникации, телевидения и радиовещания [10; с.165-166].

Анализируя этноязыковую ситуацию в каждой из групп селькупов, автор выявил существенные различия между ними в механизме и направлении этноязыковых процессов. Для среднеобских селькупов было характерно следующее:

- 1) низкий уровень языковой компетенции в селькупском языке;
- 2) ограниченное употребление селькупского языка в речевой деятельности;
- 3) низкая степень психологического предрасположенности к своему национальному языку.

Все эти факторы существовали на фоне всеобщего знания и широкого применения русского языка.

Языковая ситуация у тазовско-туруханских селькупов была следующей:

- 1) высокий уровень языковой компетенции как в русском, так и в селькупском языках;
- 2) употребление обоих языков во всех сферах практической деятельности;
- 3) психологическая предрасположенность большей части населения к языку своей национальности.

В этой связи, по мнению, Л.Т. Шаргородского очевидно, что для обеих групп на момент исследования было характерно селькупско-русское двуязычие. Однако при этом у среднеобских селькупов процесс языковой ассимиляции практически вступил в заключительную стадию, и в ближайшем будущем, вероятно, будет завершен. У тазовско-туруханских селькупов этот же процесс протекал значительно медленнее и его ускорение в дальнейшем маловероятно [11; с. 86-87].

Исследование этнических процессов и традиционной культуры *сибирских татар* неразрывно связано с именем Н.А. Томилова. В частности, проанализировав материалы исследования, проведенного в русско-татарских семьях национально-смешанных селений Омской области, он пришел к выводу, что в основе заключения браков лежали любовь и положительное отношение к межнациональным бракам. В русско-татарских семьях родители определяли детей чаще русскими, хотя был нередок и выбор татарской национальности. При получении паспорта более трех четвертей самих подростков принимали русскую

национальность. Общение в таких семьях происходило, как правило, на русском языке (в однонациональных татарских селениях чаще на татарском и русском языках), но детей учили и татарскому языку, поэтому они были двуязычны. Фамилии им давали по отцу, т.е. встречались и русские, и татарские [12; с. 103-108].

Говоря об основных направлениях развития этнических процессов у сибирских татар в советский период и перспективах их этнического развития, Н.А. Томилов подчеркивал, что они по-прежнему состоят из нескольких разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос окончательно все же не завершилась. На момент исследования они представляли собой, скорее всего, не вполне сформировавшийся этнос, возможно близкий народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся в 1920 – 1940-е гг., способствовали тому, что в наши дни сибирские татары по-прежнему входят в татарскую метаэтническую общность. И все же в большинстве этнических компонентов сибирские татары сохраняли и в конце XX в. значительное своеобразие по сравнению с поволжскими татарами, представляя собой относительно самостоятельную стабильную этническую общность [13; с. 224-225].

Чувашское население Сибири компактно проживает в Новосибирской (6085 чел.), Омской (5708 чел.) и Тюменской (31988 чел.) областях (данные переписи населения 1989 г.). Около 60% чувашей проживало в сельской местности [14; с. 229-230]. Существуют две этнолокальные группы западносибирских чувашей – новосибирско-омская и тюменская, в известной мере изолированные друг от друга. Чувашаи Западной Сибири входят в два эндогамных относительно друг друга брачных круга. Вне зависимости от этого каждая из вышеуказанных этнолокальных групп обладает очень высоким уровнем экзогамности по отношению к окружающему инонациональному населению [15; с. 79].

Исследователь этнических процессов и традиционно-бытовой культуры сибирских чувашей Д.Г. Коровушкин пришел к выводу, что для их материальной культуры характерны следующие черты:

- а) смешение черт, характерных как для чувашей-вирьял, так и для чувашей-анатри;
- б) приспособление материальной культуры как жизнеобеспечивающей системы к местным природным условиям;
- в) заимствование некоторых элементов материальной культуры

окружающего русского населения;

г) сокращение числа и утеря отдельных этнически маркирующих элементов (особенно в одежде) [14; с. 239].

Шорцы сформировались в результате длительного смешения угорских, самодийских, кетоязычных и тюркских племен. По антропологическим параметрам они относятся к уральской и южно-сибирской малым расам. Говорят на шорском языке, относящемся к северо-восточной подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи [16; 4].

Исследовавшая этнические процессы у шорцев Кузбасса Г.М. Патрушева отмечала, что трансформация традиционных видов хозяйства в советский период привело к тому, что различия между этническими группами данной народности были практически устранены. На всей территории проживания шорцев стали бытовать общие типы жилищ, орудий труда, средств передвижения, утвари, пищи. Национальная кухня стала единой.

В духовной культуре следы различий сохранялись сильнее. Наиболее полно они были выражены в языке, и до сих пор продолжают существовать два диалекта шорского языка – кондомский и мрасский.

Среди шорцев развернулись процессы межэтнической интеграции и ассимиляции русскими и другими народами. Изменения в их традиционной культуре и быте привели к тому, что шорцы постепенно сближаются, а частично и ассимилируются русскими и окружающими их тюркскими народами. Русские, составляющие большинство населения Горной Шории, живут и работают вместе с шорцами. Благодаря усиливающемуся процессу урбанизации происходит все большее смешение населения [17; с. 313].

Омские этнографы пришли к выводу, что основной тенденцией в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у народов и национальных групп Западной и Средней Сибири в рассматриваемый период стала нивелировка этнически значимых черт наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде, орудиях труда, предметах быта и в большей степени в пище.

В духовной культуре населения региона определяющей являлась тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и замене их соответствующими элементами русской народной культуры, за исключением, вероятно, похоронного обряда и некоторых народных календарных праздников.

У сибирских народов и этнических групп был значительно

нарушен и относительно слабо действовал механизм трансмиссии этнической культуры и «вертикальных» (межпоколенных) связей. При этом средства массовой информации не смогли заменить неформальное межличностное общение.

Наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре все большее значение приобретало приобщение сибирских народов к общероссийским формам культуры и общественным явлениям. Решающую роль в этом процессе играла молодежь, мужчины, более социально активные, чем женщины, и специалисты высшей и средней квалификации, удельный вес которых в сибирских деревнях во второй половине XX века постоянно увеличивался. Исследователи прогнозировали, что в будущем у этносов и этнических групп Западной и Средней Сибири эта тенденция станет доминирующей [18; с. 319-320].

В постперестроечные годы у всех без исключения этносов Западной и Южной Сибири происходил процесс возрождения утраченных народных культурных ценностей, особенно в духовной и соционормативной культуре, и сейчас, на исходе первой четверти XXI века, есть острая необходимость изучения этих процессов как в Западной Сибири, так и в других российских регионах.

Библиографический список

1. Томилов Н.А. Проблемы изучения современных этнических процессов у народов Западной Средней Сибири учеными омского этнографического направления // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.6-26.
2. Ахметова Ш.К. Казахи // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С. 27-60.
3. Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. 104 с.
4. Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель //Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Т.8. С.3-9.
5. Смирнова Т.Б. Немцы // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С. 83-113.
6. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. 210 с.
7. Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1996. 254 с.
8. Жигунова М.А. Русские // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.113-155.
9. Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских

Среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск: «Издательский дом «Наука», 2004. 228 с.

10. Шаргородский Л.Т. Селькупы // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.155-174.

11. Шаргородский Л.Т. Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1994. 186 с.

12. Томилов Н.А. Опыт изучения национально-смешанных семей (по материалам Западной Сибири) // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. Омск, 1989. С.103-108.

13. Томилов Н.А. Сибирские татары // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.174-229.

14. Коровушкин Д.Г. Чуваши // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.229-251.

15. Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 96 с.

16. Патрушева Г.М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с.

17. Патрушева Г.М. Шорцы // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.313.

18. Лоткин И.В. Заключение // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С.319-320.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В БЕЛОРУССКИХ ГИМНАЗИЯХ МЕЖВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)

TEACHING HISTORY IN BELARUSIAN GYMNASIUMS OF INTERWAR WESTERN BELARUS (1921–1939)

К.Д. Ананько

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

ГУО Гимназия № 7 имени В. Т. Колокольников, г. Гродно

K.D. Ananko

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
Gymnasium № 7 named after V. Kolokolnikov, Grodno

Аннотация. В статье рассматривается преподавание предмета истории в белорусских гимназиях на территории Западной Беларуси в составе Польши в межвоенный период (1921–1939 гг.). Автор анализирует особенности изучения предметов истории Беларуси и всемирной истории, перечисляет учебные издания, по которым велось обучение. Делается вывод о том, что белорусские гимназии были единственными учебными учреждениями средней ступени в межвоенной Западной Беларуси, где преподавалась история Беларуси как предмет.

Abstract. The article examines the teaching of the subject of history in Belarusian gymnasiums on the territory of Western Belarus as part of Poland in the interwar period (1921–1939). The author analyzes the peculiarities of studying the subjects of the history of Belarus and world history, lists the educational materials on which the training was conducted. It is concluded that Belarusian gymnasiums were the only secondary educational institutions in interwar Western Belarus where the history of Belarus as a subject was taught.

Ключевые слова: Западная Беларусь, белорусские гимназии, история, межвоенный период.

Key words: Western Belarus, Belarusian gymnasiums, history, interwar period.

После присоединения западнобелорусских земель к Польше в 1921 г. белорусское национальное образование оказалось под угрозой полонизации со стороны польских властей. С целью сохранения белорусской культуры и языка организовывалась деятельность гимназий. В 1920-е – начале 1930-х гг. белорусские гимназии работали в Вильно, Новогрудке, Клецке и Радошковичах. Они представляли из себя 8-классные частные учреждения среднего образования, в которых преподавание велось на белорусском языке. Учащиеся 1–4 классов могли получить начальное образование. Также действовали и подготовительные классы.

Педагоги гимназий активно участвовали в методических разработках учебного процесса белорусской средней школы. Методисты понимали, что большинство педагогического контингента – выходцы “старой школы” преподавания, что обуславливало одну из главных целей белорусского образования – её адаптация под новые условия тогдашнего общества. В 1923 г. преподавателем белорусского языка Виленской белорусской гимназии А. Луцкевичем на основе работы польского педагога Т. Солтысика было издано методическое издание для белорусских учителей «Як вучыць у новай школе?» («Как учить в новой школе?»). От педагога требовалась переориентация преподавания, необходимо было пополнять запас ученических знаний так, чтобы они могли применить их в дальнейшем. Учитель должен был не просто передать материал, но научить детей самостоятельно мыслить, анализировать и выражать свои мысли [4, с. 4].

В 1925 г. по инициативе Товарищества белорусской школы (ТБШ) и Центральной белорусской школьной Рады (ЦБШР) были созданы программы для поступления в белорусские гимназии, которые содержали основные положения предметных учебных программ в данных учреждениях. Исходя из программ, изучение истории Беларуси происходило только в 3–4 классах. В основе была положена периодизация белорусской истории, разработанная В. Игнатовским: по-

лоцкий, литовско-белорусский, польский и российский. Однако преодоление всей программы зависело от количества уроков в году. Необходимость широкого изучения предмета привело к тому, что окончание учебного года не совпадало с завершением того или иного периода. Например, знакомство с историей Беларуси в 3 классе началось с расселения славян и образования первых государств (княжеств) на территории Беларуси и продолжалось до заключения Кревской унии 1385 г. Соответственно изучение предмета в 4 классе продолжалось со своеобразного повторения пройденного – результатов Кревской унии. Заканчивалась программа революцией 1917 г. и ее результатов для Беларуси [6, с. 6–7]. Необходимо отметить, что на уроках дети изучали в основном социально-экономические и политические вопросы белорусской истории.

Основными учебниками по истории Беларуси стали «Краткая история Беларуси» В. Ластовского и «Краткий очерк истории Беларуси» В. Игнатовского. Последний был издан в Вильне в 1921 г. без разрешения автора. В марте 1927 г. польский школьный инспектор во время проверки Новоградской белорусской гимназии раскритиковал этот учебник, назвав его очень сложным для учеников младших классов, который *«ярко игнорирует связь белорусской и польской истории»* [8, л. 3–3об.].

Содержание истории как школьного предмета в основном ограничивалось политическими и социально-экономическими проблемами, военными событиями. Вопросы культурно-просветительского дела рассматривалось фрагментарно. С 6 класса гимназисты начинали изучать отдельный предмет, историю белорусской литературы, где рассматривалась просветительская деятельность Е. Полоцкой и К. Туровского, гуманизм Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского. Также ученики анализировали издания первых белорусских газет «Наша Доля» и «Наша Ніва» [7, с. 259]. Еще в 1920 г. одним из преподавателей Виленской белорусской гимназии М. Горецким было подготовлено издание «История белорусской литературы», которое дважды переиздавалось в 1921 и 1923 гг. Он же в 1923 г. издал «Хрестоматию белорусской литературы. XI век – 1905 г.».

Программа Всемирной истории начиналась с 5 класса с изучения древних цивилизаций – египтян, финикийцев, персов и греков. Во второй половине учебного года учеников 5 классов ждала история Древнего Рима: от основания и до разделов Римской империи на Западную и Восточную. История Рима продолжалась до начала 6

класса с постепенным переходом к изучению раннего Средневековья. Заканчивалась программа 6 класса темой “Великие достижения и открытия конца средних веков”. В 7 классе всемирная история была представлена Новым временем и продолжалась до второй половины XVIII в., не затрагивая Великой французской революции [6, с. 7–9]. Обучение также велось фрагментарно. Программа по истории для 8 класса не была представлена в издании. Вероятно, это было связано с тем, что в 1–7 классы белорусских гимназий можно было прийти из других образовательных учреждений. В 8 класс могли поступить только те учащиеся, кто окончил 7 класс любой из белорусских гимназий.

Одной из проблем являлось отсутствие собственных белорусских учебников по многим учебным предметам. В начале 1920-х гг. Белорусским научным товариществом (БНТ) в Вильно был организован перевод учебных изданий на белорусский язык. Среди них были и учебники по мировой истории. В 1921–1922 гг. было издано два учебника – «Всемирная история. Часть II-ая: Средневековая история» и «Всемирная история, Часть III-ая: история Новых времен» В. Остерлофа и Я. Шустера [5]. За перевод второй части отвечал уже упомянутый А. Луцкевич, а третьей – известный белорусский географ А. Смолич. В 1925 г. Белорусский центр в Литве организовал перевод еще двух учебников по новой и новейшей истории российского исследователя Р. Виппера [2, 3]. В последнем издании в периоде новейшей истории рассматривались события от промышленной революции до Первой мировой войны (Великой войны). Одновременно в учебном процессе использовались учебники на польском и русском языках. Так, в 5–7 классах обучались по учебникам российского историка К. Иванова «Древняя история» и «Средневековая и новая история», а также пользовались польскоязычным изданием "Historja Starożytna" Б. Геберта и Г. Гебертовой [6, с. 9].

Изначально историю в белорусских гимназиях изучали именно по хронологии событий, а не по тематическим блокам. Однако в Виленской белорусской гимназии в отличие от остальных история велась по принципу синхронного обучения: история Беларуси рассматривалась в контексте мировой. При таком принципе история Беларуси преподавалась с 2–3 класса, но дети проходили пропедевтический (подготовительный) курс, в 4–7 классах – углубленное параллельное изучение двух предметов. В 8 классе дополнительно проходили современное положение Беларуси, а

мировую историю не изучали [1, с. 119]. Виленская белорусская гимназия являлась своеобразным методическим центром среднего и даже начального белорусского образования в межвоенной Западной Беларуси. Поэтому новые педагогические и учебные разработки первоначально внедрялись в это учреждение.

В начале 1930-х гг. гимназии в Клецке и Радошковичах были закрыты польскими властями, а в Вильнюсе и Новогрудке – переведены в статус филиалов польских государственных гимназий. Соответственно с этим обучение переводилось исключительно на польский язык, история Беларуси была заменена на историю Польши [1, с. 119].

Таким образом, белорусские гимназии были единственными средними учреждениями образования в межвоенной Польше, где преподавалась история Беларуси. В учебный процесс внедрялись научные достижения видных белорусских учёных – В. Ластовского, В. Игнатовского и т.д. Отсутствие собственных учебных пособий обусловило активную работу по созданию собственных и перевода на белорусский язык уже имеющихся изданий. Начиная с конца 1920-х гг. польские власти стали активно вмешиваться в учебный процесс белорусских гимназий. Данный фактор достаточно сильно повлиял на преподавание национальной белорусской истории. История Беларуси теперь могла рассматриваться только в контексте польской или некоторыми фрагментами в рамках изучения всеобщей по усмотрению учителя.

Библиографический список

1. Берегов В.П. Школьное историческое образование на территории Западной Беларуси в условиях государственной политики Польши (1921-1939 гг.) // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2020. №1. С.116-120.
2. Віппэр Р. Падручнік Новай гісторыі з гістарычнымі плянамі. Коўна: Друкарня Ш. Нэймана, 1925. 128 с.
3. Віппэр Р. Падручнік Навейшай гісторыі з гістарычнымі плянамі. Коўна: Друкарня Ш. Нэймана, 1925. 156 с.
4. Луцкевіч А. Як вучыць у новай школе? Увагі для вучыццялёў беларускіх сярэдніх школ. Вільня: Выданне Віленскай беларускай гімназіі, 1923. 14 с.
5. Остэрлёф В., Шустэр Я. Сусьветная гісторыя. Часьць III-я: гісторыя Новых часоў. Вільня: Друкарня «Віленскага Выдавецтва» Б. Клецкіна, 1922. 149 с.
6. Праграмы для паступлення ў беларускія гімназіі / Таварыства беларускай школы, Віленская цэнтральная беларуская школьная рада. Вільня: Друкарня Левін і сын, 1925. 16 с.
7. Народная адукацыя і педагогічная навука ў Беларусі (1917–1945) / пад

рэд. Г.Р. Сянькевіча [і інш]. Мінск: Народная асвета, 1993. 495 с.

8. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 551. Оп. 1. Д. 1046. Переписка с попечителем государственных школ о назначении на должность учителей и разрешении обучения на белорусском языке в государственных гимназиях, 1926-1927 гг.

ТЕХНОЛОГИИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ СТАВРОПОЛЯ

TECHNOLOGIES FOR FAMILIARIZING PRESCHOOLERS WITH THE ETHNOCULTURAL SPECIFICS OF STAVROPOL

С.В. Мажаренко

Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

Н.Г. Безносюк

МБДОУ детский сад № 59, г. Ставрополь, Россия

S.V. Mazharenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

N.G. Beznosyuk

MBDOU kindergarten No. 59, Stavropol, Russia

Аннотация. В статье обозначена проблема успешной первичной социализации личности в полиэтнической среде, освещается опыт инновационной площадки по решению данной проблемы в условиях дошкольной образовательной организации, представлено описание образовательных технологий на продуктивной основе, направленных на ознакомление детей дошкольного возраста с этническим многообразием Ставропольского региона, культурой населяющих его народов.

Abstract. The article identifies the problem of successful primary socialization of a person in a multiethnic environment, highlights the experience of an innovative platform for solving this problem in a preschool educational organization, describes educational technologies on a productive basis aimed at familiarizing preschool children with the ethnic diversity of the Stavropol region, the culture of the peoples inhabiting it.

Ключевые слова: этническая культура, социокультурное пространство, Ставрополье, дошкольники, полиэтническая среда, образовательная технология.

Key words: ethnic culture, socio-cultural space, Stavropol region, preschoolers, polyethnic environment, educational technology.

В современном открытом обществе этнокультурный контекст был и продолжает оставаться неотъемлемой частью отношений людей независимо от рода их жизнедеятельности. Объективное усиление

связи и взаимозависимости отдельных субъектов, групп, государств определяет устойчивую тенденцию к наращиванию культурных контактов, что особенно остро ставит вопрос не только обеспечения межэтнической стабильности государства, но и выстраивания благоприятных перспектив успешной социализации личности в поликультурной среде. Существенным фактором в данном случае является то, чтобы существующая контрастная, разнообразная действительность не препятствовала, а, напротив, способствовала активному вхождению индивида в систему социальных отношений. Решение данной проблемы проецируется в область образования и ориентирует образовательные организации на необходимость формирования социально-мобильной личности, способной к успешной интеграции в современное общество.

В современном социокультурном пространстве ребенок уже изначально, практически с самого рождения, включен в систему этно-содержащих отношений, которые становятся неотъемлемой частью его жизни. Возрастные закономерности развития дошкольника выводят данный возраст в ранг особенно благоприятных периодов для введения его в поликультурную реальность. Это период активного приобщения ребенка к социальной действительности через вхождение в пространство человеческих отношений, присвоение обширного социокультурного опыта. Опыт ранней социализации оказывается решающим для формирования этнических аттитюдов как готовности к конструктивному или, напротив, деструктивному взаимодействию в полиэтническом социуме. Психологи отмечают ведущую роль дошкольного опыта в формировании образов культурной действительности и значительное влияние этого опыта на механизмы мировоззрения в более старшем возрасте [2, с. 253].

Современный контекст социализации ребенка и решение задачи адаптации в поликультурном социуме предполагает учет национальных реалий среды жизнедеятельности. Ставропольский край традиционно является одним из самых культурно колоритных регионов России. Многоукладность и этническая мозаичность социокультурной среды Ставрополя является характерным примером многонационального региона, вбирая в себя уникальные черты каждого этноса, проживающего на его территории.

Помимо этого, соседство края с северокавказскими республиками и миграция населения придают особую остроту этническим и конфессиональным аспектам социальных процессов. В данных условиях фиксируется неуклонный рост этнической разнородности насе-

ления в различных районах Ставропольского края. Многонациональная палитра региона накладывает особую ответственность на образовательные организации региона в направлении формирования личности, способной к активной и плодотворной жизни в поликультурной среде.

Педагоги МБДОУ детского сада комбинированного вида №59 города Ставрополя много лет занимаются проблемой успешной интеграции ребенка в поликультурное пространство. Процесс успешной социализации дошкольника в полиэтнической среде Ставропольского региона ориентирован на открытие ребенку всей его сложности через знакомство с культурным многообразием края. Расширение культурного опыта представляет ребенку сам факт существования разных людей и народов, изначально закладывая основы культурной децентрации. Ребенок должен усвоить, что окружающий мир неоднороден и это является нормой и главным условием существования и развития общества. По мнению ученых, отличие должно восприниматься ребенком как сила, преимущество современной реальности, а не как проблема или препятствие [1, с. 95].

В различных формах совместной и самостоятельной деятельности предусмотрено последовательное и системное знакомство детей с культурой русского и других совместно проживающих народов. Вниманию дошкольников представлено все многообразие этнокультурной специфики, которое проявляется в национальных особенностях внешности, предметов быта, традициях и обычаях, фольклоре, традиционных занятиях и ремеслах.

Целенаправленная педагогическая деятельность по ознакомлению с этнической культурой народов осуществляется на основе использования технологий деятельностного типа, в результате чего обеспечивается приращение знаний детей в процессе активной самостоятельной деятельности и создания какого-либо образовательного продукта. Деятельное проживание всех происходящих событий ставит ребенка в позицию активного субъекта познания и обеспечивает включение ребенка в разные виды специфической детской деятельности и культурные практики. Основным смыслом такой организации образовательной деятельности состоит не только и не столько в передаче ребенку готового содержания, сколько в расширении его собственного опыта, обеспечивающего как личностный, так и общекультурный его рост. Ребенок знакомится с культурой разных народов на продуктивной основе, что способствует ее более глубокому пониманию и проживанию.

Рассмотрим такие технологии, позволяющие отойти от доминирующих в прошлом репродуктивных методов, обеспечивающих назидательную активность педагога, и организовать продуктивную содеятельность и самодеятельность ребенка.

1. Проектная деятельность – это форма организации развивающего образования, предполагающая поиск и освоение новой информации в процессе разнообразной деятельности. Основным механизмом проектной деятельности является предоставление детям возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач и проблем на основе создания какого-либо образовательного продукта (материального или нематериального).

Проект позволяет сформировать у дошкольников положительную мотивацию к освоению учебного материала, создает дополнительные условия для развития их познавательной активности. Проводимая с детьми работа интегрирует всё многообразие форм образовательной деятельности: познавательные и продуктивные занятия, беседы, развлечения, игры, викторины, конкурсы, экскурсии, видео просмотры и др.

Важным аспектом в организации проектов является выбор темы, который определяется интересами и образовательными потребностями дошкольников. Педагоги выбирают тему вместе с детьми, взяв в основу исследования какой-либо артефакт, традиционное событие или народный праздник, продумывают план его реализации, намечают мероприятия, которые помогут наиболее полно решить поставленные задачи. Тематика проектов может быть самой разной: «Моя малая родина», «Народы, проживающие вместе с нами», «Русские народные сказки», «Русская печь-матушка», «Сказки народов Северного Кавказа», «Народная кукла», «Народная вышивка», «Народный костюм», «Народная колыбельная» и др.

2. Музейная технология предусматривает погружение ребенка в специальным образом организованную среду, где каждый предмет выступает в качестве источника информации, несет сведения об окружающем мире, то есть становится средством передачи определенного социального и культурного опыта. Речь идет не о классическом варианте музея как хранилища историко-культурных ценностей и артефактов, обители тишины и строгих правил, а о мини-музее детского сада, пространстве разноплановой активности ребенка.

Мини-музей в детском саду – это интерактивная среда, обеспечивающая наглядность и осязаемость образовательной деятельности, свободный выбор ребенком занятия в соответствии с его интересами

и потребностями. Такая интерактивность помогает поддерживать интерес дошкольников к предметам и объектам этнической культуры, а также формировать представления об их назначении, свойствах, качествах.

Создание мини-музея возможно не только в специально отведенном и оборудованном помещении, но и в каждой группе дошкольной организации, что позволяет значительно расширить тематическую направленность экспозиций, углубить представления детей по отдельным аспектам народной специфики. Так, для создания общего музея в детском саду наиболее подходят обширные темы: «Предметы быта народов Кавказа», «Народные промыслы Ставрополя», «Народный костюм», «Ремесла народов Северного Кавказа» и т.д. Для организации внутригрупповых экспозиций возможно применение узконаправленных тем: «Кубачинская посуда», «Народная чеканка», «Русская вышивка» и прочее.

3. Перфокарта – это карточка с заданием, в которой вырезаны «окошки» для вписывания правильных ответов или проведения соединяющих линий между правильными вариантами. Использование технологии «Перфокарты» делает процесс обучения интересным и занимательным, активизирует деятельность детей. Она относится к разновидностям наглядных моделей, применяемых при сравнении объектов, их классификации, соотнесения предметов по различным признакам. Наглядное моделирование оптимизирует познавательную деятельность, ставит ребенка в активную позицию субъекта деятельности и познания, стимулирует процесс усвоения материала, способствует развитию наглядно-образного и понятийного мышления.

Для ознакомления детей с народной культурой возможно изготовление перфокарт «Народная игрушка», «Жилища народов», «Русские народные сказки», «Народные праздники», «Музыкальные инструменты разных народов», «Предметы быта», «Народный костюм», «Кухня народов», «Знаменитые люди Ставропольского края», «Национальные символы России», «Достопримечательности Ставропольского края» и др.

Преимущество перфокарт заключается в том, что они используются в качестве дидактической игры, предполагающей свободную творческую деятельность и общение детей с педагогом и друг с другом, тем самым оптимально решается задача расширения, закрепления и контроля их представлений об этнической культуре.

4. Портфолио дошкольника – достаточно новая и пока еще не полностью освоенная образовательная технология, в которой преодо-

леваются типичные недостатки традиционной системы оценивания, поскольку основное значение придается самооценке. Технология портфолио тесно связана с проектной деятельностью. Каждый проект, по сути, завершается оформлением и презентацией накопленных результатов. Этот этап проекта достаточно эффективно реализуется через создание портфолио. В процессе приобщения дошкольников к этнической культуре создаются портфолио проектов «Народная вышивка», «Куклы наших бабушек», «Народный костюм», «Национальные символы нашего края», «Культура и быт народов Северного Кавказа» в которые включаются полученные результаты проекта.

Ценность портфолио состоит в том, что в пространстве группы остается продуктивный «след» той или иной работы. Дети с удовольствием листают страницы портфолио какого-либо проекта или другого события, обмениваются мнениями, вспоминают не только полученные впечатления, но и закрепляют знания, которые они усвоили.

Использование вышеописанных и других технологий на продуктивной основе станет эффективным инструментом позитивной социализации личности ребенка с учетом поликультурного характера окружающей действительности. В конечном итоге ознакомление детей с этнокультурной спецификой Ставропольского края будет способствовать формированию открытой, свободной личности, готовой принимать различные культурные реальности, способной к успешной интеграции и творческой самореализации в поликультурной среде.

Библиографический список

1. Поштарева Т.В. Теория и практика формирования этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде. Ставрополь: Литера, 2006. 300 с.
2. Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Материалы Второй Международной научной конференции. Балашов: изд-во «Николаев», 2005. 575 с.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ГРУПП НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В БЕЛАРУСИ

HISTORY OF FORMATION OF MAIN GROUPS OF NATIONAL MINORITIES IN BELARUS

Л.В. Николаева

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск, Беларусь

L.V. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье показаны основные исторические этапы формирования двух крупнейших групп национальных меньшинств в Беларуси: русских и поляков. Дана характеристика национальной политики на территории Беларуси по отношению к данным этническим группам в советский период и на этапе суверенного существования Республики Беларусь.

Abstract. The article shows the main historical stages in the formation of the two largest groups of national minorities in Belarus: Russians and Poles. The characteristics of the national policy on the territory of Belarus in relation to these ethnic groups in the Soviet period and at the stage of the sovereign existence of the Republic of Belarus are given.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальная политика, Республика Беларусь, русские, поляки, миграция, этнотрансформационные процессы.

Key words: national minorities, national policy, Republic of Belarus, Russians, Poles, migration, ethno-transformation processes.

Законодательной основой национальной политики в Республике Беларусь являются Конституция Республики Беларусь [3] и Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», принятый 11 ноября 1992 г. (в редакции от 5 января 2004 г. и 7 мая 2007 г.) [1].

Согласно результатам переписи 2019 г., крупнейшую группу национальных меньшинств в Беларуси составляют русские. Их численность сократилась с 785084 чел., или 8,3% населения в 2009 г., до 706992 чел., или 7,5% населения в 2019 г. [4, с. 228].

Первые группы русских поселенцев появились на белорусских землях в XIV–XV вв. Этот процесс был связан с традицией династических браков между великими князьями литовскими и дочерьми великих князей московских, тверских, смоленских, рязанских. Русские княжны привозили с собой служанок и другую челядь. В XV–XVI вв. на белорусские земли убегали от преследований русские политиче-

ские эмигранты, в т. ч. представители княжеских родов (князя И. Можайский, И. Боровский, И. Шемячич, В. Верейский, А. Курбский и др.), и вольнодумцы-еретики (старец Артемий, Ф. Косой и др.) [9, с. 143; 11, с. 62]. Численность русского населения увеличивалась и за счет военнопленных. В XVI–XVII вв. они на Витебщине составили отдельную социальную группу панцирных бояр [13, с. 434]. Большая волна переселений из России в Беларусь была вызвана реформой Русской православной церкви, которую во второй половине XVII в. провел патриарх Никон. Часть верующих, которые ее не восприняли (старообрядцы, староверы), нашли приют на белорусских землях. Здесь они создали замкнутую этноконфессиональную группу, которая сохранила свою этническую отличительность до наших дней. Во второй половине XVII в. на Гомельщине возникли 14 поселений старообрядцев, центром которых была Ветка, основанная в 1685 г. Сюда переселялись представители элиты русских староверов: купцы, книжники, художники. В результате Ветка превратилась в интеллектуальный центр, который обеспечивал книгами и иконами большую часть староверов России. Старообрядцы занимались в Беларуси в основном земледелием и торговлей. Селились они или отдельными деревнями, или улицами в городах. Вели замкнутый образ жизни, избегали контактов с местным населением. В конце 1850-х гг. в Беларуси жило около 60 тыс. староверов, в 1913 г. – около 100 тыс. [6, с. 406].

В конце XVIII – первой половине XIX в. после вхождения белорусских земель в состав Российской империи здесь начали селиться и русские нестароверы. Однако в этот период доля русского населения увеличивалась медленно. В середине XIX в. количество русских нестароверов не превышало 0,1 % населения. В течение второй половины XIX в. численность русского населения увеличилась на 23 % за счет активного переселения учителей, чиновников, священников из русских губерний в Беларусь после подавления восстания 1863–1864 гг. Это явление было обусловлено усилением на белорусских землях этнотрансформационных процессов, когда русский язык заменил польский во всех сферах общественной жизни (просвещении, книгоиздании, периодической печати и др.), усилилось влияние русской культуры на развитие культуры белорусского народа. Так, из 493 тыс. русских (5,8 % от всего населения), учтенных переписью 1897 г., 235 тыс. чел. (3,6 %) не являлись старообрядцами. Из них русские-эмигранты составляли только 90 тыс. чел. [9, с. 143].

Численность русских продолжала расти в XX в. В 1920-х гг. в Беларусь были приглашены специалисты инженерного профиля и ра-

ботники системы высшей школы. Большинство из них считала обязанностью выучить белорусский язык и на нем преподавать. Многие из них внесли большой вклад в развитие белорусской культуры. Например, Н. Щекотихин – основоположник белорусского научного искусствоведения. Согласно переписи, в 1926 г. русские составляли 384 тыс. чел. (7,7 % населения) [13, с. 434]. В БССР русские получили право на национально-культурную автономию. В 1921 г. постановлением ЦИК БССР за русским языком был закреплён статус одного из четырех государственных языков, который был утверждён Конституцией БССР 1927 г. В 1926–1927 гг. были созданы 14 национальных русских сельсоветов, просуществовавших до 1935–1937 гг. В педагогических техникумах БССР действовали русские отделения. Около 6 % учеников школ обучались на русском языке [9, с. 144]. С середины 1930-х гг. в центре внимания руководства БССР находилось удовлетворение национальных потребностей русского населения, а также расширение сферы влияния русского языка и культуры [2, с. 530].

После Великой Отечественной войны численность русского населения в БССР увеличивалась очень быстро: в 1959 г. – 660 тыс. чел., 8,2 % населения БССР; в 1970 г. – 938 тыс. чел., 10,4 %; в 1979 г. – 1134 тыс. чел., 11,9 %; в 1989 г. – 1342 тыс. чел., 13,2 %. Такой рост происходил в основном за счёт внешней миграции, вызванной потребностями БССР в высококвалифицированных кадрах. Восстановление разрушенной войной экономики, создание новых отраслей промышленности сопровождалось притоком русского населения, которое оседало в городах. Значительную часть русских мигрантов составляли рабочие, специалисты в разных отраслях народного хозяйства, преподаватели ВУЗов, ученые, военнослужащие и члены их семей. Часть из них направлялась и в сельскую местность. Прирост численности русского населения в определенной степени был обеспечен и развитием ассимиляционных процессов, межэтническими браками. Вместе с тем в результате снижения естественного прироста и уменьшения миграции рост численности русских в Беларуси замедлился: 1959–1970 гг. – 42 %, 1970–1979 гг. – 20 %, 1979–1989 гг. – 18 % [9, с. 140; 13, с. 434].

После развала СССР в связи с нарастанием депопуляционных тенденций и развитием этнотрансформационных процессов численность русского населения в Республике Беларусь значительно уменьшилась. В 1999 г. переписью были учтены 1142 тыс. чел., 11,37% населения республики; в 2009 г. – 785 тыс. чел., 8,3%; в 2019 г. 707 тыс. чел., 7,5% [4, с. 228; 9, с. 144]. Таким образом, в 1989–1999 гг.

абсолютная численность русских в Беларуси уменьшилась на 15%, в 1999–2009 гг. – на 31%, в 2009–2019 гг. – на 10%.

Русские соотечественники в Республике Беларусь имеют все возможности для сохранения и развития своего языка, культуры, исторического наследия, поддерживают связи с исторической родиной. В 1995 г. русский язык по результатам проведения первого Республиканского референдума обрел наряду с белорусским статус государственного. На русском языке ведется делопроизводство, официальная переписка, преподавание в преобладающем большинстве школ, учреждениях высшего образования и средних специальных учебных заведениях, выходит преобладающее количество книг, периодических изданий, на нем снимаются кинофильмы, ставятся спектакли в большинстве театров Беларуси. Здесь действует ряд русских культурно-просветительских организаций: республиканское общественное объединение «Русское общество», созданное в сентябре 1994 г., которое имеет отделения во всех областях республики; республиканское Белорусское общественное объединение «Русь», созданное в 2000 г., имеющее отделения в Витебске, Гомеле, Гродно, Кобрине, Минске; Могилевское областное общественное объединение «Русский дом», основанное в 2008 г., Витебское областное общественное объединение «Русский дом», основанное в июне 2009 г.; общественное объединение «Русское культурно-просветительское общество», созданное в октябре 2010 г. в Могилеве; Минское культурно-просветительское общественное объединение «Наша Русь», основанное в 2012 г. и др. Основная цель их деятельности: сохранение, изучение, пропаганда русского языка и культуры, объединение людей русской национальности и российских соотечественников, укрепление дружбы русского и белорусского народов [9, с. 144; 13, с. 434–435].

Второй по численности населения иноэтнической группой в Республике Беларусь по результатам переписи 2019 г. стали поляки, численность которых несколько сократилась в сравнении с 2009 г. с 294549 чел. до 287693 чел., что по-прежнему составляет 3,1 % от общего количества населения Беларуси [4, с. 228].

Группы поляков на этнических белорусских землях известны с XII–XIII вв., когда фиксировалось переселение на Запад современной Беларуси мазуров – польской этнографической группы. В XIV на белорусских землях были поселены и поляки, захваченные в плен в результате походов великих князей литовских в Польшу [11, с. 63]. Однако некомпактное их расселение, ограниченный правовой статус и

потенциальная возможность вступления в брак с представителями местного населения приводили к их ассимиляции. Вместе с тем, с проникновением католицизма было положено начало функционированию на белорусских землях польского языка, а польская культура обрела престижность в результате заключения государственных польско-литовских уний [11, с. 63].

Усиление польского этнокультурного влияния в Беларуси пришлось на период после Люблинской унии 1569 г., когда белорусские земли вместе с другими землями Великого Княжества Литовского (ВКЛ) вошли в состав Речи Посполитой. Часть белорусского населения, особенно представители высших сословий, принимая католическую веру, меняли свою этническую самоидентификацию на польскую. На протяжении всей средневековой белорусской истории не известна сколь-нибудь значительная миграция поляков в Беларусь, поскольку законы ВКЛ запрещали «чужеземцам», под которыми обычно понимались поляки, занимать должности и приобретать землю [7, с. 393; 8, с. 381; 11, с. 63]. Потому большая часть современных поляков в Беларуси – потомки коренного населения, которые приняли католичество, усвоили польский язык и самосознание. Так, во второй половине XVI в. католицизм стал средством полонизации белорусов, которая охватила большую часть социальной элиты. В общественном сознании понятия «католик» и «поляк» иногда воспринимались как синонимы, обрели социальный оттенок [12, с. 243].

Начальный период добровольной полонизации продолжался до начала XVII в. Позднее, в XVII–XVIII вв., полонизация уже навязывалась светскими и духовными властями Речи Посполитой. Согласно решению всеобщей конфедерации сословий Речи Посполитой в 1696 г. сейм заменил старобелорусский язык в государственном пользовании польским языком [7, с. 394; 10, с. 380; 11, с. 63]. Количество поляков сильно колебалось в зависимости от политической ситуации. В 1897 г. в Беларуси жило более 140 тыс. поляков (около 1,7 % населения), больше всего в Гродненской (10 %) и меньше всего в Могилевской (1%) губерниях. Увеличение численности поляков в Беларуси в XX в. происходило в основном на западнобелорусских землях, которые в 1921–1939 гг. входили в состав Польши. В условиях усиления социального и национального угнетения в Западной Беларуси проводилась политика окатоличивания и полонизации белорусского населения. Сюда из этнических польских земель переселялись группы офицеров-осадников, рабочих и чиновников. Всего в 1920–1930-е гг. в Западную Беларусь переселились около 300 тыс. поляков.

В то же время поляки в БССР являлись одной из основных этнических групп (согласно переписи 1926 г., их насчитывалось 97,5 тыс. чел., 2 % населения). Этнокультурные особенности польского населения в БССР, специфика этнических связей белорусского и польского народов учитывались достаточно полно и многосторонне. В 1921 г. ЦИК БССР специальным декретом закрепил за польским языком статус государственного наряду с белорусским, русским и еврейским. В 1920-е гг. при ЦК КП(б)Б существовало Польбюро. В 1924 г. в БССР действовали 136 польских школ и 7 специальных польских детских домов. Учителей польских школ и воспитателей для дошкольных учреждений республики с 1922 г. готовили Минский польский педагогический техникум и польское отделение Белорусского государственного высшего педагогического института (с 1935 г. – Минский педагогический институт). В 1920–1930 гг. на польском языке выходили газеты «Młot» («Молот»), «Orka» («Пахота»), «Gwiazda Młodzieży» («Звезда молодежи»), «Szturmowiec Kojdanowszczyzny» («Ударник Койдановщины»), «Szturmowiec Dzierżyńszczyzny» («Ударник Дзержинщины»). Существовало Польское отделение Белорусской ассоциации пролетарских писателей. В 1929–1935 гг. работал Польский государственный передвижной театр БССР.

В местах компактного проживания польского населения в 1920–1930-е гг. существовал 31 национальный польский сельсовет. Из них 10 находились в Койдановском (затем Дзержинском) польском национальном районе. Изучением материальной и духовной культуры поляков в Беларуси занимался польский сектор Института белорусской культуры. Однако в результате ухудшения польско-советских отношений и политических репрессий в 1937 г. национально-культурное и национально-государственное строительство поляков в БССР было свернуто, все административно-территориальные единицы ликвидированы.

С воссоединением Западной Беларуси с БССР в сентябре 1939 г. количество поляков в БССР значительно увеличилось. На западнобелорусских территориях сохранялись польское образование и печать, в 1939–1941 гг. действовали Государственный польский театр БССР (в Белостоке, с марта 1940 г. работал в Гродно) и Государственный польский театр кукол БССР в Гродно. Но уже в 1940 г. из западных областей БССР, УССР и района Вильнюса было выслано на Север и Восток СССР около 600 тыс. поляков.

Согласно договоренности между правительствами БССР и ПНР

в 1944–1948 гг. в рамках обмена населением между СССР и Польшей из БССР в ПНР было переселено 274,2 тыс. поляков, в т. ч. определенное количество белорусов-католиков, которые при переселении определили свою национальность как польскую. В 1955–1959 гг. состоялся второй этап репатриации поляков из СССР, который охватил в основном польское население западных областей Беларуси и Украины [2, с. 507–508, 523–524; 7, с. 395; 8, с. 381]. Послевоенные итоги переписей населения в БССР зафиксировали следующие колебания численности польского населения республики: в 1959 г. – 539 тыс. чел., 6,7 %; в 1970 г. – 383 тыс. чел., 4,3 %; в 1979 г. – 403 тыс. чел., 4,2 %; в 1989 г. – 418 тыс. чел., 4,1 % [5, с. 56; 14, с. 361]. Таким образом, если в 1959–1970 гг. количество поляков в Беларуси сократилось на 29 %, то в последующие 19 лет наблюдалось постепенное увеличение на 9 %, вызванное в основном естественным приростом.

После развала СССР происходило постепенное уменьшение численности поляков в Республике Беларусь. Так, в 1999 г. в Беларуси проживали 395,7 тыс. поляков, 3,94 % населения республики; в 2009 г. – 294,5 тыс. чел., 3,1 %; в 2019 г. 287,6 тыс. чел., 3,1 % [4, с. 228]. Таким образом, в 1989–1999 гг. численность польского населения Беларуси сократилась на 5,3 %, в 1999–2009 гг. – на 25,6 %, а в 2009–2019 гг. – на 2,3 %. Такая ситуация объясняется как естественной депопуляцией населения республики в целом, в т. ч. и польской его составляющей, так и активной политикой Польши по поощрению поляков диаспоры к переезду на этнические польские территории, в т. ч. через программу «Карта поляка». По-прежнему, наибольший процент поляков фиксируется в западных и северо-западных регионах Беларуси.

На современном этапе в Беларуси выходят периодические издания на польском языке. С 1991 г. Гродненское обласное радио и телевидение ведут еженедельные передачи на польском языке. На территории Беларуси зарегистрировано шесть организаций граждан польской национальности. Самая многочисленная из них – «Союз поляков Беларуси» (СПБ). Основная цель союза – возрождение польского языка, культуры, традиций среди польского населения Беларуси. В СПБ зарегистрировано около 70 областных, городских, районных и сельских отделов. Ряд структурных подразделений СПБ имеют собственность – Дома поляка. В большинстве из них для взрослых и детей работают общественные школы и кружки по изучению польского языка, библиотеки литературы на польском языке, традиционно про-

водятся мероприятия, посвященные католическим и польским национальным праздникам, развлекательные программы, праздники для детей. Всего создано более 80 польских коллективов художественной самодеятельности, лучшим из них присвоены почетные звания «образцовый» и «народный» [7, с. 394].

Таким образом, современная Беларусь является одной из стран, где отсутствуют конфликты на этнической почве, что обеспечивается продуманной национальной политикой белорусских властей.

Библиографический список

1. Закон Республики Беларусь 11 ноября 1992 г. № 1926-ХІІ «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (в ред. Законов Республики Беларусь от 05.01.2004 № 261-З, от 07.05.2007 № 212-З). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19201926> (дата обращения: 05.11.2023).

2. История белорусской государственности : в 5 т. Минск : Беларуская навука, 2018–2020. Т. 3. Белорусская государственность : от идеи к национальному государству (1917-1939 гг.). 2019. 639 с.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.

4. Национальный состав населения // Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года=Вынікі перапісу насельніцтва Рэспублікі Беларусь 2019 года : Статистический сборник=Статыстычны зборнік / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск : «Альтиора Форте», 2021. Т. 2. 488 с.

5. Национальный состав населения // Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2019 г. : Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск : РУП «ИВЦ Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2019. 471 с.

6. Гарбацкі А., Панюціч В. Стараабраднікі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993-2003. Т.6. Кн.1. Пузыны – Усяя. 2001. С. 406–407.

7. Карашчанка І., Валахановіч А. Палякі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993-2003. Т. 5. М – Пуд. 1999. С. 393-395.

8. Карашчанка І. В. Палякі // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 381-382.

9. Каспяровіч Г., Церашковіч П. Рускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993-2003. Т. 6. Кн. 1 : Пузыны – Усяя. 2001. С. 143-144.

10. Лыч Л. Паланізацыя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993-2003. Т. 5: М – Пуд. 1999. 592 с. С. 380.

11. Свяжынскі У. Народы і мовы // Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск : БелЭн, 2005-2006. Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. 2005. С. 58-66.

12. Церашковіч П. У. Канфесіянальная прыналежнасць // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 243.

13. Церашковіч П. У. Рускія // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя.

Мінск : БелСЭ, 1989. С. 434–435.

14. Шахоцька Л. П., Каспяровіч Г.І. Насельніцтва // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 359–363.

**КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
ИНКУЛЬТУРАЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО
ОФИЦЕРА: СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС,
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ**

**CULTURE OF INTERNATIONAL COMMUNICATION OF THE
FUTURE OFFICER'S INCULTURAL PERSONALITY: MODERN
SCIENTIFIC DISCOURSE, ETHNOCULTURAL CONNOTATION
OF THE FORMATION PROCESS**

Д.Е. Матвеев

Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, г. Новосибирск, Россия

В.А. Беловолов, С.П. Беловолова

Новосибирский юридический институт (филиала) Национального
исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

D.E. Matveev

Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army
General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the RF,
Novosibirsk, Russia

V.A. Belovolov, S.P. Bevolova

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State
University, Novosibirsk, Russia

Аннотация. Показано значение культуры межнационального общения ин-
культурационной личности будущего офицера как интегративного и многоаспект-
ного явления в контексте современного общественного и научного дискурса на ос-
нове междисциплинарного подхода. Представлены научные подходы и практиче-
ские решения проблемы через этнокультурную коннотацию исследуемого процесса
формирования. Акцент на общую созидательную деятельность, направленную на
человека на основе познания этнокультуры и развития культуры этноса.

Abstract. The importance of the culture of interethnic communication of the en-
culturation personality of the future officer is shown as an integrative and multidimen-
sional phenomenon in the context of modern public and scientific discourse based on
an interdisciplinary approach. Scientific approaches and practical solutions to the
problem are presented through the ethnocultural connotation of the formation process
under study. Emphasis on general creative activity aimed at a person based on the

knowledge of ethnoculture and the development of the culture of the ethnos.

Ключевые слова: образование, поликультурное образование, этнокультура, культура, общение, культура межнационального общения.

Key words: education, multicultural education, ethnoculture, culture, communication, culture of interethnic communication.

В современном обществе процесс глобализации предполагает расширение межкультурных связей, культурных границ, многообразии жизненных стилей [22]. В основе этого процесса находится сохранение и воспроизводство отечественных социокультурных ценностей и воспитательных традиций.

В условиях современной социальной реальности, с учетом политических и социально-экономических процессов в современном мире одной из актуальных проблем в нашем многонациональном государстве выступает национальная политика и ее реализация в условиях этнокультурного разнообразия, гармонизация межнациональных отношений и опыт их регулирования в регионах России и за рубежом, вопросы межкультурного взаимодействия, духовного обогащения этносов, интеграции и диалога культур в поликультурном образовательном пространстве [6; 11].

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» особое внимание уделяется организации поликультурного образования как социокультурному феномену, удовлетворяющему потребности социальных групп общества и ориентированного на развитие личности как субъекта культуры на основе познания этнокультуры [7; 11; 22].

Поликультурное образование как важнейший структурный элемент процесса формирования, сохранения и развития культуры этноса, включает в себя этнокультурологическое содержание образовательного процесса [5;7;11]. Т.В. Поштарева представляет компоненты структуры этнокультурной компетентности как педагогической категории в современном полиэтничном образовании [19].

Воспроизводство, сохранение и развитие этнокультуры зависит от этнокультурного содержания образования, направленного на формирование культуры межнационального общения инкультурационной личности будущего офицера, на основе этнокультурной коннотации исследуемого процесса. Этнокультурная коннотация процесса формирования обеспечивает развитие национальных ценностей, ценностно-смысловой сферы, духовных и нравственных качеств личности как субъекта культуры, который способен на основе диалога культур, взаимодействовать с представителями других этносов в поликультур-

ной образовательной среде военного вуза.

Особое значение для реализации идей поликультурного образования в процессе профессиональной подготовки военного специалиста, формирования готовности будущего военного специалиста - офицера к профессиональной деятельности в многонациональном воинском коллективе имеет формирование культуры межнационального общения инкультурационной личности будущего офицера.

Исследователи А.Д. Князев, А.С. Согомонян, Д.Е. Матвеев, Т.И. Султанбеков и др. представляют процесс формирования инкультурационной личности будущего офицера в военном вузе в контексте понятия «культура», принадлежащей общефилософским и общеисторическим категориям, которые исходят из понимания культуры как способа реализации сил человека в жизнедеятельности [10; 14; 16].

В связи с этим, необходимо, с позиции историко-логического и теоретико-методологического подходов представить понимание сущности категории «культура».

Педагог П.В. Сысоев исследует культуру с точки зрения историко-логического подхода и определяет её как взаимосвязанную систему значений, символов и норм исторически сложившуюся и передающуюся группой людей по определённым признакам, а именно, этническая принадлежность, социальный статус, религия и образование [17].

Рассматривая культуру как творческую деятельность человека, В.С. Библер, Н.С. Злобин и др. считают её критерием гуманности человека. Авторы отмечают, что культура связывает в себе такие понятия как: форма диалога; самоопределение индивида в личности субъекта; существование людей [14].

Следует отметить взгляды учёных (А.И. Арнольдов, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, М.С. Каган и др.), которые в своих исследованиях представляют культуру: как специфический способ человеческой деятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе отношений людей к природе, между собой и к самим себе; как сложное противоречивое явление; как универсальное свойство социальной группы [1;9].

Н.А. Бердяев анализирует дефиницию «культура» сквозь призму человеческой личности и особо подчеркивает, что техника должна быть подчинена духу и духовным ценностям жизни. Русский мыслитель рассматривает культуру как феномен духовной истории общества; выделяет в культуре этносов: национально-этнические черты характера и индивидуально-народное качество, направляющее куль-

туру на уровень мирового масштаба [3].

Привлекают внимание, в контексте проблематики нашего исследования, также междисциплинарные направления в психологии, философии, культурологии и педагогике, которые позволяют нам рассмотреть культуру: как средство самореализации человеческой личности в различных сферах духовной и общественной жизни социума (М.Н. Ахметова, А.Н. Леонтьев и др.); как наивысшую ступень субъекта над своей природой и формирование в нём духовной составляющей (В.М. Розин, Д.С. Лихачёв и др.); как технологию реализации поведения и деятельности личности (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, О.Г. Дробницкий и др.).

Вызывают научный интерес работы И.А. Колесниковой, Г.Б. Корнетова и др., где авторы представляют культуру как необходимое условие саморазвития личности в социокультурной образовательной среде, содержащее методические аспекты взаимосвязи культуры и образования, основанные на культурологических основаниях гуманитарных образовательных парадигм.

В работах А.Ф. Лосева, культура представлена в виде системы взаимоотношений всех социальных слоёв исторического процесса данного времени и места [12].

С позиции Э.С. Маркаряна, концепция культуры основывается на анализе человеческой деятельности, которая включает: субъекты, направляющие свою энергию на преобразование и познание объектов; объекты на которые направлена активность субъекта; продукты, формируемые субъектами во всех видах деятельности из материалов объектов; методы, средства и способы действий, опираясь на которые, объекты становятся результатом деятельности.

Необходимо отметить, что ряд учёных раскрывают культуру как многоаспектное явление, которое является инструментом обеспечения процесса формирования личности субъекта в целом и развитие её в профессионально-социальном плане.

По вопросу культуры, учёные (М.С. Каган, А. Кребер, Н.Б. Крылова и др.) исследуют данный феномен с позиции равнозначности всех культур, обеспечивающий общечеловеческое внутреннее и внешнее содержание и способствующее сохранению этноса. В этих условиях процесс взаимодействия культур наполняется ценностями конкретной культуры, которые являются этнически ориентированными [9].

Исходя из вышесказанного, необходимо сделать вывод, что культура выступает как набор кодов, который раскрывает и формиру-

ет смысл бытия человека, а также находит своё проявление во всех его сторонах. В связи с этим, человек овладевает культурой с последующим освоением социального опыта предков и вносит свой вклад в культурный слой общества, одновременно обогащая его.

В ходе нашего исследования необходимо обратить внимание на теоретико-методологическое положение, которое раскрывает образовательную составляющую культуры, формирующую способ общения, в котором развивается личность.

С позиции общефилософского подхода общение – процесс взаимного влияния друг на друга, многоаспектная форма взаимодействия субъектов, то есть отношение одного к другому.

Социологический подход выступает методологическим регулятивом, раскрывающий «общение» как самореализацию субъекта в процессе социального взаимодействия и изучение субъектом социокультурных ценностей. Наряду с этим необходимо отметить, что общение это социальное взаимодействие субъектов при помощи знаковых систем с целью взаимной передачи культурного наследия и социального опыта.

Принципы психологического подхода А.К. Марковой позволяют рассмотреть общение как особую форму человеческой деятельности, на основе которой реализуются остальные виды деятельности.

В итоге целесообразно особо выделить, что «общение» как процесс, является системой взаимодействия субъектов, включающую в себя: функции, содержание, манеры и стиль.

Представляют научный интерес работы А.Г. Асмолова и др., в которых авторы трактуют общение в контексте межкультурного взаимодействия, где происходит определение контактов их формирование и развитие между представителями этносов в процессе диалога культур, который порождает взаимную деятельность и взаимопонимание субъектов [2].

Анализ научных трудов (А.Г. Асмолов, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, В.И. Матис, К.И. Султанбаева, В.А. Тишков и др.) показал, что культура межнационального общения рассматривается с различных позиций [2;4;8;13;18;20;21]. Авторы выделяют различные трактовки культуры межнационального общения: как социальное явление, как качество личности.

Исследователи А.Н. Некрасова, К.И. Султанбаева и др. исследуют культуру межнационального общения с позиции системы обусловленных для личности нравственных идей, специфических видов деятельности, реализующихся в целях взаимодействия представите-

лей диалога культур и взаимопонимания этносов [15;18].

Опираясь на взгляды А.Н. Некрасовой и др., необходимо отметить, что культура межнационального общения отражает динамику национального самосознания людей и определяет в ней правовые основы представителей различных национальностей, а также определяет особенности национальной сферы [15].

М.С. Каган трактует культуру межнационального общения как средство сохранения и трансляции культуры, как условие существования бытия человека [9].

Учёные В.И. Матис, Е.М. Куликов, А.И. Хацац и др. представляют процесс межнационального общения как явление морально-этической жизни социума и духовно-нравственной составляющей представителей диалога культур, где находит своё отражение сущность национальных отношений [13;11].

В научных источниках (А.Г. Асмолов, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков и др.) также существует ряд трактовок культуры межнационального общения как качества личности:

- набор знаний и умений и соответствующих им действий, которые проявляются во взаимодействии среди представителей диалога культур и обеспечивают взаимопонимание в общих интересах;

- способность и умение представителей диалога культур к взаимному процессу общения, к преодолению национального невежества, чувства национального преимущества, а также способность учитывать национальную особенность и проявлять толерантность в любых ситуациях;

- готовность управлять поведением в соответствии с взаимовосприятием людей различной национальности [2;4;8;20].

Таким образом, научный дискурс подходов учёных-исследователей позволяет констатировать дефиницию «культура межнационального общения инкультурационной личности будущего офицера» как интегративное и многоаспектное явления в контексте современного общественного и научного дискурса на основе междисциплинарного подхода, выступающее одновременно в форме самостоятельного качества личности и сложной научно-теоретической и методологической проблемы и обладающее характеристиками и взаимосвязями между компонентами, которые позволяют сформировать культуру межнационального общения.

Научные подходы и практические решения проблемы представляются через этнокультурную коннотацию исследуемого процесса формирования готовности военного специалиста к профессиональ-

ной деятельности в многонациональном воинском коллективе для гармонизации межнациональных отношений.

Библиографический список

1. Арнольд А. И. Человек и мир культуры: Введение в культурологию. М.: 2008.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно – историческое понимание развитие человека. 5-е издание, стереотипное. М.: 2019. 448с.
3. Бердяев Н. А. О культуре. М.: Ун-т Рос. акад. образования, 1996. 351 с.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М., 2009.
5. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник. 3-е изд., испр. М.: Академия, 1999. 168 с.
6. Голенкова З. Т., Хагуров Т.А. Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т.22. № 2. С. 291-305.
7. Гришай Е. В., Коровников А. Л. Концептуальные основы управления качеством профессионального образования // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сб. избр. науч. тр. Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. СПб.: 2021. С. 20-24.
8. Дробижева Л. М. Основные направления исследования межнациональных отношений и задачи на будущее: материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». М.: 2018. С. 217-222.
9. Каган М. С. Философия культуры. М.: Петрополис, 1996. 416 с.
10. Князев А. Д. Формирование культуры межнационального общения у военнослужащих внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М, 2013.
11. Куликов Е. М., Хацац А. И. Межэтнические отношения в молодежной среде: теоретико-прикладной анализ // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. Краснодар: 2017. С. 78-81.
12. Лосев А.Ф. Феноменология субъект – объектного отношения // Философский журнал. 2020. Т. 13. N 4. С. 148-170.
13. Матис В. И. Создание современной школы на основе полипарадигмального подхода // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. N 1 (13). С. 70–77.
14. Султанбеков Т. И., Матвеев Д. Е., Тимофеев А. И., Беловолов В. А. Межэтнические установки в поликультурной образовательной среде военного института // Проблемы современного педагогического образования. 2017. N 56-3. С. 197-204.
15. Некрасова А.Н. Культура межнационального общения в молодежной среде (Состояние и формирование): дис. ... д-ра философ. наук: 22.00.06. М., 1992. 363 с.
16. Согомонян А.С. Культура межнационального общения в воинских коллективах вузов ВС РФ: автореф. дис.... канд.соц. наук. Краснодар: 2015. 30с.

17. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2001. 145 с.

18. Султанбаева К.И. Педагогика межнационального общения. Абакан, 2007. 96 с.

19. Поштарева Т.В. Этнокультурная компетентность как педагогическая категория в современном полиэтничном образовании // Актуальные направления научных исследований начала XXI века: сб. избр. науч. тр. Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество». Ростов-н/Д: 2015. С. 63-77.

20. Тишков В.А. Этнополитика и нациестроительство в России // Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.:2018.

21. Тужба Э.Н. Социальная адаптация к инокультурной среде: теория исследования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений». Краснодар: 2019. С. 387-395.

22. Чунихина Т.Н., Тужба Э.Н. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №2. С. 67-70.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

MAIN DIRECTIONS AND FORMS OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL TEACHER MOVEMENT BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20 th c.

В.М. Острога

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

V.M. Ostroga

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и формы общественно-педагогического движения учительства во второй половине XIX – начале XX вв., которое являлось не только влиятельным фактором социально-культурной жизни Беларуси, но и важнейшей составной частью национально-освободительного движения в стране в целом. Выводы основаны на анализе исторических источников и литературы.

Abstract. The article examines the main directions and forms of the socio-pedagogical movement of teachers in the second half of the 19th – early 20th centuries, which was not only an influential factor in the socio-cultural life of Belarus, but also the most important component of the national liberation movement in the country as a whole. The conclusions are based on an analysis of historical sources and literature.

Ключевые слова: общественно-педагогическое движение, учительство, учительские съезды, педагогические общества взаимопомощи, педагогическая

журналистика, учебные заведения.

Key words: social and pedagogical movement, teaching, teachers' congresses, pedagogical mutual aid societies, educational journalism, educational institutions.

В рассматриваемый период правительственная политика в сфере народного образования являлась консервативной и строилась на основе устаревшей парадигмы, что вело к противоречию между потребностями страны в модернизации и ускоренном социально-экономическом развитии и сохранившейся культурной отсталостью населения. Широкие слои общественности (буржуазия, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция), их организации и объединения, критикуя просветительскую политику царизма, активно выдвигали требования коренной перестройки системы образования на демократических и гуманистических началах. Обсуждение вопросов введения всеобщего начального обучения и расширения сети учебных заведений, содержания образования и использования передовых методов преподавания, педагогической подготовки необходимых кадров и др. объединяло в единый поток разрозненные прежде социальные круги и течения. На волне этой активности рождались новые подходы и проекты реформирования народного образования, которые выходили за устоявшиеся рамки существовавшего общественно-политического строя.

Значительный всплеск общественно-педагогического движения проявился в начале 1960-х гг. на фоне общего демократического подъема. Оно явилось органической частью процесса разработки и реализации на практике одной из буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в. – школьной. Вопросы обучения подрастающего поколения связывались с поиском передовых педагогических идей, задачи и методы воспитания постепенно перемещались в центр общественного обсуждения. Развитие общественно-педагогического движения, которое не было однородным в своем составе, способствовало появлению новых педагогических школ и теорий воспитания. Идеи всестороннего гармонического развития личности выдвигались как прогрессивно настроенными представителями буржуазно-либерального течения, так и буржуазно-демократического. Сторонники официальной педагогики (М.Н. Катков, С.П. Шеварев и др.) поддерживали установку на формирование послушного, слепо идущего за «авторитетами», верного престолу и отечеству человека. Представители буржуазно-демократического течения (К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, В.И. Водовозов и др.) утверждали, что основная задача школы – «делать человека человеком», гражданином своей страны и активным участником

общественной жизни. Революционные демократы (Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев) главную цель воспитания сводили к формированию «героев», «способных бороться за новый общественный строй, основанный на социальной справедливости» [23, с. 11].

В среде учительства, как и среди других групп интеллигенции, был представлен достаточно широкий политический спектр страны. В большинстве случаев учителя, особенно средних учебных заведений, были аполитичны. Многие из них являлись сторонниками официальной идеологии и разделяли правоконсервативные позиции, часть же учительства имела неопределенные либеральные воззрения. Характерной чертой ментальности педагогов являлось преувеличение значения образцово организованного учебно-воспитательного процесса в жизни общества, в котором можно было видеть «панацею от всех общественных бед и проблем» [24, с. 3]. В среде «учащих» начальной школы также был представлен широкий спектр общественно-политических идеологий. В конце XIX в. общественно-педагогическая деятельность становится либеральной и проявлялась в их стремлении освободить школу от рутины, сделать ее более самостоятельной, внедрить передовой опыт западных стран [20, с. 71].

Несмотря на то, что открытая революционность не была характерна для большинства представителей педагогической профессии, народное учительство принимает участие в событиях 1905-1907 гг. Как итог, за «подстрекательство к волнениям», «антиправительственные действия» и др. в Гродненской губернии было уволено 13 учителей, в белорусских уездах Виленской и Ковенской – 27, в Минской -- 4 [8, с. 46]. В период реакции, которая наступила после разгона II Государственной Думы, царизм принимал меры, чтобы установить над школой тщательный контроль и очистить от «нежелательных» учителей. Так, в 1910 г. виленский губернатор Д. Любимов во время поездок по губернии определил «особый тип сельского учителя». «Характерные особенности которого наводят на размышления». Раскрывая эти черты в настроениях и поведении учителей, губернатор пришел к выводу, что «влияние их на окружающую среду может принести большой вред, придавая ей совсем неправильное понимание о ее правах и обязанностях» [3, с. 270].

В рассматриваемый период борьба за введение всеобщего образования становится важной формой общественно-педагогического движения. Эта проблема, начиная с 60-х гг. XIX в., являлась предметом оживленного обсуждения и дискуссий с широким участием бур-

жуазно-либеральных кругов, интеллигенции, представителей национально-демократического движения, учителей, учащейся молодежи и др. На фоне критики архаичной политики царизма в этой сфере все громче звучали идеи и предпринимались усилия, направленные на демократизацию и модернизацию системы народного образования, реорганизацию системы подготовки педагогических кадров для всех типов учебных заведений. Получает распространение так называемое «тайное обучение» – открытие местным населением начальных школ на нелегальной основе, несмотря на строгие нормативные акты, направленные на искоренение такой практики. Сеть этих школ действовала по всей Беларуси. Их учителя уходили от предписаний относительно языка обучения, используемых учебников и пособий, игнорировали преподавание Закона Божьего [14, л. 36].

Сложившаяся общественно-политическая ситуация в стране и рост революционно-освободительного движения в начале XX в. заставили правительство проявлять гибкость при рассмотрении вопросов развития просвещения, лавировать и идти на определенные уступки требованиям общественности, корректируя школьную и кадровую политику, постепенно отказываясь от государственной монополии в этой сфере. Несмотря на то, что всеобщность образования в период Российской империи так и не получило юридического оформления, в течение 1907–1910 гг. был принят ряд правительственных актов, которые стимулировали увеличение казенных инвестиций в сферу образования, поощряли частную инициативу в деле просвещения, предоставляли детям школьного возраста бесплатную возможность «пройти полный курс обучения в правильно организованной школе», определяли средства на вознаграждение за труд учителя и др. [1, с. 4].

Вопросы развития народного образования включались для рассмотрения во II и III Государственные Думы, за время деятельности которых была выработана законодательная база для выделения средств, в первую очередь, «безвозвратных пособий» и «ссуд на льготных условиях», на нужды школьно-строительного фонда [22, с. 6-7]. Необходимость введения всеобщего образования рассматривался также на уровне совещания директоров и инспекторов Виленского учебного округа (1907 г.). Обсуждая министерский проект закона, собравшиеся заявили, что «общедоступная школа должна быть рассчитана на все население без различия национальностей и вероисповедания». Было также подчеркнута необходимость увеличения учительского корпуса в 4 раза (до 20 тыс.), т. к. вне обучения на тот момент

оставалось 2/3 детей школьного возраста [19, с. 12-13]. В процесс практической реализации идеи всеобщего образования непосредственно включались и сами учителя: составляли карты школьной сети и собирали данные о количестве детей в каждой волости, организовывали воскресные и праздничные народные чтения при училищах, литературно-вокальные вечера, беседы, распространяли популярную литературу через библиотеки и книжные склады и др.

Образование всегда являлось «орудием политической борьбы», средством влияния различных политических направлений. Монархические и либеральные партии, возникшие в конце XIX – начале XX в., по-разному понимали цели развития народного образования, но их сближали идеи введения всеобщего обучения, увеличения сети учебных заведений и необходимых средств на эти нужды. Социалистические партии ставили задачу включить народное учительство в борьбу за «политическое освобождение России и широкие социально-экономические реформы», за «демократизацию и децентрализацию народного образования» как условие «новой жизни» [17].

Позитивную роль в развитии народного образования сыграли земства, которые были созданы на территории Беларуси в начале XX в. Их управы не могли оставаться сторонними наблюдателями и активно включались в работу: изучали состояние школьного дела в пределах своей местности, открывали новые училища и брали на себя их содержание, назначали стипендии учащимся учительских семинарий и денежную помощь учителям, хорошо понимая, что «недостаточная обеспеченность отражается на самом составе лиц, которые идут на службу» [11, л. 107]. Очень часто управы являлись организаторами педагогических курсов и съездов. Могилевское земство, например, проектировало открыть в губернии 25 учительских семинарий и составило проект их сети [6, с. 141]. Земства поддерживали идеи введения всеобщего начального образования и расширения системы педагогической подготовки кадров. Своей деятельностью эти учреждения сдерживали рост церковных школ, направляя средства на развитие светских учебных заведений [10, л. 24].

В движение за введение «всеобща» активно включились широкие народные массы города и деревни. Например, в селах рядом волостных правлений были созваны собрания, на которых «приговорили штрафовать по 1 руб. в неделю крестьян, не желающих посылать своих детей в народное училище» [13, л. 38]. Но и такая необходимость в скором времени отпала. Как отмечал в 1907 г. один из народных учителей, «сейчас народ бежит в школу, он требует школы, он

мечтает о школе, и если есть у народа в чем-то сомнение, то это уже итог неправильной организации школьного дела» [7, с. 128]. Крестьянские общества, как и земства, оказывали посильную помощь в финансировании учительских семинарий, жертвовали деньги на стипендии учащимся, содержание ученических квартир и др. [12, л. 4]. Определенные средства на развитие педагогического образования поступали от частных лиц и православных братств.

С 90-х гг. XIX в. общественно-педагогическое движение становится несоразмерно более широким и организованным, чем на предыдущих этапах. Яркой формой проявления такой активности стало создание передовым учительством профессиональных педагогических обществ взаимопомощи. В 1897 г. было основано первое в Беларуси «Общество взаимной помощи учителям и учительницам Витебской губернии». В 1901 г. такие же товарищества возникли в Минске и Могилеве, в 1907 г. – Гродненское педагогическое общество, созданное по инициативе учителей средней школы. Не преувеличивая их возможностей, можно утверждать, что они стали первой формой профессионального движения народного учительства, зародышем его профсоюзов. Общества сыграли положительную роль в улучшении материального положения учительства посредством выдачи денежных пособий и кредитов, поддержки старых и больных педагогов, организации общежитий для учительских детей, предоставлении путевок и льгот для лечения в санаториях и кумысолечебницах и др. [2, с. 255]. Ими были инициированы создание педагогических библиотек, выписка газет и журналов, организация летних педагогических курсов, а также экскурсий, которые должны были иметь «постоянный характер и расширять возможности знакомства учителя с родиной, ее известными святынями и культурными центрами» [16, с. 6]. Несмотря на министерский контроль и запреты, учительские организации привлекали внимание общественности к вопросам школьной политики, критиковали ее недостатки и стремились внести свой посильный вклад в дело расширения просвещения.

Наряду с большим количеством периодических изданий, которые издавались в России («Русская школа», «Учительский вестник», «Русский начальный учитель», «Учительский вестник» и др.), в Беларуси выходили и собственные официальные журналы: «Циркуляр по Виленскому учебному округу» и «Народное образование в Виленском учебном округе». Общества взаимопомощи налаживали и собственные издания. Так, в марте 1908 г. группа учителей Витебской губернии выпустила педагогический журнал «Голос учителя», а в 1909 г. –

уже второй, который был издан в Петербурге – «Белорусский учитель» (вышел 1 номер). В 1910 г. Могилевское общество начало издание «Белорусского учительского вестника» (вышло 6 номеров), а Гродненское общество учителей в 1911–1914 гг. – «журнал «Педагогическое дело». На их страницах отражались вопросы методики и дидактики, обсуждались подходы к реформированию школы и введению всеобщего образования, подготовки учителей, их правового и материального положения и др. Общественно-политическая и национально-культурная ориентация этих изданий была разной, что отразилось на их судьбе. Первые три, которые отражали прогрессивные настроения белорусского учительства, запретили после выхода первых номеров в связи с антиправительственным характером выступлений, а «Педагогическое дело», как журнал либерально-просветительской направленности, смог издать немного больше – 12 номеров и также был закрыт [18, с. 83].

Наиболее целесообразной формой для делового общения и педагогической взаимопомощи передовой общественностью признавались учительские съезды. Они начали проводиться с 1860-х гг. и по сути являлись первой организованной формой профессиональной педагогической коммуникации. В июле 1881 г. специальный министерский циркуляр определял достаточно жесткие условия организации съездов: обязательное утверждение программы съездов, строгий отбор местным инспектором делегатов, непосредственный контроль со стороны дирекций за его проведением. Запрещалось рассмотрение вопросов, которые выходили за рамки учебно-воспитательной деятельности и находились в компетенции училищной администрации и министерских чиновников [21, с. 13].

На фоне активизации общественно-политического движения на рубеже веков учительские съезды уже больше не ограничивались лишь узкими задачами обучения и воспитания: все смелее звучали идеи реформирования народного образования на демократических началах, освобождение его от бюрократической регламентации и опеки, улучшение правового и материального положения учительства и др. Деятели народного образования смело заявляли: «привлекать учащихся на съезд для того только, чтобы рассуждать о слиянии звуков и разложении слов... нерационально... Почему ему (учителю) воспрещается говорить на съезде, что он голоден, не имеет платья, что у него нет средств учить детей, что он бесправен до последней степени. Разве протест против угнетения личности есть преступное деяние?» [5, с. 89-90].

Царизм предпринимал много усилий, чтобы упредить любую общественную, а тем более политическую активность учителей в начале XX в. Во время революции 1905-1907 гг. во всех белорусских губерниях учительские съезды проводились на нелегальной основе. Учительством Минской губернии была предпринята попытка практического воплощения идеи создания собственной организации на революционно-демократической платформе (съезд 1906 г. в Николаевщине) [15, л. 62]. Кроме профессионально-педагогических вопросов обсуждались и политические, включая борьбу за свержение самодержавия и установление республиканского правления. Делегаты продемонстрировали стремление присоединиться к Всероссийскому учительскому союзу. В 1907 г. на съезде в Вильно был создан Белорусский учительский союз, в программе деятельности которого в качестве первоочередных задач определялись перестройка школы на демократических началах, обучение на родном языке, независимость школы и учительства от разного начальства [5, с. 6].

В период между революциями активно проводятся съезды деятелей средней школы: в 1910 г. в Вильно съезд учителей графических искусств, в 1913 г. в Петербурге Первый Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии, в 1917 г. съезд деятелей средней школы в Москве, а также в этом же году в Могилеве окружной педагогический съезд деятелей средней школы и др. Программы съездов отличались своей насыщенностью и актуальностью: реформирование школы на демократических началах, автономия и выборное начало в средней школе, ученические и родительские комитеты и их деятельность в обновленной школе, культурно-просветительская и общественная роль учебных заведений, создание единой школы и введение всеобщего и бесплатного на всех ступенях образования [9]. Съезды имели большое значение не только для решения узкопрофессиональных задач и обмена передовым опытом, но и сыграли важную роль консолидации разобщенного учительства, формирования его мировоззрения, приоритетов и ценностных установок, ядром которых становились в тех условиях активная гражданская позиция и ответственность, свобода и демократизм.

Позитивную роль в развитии народного образования сыграли земства, которые были созданы на территории Беларуси в начале XX в. Их управы активно включились в работу: изучали состояние народного образования, открывали новые училища и брали на себя их содержание, назначали стипендии учащимся учительских семинарий, денежную помощь учителям, хорошо понимая, что «недостаточная

обеспеченность отражается на самом составе лиц, которые идут на службу» [11, л. 107]. Очень часто земские управы являлись организаторами педагогических курсов и съездов. Могилевское земство, например, проектировало открыть в губернии 25 учительских семинарий и составило проект их сети [6, с. 141]. Земства активно включались в обсуждение проблемы введения всеобщего начального образования и роли в нем местных органов власти и учителей. Своей деятельностью эти учреждения сдерживали рост церковных школ, перенаправляя финансирование на светские учебные заведения.

Таким образом, отсталость и консерватизм сложившейся во второй половине XIX – начале XX вв. системы народного образования являлась существенной преградой на пути социального, экономического и культурного прогресса страны. Развернувшееся общественно-педагогическое движение, представленное различными течениями и формами, не только выступало с критикой политики царизма в сфере просвещения, но и предлагало собственную демократическую и гуманистическую альтернативу. В основу новых проектов перестройки системы народного образования были положены идеи введения всеобщего обучения, равноправия на его получение вне зависимости от пола, этнической и религиозной принадлежности, выдвигалась концепция светского образования, преемственности начальной и средней школы, широкого развития профессионального образования, а также улучшения правового и материального положения души школы – учителя.

Библиографический список

1. Денисов К.И. Всеобщее обучение / сост. К.И. Денисов. СПб.: Тип. т-ва Екатерингофское печатное дело, 1914. Вып. 1. 155 с.
2. Деятельность учительского общества вспомоществования в Гродненской губернии // Народное образование в Виленском учебном округе. 1914. № 5. С. 255.
3. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917): В 3 т. Минск: Изд-во АН БССР, 1953. Т III. 1018 с.
4. З Беларусі і Літвы // Наша нива. 1907. 8 июня. С. 6.
5. Ковалев А.А. Очерк возникновения и развития учительских курсов и съездов в России // Русская школа. 1905. № 12. С. 71–94.
6. Местная хроника // Народное образование в Виленском учебном округе. 1914. № 3. С. 141.
7. Мысли народного учителя // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 3. С. 128.
8. Мяцельскі М.С. Народнае настаўніцтва Беларусі ў перыяд рэвалюцыі 1905-1907 гадоў // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка.

Педагогіка. Психалогія. 1981. № 11. С. 46-49.

9. НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 352.

10. НИАБ. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 131.

11. НИАБ. Ф. 2519. Оп. 1. Д. 15.

12. НИАБ. Ф. 2566. Оп. 1. Д. 482.

13. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 51.

14. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 124.

15. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 342.

16. Отчет Правления Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Могилевской губернии. Могилев: тип. А.П. Подземского, 1912. 24 с.

17. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост.: В. В. Кривенький [и др.], В. В. Шелохаев (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.

18. Снапкоўская С.В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі. Мінск: Народная асвета, 1995. 129 с.

19. Совещание директоров и инспекторов народных училищ Виленского учебного округа // Народное образование в Виленском учебном округе. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1908. № 1. С. 7-19.

20. Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история (Российская Академия Наук). – 1995. № 1. С. 62-77.

21. Учительские общества, кассы, курсы и съезды / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., тип. Б.М. Вольфа, 1901. 50 с.

22. Чижевский П.И. Всеобщее обучение в земских губерниях. СПб.: Справочно-педагогическое Бюро Лиги образования, 1910. 75 с.

23. Шамсутдинов Р.Р. Общественно-педагогическое движение в России на рубеже 60-х гг. XIX в.: нравственно-воспитательная парадигма. Автореф. дисс... канд. пед наук. Йошкар-Ола, 2010. 18 с.

24. Шаркова Г.А. Преподаватели общеобразовательных средних учебных заведений Москвы в конце XIX – начале XX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 29 с.

**ПОХОДЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В ПОЛОВЕЦКОЕ ПОЛЕ
И ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА КАРТАХ АТЛАСА ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ¹**

**VLADIMIR MONOMAKH'S CAMPAIGNS TO THE
POLOVTSIANS AND THE ETHNIC SITUATION IN THE
NORTHERN BLACK SEA REGION ON THE MAPS OF THE
ATLAS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA**

С.А. Ромашов

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

S.A. Romashov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена походам Владимира Мономаха и других древнерусских князей против половцев в начале XII в. Со второй половины XI в. Русь подвергалась нападениям половцев, занявших степи Северного Причерноморья в середине XI в. В начале XII в. прекращение междоусобиц на Руси позволило её князьям перейти к наступательной политике в отношении Половецкого поля. Карты Атласа истории Древней Руси представляют наглядно походы русских дружин против половцев. Успешные действия русских князей в 1101–1121 гг. заставили половецких кочевников отступить и прекратить набеги на Русь на долгое время.

Abstract. The article is devoted to the campaigns of Vladimir Monomakh and other Old Russian princes against the Polovtsians (Cumans, Kipchaks) in the beginning of the XIIth c. From the second half of the XIth c. Russia was exposed to attacks of the Polovtsians, who occupied the steppes of the Northern Black Sea coast in the middle of the XIth c. In the beginning of XIIth c. the cessation of feuds in Russia allowed its princes to pass to the offensive policy in relation to the Polovtsian steppes. Maps of the Atlas of the history of Ancient Russia represent vividly the campaigns of Russian troops against Polovtsians. Successful actions of Russian princes in 1101–1121 have forced Polovtsian nomads to retreat and to stop attacks on Russia for a long time.

Ключевые слова: историческая география, исторические карты, Древняя Русь, Атлас истории Древней Руси, Владимир Мономах, половцы, военная история.

Key words: historical geography, historical maps, Ancient Russia, Atlas of the history of Ancient Russia, Vladimir Monomakh, Polovtsians(Kipchaks), military history.

Атлас истории Древней Руси охватывает период с конца IX до

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Атлас истории Древней Руси».

начала XII в. – период, в течение которого происходило территориальное формирование и устройство Древней Руси от зарождения русской государственности до начала распада Древнерусского государства на отдельные земли и княжества. В Атласе представлено политическое развитие Древнерусского государства в конце IX – начале XII в., история складывания территории Древнерусского государства, границы Руси в определённые периоды её истории. На картах показаны границы отдельных земель, владения конкретных князей с момента образования до начала распада Древнерусского государства. Большое внимание уделено военным событиям, походам древнерусских князей. Представлена также картина населения Древней Руси и сопредельных территорий, взаимоотношений Руси с сопредельными народами и государствами.

В начале XI в. на пространстве от Приаралья до причерноморских степей началось очередное передвижение народов. К 1030-м гг. половцы (кыпчаки, куманы, куны) вытеснили огузов из Средней Азии и Приаралья [9, с. 177–178], которые последние занимали в течение почти 200 лет с середины IX в. В результате огузы были вынуждены в 1030-х–1040-х гг. двинуться на запад. Уже с конца X в. они продвигались по направлению к Днепру, тесня печенегов, в 1048 г. печенеги были окончательно вытеснены огузами из левого Приднепровья, и последние заняли пространство между Днепром и Волгой [8, с. 6–7, 8 (прим. 38)]. Новый удар половцев по огузам был нанесён в 1050/51 г., а окончательный разгром ими огузов последовал в 1054 г. Отступавшие под натиском половцев огузы (торки древнерусских летописей), по данным «Повести временных лет», в 6562 г. от о.м. (1054 г.) вторглись на Русь, но были разбиты у Воиня в низовье Днепра переяславским князем Всеволодом. Тогда же на Русь впервые совершили поход половцы [6, стлб. 162]. В период между 1050 и 1060 гг. половцы завоевали причерноморские степи. Половецкое поле (Дешт-е-Кипчак персидских авторов) охватило почти все Северное Причерноморье. Остатки печенегов и огузов (торков) сохранялись в междуречье Серета и Ингула [12, с. 257 (рис. 81)]. Отныне Русь столкнулась с новым серьёзным противником.

Во второй половине XI в. половцы совершали частные нападения на Русь и участвовали в междоусобицах древнерусских князей. Все это приводило к значительным людским потерям и опустошению русских земель. Окончание междоусобиц на Руси в начале XII в. позволило русским князьям перейти к активной наступательной политике против Половецкого поля. Этой теме в Атласе истории Древней

Руси посвящены две карты: «Борьба Руси с половцами в 1101–1111 гг.» и «Борьба Руси с половцами, торками и печенегами в 1113–1121 гг.».

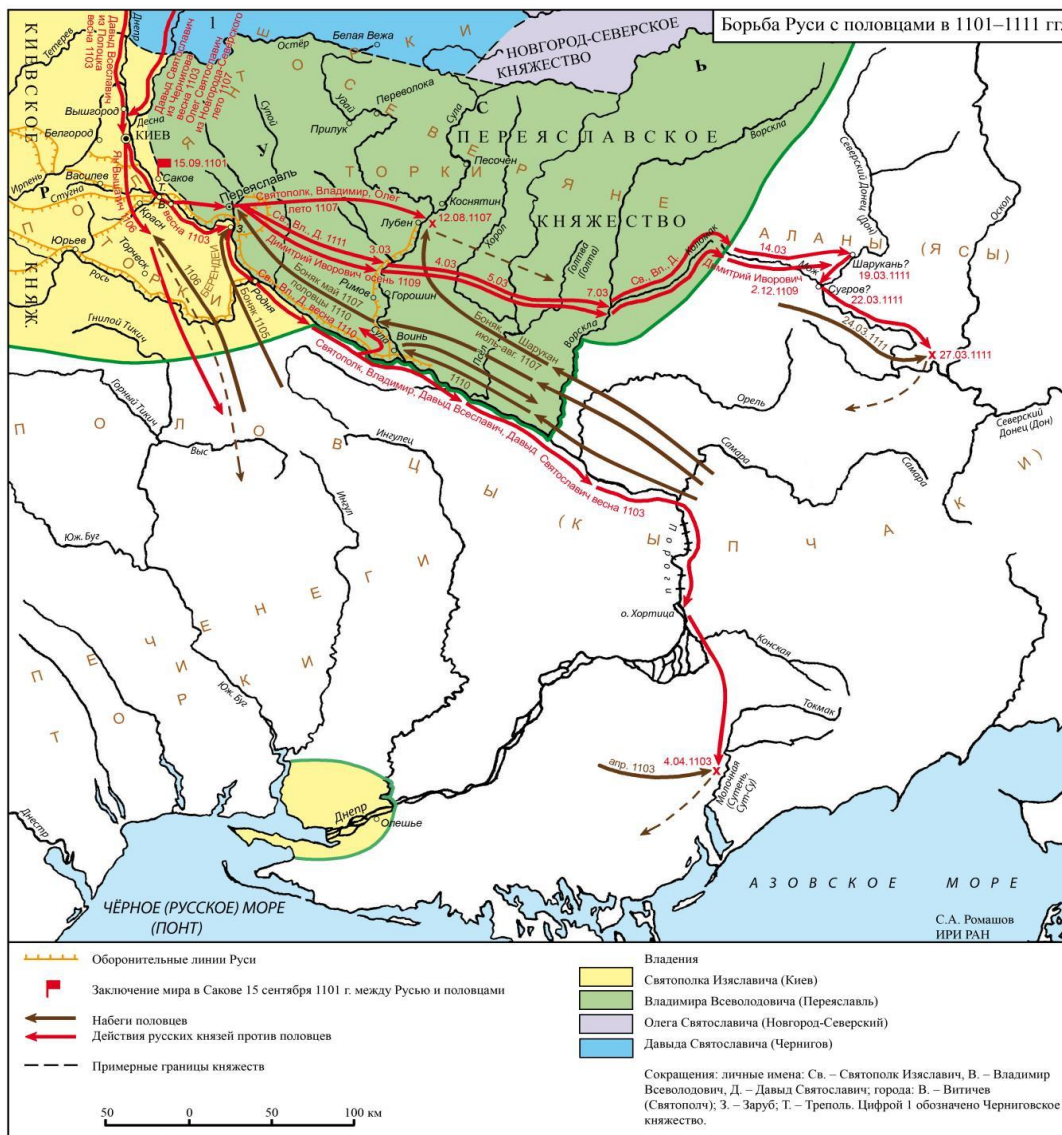

Рисунок 1 – Карта «Борьба Руси с половцами в 1101-1111 гг.»¹. Размеры 17 x 19 см. Масштаб 1 : 4 000 000.

В конце лета 1101 г. великий князь киевский Святополк Изяславич, переяславский князь Владимир Всеволодович (Мономах) и Да-

¹ На карте «Борьба Руси с половцами в 1101-1111 гг.» показаны: граница Руси; примерные границы княжеств; оборонительные линии Руси против кочевников; заключение мира в Сакове 15 сентября 1101 г. между Русью и половцами; набеги и действия половцев в 1103–1111 гг.; действия русских князей против половцев: походы в Степь; владения древнерусских князей: Святополка Изяславича (Киев), Владимира Всеволодовича (Переяславль), Давыда Святославича (Чернигов), Олега Святославича (Новгород-Северский).

выд, Олег и Ярослав Святославичи (князья черниговский, новгород-северский и муромский) собрали значительные силы против половцев на реке Золотче напротив Киева. Опасаясь поражения, половцы прислали послов в Киев, и в результате переговоров 15 сентября 1101 г. в Сакове между половцами и Русью был заключён мир [6, стлб. 275].

Тем не менее, отношения половцев с Русью не носили мирного характера, и весной 1103 г. около Долобского озера близ Киева состоялся совет Святополка и Владимира, на котором был решён новый поход против половцев. В нём приняли участие также Давыд Святославич Черниговский, Давыд Всеславич Полоцкий и другие князья. Это был первый поход русских князей вглубь Половецкой земли (поход был подробно разобран К. В. Кудряшовым [2, с. 91–94]. Русское войско в конном порядке и в ладьях двинулось по Днепру, прошло днепровские пороги и остановилось на острове Хортица. Затем войско выступило в степь и через 4 дня достигло реки Сутень (Сут-Су, ныне Молочная), впадающей в лиман Азовского моря. Туда же подошли половцы. 4 апреля 1103 г. на Молочной произошло сражение. Передовой отряд половцев Алтунопы был разбит русским авангардом, сам Алтунопа был убит. После этого русское войско атаковало основные половецкие силы. В этом сражении половцы были разбиты, понеся тяжёлые потери. «Дни 4 априля мѣс(я)ца велико сп(а)с(ение) Б(ог)ъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику», – писал летописец [6, стлб. 279]. Пало 20 половецких ханов, была захвачена богатая добыча.

Но, несмотря на понесённое поражение, половецкий хан Боняк (Маниак, по византийским источникам [13, S. 181]) уже зимой 1105–1106 гг. совершил набег на Заруб на правом берегу Днепра, разгромив торков и берендеев (тюркские племена, поселённые в Поросье вместе с торками в конце XI в. [6, стлб. 266; 8, 1933 с. 11]), а в 1106 г. половцы разорили местность между Росью и Стугной. Против них из Киева был послан Ян Вышатич, отогнавший противника в степь [7, стлб. 257].

В мае 1107 г. половецкий хан Боняк совершил набег на окрестности Переяславля, а в июле – августе 1107 г. ханы Боняк и Шарукан вторглись на Русь на левобережье Днепра и дошли до Лубна на Суле. Против них выступили Святополк, Владимир, Олег Святославич, Мстислав, Вячеслав и Ярополк Владимировичи и, перейдя Сулу, 12 августа нанесли половцам новое жестокое поражение. 12 января 1108 г. с половцами был заключён мир [6, стлб. 281–283; 7, стлб. 258–259].

Однако отношения с половцами оставались враждебными, и в конце осени 1109 г. переяславский воевода Димитрий Иворович дви-

нулся в половецкую степь. «М(ѣ)с(я)ца декабря въ 2 д(ѣ)нь Дмитръ Иворовичъ взя вежи Половецкые у Дона, а 1000 вѣжь взя послани Володимеромъ княземъ» [7, стлб. 260]. Вежи – половецкие шатры. Доном русские летописи именовали реку Северский Донец [1, с. 149, 302–303 (прим. 269)].

Весной 1110 г. Святополк, Владимир и Давыд выступили против половцев, но, дойдя до Воиня в устье Сулы, вернулись назад. В том же году половцы вновь вторглись на Русь и дошли до Воиня, второй их набег был направлен в окрестности Переяславля и сопровождался взятием многих сёл [7, стлб. 260].

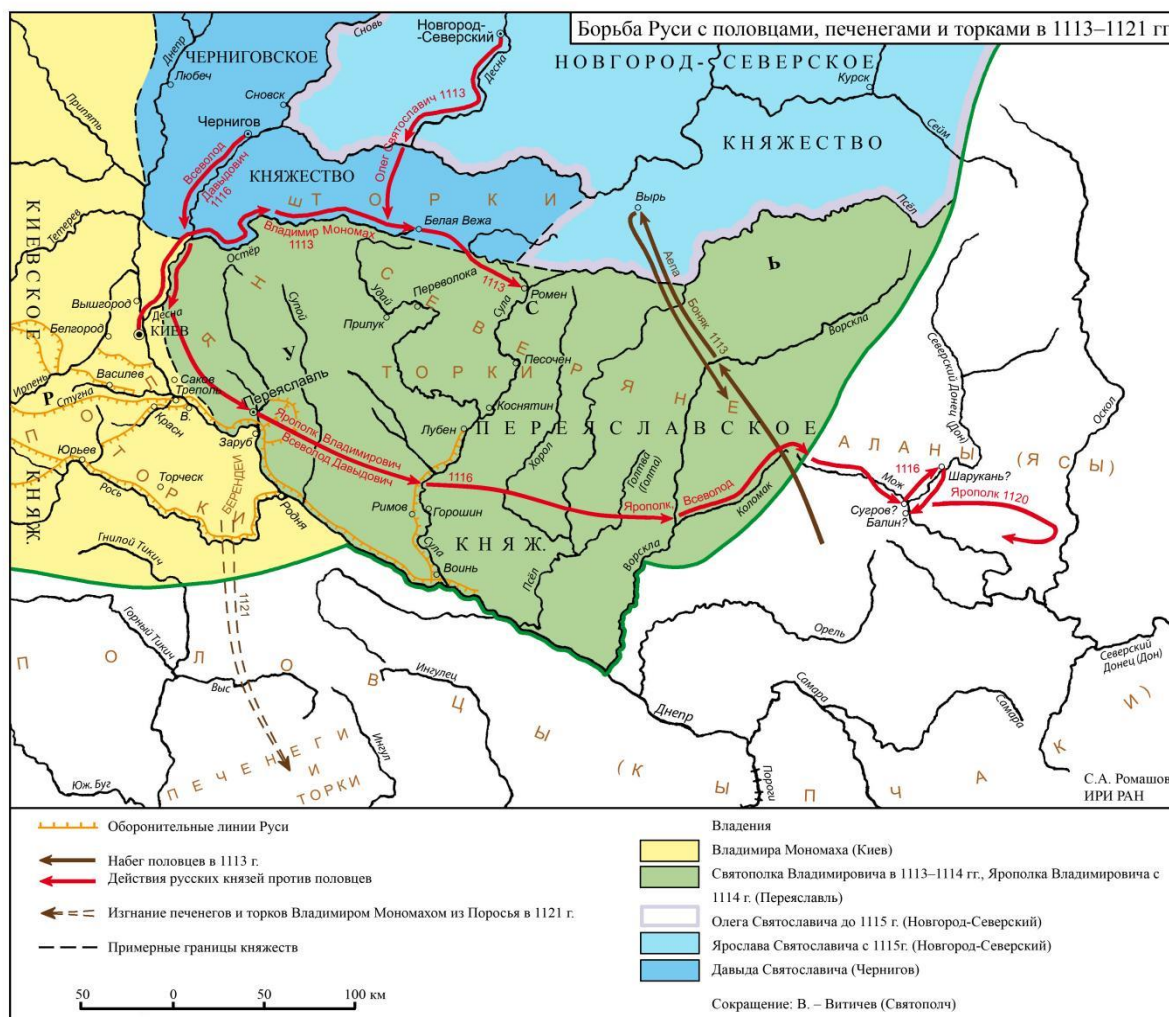

Рисунок 2 – Карта «Борьба Руси с половцами, торками и печенегами в 1113–1121 гг.»¹. Размеры 17 x 15 см. Масштаб 1 : 4 000 000.

¹ На карте «Борьба Руси с половцами, торками и печенегами в 1113–1121 гг.» показаны: граница Руси; примерные границы княжеств; оборонительные линии Руси против кочевников; набег половцев в 1113 г.; действия русских князей против половцев в 1113–1120 гг.; изгнание печенегов и торков Владимиром Мономахом из Поросья в 1121 г.; владения русских князей: Владимира Мономаха (Киев), Святополка Владимировича в 1113–1114 гг. (Переяславль), Ярополка Владимировича с 1114 г. (Переяс-

В феврале 1111 г. около Долобского озера близ Киева состоялась встреча Святополка Изяславича с Владимиром Всеволодовичем (Мономахом), на которой было решено предпринять общий поход против половцев. К походу присоединился Давыд Святославич Черниговский. Поход начался 26 февраля (этот поход также подробно проанализирован К. В. Кудряшовым [2, с. 112–122]). Перейдя Сулу (3 марта), Хорол (4 марта), Псёл (5 марта), Голтву и Ворсклу (7 марта), 14 марта русские дружины подошли к Дону (Северскому Донцу) [7, стлб. 265–266]. В верховьях Северского Донца располагались половецкие города Шарукань и Сугров. К. В. Кудряшов локализовал эти города ниже Изюма на городищах сел Сидоровского и Богородичного [2, с. 119–120]. Это мнение, ссылаясь на результаты археологических разведок, опровергла С. А. Плетнева [4, с. 270]. Исследовательница локализовала Шарукань на месте современного Чугуева, а Сугров – на месте Змиева [4, с. 270–271, 5, с. 61–62]. Тем не менее этот не является решённым окончательно и локализация городов до сих пор спорная. Поэтому на предлагаемой карте города Сугров и Шарукань показаны предположительно в соответствии с локализацией С. А. Плетневой.

Эти города находились в землях подвластных половцам алан (ясов). Аланское население в Верхнем Подонье появилось ещё в хазарское время в начале VIII в., когда часть алан была вынуждена переселиться в этот район из своих мест проживания на Северном Кавказе, спасаясь от военных действий во время второй арабо-хазарской войны [11, с. 147–149].

Шарукань сдался русским князьям 19 марта, а затем 22 марта они взяли Сугров. После этого русское войско двинулось вниз по течению Северского Донца. 24 марта против русских выступили половцы. 27 марта на реке Сальнице (находилась в районе совр. Изюма) состоялось решающее сражение, в котором половецкие ханы потерпели сокрушительное поражение [7, стлб. 267–268]. «И взяша полона много, и скоты и кони и овць и колодниковъ много изоимаша рукама» [Там же, стлб. 267].

В результате этого поражения вплоть до смерти великого князя Святополка Изяславича в 1113 г. половцы не выступали против Руси.

Несмотря на поражения, понесённые половцами в начале XII в., половецкие ханы Аепа и Боняк, воспользовавшись смертью Святополка Изяславича, в 1113 г. вновь вторглись в русские земли и попы-

лавль), Олега Святославича до 1115 г. (Новгород-Северский), Ярослава Святославича с 1115 г. (Новгород-Северский), Давыда Святославича (Чернигов).

тались захватить город Вырь в Новгород-Северском княжестве. Против них выступили великий князь киевский Владимир Мономах и Олег Святославич. Объединённое войско дошло до Ромна на Суле. Однако, узнав о приближении русских дружин, половцы, избегая сражения, отступили [7, с. 276].

В 1116 г. Ярополк Владимирович из Переяславля и Всеволод, сын Давыда Святославича Черниговского, двинулись в новый поход против половцев. Маршрут похода повторял путь 1111 г. «И ту взя полонь многъ и 3 городы взяша Половечскыѣ: Галинь, Чешюевъ, и Сугровъ и приведе с собою Ясы» [6, стлб. 291]. Ипатьевская летопись даёт вариант: Сугров, Шарукань, Балин [7, стлб. 284]. Итак, Ярополк и Всеволод снова взяли города Сугров и Шарукань, а, кроме того, также Балин на Северском Донце. По мнению С. А. Плетневой, Балин, скорее всего, находился у села Гайдары южнее Змиева [4, с. 271; 5, с. 62]. Мнение это, опять же предположительное, поэтому на карте Балин показан приблизительно. Что касается Чешуева, то его локализовать, даже примерно, исследователям не удаётся.

В результате понесённых поражений сын Шарукана хан Отрок (Атрак) откочевал с частью половцев на Кавказ, где с 1118 г. они перешли на службу к грузинскому царю Давиду IV Строителю [3, с. 221-222; 5, стр. 96].

В 1116 г. после похода русских князей в степи обострились отношения между кочевниками. «В се же лѣто бишася с Половци и с Торкы и с Печенѣгы оу Дона и сѣкошася два дн(и) и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру», – сообщает летопись [7, стлб. 284]. Это значит, что половцы нанесли поражение остаткам огузов и печенегов на Дону, после чего те бежали на Русь на службу к Владимиру Мономаху, пополнив, таким образом, число тюркских поселенцев в Южной Руси.

Но, несмотря на достигнутые русскими князьями успехи, под напором половцев в 1117 г. была оставлена Белая Вежа на Нижнем Дону: въ томъ же лѣтѣ придоша Бѣловѣжци в Русь [7, стлб. 285]. Бывший хазарский Саркел, присоединенный к Руси ещё Святославом в 965 г., был захвачен половцами.

В 1120 г. Ярополк Владимирович предпринял новый поход против половцев за Дон (Северский Донец). Однако, не встретив противника в оставленных половцами степях, вернулся на Русь [6, стлб. 292].

К 1121 г. обострились отношения Руси с торками и берендеями, жившими в Поросье, результатом чего явилось изгнание их в степь Владимиром Мономахом: «Прогна Володимеръ Беренъдичи из Руси а

Торци и Печенѣзи сами бѣжаша» [7, стлб. 286].

В результате понесённых от русских дружин поражений половецкие ханы были вынуждены на долгое время отказаться от опустошительных набегов на древнерусские земли.

Библиографический список

1. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2-е. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885. С. 149, 302–303.
2. Кудряшов В. К. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М.: ОГИЗ, ГЕОГРАФИЗ, 1948. С. 91–95, 112–122.
3. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 218–222.
4. Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 265–274.
5. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. С. 44–66, 95–96.
6. Полное собрание русских летописей. Изд. 4-е. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1997. Стлб. 162–292.
7. Полное собрание русских летописей. Изд. 5-е. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1998. Стлб. 257–286.
8. Расовский Д. А. Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. Т. VI. Praha: Institut Kondakov, 1933. С. 11–13.
9. Расовский Д. А. Половцы. II. Расселение половцев // *Seminarium Kondakovianum*. Т. VIII. Praha: Institut Kondakov, 1936. С. 177–182.
10. Расовский Д. А. Половцы. IV. Военная история половцев // *Seminarium Kondakovianum*. Т. XI. Praha: Institut Kondakov, 1940. С. 102–112.
11. Ромашов С. А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V.12 (2002–2003). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. С. 147–149.
12. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья. М.: Наука, 1982. С. 214, 221, 257.
13. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. 3. Aufl. Leiden: E. J. Brill, 1983. S. 181.

**СВОДКИ И ОБЗОРЫ ОГПУ ПО СЕВЕРНОМУ КАВКАЗУ
1922–1929 ГГ. КАК БОЛЬШИЕ МАССИВЫ
НЕСТРУКТУРИРОВАННЫХ ДАННЫХ: ОПЫТ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА¹**

**OGPU SUMMARIES AND REVIEWS OF THE NORTH
CAUCASUS 1922-1929 AS LARGE ARRAYS OF UNSTRUCTURED
DATA: THE EXPERIENCE OF TEXT MINING**

А.Ю. Рожков, Т.А. Рунаев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.Yu. Rozhkov, T.A. Runaev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье авторы показывают возможности применения интеллектуального анализа текста с помощью языка программирования R для исследования сводок и обзоров ОГПУ по Северному Кавказу. На основе обработанных материалов раскрываются векторы трансформации регионального «чекистского» дискурса.

Abstract. In the article, authors show the possibilities of using text mining using the R programming language to study reports and reviews of the OGPU on the North Caucasus. Based on the processed materials, the vectors of transformation of the regional «Chekist» discourse are revealed.

Ключевые слова: 1920-е, СССР, программа RStudio, латентное размещение Дирихле, латентно-семантический анализ, анализ настроений

Key words: 1920s, USSR, RStudio program, latent Dirichlet allocation, latent semantic analysis, sentiment analysis

Материалы сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ все активнее используются исследователями в качестве массового источника для изучения различных процессов в раннем СССР, в том числе и на Северном Кавказе [1; 2; 5–9 и др.]. Наиболее информативным из доступных источников является многотомный сборник документов «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.)» [13–15]. Он дает возможность в помесечной динамике на протяжении 13 лет проследить информацию о положении в СССР, представленную руководством ГПУ–ОГПУ высшим органам власти. Значение сборника подробно описано В.К. Виноградовым, Л.П. Колодниковой, В.В. Кондрашиным и др. [2; 5–6]. Однако потенциал этого уникально-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21–09–43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

го издания используется не в полной мере. В основном разрозненные цитаты из сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ задействуются исследователями как фактографический материал по частным темам, что затрудняет понимание основных тенденций как в социально-исторической динамике советского общества, так и в информационном потоке с Лубянки. Практически нет работ, не считая нашего исследования [10], в которых тексты этих информационных документов подвергались бы качественному анализу с привлечением компьютерных программ. Задача настоящей статьи – описать результаты проведенного интеллектуального анализа текстов обзоров спецслужб с помощью компьютерной программы RStudio.

Исходя из поставленной задачи, нас интересовали только полные, без купюр, тексты обзоров ОГПУ как цельный массив данных. Для проведения качественного анализа мы произвели выборку по одному из крупных регионов страны (Юго-Восточный, позднее Северо-Кавказский край) за период 1922–1929 гг. Нижняя граница обусловлена начальной датой документов, размещенных в сборнике. Это был год трансформации ВЧК в ГПУ, период налаживания стройной системы информирования чекистами высшего руководства страны; завершился этот год образованием СССР. Верхняя граница означает начало «великого перелома», а также коренных перемен в системе информирования ОГПУ. С 1930 г. уже не составлялись ежемесячные обзоры, Лубянка перешла на систему многочисленных оперативных документов (спецсводок Секретно-оперативного управления ОГПУ, докладов и сообщений полпредов, докладных записок и справок информационного отдела (ИНФО) ОГПУ и т.д.). При этом наметился явный уход от детализации и от географического принципа построения сводок [2, с. 73].

Концептуально мы рассматриваем весь корпус текстов информационных сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ, подвергнутый анализу, как «чекистский» дискурс, дискурс «института власти» [16, с. 49]. Нам близка концепция М. Пешё о том, что дискурсивный процесс является частью идеологических классовых отношений, а смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе [12, с. 7–8]. В этой связи полагаем, что условным субъектом производства и трансляции «чекистского» дискурса выступали не конкретные люди (информаторы, редакторы и руководители ИНФО), а некая внесубъектная «матрица смыслов», «идеологическая формация» (по Пешё), которая автоматически управляет дискурсом субъекта и определяет способы производства дискурса. В изучаемый период эту «идеологи-

ческую формацию» олицетворяли вполне реальные институции в виде ГПУ–ОГПУ и партийно-государственного аппарата, которые определяли, что можно говорить, а что нельзя [4, с. 10].

В качестве методологической рамки выбран дискурсо-исторический подход (*Discourse-Historical Approach* – ДНА), основанный на принципе историчной контекстуализации дискурса. Здесь при интерпретации дискурса учитываются социальные, культурные, экономические, политические процессы исторических периодов, которые отражаются в дискурсах, зафиксированных в исторических текстах [21, р. 61–62]. Помимо исторического контекста важной переменной для ДНА является время, в котором тексты одного дискурса (или сами дискурсы) темпорально связаны друг с другом через темы, акторов, отсылки к одинаковым событиям, перенос системы аргументации [23, р. 279].

В связи с большим объемом данных нами был выбран интеллектуальный анализ текста (*text mining*), нацеленный на извлечение скрытой информации из массива текстов [17, р. 3]. Одним из инструментов проведения такого анализа выступает компьютерная программа RStudio, являющаяся консолью языка программирования R, уже использованного в отечественной историографии [11].

Поскольку структура информационных материалов в сборнике «Совершенно секретно...» неоднородна (в 1922 г. обзоры чередуются с госинфсводками, в 1923 г. – со спецполитсводками, в 1927 г. – с информсводками), нам пришлось для машинной обработки все сводки за каждый месяц объединять в один блок, чтобы он по объему был соразмерен с текстами обзоров. Далее были пройдены все этапы предварительной подготовки: токенизация, удаление стоп-слов, стемминг. В итоге была определена выборочная совокупность лексем, необходимая для проведения анализа ($n = 32115$ слов).

Затем был применен латентно-семантический анализ (LSA), который позволяет увидеть повторное выражение мыслей в разных текстах, определив в них совместное появление слов через значение косинусного сходства [22, р. 71, 76]. Установлено, что тексты ОГПУ по Северному Кавказу разных лет имеют практически идентичный словарный состав. Иными словами, с 1922 по 1929 г. ГПУ–ОГПУ обладало сложившимся терминологическим аппаратом, используемым в сводках и обзорах. Основой устоявшегося чекистского понятийного аппарата в обозначенный период являлись такие слова, как «кулак» (частота упоминаний = 866), «власть» (786), «хлеб» (721), «советский» (702), «собрание» (700), «рабочие» (662), «крестьяне» (650),

«агитация» (574), «антисоветский» (552), «зажиточный» (551), «сельсовет» (504), «беднота» (501), «выступление» (412), «кулачество» (398), «средняк» (395), «налог» (377), «банда» (347) и т.д. Однако, несмотря на поддержание общего курса применения терминов, с 1928 г. наблюдается дрейф словарного состава текстов ОГПУ. Именно после 1928 г. сводки и обзоры ОГПУ становятся менее похожими по словарному составу с аналогичными текстами предыдущих лет, но в то же время сохраняется их сходство с текстами 1929 г.

В условиях радикальных социальных изменений одной из стратегий дискурса является смягчение или усиление его содержания [20, р. 52]. В машинном анализе текстов вектор дискурсивной стратегии позволяет определить анализ тональности текста, основывающийся на полярности, в границах которой слова имеют отрицательную или положительную направленность настроений от -5 до 5 [3, с. 221–222; 22, р. 13]. Проведенный анализ тональности показал, что текстам ГПУ–ОГПУ 1922–1929 гг. присуще использование отрицательных терминов. Благодаря сравнению средних значений тональностей документов ГПУ–ОГПУ видна динамика отражаемых в текстах настроений с учетом положительных слов: -0.815 в 1922 г., -1.708 в 1923 г., -1.944 в 1924 г., -0.730 в 1925 г., -1.205 в 1926 г., -1.529 в 1927 г., -1.347 в 1928 г., -1.167 в 1929 г. Средние значения подчеркивают, что в обозначенный временной промежуток «чекистский» дискурс испытал две волны изменений тональности: 1922–1925 гг. и 1926–1929 гг. При этом настроения в текстах второй группы немного нивелируются: в отличие от более ранних сводок и обзоров, их тональность не колеблется из года в год, а эмотивный набор терминов становится устойчивым.

Даже за один месяц сводки и обзоры ОГПУ наполнены массой сведений, которые относятся к различным темам. В машинном анализе текстов для определения тем дискурса распространен метод латентного размещения Дирихле (LDA), который помогает выявить скрытые темы, присутствующие во всех документах массива. На выходе LDA предлагает перечень тем с присущими им терминами, а также доли тем в каждом отдельном документе [19, р. 155]. После определения скрытых тем осуществляется их аннотирование, позволяющее обобщить корпус текстов и извлечь контекст, в котором существовали документы [18, р. 124].

Всего алгоритмом LDA нами было выявлено 20 тем, преобладавших в сводках и обзорах ОГПУ по Северному Кавказу. Их распределение во времени позволяет сделать несколько выводов по структу-

ре «чекистского» дискурса. Во-первых, с годами заметно расширение тематического поля дискурса: к концу исследуемого периода темы, представленные в документах, становятся разнообразнее. Во-вторых, тематически наиболее связанными являются тексты 1928–1929 гг. В-третьих, имеются интертекстуальные темы, которые объединяют документы ОГПУ во времени и выступают основой «чекистского» дискурса. Среди таковых магистральных тем выделяются пять: «местная власть», «бандитизм», «социальная напряженность», «налогообложение» и «национальные движения». Рамки статьи позволяют представить лишь краткое описание этих тем, которые подробно изложены в работе [10].

Тема «Местная власть» по среднему значению составляет 15% объема текста ежемесячно. Эта тема больше всего интересовала ОГПУ в марте 1923 г., в ноябре 1925 г., в январе 1926 г., в январе-феврале 1927 г. и в октябре 1929 г. Результат LDA показывает, что данная тема генерируется из таких терминов, как «население», «рабочий», «недовольство», «местный», «власть», «работа», «член», «группа», «группировка», «сельсовет», «председатель», «перевыборы», «зажиточный», «ВКП». Кроме того, данная тема имеет ассоциации (степень корреляции $r \geq 0.9$), к которым относятся слова «казацкий», «незаможник», «бандит», «избиратель», «комячейка», «политработа», «кулак», «середняк», «кандидатура», «избирсобрание», «недоверие», «наступление», «эсеровский». По основным терминам и ассоциациям виден главный лейтмотив темы: в составе сельсоветов присутствуют группировки кандидатов из антисоветских элементов (кулаков, середняков, бандитов, эсеров), что создает неустойчивость работы органов власти. Поэтому в течение всего рассматриваемого периода ГПУ–ОГПУ на Северном Кавказе особо интересовали перевыборы в местные органы с последующим распределением власти между социально-политическими силами в регионе: «В стц. Поповической на перевыборах образовавшаяся антисоветская группировка – бывший врангелевец, бывший белый бандит, бывший белый офицер, рай-статистик и ветфельдшер – агитировали за выбор «наших» казаков-хлеборобов, а не коммунистов» (апрель 1925) [14, с. 265].

Тема «Бандитизм» в среднем составляет 18% объема текста каждого месяца, в котором она фигурирует. Сильнее всего эта тема интересовала ОГПУ в декабре 1922 г. и в декабре 1925 г. Ее основу составляют такие термины, как «агитация», «антисоветский», «банда», «бандит», «выступление», «восстание», «затруднение», «кулацкий», «хлебозаготовка». К ассоциациям темы относятся: «угрозыск»,

«демонстрации», «выступление», «вредитель», «воровской», «дебош», «уголовщина», «разоружение», «религиозный», «борьба», «безработный», «амнистия», «казак». Видно, что под понятие бандита попадали различные группы населения (казаки, кулаки, религиозные деятели, партизаны, безработные и т. д.), которые выступали против советской власти: «Национально-бытовой бандитизм в ряде районов продолжает сохранять устойчивость. В Кабардино-Балкарской, Адыгейско-Черкесской, Осетинской и Ингушской областях общая численность банд поднялась с ноября по декабрь с 34-х человек до 41 человека» (декабрь 1925) [14, с. 723].

Тема «Социальная напряженность» в среднем составляет 17% от содержания ежемесячных документов. Наибольший интерес социальная напряженность представляла в октябре 1924 г., в мае 1925 г., в мае 1926 г., в июне 1929 г. Тема формируется на следующих терминах: «русский», «деревня», «казак», «иностранец», «землеустройство», «земля», «село», «сельсовет», «толпа», «хозяйство», «убийство». Среди ассоциаций присутствуют: «почва», «конфликт», «дагестанцы», «безработица», «конокрадство», «расслоение», «спор». Тем самым основной лейтмотив темы – конфликты между казаками, иностранцами и горским населением Северного Кавказа, возникавшие на почве распределения земельных участков: «В стц. Балаковской на собрании по вопросу о землеустройстве один из казаков заявил: “Мы, казаки, ждали Врангеля и ждем, и Врангель все-таки придет, а тогда мы вас всех, иностранцев, перевешаем, и земли вам все-таки не будет”» (июнь 1925) [14, с. 402].

Тема «Налогообложение» в среднем ежемесячно занимает 15% объема обзоров. Больше всего интерес ОГПУ был прикован к ней с сентября по ноябрь 1927 г. Тема генерируется из ряда терминов: «зажиточный», «Кавказ», «кампания», «налог», «новый», «обложение», «сельсовет», «хозяйство». К ассоциациям темы относятся: «досрочно», «заработки», «закон». Тем самым нежелание зажиточного крестьянства (кулачества) на Северном Кавказе уплачивать сельхозналог – основной лейтмотив темы: «20 октября в Каменно-Бродском районе со стороны кулаков и зажиточных усилились за последнее время тенденции к посылке ходяков в центр с ходатайствами о снижении сельхозналога и жалобами на местную власть, всячески оттягивая сдачу налога» (октябрь 1928) [15, с. 547].

Тема «Национальные движения» (нередко проявляющаяся в виде сообщений о конфликтах на межнациональной почве), когда она встречается в ежемесячных обзорах, в среднем занимает 18% объема.

Тема наиболее выражена в мае 1924 г. и в мае 1926 г. Примечательно, что к концу 1920-х гг. вопрос о национальных движениях на Северном Кавказе в текстах ОГПУ постепенно теряет свою актуальность. Данная тема состоит из совокупности терминов, среди которых – «политический», «слух», «чечен», «черкесский», «русский», «земельный», «вопрос». Ассоциациями темы являются: «турецкий», «антагонизм», «арест», «брожения», «возмущение», «контрреволюция», «монархист», «политсекты», «террор». Таким образом, ключевым лейтмотивом темы является возникновение на Северном Кавказе очагов национально-освободительных (повстанческих) сил, направленных против советской власти: «В Чечне состоялся созванный турецким инструктором тайный съезд мулл, шейхов и влиятельных лиц по вопросу создания национального собрания» (июнь 1923) [13, с. 904].

В результате проведенного интеллектуального анализа текстов ГПУ–ОГПУ установлено, что сводки и обзоры разных лет имели похожий терминологический, эмотивный и тематический состав. Несмотря на внутреннее единство информационных документов ОГПУ по Северному Кавказу, начиная с 1925 г. в них выявлено ежегодное расширение тематического поля. Эмоциональное нагнетание и усложнение «чекистского» дискурса настолько усилились к концу 1920-х, что терминологический состав документов 1928–1929 гг. стал значительно отличаться от состава текстов предыдущих лет. Это указывает на трансформацию регионального «чекистского» дискурса, который транслировался высшему руководству страны. Примененный подход позволяет минимизировать субъективность оценок и выводов исследователя информационных документов спецслужб.

Библиографический список

1. Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125.
2. Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001. Т. 1. С. 31–73.
3. Игнатов Г., Михальча Р. Текст майнинг. Интеллектуальный анализ текста: дизайн исследований, сбор данных и методы анализа. Харьков: Гуманитарный Центр, 2021. 344 с.
4. Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект//Научные ведомости. 2008. №15. С. 5-12.
5. Колодникова Л.П. Проблемы истории советского общества 20-х годов

XX столетия по рассекреченным документам архивов «Лубянки» // Труды Института российской истории. Вып. 9 / отв. ред. А.Н. Сахаров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М.; Тула: Гриф и К, 2010. С. 225–238.

6. Кондрашин В.В. Лубянка – Сталину о положении в сельском хозяйстве СССР в 1932–1934 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 1. С. 58–69.

7. Наухацкий В.В. О роли органов ОГПУ–НКВД в становлении колхозной системы // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. №1. С. 115–118.

8. Рожков А.Ю. Первая смерть вождя: Болезнь и кончина В.И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI (Москва). 1995. № 5–6. С. 130–157.

9. Рожков А.Ю. Информационные документы ОГПУ о социальном самочувствии и политической активности молодежи в северокавказской деревне (1924–1929 гг.) // Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – первые десятилетия XXI вв.): сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов: ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, ООО «ЦеСАин», 2022. С. 148–156.

10. Рожков А.Ю., Рунаев Т.А. Информационные документы ГПУ–ОГПУ 1920-х годов: опыт интеллектуального анализа текстов (на материалах Северного Кавказа) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 278–296.

11. Рыбаков Р.В. Использование приложения R в исторических исследованиях на примере анализа писем молодежи 1920-х гг. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. №3. С. 16–22.

12. Скворцова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии. 2007. № 7. С. 5–34.

13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001. Т. 1. 1103 с.

14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИЦ ИРИ РАН, 2002. Т. 3. 967 с.

15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИЦ ИРИ РАН, 2002. Т. 6. 795 с.

16. Согомоян В. Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. №1. С.34-51.

17. Jo T. Text Mining. Concepts, Implementation, and Big Data Challenge. Cham: Springer, 2019. 386 p.

18. Kumar A., Paul A. Mastering Text Mining with R. Birmingham: Packt Publishing Ltd, 2016. 237 p.

19. Kwartler T. Text Mining in Practice with R. Hoboken: John Wiley & Sons, 2017. 307 p.

20. Reisigl M. Discourse-Historical Approach // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. L.; N. Y.: Routledge, 2018. P. 44-59.

21. Richardson J. British Fascism. A Discourse-Historical Analysis. Stuttgart: ibidem Press, 2017. 307 p.

22. Wild F. Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA. Berlin: Springer, 2016. 275 p.

РАЗДЕЛ VI. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
И СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ О РОЛИ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В УКРЕПЛЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО НАРОДА
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

STATE CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION:
ON THE ISSUE OF THE ROLE OF INTANGIBLE CULTURAL
HERITAGE IN STRENGTHENING THE SECURITY AND
SOVEREIGNTY OF THE MULTINATIONAL RUSSIAN PEOPLE
IN THE EMERGING MULTIPOLAR WORLD

Л.А. Карпетян

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

L.A. Karapetyan

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

Аннотация. В условиях обострения противоречий между западноевропейской и российской цивилизациями, формирования многополярного мира духовное единство общества становится основным фактором сохранения национально-культурной идентичности, безопасности и суверенитета российского полинационального и многоконфессионального государства-цивилизации. Поэтому сохранение и популяризация духовных ценностей является неотъемлемой частью государственной культурной политики.

Abstract. In the context of aggravation of contradictions between Western European and Russian civilizations, the formation of a multipolar world, the spiritual unity of society becomes the main factor in preserving the national-cultural identity, security and sovereignty of the Russian multinational and multi-religious state-civilization. Therefore, the preservation and popularization of spiritual values is an integral part of the state cultural policy.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, национально-культурная идентичность, безопасность, суверенитет, цивилизация, культурная политика

Key words: traditional spiritual and moral values, national and cultural identity, security, sovereignty, civilization, cultural policy

На обсуждение конференции выносятся проблема о значении

нематериального культурного наследия для российской цивилизации.

Во-первых, следует задуматься, прежде всего, о сущности культурного наследия, позитивном или негативном его значении для личности и государственно-организованного общества. И в данном контексте определиться, что понимать под прогрессом. Если иметь в виду, например, только успехи в экономике и технологиях, то для многих обществ он налицо. Однако реальность показывает, что в целом это не гарантирует автоматически духовно-нравственного совершенствования человека, общества и должностных лиц государственной власти. То есть, прямой корреляции нет. Более того, современность свидетельствует о противоположном. Об этом не раз говорилось руководством России, в первую очередь применительно к западной цивилизации, и об угрозах распространения деструктивной идеологии, антиценностей в нашей стране, негативно влияющих на мораль, прежде всего молодого поколения. В Российской Федерации выход из ситуации видится в опоре на традиционные духовно-нравственные ценности, являющиеся базой для воспитания будущего страны – детей и молодежи. Вне этих ценностей невозможно формирование всесторонне развитой личности, что важно для позитивной эволюции общества и развитого суверенного государства. В этом отношении в нашей стране приняты ряд нормативно-правовых актов и других официальных документов.

Во-вторых, отмечу, что деление культурного наследия на материальное и нематериальное является во многом условным, поскольку в материальном в той или иной форме выражается мировоззрение человека, с помощью специфического языка раскрывается мироощущение эпохи. То есть, между ними имеется неразрывная связь, они взаимообусловлены и отражают все стороны жизни общества. С другой стороны, их разграничение позволяет определить место традиционных духовно-нравственных ценностей, в первую очередь в поведенческой культуре человека. Именно она формирует соответствующий общественный порядок, определяемых духовным состоянием людей.

В историографии вопроса уже отмечались некоторые значения нематериального культурного наследия. В частности назывались следующие: «1. Духовно-нравственные ценности формировались столетиями. Из важных качеств традиции назовем характеристики культурной непрерывности и преемственности, позволяющие осуществлять функцию сохранения многовекового опыта народов нашей страны и быть фактором стабильности в обществе и неотъемлемым усло-

вием его развития. 2. Поэтому его сохранение, изучение и популяризация является необходимой и значимой для развития *государственно-организованного общества*. 3. В условиях противостояния и конфликта цивилизаций традиция, формируя самобытность, становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность, защищает от негативного влияния чуждых ценностей» [9, с. 47]. На мой взгляд, к ним следует добавить, что оно способствует консолидации государства и общества, необходимой для укрепления национальной безопасности и суверенитета в условиях конфликтогенности мира. Однако наряду с этим, следует задаться вопросами. Все ли традиционные ценности присущи только российской цивилизации? Как соотносятся традиционные ценности с современными? Какова их мировоззренческо-ценностная основа? Так, в досоветской истории России мировоззренческой основой традиционных ценностей была православная христианская религия. По мнению ученых, в частности китайского исследователя Ли Цзоюань, в первую очередь речь идет о «превалировании семьи и семейных ценностей, почитании старших, стремлению доминировать малым и воспитывать своих детей в соотношении с религиозными принципами и постулатами» [8, с. 197]., которые сохранились и по сей день. А с XVIII в. он связывает «формирование учебной, учебно-методической и научной базы духовно-нравственного воспитания, когда появилось много исследовательских трудов – например, П.И. Шувалова, П.А. Румянцева, П.И. Ягужинского, М.В. Ломоносова, Н.И. Фуса и многих других» » [8, с. 198].

В советский период нравственные ценности формировались на основе коммунистической моноидеологии. Её сходство с религиозным мировоззрением досоветской России в том, что обе они исходили из приоритета коллективизма и солидаризма, сущность которых определялась государством как высшей политико-правовой ценностью.

Таким образом, преобладал системоцентристский (религиозный и светский (атеистический) варианты подхода. При господстве православия как государственной идеологии до XVIII в. имело место симфония светской и религиозной власти в управлении обществом, а затем утвердился абсолютизм. В советском государстве ведущей политической силой выступала КПСС.

В постсоветской России, наоборот, интересы отдельного человека стоят на первом месте. Персоноцентристский подход является теоретико-методологической базой Конституции РФ 1993 г. с учетом

дополнений, прежде всего 2020 г. В ней представлены основные принципы государственной культурной политики, в которой вопросы культурного наследия является неотъемлемой её частью (ст. 44) [1]. Положения Конституции конкретизированы в ряде законов и подзаконных актов и других государственных нормативных документах. В них основное внимание уделяется явлениям, угрожающим традиционным нравственным ценностям и определены меры их защиты. Перечень таких ценностей в разной вариации представлен в ряде правовых и иных официальных источников [3,4,5,6,7], формирующие в человеке систему непреходящих понятий. В Указе от 2014 г. она понимается как общенациональная политика, а не как деятельность одного из министерств. В принятых в 2015 и 2016 г. в двух Стратегиях, конкретизирующих положения Указа, в качестве главных задач названы сохранение культурного наследия и его использование в воспитательных и образовательных целях. В первой дана и система ценностей, сложившиеся в процессе культурного развития России [7].

В Стратегии национальной безопасности России (02. 07. 2021 г.) указывается, что внутренне положение в России и вне её таково, что необходимо принятие быстрых и эффективных мер по сохранению традиционных ценностей (п.84). В п. 85 отмечается, что под особой угрозой находятся основные моральные, включая религиозные и культурные нормы, брачно-семейные ценности, насаждается безнравственность и эгоизм, культ насилия, потребления и наслаждения. В документе перечень ценностей дан в п. 91, в который вошли как традиционные, так современные. В частности, из сегодняшних отметим стоящие на первом месте жизнь, достоинство, права и свободы человека, а также гражданственность как фактор сплоченности многонационального и поликонфессионального народа России. Делается вывод о том, что духовная сфера страны имеет продолжительную, многовековую историю и в сегодняшней России традиционные ценности служат базой общественного единства [7]. Конечно, опора на эти ценности будет способствовать формированию личности. И наоборот, реформирование духовной сферы, прежде всего культуры, образования, науки, религии, языка без учета исторического наследия приводит к негативным последствиям. Особенно опасно их проявление в виде ослабления политической стабильности и государственности, росту проявлений терроризма и экстремизма (п.86) [7].

В Стратегии названы и субъекты, формирующие и реализующие деструктивную идеологию. Это: экстремисты и террористы; отдельные СМИ; США и другие недружественные государства; ряд ТНК и

НКО, некоторые организации и лица в России.

Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20 октября 2022 г. акцентирует внимание на нематериальном культурном наследии народов России, понимая под ним совокупность присущих этническим общностям духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение и формирующих у них чувство осознания идентичности (ст.4) [2]. К его объектам (перечень открытый) закон относит: устные творчество и традиции и формы их выражения на различных языках народов России; традиционные исполнительские искусства; обряды, праздники, обычаи и иные формы народной культуры; прикладное искусство (ст.5) [2].

09.11.2022 принят специальный правовой акт по сохранению российских традиционных духовно-нравственных ценностей[6]. В нем помимо перечня ценностей выделены и риски, связанные с распространением деструктивной идеологии (п.17), совпадающие во многом с положениями Стратегии. Негативные, не присущие российской цивилизации нормы приводят к обществу, игнорирующему духовные ценности. Это чревато разрушением исторической памяти; отрицанием российской самобытности, ослаблением общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России, созданием условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов; подрыв доверия к институтам государства [6].

В Указе определены пути и методы защиты вышеуказанных традиционных российских духовно-нравственных ценностей и многонациональной культуры, её наследия, исторической правды с целью преодоления чуждой морали. Особое внимание уделено поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, охране и равноправию всех языков народов страны [6].

Родной язык как неотъемлемый элемент нематериального культурного наследия и межкультурного диалога был и является самым чувствительным вопросом любого социума. Об этом свидетельствуют история и современность. Для многонациональных демократических государств является аксиомой необходимость включения в перечень конституционных прав право пользования родным языком и обеспечения равноправия языков. Без языка невозможен, в сущности, процесс воспитания и образования, через которые передаются нужные ценности и нормы, образцы поведения.

Конечной целью защиты отмеченных ценностей, культуры и исторической памяти является укрепление единства народов Россий-

ской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития.

В контексте представленной профильной нормативно-правовой базой отмечу, что, во-первых, многие из перечисленных ценностей это сфера морального регулирования. Отсюда большое значение имеет воспитание детей и молодежи, как в семье, так и в образовательных учреждениях. Во-вторых, участники научных дискуссий относительно списка традиционных ценностей, обозначенных в правовых актах, правомерно сходятся в том, что многие из них носят универсальный характер. Однако в этой связи приведу интересное мнение А.Б. Рудакова. Он как отличительную особенность русской культуры называет «синтез этического, эстетического и гражданского начал, которая является одновременно и нашей традиционной ценностью. Её необходимо культивировать, в том числе и путем соответствующего государственного заказа» [10]. Далее через призму широкого понимания культуры, касаясь сферы образования и науки, им выделяются и здесь присущие лишь российской цивилизации ценности. Прежде всего, речь идет о синтезе образования и воспитания, интеллектуальных и этических задач. Так, говоря о традиционной для отечественной науки ценности, он выделяет «тесную взаимосвязь интеллектуальных и этических положений. В качестве примера берется российская историческая наука, которая в своих лучших проявлениях, восходящих к Карамзину, Соловьеву, Ключевскому, всегда защищала историческую правду» [10]. А после внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 г. защита исторической правды является и конституционной обязанностью. Для А.Б. Рудакова важным представляется **«соотнести российские традиционные ценности с культурно-исторического опытом российского искусства, российского образования, российской науки.** Это поможет обосновать ценностные стандарты, которые призваны быть современным продолжением того, что воплощали в своем творчестве, в своих научных поисках Пушкин, Достоевский, Ключевский, Ломоносов, Ушинский, Сухомлинский, Макаренко. Научная, творческая, педагогическая деятельность этих выдающихся исторических деятелей представляет собой образец воплощения российских традиционных ценностей в социальной практике»[10].

Исхожу из того, что это вполне посильная задача, преследующая главную цель – укрепление национальной безопасности и суверенитета в создаваемом многополярном мире, где вряд ли будет господство-

вать идиллия. Этому способствуют и такие политико-правовые ценности современного российского государства как: 1) стабильность, базирующаяся на традициях умеренного (здорового) консерватизма; 2) умеренная консервативно-либеральная демократия, интегрирующая общественные и личные интересы; 3) патриотизм (любовь к Родине) как важнейшей ценности, имеющей высший духовный смысл и стремление к добрососедству и взаимовыгодному сотрудничеству, дружбе народов, уважительное отношение к другим культурам.

России известен печальный опыт судьбы идеократичной (православной и коммунистической) государственности, каждая из которых прекратила существование в течение трех дней соответственно 1917 г. и 1991 г.

Итак, из сказанного следуют главные выводы. Культурная политика РФ придает большое значение сохранению, актуализации и популяризации духовно-нравственных ценностей. Они приобретают особую значимость в условиях обострения противоречий между цивилизациями, являются основой формирования исторического самосознания, воспитывают любовь и уважение к Родине. Духовное единство общества в современных обстоятельствах будет решающим для определения и сохранения многонациональной культурной идентичности как основы безопасности и суверенитета государства-цивилизации РФ, основанного на отмеченных политико-правовых принципах и отечественной культуры. Культурные различия между людьми являются наиболее важными и лежат в основе цивилизационных различий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными 1 июля 2020 года <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013>

2. Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации" <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005>

3. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики" <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201412250002>

4. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 "О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004>

5. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

7. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015. № 996-р об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

8. Лю Цзоюань. О традиционных духовно-нравственных ценностях России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 2А.

9. Морозова О.Г. Социально-правовая реальность и проблемы сохранения и актуализации духовно-нравственных традиций (на материалах Краснодарского края // Культурное наследие Юга России: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 23 ноября 2022. Краснодар, КГИК, 2022.

10. Рудаков А.Б. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44) // http://cr-journal.ru/rus/journals/542.html&j_id=47

ИСТОРИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ПРОБЛЕМЫ

HISTORY OF SAFETY AS A SOCIO-CULTURAL PRACTICE: CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE PROBLEM

В.Н. Сергеев

Университет гражданской защиты, г. Минск, Республика Беларусь

V. N. Sergeev

University of Civil Protection, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье представлены результаты оценки актуального состояния такой междисциплинарной области исследований как история безопасности. Акцент сделан на проблемах исследования социокультурных практик по обеспечению защищенности «естественных» сообществ. Выявлены особенности изучения феномена безопасности в прошлом, классифицированы ведущие методологические подходы, предложены перспективные направления исследований.

Abstract. The article presents the results of an assessment of the current state of such an interdisciplinary field of research as safety history. The emphasis is on the problems of researching sociocultural practices to ensure the security of “natural” communities. Features of studying the security phenomenon in the past are identified, leading methodological approaches are classified, and promising areas of research are proposed.

Ключевые слова: безопасность, история безопасности, культура безопасности, культура безопасности жизнедеятельности, концепции безопасности, угроза, социокультурная практика

Key words: safety, safety history, safety culture, life safety culture, safety concepts, threat, sociocultural practice

В рамках историографической традиции, заложенной Л. Февром, безопасность человека в самом общем виде определяется как свобода от страха с напрямую вытекающим из такого понимания аспектом обеспечения защиты [8;14]. В таком достаточно широком контексте многочисленные социокультурные практики, ключевой функцией которых является снижение коллективного страха, вызванного определенными событиями, явлениями или поведением, могут быть в той или иной мере отнесены к практикам безопасности.

В силу специфики проблематики, достаточно поздно появившегося интереса к ней и соответствующей методологии подобных исследований, изучение истории безопасности имеет ряд характерных особенностей.

Ретроспективность. Даже поверхностный поиск по наукометрическим базам с использованием обслуживающих предметную область ключевых слов¹ демонстрирует колоссальный перевес в пользу изучения актуального состояния общества, человека, государства при относительной бедности исторических исследований. Безопасность представляется современной проблемой, отчасти вопросом будущего. Что касается прошлого, то немалый процент работ по истории безопасности, основанных на конкретных данных,² в большинстве случаев направлен, скорее, на лучшее понимание настоящего и увеличение временного «плеча» для прогнозирования последующих состояний [17, Р.1000]. По понятным причинам указанная особенность не в полной мере касается военной и политической истории.

Зависимость предметной области от современных «интересантов». С учетом предыдущей особенности наполнение исследований напрямую зависит от того, чьи именно действия по обеспечению безопасности находятся во главе угла и где именно локализуется угроза. На основании указанного критерия можно выделить три основных направления.

1. Безопасность глазами государства, крупных социальных институтов и/или общества в целом. Даже если вынести за скобки во-

¹ «Безопасность», «история безопасности», «защищенность», «safety», «life safety culture», «security» и т. д.

² Не считая обзорных и теоретических работ.

енно-политическую проблематику, данное направление представляется наиболее изученным в силу, как минимум, особой исторической «заметности» деятельности государства и важнейших институтов социума, предоставляющих исследователю обширную источниковую базу. Проблема может заключаться лишь в неполной освоенности последней по причине отсутствия запроса из современности (см. предыдущую особенность), что порождает определенный тематический дисбаланс в историографии. Вместе с тем, проблемы эволюции институциональных рамок и ограничений, обоснования последних в качестве способов повышения общей защищенности, формулирования в той или иной мере осмысленных концепций безопасности, изменения форм и методов их транслирования обществу представляют значительный интерес, особенно в контексте социокультурного разнообразия и неоднородности развития в современном мире.¹

2. *Безопасность глазами организаций.* Исходной точкой исследований в данном направлении является понятие «культура безопасности» (safety culture), трактуемая как совокупность организационных требований и критериев, транслируемых по вертикали (с целью управления безопасностью).

Проблематика истории состояний культуры безопасности является наглядной иллюстрацией ретроспективного подхода, поскольку обращение к прошлому возможно лишь в той мере, в которой к нему применимо содержательное наполнение указанного феномена (см., например, известное определение МАГАТЭ, согласно которому культура безопасности – «совокупность характеристик, отношения к делу и поведения людей, организаций и учреждений, посредством которой устанавливается, что в качестве важнейшего приоритета вопросам защиты и безопасности уделяется внимание, соответствующее их значимости» [5]). С учетом указанного не удивительно, что исследования данной сферы на основании систематических данных начались в XIX веке, а первые более-менее массовые источники датируются концом XVIII столетия [15–17].

3. *Оценка безопасности индивидов и сообществ вне организационного контекста.* В рамках данного направления в качестве агентов деятельности выступают индивиды и социальные группы, самостоятельно формирующие повестку безопасности. Совокупность социокультурных инструментов обеспечения защищенности часто объеди-

¹ См., например, свидетельства противоречий современной и доиндустриальной традиций в вопросах обеспечения пожарной безопасности [13], кратко рассмотренные в работе [4].

няется термином «культура безопасности жизнедеятельности» (life safety culture), которая определяется, например, как составная часть общей культуры, характеризующая уровень подготовки в области безопасности жизнедеятельности и осознанную потребность в соблюдении норм и правил безопасного поведения [1]. Однако указанное понятие практически не используется в историческом контексте, поскольку даже применительно к современности еще далеко не полностью разработан инструментарий его применения к совокупности повседневных практик «естественных» социальных сообществ.

Тем не менее, проблема формирования культуры безопасности жизнедеятельности безусловно может рассматриваться через призму оценки эволюции ее состояния в различных социальных единицах. Ключевой методологической предпосылкой при таком подходе является установка, что забота о собственной защищенности является неотъемлемой частью жизнедеятельности индивидов и сообществ в силу объективного наличия у них потребности в безопасности. Это в свою очередь означает, что культура безопасности не может оцениваться по бинарному критерию «наличие / отсутствие понятных современному исследователю практик повышения защищенности», т. к. способы восприятия рисков, их секьюритизации¹ и социально одобряемые модели защитного поведения индивидов присутствуют в сообществах по умолчанию и могут принимать самые разнообразные воплощения. Например, в рамках домодерной «культуры предотвращения» (термин В.Н. Кузнецова [9]) исследователями фиксировался [4] ряд предписанных культурой действий, имеющих признаки секьюритизированных, которые не имели бы смысла полностью или частично с точки зрения современного практика безопасности: «Когда услышишь первый гром, нужно покататься по земле, тогда не будешь бояться грозы, не убьет молния» [10, с. 64]; «Когда бывает гроза, то крестьянин выносит на двор ту скатерть, на которой лежало свяцонае (пасхальные яства), а также лопату, которую сажают хлеб в печь» [2, с.187]; «Як загарыцца ад перуна, та тушыць трэба малаком, а не вадю, бо ад вады будзе... гарыэй гарыэць», «Хто з пожару ўкрадзе што-небудзь, та тое потым згарыць»² [12, с. 134-135].

Отсутствие единой методологии. Указанные выше особенности

¹ Секьюритизация – процесс и результат формирования согласия в сообществе по поводу наличия или отсутствия угроз, которые нужно учитывать в жизнедеятельности. Термин происходит из теории международных отношений [19, Р.13].

² Данное утверждение предположительно было направлено на решение вполне практической задачи – предотвращение воровства имущества погорельцев.

предопределили еще одну важную проблему – отсутствие единого понимания того, что из себя представляет феномен безопасности применительно к прошлому. Можно выделить несколько интерпретаций, обладающих потенциалом для наполнения содержания «зонтичного» понимания истории безопасности.

1. История безопасности как история (коллективных) эмоций, прежде всего страха [11; 14] – точкой отсчета при таком подходе служит выявление и оценка того, как в различных культурах, сообществах, институтах и организациях идентифицировали угрозы и адаптировались к ним, ориентируясь на аффект (следы которого легко обнаружить в некодифицированных письменных источниках и этнографических данных). Предметом исследования в таком случае становятся формы социальной оценки и институционализации страха.

2. История безопасности как история (защитного) поведения. Под безопасностью при таком подходе понимается совокупность практик, методов, поведений, направленных на повышение и удержание контроля над какими-либо факторами внешней и внутренней среды социальных групп. Контроль должен обеспечить лучшее достижение практических целей сообщества и способствовать предотвращению потерь¹ [15, p.7]. Наличие указанных признаков (действий, направленных на повышение контроля) позволяет оценивать практики безопасности в самом разнообразном историческом, социальном контексте и масштабе (от народных традиций до архитектурного облика городов, организации социального пространства и производственной инфраструктуры).

3. История безопасности как история доминирующих (конкурирующих) концепций безопасности. Данное направление является наиболее разработанным благодаря, прежде всего, многочисленным исследованиям по военной, политической истории, истории права и т. п. Несмотря на это, для подавляющего большинства работ история теоретического осмысления безопасности является побочной. Одной из ключевых причин подобного положения дел вероятно является нежелание исследователей выходить за рамки собственной дисциплины, т. к. проблема безопасности очевидно является междисциплинарной. Доказательством последнего служит тот факт, что интересные для истории безопасности работы (оценка доминирующих концепций безопасности), могут принадлежать перу, например, специалиста по кри-

¹ Подобные формулировки, вероятно, имеют в основе попытки масштабировать далеко за рамки техносферы термин «культура безопасности».

минальному праву [19], социолога [7]¹ или филолога [3].

Общими чертами трех представленных направлений являются, на наш взгляд, приверженность следующим исследовательским презумпциям:

«*Угрозоцентричность*» – установка, предполагающая, что наличие эмоций, поведения или концепции безопасности обязательно подразумевает и присутствие угрозы (причем, область реальности, из которой исходит угроза, может определить тематическую направленность ее исследования – военная, криминальная, пожарная, промышленная и т. п. безопасность). Это помимо прочего означает, что данные о наличии в жизни сообщества устойчивых, повторяющихся признаков защитного поведения формируют исследовательскую необходимость выявить признаки угрозы и наоборот.

Секьюритизация – прежде чем предпринимать меры по защите (к. п. ресурсоемкие), сообщества должны определенным образом воспринять, описать, осмыслить (в т. ч. сконструировать) и оценить угрозу, опираясь на *собственные знания и критерии*. Это в том числе означает необходимость оценки и самих угроз, и практик защиты от них с учетом исторического и социокультурного контекстов.

Перспективные направления исследования социальных практик безопасности. С учетом описанных особенностей методологии и предметного поля истории безопасности, можно предложить некоторые параметры, систематический анализ которых мог бы сыграть положительную роль в концептуальном оформлении такой предметной области как история безопасности.

Восприятие (и описание) угроз и рисков: социальные представления об источнике угроз, понятность (рациональность восприятия), контролируемость (возможность влияния на угрозу своими действиями). Пониманию направленности восприятия безопасности тем или иным сообществом может послужить построение своеобразной «таксономии» рисков и угроз, принятой в нем:

– *генерализованные угрозы* – восприятие угрозы как присутствующей «езде и во всем», вследствие чего невозможна ее рациональная оценка и прогноз, что подразумевает психологические способы защиты и импульсивное поведение;

– *диффузные угрозы* – восприятие угроз как имеющих различную природу, но неопределенных, «распределенных» по всем сферам жизнедеятельности, вследствие чего оценке и прогнозу они поддаются

¹ Автором проведен весьма интересный обзор отличий западного и восточного типов концептуализации угроз.

ся лишь частично (в одной сфере жизнедеятельности учтены, но во многих это сделать весьма затруднительно), а адаптивный потенциал складывается на основе стереотипного, ритуализованного поведения;

– *дифференцированные угрозы* – угрозы рационально оцениваются, различаются на основании источника, факторов опасности и т. п., вследствие чего поддаются калькуляции, прогнозу, рациональному контролю.

Траты ресурсов на безопасность и ресурсная проблема: любые меры, связанные с повышением защищенности по определению ресурсозатратны. Это в любом случае означает необходимость стремления к максимизации выгод и минимизации издержек (с учетом издержек на обеспечение безопасности), что напрямую зависит от особенностей восприятия угроз.

Компетентность в области безопасности: предписанные члену сообщества навыки безопасного поведения, приверженность безопасности (приоритет безопасности и мотивация к ее обеспечению) и т. п.

Оценка реальных и возможных инцидентов: способы распределения вины, формы коммуникации по инцидентам. *Важная проблема* – фиксация того, в какой форме и с какой степенью постоянства угрозы присутствуют и удерживаются в фокусе коллективного внимания (то, что L. Zedner назвала «презумпцией сохраняющейся (continued) угрозы» [18, p.4]), поскольку от этого зависят и приоритеты, и стратегии решения ресурсной проблемы, и то, что индивидам и сообществам разрешено делать (с моральной точки зрения), когда дело касается безопасности [18, p.12].

Управление рисками: методы решения проблем, предупреждения и устранения последствий, управление ошибками, отношение к нормам.

Способность к адаптации: готовность к модификации установок, представлений и поведения в соответствии с новыми или изменяющимися обстоятельствами. Адаптивный потенциал сообщества определяется тем, насколько «далеко» от первоначального (привычного, стереотипного или импульсивного) поведения может отойти индивид или группа под влиянием изменяющихся обстоятельств опасной ситуации или риска таковой. В момент, когда индивид или группа не подвергаются угрозам (люди не осознают их или не считают актуальными) и не испытывают в этой связи дискомфорт – они находятся в адаптированном состоянии.

В этой связи особое значение приобретает такой индикатор, как

«реконструкция риска» – восстановление жизнедеятельности после катастрофы или бедствия в том же виде, в котором она осуществлялась до трагедии (без внесения нового) [6]. Реконструкция риска – признак устоявшихся социокультурных практик на основе ригидного восприятия угроз, предпочтения психологических способов их предотвращения, ритуализованных форм реагирования и привычного способа решения ресурсной проблемы.

В результате формируется (и может быть выявлен) замкнутый цикл «риск / катастрофа / реконструкция риска»: «...сплошь и рядом сжигание жнивья вызывает пожар... Никогда не принимается в расчет возможная перемена ветра... “Ахти грех какой” – говорит невольный поджигатель и чешет себе затылок... Смотришь, через несколько дней в соседней деревушке та же история. “Да ведь вы знали, что позавчера Марьино от этого же сгорело?” – спрашиваешь погорельцев. “Знать-то знали, да думали, что авось обойдется. Бог милостив”» [13, С.60].

Выявление признаков реконструкции риска позволяет дать более полную оценку адаптивному потенциалу сообществ и предоставляет возможности для прогнозирования.

Потенциал безопасности: наличие избыточных (резервных) социокультурных практик в условиях отсутствия определенных угроз (воспринимаются как гипотетические), против которых эти практики направлены. Они создают запас прочности сообщества (возможность эффективной реакции на неактуальные в данный момент и неожиданные угрозы), но требует затрат ресурсов, которые могут трактоваться как излишние. Это в свою очередь требует решения сообществом ресурсной проблемы.

Библиографический список

1. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности. Термины и определения: ГОСТ Р 22.3.08-2014. Введ. РФ 2014-10-01. М.: Стандартинформ, 2014. 7 с.
2. Булгаковский Д. Г. Пинчуки / собрал в Пинском уезде Минской губернии. Санкт-Петербург: в типографии В. Безобразова и К, 1890. 200 с.
3. Виницкий И. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117.
4. Герасимчик А. П., Богданович А. Б., Карпиевич В. А., Сергеев В. Н. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности: социально-психологический и исторический экскурс // Вестник УГЗ. 2018. Т.2. №1. С.121-135.
5. Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности терминология, используемая в области ядерной безопасности и радиационной защиты. - Международ-

ное агентство по атомной энергии. Вена, 2008. 295 с.

6. Доклад о глобальных катастрофах. Краткое изложение. Женева: Международная Федерация о-в Красного Креста и Красного Полумесяца, 2001. 35 с.

7. Зырянова О. Б. Лингвосемантический анализ лексемы «Безопасность»: социокультурный подход // *Дискуссия*. 2017. №2 (76). С. 48–54.

8. Ковалев А. А. История безопасности как новая область западной исторической науки // *Genesis: исторические исследования*. № 12. С. 225-241.

9. Кузнецов В. Н. Культура безопасности: социологическое исследование. М.: Наука, 2001. 316 с.

10. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1. По поручению Виленского учебного округа редактировал Е. Романов. Издание Управления Виленского учебного округа. Вильно: 1911. 238 с.

11. Плампер Я. История эмоций; пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

12. Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск, 1930. 276 с.

13. Снессарев Н. Пожары в селениях // *Пожарный. Вестник пожарного дела в России*. 1892. №2. С. 57–64.

14. A History of Emotions, 1200–1800. Liliequist, J. (Ed.). (n.d.). Pickering & Chatto.

15. Boudra L., Lémonie Y., Grosstephan V. et al. The Cultural-Historical Development of Occupational Accidents and Diseases Prevention in France: A Scoping Review // *Safety Science*. Vol. 159.

16. Purpura P. P. The History of Security and Loss Prevention // *Security and Loss Prevention*. Butterworth-Heinemann, 2008. P. 3–21.

17. Swuste, P., Gulijk, C. van, Zwaard, W. Safety Metaphors and Theories, A Review of the Occupational Safety Literature of the US, UK and the Netherlands, Till the First Part of the 20th Century // *Safety Science*. 2010. Vol.48(8).

18. Zedner L. The Concept of Security: An Agenda For Comparative Analysis // *Legal Studies*. 2003. Vol. 23(01). P. 153–176.

19. Zedner L. *Security* (1st ed.). London; New York: Routledge, 2009. 206 p.

ЭТНИЧЕСКАЯ КСЕНОФОБИЯ КАК ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹

ETHNIC XENOPHOBIA AS A FACTOR IN INTER-ETHNIC CONFLICTS (REGIONAL ASPECT)

Е.И. Салганова

Южно-Уральский государственный университет (Национальный
исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

E.I. Salganova

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia.

Аннотация. В статье представлены результаты исследований современного состояния межнациональных отношений, причин и факторов возникновения неприязни, конфликтов между местным населением Челябинской области и мигрантами из стран Средней Азии. Источниковой базой исследования выступили результаты социологических исследований, проведенных автором за период с 2021 по 2023 годы. Делается вывод о том, что этническая ксенофобия может выступать фактором межнациональных конфликтов.

Abstract. The article presents the results of research into the current state of interethnic relations, causes and factors of animosity and conflicts between the local population of the Chelyabinsk Oblast and migrants from Central Asia. The source base of the study is the results of sociological research conducted by the author for the period from 2021 to 2023. It is concluded that ethnic xenophobia can be a factor in interethnic conflicts.

Ключевые слова: межнациональные отношения, мигранты из стран Средней Азии, миграция, миграционная политика, национальная политика, средства массовой информации, факторы этнической ксенофобии, этническая идентичность, этническая ксенофобия, Челябинская область.

Key words: interethnic relations, migrants from Central Asia, migration, migration policy, national policy, mass media, factors of ethnic xenophobia, ethnic identity, ethnic xenophobia, Chelyabinsk Oblast.

В последнее время национализм, ксенофобия, экстремизм, вооруженные конфликты на национальной почве, особенно остро стоят на социальной повестке не только российского государства, но и мирового сообщества в целом. Состояние национальной и миграционной политики России характеризуется увеличением доли мигрантов,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-10211 «Анализ механизмов формирования мигрантской инфраструктуры в российском городе (на примере Челябинской области)», <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

прежде всего трудовых мигрантов из стран Азии, что способствует повышению конкуренции на рынке труда и обострению безработицы в регионах. Кроме того, активные миграционные потоки нередко связывают с ухудшением экологической, эпидемиологической ситуации, обострением межнациональных конфликтов, криминальной обстановки в принимающих сообществах отдельных регионов РФ. В тоже время формирование негативных стереотипов нередко связано с негативным образом мигрантов в общественном сознании из-за преобладающего дискурса о миграции в средствах массовой информации. Конфликты, в которых участвуют представители разных национальностей, классифицируются как этнические, независимо от того, каковы могут быть их причины. По большей части средства массовой информации поддерживают эту тенденцию. Деперсонафикация образа мигранта в СМИ призвана заставить читателя занять безэмоциональную позицию и скрыть реальные проблемы миграции, межнациональных отношений. Такой подход облегчил представление мигрантов в негативном свете, формированию этнической ксенофобии, возложив на мигрантов вину за их проблемы.

Аспекты этнической ксенофобии активно изучаются социологами, психологами, конфликтологами, политологами, культурологами и т.д., что свидетельствует о сложности и междисциплинарности подходов к данной проблеме. В социологии этническая ксенофобия базируется на теориях идентичности (Э. Эриксон [18]), в частности концепциях этнической идентичности (Б. Андерсон [1], Р. Брубейкер [4]). В современной отечественной социологии проблемы этнической ксенофобии представлены в трудах Л. Д. Гудкова [6], М. К. Горшкова [12], В. А. Тишкова [13] и др. Рассматривая этническую ксенофобию как фактор межнациональных конфликтов мы обратились к «социологии чужого», рассматривающей систему восприятия «свой» – «чужой» с функционалистской точки зрения, как инструмент самоидентификации (Г. Зиммель [10] и А. Шютц [17]). Штихве Р. исследуя противопоставление «свой» – «чужой» в современном обществе, выделяет господствующий принцип индифферентности по отношению к «другим», не являющимся «чужими» [16]. Тоффлер Э. акцентирует внимание на опасности ксенофобских настроений в современном многокультурном мире [14]. Мы согласны с мнением С. С. Богдана, который сущность этнической ксенофобии видит в защитной реакции на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения возникает ощущение ограничения ресурсов выживания, социальной незащищенности, потери своих позиций и своей идентичности [3,

с. 90]. Данному подходу в рассмотрении этнической ксенофобии придерживаются также Л. Д. Гудков [7], А. В. Дмитриев, В. И. Мукомель [9]. Ведущими факторами этнической ксенофобии выступают:

- соотношение долей различных этнических групп в составе населения того или иного региона/города, так называемый критерий «многочисленности» мигрантов в составе населения;

- тип поселения (установлено, что в крупных городах, прежде всего, в столицах, этноконтактная среда насыщенная и потому проявление этнофобий вероятнее, чем на периферии) [2];

- социальное положение (наиболее нетерпимы в межэтнических отношениях лица с низким уровнем доходов и безработные);

- уровень образования (в группах с более высоким образованием этнические предубеждения, как правило, слабее, чем в группах с более низким уровнем образования);

- возраст (молодежь и подростки в сравнении с другими возрастными группами являются наиболее нетерпимыми в восприятии людей «чужой крови») [8, 11, 6, 2];

- конкуренция на рынке труда, безработица;

- социальная дифференциация как внутри этнонациональных сообществ, так и между ними [15, С. 93-94];

- низкий уровень межличностного доверия (другим людям, совместно построенным институтам);

- отсутствие чёткой государственной политики для противодействия негативным явлениям в обществе [3, с. 90];

- проблемы адаптации, инкорпорации мигрантов в принимающее сообщество;

- уровень социально-экономического положения населения;

- СМИ и т.д.

В результате у местного населения возникают фобии в отношении мигрантов, их боятся, относят к маргиналам, «чужим», а мигрантские локации воспринимаются как маргинальные территории, утратившие свои былые функции. Например, жилые кварталы вблизи промзон, которые в виду их непрестижности покидает коренное население, интенсивно заселяются приезжими, в том числе иноэтничными мигрантами [5, с. 242]. Все это вызывает у местного жителя беспокойство за свою личную безопасность и рост преступности.

В целях изучения современного состояния межнациональных отношений, причин и факторов возникновения неприязни, конфликтов между местным населением Челябинской области и мигрантами

из стран Средней Азии (казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены и китайцы) кафедрой социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук и Научно-исследовательской лабораторией миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) в период 2021-2023 гг. проведено ряд исследований. В частности в апреле-июне 2021 года проведен массовый опрос населения – 2062 респондента в возрасте старше 18 лет и экспертный опрос – 105 экспертов из числа представителей органов власти, бизнеса, общественных деятелей, а также специалистов, связанных с проблемой миграции и межнациональных отношений в Челябинской области. В массовом опросе приняли участие коренное население 15 муниципальных образований Челябинской области (в разрезе крупные, средние, малые города, муниципальные районы и сельская местность). Статистическая погрешность результатов массового опроса составила 2,2% при доверительном интервале 95%. В мае-сентябре 2023 года проведено 540 интервью с коренным населением шести городов области (Челябинск, Копейск, Магнитогорск, Миасс, Златоуст, Троицк), также применялся метод наблюдения и контент-анализ СМИ, ведущих новостных и информационных порталов в сети Интернет за период с 1991 по 2023 гг. (N = 600).

Результаты исследований 2021 г. показали, что проблемы региональной национальной и миграционной политики со странами Азии являются для населения Челябинской области весьма актуальными. Они не расцениваются крайне острыми, но носят проблемный и противоречивый характер. Каждый второй южноуралец считает проблемы национальной и миграционной политики актуальными. Причем, заметно чаще на это указывают жители крупных городов – Челябинска и Магнитогорска (73,2% и 44,7% соответственно). Значимость фактора типа поселения был подтвержден и в исследовании 2023 года. В ходе исследования выявлено, что чем больше город с развитой инфраструктурой, промышленностью и экономикой, тем более напряженные межнациональные отношения между местным населением и мигрантами. Местное население крупных городов (Челябинск, Магнитогорск) заметно чаще в ходе интервью высказывали негативные эмоции в отношении мигрантов, чем это делали информанты из средних и малых городов (Миасс, Копейск, Троицк, Златоуст) (1126 упоминаний против 443).

В 2021 году было установлено, что считают миграционную обстановку в регионе спокойной только 7,3% граждан области и 10,5%

экспертов. Миграционная обстановка в области в целом характеризуется большим оттоком местного населения в другие регионы и страны (58,4% и 47,6% соответственно) и активным притоком иностранных мигрантов из других стран, прежде всего из Азии (16,5% и 31,4% соответственно). Коренное население области считают, что граждане уезжают из области, прежде всего, из-за экологических проблем в регионе («*Построили тут гок, все бегут!!!*», «*На Урале три дыры. Варна, Бреды, Карталы*» и др.), низкого уровня и качества жизни населения, особенно среди сельского населения («*В области гибнет село, Челябинск теряет шансы остаться крупным городом*», «*Для области важнее экономическая ситуация, загибающиеся заводы, а не миграционная обстановка*», «*Самая актуальная проблема это загибающиеся заводы и города вроде Златоуста*», «*У нас также как и везде. Бегут в Москву за деньгами*» и др.). По мнению населения области, состояние межэтнических отношений характеризуется в целом снижением доходов населения и ростом социальной напряженности в обществе, в том числе и в отношениях между людьми различных национальностей.

В 2023 г. качественные и количественные данные позволили дать общее представление о роли мигрантской инфраструктуры в интеграции мигрантов в принимающее общество; систематизировать проблемы межкультурного взаимодействия принимающей стороны и мигрантов в условиях городов Челябинской области. В ходе исследования выявлено, что большая часть местного населения практически одинаково характеризуют образ «чужого» – это люди, которые отличаются по неславянскому типу лица, одежде, цвету кожи и волос, «разрезу глаз», «громкая речь», «исламская одежда», «у мужчин это характерный тип лица, «бородатые они все», а у женщин – «тоже лицо + закрытая одежда и волосы прикрыты платком» и т.д.

В ходе исследования подтверждена значимость фактора «многочисленности» в восприятии мигрантов. Информанты отмечали, что «*Скоро в городе вообще местных не останется... С каждым годом этих (мигрантов) всё больше и больше*», «*Да весь город ими «кишмя-кишит»*». *Вообще повсюду, куда не пойдёшь, не поедешь*», «*непросто много, а немеренно*» и т.д. Ключевыми причинами напряженности, по мнению населения, являются: «*падение доходов местного населения*», «*низкий уровень жизни*» и др. Граждане отмечали, что существенной преградой в сфере межэтнических отношений выступает языковой барьер, отличия культурных норм и ценностей мигрантов. Информанты считают, что приезжие мигранты «*не желают изучать русский*

язык и особенности местной культуры», «проблема в том, что они нужны для работы, а русского языка не знают», «на улице стало много женщин в палатках. Это их религия, традиции. Мы не против, но пугает» и др. Информанты Челябинской области убеждены, что нахождение мигрантов на территории региона сопряжено с принудительным навязыванием мигрантами своей культуры.

Немаловажным фактором формирования этнической ксенофобии выступает СМИ. Проведенный в 2023 году контент-анализ СМИ, показал, что российские и региональные СМИ транслируют преимущественно негативные образы миграции и мигрантов (46,0%). Темы нетерпимости, такие как ксенофобия, иммигрантская фобия и этноцентризм все чаще изучаются и поднимаются региональными средствами массовой информации в Интернете. Одним из критериев контент-анализа было упоминание национальности в СМИ. В 20,8% интернет-изданиях чаще упоминаются мигранты из так называемого «Ближнего зарубежья». Далее по частоте упоминаний идут мигранты из Таджикистана (19,25%), Казахстана (11,67%), Узбекистана (9,58%), Китая и Кыргызстана (по 2,28%). Среди тем, которые поднимаются при освещении миграционной тематики СМИ в регионе: проблемы с регистрацией; проблемы с трудоустройством; нарушение федерального или регионального законодательства; разногласия на религиозной почве, изнасилование, кражи, продажа и распространение наркотиков. Для региона является популярной проблема контроля над мигрантами, ограничение их нелегального въезда на территорию региона, дактилоскопия и жесткий регистрационный учет. Значительное число статей посвящено проблематике афер с жильем (16,3% от общего числа), инициаторами которых выступали как сами мигранты, так и местные жители. Мигранты из стран Средней Азии в СМИ, в том числе Интернет-СМИ, чаще всего наделяются негативными характеристиками, основанными на принципах национальной, этнической и классовой стереотипизации, ограниченного набора жизненных контекстов, обезличенности и пассивности мигрантов. СМИ, делая акцент чаще всего на криминальных сводках, формирует в общественном сознании образ «чужого», который не желает принимать национальные и культурные нормы, ценности местного населения, занимает трудовые места, монополизируя отдельные сферы региональной экономики, «захватывает» целые дома и кварталы городов, создавая этнические анклав.

Таким образом, теоретический анализ и результаты социологических исследований позволили выявить ключевые проблемы, причи-

ны и факторы межнациональных конфликтов на региональном уровне. Ведущими причинами социальной напряженности в отношении мигрантов из стран Средней Азии являются национально-культурные отличия, нарушение культурных норм и законодательства мигрантами. В тоже время, обращает на себя внимание наличие в сознании местного населения негативных стереотипов в отношении образа мигранта, который «отнимает рабочие места местных», «хозяйничает на чужой земле», «отравляет землю химикатами», «много мусорит, загрязняет» и «разносит вирус». Данный негативный нарратив во многом сформирован благодаря Интернету и СМИ. Это находит подтверждение и в результатах наших исследований. По нашему мнению, в целях гармонизации межнациональных отношений и укрепления толерантности требуется реализация комплекса мер по формированию повестки средств массовой информации, направленной на освещение в целом интеграционной политики региона, включающей меры и практики культурной, структурной, социальной и идентификационной интеграции на локальном и местном уровнях. Подобная информация будет отображать конкретные практики по установлению связей разного характера между мигрантским и местным населением.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Ачкасов В. А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2008. №. 1. С. 45-51.
3. Богдан С. С. Факторы межэтнической агрессии и насилия во взаимодействии общностей мигрантов и местного населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. №2 (29). С. 85-92.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. С англ.; нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.
5. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Ермакова М. А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225-253.
6. Гудков Л. Негативная идентичность : статьи 1997-2002 годов. М.: Новое лит. обозрение : ВЦИОМ-А, 2004. 807 с.
7. Гудков, Л. Д. Почему мы не любим приезжих? // Мир России. 2007. №2. С. 48–83.
8. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова; [Отв. ред. Л. М. Дробижева]; М.: Мысль, 1996. 381 с.

9. Дмитриев А. В., Мукомель В. И. Этническая иммиграция: конфликтное измерение / Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 102–118.
10. Зиммель Г. Экскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы : альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. 830 с.
11. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
12. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 254 с.
13. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Информ.-изд. агентство «Рус. Мир», 1997. 531 с.
14. Тоффлер Э. Метаморфозы власти : Знание, богатство и сила на пороге XXI в. М.: АСТ, 2003. 669 с.
15. Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в ХМАО) / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Сибирское научное изд., 2010. 176 с.
16. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №1. С. 41-52.
17. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменолог. социологии. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 334 с.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс. 1996. 340 с.

ПРОБЛЕМАТИКА НАСИЛИЯ В НАУЧНОМ И ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PROBLEMS OF VIOLENCE IN SCIENTIFIC AND PUBLIC DISCOURSE: THEORY AND PRACTICE

Ю.Г. Тамбиянц, М.В. Руденко, М.М. Халакоев

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия

Yu.G. Tambiyants, M.V. Rudenko, M.M. Halakoev

Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья рассматривает теоретические и практические стороны дискурса о применении насилия в международных процессах. Анализ взглядов западных ученых показал, что их логика диктуется самодовлеющими потребностями глобального мира – продукта западного капитализма. С одной стороны констатируется необходимость подавления конкурирующей политической субъектности, а с другой – предлагается космополитический мир, основанный на постгероических ценностях, с субпассионарной доминантой. Западный проект сталкивается с трудностями практической реализации, которая порождает об-

ратные не благоприятные для западного социума последствия – это упадок пассионарности и слабый мобилизационный потенциал, наконец, внутренний вызов со стороны главным образом мигрантов. Россия может воспользоваться подобной уязвимостью цивилизационного соперника, сделав ставку в том числе на реанимирование пассионарности.

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the discourse on the use of violence in international processes. An analysis of the views of Western scientists has shown that their logic is dictated by the self-sufficient needs of the global world – a product of Western capitalism. On the one hand, the need to suppress competing political subjectivity is stated, and on the other hand, a cosmopolitan world based on post-heroic values, with a subpassionate dominant, is proposed. The Western project faces difficulties of practical implementation, which gives rise to the opposite consequences that are not favorable for Western society – a decline in passionarity and weak mobilization potential, and finally, an internal challenge from mainly migrants. Russia can take advantage of such a vulnerability of a civilizational rival, placing a bet, among other things, on reviving passionarity.

Ключевые слова: дискурс, концепт справедливой войны, космополитический проект, пассионарность, героическое-постгероическое общества

Key words: discourse, concept of a just war, cosmopolitan project, passionarity, heroic-post-heroic society

Нам представляется, что нынешнее состояние российского общества можно описывать в терминах социального кризиса, при том, что он фактически не осознается изрядной долей (если не вообще большинством) рядового населения. Глобальный мир представляет собой арену столкновения цивилизаций, как отмечает известный эксперт и ученый М. Делягин [3]. Инициированное Россией СВО совершенно очевидно ознаменовало новую плоскость противостояния с нашим цивилизационным противником – Западом, а затягивание так называемой специальной военной операции вряд ли играет нам на руку в силу нашей ограниченности ресурсами. Приходится констатировать, что ситуация складывается не совсем в нашу пользу. С одной стороны, в глобальном информационном пространстве из России рисуется образ агрессора, с другой – нам навязано силовое противостояние с близким нам славянским народом, войну с которым смело можно называть братоубийственной. Все это прекрасно вписывается в логику сетевых войн, выступающих коньком Запада в глобальной конкуренции, согласно которой ослабление противника достигается за счет его же ресурсов [9]. Сложно отрицать то обстоятельство, что поле сражения выбирает наш противник, навязывая нам собственную повестку. Отсюда следует необходимость поиска способов изменить ситуацию. Понятно, что рамки статьи не позволяют реализовать данное намерение настолько глубоко и всесторонне, как бы нам того хо-

телось, а потому мы ограничимся по сути одной, но весьма актуальной стороной дела, касающейся проблематики насилия и связанных с нею стратегических перспектив Запада и России. Силовой аспект всегда играл немалую роль в политических и геополитических процессах, и сейчас его значение вряд ли уменьшилось, если оценивать ситуацию реалистично.

Здесь мы намерены заняться рассмотрением проблематики насилия, представленной в работах западных авторов, обратив внимание на возможности и последствия практической реализации предложенных идей. Затем мы обратимся к концепции насилия, наиболее адекватной современной России, вслед за чем собираемся предложить собственные соображения, относительно попыток установления хоть какой-то общей почвы для взаимопонимания между российским и украинским народами. Подобные соображения во многом явились результатом осмысления художественных произведений – романов испанского автора А. Переса-Реверте и российского кинорежиссера Ю. Быкова.

Западный дискурс насилия представлен рядом известных в научном и публичном пространстве авторов. Американец Майкл Уолцер считается реаниматором концепции *справедливой войны*, совсем было вытесненной теориями политического реализма [6]. М. Уолцер решительно отвергает их релятивистский подход, выносящий этику за скобки, требуя руководствоваться именно ею в процессах принятия решений, особенно связанных с войной. Этика трактуется им как универсальная система ценностей, вполне адаптируемая под любой государственный интерес, при этом агрессию интерпретируется как политически, так и юридически нелегитимное действие. Государство вправе применить силу в следующих исключительных случаях: 1) при самообороне, 2) в правоохранительной войне; 3) при свержении правительства, подобного нацистскому [6]. При этом произвольное толкование М. Уолцером признаков правительства «подобного нацистскому», обнаруживает очевидные двойные стандарты. С течением времени риторика М. Уолцера ужесточается – им более решительно поддерживается идея гуманитарной интервенции, как войны ради изменения «режима, ответственного за негуманность». Подавляя такой режим возможно устанавливая долгосрочную военную оккупацию, которая обеспечит справедливый режим протектората и попечительства, создающий условия для национального строительства [12].

Слабости рассуждений М. Уолцера обнажаются при сопоставлении с практикой, которая очевидно ставит под сомнения и методо-

логические и прогностические аспекты. Однако его концепция востребована *не в научном, но в идеологическом плане*, и подходит для обоснования геополитики Западного мира.

Для западного мышления характерна идея наличия неких международных институтов, наделенных контролирующими миротворческими полномочиями в отношении национальных правительств. На это сделан основной акцент в работах англичанки Мэри Калдор, которая имеет определенную практику в качестве международного эксперта. В отличие от М. Уолцера, М. Калдор не приемлет идею гуманитарной интервенции, справедливо считая, что на практике она выливается в поддержку одной из сторон. Руководствуясь либеральной логикой, М. Калдор предлагает сделать ставку на *космополитизм*, который следует институционализировать в качестве международной нормы, где «космополитическое» право будет основываться на интеграции гуманитарного права с законами о правах человека [4, с.245]. Суть космополитического проекта в его нахождении над схваткой, а не выступление на одной из сторон. Здесь исследовательница предлагает сделать ставку на определенный тип людей, носителей соответствующих сознания и ментальности, поддержка которых обеспечит мир и порядок. Такие люди наличествуют в любых без исключения обществах, в том числе агрессивных и жестоких. Космополитизм в понимании М. Калдор предполагает ценности включенности, толерантности и взаимоуважения, за которыми якобы с легкостью последуют территориальные решения» [4, с. 249]. В плане возражения отметим, что именно этими установками руководствовался Александр I в своей польской политике, что однако мало поколебало русофобию поляков, в том числе интеллигентов вроде А. Мицкевича.

М. Калдор признает с сожалением, что «тип национального или государственнического мышления пока еще не примирился с концепцией общечеловеческого сообщества» [4, с. 271–272]. Здесь она выражает солидарность с философом-глобалистом Кваме Энтони Аппиа (открытом гее), выдвигающем концепт «космополитического патриота» или «укорененного космополита, привязанного к своему собственному дому с его собственной культурной спецификой, которому тем не менее в радость существование разных людей [4, с. 190]. Между тем космополитическим идеям необходимо силовое подкрепление, поскольку людям «очень сложно помочь самим себе, когда они во власти бандитов». Мотивация такого рода сил исходит из представлений о праве гражданина мира. В то время как солдат, будучи легитимным носителем оружия, должен был быть готов умереть за

свою страну, международный солдат/полицейский рискует своей жизнью ради человечности» [4, с. 279, 272–273].

У нас вызывает большие сомнения тезис о том, что космополитические идеи реально могут сформировать «готовность умереть». Куда более бесперебойно это получается в процессе межэтнических и межнациональных конфликтов, имеющих архетипическую основу «свой-чужой». Как кажется, космополитический патриотизм реально может быть востребован, например, при нападении инопланетян на землю, когда люди осознают собственную принадлежность к человечеству через внешнюю угрозу. Мы полагаем, что реализация предлагаемых М. Калдор мероприятий выльется в очередной вариант той же самой гуманитарной интервенции, которую она критикует.

Немец Готфрид Мюнклер в своей весьма «свежей» книге «Осколки войны» предлагает модель «предгероическое общество - героическое общество – постгероическое общество», опирающуюся на западную историческую динамику. Определяя постгероический характер современного Запада, он пытается это представить в виде гуманизации войны, заявляя, что именно в модели постгероизма кроется источник мирного сосуществования, а, следовательно, ей и следует выступить ориентиром для остальных обществ [7]. Ему вторит его соотечественник Хаймо Хофмайстер, полагая, что бессилие современной политики как раз и заключается в неумении предотвратить войны [13]. Пытаясь доказать необоснованность нападков на постгероизм со стороны героических идеалов, Г. Мюнклер указывает, что порох и огнестрельное оружие давно уже развенчали «традиционный идеал военного дела, основанный на представлениях о рыцарской аристократии» [7, с. 187-188]. Однако здесь немецкий ученый явно лукавит. Если огневая революция и нивелировала фактор мускульной силы и технических навыков владения холодным оружием, то отнюдь не ликвидировала фундаментальный критерий войны – взаимную опасность. Но именно последняя сейчас отсутствует для стороны, посылающей вместо себя на бой приборы (дроны и т.п.), что по сути превращает войну в охоту.

Если обобщить взгляды западных ученых, то очевиден их натянутый смысл, хотя нельзя отрицать, что их логика обусловлена самодовлеющими потребностями глобального мира – продукта западного капитализма. С одной стороны констатируется необходимость подавления конкурирующих политических субъектов (России, Беларуси и др.), на которых легко навешивается ярлык правительства «подобного нацистскому», фактически независимо от их реального внутри-

политического содержания. С другой стороны, предлагается космополитический мир, основанный на постгероических ценностях, где будет доминировать субпассионарный индивид, а красивых женщин, как с гордостью возвещает Э. Геллнер, станут заслуживать «пугливые и робкие» [2, с. 95]. Впрочем, логика и практика западной политкорректности ведут к нивелированию, а порой и стиранию половых различий.

Все же сформированный в рамках западного научно-политического дискурса проект сталкивается с трудностями практической реализации, которая порождает обратные не особо благоприятные для общества Запада субъективные и объективные последствия. Укажем здесь на следующие, на наш взгляд, ключевые моменты.

Во-первых, западный мир, выбирая стратегию «мягкой силы», в рамках которой действует через методы сетевых и гибридных войн, подчеркивает основную ставку на оберегание жизней собственных граждан. С одной стороны это вроде бы адекватная постгероическому социуму установка, тем более что передовые западные технологии объективно позволяют придерживаться такой стратегии, но с другой – это неизбежно ведет к дальнейшему снижению пассионарности западного мира и реальным поражениям в глобальной политике. Мы анализировали в прошлых статьях факторы снижения мужественности современных передовых обществ, рассматривая их как «болезнь цивилизации» [10;11]. Максимально возможное избегание боевых столкновений приводит к деградации западных военнослужащих, обозначая дефицит даже минимально-необходимого психологического потенциала. Бой у Могадишо в октябре 1993, стоивший жизни 18 американским солдатам (ничтожные потери по военным меркам Второй мировой войны) заставил США отказаться от наземных операций. Спустя два с лишним десятилетия, обошедшийся без жертв обстрел позиций одного из американских военных подразделений в Афганистане, вызвал в итоге требование солдат предоставить им экспертов для проведения психологической реабилитации. В итоге США оставили Афганистан, спасовав перед упорством движения Талибан (включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>). Последнее подверглось грандиозному разгрому в 2001 г. – захвачены были фактически все их центры войсками НАТО в союзе с «Северным альянсом». Тем не ме-

нее движение возродилось вновь, набрав огромную силу, так как его духовная сторона опирается не только на традиционную версию суннитского ислама, но и на свод норм пуштунвалай – кодекс чести таких древних народов как саки, эфталиты, кушаны.

Во-вторых, дефицит пассионарности дополняется отсутствием внятной идеи, способной реально мобилизовать людей на значимые поступки. При том, что западная идентичность весьма устойчива и привлекает многих людей незападного мира, с потенциалом коллективного действия там все обстоит неблагоприятно. Тому имеется очевидная причина – проект политкорректности, направленный на стимулирование и развитие прав меньшинств, естественным образом раскалывающий западное общество. К умозрительности отстаиваемой М. Калдор идеи космополитического патриотизма, добавим, что собственно космополитическая идентичность в нынешних условиях может развиваться только на групповом уровне, главным образом, на базе социально-классовых интересов (феномен яппи-интернационала). Способен ли международный топ-менеджмент и офисный планктон с оружием в руках и с риском для жизни отстаивать собственные цели? Весьма сомнительно. Хотя, конечно, это всего лишь предположение, так как мы не располагаем конкретными данными по упомянутой группе.

В-третьих, западный мир получает вызов уже непосредственно внутри себя в виде куда более настырных и жестких мигрантов. По мысли ученого и блогера Льва Вершинина, в настоящий момент мигрантская проблема достигла своего апогея. Новое поколение мигрантов видит свой шанс получить «все и сразу», «здесь и сейчас», руководствуясь тем, что западный мир населяют слабые богатые люди, у которых сейчас можно забрать и их деньги и их женщин, почти обнаженными слоняющихся по улицам [1]. Выглядит обоснованно тревога Г. Мюнклера, который констатирует уязвимость постгероических обществ в столкновении «с героическими обществами, то есть с теми, кто до сих пор обладает как способностью к жертвоприношению, так и готовностью к нему» [7, С. 190]. Выходит, что многие современные западные народы, компенсируют свою техническую отсталость большей пассионарностью, что дает им определенные плоды в сферах, предполагающих коллективную волевою конкуренцию.

Аналогичные проблемы занимали нашего соотечественника Антона Керсновского (1905–1944), талантливого военного теоретика, публициста и при этом участника боевых действий, что ставит его в выгодное положение с вышеупомянутыми западными теоретиками,

непосредственно в войнах не участвующих. Христианский фундаментализм А. Керсновского заставляет его решительно отвергнуть прагматическое учение К. Клаузевица, заявляя главной целью войны – победу, а не уничтожение живой силы.

Войну А. Керсновский трактует как безусловное зло. Если мир есть нормальное состояние человечества, то война – явление патологическое, это своего рода болезнь общества. Решаться на эту болезнь можно только «в положениях безвыходных – когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов». Худой мир в целом лучше доброй ссоры. Исключения составляет лишь очень худой мир, грозящий «в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны» [5, с. 32]. А. Керсновский предлагает следующую классификацию войн с позиции этики. Первая категория – войны справедливые, которые ведутся в защиту высших, духовных ценностей. Вторая категория включает войны, веденные во имя государственных и национальных интересов. Именно такого рода войны являются наиболее распространенными. К третьей категории относятся войны, не отвечающие ни принципам высшей справедливости, ни интересам государства и нации. Такого рода войны «относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать – авантюр бессмысленных» [5, с. 26].

При оценивании войны элемент субъективизма, разумеется, неизбежен, хотя в любой из предложенных А. Керсновским категории войны будет обязательно наличествовать объективный, как правило, групповой интерес. И все же предложенная русским мыслителем классификация опирается, с нашей точки зрения, на более устойчивые основания, чем уолцеровский подход, призывающий выявлять «подобные нацистскому правительства» и безжалостно их атаковать. Во всяком случае в концепции Керсновского можно выделить объективный критерий – заинтересованность социального большинства, на основании которого войну можно будет отнести ко второй или третьей категории. Несколько сложнее обстоят дела с первой категорией – войны во имя высших духовных ценностей, которые зачастую несут налет релятивизма. Однако несомненно здоровой идеей А. Керсновского следует признать его тезис о всяческом укреплении национальных военных сил, которые являются решающим фактором профилактики внешней угрозы. *«Нападают лишь на слабых, на сильных – никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых»* [5, с. 38] (вы-

делено А. Керсновским Ю.Т., М.Р, М.Х.). Представляется, что уважение к силе имеет архетипические корни, являясь общим знаменателем для любых традиционных этнических ментальностей.

Взгляды А. Керсновского отражают больше логику государства, стремящегося не к глобальной гегемонии, но к отстаиванию собственных геостратегических и геополитических целей. Такой подход, на наш взгляд, вполне адекватно отражает нынешнюю российскую ситуацию, а, следовательно, именно им есть смысл руководствоваться в государственной стратегии. В то же время идеи А. Керсновского вряд ли помогают найти какое-то основание для решения конфликта русских с украинцами. В этом плане, как нам представляется, некоторые предпосылки можно поискать не столько в научной, сколько в культурной сфере, в том числе и на Западе.

Обращает на себя внимание творчество испанского писателя Артуро Перес-Реверте, публичная известность которого зиждется на цикле историко-приключенческих романов о капитане Алатристе, по которым поставлен известный западный фильм 2006 г. В последних своих романах (серия «Фалько») А. Перес-Реверте затрагивает тему Гражданской войны в Испании (1936-39 гг.), и некой вершиной стал роман «На линии огня» (2020 г.), по нашему мнению, превзошедший знаменитый «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя. Здесь мы не будем останавливаться на подробном анализе названных произведений – они заслуживают отдельной работы. Подчеркнем весьма значимый для нас тезис, озвученный и в других художественных вещах писателя, но в названных романах выступающий едва ли не центральной идеей – доблесть, мужество, героизм выносятся за скобки идеологий и служат общим знаменателем если и не сближения идейных противников, то во всяком случае для их взаимного понимания. Люди подобного склада, даже в рамках жесткого принципиального противостояния способны оценить друг друга, следствием чего становится обоюдное великодушие.

Вместе с тем, А. Перес-Реверте отнюдь не идеалист, а реалист. Людей героического склада откровенное меньшинство, хотя порой их усилия решают очень немало. Большинство же людей, вовлеченных в такую грандиозную разборку как гражданская война, совсем иные. Так многие из призывного возраста, уклоняются под любыми предлогами от мобилизации. Но и из тех, кто вроде как не уклонялся, немало «показных вояк», у которых «молодцевато скрипят ремни амуниции, сияют лаком кобуры пистолетов, хотя до ближайшего легионера или мавра – километров триста» («Фалько»). Наконец, под прикрытием

националистической или республиканской идее скрывается множество проходимцев, конформистов, или откровенного отребья, нагревающего руки на расправах и конфискации. Такие представители большинства не способны на великодушные, к противнику, то которое проявляли друг к другу капитан республиканского сухогруза Фернандо Кирос и командир франкистского миноносца Антонио Навиа (Цикл «Фалько»); лейтенант-республиканец Роке Сугасагойтия и капитан-националист Педро Колль де Рей («На линии огня»). Очевидно, что героическая пассионарность является условием проявления благородства, случаи которого, как правило, расходятся с официальными указаниями и правилами. И в этом, пожалуй, можно видеть второй значимый для нас тезис автора, который в своих произведениях особо не симпатизирует верхушке Национального фронта, а также республиканского Народного фронта. Ему интересны простые вояки – от рядового до максимум майора, которые непосредственно сражаются, тянут на себя ляжку боев и лишений, при этом зачастую воюя не столько за, сколько против конкретной идеи (сержант Владимир «На линии огня»), а то и, разочаровавшись в идее, просто остаются на боевом посту из чувства долга (капитан Хуан Баскуньяна «На линии огня») [8].

Близкую проблематику затрагивает современный российский режиссер Юрий Быков в своих фильмах «Жить», «Завод» и др. Показательно, что в этих картинах образ героя наполняется протестным содержанием – бандит Андрей («Жить»), «недовольный всем» рабочий по кличке Седой, решившийся на силовой захват олигарха («Завод»). Их внутренний настрой побуждает их решиться на нонконформистский бунт, пытаясь повернуть ситуацию под себя насколько это возможно, тогда как большинство окружающих их людей всего лишь так или иначе приспособливаются к окружающим условиям. Жизненная стратегия первых требует неизмеримо больших волевых усилий, а потому неслучайно, что именно Андрей и Седой перед лицом смерти оказываются способны «жить по высшим принципам, прописанным в негласных законах» [14], хотя на словах вроде бы отрицают приверженность каким-либо моральным ценностям. Тем самым, представляется, что режиссер Ю. Быков и писатель А. Перес-Реверте отстаивают родственные взгляды.

Анализ названных художественных продуктов наводит на мысль о возможности проведения некоего моста взаимопонимания между россиянами и украинцами именно на почве проявляемых в настоящее время и той и другой стороной доблести, мужества, реаль-

ного героизма. Оба народа отнюдь не лишены пассионарности и вместе навверняка будут представлять дополнительный вызов западному миру, который как раз обделен подобными ресурсами. С другой стороны, и россияне и украинцы легко могут реанимировать общую культурно-цивилизационную почву, содержательно отличающуюся от Запада. Как это сделать – вопрос уже других работ.

Библиографический список

1. Вершинин Л.Р. Кто стоит за событиями в Дагестане? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bilk7xZ1kto>
2. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004. 240 с.
3. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.
4. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
5. Керсновский А. Философия войны. М.: Абрис/ОЛМА, 2019. 256 с.
6. Куманьков А.Д. Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kontseptsii-spravedlivoy-voyny-v-rabotah-m-uoltsera>
7. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
8. Перес-Реверте А. На линии огня. М.: Иностранка, 2022. 608 с.
9. Стойичевич С. Сетевая война против сербов. Уроки для России. М.: Книжный мир, 2019. 288 с.
10. Тамбиянц Ю.Г. Руденко М.В. Ресурс мужественности в цивилизационной конкуренции: проблематика Запада и шансы России //Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 285- 292
11. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулунц Г.А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 28-41.
12. Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
13. Хофмайстер Х. Воля к войне или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 288 с.
14. Юрий Быков: Я всегда буду снимать кино о несовершенном человеке // <http://www.taday.ru/text/538875.html>

УГРОЗЫ И РИСКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

THREATS AND RISKS OF REGIONAL STABILITY IN THE SOUTH OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE ROSTOV REGION)

М.В. Тарасова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

M.V. Tarasova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты анализа рисков и угроз региональной стабильности в Южном макрорегионе (на примере Республики Крым и Ростовской области) в условиях нарастания геополитического противостояния на южном стратегическом направлении. Сделан вывод о сохранении высокой динамичности геополитических процессов, влияющих на ситуацию в Южном макрорегионе. Основные риски, способные привести к региональной дестабилизации, для Республики Крым и Ростовской области обусловлены приграничным положением и примыканием к зоне вооруженного конфликта.

Abstract. The article presents the results of the analysis of risks and threats to regional stability in the Southern macroregion (on the example of the Republic of Crimea and the Rostov region) in the context of increasing geopolitical confrontation in the southern strategic direction. The conclusion is made about the preservation of high dynamism of geopolitical processes affecting the situation in the Southern macroregion. The main risks that can lead to regional destabilization for the Republic of Crimea and the Rostov region are due to the border situation and the proximity to the zone of armed conflict.

Ключевые слова: Региональная стабильность, геополитика, риски, угрозы, Южный макрорегион, Республика Крым, Ростовская область.

Key words: Regional stability, geopolitics, risks, threats, Southern macroregion, Republic of Crimea, Rostov region.

В современной геополитической ситуации исследование проблем Юга России приобретают все большую актуальность. Основные угрозы национальной безопасности сосредоточены на южном стратегическом направлении. В этом контексте актуальность рисков в условиях специальной военной операции в Черноморском регионе возрастает. Черноморская стратегия США и новая концепция внешней по-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2023г. (№ 122020100306-9)

литики РФ фиксируют долгосрочный тренд на усиление милитаризации и конфронтации между НАТО и Россией в регионе. Проект закона о безопасности в Черноморском регионе 2023 г. («Black Sea Security Act of 2023») [10], который разрабатывают США, подчеркивает важность черноморской акватории для глобальной безопасности в мире, Европе и США. Посол США Кэтлин Кавалек сообщила о «заинтересованности Конгресса в Вашингтоне в разработке стратегии для Черноморского региона в партнерстве со странами из этого региона для решения таких вопросов, как свобода судоходства, оборона и сдерживание, обмен информацией, экономическое развитие» [7]. «Черноморский регион всегда был важен, но война сделала его еще более важным» [4], – заявила представитель США. В документе прослеживается ориентир на более решительную внешнюю политику США и укрепление экономических связей со странами черноморского региона, а также создание совместного штаба, координирующего всю военную деятельность союзников и партнеров США в акватории Чёрного моря [10], что в свою очередь не отвечает национальным интересам России и создает определенные угрозы безопасности.

На прошедшей в апреле 2023 г. в Румынии конференции по безопасности Черного моря министр иностранных дел Украины Д. Кулеба призвал «превратить Черное море в море НАТО подобно Балтийскому морю» [3], а также его демилитаризации. Глава Госдепа США Энтони Блинкен выступил с заявлением о том, что «НАТО будет усиливать свое присутствие от Черного до Балтийского моря» [4], так как черноморский регион имеет стратегическое значение для альянса.

В контексте сложившейся геополитической ситуации серьезные риски в Черноморском регионе напрямую связаны с гарантиями безопасности Республики Крым, как важнейшего стратегического региона России, а также Южного макрорегиона в целом. Проведенный анализ информационного контента с целью определения динамики геополитических и внешнеполитических факторов, определяющих этнополитические процессы на Юге России (Ростовская область и Республика Крым), позволил зафиксировать ряд событий, указывающих на актуализацию геополитических рисков. Необходимо отметить усиление антироссийской риторики на международной арене, особенно на официальном уровне. Так, по инициативе Украины была организована международная площадка и проведены в течение 2021-2023 гг. три саммита «Крымская платформа», на которых обсуждается тема возвращения Крыма в состав Украины, звучит антироссийская риторика, призывы лидера запрещенной в РФ организация «Меджлис крымско-

татарского народа» «выселить из Крыма всех русских» [8], противопоставляют крымских татар другим народам с целью создать напряженность на полуострове и тем самым дестабилизировать ситуацию в Крыму.

В июле 2022 г. в СМИ появилось интервью министра обороны Украины А. Резникова британской The Times, где он сообщил о приказе президента Украины «отвоевать прибрежные территории на юге, которые находятся под контролем ВС РФ и республик Донбасса. Для реализации этого плана Украине понадобится вооружение с Запада. Резников призвал страны НАТО нарастить поставки оружия» [9]. Ранее в Мариуполе был обнаружен ноутбук украинского боевика с агитационными материалами для детей, созданными до начала специальной военной операции, на которых часть территорий РФ, в том числе Ростовская область, Белгород и Воронеж включены в состав Украины. Коллаж находился на жестком диске в папке «Презентации» раздела «Для школ и детских садов» [2]. Как рассказала в своем телеграмм-канале украинский адвокат Т. Монтян, которая известна оппозиционной позицией к киевской власти, глава украинской разведки Буданов заявил, что «завершиться СВО может лишь выходом на границы Украины 1991 г.», т.е. не только в Донецкой и Луганской областях, но и в Крыму. Во время интервью у него на столе была «будущая карта», на которой Украина включала города Ростов-на-Дону и Новочеркасск. России были оставлены лишь центральные области европейской части. Часть территории Краснодарского края, Северная Осетия, Кабардино-Балкария и Дагестан отведены «Ичкерии», Калининград – к ФРГ, восточные регионы и Сахалин помечены буквой «К», которая, по мнению Т. Монтян, означает Китай, север, включая Карелию и Санкт-Петербург, переданы Финляндии» [1].

О росте геополитических рисков свидетельствует и доклад начальника войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных сил России И. Кириллова об угрозе «химического терроризма». По сообщению Минобороны России, «21 апреля 2022 г. украинские военные пытались организовать химическую атаку на позиции российских войск, сбросив беспилотный летательный аппарат с токсичными веществами» [5]. Об этом свидетельствует найденный военными документ, датированный 5 декабря 2021 г., в котором говорится о емкостях для аэрозольного распыления объемом 20 и более литров. Учитывая, что дальность беспилотников составляет до 300 км, то целью Украины могли бы стать и южные регионы России, в том числе Ростовская область. Также обнаружены документы, под-

тверждающие факт прямого участия в разработках Правительства и Государственного департамента США: подписанное партнерское соглашение на проведение биологического проекта UP-1 между США и Украиной. Заключение подписано представителями Управления по снижению угрозы МО США (DTRA) и Львовским НИИ эпидемиологии и гигиены, Научно-исследовательским противочумным институтом им. Мечникова, а также Центральной СЭС Минздрава Украины [6].

Проведенный анализ угроз и рисков региональной стабильности на Юге России (на примере Республики Крым и Ростовской области) в условиях нарастания геополитического противостояния на южном стратегическом направлении позволяет сделать умеренно-негативный прогноз в среднесрочной перспективе для Республики Крым и Ростовской области. Сделан вывод о сохранении высокой динамичности геополитических процессов, влияющих на ситуацию в Южном макрорегионе. Основные риски, способные привести к эскалации этнополитического процесса и региональной дестабилизации, для Республики Крым и Ростовской области обусловлены приграничным положением и примыканием к зоне вооруженного конфликта.

Библиографический список

1. «Будущая карта Украины» включила в себя Ростов-на-Дону и Новочеркасск // Бизнес-газета. 2022. 5 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://bizgaz.ru/2022/07/05/buduschaja-karta-ukrainy-vkljuchila-v-sebja-rostov-na-donu-i-novocherkassk.html> (дата обращения 23.11.2022).

2. ВСУ поместили Ростовскую область на карту Украины для детей // Ростовская область сегодня: информационно-аналитический канал. 2022. 12 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://ro.today/15707-vsui-pomestili-rostovskuju-oblast-na-kartu-ukrainy-dlja-detej.html> (дата обращения 29.11.2022).

3. Глава МИД Украины Кулеба призвал сделать Черное море внутренними водами НАТО // Российская газета. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/04/13/glava-mid-ukrainy-kuleba-prizval-prevratit-chernoe-more-v-more-nato.html> (дата обращения 30.10.2023).

4. Госдеп США: НАТО будет усиливать присутствие от Черного до Балтийского моря // Российская газета. 2023. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/29/gosdep-ssha-nato-budet-usilivat-prisutstvie-ot-chernogo-do-baltijskogo-moria.html> (дата обращения 30.10.2023).

5. Минобороны заявило о попытке Украиной химатаки с помощью беспилотника // РБК. 2022. 23 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6263c1499a794756aee36964> (дата обращения 24.11.2022).

6. Минобороны сообщило о попытке Украиной распылить биологическое оружие над югом России // Privet-Rostov.ru. 2022. 1 апреля [Электронный ре-

сурс]. URL: <https://privet-rostov.ru/rus/77577-minoborony-soobschilo-o-popytke-ukrainoj-raspylit-biologicheskoe-oruzhie-nad-jugom-rossii.html> (дата обращения 20.11.2022).

7. Посол США заявила о важности новой стратегии для региона Черного моря // РИА Новости. 2023. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230311/region-1857227753.html> (дата обращения 30.10.2023).

8. Почему «меджлис» снова требует крымско-татарскую автономию – эксперты // РИА Новости. 2022. 22 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.ria.ru/20221028/pochemu-medzhlis-snova-trebuat-krymsko-tatarskuuyu-avtonomiyu--eksperty-1125139024.html> (дата обращения 20.11.2022).

9. Стало известно о приказе Зеленского отвоевать южное побережье // Ростовская область сегодня: информационно-аналитический канал. 2022. 11 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://ro.today/15686-stalo-izvestno-o-prikaze-zelenskogo-otvoevat-juzhnoe-poberezhe.html> (дата обращения 29.11.2022).

10. Чёрное море как зона ускоренной милитаризации // RTA. 2023. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: / <https://regtrends.com/2023/04/03/chyornoe-more-kak-zona-uskorennoj-militarizaczii/> (дата обращения 30.10.2023).

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР В МИГРАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ АРМЕНИЯ-РОССИЯ¹

SECURITY AS A FACTOR IN MIGRATION MOVEMENTS ARMENIA-RUSSIA

В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

В.Г. Аветисян

Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения

V.N. Rakachev, Ya.V. Rakacheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

V.G. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи между миграцией и безопасностью. Анализируются различные подходы к анализу безопасности в контексте миграций. На материалах качественного исследования среди армянских мигрантов в России и Армении проводится анализ содержания концепта безопасность, определяется место безопасности в ряду факторов определяющих миграционные перемещения. Сделан вывод о том, что связь миграции и безопасности представляет собой сложную проблему, имеющую множество

¹ Статья подготовлена в рамках реализации совместного российско-армянского проекта «Механизмы трансформации национальной идентичности в современных миграционных процессах (на примере миграционной сети Армения-Юг России)», № 20-511-05019 Арм_a, при финансовой поддержке РФФИ

аспектов, которые необходимо рассматривать и оценивать комплексно. Безопасность людей, которые ищут защиты или лучшей жизни не может рассматриваться в отрыве от безопасности стран. Для преодоления сложившихся проблем необходимо отойти от ситуативных решений и создать предсказуемую и надежную систему управления миграцией.

Abstract. The article examines the relationship between migration and security. Various approaches to security analysis in the context of migrations are analyzed. Based on the materials of a qualitative study among Armenian migrants in Russia and Armenia, an analysis of the content of the concept of security is carried out, and the place of security among the factors determining migration movements is determined. It is concluded that the relationship between migration and security is a complex problem that has many aspects that need to be considered and assessed comprehensively. The security of people who seek protection or a better life cannot be considered in isolation from the security of countries. To overcome existing problems, it is necessary to move away from ad hoc solutions and create a predictable and reliable migration management system.

Ключевые слова: миграция, мигранты, Россия, Армения, безопасность, риск, национальная безопасность, транснационализм

Key words: migration, migrants, Russia, Armenia, security, risk, national security, transnationalism

Миграция сегодня все чаще рассматривается в контексте безопасности, что связано с геополитическими потрясениями вследствие окончания «холодной войны», а также более широкими социальными и политическими сдвигами, вызванными процессами глобализации. Существующие сегодня дебаты вокруг миграции и безопасности отражают изменения представлений, как о природе миграции, так и о характере ее влияния на общество в целом и его отдельные сферы.

Если прежде миграция рассматривалась преимущественно в качестве социально-экономического явления, то сегодня вопросы миграции все больше смещаются в область глобальной политики, что является следствием, в том числе, включения в ее поле исследований безопасности.

Само понятие безопасности в широком смысле можно рассматривать как «состояние защищённости личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей» [4]. Э. Валлерстайн, П. Штомпка, Э. Гидденс, У. Бек, Н. Луман и др. авторы, описывая современную социальную реальность склонны определять ее как реальность, где уровень безопасности существенно снизился, а уровень риска, напротив, возрос. О современном обществе как обществе риска, в частности пишет Э. Гидденс, он отмечает, что «жить в эпоху поздней современности – значит жить в мире случайности и риска... мы никогда не будем чув-

ствовать себя в полной безопасности, поскольку местность, по которой проходит этот путь, чревата весьма существенными рисками» [3, с. 107.]. Согласно П. Штомпке в эпоху глобализации возникают «новые формы доверия и недоверия, риска и безопасности» [6, с. 596-599]. И. Валлерстайн определяет современный этап общественного развития как «критическую фазу» [2], а У. Бек говорит об «обществе всеобщего риска» [1].

Снижение уровня стабильности и безопасности, наряду с глобализацией общества придает существенный импульс миграционным процессам. Люди стремятся изменить место проживания с целью обрести безопасность. Это в корне меняет представления о самой миграции, и ее связи с безопасностью.

Взаимосвязь миграции и безопасности можно рассматривать с двух разных сторон: с точки зрения исследований безопасности и с точки зрения исследований миграции [7; 8; 9; 10; 11]. Это ведет к значительной дифференциации исследовательского поля, поскольку структурирует его в соответствии с расходящимися программами исследований. Действительно, области исследований безопасности и миграции сами по себе сложны и многогранны. В рамках исследований безопасности безопасность может рассматриваться, с одной стороны, в стратегических терминах как ценность или условие, которое должно быть достигнуто. С другой стороны, ее анализ может проводиться в критических терминах, таких как знание, дискурс, технология или практика. В пределах миграционных исследований, миграция может рассматриваться относительно узко, исключительно в экономическом фокусе. Или же можно подойти к ее анализу более широко, включив в него вынужденную миграцию, тем самым приведя исследования беженцев и трудовой миграции в более обширную область исследований. Это говорит о том, что само значение концепций миграции и безопасности весьма спорно и используется для выявления различных практик, которые формулируют различные обоснования.

Рассмотрение миграций на постсоветском пространстве через призму безопасности позволяет по-новому посмотреть на эти процессы, их причины и основные тенденции. Распад СССР знаменовал собой появление в геополитической реальности новых субъектов – независимых государств. При этом постсоветское пространство во многом сформировалось как пространство конфликтное. Тому было несколько причин: 1) свободное изменение территориальных границ между советскими республиками, исходя как из решения сугубо экономических задач, так и из политических и иных целей руководства

СССР; 2) доминирование в этот период именно силового сценария решения геополитических задач, который не решил сложившиеся конфликтные ситуации, а сформировал их как отложенные проблемные задачи; 3) несмотря на тот факт, что политическое пространство оставалось раздробленным, культурное пространство бывшего СССР оставалось единым: это знание русского языка, наличие устойчивых связей на его территории, наличие ряда программ облегчавших социокультурную адаптацию, что отражалось на миграционных потоках.

Сегодня одним из самых нестабильных регионов на постсоветском пространстве является Южный Кавказ. Здесь, на сравнительно небольшой территории находятся бывшие советские республики, а ныне независимые государства: Грузия, Азербайджан и Армения, а также провозгласившие свою независимость Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах (до 2023 г.). Регион классифицируется большим числом скрытых и открытых конфликтов, взаимных территориальных претензий, Крупные региональные и мировые политические игроки: Россия, Турция, Иран, США имеют здесь свои интересы, что также усугубляет ситуацию с безопасностью в регионе.

Сложившаяся ситуация обуславливает масштабный миграционный поток из региона, значительная часть которого направляется в Россию [5]. Значительную часть этого миграционного потока дает Армения. С 2015 по 2021 год в Россию из Армении прибыло более 381 тыс., выехало 242,1 тыс. чел., около трети мигрантов осталась в России.

В ходе качественного исследования, проведенного в 2021-2023 гг. среди армянских мигрантов в южных регионах России (38 интервью и 3 фокус-групповых дискуссии), представляющих разные миграционные волны и мигрантов, вернувшихся в Армению, нами изучались причины миграции и выбора России в качестве принимающей страны.

Нужно отметить, что вопрос безопасности в ходе интервью не артикулировался нами целенаправленно, и изучение ее как фактора миграции изначально не выделялось в самостоятельную задачу. Однако в ходе анализа полевых материалов мы обратили внимание на то, что мигранты самостоятельно поднимали и выделяли проблему безопасности, причем делали это достаточно часто, практически во всех интервью эта тема присутствует.

Таким образом, в нашем исследовании в силу особенностей его дизайна фокус анализа оказался смещенным со стратегического анализа миграции и безопасности (безопасности государства), на без-

опасность личности. В рамках такого анализа государство как субъект безопасности отодвигается на второй план, тогда как на первый план выходит безопасность мигрирующих людей.

Анализ интервью выявил высокий уровень тревожности респондентов, актуализацию проблемы безопасности в различных ее аспектах. Вместе с тем, акценты, которые ставили информанты, несколько отличались, что позволило рассмотреть безопасность, с одной стороны, как фактор, побуждающий мигрантов покидать Армению, и одновременно как фактор притягивающий, направляющий их в Россию.

«Есть, конечно, и проблема безопасности, это тоже обострило ситуацию. В свете прошлогодних событий, никогда еще из Армении люди не хотели так покинуть страну, из-за того, что тут просто опасно жить. До этих событий, единственной причиной являлось социально-экономическое положение Армении, сейчас к этому добавились уже вопросы безопасности» (мужчина, 35 лет).

В нарративах информантов безопасность концептуализируется в традиционных терминах, как ценность и цель, которую необходимо достичь. Как следствие, отсутствие безопасности вынуждает мигрантов покидать Армению, в свою очередь Россия представляется им страной, где безопасность в большей степени им гарантирована.

«В этом срезе, конечно, сейчас, безусловно, в России не то что безопаснее, а в принципы Россия в военном плане, несмотря на всю эту внешнюю напряженность, Россия остается одна из самых безопасных стран на свете, с учетом многих факторов. И в плане внешних угроз, Россия, конечно, не сравнить с Арменией. В этом смысле в России куда безопаснее, а в Армении в связи с последними событиями эти вопросы гораздо обострились» (мужчина, 43 года); «Из моих знакомых армян, кто уехал в Россию, обратно никто возвращаться не хочет. Я сейчас никого таких не припоминаю. Все из-за вопросов безопасности» (мужчина, 50 лет).

Безопасность в нарративах части информантов вступает, с одной стороны, как некое глобальное качество, как генерализованная, совокупная причина, у других она проявляется наряду с прочими значимыми причинами миграции:

«На первое место я бы поставила неустроенность там, на родине, неустроенность, отсутствие работы вот. Нет работы, значит, нет источника, никаких источников дохода. Конечно, человек будет уезжать. Он уезжает, прежде всего, за заработком. А дети, это тоже имеет значение. Я бы поставила вот детей. Наверное,

сначала чтобы был заработок, чтобы было спокойно, не стреляли. В настоящее время это у нас актуально, а потом уже на третьем месте я бы поставил детей. Мирная жизнь, заработок и будущее детей, вот так я расположила» (женщина, 54 года); «Все в основном едут из Армении в Россию, обратно почти никто. Хотя причин разных нету: две причины в основном – работа и безопасность» (женщина 39 лет).

С другой стороны, сама безопасность может проявляться в нескольких аспектах. В ответах информантов мы смогли обнаружить и вывить безопасность в таких ее проявлениях как:

– защищенность и гарантии на рынке труда, возможность обеспечивать благополучие и достойную жизнь свою и членов семьи (*экономический аспект*);

– защищенность от насилия, отсутствие угрозы жизни и неприкосновенности своей и членов семьи (*экзистенциальный аспект*);

– защищенность и гарантии свободы слова, права на выражение политической позиции, отсутствие преследований и наказаний в отношении оппозиции (*политический аспект*) и др.: «Причина нашего переезда была в том, что просто нечего было есть. Тогда в стране была инфляция – дикая, зарплаты никакие, не выдавались вообще годами и месяцами, не было электричества, не было нормальных условий для жизни, и отец принял решение, что мы должны переехать. Просто, чтобы выжить» (женщина, 36 лет); «Нельзя сказать, что они сильно хотят переезжать. Их обстоятельства вынуждают, вопрос выживания, опасения за свою жизнь ...» (женщина, 64 года); «У нас произошел переворот и во главе встали уже 100% те люди, которые подконтрольны американцам. А это естественно обострит отношения с Россией. Сейчас нигде не безопасно, везде война» (мужчина, 44 года).

Важной составляющей нарративов о безопасности является представление о том, что причиной миграции может стать угроза для членов семьи, и, прежде всего, детей.

С учетом ситуации в нашем регионе это может быть связано с безопасностью семьи, что самое главное. Я считаю, что в центральной России безопасно полностью. То есть если здесь возникнет реальная опасность, я семью не думая отправлю только в Россию. Да только в Россию и только в центральную Россию (мужчина, 48 лет).

И вместе с тем, в этом контексте встречаются весьма парадоксальные дискурсивные линии: «Здесь можно смотреть с разной стороны. Если говорить... Слава Богу, у меня дочка. Сына Бог мне не

подарил. Но, если бы у меня были сыновья, то я бы сказала за Россию. Сейчас в Армении нестабильная ситуация и, если бы мои сыновья служили бы в Армении, то я бы в этом случае ответила, что в России мне было бы безопаснее. А так как у меня дочери, я могу сказать, что чувствую я себя хорошо и моя семья и в Армении, и в России. То есть, нам комфортно и там, и там. Конечно, в России более стабильно... комфортнее условия» (женщина 54 года).

Подводя итог, можно отметить, что связь миграции и безопасности – это сложная проблема, имеющая множество аспектов, которые необходимо рассматривать и оценивать комплексно. Безопасность людей, которые ищут защиты или лучшей жизни не может рассматриваться в отрыве от безопасности стран, которые обеспокоены тем, что миграционное давление превышает их возможности и их собственные национальные системы интеграции не смогут справиться с большими потоками мигрантов. Для преодоления сложившихся проблем необходимо отойти от ситуативных решений и создать предсказуемую и надежную систему управления миграцией.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып.5. С. 107-134.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I "О безопасности" (с изменениями и дополнениями) URL: <https://base.garant.ru/12181538/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 3.11.2023)
5. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Миграционный обмен между Арменией и Россией: структура и направленность миграционных потоков / Материалы III Всероссийского демографического форума с международным участием, 3-4 декабря 2021 г. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 264-268.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008. 664 с.
7. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London : Macmillan. 1993.
8. Christopher R. National Security and Immigration. Stanford: University Press. 2006.
9. Doty, R. L. Anti-Immigrantism in Western Democracies: Statecraft, Desire and the Politics of Exclusion London: Routledge. 2003.
10. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. N 60. P. 126-142.
11. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. N 3. P. 47-57.

РАЗДЕЛ VII. НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

К ИСТОКАМ СОВРЕМЕННОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1920-Х ГОДОВ¹

TOWARDS THE ORIGINS OF MODERN NEOCOLONIALISM IN THE CIVILIZATIONAL SPACE OF THE 1920S

Т.Ю. Красовицкая

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

T.Yu. Krasovitskaya

Institut of russian history of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Дискурс неокOLONИализма занимает в последние годы все большее внимание в историографиях бывших советских республик, не только центрально-азиатских, кавказских и др. Пост(нео)колониальные теории изобретаются и в других странах имперского и постимперского мира, захватывая разные тематические сферы, сосредоточиваясь на размывании традиционного суверенитета в разных хронологических этапах и периодах. Процессы советской модернизации в молодых государствах объясняются идеологическими мотивами «взаимозависимости» и «взаимодополняемости», другими неокOLONИалистскими формулами конструирования образа, например, «наказанного народа» или народа-жертвы, «интеллектуального» террора и пр. При анализе нарративов видно: неокOLONИальная идентичность — это конструкт. И как любой конструкт, понятие страдает некоторым упрощенчеством, унификацией и не всегда оправданным стремлением к обобщению. Не идет ли речь о попытке увести спор от осмысления новых аспектов конкретно-исторических проблем советской модели, забыть голоса тех, кто перестал существовать для мира извне с уходом последней «великой» социальной утопии XX века?

Abstract. The discourse of neocolonialism has been receiving increasing attention in recent years in the historiographies of the former Soviet republics, not only Central Asian, Caucasian, etc. Post (neo)colonial theories are being invented in other countries of the imperial and post-imperial world, capturing different thematic areas, focusing on the erosion of traditional sovereignty in different chronological stages and periods. The processes of Soviet modernization in young states are explained by ideological motives of "interdependence" and "complementarity", other neo-colonialist formulas for constructing an image, for example, of a "punished people" or a victim people, "intellectual" terror, etc. The analysis of narratives shows that neocolonial

¹ Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

identity is a construct. And like any construct, the concept suffers from some simplification, unification and not always justified desire for generalization. Is it an attempt to divert the dispute from understanding new aspects of the concrete historical problems of the Soviet model to forget the voices of those who ceased to exist for the world from the outside with the departure of the last "great" social utopia of the XX century?

Ключевые слова: неоколониализм, историография, советская модернизация, идеологические мотивы

Key words: neocolonialism, historiography, Soviet modernization, ideological motives

Неоколониальную «констатацию нашего общего человеческого удела, его специфическую конфигурацию, – утверждает М.Тлостанова, – мы не в силах изменить» [11, 12]. Это вряд ли, в наших возможностях продолжать искать ответы в непростом опыте советской модерности, ее нелинейном процессе, ее определенных правах, благах, уровне модернизации, распределении ролей – интеллектуальных, культурных, художественных. Тлостанова видит «человеческий удел тех, кто принадлежит к колониальной стороне модерности», опирается на ценный анализ А.Эткинда, который подробно рассмотрел границы применения западных понятий колониализма и ориентализма к русской культуре, формирования языка самоколонизации у российских историков [13]. Пострадавших от сталинских репрессий джаидов и алашистов как *колониальных* интеллектуалов порицает А.Бисенова с соавторами за сведение их многоплановой сложной истории к «ложным дихотомиям» прогресса / регресса, модернизации / отсталости, за их колониальную конфигурацию в силу полученного образования в российских университетах и своего вклада как колониальной элиты в сохранение, по сути, колониального общества [5].

Но фактически насыщенная интересная история людей XX века, полная драматизма, ошибок и побед на разнообразных этнокультурных пространствах бывшего СССР требует беспристрастного и объективного разбора. Этот опыт российских народов, результат их модернизации, касается не только полезных ископаемых, но и культуры, языков, традиционных космологий, вариантов борьбы с неравенством в ситуациях, всегда практически по-разному отчаянных. В нем зияют колоссальные лакуны, нераскрытые ответы на загадки и вызовы современности [2, 3, 4, 6, 7].

Этот опыт критически осмысливается на основе ранее недоступных источников, новых теорий и исследовательских технологий. В последнее время деконструкция базовых идей империи с помощью

модной ныне археологии знания о них позволяет отчетливей видеть результаты успехов в заимствовании политических практик. Принцип свободной организации обществ, дающий возможность быть «на равных», археология знания позволяет использовать как инструмент борьбы за ту или иную политику, программу, проект и пр. Так концепция евразийства, феноменальных проектов интеллектуалов русского зарубежья первой половины XX века, специфического движения общественно-политической мысли, возникнув в 1920-е гг. прежде всего как ответ на экспансию западных держав и попытки навязать этническим культурам либеральные ценности и стереотипы мироприятия, на самом деле является неокOLONIALНЫМ дискурсом эмигрантских элит. Притязаний на их удел – на этнокультурное российское множество, которым после 1917 года распорядились, считалось, новые советские хозяева. С укреплением советского режима и разработкой советского метаязыка евразийство предприняло попытку занять на пространстве этой культурной сложности идеологическую нишу, причем не всегда безуспешно. Евразийцы, настаивая на равенстве народов Евразии, провозглашали участие неславянских народов в общей государственной и политической жизни Евразии чтобы повернуть Россию на путь современного мультикультурализма в целях сохранения единого государственного пространства. Но современная оценка алашевцев «брокерами» и «производителями знаний о степи» субъективно-обидна. На Северном Кавказе имеются аналогичные факты сформулированных в ранние сроки оценок вернувшихся в горы «гостей в пиджаках, принесшие гостинцы горцам». Речь шла о всех, кто не понял неотвратимости сделать судьбоносный выбор: их ожидает то, что «лоно матери» забудет их. Их ждет «хаос без просвета», «гроб, уготованный историей», «могила» с «трупным запахом» и пр. [1].

Культурные нарративы играют огромную конститутивную роль, но вклад в антиколониальные подходы не более чем побочные эффекты рядом с первостепенной задачей: создавать и укреплять доказательные точки зрения на историю цивилизационного развития на просторах в данном случае Центральной Азии.

Постколониальная теория и ее базовые нарративы могут упрощать сложные истории, требующие альтернативных прочтений. Постколониалистская модель, созданная для исследования отношений угнетения и сопротивления (или их гибридного взаимодействия) не предоставляет аналитических инструментов для интерпретации более сложных мотиваций. Высказывается мысль об обоюдном недо-

верии языка и репрезентации, неизбежном в ситуации, когда политическая (включая постколониальную) риторика и идеологические дискурсы оказываются бесконечно далеки от личного травматического опыта отдельных людей и целых народов.

Постколониализм превращается в своего рода интеллектуальное поветрие, становится расхожим модным словом, а сработанные нарративы находят путь к сердцу современных брокеров научной биржи, терминология быстро проделывает путь от специфической научной (политологической и культурологической, далеких от конкретно-исторических) до популярной нехудожественной литературы, медиа и массовой культуры – нередко в донельзя упрощенном виде, теоретический вокабуляр распространяется и семантически расширяется.

Научная интеграция постколониальной теории в евразийские конкретно-исторические исследования еще не породила сопоставимых по сложности дискуссий. На данный момент мы пользуемся этим дискурсом без должной строгой самокритичности. Общий консенсус сводится к тому, что постколониальная теория потенциально продуктивна для нашей области, но только в том случае, если воспринимать ее критически и адаптировать к специфике материала.

В частности, Илья Кукулин предположил, что величайший риск внедрения постколониальной методологии может заключаться в повторной ориентализации бывших российских колоний, на сей раз при помощи нового и якобы заслуживающего доверия методологического аппарата [8]. Клавдия Смола описывает постколониализм как «мультидискурсивный и порой противоречивый академический нарратив, в рамках которого атрибут "постколониальный" часто используется как троп политического и культурного неравенства и тем самым как категория чистой риторики» [9]. Преувеличенное внимание к постколониальному дискурсу в постсоветском Казахстане показывает: постколониальная риторика больше используется политическими элитами.

«Синкретизм» евразийства своим смешением практик различных школ мысли умножал стремление к целостности имперского пространства. Неоколониальный мотив своей исторической миссии в строительстве Новой России евразийцы видели во включении происшедшего в революции – в рамки русской и евразийской исторической традиции, не будучи консерваторами, поскольку мыслили в категориях прежде всего народов как живых существ, а не «элит», иногда заинтересованных и даже пытающихся «остановить историю».

«Мы, – справедливо указывает В.Тишков, оценивая неоколони-

алистские подходы, – привыкли говорить о пользе истории, но редко, когда – о злоупотреблении историческими аргументами». Он разбирает пример с Чечней, неадекватное и амбициозное обращение с историей и этнографией как «кардинальное расхождение с тезисом о "российской интервенции как об ошибке колониальной этнографии", под которой Анатолий Ливен имеет в виду прежде всего незнание, непонимание или игнорирование культурной природы чеченского общества» [10]. Неоколониальная по своей сути «симпатизирующая этнография» делает плохую услугу народу, который становился предметом демонстративной любви внешних сил.

В настоящей статье попробуем увидеть новые нюансы практик лидеров общефедерального уровня, рассмотреть причины, побудившие большевиков привлечь опыт *авангардистских* практик, использовать их мощный протест против имперских проектов колонизации нерусских этносов. Любопытно, что историки стыдливо обходят как имперский колониальный российский опыт, так и авангардизм культурной политики первых революционных лет, обходясь и в том, и в другом случае разными эвфемизмами. Российское общественное сознание к 1917 году представляло собой духовно-интеллектуальный сплав идей разной степени радикализма: символистской «третьей духовной революции», «нового религиозного сознания» Д. Мережковского, богостроительства А.Луначарского и М. Горького, философии «общего дела» Н. Федорова, теософии Е. Блаватской, христианского социализма С. Булгакова, экуменизма В. Соловьева, космогонических фантазий Э. Циолковского, христианского анархизма Л. Толстого и, конечно, марксизма в разных изводах его исповедовавших. Немало разнообразных идей накопили теоретики джадидизма в тюркском обществе. Авангардизм впитывал идеи, которыми жила культура того времени, ее веру в особую миссию и предназначение России, которая была в равной степени свойственна как представителям культуры Серебряного века, так и леворадикальным политикам во главе с В.Лениным. Широкое культурное движение авангарда захватило все искусства, философию, богословие и науку, затронув и социальную жизнь, и ноаое государственное устройство. Большевики и деятели русского авангарда разными путями шли к одной цели: к кардинальному разрушению старого (общества, искусства), чтобы на его руинах строить новый мир. Авангардизм представлял собой совокупность движений в культуре, для которой характерны разрыв с предшествующей традицией, экспериментальный поиск новых форм и путей.

Конечно, авангардизм вышел из той общественно-политической

и художественной ситуации, которая сложилась в конце XIX века. Из плавильного котла Великих реформ 1860-х годов, в котором имперство доживало последние дни. Доминировавшее до них утверждение об унифицирующей и репрессивной имперской колониальной стратегии этнокультурных практик на окраинах создавало ложное представление о привилегированной метрополии и неизбежно ущемленной в правах периферии. Установка на эксперимент и новизну, оригинальность - одна из отличительных черт авангарда. В нем отсутствовала выстроенная система эстетических постулатов (правил, законов), но была характерна подвижность границ и плюрализм, множественность подходов к осмыслению сути бытия, картин мира, притязание на уникальность предложенного пути. Все эти постулаты, правила и законы давали в руки средства борьбы с колониальным прошлым.

Осмелев к 1917 году, авангард нес в себе жажду жизнестроительства, бескомпромиссность, пафос борьбы, устремленность к новому в образе гордого пророка-творца. Большевикам нравилась мессианская роль, они выступали посредником между наднациональной целью коммунистической революции (областью трансцендентного) и потребностью в локальной, привычной культуре (наличной действительностью). Этот род творческой деятельности, являлся и искусством, и политикой, и философией, и публицистикой, и наукой, и религией и еще много чем. Цель ее – построить новое общество путем радикального изменения мира, для чего нужно радикально изменить сознание населения. Движение стремилось к борьбе за свободу в реальности, за право свободного мышления.

Требовался концептуальный аппарат для перевода конструкций пространства, времени, вещного фона, point of view (точек зрения), ролевой структуры героев, норм репрезентации реальности – в практики, на которые можно опираться. Национальные и партийные лозунги и темы: «человек с творческим потенциалом», новое общество, нации, национальная идентичность преобладали. Это политическое поле после 1917 года занял Наркомнац И.Сталина, за «организационные» его плоды в культуре отвечал Наркомпрос А.Луначарского.

Опыт двух стратегий советских наркомов: по просвещению (А.В.Луначарского) и по национальным делам (И.В.Сталина) важен для понимания использования авангарда в исследуемом контексте, тем более он лишь по традиции называется русским (определение появилось в 1950-х годах). Авангард открывался политикам, если смотреть на него не только как на искусство, как совсем не на искусство, а как на *практики людей, работающих в суровом политическом жанре.*

От руководителей советских наркоматов, призванных упорядочить и освоить «проблемные» поля, за которые они несли ответственность, требовалась огромная эрудиция, знание исторических, ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и причин формирования или отказа от тех или иных управленческих конструкций. Должностные обязанности наркомов, отвечающих за стратегию развития государства, пересекались в поле сложных этнокультурных проблем. Через кабинеты возглавляемых и Сталиным, и Луначарским наркоматов проходили разнообразные сотрудники, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими или их соплеменниками) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность.

После Октябрьской революции российский авангард состоял из радикальных представителей культурной элиты разных этносов, резко политизированной. «Левые» художники шли на службу новой власти, становясь ее сообщающимися сосудами, наполняя их содержание даровитостью, талантом политических практик в атмосфере бурного развития этнокультурных процессов, их авангардных импульсов.

С первых лет советской политической риторики освобождение угнетенных народов служило одним из главных тропов новой власти. В 1917 году Совнарком опубликовал ряд деклараций и обращений, например, Декларацию прав народов России, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в последней говорилось: «...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно». Большевики с энтузиазмом подхватили знамя российского континентального экспансионизма, придав ему коммунистическую окраску и глобальный масштаб. Власти появившихся республик провозглашали право угнетенных народов на самоопределение своим безусловным приоритетом: «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках».

Национализм и интернационализм – две версии западной прогрессистской парадигмы модерна – противостояли друг другу, активно обсуждались в кругах партийных и этнических элит, представлений народов о себе и о других. Национальную политику «отец народов» (это название в данном контексте далеко не случайно) мыслил именно в категориях прав народов, хотя декреты большевиков не считались окончательными или даже долговременными — они со-

держали больше вопросов, чем ответов.

Механизм успеха взаимодействия с этнокультурными пространствами и их ресурсами коренился в многослойном комплексе идентичностей. Менялись системы коммуникаций, очертания административных и государственных границ, ареалы расселения, ментальные ориентиры и поведенческие стратегии народов и их элит. Заявленное право самоопределения наций вовсе не прекрасный лозунг, но границы цивилизации были довольно размытыми. Казалось, на глазах стремительно стирались границы между «цивилизованным» и «нецивилизованным» мирами, но каждый в 1920-е годы оставался страным и многоукладным в переходном, подвешенном состоянии. Люди вне зависимости от конкретных судеб и политических убеждений, были уроженцами старого мира.

Для наркома просвещения А.Луначарского важным было наполнить новыми ресурсами политическую модернизацию сложного этнокультурного пространства. Ему предстояло «перекроить» амбициозные традиционные ресурсы и, перекроив их, встроить в вариант европоцентристской культурно-образовательной модели. За границей он видел: широкое движение авангарда захватило все сферы искусства, философии, даже богословия, науки, высшей школы, педагогики школы, затронуло и социальную жизнь. Авангардисты, их ресурсы меняли мировой канон главным требованием: во-первых, за небольшой отрезок времени (лозунг авангарда: «Время, вперед!») предъявить современные продукты, во-вторых, изменить язык времени, отразить их вызовы. Авангард предложил себя инструментом, при помощи которого можно менять общество. Деятелей авангарда сближала с политиками общая цель, но разными путями шли они к ней.

У каждой этнической группы элит имелись представления и проекты встраивания своих интересов в обновляемое государственное пространство. Но повсеместно элиты выдвигали требования сохранить локальную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис (усилен революционными движениями 1917 года) о том, что только народ страны образует законный источник суверенной власти, его решения являются приоритетными. Этой позиции соответствовала форма федерации как союз государств.

Библиографический список

1. Алаг Ирский. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2.
2. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России. Идеология и практики управления 1917-1941 гг. М.: Новый хронограф,

2020.

3. Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е гг.: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021.

4. Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности, 1917-1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

5. Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // НЛО. 2020. № 6.

6. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля - октября 1917 г. М.: Новый хронограф, 2015.

7. Красовицкая Т.Ю. Идеи и практики в советской национально-культурной политике. 1917-1929 гг. М.: Кучково поле, Музеон. 2023.

8. Кукулин И. Внутренняя постколонизация: Формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

9. Смола К., Уффельманн Д. Постколониальность постсоветских литератур: конструкции этнического // Новое литературное обозрение. 2017. № 2.

10. Тишков В. Конструирование чеченцев из этнографического мусора / Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001.

11. Глостанова М. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 5-6.

12. Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // НЛО. 2020. № 1.

13. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ОБЩНОСТИ КАК ГАРАНТИЯ СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

COLLECTIVE SYMBOLIC CAPITAL OF THE COMMUNITY AS A GUARANTEE OF STABILITY AND DEVELOPMENT IN THE ERA OF GLOBAL CHALLENGES

М.М. Юсна

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь

M.M. Yuspa

National Institute For Higher Education, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье осуществлено краткое погружение в историю России с целью выяснения места коллективного символического капитала в системе ценностей общности. На примере культурно-исторического региона «Тамань» автор рассматривает значение символического капитала территории в процессе экономического развития.

Abstract. The article provides a brief dive into the history of Russia in order to clarify the place of collective symbolic capital in the system of community values. Using the example of the cultural and historical region "Taman", the author reviews the significance of the symbolic capital of the territory in the process of economic development is.

Ключевые слова: коллективный символический капитал, символический капитал места, символический капитал территории, управление городом; система ценностей, Тамань, Юг России, идеология, национальная безопасность, информационная безопасность, культура, цивилизация.

Key words: collective symbolic capital, symbolic capital of a place, symbolic capital of a territory, city management; value system, Taman, South of Russia, ideology, national security, information security, culture, civilization.

В XX и XXI веках на долю России выпало вероятно максимально возможно количество потрясений на единицу измерения в виде отдельно взятого государства.

За неполные 100 лет государство дважды прошло период распада и становления каждый раз приобретая новую форму своего существования.

События Великой Октябрьской социалистической революции поставили тысячелетнюю державу на грань выживания, и она уже была готова распасться и покориться, но единый народный порыв удержал её над пропастью.

Что же стало причиной такого хода исторических событий?

Неужели и в самом деле речь идёт о предательстве националь-

ных интересов со стороны большевиков?

Теории заговоров строятся до сих пор однако многие из них упускают из вида, что в итоге получившийся Советский проект принял форму чего-то большего, чем была сама Российская империя. Некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что СССР достиг большего величия чем предшествовавшее ему государство – он стал цивилизацией.

Конечно, Арнольд Тойнби частично относил к своему списку локальных цивилизаций Российскую Империю, однако рассматривая православную цивилизацию. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов выделял славянский, базируясь на лингво-этническом принципе классификации. Освальд Шпенглер не видел в своём списке сформировавшихся культур Российскую Империю, но отмечал зарождающуюся русско-сибирскую культуру.

Можно ли говорить о том, что СССР всё-таки стал цивилизацией?

Есть два элемента, которые указывают на такую вероятность.

Во-первых, неизменной структурной частью любой локальной цивилизации указанные выше учёные видят религию и именно поэтому Тойнби говорит о православной цивилизации, в то время как Российская империя не являлась моно-религиозным государством.

Во-вторых, в трудах Данилевского и Шпенглера прослеживается ведущее значение языка в формировании цивилизационной общности. На этот же языковой нюанс в развитии человека и народа указывали наработки и более ранних учёных.

Ещё Платон в своей работе «Государство» изучал значение языка в работе с сознанием, а более современный Данилевскому и Шпенглеру Вильгельм фон Гумбольдт отмечал, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык», формирующий его уникальное «мировидение» [3, с. 68] [4, с. 370]. Языковед тем самым указывал на роль языка в выработке мыслительных шаблонов и мировосприятии.

Если исходить из этих базовых критериев локальных цивилизаций, то действительно СССР уже имеет больше шансов стать полноправным участником списка. И если сточки зрения языка никаких вопросов не возникает, так как в Советском Союзе была выстроена, наверное, самая лучшая в мире система образования, впервые сумевшая донести русский язык до всех уголков огромной страны, то с религией, на первый взгляд, всё сложнее.

Противоречие, как вы уже догадались, кроется в том, что по Освальду Шпенглеру «Сущность всякой культуры – религия» [12, с.

546], а в СССР, как известно, религии официально не было. Очевидно, что без ценностных ориентиров в обществе может наступить хаос, и на смену религиозной системе ценностей быстро заступила коммунистическая. Но подобные проекты не могут быть построены на пустом месте и им нужно опираться на знакомые людям конструкции, уходящие корнями в глубь народа.

Можно сказать, что Двенадцатью заповедями советского гражданина, дающими основной ценностный ряд, хоть и не сразу, но стал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Если мы обратим на него внимание, то обнаружим ряд совпадений [1, с. 90].

Например, указанный там принцип борьбы с несправедливостью уходит своими корнями в ещё языческую Русь. Уже тогда, более тысячи лет назад, наши предки считали справедливость одной из основ славянских племенных общностей и в эпоху политеизма соотносили это понятие с пантеоном солнечных светлых богов, солнцем и дневным светом иногда даже наделяя Сварога титулом «Справедливый» [11].

Истоки коммунистического принципа коллективизма можно найти в термине «соборность». Он приходит из церковного обихода, однако в поисках русской души большое внимание ему уделяют учёные. К понятию «соборности» обращаются славянофилы и их оппоненты, но, пожалуй, одним из самых выдающихся исследователей данного направления стал Семён Людвигович Франк. Учёный видел в «соборности» «всякое вообще единство людей, утверждённое в вере», но немислимое без жизненной цели или идеи [10, с. 93].

Как известно, советское общество также шло к своей коммунистической цели.

Ещё одну интересную историческую параллель можно увидеть во второй части пункта о коллективизме в части товарищеской взаимопомощи, где указано, что в Советском Союзе каждый за всех и все за одного. Удивительным образом эти слова перекликаются с высказыванием генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, глубоко проникнувшие в коллективный символический капитал русской армии: «Самъ погибай, а товарища выручай!» [8, с. 7].

И вот, наконец мы добрались до темы данной статьи.

Что же такое коллективный символический капитал и как он нам может помочь в развитии нашей общности, гарантировать её стабильность и разностороннее развитие?

Термин «коллективный символический капитал» появился в русскоязычной науке усилиями философа Александра Сергеевича

Панарина, наделившего его значением «копилки общей памяти», включающей в себя, помимо исторического наследия, обычаев, традиций, образов героев и пр., также бессознательные шаблоны действий человека – габитусы [6, с. 191–192].

Символический капитал и габитус широкой публике были представлены французским этнологом и социологом Пьером Бурдьё, описавшим их в своей книге «Практический смысл».

Изначально исследователь определил символический капитал как «капитал чести и престижа», проводя аналогию с репутацией [2, с. 231]. Однако, по мере изучения его работы, становится понятно, что этот капитал черпает свою силу в знании и, что немаловажно, не везде узнаваем. То есть, для распознавания символического капитала необходимо быть членом общности, пропустившей через себя и усвоившей это же знание как на уровне устно-письменного материала, так и форме габитуса – и язык играет в этом одну из ведущих ролей.

События, подтолкнувшие Бурдьё к написанию указанного труда, показывают ещё большую актуальность его анализа и абсолютно прозрачные ассоциации с нашей действительностью. Дело в том, что в основу исследования было положено наблюдение за меняющимся бытом кабийского племени в Алжире, находившемся под французской колониальной оккупацией.

Исходя из терминологии дня сегодняшнего мы бы сказали, что Бурдьё стал свидетелем разрушительных последствий столкновения цивилизаций, когда Запад внедрял элементы своего символического капитала в алжирскую общность и менял её идентичность. И нужно отметить, что действия французов в Алжире считаются самыми жестокими в сравнении с другими их африканскими колониями.

Как во времена Холодной войны, так и в гораздо большей степени после развала СССР, Отечество подверглось широкомасштабной информационной агрессии, которая вопреки мнению многих комментаторов, не заключается лишь в воздействии СМИ. Наряду с ними и используется язык, массовая культура, образование, наука, маркетинг, реклама и иные средства для внесения радикальных изменений в наш коллективный символический капитал.

Символический капитал, помимо участия в создании идентичности общности, может в таких условиях быть и объектом воздействия извне.

Сущность символического капитала многогранна. Хранимая им информация может быть использована и в экономической плоскости, становясь подспорьем к развитию как в мирное время, так и в перио-

ды кризисов.

Этот пример можно кратко рассмотреть на уровне микро-региона, который ещё раз покажет разность габитусов мыслительных процессов в зависимости от цивилизации.

Совсем недавно в российской науке появился термин «символический капитал территории или места», что было связано с постановкой задачи по поиску путей развития туристического потенциала определённых территорий и городов в целях улучшения туристической привлекательности.

Федотова Н. Г. определила, что существуют элементы, которые «обеспечивают месту узнаваемость, известность, престиж, т.е. формируют символический капитал» и заключила, что «символический капитал места – это совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп» [9].

Схожей позиции придерживались коллеги Федотовой Н. Г. по заданному направлению исследования в целом воспринимая символический капитал как инструмент монетизации усилий по развитию туристического потенциала, то есть видя в нём внешнюю обёртку в виде логотипа и бренда, несущего некое знание через информационный инструментарий и создавая образ на продажу.

В то же время западные англо- и испаноязычные исследователи, рассматривая уже коллективный символический применительно к категории «территория», рассматривают в нём аккумулированный от местного «творческого шума» эффект в виде узнаваемости [15], также, как и объект защиты в виде, представляющий из себя местный образ жизни и городскую архитектуру, которую пытаются поменять в угоду нескончаемому потреблению [14].

Как видите, учёные из разных цивилизаций по-разному смотрят на значение одного и того же термина.

Возвращаясь к экономической тематике хотелось бы обратить внимание на Тамань, где мы понимаем под «Таманью» не только название полуострова в Краснодарском крае и одноимённую станицу, но и древнейший российский регион, чьи пределы в рамках данного материала предлагается рассмотреть по границам Боспорского царства. Этот регион впитал культуру многих народов, что отразилось как на архитектуре, так и на формах экономической деятельности, включавшихся в древности в выращивании на экспорт пшеницы, производстве вина, рыбной ловле, торговле, развитию мореплавания.

В советские годы такие виды деятельности в частном секторе ещё сохранялись, позволяя не только удовлетворять собственные потребности местному населению, но и осуществлять торговлю на рынках товарами с собственного подворья. Такое положение вещей не только давало возможность снижать зависимость от внешних поставок продовольствия, но и выполняло социальную функцию для пожилых людей, позволяя им помимо укрепления экономического положения общаться с другими людьми.

В строительстве в прошлом столетии использовались местные экологически чистые и энерго-эффективные технологии и материалы в виде самана и керченского камня (известняк) [5] [7]. Данный подход создавал рабочие места и давал однообразие в архитектуре, чем творил местный неповторимый и узнаваемый образ – имиджевую составляющую символического капитала.

С приходом капиталистической системы ценностей многое начало меняться. В станице Тамань произошла приватизация государственной собственности, которая привела к частичной потере мест для рыбной ловли ввиду попадания пристани в частные руки, исчезновению рыночной торговли ввиду прихода торговых сетей, потере рабочих мест в производстве хлебобулочных изделий ввиду закрытия хлебзавода.

В итоге жизненный уклад людей претерпел сильные изменения, архитектура стала беспорядочной и потеряла местную изюминку, исчезают традиционные методы строительства из-за завоза несвойственных символическому капиталу региона строительных материалов.

Если рассматривать историю России последнего столетия через призму теории Пьера Бурдьё о символическом капитале, то мы отмечаем, что определённые символические линии пронизывают всю сущность государства и сохраняют преемственность памяти и некоторых частей идентичности.

Мы видим, что несмотря на революционную смену строя с буржуазно капиталистического, свойственного Российской Империи, элементы русского символического капитала «проросли» в цивилизационную систему ценностей Советского Союза.

Предполагаем, что доработка системы ценностей и придание ей формы нормативно-правового документа позволит существенно продвинуться в вопросе национальной безопасности и заложить прочный фундамент стабильности и межэтнического согласия.

Однако, помимо поиска элементов коллективного символиче-

ского капитал, которые бы стали общими для всех народов России, необходимо также учитывать необходимость разработки программы внедрения результатов исследования. Таким образом эти элементы будут закреплены в русском символическом капитале, под которым может пониматься коллективный символический капитал русскоговорящих людей, если исходить из базовой функции языка в конструировании общности.

В статье также приведён пример территориального символического капитала, для демонстрации возможностей не только построения брендов, но также проведения серьёзных программ экономического возрождения регионов при обращении своего внимания в прошлое.

Библиографический список

1. Антипин Н. А. Философия морали и парадоксы современного российского общества // Философия морали. тоска по русскому аристократизму (К 70-летию В. П. Фетисова) : материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова 12-13 мая 2011. М.: Флинта, 2012. С. 84–102.

2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. И послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.

3. Гумбольдт Вильгельм Фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем.яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 396 с.

4. Гумбольдт Вильгельм Фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. яз. : Левина М. И, Гулыга О. А., Михайлова А. В., Старостина С. А., Журиная М. А.; Сост., общ. ред. и вступ. статьи Гулыш А. В., Г. В. Рамишвили Г. В. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

5. Зеест И. Б. Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья : сборник статей. Л.: «Наука», Ленингр. отд-ние, 1968. С. 140–144.

6. Панарин А. С. Народ без элиты. М. : Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.

7. Субботин О.С. Народная архитектура традиционного кубанского жилища // Жилищное строительство. 2012. №8. С. 18–22.

8. Суворов А. Наука побеждать / Вступ. Статьи А. Григорьев, В. Дукельский. М: Изд. центр «Анкил-Воин», 1996. 80 с.

9. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.

10. Франк С.Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.

11. Шабанова М.Н. Роль языческого символа в идентификации ценностного содержания этнохудожественной культуры //Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. №4. С. 91–100.

12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1.

Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1998. 663 с.

13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М. : Мысль, 1998. 606.

14. Beatriz González Kirchner. La centralidad como mercancía: Explotación del capital simbólico colectivo // INSTITUTO UNIVERSITARIO DE URBANISTICA. Universidad de Valladolid. URL: <https://revistas.uva.es/index.php/ciudades/article/view/1144/978> (дата обращения: 02.11.2023).

15. Vasilis Avdikos. Processes of creation and commodification of local collective symbolic capital; a tale of gentrification from Athens // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/279921911_Processes_of_creation_and_commodification_of_local_collective_symbolic_capital_a_tale_of_gentrification_from_Athens (дата обращения: 02.11.2023).

ВОЙНА И МИР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

WAR AND PEACE IN MODERN SOCIETY

Тер Даниэл (Вартан Григорьевич) Кукуян

Церковь Св. Саака и Св. Месропа, г.Краснодар, Россия

Ter Daniel (Vartan Grigorievich) Kukuyan

Church of St. Sahak and St. Mesrop, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье делается попытка проанализировать современное состояние общества с позиции религии. Показать, что человечество вступило в принципиально новую ситуацию своего развития, когда душевный – культурный уровень исчерпывает себя и механизмы саморегуляции человеческого общества теряют свою эффективность. На первый план выступают Духовные ценности бытия человечества. Это требует скорейшего осознания новой динамично формирующейся ситуации и обретения принципиально новых методов бытия и регуляции общественных систем на всех уровнях и направлениях: от государственных отношений до индивидуальных. Причем приоритет должен отдаваться изменению индивидуальности людей. Возращиванию в каждом отдельном человеке Духовных, Личностных начал.

Abstract. The article makes an attempt to analyze the current state of society from the perspective of religion. To show that humanity has entered a fundamentally new situation of its development, when the spiritual and cultural level is exhausting itself and the mechanisms of self-regulation of human society are losing their effectiveness. The spiritual values of human existence come to the fore. This requires an early awareness of a new, dynamically emerging situation and the acquisition of fundamentally new methods of being and regulating social systems at all levels and directions: from state relations to individual ones. Moreover, priority should be given to changing the individuality of people. Cultivation of Spiritual, Personal principles in each individual person.

Ключевые слова. Духовность, душевность, культура, война, Личность созерцательность, личный пример, семья, Учитель, ученик, индивидуальное обучение.

Key words. Spirituality, sincerity, culture, war, Personality, contemplation, personal example, family, Teacher, student, individual training.

Прежде чем излагать свое видение на происходящие колоссальные до трагического уровня перемены в современном обществе необходимо дать три важных пояснения, без которых дальнейшие рассуждения автора могут повиснуть в воздухе, оказавшись без должной фундаментальной опоры.

Первое, вспомним христианскую антропологию. Человек трехсоставен: тело, душа, Дух.

Второе, война, можно сказать мягче и более обобщенно – конфликт, является составляющей и очень важной частью культуры.

Третье, культуру мы определяем в самых общих чертах, как все, что создано человеком, то есть, культура – все, что не природа. При чем в отдельных проявлениях природа и культура так близки друг к другу, что не всегда можно провести между ними четкую границу. На пример, лесной пожар возникший от удара молнии – Природа, лесной пожар возникший от небрежности лесника, охотника, случайного туриста – Культура.

Мы так пространно говорим об этом потому что события более чем двух тысячелетней давности, которые в христианстве характеризуют, как «полнота времен», когда произошло Боговоплощение. Бог и Человек явились в Иисусе Христе миру в нераздельном и неслиянном единстве. Тайна сия не изреченна. Определили всё последующее время до наших дней. Дело в том, что познание Тайны Боговоплощения невозможно лишь в рамках культуры т е посредством исследования, изучения, чтения. Постижение этой главной Тайны христианства возможно только через уподобление Иисусу Христу. А это в свою очередь требует возвращение в себе Личностного начала, раскрытие Божественной сущности в человеческом индивиде. Бог вочеловечился, чтобы Человек Вобожился. Но на этом пути наш общий враг, Люцифер, ставит капканы. В процессе душевного возрастания индивида, предваряющего Духовный рост в Личность, человек вдохновленный, гордостью за свои душевные достижения, эгоизмом, самолюбованием своей душевной уникальностью отклоняется от узкого пути раскрытия в себе Божественного начала и отрекается от Творца ради собственного самовозвышения.

Этот процесс достигает апогея в XX веке, когда правят бал ду-

шевно развитые, но бездуховные индивиды. Они присваивают себе даже термин личность, хотя личностями не являются. Так как Личностью может называться только тот человек, в котором душа открыта присутствию Бога – Наисовершеннейшей Личности во Вселенной, преобразующему его в Человека истинного, неискаженную, по слову митрополита Антония Сурожского, отреставрированную Икону Божью.

Господство человека душевного, стремящегося лишь к самоутверждению, индивидуальному возвышению и по возможности господству над другими индивидами, породило две мировые войны, множество более мелких войн, революции, возгоравшиеся в разных концах земли. Самой крупной из них была русская революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война в России. Геноцид армян, унесший от полутора до двух миллионов жизней, а оставшихся в живых лишивший родины и разогнавший древний народ по всему свету. Этот акт массового террора, осуществленный младотурецкими преступниками, не получил международного осуждения, хотя кровавая коса смерти прошла также по ассирийскому народу и понтийским грекам. Вдохновленный такой безнаказанностью один из великих недочеловеков А. Гитлер, направляя свои орды на Восток, уничтожая в газовых камерах цыган, евреев: «Грабьте! Режьте! Уничтожайте! Кто сейчас помнит истребления армян в Турции!» Войны, революции, истребление народов по религиозному, этническому, расовому признакам не прекращались в течение всего XX века и были, увы, весьма интенсивны. Особенно следует отметить геноцид народа тутси в Руанде, где с 6 апреля по 18 июля 1994 г. было уничтожено по разным оценкам от 500 000 тысяч до 1 млн 100 тыс. человек. Общее число жертв составила до 20% от всего населения страны. Однако если о геноциде армян знают многие и периодически об этом говорят, холокост также широко обсуждаемая тема трагедии еврейского народа, то о трагедии тутси сегодня мало кто знает и помнит. Хотелось бы особо подчеркнуть этот факт, так как он свидетельствует о том, что в подсознании белого человека глубоко гнездится факт, превосходства белой расы над остальными расами и народами. Сегодня он не выражается открыто, и позволю себе допустить, не осознается значительной частью белых людей, но, как тлеющий огонек, как затухающий костер попыхивает ещё не остывшими угольками прошлых пожаров. В современном мире это особенно опасно.

Однако XX век, проявив максимально бездуховность человека, не смог, полностью прервать Духовное начало в людях.

«Дух дыши, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит.» (Ин.3:8).

XXI век начался со стремительного разделения (сепарации) душевного и Духовного начал в человеке. Разделение это совершается столь стремительно, что человечество не успевает осознать весь драматизм происходящего. Все наши стремления понять и проанализировать происходящее в рамках прежней, веками господствовавшей парадигмы душевного начала, т. е. Культуры, терпят одну неудачу за другой, порождая патовые ситуации. Бездуховная, низкого качества культура, кажется, захлестывает мир, повергая людей высокой культуры в уныние. Что делать? Как выходить из этой ситуации? Кажется, не знает никто, отпуская развитие общества в свободный неуправляемый поток. Как будто телегу без руля и ветрил толкнули с вершины крутой горы вниз, под откос и она в сумасшедшем, все ускоряющемся темпе мчится к своей неизбежной гибели. Но ответ внутри нас! Если малая часть людей знает выход и прикладывает все усилия, чтобы укрепиться и всеми силами идти узким путем Спасения, то другая так же малая, высоко культурная часть подобно новорожденным слепым котяткам, тычется у врат Ответа и боится открыть глаза, чтобы узреть Истину Спасения. Сложность состоит еще и в том, что если телесная и душевная составляющие человека в значительной степени поддаются описанию словами, то Духовная его часть оказывается слишком тонкой и эфемерной, а слова слишком грубым материалом для ее выражения. Чтобы лучше понять эту мысль, давайте сравним Евангелие от Луки с Евангелием от Иоанна. Текст первого Евангелия радуется своей эстетической красотой, некоторые части его стали молитвами. Красота Евангелия от Иоанна совсем иная. Она захватывает нас какой-то своей необъяснимой тайной, многочисленные повторы в самом начале текста вводят нас в иной таинственный мир. Каждое слово этого Евангелия наполнено и окутано многими смыслами, неизмеримо превосходящими смысл просто написанных буквами слов. При каждом чтении Евангелия от Иоанна содержание его как бы возрастает и расширяется, словно тесто от закваски. Повторы – попытки преодолеть внешнее, проникнуть во внутреннюю суть безгранично глубокого текста. Чего стоит одно только окончание этого полного мистической глубины Евангелия: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь» (Ин. 21:25)

Пришло время, когда Духовное должно преобразить и кардинально обогатить культуру, наполняя ее неизмеримо более глубокой

красотой. Но что нужно сделать для этого? И сколько это потребует времени? Что касается времени, то можно определенно сказать, как только тот или иной индивид твердо станет на путь возвращения в себе Личности, время существенно изменит скорость своего движения и новая реальность примет устремленного к Духовному росту человека в свое лоно. Сложнее с первым вопросом. Очевидно, что конвейерно-карусельный путь современного среднего, да и высшего образования здесь не подходит. Скорее будет уместнее обратить внимание на методы обучения и образования средневековья, конечно с использованием новейших технологий. Школяры странствуют по миру в поисках своего Гуру. И когда душевные и духовные качества ученика и учителя оказываются конгруэнтны, начинается процесс передачи знаний и навыков друг другу. Причем активны обе стороны и ученик и учитель, они обогащаются взаимно. На каком-то этапе они могут расстаться и продолжить каждый свой путь самостоятельно. Обрести на этом пути нового учителя, нового ученика или учеников, могут со временем и восстановить прежнее творческое общение. Первые отдаленные проблески новых отношений обучающего и обучаемого светятся зорьками в домашнем обучении, к которому сейчас относятся уже более спокойно чем в иные времена, в обучении в иных странах, Online обучении, в приобретающем массовый характер репетиторстве, все более входящие в обиход диалоговые формы обучения. Это все ещё далеко от той картины, лёгкий набросок которой приведен выше, но время стремительно ускоряется.

Ещё большее внимание нужно обратить на связь людей с сакральными учреждениями: дацан, синагога, мечеть, храм. Именно в таких местах представители разных конфессий, стремящиеся к духовному возрождению должны искать пути и методы к наполнению своих сердец Духовной силой. Следует, однако особо подчеркнуть, что и в этих местах нужно искать и устанавливать индивидуальные отношения учитель – ученик. Несколько подробнее хочу остановиться на храмах и мечетях. В XX веке храмы во всем мире пустели, а в нашей стране дорога к церкви просто перекрывалась самыми разными препонами. Поэтому в 1990-е годы, с падением коммунистического режима началось бурное строительство новых и восстановление порушенных советской властью церквей. Люди по традиции, называвшие себя христианами, массово устремились в храм. Но по прошествии сравнительно небольшого времени, начиная с 2010-х гг. поток новообращенных христиан стал заметно уменьшаться. Усилилась воинственная критика Церкви, порой превосходя по своему запалу даже

советские времена. Причин тому много: идя в храм, народ 1990-х надеялся найти некоего нового сильного и искреннего защитника, т. е. КПСС заменяли на РПЦ и другие христианские конфессии. Люди не только не задумывались, они просто не знали, что христианство требует от человека огромных усилий для собственного преображения. Другой фактор, священство, обретая свободу не всегда правильно и глубоко понимало свою роль, задачи и обязанности в новой ситуации, порой копируя все ту же, за десятилетия ввевшуюся в наше сознание КПСС. Даже современный компьютер исправляет как ошибку, если пишешь аббревиатуру КПСС маленькими буквами. Не следует забывать, что Моисей, освободив свой народ из египетского плена, 40 лет водил его по пустыне, чтобы освободить от рабских привычек. А у наших моисеев не хватило духу, чтобы осудить КПСС. Игры в псевдодемократию, лишили всю линию российского образования ознакомлению детей и молодежи с основами главных конфессий нашей страны. пока мы искали национальную идею, призванную заменить идеологию коммунизма верх взял маленький весьма агрессивный человек, вырвавшийся из клетки внешне красивых, но абсолютно бездуховных правил и ограничений. Своеволие без духовности разливается по всему миру и особенно по нашей стране. Но каждый, кто осознает все свое несовершенство и в значительной степени собственную пустоту должен идти в храм к Богу и с Божьей помощью найти своего наставника. Христианский храм (церковь) – это мультиплицированный Ветхозаветный Храм. Он имеет особое сакральное значение, отличающее его от всех других молитвенных мест, даже высоко архитектурной или исторически значимой постройки. Пребывание в Храме (церкви) наполняет нашу молитву особой силой, в Нем мы причащаемся Святых Тела и Крови Христовой, через это соединяясь со Спасителем, и через Него друг с другом.

Иное мечеть – это место молитвы мусульман, через которую они объединяются друг с другом. Мусульмане говорят, что поскольку ислам последнее из аврамических религиозных учений, то оно и высшее. Однако иерархия религиозных учений связана не со временем их возникновения, а со степенью откровения Божьего в них. Тогда почему после Боговоплощения во Христе возник ислам? Дело в том, что уподобление Христу колоссальный Духовный труд, требующий очень много как душевных, так и физических сил. Люди на этом пути часто оказываются недостаточно сильны. И вот тут проявляется великая Любовь Бога к человеку, который вместо того чтобы наказать Свою тварь за нерадение в движении узкой тропой к Вратам Новой Жизни,

дает людям шанс, – более человеческое, более доступное учение, которое признает Ису (Иисуса), но как предпоследнего пророка и, предоставляет людям возможность, по мере духовного возрастания в исламе возвеличиться до Вобожения во Христе. Помните как говорят святые отцы: «Бог Вочеловечился, чтобы Человек Вобожился!» И тогда воссияет Свет Рая, Нового Человечества. Здесь следует подчеркнуть, что люди, стремящиеся к Духовному совершенству независимо от своей конфессиональной принадлежности не должны, кичится и превозносить свое учение. Это в первую очередь касается христиан, которых Спаситель учит: «...вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;/но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою;/и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;/ так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих. (Мф.20:25-28). Иисус учит не только словом, но делом, жизнью своей. В этом ответ на вопрос, а как побудить людей к духовной жизни? Только своей жизнью, своим делом, своим примером. И тогда не только в среде христиан, но и среди представителей других конфессий зарождается жизнь Во Спасение. «Спаси себя и спасешь тысячи», – говорит Святой Серафим Саровский. Он так и живет. Во время геноцида армян в 1915 году в Османской Империи, 3-х сестер моей бабушки рискуя своим благополучием и самой жизнью спас турок – правоверный мусульманин. Думаю, таких случаев было не мало и это есть не просто порядочность человеческая, это истинно христианское поведение иноверующего человека. Современное общество все чаще и острее будет ставить каждого человека перед выбором – жить с Богом, по совести или по неким человеческим регулируемым культурой законам, когда не каждый человек другому человеку брат. Так, например, мы знаем, что последние десятилетия в Азербайджане детей учили от детского садика до высшей школы видеть в армянине врага захватившего исконно азербайджанскую территорию. Тоже самое мы видим сейчас во всех горячих точках на планете Земля, где порой иконные братья истребляют друг друга, выстраивая китайские стены ненависти между собой. Сложность современной ситуации ещё и в том, что духовную составляющую не опишешь просто словами: «Делай так! Будь таким!» Воспитывают лишь конкретные примеры, и мотивация к стремлению подражать этим примерам.

Тут на минуту остановимся. Со всей очевидностью вдруг понимаешь, что на подсознательном уровне продолжаешь мыслить в рам-

ках прежних представлений о возможности организовать некое массовое обучение духовности. На самом деле, как уже говорилось выше работа эта штучная, ремесленная. Мы не сможем всех одухотворить. К личностному росту придёт меньшая, слышащая часть человечества. Духовные наставники разных конфессий много трудились и трудятся над созданием и развитием духовных практик общения с Создателем, сами подавая в этом пример. Молитва их трудами приобретает более глубокое всеобъемлющее содержание. Задача ищущего найти своего наставника, а задача наставника определить насколько сопрягается духовное поле ищущего с его Личным духовным полем. Духовная работа очень тонка и требует особого внимания в установлении диалога говорящего и слышащего. Однако на некоторые моменты духовного развития, которые лежат в основе личностного роста, нужно обратить внимание уже сейчас. Первый и в тоже время основной шаг на этом пути – обретение опыта созерцательности. Прежде всего нужно ясно осознать, что главной помехой и разрушителем духовного роста каждого человека является стремительно и непрерывно ускоряющийся темп жизни общества. Следовательно, нужно учиться замедлять его, на первый взгляд в ущерб практическим жизненным успехам, а на самом деле реально углубляя и обогащая содержание собственной жизни. Маленький, но очень важный пример из личной практики. Не вдаваясь в подробности, хотя они сами по себе интересны, скажу, что много лет назад, преподавая историю в 4-х классах одной из школ города, я внедрил в практику так называемые минуты тишины. В начале урока и в конце урока сложив руки на парте, опустив голову и закрыв глаза ученики в течение 3-х минут пытались освободить себя от словесных, зрительных и, если удавалось звуковых образов. Нужно было добиться пустоты внутри себя; не вижу, не слышу, не мыслю. Не сразу, но со временем стало получаться. Мы «теряли» 6 минут из 45-ти отведенных на урок, но эффективность занятия значительно возросла. Это длилось всего лишь один год, потом я ушел из школы на другую преподавательскую работу. Каково же было мое радостное удивления, когда я, встречая своих учеников (мы жили в одном районе), уже учившихся в 8-ом классе, слышал слова благодарности: «Приходите в школу, нам так не хватает минут тишины». Эту методику, с неизменным успехом, я практиковал и в других учебных заведениях, где мне пришлось работать. Конечно это наиболее простой метод, есть гораздо более эффективные, прежде всего молитвы, среди которых на первом месте Господня молитва «Отче наш», но это для христиан. Наша задача работать со всеми людьми независимо от конфессиональной

принадлежности, стремящимися к личностному росту, даже с теми, кто заявляет, что они атеисты. Ибо ищущий Личностного роста придет к осознанию Творца. Осознавший Творца, в своем развитии придет ко Христу.

Духовный рост человека не простой путь, но идущий осилит дорогу. Читайте регулярно 13-ю главу Первого Послания к Коринфянам апостола Павла, не привязывая этот текст к конкретной конфессии; вчитывайтесь и вдумывайтесь в него. Выполните не сложную геометрическую задачу: «Как 4 угла квадрата соединить тремя прямыми линиями»? Приобретите красивый хрустальный бокал и каждое воскресенье встав всей семьей рано утром, приведя себя в порядок, сядьте вокруг стола, поставив в центре его, красивый бокал с бутоном розы и час, два, три (по мере вашего духовного роста) созерцайте как распускается цветок, потом всей семьей идите в ближайший к вам храм, мечеть, синагогу (у каждого свой день), потом после совместных с общиной молитв проведите выходной вместе всей семьей. «Семья – это малая церковь», – говорит Иоанн Златоуст. Наполняйте свою жизнь молитвой и тишиной. Тогда наступит время, когда «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь» (Ис. 65: 25). Даже сегодня, во дни стремительного разрушения старого мира, эти слова кажутся многим красивой (а кому-то глупой) сказкой, не научной утопией. Между тем отдалённые, пока едва заметные проблески нового мира уже являются зоркому глазу на фоне разрастающегося, набирающего силу пожара бездуховности, ненависти, казалось бы, всё и вся побеждающего зла. Победа Духовного начала пройдет путем все очищающей трагедии. Но все, кто будет идти за Богом, к Богу, и вместе с Богом, кто не отречется от своего Личностного роста, победят. И воссияет новый мир! Мир нового Духовного Человека – Личности.

ВЕКА ОБРАТЯТСЯ В ПРАХ, СЕКУНДЫ СТАНУТ ВЕЧНОСТЬЮ!

Рабиндранат Тагор

Утро.

Не говори: «Вот утро»!

Не отпускай его,

Назвав вчерашним днем,

А смотри на него,

Как на новорожденное дитя, у которого нет имени.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РАСПАД ЮГОСЛАВИИ

INFLUENCE OF INTERNAL POLITICAL FACTOR TO THE DISSOLUTION OF YUGOSLAVIA

М.П. Теленга., Т.О. Ткачева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

M.P. Telenga, T.O. Tkacheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу перемен, которые происходили в международной системе с конца 1980-х годов, которые привели к делению когда-то единых политических единиц. Рассмотрение кейса СФРЮ прослеживает причины и последствия распада Югославии, изменение политических и экономических условий строительства суверенных национальных государств. Это представляется очень актуальным в данной международной ситуации.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the changes that have taken place in the international system since the late 1980s, which led to the division of once unified political units. The SFRY case study traces the causes and consequences of the breakup of Yugoslavia, the change in the political and economic conditions for the construction of sovereign nation-states. This seems very relevant in this international situation.

Ключевые слова: распад Югославии, самоуправление, суверенитет, конституционная реформа, политическая система Югославии, федерация, национализм, Балканский кризис.

Key words: breakup of Yugoslavia, self-government, sovereignty, constitutional reform, political system of Yugoslavia, federation, nationalism, Balkan crisis.

Окончание Второй мировой войны выявило новую архитектуру европейского пространства. Европа, освобожденная от нацизма, была разделена на сферы влияния стран-союзниц по антигитлеровской коалиции, ведущие позиции среди которых занимали СССР и США.

В советскую зону влияния после длительной дипломатической борьбы попали страны Восточной Европы – Восточная Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Албания, Болгария и Румыния. Этот регион рассматривался советским руководством как буферная зона безопасности советского государства по западному и балканскому периметру советских границ. За преобладание в этом регионе Советский Союз «заплатил» полным контролем США над побежденной Японией.

Укрепление своего влияния СССР проводил через процесс советизации социально-политической и экономической жизни стран, по-

павших в сферу его влияния. Одной из стран, где советизация была воспринята благопринято, была Югославия. Коммунистическая партия Югославии пользовалась поистине широкой популярностью. На выборах в ноябре 1945 г. коммунисты под руководством Иосифа Броз Тито получили 90% голосов при 88,7% явке [1].

Согласно первой Конституции 1946 года Югославия, которая на тот момент именовалась Федеративной Народной Республикой Югославией (далее – ФНРЮ), представляла собой однопартийное государство, за которым закреплялось управление всеми составными частями федерации.

В июне 1950 г. был принят «Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов» [2, с. 362-374], который вводил термин «самоуправление» и касался экономической сферы [3, с. 15].

За внедрением рабочего самоуправления в экономике последовали серьезные изменения в общественной и политической жизни ФНРЮ. Главные принципы самоуправления, ставшие основой политической, а также хозяйственной системы, были введены в 1953 г. Конституционным законом «Об основах общественного и политического устройства Федеративной Народной Республики Югославии и о союзных органах власти» [4, с. 45-84]. В нём легитимизировалось «самоуправление производителей в экономике и самоуправление трудового народа в общине, городе и уезде...», которое становится основой общественного и политического устройства государства [4, с. 45]. Вступление в силу данного закона явилось начальным этапом ослабления централизации государства. Последующие принятые Конституционные акты 1963, 1974 гг. последовательно продолжали этот процесс.

Республиканские и местные органы власти (скупщины) должны были поэтапно перестроиться из органов государственного управления в общественные органы самоуправления, полностью не зависящие от центра. На них должны были быть возложены государственные функции по координации хозяйственной и других видов деятельности. Таким образом, необходимо было более глубоко и прочно внедрить политико-правовых функции в организационную структуру и прямую компетенцию скупщины.

Кроме того, в ФНРЮ в 1953 г. подверглось упразднению правительство как самостоятельный орган исполнительной власти, непосредственно руководивший государственным аппаратом [4, с. 45-84].

В качестве разновидности комитетов скупщин вместо него были созданы исполнительные веча республик и федерации. В их компетенцию мониторинг соблюдения законов и проведение утверждаемой местными скупщинами политики.

В 1963 г. произошло принятие новой Конституции, согласно которой государство поменяло название на Социалистическую Федеративную Республику Югославия (далее – СФРЮ). Новый основной закон зафиксировал изменения в системе скупщин и кроме того, закрепил качественные изменения в социально-экономической и политической жизни. В период с 1967 по 1971 гг. были внесены 42 поправки к Конституции, существенно расширившие полномочия и права республик и автономных краев. Так, были переданы государственным субъектам ранее принадлежавшие федерации многие компетенции и материальные фонды, а сами республики из «государственных содружеств» превратились в «государства, основанные на суверенитете народа, на власти и самоуправлении трудящихся» [5, с.14].

Однако вступление в силу Конституции 1974 г. окончательно утвердило концепцию общественных и экономических отношений, а также закончила переход Югославии от федерации к некоторому подобию конфедерации. В основном законе 1974 г. акцентировалось, что самоуправление полностью превращается в целостную общественно-политическую систему. Подобная трансформация опиралась на то, что государство выступало особой формой политической власти и поскольку она отделена от общества и опирается на аппарат принуждения с ней необходимо бороться посредством системы самоуправления.

Можно выделить некоторые моменты, которые дают основание считать, что Югославия после принятия Конституции 1974 г. стала больше походить на конфедерацию:

1. Изменение отношений между центром и республиками и краями. Ослабление политического влияния, закреплённого в тексте Конституции 1974 г., позиционировало СФРЮ как конфедерацию: СФРЮ – это «государственное содружество добровольно объединившихся народов и их социалистических республик, а также социалистических краев Воеводины и Косово» [6, с. 9]. Таким образом, СФРЮ теперь превратилась в союз государств, которые, в соответствии с Конституцией, были ответственны за собственное развитие и за развитие социалистического сообщества в целом [7].

Конституция 1974 г. создала международный прецедент, когда государство легитимно полностью лишило себя суверенитета [8,

с.143-144]. Сложившаяся ситуация вылилась в рост национализма, связанного с обособлением республик и автономных краев.

Национальные интересы вводились в абсолют, что тормозило работу в Скупщине СФРЮ. Каждая республика сосредотачивалась на локальных проблемах и интересах и посредством введенного права вето блокировала невыгодные ей решения. В связи с тем, что союзная политика и законодательство должны были утверждаться единогласным голосованием всех субъектов федерации, данное положение приводило к блокированию всех решений, которые были направлены на укрепление позиций федерации. Составные части государства всё больше зацикливались на собственных интересах [9, с. 54].

2. Проведение переустройства скупщин. В соответствии с текстом Конституции 1974 г. скупщина превращалась в высший орган власти и самоуправления. В ее компетенции входило принятие решений по основным вопросам: политическим, хозяйственным, социальным и культурным. Кроме того, за ней фиксировались функции утверждения общественного плана и бюджета, обсуждение вопросов обороны, инициирования заключения общественных договоров и непосредственное их заключение, распределение компетенции органов республик и федерации [9, с.176, 183]. Иными словами, скупщина выступала не только законодательным органом, но и органом, проводящим республиканскую и краевую политику [8, с.75].

Союзные скупщины имели влияние на Скупщину СФРЮ, даже несмотря на подтверждение верховенства последней статьёй 282 Конституции 1974 г. [9, с. 259] Делегаты Веча республик и краев союзной были обязаны «неукоснительно выполнять волю республиканских и краевых скупщин, которые их делегировали», а решения принимать единогласно в рамках Скупщины СФРЮ [12, с. 71]. Таким образом, у делегатов была возможность наложения вето на те решения союзной Скупщины, которые им были невыгодны. Помимо этого, Скупщина СФРЮ одобряла предложение о принятии закона лишь «после того, как скупщины республик и автономных краев дали свое согласие по этому вопросу...». [13, с. 271] Это привело к тому, что у союзных органов власти больше не было былого авторитета, а основную часть полномочий по управлению социально-экономической и политической жизни страны она передана республиканским скупщинам.

3. Пересмотр системы государственной безопасности. Одной из важных причин, повлиявших на распад Югославии, послужило наличие злоупотреблений руководством Службы Государственной Безопасности (далее – СГБ). В связи с превышением должностных полномо-

мочий, которые были выявлены в ряде республик, вопросы безопасности и защиты конституционного порядка переходили в ведение республиканских и краевых служб безопасности, тогда и перестала существовать единая система государственной безопасности. Она не могла противостоять работе зарубежных спецслужб и оказывать сопротивление внутренней оппозиции. В сложный период нарастания напряженности в межнациональной повестке органы госбезопасности Югославии больше усилий сосредотачивали на слежке друг за другом (внутри югославских республик), нежели взаимодействовали между собой.

4. Территориальная оборона. Согласно тексту Конституции 1974 г. в ведение субъектов федерации передавались права и обязанности «в соответствии с системой народной обороны...на своей территории учреждать и организовывать органы народной обороны и руководить территориальной обороной» [13, с. 52]. Фактически «народная оборона» комплектовалась из местных резервистов, приравнивались к национальным гвардиям и по функциям дублировала югославскую армию. Эти формирования стали удобным и послушным инструментом среди националистически настроенных политиков.

Подытожив, отметим, что югославская политическая система стала ослабевать в связи с децентрализацией субъектов, чему в немалой степени поспособствовала Конституция 1974 г.

Библиографический список

1. Советизация Восточной Европы// URL: <http://va.livejournal.com/191494.html?ysclid=lnlkyrjao8987758373> (<https://va.livejournal.com/191494.html?ysclid=lnlkyrjao8987758373> (дата обращения 17.08.2023))
2. Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956.
3. Каменецкий В.М. Политическая система Югославии. М., 1991.
4. Конституционный закон об основах общественного и политического устройства Федеративной Народной Республики Югославии и о союзных органах власти // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956.
5. Груздев И.С. Предпосылки и причины распада Социалистической Федеративной Республики Югославии: дис. ...канд. ист. наук. М., 2001.
6. Конституция ФНРЮ 1946 года. // Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. Ст. 1.
7. Устав СФРЈ. Основне одредбе. URL: <https://svarog.nubl.org/wp-content/uploads/2022/01/18.-MA-Robert-Svraka-USTAV-IZ-1974-GODINE-KAO->

PRAVNI-OSNOV-ZA-DISOLUCIJU-SFR-JUGOSLAVIJE.pdf (дата обращения:
25.10.2023)

8. Вилић Д. Тодоровић Б. Разбцане Југославце. 1990-1992. Београд, 1995.
9. Конституција Социалистическе Федеративне Републике Југославије. Белград, 1974. Ст.132,143.
10. Каменецкиј В.М. Политическа система Југославије. М., 1991.
11. Конституција Социалистическе Федеративне Републике Југославије. Белград, 1974. Ст. 282.
12. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001.
13. Конституција Социалистическе Федеративне Републике Југославије. Белград, 1974. Ст. 299.

ГРАЖДАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

CIVIL DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Е.П. Шрамук

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

E.P. Shramuk

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматривается гражданская дипломатия как форма внешнеполитической деятельности государства на примере Республики Беларусь. Рассмотрены современные формы и методы гражданской дипломатии как способы реализации основных внешнеполитических принципов Республики Беларусь.

Abstract. The article considers civil diplomacy as a form of foreign policy activity of the state on the example of the Republic of Belarus. Modern forms and methods of civil diplomacy as ways of implementing the main foreign policy principles of the Republic of Belarus are considered.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, Республика Беларусь, дипломатия, гражданская дипломатия, народная дипломатия.

Key words: foreign policy, international relations, Republic of Belarus, diplomacy, civil diplomacy, people's diplomacy.

Под словом «дипломатия» классически принято понимать искусство переговоров. Традиционно дипломатические отношения устанавливаются между государствами путем визитов на высшем уровне. До конца XIX в. основными видами дипломатии были парламентская и военная. В условиях становления национальных госу-

дарств и начавшегося процесса глобализации стали формироваться новые виды дипломатического искусства. На сегодняшний день, помимо традиционных военной и парламентской, выделяется несколько видов дипломатии: публичная дипломатия, дипломатия канонеров, долларовая дипломатия, челночная дипломатия, цифровая дипломатия, гражданская дипломатия. В современном мире глобализации гражданская дипломатия приобретает все большую актуальность. В данной работе будут рассмотрены формы и принципы гражданской дипломатии Республики Беларусь в современных геополитических реалиях.

Использование неправительственных лиц и организаций для дипломатии не ново. Для достижения целей часто использовалось ораторское искусство актеров, купцов, монахов, умения врачей, влияние банкиров – лиц, не обученных специально искусству дипломата. Сам термин «гражданская дипломатия» появился во второй половине XX в. В отечественной традиции он стал активно использоваться в 1990-е гг. Его прототипом на Западе являются термины «citizen diplomacy» («гражданская дипломатия») или «people's diplomacy» («народная дипломатия»). Иногда термины «гражданская дипломатия» и «народная дипломатия» отождествляются, так как имеют одни и те же субъекты ведения политики. Однако по мнению российского политолога Т.В. Зоной, для современного употребления лучше использовать слово «гражданская», так как «народная дипломатия» была более применима в условиях СССР [9, с. 477]. Его справедливо понимать как модель, «реализующую потенциал общественных организаций для укрепления дружеских связей и повышения эффективности внешней политики» [6, с. 91]. Гражданскую дипломатию Ж. Крассовски определял как «дело простых граждан», которое имеет гуманитарный характер, так как направлено на достижение всегда мирных целей [12]. Основными субъектами гражданской дипломатии являются общественные организации, физические и юридические лица, у которых нет полномочий и целей использовать военную силу для ведения переговоров. Самые распространенные формы гражданской дипломатии ввиду этого – марши мира, митинги, петиции, визиты и переговоры [13, с. 71].

Народная дипломатия в СССР была одним из основных методов ведения внешней политики. Это было обусловлено политической закрытостью Советского Союза от стран капиталистического блока, поэтому встала необходимость устанавливать международные связи иными способами, кроме переговоров правительств. С.И. Коган

называет гражданскую дипломатию СССР «общественной дипломатией» и определяет ее как продвижение национальных интересов через информирование [11, с. 94]. Основной организацией, занимающейся внеправительственными внешнеполитическими связями, было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), основанное в 1925 г. Важной частью народной дипломатии СССР было «побратимское» движение по созданию сети «породненных городов». Началось всё с 1944 г., с «породнения» Сталинграда и г. Ковентри. Ассоциация объединила 289 городов СССР с 530 городами в 71 стране мира [10].

В БССР первым городом, присоединившемся к движению городов-побратимов, стал Минск, который «породнился» с британским Ноттингемом в 1957 г. Этот процесс продолжается и сегодня. Наиболее активно в процесс «породнения» городов включены Брест, Барановичи, Несвиж, Могилев, Гродно, Кобрин, Пинск и Новополоцк. Например, Брест поддерживает развитие логистической инфраструктуры с нидерландским городом Куворден, образовательной системы – с Союзом Общин средней Шуссентали (ФРГ). Широкие международные связи имеет Могилев: проекты энергосбережения с Айзенахом (ФРГ), медицинское направление с Нанкином (КНР), предпринимательство с Тулой (РФ). Особое внимание уделяется разработке молодежных программ [19].

От распада СССР связи гражданской дипломатии пострадали меньше, чем связи экономические. Сегодня Беларусь продолжает поддерживать ранее существующие связи и устанавливает новые. Наиболее крупномасштабно гражданская дипломатия применяется в соседних странах, реализуя различные гуманитарные проекты (Россия, Польша, Литва, Украина). Важный принцип международного сотрудничества Беларуси как на политическом, так и гражданском направлении, выдвинул В.Ф. Гигин, говоря о белорусско-польских отношениях: «Дружба и добрососедство – естественная формула сосуществования двух наших народов и государств» [7].

Гражданская дипломатия играет важную роль в сохранении историко-культурного наследия. В 1988 г. республика присоединилась к Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия, в которой под охраной наследия понимается «создание системы международного сотрудничества и помощи для оказания государствам — сторонам Конвенции помощи в усилиях, направленных на сохранение и выявление этого наследия» [18]. На территории Беларуси сегодня существует четыре памятника, занесенных в Список все-

мирного наследия ЮНЕСКО: Беловежская пуца, Мирский и Несвижский замки, геодезическая дуга Струве [21]. Проекты по выявлению и реконструкции объектов чаще всего являются международными, что способствует наиболее тесному культурному обмену. Так, совместно с польской общественностью была проведена реконструкция дома-музея А. Мицкевича в Новогрудке [5, с. 22].

Одной из важнейших составляющих гражданской дипломатии являются спортивные мероприятия. Крупные спортивные события объединили спортсменов мира на Чемпионате мира по хоккею в 2014 г. и II Играх стран СНГ в августе 2023 г. II Игры носили открытый характер, то есть в них могли принимать участие не только атлеты из стран Содружества, поэтому помимо стран СНГ в играх приняли участие еще 13 государств [1]. Подобные мероприятия, помимо спортивных состязаний, предполагают презентацию страны в гражданском и культурном аспектах. Например, Брест ведет сотрудничество с Люблинским воеводством. Например, в 2007 г. прошел Международный легкоатлетический пробег «Брест-Тересполь» [5, с. 23]. На сегодняшний день сотрудничество продолжается в восточном направлении – на протяжении 2023 г. пройдут соревнования по баскетболу 3x3 «Palova Snowball 3x3», международный турнир по тхэквондо ITF «Открытый Кубок СНГ – Кубок мира», международный шахматный турнир «Минск-2023» и др. [3].

Главную роль в установлении международных связей играет молодежное движение. Идея проведения молодежных фестивалей возникла в разгар «холодной войны». Изначально движение получило название Всемирные фестивалы молодежи и студентов. В организации принимал активное участие созданный в 1946 г. Международный союз студентов. I Всемирный фестиваль состоялся в Праге летом 1947 г. На нем были определены приоритеты современности, целью дальнейших встреч была названа «борьба за мир, единство, демократию и личную жизнь» [15, с. 134]. Последний, XII Всемирный фестиваль, проводился летом 1985 г. в Москве и собрал участников из 54 стран [20, с. 1018]. Событие было приурочено к 40-летию Великой победы и проходило под лозунгами «Мир победит войну!».

После получения независимости Беларусь продолжила традицию проведения международных фестивалей, сосредоточив внимание на национальных и исторических особенностях. Отдельное место в межкультурной коммуникации занимают музыкальные фестивали. Кроме знаменитого Славянского базара на территории Беларуси проходит ряд музыкальных мероприятий. Например, в 2004 г. прошла

белорусско-польско-немецкая встреча «Молоды вместе» в рамках проведения музыкального фестиваля. [5, с. 24]. На сегодняшний день, кроме международных событий на профессиональном уровне (Белорусские флейтовые дни, Международный день пианиста, Международный фестиваль органной музыки в Пинске «*Mater misericordiae*» и др.), проводятся и любительские встречи (Международный фестиваль пианистов-любителей в Минске, Классика «У Ратуши», Джазовые вечера в Минске и тд.). Отдельного внимания заслуживают фестивали, которые проводятся не только как музыкальное событие, но и способствуют ознакомлению с белорусской культурой, национальными особенностями и культурными традициями. Так, например, с 2020 г. начали проходить новые музыкальные фестивали необычного формата. Это Фестиваль места SPRAVA, который проводится в д. Белая церковь, проходит в формате «open air» – под открытым небом. Мероприятие проходит на острове недалеко от Минска, где сохранились объекты историко-культурного наследия. Праздник искусств «Музы Несвижа» объединяет музыку разных эпох и жанров, проходит в Несвижском замке, как и Фестиваль оперного и балетного искусства «Вечера Большого театра в замке Радзивиллов» [16]. Подобные мероприятия собирают слушателей не только из Беларуси, но и из стран ближнего зарубежья, способствуя развитию гражданских связей.

Для стран СНГ, в том числе и Республики Беларусь, работа с молодыми людьми относится к одному из важнейших направлений политики. Сегодня существует ряд проектов в рамках СНГ: «Года молодежи» с 2009 г., Международный молодежный проект 2016 г., «100 идей для СНГ» и т.д. Проводится работа по созданию видеоархива воспоминаний ветеранов ВОВ, в которую вовлечены все молодежные организации стран Содружества [4, с. 24]. Формирование молодежных контактов в какой-то мере нивелирует негативные последствия современной международной политики и способствует формированию положительного имиджа государств. В рамках образовательного сотрудничества с 2009 г. действует Сетевой университет СНГ. В качестве примера международного сотрудничества учебной организации можно привести ВГУ имени П.М. Машерова. На сегодняшний день университет имеет свыше ста договоров в образовательной, методической и научно-исследовательской сферах с учебными заведениями России, КНР, Индии, Армении, Кыргызстана, Молдовы, Пакистана, Бразилии, Узбекистана и Таджикистана. Реализуются не только учебные программы, но и молодежные встречи [14].

Важную роль в сфере народной дипломатии играют общественные организации. По словам А.Г. Лукашенко, «общественные организации создают притягательный образ своей Беларуси, раскрывают спокойный, миролюбивый, созидательный характер нашей прекрасной Родины» [17], так как представляют в первую очередь интересы граждан. Одним из них является Белорусский фонд мира. Он ведет активное сотрудничество с такими общественными объединениями, как Федерация за всеобщий мир (UPF), международная ассоциация «Мир через Культуру — Европа», Всекитайская народная ассоциация за мир и разоружение, Монгольская организация мира и дружбы, Берлинское благотворительное объединение «KONTAKTE — КОНТАКТЫ», Болгарский фонд «Славяне», Федерация женщин за мир во всем мире (Япония) и др. [17].

Примером может служить также деятельность Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, которое было создано еще в 1926 г. Оно ставит своей целью популяризацию культурных достижений белорусского народа, укрепление добрососедства с народами мира [2]. 6 марта 2023 г. на было Общества прошел Международный круглый стол «Роль народной дипломатии в развитии российско-белорусских отношений». Одним из направлений деятельности стала реализация проекта Ассамблеи народов Евразии «Бессмертная память», а также Международного гуманитарного проекта «Книга памяти. Беларусь», направленных на сохранение исторической памяти о Великой отечественной войне [8]. Кроме двустороннего сотрудничества Беларусь-Россия, Общество дружбы имеет связи с более чем 40 стран мира.

Таким образом, гражданская дипломатия Республики Беларусь берет начало из традиций советского народного сотрудничества. Сегодня практика проведения международных событий сохраняется, при участии общественных организаций и заинтересованных гражданских лиц. Гражданская дипломатия Республики Беларусь строится на принципах миролюбия, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с целью сохранения гуманистических идеалов и общечеловеческих ценностей.

Библиографический список:

1. II Игры стран СНГ в Беларуси [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республики Беларусь. URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/sport/second-cis-games-belarus> (дата обращения: 03.10.2023).
2. Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами [Электронный ресурс] // Оф. сайт Бел. общ. дружбы. URL:

<http://www.friendshipsociety.by/index.php?s=chronicle> (дата обращения: 02.10.2023).

3. Божко В. Какие спортивные соревнования пройдут в Беларуси в 2023 году? [Электронный ресурс] // Электронное издательство «Аргументы и факты». 2023. URL:

https://aif.by/timefree/sport/kakie_sportivnye_sorevnovaniya_proyduť_v_belarusi_v_2023_godu (дата обращения: 03.10.2023).

4. Боришполец К. П. Публичная дипломатия : прагматичный взгляд на разнообразие реального опыта // Международная аналитика. 2018. №1. С. 22–31.

5. Бурик Е. А. Современная народная дипломатия в белорусско-польском приграничье // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. №1. 2017. С. 21–27.

6. Ганчеренок И. И. Публичная и народная дипломатия в системе глобального управления // The Caspian region : Politics, Economics, Culture. 2020. №3. С. 89–94.

7. Гигин В. Ф. Сила народной дипломатии [Электронный ресурс] // Издательский дом «Беларусь сегодня». 2022. URL: <https://www.sb.by/articles/sila-narodnoy-diplomatii.html> (дата обращения: 02.10.2023).

8. Жуков И. Круглый стол «Роль народной дипломатии в развитии российско-белорусских отношений» [Электронный ресурс] // Белорусский союз суворовцев и кадет. 2023. URL : <https://belkadet.by/news/kruglyj-stol-rol-narodnoj-diplomatii-v-razvitii-rossijsko-belorusskix-otnoshenij.html> (дата обращения: 04.10.2023).

9. Зонова Т. В. Новые проблемы дипломатии // Современные международные отношения и мировая политика. 2004. С. 467–494.

10. История возникновения Международной ассоциации «Породненные города» [Электронный ресурс] // Международная ассоциация "Породненные города" (МАПГ). URL: <http://goroda-pobratimy.ru/about/istoriya-vozniknoveniya-mapg> (дата обращения: 30.09.2023).

11. Коган С. И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период // Общество. Среда. Развитие (Тегга Humana). 2012. №1. С. 94–98.

12. Медведева Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и её роль в российско-японском политическом диалоге: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2007.

13. Медведева Т. И. Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе // Власть. 2007. №4. С. 71–74.

14. Международное межвузовское сотрудничество [Электронный ресурс] / Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. URL: <https://vsu.by/mezhdunarodnaja-dejatelnost/mezhdunarodnoe-mezhvuzovskoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 01.10.2023).

15. Можяева Л. А. Всемирные фестивали молодежи и студентов: из опыта общественной дипломатии // Новый исторический вестник. 2016. №2 (48). С. 132–145.

16. Музыкальные фестивали [Электронный ресурс] // Мир классической музыки. URL: <https://classicalmusic.by/festivals/> (дата обращения: 01.10.2023).

17. Народная дипломатия [Электронный ресурс] // Белорусский фонд ми-

ра. URL: <https://fondmira.by/programmyi-i-proektyi/narodnaya-diplomatiya/> (дата обращения: 02.10.2023).

18. Об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс] : конвенция Организации Объединенных Наций от 16 ноября 1972 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 02.10.2023).

19. Побратимское движение – маленькие звенья большой дружбы [Электронный ресурс] : интервью председателя Белорусской общественной организации "Породненные города" Б. Батуры / опубл. А. Гришкевич // БЕЛТА. 2020. URL: <https://www.belta.by/interview/view/pobratimskoe-dvizhenie-malenkie-zvenjja-bolshoj-druzhby-7603/> (дата обращения: 01.10.2023).

20. Попов А. Д. Последние советское мегасобытие : XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве // Новейшая история России. 2018. Т. 8. №4. С. 1017–1031.

21. Список всемирного наследия [Электронный ресурс] // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 02.10.2023).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (КРАСНОДАР-ЧЕЛЯБИНСК)

THEORY AND PRACTICE OF USING THE SYSTEM-ACTIVITY APPROACH IN TEACHING INTERNATIONAL RELATIONS (KRASNODAR-CHELYABINSK)

В.А. Кумпан

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.Г. Смирнов

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

V.A. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

M.G. Smirnov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Аннотация. В статье представлены теоретические и практические аспекты обучения на разных образовательных уровнях и в разных образовательных ситуациях с использованием системно-деятельностного подхода. Практика использования различных методов обучения в форме групповой работы, введения информации и мотивации к обучению с использованием разнообразных приемов.

Abstract. The article presents theoretical and practical aspects of teaching at different educational levels and in different educational situations using a system-activity

approach. The practice of using various teaching methods in the form of group work, the introduction of information and motivation to learn using a variety of techniques.

Ключевые слова: международные отношения, всемирная история, обучение, повышение квалификации, системно-деятельностный подход, игровые методы, групповая работа, мотивация.

Key words: international relations, world history, education, professional development, system-activity approach, game methods, group work, motivation.

Вестернизация и глобализация стали основными трендами развития современного мира. Флагманами развития мировой экономики был сформирован пул наднациональных ценностей, обеспечивающих их свободное экономическое процветание и ставший критерием вхождения иных стран в мировую систему хозяйствования. Эта система оформилась в международных институтах и устойчивых механизмах взаимодействия. А для ряда международных институтов, таких как ООН, стала основой их функциональной деформации. В системе образования эти тенденции были реализованы в нашей стране при переходе на болонскую систему и от системы знаний-умений-навыков к формированию профессиональных компетенций. В настоящее время образовательные реформы приобрели несколько иной, на наш взгляд более позитивный характер [1]. Активная работа Общества «Знание» и выступление как лектора, требует развития форм и методов преподавания для повышения мотивации и активизации слушателей с помощью методов фасилитации, коучинга, игровых технологий [2].

Новые акторы международного взаимодействия, такие как негосударственные (некоммерческие) организации (НГ(К)О) будучи буквально на персональном уровне вплетенными в мировую сеть отношений, мобильными и не подконтрольными нормам международного права и мировым экономическим структурам они стали эффективным посредником для решения международных вопросов на любом уровне в обход традиционных созданных механизмов, что для отдельных стран стало разрушительным, привело к переворотам и революциям, фактически противопоставило НГ(К)О и внутригосударственному праву. В следствии этого произошла диверсификация и, одновременно обособление сфер международных отношений. Стало возможным сосуществование взаимоисключающих процессов в международных отношениях.

К примеру, за последние годы происходит все большее охлаждение политических отношений между КНР и Японией, а товарооборот возрастает. Прослойка из НГО, имеющая транснациональный

характер, создала условия для распространения опосредованных гибридных механизмов международного взаимодействия, дающих возможность анонимно и опосредованно вести переговоры, торговые и военные операции, термин, который используется в данном случае – «мягкая сила» (soft power), в полной мере реализуется в системе образования. К настоящему времени стало даже использоваться семантически близкое понятие – «мягкие навыки» (soft skills), для развитие которых мы поговорим об использовании различных технологий.

Странами «золотого миллиарда» в этих условиях для государств второго эшелона развития определялась контрибуция и роли в мировой глобальной системе, и Россия на протяжении долгого времени даже не сопротивлялась, ориентируясь на западные образцы и мониторинги, в ущерб отечественным традициям. Тренд глобализации привел к инфляции национальных культур и национальных ценностей, ориентации их на вхождение в глобальную систему, даже ценой утери, точнее подмены, части национальной идентичности – глобальной. Ярким примером здесь являются различные формы грамотности – финансовой, функциональной и прочих и низкая оценка российской системы, например, Programme for International Student Assessment, PISA, что необходимо учитывать, но, ориентиров оставив отечественный опыт, на основе синтеза различных образовательных систем и использования новых деятельностных методов.

Глобальная система, достигнув определенного пика начала давать сбои под воздействием внутренних и внешних факторов, таких как финансовый кризис 2008-2009 годов, мировая пандемия Ковид-19, ускорение развития бывших стран второго эшелона, таких как Индия и Китай, инфляции национальных культур стран, выразившейся в «культуре отмены» и отказе от национальных производств стран «золотого миллиарда» и, прежде всего, мирового гегемона – США. Исторический опыт, прежде всего периода империализма позволяет нам понять данные тенденции, и научить разбираться в них студентов, слушателей лекций в других форматах.

Можно было бы предположить, что главным конкурентом глобализации по западному образцу станет альтерглобализм Китая, стремящегося объединить европейский и американский мировые рынки с дальневосточным через создание «великого шелкового пути». В сфере образования эта тенденция могла бы прослеживаться через трансляцию иных моделей образования. На сегодняшний день все эти тенденции привели к сложному мировому процессу – процессу деглобализации, затрагивающему в той или иной степени как разви-

тые, так и развивающиеся страны и для понимания и прогнозирования развития необходимы навыки и знания работы с всемирной историей, которая позволяет оценить отечественные тенденции развития в контексте моделей других стран.

В США, например, мы видим попытки деглобализации в период президентства Д. Трампа, провозгласившего лозунги «реиндустриализации» и «сделаем Америку снова великой», развязавшего торговую войну с Китаем, но они не увенчались успехом, будучи вытесненными глобалистской повесткой и реальными экономическими процессами. Сами по себе лозунги оказались неоднозначными в контексте реализации Д. Трампом своих личных амбиций и задач развития семейного бизнеса. Для понимания данных тенденций необходимо у студентов сформировать комплекс актуальных знаний по всемирной истории, умения собирать и анализировать на основе исторического контекста современные процессы и навыки участия в переговорах для осознания особенностей современного мироустройства, дипломатии.

В особом положении оказалась, Россия с одной стороны, напрямую она была затронута этими процессами, а с другой стороны оказалась в их эпицентре в качестве избранного врага Запада, задающего смысл существования и деятельности мирового гегемона. Для нашей страны – ситуация не новая, повторяющаяся в истории регулярно, для понимания этого мы должны перейти на мировой уровень, построив его на базе отечественной истории, что важно, научить этому – студентов, слушателей лекций, в том числе на курсах повышения квалификации. Попав в поток западного политического и экономического остракизма в РФ вынужденно развернулись процессы самоусиления и национального строительства, противостоящего глобальному; встали вопросы основ национально-культурного единства и идентичности, без понимания мировых тенденций может сложиться неверная точка зрения волюнтаризма России, которая в общемировом контексте становится очевидна, в русле нового витка глобализации.

Мы являемся свидетелями этих процессов, которые не имеют ещё достаточной рефлексии в науке и обществе. Ещё не сформировалась новая, адекватная международной и национальной реальности парадигма преподавания международных отношений в целом и межнациональных отношений – в частности. Данная статья и ориентирована на анализ связи общемировых тенденций развития с изменениями в системе образования и просвещения, при необходимости значительного обновления как знаниевого, так и дидактического инструментария в подготовке международных специалистов, регионоведов, востоковедов.

дов, слушателей на курсах повышения квалификации, в системе просветительской работы, которая реализуется Обществом «Знание» [3].

Здесь видится ряд проблем, которые необходимо решать и останемся на возможных вариантах работы с ними:

1. Проблема слушателя. Современный студент, будучи представителем своего возраста и поколения, в социальном плане является продуктом глобализации и носителем абстрактно-гуманитарных, натуральных и текущих потребительских ценностей; нередко имеет ослабленную национальную и религиозную, идентичность, а часто и гражданскую. При этом он испытывает естественное отторжение и вместе с тем, духовный голод по национальному и религиозному, понимания которого социально-практическом ключе, по сути, не имеет. Чаще всего он является носителем универсальной, а не национальной идентичности. Последнюю он ощущает весьма фрагментарно. В связи с этим в преподавании проблем международных отношений важно находить контексты выстраивающие переходы от мировосприятия заложенного в студенте к мультипарадигмальным подходам. Для определения характеристик каждой конкретной аудитории и подстройки, для дальнейшего ведения используются методы коучинга, использования открытых и закрытых вопросов (для ответов на первые достаточно попросить поднять руку, данный метод использовался для определения какими социальными сетями и мессенджерами пользуются слушатели [4]. При работе с необходимостью обратной связи ее организации можно обратиться к методам фасилитации – при регистрации на мероприятие необходимо зарегистрироваться и обязательно предложить проблемный вопрос, которые дополняются вопросами на флипчартах, естественно, устными вопросами [5].

2. Проблема анахронизма. Когда в преподавании международных отношений мы уже не можем опираться на западные классические парадигмы, описывающие движение к мондиальному миру в силу их тенденциозности и не адекватности текущей реальности мирового пространства, мы обращаемся к идеям прошлого поиска национальной идентичности, смыслам идеалам и национальным интересам уже не существующих государств. Зачастую опыт и парадигмы прошлого берутся в чистом виде без поправки на условия и время. В этом смысле, они, хоть и содержат необходимые элементы для современной рефлексии международного порядка, отторгаются слушателями как непонятные и не приложимые к их собственному опыту. Тогда в преподавании появляется феномен научного фетишизма, когда мы заставляем студентов выучить идею без ее восприятия и понимания,

порождая тем самым негатив восприятия и проблему ложных ожиданий студентов. Запуск эмоциональных механизмов восприятия, в данном случае возможен с использованием метафорических ассоциативных карт, особенно разработанных самим студентами. В основу этих карт были положены афоризмы великих исторических деятелей, на основе которых с использованием искусственного интеллекта были сделаны сами изображения. В начале каждого занятия студенты получают карту, фотографируют ее и пишут мини-эссе связывая тематику лекции с изображением, или фразой [6].

3. Проблема поиска. Это проблема преподавателя и исследователя, который вполне способен объяснить конкретные международные события современности в контексте прошлого опыта, но, зачастую, находясь в поиске, будучи сам носителем стереотипов, ещё не сформировал для себя общую картину международной реальности. В процессе преподавания есть соблазн впасть в крайности, либо вычитывать понятную, годами проверенную программу коннотации к текущей реальности с непрекаемостью научного снобизма, либо выдавать текущие оценки не концептуализируя их и лишая тем самым студента возможности формирования собственной научной парадигмы. В условиях изменчивой международной реальности преподавателю необходимо включать слушателя в научный поиск, основанный на твердой платформе методологии и принципах верифицируемого знания. Теории развития международных отношений, концепция И.К. Кондратьева, позволяют нам на основе традиционной модели развития Вестфальской системы международных отношений предложить прогностическую модель развития международных отношений и попросить слушателей предположить перспективы развития ее в будущем [7].

4. Проблема официоза. Любое государство, обязано защищать свои национальные интересы, реагируя на вызовы и угрозы современности и корректируя курс развития. Это закрепляется в различных нормативных документах и выступлениях первых лиц. Подобного рода документы должны выступать в качестве, своего рода, навигаторов для общества, позволяющих оценить текущую обстановку с точки зрения национальных интересов и задач дальнейшего развития. При этом государство само находится в определенном поиске оптимальных решений задач, инструментами которых выступают нормативные документы и высказывания. Проблема в том, что наиболее активная часть общества воспринимает подобные документы, как некую окончательную истину, следуя букве закона, создавая собственную вари-

цию постправды, не заложенную в источнике; либо впадает в негатив не разобравшись до конца в их содержании. В контексте преподавания международных отношений такие документы требуют анализа и соотнесения их содержания с текущей обстановкой и деятельностью государства и общества. Постоянная работа с документами, использование различных, в том числе количественных методов работы с документами – основа при организации контролируемой самостоятельной работы. В рамках преподавания всех дисциплин в течении более 10 лет организовано использование бально-рейтинговой, накопительной системы оценки работы студентов, первоначально для этого использовалась обычная электронная почта, в настоящее время студенты после каждой лекции присылают 5 файлов конспект/эссе, дополнения, документы, биографии, тесты/кейсы [8].

5. Проблема потока информации. Как студент, так и преподаватель находятся в информационном поле имеющим огромное количество источников и потоков информации. По сути в современных условиях каждый индивид имеет свою версию информационного поля и особую среду получения и восприятия информации, которую он считает объективной и универсальной. В процессе преподавания эти универсалии сталкиваются. Причем не только преподавателя и студента, но и между студентами. К этому вопросу можно добавить и проблему постправды. В этом смысле преподаватель должен работать только в интерактивном режиме, находясь в поиске общей платформы для дискуссии, но и расставлять необходимые для адекватного восприятия информации акценты. Комплексной формой в данном случае можно считать организацию и проведение различных дидактических игр в рамках образовательного процесса, на лекциях, а также моделирование международных исторических процессов и международных организаций. Организация моделей международных организаций были проведены модели ООН, ШОС, БРИКС, СНГ была организована на базе социальной сети ВК [9]. Моделирование международных исторических процессов включало модели берлинского конгресса, Версальско-вашингтонских конференций, ежегодные модели Венского конгресса [10]. В настоящее время ведется работа над моделью Вестфальского конгресса, которая будет проведена в онлайн формате, на интернет-платформе, затем в очном формате и планируется подготовить комплект материалов для проведения модели в дистанционном формате [10].

В условиях сложного, многомерного информационного мира, который характеризуется как «эластичное общество», «большая де-

ревня», можно говорить об эволюции доступа к информации, которая таким образом обесценивается, но рост значения умений, навыков, профессиональных компетенций очевиден, развитие их дает дополнительные возможности и повышает значение системно-деятельностного подхода в различных формах на всех уровнях образования и в сфере дополнительного образования.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Url: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 30.10.2023).
2. Научно-образовательный проект «Наука побеждать» <https://sciencewin.ru>. (дата обращения: 30.10.2023)
3. Лекция «Истина и ложь в истории: противодействие фальсификации истории России» Url: https://vk.com/wall144903532_1812 и другие (дата обращения: 30.10.2023).
4. Пилотный проект "Прорыв - право", интерактивный диалог "Правовая безопасность". Url: https://vk.com/wall144903532_1820 (дата обращения: 30.10.2023).
5. Цикл из трех встреч «От общего к частному» ориентированных на профилактику идеологии терроризма и экстремизма на национальной и религиозной почве. Url: https://vk.com/wall144903532_1814 (дата обращения: 30.10.2023).
6. Метафорические ассоциативные карты дипломата. Url: https://vk.com/wall144903532_1650 (дата обращения: 30.10.2023).
7. Глобальный контекст украинского кризиса Url: https://sun9-22.userapi.com/impf/SzYBqAESWII9oSfJti8Dndx_1wR6NZeSYras8g/9QPynSKzehk.jpg?size=2560x1707&quality=96&sign=a9a12d0fb91d2e23ce65ab995895e708&type=album (дата обращения: 30.10.2023).
8. Кумпан В.А. Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего и высшего образования: проблемы концептуальной преемственности в условиях информационного общества Url: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42733840> (дата обращения: 30.10.2023).
9. Кубанская модель международной организации Url: <https://vk.com/kubun> (дата обращения: 30.10.2023).
10. НОП "Наука побеждать" в дипломатии Url: <https://vk.com/kubanmodel> (дата обращения: 30.10.2023).

ПРОБЛЕМА ИМИДЖА РОССИИ В США (1991–2023 гг.)¹

PROBLEM OF RUSSIA'S IMAGE IN THE USA (1991–2023)

А.П. Косов

Белорусский государственный университет, г. Минск
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

A.P. Kosov

Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Аннотация. В статье показан образ современной России в США. Утверждается, что негативный имидж РФ в Соединенных Штатах является прямым результатом отсутствия эффективного российского лобби в связи с недостаточной работой Москвы на американском направлении и сильнейшей русофобией в политическом истеблишменте США.

Abstract. The article shows the image of modern Russia in the United States. It is argued that the negative image of the Russian Federation in the United States is a direct result of the lack of an effective Russian lobby due to Moscow's insufficient work in the American direction and strong Russophobia in the US political establishment.

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения, имидж, русскоязычная диаспора, лоббизм.

Key words: Russia, USA, Russian-US relations, image, Russian-speaking diaspora, lobbying.

В постбиполярный период одной из проблем внешней политики России оказалась проблема ее имиджа и лоббирования национальных интересов страны на международной арене. Особенно это касалось российско-американских отношений. В силу своего положения в мире США обладали существенным влиянием на РФ. Поэтому интересам Москвы отвечало благожелательное отношение американского истеблишмента.

В 1990-е гг. Россия воспринималась в США как слабая, непонятная страна с великими достижениями русской культуры и спорта, оставшимися в прошлом. Просьбы Москвы о финансово-экономической помощи и стремительное погружение страны в кризис давали американцам основания считать, что Россия превращается во

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 1.6.4 «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» по заданию 12.1.06 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика» подпрограммы «История» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

второразрядную державу, которая будет следовать всем указаниям из Вашингтона. Однако неоправдавшиеся ожидания сторон и нарастание в российско-американских отношениях противоречий привели политический истеблишмент США к мысли об ужесточении политики на российском направлении.

В 2000-е гг. многие представители американских политико-академических кругов увидели в образе России элементы агрессивности и экспансионизма. Прежде всего, они связали их с фигурой В. Путина. Его воспринимают как бывшего агента КГБ, который легко переигрывает своих оппонентов, являясь «хитроумным гроссмейстером, который всегда играет черными, но выигрывает» [7]. Тем самым образ России в качестве страны-врага стал частью политического мышления американской элиты. Но, что парадоксально, одновременно на Западе получила распространение точка зрения о том, что Россия – «страна угасающая, обреченная на экономическую и демографическую деградацию, а соответственно, и на неизбежное ослабление геополитических позиций» [7]. Именно в таком ключе происходило восприятие РФ в Соединенных Штатах. На практике Вашингтон на российском направлении пытался реализовывать модель, включавшую такие элементы, как диалог, вовлечение, обещания, критика, угрозы, сдерживание.

Со своей стороны, на протяжении трех десятилетий Россия практически не предпринимала серьезных, продуманных попыток влияния в США, которые могли бы улучшить ее позиции в российско-американском диалоге. В 1990-е гг. Москва надеялась, что прозападного выбора страны достаточно для того, чтобы РФ стала восприниматься в Америке как часть цивилизованного мира. Основой внешнеполитического мышления Кремля выступала идея стратегического партнерства двух стран. В данном контексте российское руководство наивно ожидало, что шаги навстречу Вашингтону приведут к ответным позитивным сдвигам со стороны США.

С 2000-х гг. Россия стала прилагать определенные усилия, чтобы повлиять на общественное мнение Соединенных Штатов. Хотя, в основном они носили ситуативный характер. Так, в числе подобных шагов можно назвать запуск в 2005 г. англоязычного телеканала Russia Today, а также проведение совместно с соотечественниками тематических семинаров, выставок русского искусства и других мероприятий. Однако, как отмечали отдельные эксперты, РФ не нужно влияние на американских домохозяек, безработных и фермеров, смотрящих телевизор, на что направлено создание Russia Today. России

необходимо влияние среди американского истеблишмента, формирующего государственную политику США. Для этого в Вашингтоне были нужны свои агенты влияния, которые бы позитивно или хотя бы нейтрально относились к России [4].

В свое время отдельные российские исследователи, рассматривая проблему лоббизма интересов РФ на международной арене, позиционировали США в качестве одной из самых пророссийских стран в мире. Подобное утверждение обосновывалось ими наличием в Америке многочисленных пророссийских групп американского общества. Среди них называли соотечественников; деловое сообщество; прагматиков, заинтересованных в двустороннем сотрудничестве; представителей различных религиозных конфессий; русофилов [9, с. 75].

На наш взгляд, подобные взгляды были слишком оптимистическими. Конечно, среди американцев можно выделить немало людей, заинтересованных в развитии конструктивных отношений между РФ и США. Однако за три десятилетия после окончания Холодной войны эффективное пророссийское лобби в Америке так и не сложилось. В результате негативные стереотипы американцев о России и россиянах об Америке вместо того, чтобы уменьшаться, стали наоборот нарастать и все сильнее оказывать влияние на процесс принятия решений с обеих сторон. Как итог, рост русофобии в США и антиамериканизма в РФ привели обе стороны в тупик [2].

Одной из главных причин, сдерживавших конструктивное развитие российско-американских отношений, стала русофобия политического истеблишмента Соединенных Штатов. Несмотря на завершение конфронтации эпохи Холодной войны и провозглашение российским руководством прозападного курса в американском истеблишменте остались люди скептически и даже враждебно относившиеся к РФ. Россия воспринималась элитой США в качестве побежденной страны, которую американские стратеги пытались перестроить по своим планам. Когда же этого сделать не удалось, Вашингтон стал все больше разочаровываться в посткоммунистической России, усиливая критику российского руководства в коррупции и нарушении прав человека. В результате имидж РФ в США стал стремительно ухудшаться. В XXI в. негативный образ России в американском политико-академическом сообществе еще более усилился. По оценкам аналитических организаций, индекс РФ в постбиполярный период в Америке претерпел серьезные изменения. Если в 1993–2003 гг. Россия относилась к категории «частично свободных», то с 2004 г. – «несвободных» стран [5, с. 16]. Тем самым проблема демократизации РФ

стала одним из основных индикаторов развития российско-американских отношений.

Русофобия в СМИ повлекла за собой поступательное снижение симпатий к России среди рядовых американцев. Российское руководство в США стали все больше обвинять в свертывании демократических реформ внутри страны и экспансионизме на международной арене. Тем более что со времен Холодной войны американское общество не изжило в себе восприятие России в виде карикатурного образа злобного медведя, угрожающего цивилизованному миру. О стереотипном имидже России, сложившемся на Западе, ярко свидетельствует следующий пример. Накануне визита Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. британский журнал *The Economist* разместил на обложке фотографию улыбающегося президента США, стоящего на трапе самолета. Но вместо входа в самолет он якобы попадает в пасть огромного медведя. Данную картинку венчает надпись «Добро пожаловать в Москву» [1, с. 291]. Подобные штампы, распространенные в западных СМИ, содействовали распространению антироссийских настроений среди американцев.

Всплески русофобии приходились на резонансные события, связанные с внутренней и внешней политикой Москвы, которые оказывались в информационном поле США. В качестве примеров можно назвать арест М. Ходарковского, смерть С. Магнитского, убийство Б. Немцова, Пятидневную войну, присоединение Крыма и поддержку Донбасса, военную операцию в Сирии, специальную военную операцию на Украине. Тем самым русофобия в Соединенных Штатах оказалась намного сильнее пророссийских настроений отдельных американцев.

Следующей причиной стала разобщенность русскоязычной диаспоры в Америке. Это – результат различного отношения эмигрантов, в разные годы выехавших за океан, к России. У них не оказалось единой и общей позиции [13, с. 307]. Неудивительно, что слабая консолидация и внутренняя разобщенность соотечественников не способствовали формированию в Соединенных Штатах влиятельного российского лобби [13, с. 305].

В начале 2000-х гг. в целях решения проблемы отсутствия лоббистских структур среди русскоязычной диаспоры Э. Лозанский предлагал следующие шаги: 1) формирование положительного образа РФ как надежного партнера и союзника США в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения; 2) создание специального информационного центра в Соединенных Штатах для

предоставления объективной информации о текущих общественно-политических событиях в России; 3) развитие деловых, культурных, научных, образовательных и других связей между двумя странами; 4) открытие работающей на постоянной основе выставки инвестиционных проектов; 5) проведение различных организационных мероприятий, посвященных сотрудничеству и сближению двух стран; 6) работать над отменой дискриминационных по отношению к России законов [6, с. 238].

Конечно, активисты из числа соотечественников в Америке являются носителями и проводниками русской культуры, истории и ценностей. Ряд эмигрантских объединений (Координационный совет организаций российских соотечественников США, Русская молодежь Америки, Конгресс русских американцев, Русское дворянское собрание в Америке и др.) неоднократно подчеркивали необходимость поддержки и защиты соотечественников со стороны Москвы на всех уровнях российско-американского взаимодействия. Со своей стороны, они были готовы помочь России и призывали «прекратить считать эмигрантов предателями Родины» [12, с. 190].

С 2000-х гг. активисты из числа соотечественников активизировали свою деятельность по сближению русской и американской культур. В различных городах США стали появляться культурные центры и общественные организации, деятельность которых была направлена на объединение соотечественников на основе интереса к русскому языку, истории и культуре. Среди них выделялись Российско-американский культурный центр «Наследие», Русский Дом «Континент» в Вашингтоне, Объединенная русско-американская ассоциация в Хьюстоне, Русский культурный центр «Русская душа» в Миннесоте и др. [8, с. 6].

В 2010-е гг. основным партнером соотечественников стало российское государство, которое через правительственные структуры наладило прямой контакт с представителями русскоязычной диаспоры в США [11, с. 209]. Москва стала рассматривать их как часть Русского мира. Организации эмигрантов стали получать определенную поддержку со стороны МИД РФ, Россотрудничества, а также ряда иных структур на свою деятельность по популяризации русской культуры и истории [12, с. 193].

Однако добиться весомых положительных результатов объединениям соотечественников в США так и не удалось. Дело в том, что общественное мнение подвержено резким колебаниям в связи с международными или внутривнутриполитическими событиями при отсутствии

внутри обществ значимых групп влияния, заинтересованных в сглаживании противоречий [10, с. 43]. А этим как раз Москва похвастать не могла. С тех пор прошло два десятилетия, но в силу ряда причин проблему этно-конфессионального лоббизма России успешно решить не удалось. По сравнению с еврейской, польской, украинской и другими диаспорами русскоязычные группы не стремились ни к внутренней консолидации, ни к попыткам наладить отношения со своими представителями в Конгрессе, ни к широким контактам со своей Родиной [2]. Кроме того, в связи с обострением российско-американских отношений деятельность русской диаспоры в США стала рассматриваться в Вашингтоне сквозь призму национальной безопасности. Поэтому с середины 2010-х гг. давление властей Соединенных Штатов на сторонников России в Америке существенно усилилось, что не только не сделало организации русской диаспоры инструментом лоббизма российских интересов, а, наоборот, привело к проблемам в их деятельности.

Не оправдались надежды по улучшению имиджа РФ в США и на российский бизнес. Это можно объяснить тем, что обе державы не являются ведущими торгово-экономическими партнерами друг друга. Российские бизнес-структуры время от времени предпринимали усилия по лоббированию своих интересов на американском рынке. Однако они не имели никакого влияния на процесс реализации Вашингтонской внешнеполитической стратегии в отношении России.

Обвинения со стороны Вашингтона о российском «вмешательстве» в президентские выборы в США, украинский конфликт и политика антироссийских санкций создали для российского лоббизма практически непреодолимые препятствия. Русофобский тренд в политических кругах Соединенных Штатов лишь набирает обороты. Российско-американские отношения вновь, как в годы Холодной войны, приобрели устойчивую конфронтационную модель взаимодействия. Поэтому в 2010-х гг. Россия практически лишилась каких-либо эффективных инструментов влияния на элиту США.

После прихода в Белый дом Д. Трампа некоторые представители российских политико-экспертных кругов рассчитывали на благожелательно настроенного в отношении России «внесистемного» президента. Однако, как известно, их надежды не оправдались. В годы президентства Трампа российско-американские отношения продолжали ухудшаться.

Другие эксперты, наоборот, предлагали активнее работать с американской «системой» в целом. Так, по мнению А. Картунова,

многие в России демонизируют «глубинное государство», что неправильно. Несмотря на то, что большинство сотрудников Госдепартамента, ЦРУ, аппарата Конгресса, экспертов из аналитических центров не являются поклонниками В. Путина. Однако они «хорошо нам знакомы, имеют значительный опыт взаимодействия с Москвой и едва ли могут считаться упертыми параноиками, экзальтированными конспирологами или генетическими русофобами. “Глубинное государство” состоит из рационально мыслящих профессионалов, с которыми всегда легче иметь дело, чем с любителями-романтиками» [3]. При этом эксперт справедливо отмечал, что Россия не сможет восстановить отношения с Соединенными Штатами, не изменив отношение к себе со стороны американского общества в целом. С ним нужно взаимодействовать напрямую, минуя дипломатов, чиновников и политиков, чтобы разрушить устойчивые антироссийские стереотипы, укоренившиеся в сознании рядовых американцев. В качестве нестандартных шагов, ломающих логику конфронтации, А. Картунов предлагал отменить «закон Димы Яковлева», запрещающий американцам усыновление российских детей, восстановить российско-американские образовательные программы, прерванные Россией, пересмотреть в сторону сокращения список американских «нежелательных организаций», которым запрещено работать в России [3].

На наш взгляд, в условиях усиливавшегося давления Вашингтона российское руководство абсолютно оправданно на подобные шаги не пошло. Ведь односторонние уступки американская элита воспринимает как слабость. Американцы хотели бы видеть Россию такой, какой она была в 1990-е гг. Однако руководство РФ выбрало иной путь, который предполагает отказ от игры по американским правилам. Сегодня Москва является одним из главных игроков по трансформации современного миропорядка в сторону полицентричности.

Таким образом, в постбиполярный период Российская Федерация не смогла выстроить эффективную систему лоббизма своих интересов в Соединенных Штатах. Это привело к ухудшению имиджа страны в Америке. После кратковременного периода эйфории, охватившей обе державы в связи с окончанием Холодной войны и неоправдавшимися ожиданиями относительно пути развития России по американскому сценарию, восприятие российского государства в политико-академическом сообществе США стало приобретать негативный оттенок. По мере нарастания между Москвой и Вашингтоном дальнейших противоречий критика в адрес РФ только усиливалась. При этом российское руководство постоянно подчеркивало желание и

готовность развивать конструктивные, взаимовыгодные отношения с США. Данное намерение подразумевало наличие у страны определенных действий, направленных на то, чтобы заинтересовать партнеров.

Однако в годы, предшествовавшие началу новой конфронтации между Россией и США, основной проблемой являлось отсутствие у Москвы эффективной стратегии по продвижению позитивного имиджа страны на Западе. В основном РФ занималась лишь оперативным реагированием на действия партнеров.

С середины 2010-х гг. характерной особенностью российско-американских отношений стал острый кризис взаимопонимания. В условиях, когда Вашингтон надуманно обвиняет Россию во всевозможных грехах, активизировать пророссийское лобби в США представляется невозможным. Поэтому Москве остается надеяться на свою победу в схватке с коллективным Западом. Ведь, как известно, войны и конфликты рано или поздно заканчиваются победой или перемирием. Соответственно конфликтующие стороны либо достигают взаимоприемлемого компромисса, либо победитель диктует побежденному противнику свои правила поведения.

Библиографический список

1. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / Под ред. И.А. Василенко. М.: Международные отношения, 2013. 359 с.
2. Каневский П. Преграды и возможности пророссийского лоббизма в США // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. 27.02.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pregrady-i-vozmozhnosti-prorossiyskogo-lobbizma-v-ssha/> (дата обращения: 25.09.2023).
3. Картунов А. Российские подходы к США: кто удивил, тот победил // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. 01.02.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-podkhody-k-ssha-kto-udivil-tot-pobedil/> (дата обращения: 26.09.2023).
4. Костяев С. Как нам вырастить себе Бжезинского // Независимая газета [Электронный ресурс]. 29.08.2006. URL: https://www.ng.ru/ideas/2006-08-29/9_bzhezinski.html (дата обращения: 25.09.2023).
5. Костяев С.С. Имидж России в США: анализ экзогенных и эндогенных факторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 2 (18). С. 14–21.
6. Лозанский Э.Ф. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М.: Международные отношения, 2004. 272 с.
7. Лукьянов Ф. Владимир Путин – аватар и человек // Forbes [Электронный ресурс]. 02.11.2011. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2011-11/75215-vladimir-putin-avatar-i-chelovek> (дата обращения: 28.09.2023).

8. Новосильцева О.В. Русский мир США в 1991 – нач. 2000-х гг.: общественно-культурная активность и диалог с Россией // Человек и культура. 2019. № 4. С. 1-11.
9. Рудакова Е. Российское лобби в США: проблемы и перспективы // Власть. 2011. № 5. С. 74–77.
10. Ручкин А.Б. От «врагов народа» до «друзей нации»: русская диаспора в российско-американском диалоге // Знание. Понимание. Умение. 2014. №2. С. 40–50.
11. Ручкин А.Б. Русская диаспора в США: реакция общественных организаций на события на Украине и присоединение Крыма // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 201–215.
12. Ручкин А.Б. Центр «Наследие» и организации русской диаспоры в США // Россия и современный мир. 2013. № 4 (81). С. 184–193.
13. Сорокина Т.В. Русскоязычные общины в США и перспективы политического лоббирования российских интересов // Вестник ТГУ. 2011. № 9 (101). С. 305–311.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СССР И США В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОПАГАНДЫ.

THE CONFRONTATION BETWEEN THE USSR AND THE USA DURING THE COLD WAR AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF PROPAGANDA.

Д.К. Перенишко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

D.K. Perenizhko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка выделить наиболее примечательные особенности развития пропаганды в СССР и США на первом этапе холодной войны. В частности, рассматриваются такие важные элементы системы пропаганды, как дегуманизация оппонента и создание образа прогрессивности существующего государственного строя, по сравнению с противником.

Abstract. This article attempts to highlight the most remarkable features of the development of propaganda in the USSR and the USA at the first stage of the Cold War. In particular, such important elements of the propaganda system are considered as the dehumanization of the opponent and the creation of an image of the progressiveness of the existing state system in comparison with the enemy.

Ключевые слова: пропаганда, ОБД, НАТО, СССР, США, Фултонская речь, противостояние, идеология, СМИ, система.

Key words: propaganda, The Warsaw Pact, NATO, USSR, USA, Fulton speech, confrontation, ideology, media, system.

Окончание Второй мировой войны в сентябре 1945 г. оставило позади наиболее кровопролитный конфликт в истории человечества, однако глобальное противостояние мировых держав на этом не закончилось. Бывшие страны-союзники, разделившие сферы влияния в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций, стремились упрочить свое влияние на подконтрольных им территориях и выдвинуть противника из его зоны влияния. Политические столкновения между США и Соединенным королевством с одной стороны, и СССР с другой стороны, начались сразу после коренного перелома Второй мировой войны в 1943 г. Итоги Тегеранской конференции, ставшей первой встречей лидеров трех государств после начала конфликта, уже отчетливо намекали, что единого мнения об устройстве послевоенного мира у стран-участниц нет, а активное продвижение Красной Армии по территории Восточной Европы в ходе освободительных боев 1944 г. заставляло правительства Г. Трумэна и У. Черчилля искать способ затормозить процесс наращивания Советским Союзом влияния в странах Восточной Европы [9, с.30-32].

Установившаяся в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций международная политическая система не была способна сполна решить вопрос о разделе сфер влияния, и кризис международных отношений был неизбежен. Нестабильная геополитическая обстановка после окончания Второй мировой войны осложнялась еще и тем фактом, что политические системы стран Запада и Советского Союза идеологически были абсолютно несовместимы. Объединение государств перед лицом общего врага в ходе войны было естественной необходимостью и являлось временным, однако исчезновение противника не только нивелировало все причины объединения, но и создало дополнительные политические мотивы для государств расценивать друг друга в качестве противников.

Установление просоветских режимов в государствах Восточной Европы после их освобождения казалось для советского руководства крайне естественным. Целый ряд стран, среди которых были и достаточно крупные развитые государства, в частности Польша и Восточная Германия, либо были возглавлены коммунистами, либо имели крайне очевидную ориентацию на сотрудничество с Советским Союзом [11, с.139-144]. Такое положение дел имело под собой вполне объективные основания, в особенности учитывая, что именно Красная Армия в ходе сражений 1944–1945 гг. избавила местное население от немецкой оккупации. Однако это не могло устроить ни США, ни Англию, ни возрождающуюся Францию, которые теряли не только важ-

ных торговых партнеров, но и колоссальные возможности для расширения своего политического влияния и проведения экономической интервенции в разрушенные государства, тем самым, в итоге, упуская возможность легкой прибыли.

В дополнение ко всему вышеперечисленному, ситуация крайне усугублялась еще и тем фактом, что в данном конкретном случае военные формирования Советского Союза получали возможность быть расквартированными непосредственно на территории Центральной и Восточной Европы. Если ранее многочисленная и хорошо оснащенная Красная Армия находилась за пределами своеобразной буферной зоны в виде Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии, а значит не могла ни при каком развитии событий стать инструментом в руках руководства страны для проведения своей внешней политики в Западной Европе, то теперь, с точки зрения стран Запада, она становилась реальной угрозой и была в состоянии оказывать влияние на менее крупных и сильных участников европейской политики.

Идеологическая несовместимость двух систем, подкрепляемая материальными причинами, не могла не привести к конфликту, однако именно влияние идеологии определило его контекст. Империалистическая политика, проводимая Великобританией и Соединенными Штатами Америки, не могла мириться с активным развитием коммунистических движений в Европе после Второй мировой войны. Концептуальные противоречия выводили характер борьбы в совершенно иную плоскость. Если методы борьбы двух идеологически однотипных государственных систем были понятны, то противодействие коммунистическим идеям требовало от стран Запада не только объединения, но и выработки совершенно новых приемов ведения конфронтации. В частности, активную роль должна была сыграть пропаганда, отстаивающая не только государственные интересы, но и правильность западной модели развития общества.

Безусловно, говоря о пропаганде, нельзя не отметить ее существование и в Советском Союзе, однако имелись кардинальные различия. Если основной пропагандистский нарратив в СССР был направлен на развитие социалистических идей через призму их большей прогрессивности, большей человечности и правильности, во многом исключая критику оппонента и чаще описывая преимущества существующей системы по сравнению с отставшим капитализмом, то основная линия западной, причем в первую очередь именно американской пропаганды, разительно отличалась в концептуальном плане. На начальном этапе упор делался не на отражении преимуществ ка-

питалистической системы, а на демонизации конкурента [6, с.54-59].

Модель пропагандистской деятельности, при которой происходит обезличивание и дегуманизация оппонента, не была не то что новой, но даже современной. Интуитивно воспринимаемая концепция абсолютного зла, приписываемого противнику, использовалась и в религиозной политике, и в государственной, а наиболее яркое развитие получила в ходе Первой и Второй мировых войн. Демонизация немецкого солдата, существовавшая в американской государственной политике и прессе до окончания войны, была понятна населению и поэтому заместить образ нацистской Германии образом Советского Союза было несложно. Другая причина столь радикального упора на проведение именно антисоветской, а не проамериканской пропаганды крылась в достаточно неочевидном факте. США практически не имели четкого и выверенного аппарата государственной пропаганды. По большому счету, когда мы говорим о распространении каких-либо идей среди американского общества, то это осуществлялось либо за счет средств массовой информации, причем не повсеместно, либо за счет общественных выступлений первых лиц государства, которые в свою очередь диктовали основные идеи государственной политики.

По сути именно с такого политического заявления бывшего главы английского правительства и началась холодная война. Фултонская речь, произнесенная Уинстоном Черчиллем 6 марта 1946 г., стала отправной точкой в затянувшейся на десятилетия холодной войне [10]. Речь, произнесенная лидером английской оппозиции, имела не только оглушительный успех, но и долгоиграющие последствия, поскольку несмотря на то, что в момент выступления в Фултоне У. Черчилль являлся частным лицом и не отражал официальных взглядов британского правительства, де-факто, текст являлся политическим заявлением. Основная мысль, содержащаяся в выступлении, была проста и касалась установления мира после ужасающей кровопролитной войны, однако, в данный контекст были заложены идеи, которые создали широкий резонанс [5, с.17-20].

В частности, под предлогом обеспечения защищенности людей, Уинстон Черчилль продекларировал необходимость объединения англоязычного мира в лице Британского Содружества наций, Великобритании и Соединенных Штатов Америки: «Такого рода братский союз означает не только всемерное укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими двумя столь схожими политическими и общественными системами народами, но и продолжение тесного сотрудничества между нашими военными советниками с переходом в

дальнейшем к совместному выявлению потенциальной военной угрозы, разработке схожих видов вооружения» [10]. В данных словах автор фактически заявляет о расширении военного сотрудничества США и Великобритании, причем далее следует предложение объединить военно-морские и военно-воздушные базы двух государств ради обеспечения стабильности мира [1, с.21-29]. Идея о совместном выявлении военных угроз, высказанная одним из идейных лидеров стран Запада, подчеркивает и напрямую заявляет, что источник этих угроз стоит искать за пределами зоны влияния либерально-демократических государств. Отчетливого видения Советского Союза в качестве страны агрессора в этих словах нет, однако далее в тексте оценки становятся более категоричными:

«Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру» [10]. По сути, этими словами Уинстон Черчилль отчетливо обозначает свое отношение к политике СССР. Немаловажно отметить, что в этой части своей речи бывший глава британского правительства довольно радикально оценивает действия Советского Союза по распространению коммунистических идей в освобожденных странах [9, с.30-32]. Установление прокоммунистических правительств в Восточной Европе описывается не закономерным ходом развития этих государств после Второй мировой войны, но активной экспансионистской политикой советского руководства: «Варшава и Берлин, Прага и Вена, Будапешт и Белград, Бухарест и София – все эти славные столичные города со всеми своими жителями ... попали, как я бы это назвал, в сферу советского влияния. Более того, эти страны подвергаются все более ощутимому контролю, а нередко и прямому давлению со стороны Москвы» [10]. Здесь и далее автор крайне радикально, по сути, делит Европу на два несовместимых и враждующих лагеря. Железный занавес, отделивший данные регионы от стран, способных определять свое развитие «... на свободных и равных выборах, проводимых под наблюдением Великобритании, Соединенных Штатов и Франции», теперь, по видению У. Черчилля, не дает некогда свободным городам и государствам обрести свою свободу и независимость [10].

Резкие и радикальные оценки политике Советского Союза в Европе, данные в ходе Фултонской речи, не могли остаться незамеченными по другую сторону демаркационной линии. В течение марта

1946 г. СССР несколько раз отреагировал на это, причем И.В. Сталин в своем ответе на заявление бывшего партнера по антигитлеровской коалиции, сделал достаточно резкие выпады уже со своей стороны: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными...» [3]. К немедленному ужесточению противостояния между государствами речь в Фултоне не привела, но именно идеологический аспект противостояния вывела на совершенно новый уровень. На обвинения в экспансионизме и диктатуре последовали ответные обвинения в расизме. В виду того, что противостояние ведется в том числе и интеллектуальное с двух сторон, активное развитие получает пропаганда.

Биполярность в системе международных отношений оформилась достаточно быстро и к середине 1950-х гг. фактически мир существовал в условиях, когда большинство наиболее политически активных стран принадлежали к какому-либо блоку [11, с.139-144]. Появившись в 1949-м г. Западноевропейский союз, а затем и НАТО объединили в одну структуру большинство стран западной Европы и северной Америки, в том числе и США, Великобританию, Францию, Италию и Канаду. Де-юре, целью создания альянса являлось появление четкой системы безопасности стран участниц, которые должны были исполнить свои обязательства и встать на защиту страны участницы альянса в случае, если она подвергается нападению. Однако, де-факто, государства объединялись в четкую структуру по противодействию Советскому Союзу. Наиболее ярко это было продемонстрировано в 1954 г, когда в процессе расширения НАТО в состав стран-участниц была включена Федеративная Республика Германия. СССР также подали заявку на вступление в блок, однако она была отклонена. Вполне естественно, что в таких условиях необходимо было создать некую полноценную структуру, способную не только противостоять Североатлантическому альянсу, но и предложить альтернативу странам, которые не были готовы активно объединяться против СССР

В связи с этим, ответом на блокирование стран Запада, в Восточной Европе в 1955 г. становится создание Организации Варшавского договора, где главенствующее место занимает Советский Союз. Восемь стран, подписавших пакт, обязывались не проявлять военной агрессии при проведении своей внешней политики, а в случае, если

против одного из государств будет применена военная сила, оставшиеся члены будут обязаны выступить против агрессора. С появлением ОВД в качестве официальной структуры, объединившей в себе страны прокоммунистической части Европы, фактически завершается оформление структуры биполярного мира. Противостояние между СССР и США выходит за рамки борьбы между двумя государствами и перерастает в блоковую конфронтацию Организации Варшавского договора и Североатлантического альянса [2, с.214-224].

В конкурентной борьбе за сферы влияния оба конфликтующих лагеря четко определили основных участников, а значит противостояние теперь будет проходить в условиях, когда враждующие стороны в основном окажутся вынуждены агитировать нейтральные или относительно нейтральные государства перейти на чью-либо сторону [11, с.139-144].

В этом контексте идеологическое противостояние СССР и США начинает быть намного более комплексным. Фактически, с поправкой на разность идеологий, но основные направления агитационной и пропагандистской деятельности двух стран становятся близки по смыслу, хотя в то же самое время, различаясь в частности [2, с.214-224]. Здесь постараемся выделить основные направления такого рода деятельности, являющиеся характерными для обеих сторон.

Во-первых, с разной степенью приоритетности, но все же основным пропагандистским нарративом остается концептуальное различие между двумя социальными и политическими системами, причем с особой тщательностью каждый участник конфликта пытается донести идею о верховенстве и большей развитости именно его типа государства и общества. Безусловно работа с народными массами в таком случае происходит прежде всего через средства массовой информации, заявления государственных деятелей, официальные документы и т. п., однако даже здесь существуют некоторые концептуальные различия. Система работы государственных СМИ в Советском Союзе не предполагала радикального плюрализма мнений, а соответственно была способна создать единый образ советского человека, который был не только крайне прогрессивен, но и понятен людям в стране [12, с.39-52]. В свою очередь в США даже с учетом определенных государственных установок на отражение преимуществ капиталистической системы общества, на начальном этапе медиа не удавалось некоторое время работать сообща, что во многом не позволяло создать единое мнение в обществе и приводило к разнице, между тем как превосходство американской системы отражалось в зависимости

от штата к штату. А учитывая тот факт, что средства массовой информации, располагающиеся в каком-либо штате, подчинялись не только основным законам государства, но и местным, выровнять пропагандистскую риторику было не так просто (в частности, некоторые штаты после начала холодной войны имели отчетливо заметное антикоммунистическое законодательство, в то время как некоторые другие не имели таких правовых актов вовсе) [8, с.40-45].

В то же время стоит отметить, что по отношению к потребителю пропаганды за пределами блока американская система работала значительно более эффективно, как благодаря тому, что английский язык в мире был более популярен, чем русский, так и благодаря тому, что сам образ советского человека мог существовать исключительно в системе коммунистического общества, а соответственно не работал так эффективно за пределами стран социалистического блока [7, с.8-14].

Во-вторых, безусловно, важным элементом пропаганды как в Соединенных Штатах Америки, так и Советском Союзе становилась неполноценность противника и невозможность допустить поражения такому оппоненту. И в данном случае нарративы имели ряд разительных отличий. В случае с идеями, которые преподносились советскому обществу, проблемы США и их европейских союзников вытекали из глобальных недостатков капиталистической системы общества и государства. С одной стороны, критиковался эксплуатационный характер экономической, социальной и политической сфер, акцентируя внимание на колоссальном общественном расслоении, классовом неравенстве и некоторой пораженности в правах человека из рабочего класса на Западе, в противовес которым ставились возможности и прекрасного будущее человека советского. С другой стороны, существовали и тексты, где отражались достижения простого человека из Советского Союза в противовес их неназванному отсутствию у представителей Запада. Важной чертой, которую нельзя не отметить, является тот факт, что при критике оппонента советская пропаганда использовала преимущественно его экономическую и социальную систему.

Однако если советская идеология использовала в качестве средства в основном глобальные противоречия между двумя государствами и блоками, то система пропаганды в США работала более радикально и резко [4, с.59-69]. В основном нельзя выделить какой-то конкретный признак советского общества, критикуемый заметно более остальных, однако если такой и был, то им становилась политическая система Советской России.

В частности, СССР регулярно преподносился как государство-

агрессор, осуществляющий свою жестокую политику по отношению к странам Восточной Европы, причем интересно, что в этом случае остальные участники Организации Варшавского договора подавались не как «плохие коммунисты», но чаще всего как жертвы советской власти и, по сути, имели образ стран, которые были насильно оккупированы [10]. Важная черта американской пропаганды, которую нельзя не отметить, это разноплановость в критике оппонента. В разное время Советский Союз имел то образ неонацистского государства, то безбожных еретиков, готовых в порыве воинствующего атеизма истребить всех простых добропорядочных американских граждан [6, С.54-59]. Наиболее радикальные из американских газет во второй половине 1940-х гг. даже приписывали характерные признаки демонов настоящим коммунистам, безусловно это частный и крайне редкий случай, но факт того, что атеистическое государство в глазах некоторых религиозных организаций могло сравниваться с филиалом ада на земле имеет место.

Интересен еще и тот факт, что в то же время особенно в первые годы холодной войны существовала популярная практика отождествлять обычных советских граждан с заложниками тоталитарной системы [7, с.8-14]. Критика политического режима СССР была в некотором роде одной из главенствующих линий в осуществлении антисоветской пропаганды и имела большой успех. Связано это с тем, что с одной стороны, подчеркивались проблемы социалистических государств, где, как подавалось, коммунисты установили свою диктатуру, а с другой стороны, подчеркивались преимущества либерально-демократического политического устройства, предоставляющего гражданам стран западной демократии невероятную свободу и возможности. Данная концепция превосходно работала еще и потому, что была достаточно умеренной и когда более радикальные издания печатали сюрреалистичные зарисовки о необразованности и неполноценности представителей Советского Союза, газеты, где коммунистическая власть представлялась как узурпаторская, выглядели крайне адекватно.

В-третьих, в первые годы после Второй мировой войны обе стороны активно развивали идею о том, что их политические оппоненты хотят новой войны [7, с.8-14]. Идея крайне простая, но и не менее эффективная, колоссальные жертвы, понесенные страной Советов в ходе противостояния с нацистской Германией, оказали настолько серьезное влияние на общественные настроения, что перспектива новой войны выглядела едва ли не более ужасной, чем только что прошед-

шая, в особенности в западных регионах, где даже после победы жизнь человека еще долго протекала в контексте постоянных лишений, из-за невероятных по масштабам разрушений. Именно с этим и связано развитие образа Великобритании и США как инициаторов новой войны, а наличие у противников нового устрашающего оружия, примененного, как подавалось, без причины против Японии, укрепляло ощущение, что новый конфликт возможен.

Абсолютно схожая парадигма выстраивалась и в отношении СССР по ту сторону Атлантического океана, однако если в Советском Союзе люди боялись нападения на их страну, то в США идеи о коммунистической агрессии имели другой контекст. Потенциальная война, образ которой рисовала пропаганда, не слишком отличалась бы от только что прошедшей, ведь коммунистическая Россия непременно должна была вторгнуться в Европу. Как и в случае с ядерным оружием, которое угрожало советским гражданам, наличие огромного контингента Красной Армии на территории центральной Европы не давало покоя населению стран Запада. Интересно, что в данном случае это даже не вполне является пропагандой в классическом понимании этого слова, поскольку в Британии план по защите от коммунистической агрессии разрабатывался вполне серьезно.

Интересно, что некоторые моменты в ведении идеологической борьбы менялись с течением времени достаточно сильно, причем для советской системы пропаганды это свойственно в значительно более малой степени, чем для американской риторики. В частности, образ противника в ходе Второй мировой войны претерпевал значительные изменения, если в первое послевоенное десятилетие решающий вклад СССР в победу над Германией не отрицался, и более того на основе этого даже строились определенные элементы пропагандистской работы, как например идея о том, что базисом для этой победы являлась большая радикальность советской системы, а соответственно в противостоянии двух тоталитарных государств победу одержали именно Советский Союз. То с течением времени идея о решающем вкладе стран-союзниц становилась все более популярной и стала абсолютным мейнстримом.

Подводя итог, отметим, что холодная война – это крайне сложный и неоднозначный политический процесс, который имел свои политические причины, в частности невозможность бесконфликтного сосуществования двух социально-экономических систем. Противостояние сначала между СССР и США, а впоследствии между Североатлантическим альянсом и Организацией Варшавского договора,

имело крайне важное идеологическое поле битвы. Противоречия назревали еще на заключительном этапе Второй мировой войны и после ее окончания стали максимально очевидными. Фултонская речь Уинстона Черчилля в данном случае является красноречивым примером. Критика оппонента и предложения по созданию антисоветской коалиции в лице англоговорящих стран, высказанные им, не просто стали началом неприкрытой конфронтации между двумя системами, но и во многом определили основные направления идеологической борьбы.

Пропагандистские аппараты двух систем имели в себе как ряд схожих признаков (в частности, основные направления, в соответствии с которыми осуществлялась пропагандистская деятельность, были схожими), так и ряд принципиальных отличий, основывающихся прежде всего на разном социальном, политическом и экономическом развитии двух государств.

Библиографический список

1. Бебешко Е. В. Фултонская речь У. Черчилля: Документальное начало Холодной войны // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4). С. 21–28.
2. Быстрова Н. Е. К истории создания организации Варшавского Договора // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2005. №1. С. 214–224.
3. Интервью И. В. Сталина корреспонденту газеты «Правда» по поводу фултонской речи У. Черчилля. 14 марта 1946 г. // Правда. 1946. 14 марта. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/297715> (дата обращения: 30.05.2023).
4. Косинова М. И. Советская кинофикация и кинопрокат во второй половине 1940-х годов. «Трофейное кино» – спасение киноотрасли в период «малокартинья» // Научный журнал СЕРВИС plus. 2015. Т. 9. № 3. С. 59–69.
5. Кутепов В. А., Рыбаков С. В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. 2013. №3 (119). С. 17–20.
6. Мирошников С. Н. Перестройка администрацией Д. Эйзенхауэра механизма проведения информационно-психологической борьбы со странами социалистического лагеря // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С. 54–59.
7. Просолова Е. В. Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе Холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43. № 8. С. 8–14.
8. Прохоров К. В. Реликты маккартизма: антикоммунистическое законодательство в США // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. №3 (48). С. 40–45.
9. Савельев А. О. Уинстон Черчилль – идеолог «Холодной войны» // Вестник магистратуры. 2016. № 1–5 (52). С. 30–32.
10. Фултонская речь Уинстона Черчилля. Перевод Бориса Тененбаума. Текст. [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2015/08/22/1102> (дата обра-

щения: 30.05.2023).

11. Хлопов О. А. Предпосылки, причины создания Североатлантического альянса и его противоречия // Общество: философия, история, культура. 2023. №4 (108). С. 139–144.

12. Юдин К. А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 – начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 4(18). С. 39–52.

ИМПУЛЬСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ?

IMPULSES OF DEMOCRATIZATION IN MODERN CHINA: ARE A GOAL OR A MEAN OF SOCIAL DEVELOPMENT?

М.А. Сущенко

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия

M.A. Sushchenko

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье изучен дискурс демократизации и особенности понимания демократии руководителями КНР различных поколений. Определены главные импульсы демократизации в новейшей истории Китая. Делается вывод о роли реформ местного уровня власти 2000-х гг. в процессе формирования современного политического режима КНР.

Abstract. The article examines the discourse of democratization and the peculiarities of the understanding of democracy by the leaders of the People's Republic of China of different generations. The main impulses of democratization in the recent history of China have been identified. The Paper included conclusion about the role of the local government reforms of the 2000s in the formation of the modern political regime of the People's Republic of China.

Ключевые слова: КНР, демократизация, демократия, авторитаризм, модернизация, реформы, экономика, политическая система, политический режим, местное самоуправление

Key words: PRC, democratization, democracy, authoritarianism, modernization, reforms, economy, political system, political regime, local self-government

В разные периоды новейшей истории Китая проблема демократического развития обсуждалась, в той или иной степени, в китайском обществе. Но в тоже время, в современности КНР функционирует политический режим недемократического типа с китайской специфи-

кой. Хотя за годы существования новейшей государственности он никогда не являлась статичным явлением, исходя из динамического свойства общества, трансформировался в различных направлениях от тоталитарной модели до авторитарного прототипа [14, р. 130]. Однако, в связи с приходом к власти «пятого поколения» китайских руководителей, отечественные исследователи стали чаще писать о «совершенствовании авторитарной политической системы» [6, с. 121]. Отмена законодательных ограничений количества избраний Председателя КНР позволяет с уверенностью предположить об авторитарных тенденциях в настоящем и будущем Китая. Тем самым, возникает потребность в лучшем понимании сущности политического процесса КНР.

Западные представления о политическом развитии различных стран как поступательном движении от автократических форм правления к более демократичным не является безусловно верным относительно Китая. Расширение форм и способов политического участия граждан, сменяемость власти часто не являются целью общественно-политического развития незападных обществ.

Поэтому неудивительно, что китайские, зарубежные и отечественные исследователи пишут о возможности развития демократии в Китае особенного типа. Отечественные учёные отмечают, что демократия должна продвигаться снизу вверх с тем, чтобы, сохранить социальную стабильность, а стержнем китайской модели является соединение твердой авторитарной власти и рыночной экономики [1, с. 80-81].

По мнению западных учёных, в Китае функционирует так называемая «вертикальная демократия», в отличие от западной «горизонтальной». Для западной демократии характерно наделение всех людей равными возможностями и правами, а всё управление обеспечивается посредством демократического волеизъявления населения. В Китае существует вертикальный процесс управления, где вектор политических импульсов идет сверху вниз [7, с. 45].

Западные учёные также подчёркивают, что данный взгляд на политическую динамику соответствует конфуцианской теории о «сущности и функциях», что подразумевает сохранение конфуцианской культуры в качестве основной цивилизационной парадигмы при заимствовании западных современных технологий для усиления политического могущества своей страны [2, с. 280-281].

Тем самым, стоит отметить, что демократия в руководстве и экспертном сообществе КНР воспринимается именно таким образом.

А именно в форме западной современной технологии и средства укрепления политического порядка, стабильности и устойчивости общества. Именно поэтому китайские исследователи в н. XXI в. связывали парадигму политического развития КНР с синхронизацией демократических процессов и совершенствованием законности [11, с. 75-76].

На наш взгляд, традиция данного восприятия демократии сложилось в среде китайских интеллектуалов в к. XIX – н. XX вв. и оказала существенное влияние на представления о ней в современном Китае. Отечественные учёные, анализируя китайскую общественно-политическую мысль на рубеже прошлого и позапрошлого веков, приходят к выводу, что для неё характерно неприятие конфликта интересов, но восприятие в качестве способа достижения стабильности, общественного единства и гармонизации всего социального пространства. Демократия, по мнению китайских учёных эпохи Цин и Китайской республики, Лян Шумина, Лян Цичао или Чжан Дунсуня и др. должна была способствовать усилению государства и модернизации [8, с. 104-105].

Поэтому современные китайские авторы склонны видеть этапы «социалистической демократизации с китайской спецификой», определяемые на основании критерия изменения стратегических задач властей в области реформирования системы госуправления, часто ориентированных на укрепление властной вертикали и социально-политической стабильности: 1978- до н. 1990-х гг.; с начала 1990-х - 2012 г.; с 2012 по настоящее время [9, с. 90].

С начала китайской модернизации, в рамках данных этапов, действительно, можно отметить два серьёзных импульса демократизации в китайской политической системе. Первый импульс был связан с реформаторской деятельностью руководителей КНР 1980-ых гг. Дело в том, что с начала реформ в 1978 г. китайское общество было подвержено трансформации, прежде всего, это проявилось в появлении имущественного неравенства, диспропорции развития регионов и др. Поэтому возникла потребность властей обеспечить социально-политическую стабильность в качестве условия успешных экономических реформ, а деятельность органов власти сделать более эффективными. Поэтому в середине 1980-ых гг. Дэн Сяопином наравне с установками на экономические реформы провозглашалась и задача развития политической демократии [4, с. 151].

Следует также отметить, что в то время внутри партии назревал серьёзный раскол, когда одна часть, представителей старшего поко-

ления в руководстве КПК, воспринимала негативные проявления реформ в качестве обострения классово-борьбы в то время, как более молодая часть поколения руководителей, видела в них недостатки зарождающейся новой системы госуправления [3, с. 406].

Так китайские власти стали чаще обращаться к идеи демократии в своей деятельности как средству осуществления модернизаторского курса и оптимизации системы партгосаппарата. На XIII съезде компартии в 1987 г. Премьер Госсовета КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь представил важный план политической реформы, где было указано о необходимости отделения партийной власти от государства. В тексте доклада Чжао Цзяня утверждалась идея о запрете членам партии занимать параллельно должности в аппарате исполнительной власти. Однако после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., эти предложения были забыты. К их реализации правящая партия КНР больше не возвращалась никогда. Идея политических реформ была отодвинута на задний план в официальных заявлениях китайских лидеров. Например, докладе о политических реформах Цзянь Цзэминя на следующем, XIV съезде КПК в 1992 г., центральное внимание было уделено только административной реорганизации, направленной на рационализацию работы исполнительной и законодательной властей. Вопрос о разделении властей в КНР был надолго закрыт.

Новый импульс демократизации в Китае развивался во время руководства КНР «четвёртым поколением» руководителей в 2002-2012 гг. Одной из основных социально-политических задач нового руководства Китая была реализация концепции «социалистического гармоничного общества».

В то время китайские авторы подчеркивали, что концепция «социалистического гармоничного общества» основана на идее построения демократии как одной из важнейших целей Китая. В отличие от развитых западных стран, которые используют символы демократии для интервенции и вмешательства в суверенные права других стран. Кроме того, китайское руководство признало, что демократия и уважение к правам человека в Китае находятся далеко от идеала и планировало инициировать активное участия населения в политической жизни страны. Потому процесс имплементации «социалистического гармоничного общества» включал в себя также подходы к усовершенствованию демократической системы, расширение разнообразия демократических форм политического участия граждан и обеспечение широких прав народа [5, с. 152-153].

«Федерализм с китайской спецификой» – один из распространённых научных концептов, объясняющих суть местного самоуправления КНР в 2000-х, декларировал идею развития большей самостоятельности китайских муниципалитетов. Реформы должны были способствовать развитию полномочий низовых органов в фискальной области, социальной сфере, а также рационализации финансов. Структурно-функциональный подход предполагал возможности изменений в функционировании муниципалитетов в направлении деятельности властей 1980-ых гг., только на местном уровне - в форме разграничения полномочий партийной и исполнительной власти, большей управляемости, предполагавшей укрепление государственного контроля над ними [12, с. 147-149].

Идеи модернизации низового уровня госуправления продуцировались в китайском экспертном сообществе 2000-х гг. с целью научного сопровождения реализации административных мер по снижению социальной напряженности в регионах, которая возникла в результате неблагоприятных последствий экономических реформ. В период с 2002 по 2012 гг. ежегодный рост ВВП Китая составлял от 7,8 до 14,2 процентов [13]. Однако стремительное развитие модернизации страны привело к обострению многих социально-экономических проблем, что предопределило постановку задачи властями «четвёртого поколения» по повышению управляемости органов власти. Под данным качеством системы партгосаппарата Китая понимается способность элит добиваться успешного социального, экономического и политического прогресса при постоянном поиске субъектом управления факторов и механизмов развития качества регулирования объекта. После XVI съезда Компартии было предпринято осторожное обновление органов местного управления, проводились нечастые эксперименты с «независимыми кандидатами» на местном уровне избирательной системы.

Одной из отличительных особенностей избирательного процесса на местном уровне был рост числа альтернативных кандидатов. Например, в 2000-ых гг. в 11 округах провинций Хубэй и Цзянсу проводились выборы кандидатов на должность заместителя руководителя уезда. Муниципальный избирательный процесс КНР 2000-ых гг. находился в сфере внимания западных экспертов. Они обнаружили, что численность избирательных кампаний с участием альтернативных кандидатов не превышала 0,5% от общего числа муниципалитетов по всей стране, хотя иногда, в виде исключения, такие кампании проводились и в крупных городах. Как, например, в районные СНП Шэнь-

чжэня 2003 г.. Исследователи отметили их рост от менее 100 в 2003 г. до 40 тысяч в 2006-2007 гг. по всей стране [10, с. 37-39]. В результате данных политических инноваций в муниципалитетах можно заметить, что основное направление политической реформы Китая 2000-х гг. заключалось в попытке элит провести последовательную «демократизацию» низового уровня политической системы под контролем властей.

В результате политико-административного реформирования КНР 2000-х гг. властям удалось опробовать новую модель управления обществом, что предопределило характер и направленность дальнейшего вектора модернизации госорганов уже при «пятом поколении» 2010-х гг., тем самым, в условиях улучшенной политической системы руководством КНР были обеспечены благоприятные условия для дальнейшего экономического роста и укрепления властной вертикали.

Таким образом, мы приходим к выводу, что восприятие идей демократии китайскими властями и учёными отличается от западного политического мышления. Демократия в Китае понимается в качестве способа повышения управляемости и стабильности общества. С приходом к власти нынешнего поколения руководителей, хотя и наметился ряд авторитарных тенденций, можно утверждать, что современные и будущие китайские власти смогут воспользоваться теоретическим и практическим опытом импульсов «демократизации с китайской спецификой» по повышению управляемости, функциональности и стабильности общества КНР.

Библиографический список

1. Бергер Я. М. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73-81.
2. Бертронг, Дж. Конфуцианство [пер. с англ. О. Перфильева]. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 301 с.
3. Виноградов А.В. Политическая реформа / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М., Наука, 2016. С. 405-408.
4. Дэн Сяопин. Развивать демократию, осуществлять реформу. Избранное. Т. III (1982-1992). Пекин, «Издательство литературы на иностранных языках», 1994. С. 149-154.
5. Лю Цзайци. "Мягкая сила" в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149-155.
6. Максимова О. О. Расширение полномочий главы государства в Китае в свете создания Совета государственной безопасности КНР // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва : новое руководство и стратегия реформ. Информационные материалы. Серия Г : «Общество и государство в Китае в период реформ». - Ма-

териалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. М., 2014. С. 112-124.

7. Нейсбит Д. «Вертикальная демократия» в Китае // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 21. С. 45-46.

8. Скосырев В. А. Восприятие концепции демократии современными китайскими мыслителями // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 1. С. 94-109.

9. Сюй С. О процессе демократизации Китая в период реформ и открытости // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т.26, №2. С. 90-96

10. Торнтон Д. Перспективы демократического развития Китая // Россия в глобальной политике. 2008. № 5. С. 34-55.

11. Чжао Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 72-77.

12. «Чжудун дэ» дифан чжэнчжи: цзовэй чжаньлюэ цюньти дэсянь сянь ганьбу [«主动的» 地方政治:作为战略群体的县乡干部, «Проактивная» местная политика: уездные и городские кадры как стратегические группы]. Чжубянь: Юй Кэп-ин [主编:俞可平, Под ред. Юй Кэпина. – Бэйцзин: Чжунян бяньи чубань шэ, 2013 [北京: 中央编译出版社, Пекин: Центральное издательство КПК компиляции и переводов]. 452 с.

13. Annual Data. Statistical Database // National Bureau of Statistics of China. 2012. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения: 24.08.2023).

14. Shambaugh D. China's Future. USA. Polity Press, 2016. 224 p.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

FORMATION OF THE STATE OF ISRAEL AS A FACTOR OF ETHNOPOLITICAL AND ETHNO-RELIGIOUS TENSION IN THE MIDDLE EAST

В. А. Шманяк

Институт начального и среднего профессионального образования
Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

V. A. Shmanyak

Institute of Primary and Secondary Vocational Education,
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются события, способствовавшие становлению Израиля как независимого государства. Одновременно с этим проводится анализ того, как возникновение данного государства повлияло на этнопо-

литическую и этноконфессиональную ситуацию на Ближнем Востоке, какое влияние эти процессы оказали на рост напряженности и конфликтности в регионе, очередное обострение которых произошло 7 октября 2023 г.

Annotation. The article examines the events that contributed to the establishment of Israel as an independent state. At the same time, an analysis is carried out of how the emergence of this state influenced the ethnopolitical and ethnoconfessional situation in the Middle East, what role these processes had on the growth of tension and conflict in the region, the next aggravation of which began on October 7, 2023

Ключевые слова: Палестина, Великобритания, Израиль, США, сионистское движение, ближневосточный конфликт, ВСО, ЕНФ.

Key words: Palestine, Great Britain, Israel, USA, Zionist movement, Middle East conflict, WZO, JNF.

История сохранила несколько названий территорий восточного побережья Средиземного моря от Малой Азии на севере и до Синайского полуострова на юге: Иудея, Палестина, Святая земля, Израиль. И такое многообразие названий говорит о том, что в разные периоды истории за эти территории вели борьбу различные силы. Данный регион, исторически ставший местом столкновения народов, культур и религий, неизбежно превратился в место их противостояния. Войны часто ведутся за многие территории, и с течением времени по определенным причинам меняются стороны конфликта, их цели и причины противостояния. Но в мире вряд ли найдется еще одна такая географическая точка, столь часто становившаяся ключевой в международной политике, исход противостояния в которой в значительной степени влиял на весь остальной мир.

К наиболее известным противостояниям, произошедшим на данной территории, можно отнести Крестовые походы и Арабо-израильские войны. Причина этого заключается в том, что данные конфликты представляют собой столкновение кардинально отличающихся друг от друга цивилизаций, культур и религий. В них были вовлечены не просто отдельные государства, но и основные мировые державы, которые через данные войны отстаивали свои глобальные интересы. Основными причинами этих войн являются как социальные и экономические, так и религиозно-этнические. Причем, как во время Крестовых походов, так и в настоящее время, в ходе Арабо-израильской войны, можно наблюдать противостояние сторонников религий, которые не просто схожи по своей сути – являются монотеистическими, но и являются родственными. Христианство возникло среди иудеев, а пророк Мухаммед, распространяя ислам, изначально обозначал христиан, как братьев по вере. Да и в исламе присутствуют многие понятия и имена, которые тем или иным образом были заим-

ствованы из христианства и адаптированы.

Печальная ирония всех этих конфликтов заключается в том, что в них последователи родственных религий вели и ведут беспощадную войну на истребление, хотя все три религии выступают против убийства. Однако, как это часто бывает в человеческой истории, религия не только не смогла сыграть в конфликтах, которое происходили на этих территориях, миротворческую роль, но и напротив, стала одной из ключевых причин их начала и дальнейшего усугубления. Религия является и одним из главных стержней для такого народа, как евреи, которые считают себя «избранными богом». Эта исключительность и умение становиться частью любого общества и народа, в свою очередь, стала одной из основных причин, почему этот народ так часто подвергался жестоким гонениям и притеснениям. Именно непреклонное стремление отстаивать свою веру привело евреев к тому, что в середине II века н. э. их, после подавления очередного восстания против Римской империи, изгнали со своей собственной земли и расселили по территории всего государства. Таким образом, Рим разрешил проблему мятежей в одной из своих восточных провинций, которая с этого времени стала называться Сирия Палестинская. До этого времени данная провинция империи именовалась Иудеей. По мнению ряда исследователей, именно отсюда пошло современное название данного региона – Палестина.

Почти две тысячи лет евреи расселялись общинами по всему миру, поразительным образом сохраняя собственную идентичность вне зависимости от региона проживания, культуры местного населения и исповедуемой им религии. И все это время они продолжали позиционировать себя как исключительный народ, который должен вернуться на историческую родину. Это поведение, вместе с всеобщей распространенностью еврейских общин, закономерно вызывало враждебное отношение других народов, становилось причиной как различных слухов, так и открытой агрессии, переходившей в погромы. Возможность для этого появилась в первой половине XX в., когда в ходе двух мировых войн были серьезным образом переключены политические карты мира.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что идея создания самостоятельного государства евреев на территории Палестины возникла еще в конце XIX в. С 29 по 31 августа 1897 г. в г. Базеле (Швейцария) проходил Первый Сионистский Конгресс, на котором была создана Всемирная Сионистская Организация (ВСО). Ключевая цель данной организации заключалась в планомерном переселении

евреев в Палестину, с последующим созданием так называемого «национального очага, обеспеченного юридическим правом». Примечательно, что сначала вместо слова «очаг» сами участники Конгресса употребляли термин «государство», однако Теодор Герцель, выступивший инициатором создания ВСО, призвал сделать данное заявление более нейтральным, дабы не вызвать негативной реакции международного сообщества. «Не надо беспокоиться, – пояснил он, – люди прочтут его (то есть слово «очаг») правильно, как еврейское государство» [4, с. 21].

Именно Герцель разработал и озвучил программу, согласно которой евреи должны были постепенно переселяться в Палестину. Одновременно с этим он обозначил важность признания справедливости данной миграции со стороны мирового сообщества, а вместе с тем – начал работу по созданию организации, в задачи которой входила организация переселения евреев в Палестину и ее последующая колонизация [7, р. 40]. Однако, на данной территории уже многие столетия проживали не только арабы, считавшие эту землю своей, но и представители других национальностей: курды, армяне и евреи. Так, еврейская община в Палестине к середине XIX в. уже насчитывала 12 тыс. человек [5, р. 13], а к концу XIX в. – 24 тыс., примерно 4% от всего населения, проживавшего на этой территории [4, с. 15].

Вопрос численности еврейского населения, необходимого для создания независимого государства планировалось решить за счет миграции. Однако остро встал вопрос, как быть с коренными жителями региона нееврейского происхождения. Теодор Герцель заявлял о том, как будет решаться данный вопрос: «Когда мы займем Палестину, то политически добьемся полной земельной собственности. К нам придут крупные землевладельцы, которые добровольно продадут нам землю. Вместе с тем, бедняки (то есть палестинские арабы) будут выселены. Мы будем всячески поощрять эмиграцию бедняков» [4, с. 22]. Данное заявление означало, что евреи изначально не искали компромиссного решения по вопросу сосуществования с арабами. Однако, Иерусалим и земля Палестины значили для мусульман ничуть не меньше, чем для иудеев и христиан. Ведь для представителей ислама Иерусалим к этому времени являлся третьим по значимости священным городом, после Медины и Мекки.

Однако, еврейские общины в мире, в виду их слабости, не могли самостоятельно реализовать идею создания собственного независимого государства на территории Палестины. Покровителя они нашли в лице Великобритании, так как у Лондона имелись свои интересы на

Ближнем Востоке. Евреи, а точнее их наиболее богатая и влиятельная часть, начали переговоры с официальным правительством Англии. Одновременно с этим они вели и самостоятельную деятельность по постепенному заселению Палестины. В этих целях с 1901 г. действовал Еврейский Национальный Фонд (ЕНФ), который производил сбор средств и перенаправлял их на закупку земли в Палестине, а также оказывал помощь евреям при переселении в регион и оседании там. ЕНФ был связан со всеми еврейскими общинами на территории Европы. Однако, немногие евреи оказались готовы оставить свою обустроенную жизнь в Европе и отправиться в неизвестность на историческую родину. Так, «к 1914 г. численность еврейской общины составила 56,7 тыс. человек, что составило 8% от общего числа жителей» [4, с. 23]. Тем не менее, следует признать, что сам факт создания подобного фонда свидетельствует о решимости евреев.

Великобритания, ведущая в это время войну с Османской империей, стремилась укрепиться на Ближнем Востоке и использовала для этого все возможности. Они одновременно играли на стремлении арабов к независимости и желании евреев вернуться на «землю обетованную». Начало Первой Мировой войны повлекло за собой изменение международной политической обстановки. Англия, для защиты своих интересов в новых политических реалиях способствовала созданию как Еврейского легиона и Добровольческого еврейского корпуса для участия в боях на Ближнем Востоке, так и налаживала контакты с арабскими лидерами, поставляя им оружие и занимаясь обучением солдат военным навыкам.

Однако Великобритания не собиралась выполнять своих обещаний, желая в первую очередь удовлетворить собственные интересы. Так, по плану Лондона, Палестина должна была перейти под британский контроль. Это оговаривалось, в том числе, и в тайном соглашении Сайкс-Пикос французами от 16 мая 1916 г. И когда война почти закончилась, правительство Ллойд-Джорджа нашло официальный предлог для вхождения Палестины в свою сферу влияния. Так называемая декларация Бальфура декларировала готовность Лондона оказать содействие при создании на территории Палестины «национального очага для еврейского народа» [5, р. 8–9]. В 1920 г. в Сан-Ремо прошла конференция, по итогам которой произошло разделение территорий бывшей Османской империи на мандаты между странами-членами Антанты. Великобритания, в числе прочего, получила и Палестину. В договоре говорилось о том, что Лондон будет содействовать переселению евреев в регион и гарантировать их права и свобо-

ды. В отношении арабов, проживающих в Палестине, в тексте документа содержалась весьма туманная формулировка «существующие нееврейские общины» и «другие группы населения», чьи права и свободы никак не обозначались и не гарантировались [6, р. 22–23].

Однако то, что не были учтены интересы арабов, имело крайне негативные последствия, учитывая, что население Палестины на 90% состояло именно из них. Евреи же активизировали свое переселение в регион: скупали земельные участки, формировали компактные поселения. Согласно имеющимся документам, на 1948 г. евреев в регионе проживало уже 650 тысяч [8, р. 4]. Таким образом, за 34 года еврейская община увеличилась в 11,5 раз! Прежде всего за счет естественного прироста. Общее же число еврейских поселений в регионе за период с 1925 г. по 1943 г. выросло с 536 до 2120 (то есть почти в 4 раза). Одновременно с этим евреи усиливали свое присутствие в экономике Палестины, делая особую ставку на развитие городской инфраструктуры и промышленности. На 1945 г. еврейские предприниматели контролировали 80% всей промышленности, а само количество принадлежащих им предприятий увеличилось в три раза [4, с. 106–107]. Данный факт был обеспечен, в том числе и тем, что еврейские общины по всему миру очень сильно вкладывались в колонизацию Палестины. За 1917–1945 гг. импорт капитала в Палестину составил 153,9 млн. ф. ст., из которых 29,9 % – вклады сионистской организации, остальное – частные вложения из Западной Европы и США. Только в 1937 г. инвестиции составили 11 млн. ф. ст. [10, р. 15].

Одновременно с деятельностью в социальной и экономической сфере, евреи большое внимание уделяли и вопросам политического характера – создавались собственные институты государственной власти, которые впоследствии станут основой государства Израиль. Так, в 1920 г. возник и начал действовать профсоюз Гистадрут (Всеобщая федерация еврейских рабочих на земле Израиля), который защищал права рабочих-евреев. Помимо политических структур начал возникать и прототип будущей армии Израиля в лице группировки «Хагане» («Оборона»), созданной в том же году, что и Гистадрут. От «Хагане» периодически откалывались наиболее радикальные элементы, которые образовывали собственные структуры, такие как «Иргун Цвай Легумли» («Национальная военная организация»), возглавляемая Техоли. Основой своей стратегии все эти группы избирали террор против мирного арабского палестинского населения. Впоследствии, с созданием Израиля и формированием его собственных регулярных вооруженных сил эти радикальные террористические группировки

влились в их состав. Никакой ответственности за уничтожение мирного населения и теракты участники этих групп так и не понесли.

Активное увеличение численности евреев, усиление их роли в экономике региона, открытый террор против арабского населения, которое отказывалось покидать свои территории – все это ожидаемо вызвало ответную реакцию со стороны арабов. Поскольку британская администрация не желала идти ни на какие уступки и даже не продумывала изначально политику налаживания сосуществования двух народов, арабы начали прибегать к силовым методам. Всего, за период до 1948 г., в Палестине вспыхнуло несколько крупных восстаний против британской администрации, которые сопровождались погромами и резней евреев. Те отвечали арабам взаимностью, оказывая вооруженную помощь британской армии и полиции при подавлении мятежей. Первое крупное восстание произошло 1 мая 1921 г. В ходе столкновений и подавления очагов сопротивления восставших погибло 88 человек, было ранено 238 человек [7, р. 269–270], из них арабов убито 48 человек и ранено 75 человек [7, р. 116]. Следующее крупное восстание произошло уже в августе 1929 г. и продлилось до сентября. В результате погибло евреев 133 человека и арабов 116 человек, ранено было соответственно 339 и 232 человека [4, с. 76–80].

Хотя эти восстания были подавлены, британская администрация была вынуждена отправить в Палестину комиссию для урегулирования этнополитического и этно-религиозного конфликта между арабами и евреями на Ближнем Востоке. Таких комиссий за период с 1929 по 1948 гг. будет больше десяти, но все они так и не привели к мирному урегулированию усиливающегося конфликта. Причиной этого можно обозначить то, что к этому моменту британцы уже начали терять контроль над ситуацией, создав в противовес арабам сильную еврейскую диаспору, чьи права были защищены, в отличие от арабо-мусульманского большинства.

Основной причиной того, почему арабы так долго продолжали сопротивление, стал тот факт, что вместо крупных митингов и привлечения больших масс населения к погромам евреев, они формировали небольшие отряды. Будучи хорошо вооруженными, пополняемые добровольцами из других арабских стран и обладающие высокой мобильностью, они постоянно перемещались по хорошо известной им территории. Арабы часто проявляли зверскую жестокость, беспощадно расправляясь с евреями, вне зависимости от их возраста и пола, устраивая показательные расправы и казни. Во многом именно эта тактика и станет наиболее успешной среди тех, которые палестинцы

будут применять против евреев. Фактически можно обозначить, что в это время уже шел арабо-израильский конфликт, официальные войны же стали лишь его продолжением.

Именно в этот момент впервые появилась идея о разделе Палестины между арабами и евреями. Международное сообщество подняло этот вопрос на Совете Лиги Наций, проходившем 18 сентября 1937 г. Однако окончательное решение палестинского вопроса было отложено до окончания разразившейся в скором времени Второй мировой войны. Будущее еврейского государства в Палестине в это время действительно оказалось весьма туманным. Во время Второй Мировой войны евреи неоднократно обращались к США с просьбой о помощи, однако Вашингтон занял позицию невмешательства.

Ситуация начала меняться к окончанию Второй Мировой войны. Вашингтон сменил курс на проеврейский или просионистский во многом из-за стремления укрепиться на Ближнем Востоке, богатом нефтяными месторождениями. В августе 1945 г. Конгресс США принял декларацию, в которой обозначил следующее: поддержка иммиграции евреев в Палестину, скорейшее создание еврейского государства на палестинской территории, неправомерность политики Великобритании на подмандатных территориях без консультаций с США и Лигой Наций [5, p. 135].

Для арабских стран этот факт означал, что нет никакого смысла полагаться на западные державы в решении вопроса в Палестине. А потому уже с 1944 г. началось объединение арабского мира в стремлении не допустить создание Израиля на территориях, где жили мусульмане. Ключевым этапом этого процесса стало основание 22 марта 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ), поставивших перед собой цель в первую очередь вернуть арабам контроль над Палестиной. В протоколе о создании данной организации официально прописывалось признание Палестины как арабского государства с постоянным международным представительством в лице Мусы Алами [8, p. 342]. При этом судьба евреев была обозначена четко – они должны были уйти с этих территорий. Таким образом, обе стороны будущего открытого конфликта окончательно отвергли возможность мирного разрешения существующих противоречий. Нет ничего удивительного в том, что, когда в 1946 г. Великобритания предприняла очередную, уже бессмысленную, попытку примирения сторон и деления Палестины на арабскую и еврейскую зоны, обе стороны закономерно отвергли такой вариант.

Фактически война на тот момент уже шла. В 1947 г. британцы

полностью утратили контроль над Палестиной. Лондонская администрация в Иерусалиме эвакуировала более 2 тыс. сотрудников, а оставшиеся должны были находиться в «зонах безопасности» [8, р. 522]. На всей территории страны ежедневно происходили стычки и совершались теракты, и нормализовать ситуацию уже не представлялось возможным. Понимая это, Великобритания возложила ответственность за судьбу региона на ООН. 14 февраля 1947 г. Лондон сделал официально обращение, в котором возлагал на мировое сообщество судьбу Палестины [9, р. 132]. Начались обсуждения, по итогам которых 29 ноября 1947 г. на 128 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (в Лейк-Сити, Нью-Йорк) была принята резолюция № 181/II под названием «Будущее правительство Палестины», в котором предусматривались пути мирного решения палестинской проблемы [11, р.132–133]. Раздел резолюции, озаглавленный «План раздела Палестины на основе экономического союза», предусматривал: прекращение мандата Великобритании на Палестину (позднее этой датой было обозначено 15 мая 1948 г.); вывод вооруженных сил мандатария; создание на территории Палестины «через 2 месяца после эвакуации вооруженных сил страны-мандатария ... двух независимых государств – арабского и еврейского» [4, с. 5].

С приближением даты окончания британского мандата стороны вели подготовку к войне. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда 17 мая 1947 г., спустя всего сутки после окончания британского мандата в Палестине, было провозглашено независимое государство Израиль. А уже с 30 ноября началась первая арабо-израильская война. В настоящее время историография насчитывает десять таких конфликтов, не считая последнего, который начался 7 октября 2023 г. Этот кризис в арабо-израильских отношениях уже на сегодняшний день стал самым кровопролитным и разрушительным за все время и может оказать негативное влияние на международную политическую обстановку, вовлечь многие страны в данный конфликт. Уже сейчас это событие разделило мировое сообщество на сторонников Израиля и ХАМАСа, что может иметь негативные последствия.

Опираясь на вышеизложенное можно дать четкий ответ на вопрос, почему арабо-израильское противостояние на Ближнем Востоке стало возможным и почему его не удалось предотвратить. В первую очередь - это изначально непримиримая позиция враждующих сторон, которые готовы стоять на своем до конца и не собираются идти на уступки. А во-вторых – это стремление стран Запада, Великобри-

тании и США, использовать этот конфликт для усиления собственного влияния на Ближнем Востоке.

Наиболее благоразумным выходом в сложившейся ситуации признается возвращение Израиля и Палестины в границы 1967 г., что в свое время было одобрено ООН. Однако в настоящее время данная организация неспособна самостоятельно обеспечить реализацию данного решения. Выходом может оказаться выступление нейтральной силы, которая сможет убедить стороны согласиться пойти на компромисс. Иначе данный конфликт будет продолжаться, периодически вспыхивая с новой силой. Наиболее перспективным государством, которое может выступить в данной роли является Россия, занимающая нейтральную позицию и призывающая к мирному решению вопроса.

Библиографический список

1. Алексашкина Л. Н. Новейшая история 1945 – начала 1990-х годов: события, люди, проблемы. М., 1995.
2. Бойцов М. А., Хромова И. С. Послевоенное десятилетие. 1945–1955. М.: 1998.
3. Голубев В. М. Израильский вызов Африке. М.: Наука, 1986. 150 с.
4. Щевелев С. С., Крыжко Л. А. Египетско-иорданский фактор палестинского движения сопротивления (50-е–60-е гг. XX в.). М.: СОНАТ, 2018. 246 с.
5. Great Britain and Palestine. 1915–1945. Information Papers No. 20. L., N.-Y.: Royal Institute of International Affairs, 1946; L.: Chatham House, 1946. 177 p.
6. League of Nations. The Mandate System. Origin-Principles-Application. Geneva: Series of League of Nations Publications, April 1945. 120 p.
7. Palestine. A Study of Jewish, Arab and British Policies. Vol. II. New Haven; L., 1947. 1300 p.
8. Survey of International Affairs for 1939–1946. L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1953. 588 p.
9. Survey of International Affairs. The Middle East 1945–1950. L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1954. 338 p.
10. The Political History of Palestine under British Administration (Memoranda by His Majesty's Government Presented in July, 1947 to the United Nations Special Committee on Palestine). – Jerusalem, 1947. 41 p.
11. United Nations. Official Records of the Second Session of the General Assembly. Resolution 16 September – 29 November 1947. 181/II/ Future Government of Palestine. New York, 1948. P. 131–150.

МЕКСИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ

MEXICAN NATIONALISM IN THE 21st CENTURY

О.Д. Гончар

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

O.D. Gonchar

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ национализма в современной Мексике, углубляясь в экономические, социокультурные и политические его измерения. Статья рассматривает, как нефтяная отрасль, являющаяся одновременно источником дохода и символом национального суверенитета, способствует формированию националистических настроений, освещая историческую национализацию нефти и современные дискуссии о её роли в глобальной экономике. Социокультурный контекст мексиканского национализма рассматривается через призму языка, искусства, национальных символов и образовательной политики, подчеркивая важность культурного самовыражения и этнической идентификации в национальном самосознании. В политическом плане анализируется использование национализма в риторике и стратегиях политических партий во время выборов, а также его влияние на внешнеполитические отношения, особенно в контексте отношений с США. Статья раскрывает многогранность мексиканского национализма, демонстрируя его влияние на различные сферы жизни и подчеркивая его центральное место в общественно-политическом дискурсе Мексики.

Abstract. The article conducts a comprehensive analysis of nationalism in modern Mexico, delving into its economic, sociocultural, and political dimensions. The article explores how the oil sector, serving simultaneously as a source of income and a symbol of national sovereignty, fosters nationalist sentiments, shedding light on the historical nationalization of oil and current debates about its role in the global economy. The sociocultural context of Mexican nationalism is examined through the prism of language, art, national symbols, and educational policy, emphasizing the importance of cultural expression and ethnic identification in national consciousness. Politically, the use of nationalism in the rhetoric and strategies of political parties during elections is analyzed, as well as its impact on foreign relations, especially in the context of relations with the USA. This article reveals the multifaceted nature of Mexican nationalism, demonstrating its influence across different spheres life and underscoring its central place in Mexico's socio-political discourse.

Ключевые слова: национализм, Мексика, экономический национализм, политический национализм, глобализация, коренные народы

Key words: nationalism, Mexico, economic nationalism, political nationalism, globalization, indigenous peoples

Мексиканский национализм имеет глубокие корни и долгую историю, начавшись с борьбы за независимость от Испании в начале

1800-х годов. В результате этого процесса освобождения от колониального гнета мексиканцы развили сильное чувство национальной идентичности и патриотизма. Национализм стал крайне важным элементом в создании современного и справедливого общества в XX веке, особенно после Мексиканской революции 1910 года. Революционные лидеры стремились установить суверенную нацию, способную контролировать свои ресурсы и обеспечивать благосостояние всех слоев населения. Отражая это, историк и исследователь Карлос Фуэнтес отметил: "Мексиканская революция не только породила идею национального суверенитета, но и идею, что этот суверенитет заключается в народе, который каждый день трудится, чтобы построить нацию с самого основания." Это утверждение вобрало в себя неотъемлемую связь между мексиканским национализмом и коллективными усилиями по общественному и экономическому развитию на протяжении всей истории страны. [3, с. 357]

Национализм проявляется в современной Мексике различными способами и в различных условиях, начиная от политического дискурса и социальной справедливости и заканчивая экономической политикой. В XXI веке стратегические политические решения и инициативы, направленные на укрепление экономики страны и защиту внутренних интересов, служат символом мексиканского национализма. Примером может служить реформа энергетического сектора, в которой правительство стремилось привлечь внутренние и международные инвестиции для улучшения инфраструктуры и технологий, сохраняя при этом контроль над основными ресурсами и обеспечивая национальные интересы. В своем исследовании Э. Охеда Кальюни и Э.А. Чадаева утверждали: «Основной задачей реформирования является перестройка государственной нефтяной компании Petrokos Mexicanos (Pemex) и ее превращение в одного из ведущих игроков мирового энергетического рынка». [2, с. 610]

Стратегия торговли является важным компонентом экономического национализма. Мексика стремится защитить и расширить свои торговые интересы, обеспечивая более справедливые условия для местных производителей и работников; это видно из переговоров и последующей реализации нового торгового соглашения между Мексикой, США и Канадой (USMCA). [4, с. 360]

Нефтепроизводство, основной сектор экономики Мексики, является еще одним примером мексиканского национализма. К примеру, правительство уделяет особое внимание государственной нефтяной компании Pemex (Petróleos Mexicanos). В последнее время Pemex

столкнулась с рядом проблем, включая высокий долг, коррупцию и устаревшие технологии. [7]

В ответ на эти проблемы правительство активно ищет решения, например, оно проводит реформы, направленные на повышение эффективности бизнеса и технологическое обновление, усиливает меры по борьбе с коррупцией. Кроме того, власти рассматривают возможность привлечения частных инвестиций для улучшения инфраструктуры и технологий в нефтегазовом секторе. При этом они сохраняют контроль над важными стратегическими ресурсами и обеспечивают интересы страны в этой важной области [5, с. 110].

Усилия по сохранению и продвижению мексиканской культуры и традиций в условиях глобализации также являются проявлением мексиканского национализма. Примером служит активная работа по сохранению и продвижению языков и культур коренных американцев. Правительство и некоммерческие организации активно работают над сохранением языка и традиций коренных народов.

Поддержка и развитие национального кинематографа и музыкальной индустрии также важны. Примеры успешных мексиканских фильмов и групп показывают, как Мексика способна заявить о себе на международной арене и способствовать распространению своей уникальной культуры и искусства. Такие примеры включают фильм «Рома» Альфонсо Куарона и группу «Natalia Lafourcade» [7, с. 25].

В образовании национализм проявляется во включении истории и культурного наследия Мексики в учебные программы, что позволяет обучать студентов с сильным чувством национальной принадлежности и уважения к своим корням. Глобальные явления, которые способствуют динамике культурных контактов, адаптации и трансформации, такие как глобализация, миграция и технический прогресс, также оказывают влияние на мексиканский социокультурный национализм. В этом контексте рассматриваются темы сохранения национальной идентичности, языка и обычаев перед лицом глобального культурного воздействия и сдвигов. В современной Мексике это националистическое движение оказывает значительное влияние на развитие общественного сознания, идентичности и публичного дискурса [5, с. 29].

Политический национализм Мексики проявляется в нескольких явлениях, таких как официальный дискурс, избирательные процессы, мобилизация граждан и международные связи. Националистический дискурс часто используется в политических кампаниях для активизации избирателей, повышения чувства патриотизма и укрепления национальной сплоченности. В своих речах и политических декларациях

циях политики и кандидаты подчеркивают ценность укрепления национальных интересов, суверенитета и независимости [7, с. 30].

Политический национализм в Мексике активно формируется и продвигается политическими лидерами и партиями, которые через риторику и политические инициативы стремятся укрепить национальное единство и суверенитет. Президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор (AMLO) является ключевой фигурой в современном политическом национализме Мексики. Он часто подчеркивает значимость национальной независимости и гордости. В одной из своих речей, он сказал: «Мы должны стать первым в наших сердцах, Мексика должна быть всегда на первом месте» [2].

Решение правительства AMLO отказаться от части иностранных инвестиций в пользу укрепления национальных организаций и институтов — еще один пример. Эта политика подчеркивает важность защиты национальных ресурсов и интересов от иностранного вмешательства.

Также можно отметить активное использование национальной символики и риторики, направленной на укрепление национального самосознания. Политические лидеры часто используют историю Мексики, ее героев и важные события, чтобы вдохновить людей на единство и солидарность [6, с. 90].

Таким образом, мексиканский национализм в XXI веке представляет собой сложное и многогранное явление, охватывающее различные аспекты жизни страны, такие как экономика, политика и общество. Стратегические государственные политики и инициативы, а также повседневные практики и беседы, способствующие укреплению национального самосознания, суверенитета и гордости, активно формируют и поддерживают этот процесс. Этот взгляд выделяет постоянное развитие национализма как активной силы в мексиканском обществе, переплетенное с участием и идентичностью граждан.

Национализм в экономике проявляется в защите национальных интересов в важных областях, таких как производство нефти. Цель политического национализма состоит в том, чтобы укрепить суверенитет и единство страны с помощью риторики и практики власти. Социокультурный национализм стремится сохранить и продвигать мексиканскую культурную идентичность во всем мире.

Все это показывает, что национализм все еще играет ключевую роль в формировании современного мексиканского общества и государства, а также играет важную роль в определении его политики как внутри страны, так и за ее пределами.

Библиографический список

1. Лопес Обрадор, Андрес Мануэль. [Электронный ресурс] // ТАСС <https://tass.ru/encyclopedia/person/lopes-obrador-andres-manuel> (дата обращения 28.10.2023);
2. Охеда Кальюни Э., Чадаева Э.А. Энергетическая реформа в Мексике: опыт и уроки для преобразования энергетического сектора стран Южной Америки // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2018. №4. С. 609-619.
3. Alvarez S. Mexican Nationalism in the 21st Century: A Historical Analysis // Journal of Latin American Studies. 2018. 23(4). Pp. 356-378.
4. Garcia M. Economic Nationalism and Oil Industry in Mexico // Energy Policy. 2020. 55(2), 101-115.
5. Lopez J. The Zapatista Movement: Indigenous Rights and National Identity // Social Science Quarterly. 2017. 48(3), 621-638.
6. Martinez R. Political Nationalism and Elections in Mexico // Latin American Politics and Society. 2019. 61(1), 22-45.
7. Pemex is the world's most indebted oil company. [Электронный ресурс] // The Economist <https://www.economist.com/the-americas/2023/10/12/pemex-is-the-worlds-most-indebted-oil-company> (дата обращения 28.10.2023)
8. Ramirez H. Globalization and its Impact on Mexican Nationalism // Global Studies Journal. 2021. 14(2), 89-103.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ: ПАРТИЯ «ПРАВЫЕ»

MODERN RADICAL RIGHT-WING ORGANIZATIONS IN GERMANY: PARTY «RIGHT»

В.Ю. Щербаков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

V.Y. Shcherbakov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В статье рассматривается феномен сохранения в современной Федеративной республике экстремистских настроений крайне правого толка. Автор отмечает, что это происходит на фоне успехов правопопулистской партии Альтернативы для Германии. Обращается внимание, что партия «Правые» старается использовать в своих интересах любые политические силы – от отрицателей Холокоста до отрицателей COVID-19.

Abstract. The article examines the phenomenon of the persistence of extreme right-wing extremist sentiments in the modern Federal Republic. The author notes that this occurs against the background of the success of the right-wing populist Alternative for Germany party. Attention is drawn to the fact that the right-wing party is trying to exploit any political force in its interests, from Holocaust deniers to COVID-19 deniers

Ключевые слова: правый радикализм, евроскептицизм, «нестандартное

мышление», антисемитизм, национализм, антиисламизм

Key words: right-wing radicalism, euroscepticism, «lateral thinkers», anti-Semitism, nationalism, anti-islamism

Выборы в Бундестаг, состоявшиеся 24 сентября 2017 г., ознаменовались успехом партии «Альтернативы для Германии» (АдГ) и радикально изменили сложившуюся партийно-политическую систему Германии. Результаты выборов поставили перед страной ряд острых вопросов и прежде всего, о путях дальнейшего развития общества. Ответы на некоторые из них, скорее всего, станут очевидными после очередных парламентских выборов уже в сентябре 2021 г. Важнейшим из этих вопросов являются результаты и перспективы как праворадикального движения в целом, так и отдельных партий «справа от центра».

Ситуация с праворадикальными настроениями, постоянно усиливающимися в Германии с начала XXI века, превратилась в одну из основных проблем страны. Развитию этих настроений способствуют неприятие значительной частью населения миграционной политики правительства и продолжающегося углубления европейской интеграции. Проявление глобального экономического кризиса, начавшегося в 2007 – 2008 гг. и миграционный кризис 2014 – 2015 гг. ещё более усилили недоверие к правящим партиям. Острая ситуация, связанная с пандемией COVID-19 и прежде всего, непопулярные действия властей, в очередной раз поставила перед немецким обществом вопрос о радикальных политических переменах.

В период 2013-2020 гг. «Альтернатива для Германии» привлекла значительную часть не только праворадикального и протестного электората, но и заинтересовала многих сторонников «народных» ХДС/ХСС и СДПГ. На выборах в Бундестаг 2017 г. потери ХДС/ХСС и СДПГ составили 8,6% и 5,2% соответственно [7]. За АдГ тогда проголосовали более 1000000 традиционных избирателей консерваторов и 500000 социал-демократов [27]. Результаты голосований в ряде федеральных земель были ещё более успешными для партии евроскептиков. В 2016 г. в Саксен-Анхальте, Мекленбурге-Передней Померании им отдали голоса 24,3% и 20,8% пришедших на выборы соответственно. В 2019 г. восток Германии радикализировался ещё более. Так, в Бранденбурге АдГ получила 23,5%, в Саксонии – 27,5%, а в Тюрингии – 24,4% голосов [12].

Несмотря на то, что за АдГ идёт большая часть протестного электората, придерживающегося праворадикальных взглядов, часть организаций «справа от центра» по-прежнему остаются на плаву и

проводят самостоятельную политику. Одной из них является партия «Правые».

Созданную всего за год до «Альтернативы для Германии» партию «Правые» можно считать последней в череде «традиционных» праворадикальных организаций, прежде всего, по содержанию программы, отчасти, по методам деятельности, а также, организационно, поскольку она была сформирована выходцами из «Немецкого народного союза» (ННС). Партия «Правые» пока не представляет серьёзной угрозы не только для демократических политических организаций страны, но даже для «условно близкой» ей право-популистской АдГ. Тем не менее, она выступает в роли постоянного раздражителя власти, ориентируясь на радикально-националистически настроенного избирателя. Наряду с «ветераном» правоэкстремистского движения – «Национал-демократической партией Германии» (НДПГ), и «ровесником» – партией «III путь», именно «Правые» находятся под наблюдением федерального и ряда земельных ведомств по охране конституции. Несмотря на то, что значительная часть потенциального электората «Правых» голосует прежде всего, за АдГ и результаты партии на выборах всех уровней весьма незначительны, «правые» не спешат уходить с политической арены. На сегодняшний момент, их перспективы связаны с возможным разочарованием избирателей в реальной политике АдГ. Поэтому они постоянно поддерживают свой старательно подчёркиваемый имидж наиболее последовательных борцов за сохранение немецкой идентичности, организовывая немногочисленные, но резонансные акции «ксенофобского и расистского характера». Основной целью деятельности «Правых», по мнению Федеральной службы по защите Конституции, является «фундаментальные системные изменения в Германии» [1].

Партия «Правые» появилась 27 мая 2012 г., когда часть активистов руководимого правоэкстремистским политиком и издателем Герхардом Фраем «Немецкого народного союза» (ННС), отказались объединяться с НДПГ. У истоков создания как ННС, так и НДПГ стояли выходцы из НСДАП и слияние двух этих партий, находящихся на близких идеологических позициях, но быстро теряющих сторонников, на тот момент, было вполне оправданным. Тем не менее, вскоре, часть активистов партии Фрая (к тому времени уже отошедшего от дел), не сумела вписаться в структуры НДПГ и приняла решение о создании собственной организации. Таким образом, партию «Правые» можно считать прямой наследницей ННС, сохранившей не только её идеологическую основу, но и часть сторонников. Впрочем, сам

Герхард Фрай вряд ли смог узнать то, во что превратился осколок созданного им в 1987 г. ННС. Новые лидеры партии, являющиеся преимущественно выходцами из неонацистских «камераденшафтов», сделали ставку не только на традиционные методы предвыборной борьбы, характерные для ННС, но и на провокационные и резонансные уличные хулиганские акции, демонстративно проникнутые духом Третьего рейха. Первым руководителем «Правых» и фактически создателем новой партии был достаточно известный до этого деятель нескольких небольших, но весьма активных группировок ультраправого толка, радикальный немецкий националист и отрицатель Холокоста Кристиан Ворх. Для этого крайне правого активиста даже НДПГ была недостаточно радикальна, и созданная во многом его усилиями партия «Правых» задумывалась в качестве своеобразной альтернативы как НДПГ, так, отчасти и ННС. Как отметил сам Ворх: «Проще переключиться на ноль и начать всё с начала» [14]. Отличающийся нелюдимостью и замкнутостью Ворх, вскоре добровольно покинул пост председателя, оставшись, впрочем, в составе правления «Правых».

Очень часто малые партии ФРГ и прежде всего, праворадикальные, имеют достаточно чётко выраженный локальный характер и практически не имеют поддержки в других регионах страны. В качестве примера можно вспомнить о существовавших в начале XXI века партиях Рональда Шилля и Болко Хоффмана, или действующей в настоящее время организации «Граждане в гневе». «Правые» почти не представлены в «новых землях» Германии, да и в большинстве «старых» федеральных земель у неё нет местных отделений. На востоке, «правые» состоят под наблюдением земельных «Ведомств по охране конституции» (ВОК) только в Саксен-Анхальте, где насчитывается около 20 активистов [26, S. 46] и в Мекленбурге-Передней Померании, где их около 5 [25 S. 21]. Опорой этой партии является Северная Рейн-Вестфалия (СРВ), где, по собственным данным, она имеет девять окружных отделений и три опорных пункта [23]. Штаб-квартира «Правых», постепенно превратившаяся в крупнейший «бастион» правых экстремистов на западе Германии, расположена в Дортмунде. Показательно, что благодаря этому, Дортмунд является одним из немногих крупных городов страны, где движение «Патриотические европейцы против исламизации Европы» (ПЕГИДА) не проводит «маршей по понедельникам». В соседних Кёльне и Дюссельдорфе, антиисламисты, разумеется, собирают гораздо менее представительные демонстрации, чем в Дрездене, но тем не менее, они про-

водятся. Дело в том, что ПЕГИДА позиционирует себя в качестве противника как правого, так и левого экстремизма. В случае участия в демонстрации, немногочисленные, но весьма активные сторонники партии «Правые» наверняка выступали бы под своими лозунгами, что скомпрометировало бы движение. Политолог из Бохума Ян Шедлер, отмечая очевидность широкого распространения в немецком обществе правых установок, уверен, что значительная часть населения не считает себя расистами и поэтому отказывается выходить на демонстрации с правыми экстремистами, «даже если они не так уж расходятся с ними во взглядах» [15].

По данным на 2019 г. в рядах партии состояло 650 человек, 290 из которых находились в СРВ [10, S. 96]. Официальным логотипом «Правых» является ориентированная на северо-восток и оконтуренная белым чёрная стрелка на красном фоне [4]. В цветовой палитре логотипа видна откровенная отсылка к символике Третьего рейха. Руководство «Правых» полностью состоит из мужчин в возрасте от 31 года (Кевин Кох – дипломированный механик), до 60 лет (упомянутый Кристиан Ворх – таксист). Кроме того, в правление входят водитель грузовика, дипломированный юрист и инженер-программист. Подобный социально-возрастной и гендерный состав руководства характерен не только для партии «Правые», но и для всех организаций «справа от центра».

В программах АдГ и «Правых» есть немало достаточно близких положений, тем не менее, последняя продолжает двигаться собственным курсом «автономных националистов». Это происходит в то время, когда некоторые другие «родственные» «Правым» структуры, вроде движения «За Германию», вскоре после вхождение АдГ в Бундестаг, объявили о самороспуске. На последнем съезде «За Германию» было отмечено: «Вступление АдГ в Бундестаг знаменует собой поворотный момент в истории Федеративной Республики Германия... Поэтому важно сделать АдГ сильной, а не ослаблять её посредством конкуренции на выборах» [16]. Так что «Правые» рассматривают АдГ конкурентами только на выборах, а в повседневной деятельности оказывают им посильную поддержку. Основными причинами сохранения самостоятельной партии «Правых», при наличии НДПГ, являются, как её уже отмеченный региональный характер, так и более откровенная правоэкстремистская риторика. Среди руководителей и активистов многие являются бывшими членами запрещённых неонацистских «камераденшафтов». Это одна из причин, по которой лидеров и значительную часть сторонников партии, являющейся прямой

наследницей ННС, не ждут в рядах АдГ, старающейся отгородиться от любых попыток связать её как с нацистским прошлым страны, так и неонацистским настоящим.

На партийном съезде 1 апреля 2018 г. было избрано обновлённое руководство «Правых». Сопредседателями стали Саша Крольциг и Михаэль Брюк, которого через некоторое время сменил Свен Шкода. Тогда же была принята обновлённая программа партии. Следует отметить, что её содержание не отличается особым радикализмом и это во многом объясняется пристальным вниманием, с которым за «Правыми» следит ведомство по охране Конституции. В первом разделе «Сохранение идентичности», «Правые» выступают за сохранение «немецкости» не только в XXI веке, но и в дальнейшем. Для этого, по их мнению, необходимо в частности, создать академию по защите немецкого языка и провести референдум по орфографическим реформам, запретить рекламу на иностранных языках и прекратить дальнейшую американизацию страны, покончить со снисходительным отношением к иностранцам и высылать из страны криминальных приезжих. Во втором разделе «Не отказываться от законных интересов Германии» содержатся традиционные для партий «справа от центра» требования выхода из Европейского союза и возвращения Немецкой марки (ДМ). «Правые» подчёркивают: «Мы отвергаем неограниченную и уже не контролируруемую нашим народом передачу прав суверенитета, особенно в сфере внешней и оборонной политики» [17, S. 2]. Значительная часть положений программы, таких как «Создание рабочих мест», «Охрана окружающей среды», «Защита животных», «Энергетическая политика» не сильно отличается от соответствующих разделов признанных демократических партий. Вполне естественно для организаций подобного рода звучат требования, касающиеся семьи: «Мы считаем, что только миссия отца и матери может обеспечить здоровое развитие ребенка и поэтому во благо ребёнка отвергаем право усыновления однополыми партнерами» [17, S. 4]. В разделе «Демократия» «Правые» требуют отменить 5% барьер на выборах всех уровней, чтобы любая политическая партия, чьи действия не расходятся с Конституцией могла участвовать в формировании государственной политики.

Большой проблемой для «Правых» является финансирование. ННС в значительной степени содержалась на средства издателя Герхарда Фрая. Подобного спонсора у партии нет. Кроме того, откровенно слабой стороной «Правых» является отсутствие в их рядах ярких харизматичных лидеров. Так, сопредседатель председатель пар-

тии 33-летний Саша Крольциг был известен преимущественно членством в различных, время от времени закрываемых союзах экстремистского толка. Он часто выступает на организованных правыми радикалами разного рода мероприятиях по всей стране. В течение ряда лет ему предъявлялись обвинения от нанесения телесных повреждений, до расистских заявлений. В первый раз он был осуждён в возрасте 17 лет именно за подобные высказывания. В июне 2018 г. Крольциг выдвинул свою кандидатуру на должность бургомистра небольшого городка Зульцфельд с населением в 4600 человек в земле Баден-Вюртемберг. Свои выступления на предвыборных митингах он посвятил преимущественно проблеме нелегальной миграции. В частности, пообещал стать «мэром для всех немцев, которые еще хотят быть немцами» и остановить незаконную миграцию в Зульцфельд. Впрочем, не забыл он и о специфических местных проблемах, в частности, обратив внимание на имеющиеся трудности с транспортом, и гарантировал, в случае своего избрания «большую открытость и прозрачность муниципалитета» [10]. Несмотря на то, что по мнению товарищей по партии, Крольциг был «достаточно убедителен», его поддержали всего 5,2% голосовавших. Победила действующий бургомистр Сарина Прюндер, набравшая 88,2% голосов [21]. В 2018 г. Крольцига осудили на шесть месяцев тюремного заключения за то, что он назвал председателя еврейской общины в восточной Вестфалии «наглым евреем» [8]. В июле 2020 г. он вновь был арестован по нескольким обвинениям и приговорён к шести месяцам заключения. Всего этого явно недостаточно для того, чтобы о Крольциге узнали не только немногочисленные сторонники, или те, кто пострадал от его действий, но и широкие массы населения. Поэтому, время от времени «Правые» начинают поддерживать достаточно сомнительных персон, не связанных с ними напрямую, но в той, или иной степени отвечающих их идеологическим воззрениям и при этом, пользующиеся определённой известностью. Так, в апреле 2018 г. они сделали ставку на девятистолетнюю «отрицательницу Холокоста» Урсулу Хавербек-Ветцель, выдвинув её в качестве основного кандидата на выборы 2019 г. в Европейский парламент. Тогда же, в очередную годовщину рождения Адольфа Гитлера «Правые» совместно с единомышленниками из Болгарии, Франции, Венгрии, Чехии и Польши провели организационный съезд и создали союз «Крепость Европа». Свою программу на европейские выборы «Правые» назвали «25 пунктов для Европы», в чём представители министерства внутренних дел СРВ немедленно увидели отсылку ко программе «25 пунктов» НДСАП [24, S. 99]. В

первом же параграфе содержалось требование «Дексита» т.е. немедленного выхода Германии из ЕС, который «подобно кракену», держит в заточении европейские народы. Повсюду – в Косово, Афганистане, Ираке, Ливии, а теперь и в Сирии отмечены «кровавые следы натовских убийц», говорится в программе. Потому Германии необходимо немедленно покинуть эту организацию. Подобно многим немецким партиям «справа от центра», «Правые» настроены весьма лояльно по отношению к России, поэтому призывают активнее «развивать дружеские связи с русским народом». Впрочем, это не мешает партии в очередной раз напомнить соседям, о том, что «Германия больше Федеративной республики <...> и поэтому мы требуем воссоздания Германии в её естественных границах». Вполне естественны для правых радикалов призывы «остановить приток мигрантов» и «исламизацию страны». Семья для «правых» это «мать, отец и дети» [22]. Результаты правых экстремистов на прошедших выборах были крайне незначительными. Партии отдали голоса 24 598 человек, что составило 0,1% участвовавших выборах [5].

9 ноября 2019 г. в Билефельде «Правые» организовали массовую манифестацию в поддержку Хавербек-Ветцель, в которой приняли участие около 230 праворадикальных активистов, в том числе и из НДПГ, съехавшихся со всей страны. 9 ноября это особый день в новейшей истории Германии. В 1918 г. произошло отречение кайзера Вильгельма II, в 1989 г. – падение Берлинской стены. Однако, по мнению газеты «Франкфуртер алльгемайне» «правые» явно приурочили своё выступление не к этим поворотным событиям, а к 91-й годовщине погромов «Хрустальной ночи». Ведь находящаяся под стражей с мая 2018 г. «отрицательница Холокоста» была осуждена за неоднократные «самые гнусные высказывания о евреях вообще и о Катастрофе в частности» [13]. Накануне демонстрации, в сентябре 2019 г. было отклонено очередное ходатайство Хавербек-Ветцель об апелляции.

Провокации, отсылающие ко временам Третьего рейха, это основное оружие «Правых». Так, весной 2018 г. представители партии вышли в Дортмунде на предвыборный митинг с плакатами, на которых было написано: «Израиль – это наша беда», что являлось исправленной версией классического нацистского лозунга «Евреи – наша беда». Представители местной еврейской общины потребовали от властей наказать виновных в провокации, особо подчёркивая, что данный лозунг «вместе с восклицательным знаком использовался в качестве постоянного подзаголовка на первой странице подстрекатель-

тельской национал-социалистической газеты «Дер Штюмер» [9].

Несмотря на свою откровенно антиправительственную деятельность, «Правые» некоторое время получали государственное финансирование в размере 40 тысяч евро в год. Этими средствами они делились с НДПГ, с которыми в 2016 г. организовали совместную группу в городском совете Дортмунда. Как отмечено в докладе Ведомства по защите Конституции СРВ «Заседания городского совета группа раз за разом использует для провокаций правого толка» [24, S. 104]. После выборов 13 сентября 2020 г. в Дортмундском городском совете, состоящем из 90 депутатов, остался только один номинальный представитель партии «Правых» – Маттиас Дейда. Даже через несколько месяцев после выборов он не получил депутатский мандат и по неизвестным причинам не принимает участия в работе совета. В любом случае «правые» потеряли статус группы и лишились финансовой поддержки государства.

Практически со времени появления, «правые» поддерживают возникшее в 2020 г. на западе Германии движение «Поперечное (т.е. нестандартное) мышление», объединившее широкий круг «ковид-скептиков» и сторонников теории заговора, выступающих против эпидемиологических ограничений правительства. Указывая на то, что «нестандартно мыслящие», выходящие на многотысячные демонстрации по всей стране, являются сторонниками самых разных политических сил, «правые» считают, что в недалёком будущем эти люди могут поддержать на выборах АдГ, доведя её результат до 30%. А вот агентов органов по защите конституции, с иронией отмечается на сайте «Правых», можно будет теперь узнавать в толпе по косящим глазам: «Иначе как они смогут уследить за таким нелогичным движением?!» [18]. Задачей правых радикалов является поддержка любых народных протестов, «расставляя при этом собственные политические акценты». Основная причина роста конспирологических и протестных настроений та же что и праворадикальных – недоверие к власти, разочарование в деятельности представителей этаблированных партий в правительстве. В мае 2020 г. «Правые» выступили с «призывом ко всем националистам», поддержать народные протесты против «корона-диктатуры», временно отменив мероприятия, проводимые от имени собственной партии. По мнению «Правых», COVID-19 вовсе не представляет собой «вирус-убийцу», а объявленная пандемия, это способ «ликвидировать как можно больше основных прав и практически управлять всей повседневной жизнью граждан» [2].

Наиболее резонансным событием, связанным с движением «Не-

стандартное мышление», стал «штурм Рейхстага» в конце августа 2020 г., когда несколько сот активистов прорвали слабое полицейское оцепление и ворвались на ступени германского парламента. Основатель движения Михаэль Баллвег немедленно дистанцировался от «штурма», заявив, что «Нестандартное мышление» носит исключительно мирный и законопослушный характер. В инциденте пресса, власти и представители демократических партий обвинили правых экстремистов, прежде всего, НДПГ и «Республиканцев», хотя и отмечали весьма «пёстрый» характер демонстрантов. Возможно, среди штурмующих могли находиться и активисты «Правых». В толпе было немало флагов и транспарантов, с «имперским» набором цветов, характерным, впрочем, для весьма широкого спектра правых экстремистов. Сами «Правые», не подтверждая участие своих сторонников в берлинских событиях, сравнили их с прошедшей в тот же день антиправительственной демонстрацией в Минске: «Получается, что в Минске, где правит деспот и диктатор Лукашенко, демонстрация 29 августа проходила более свободно, чем в Берлине, где правит безупречная демократка Ангела Меркель» [3].

После известий о событиях в столице США 6 января 2021 г., «Правые» Брауншвейга отметились постом Twitter: «Приветствуем всех порядочных белых мужчин и женщин в Вашингтоне!». На это немедленно обратило внимание «Ведомство по защите конституции» Баден-Вюртемберга. Хотя «Правые», на своём сайте достаточно осторожно прокомментировали штурм и взятие Капитолия, правоохранители сделали вывод: «Название поста («Вчера Рейхстаг, сегодня Капитолий, завтра...?») [6]. указывает на то, что, «другие парламентские штурмы не исключены и, возможно, даже желательны [19].

«Штурм» Рейхстага и большое количество «имперских» флагов, которые несли его участники, послужили поводом для широкой общественной дискуссии о необходимости запрета подобной символики. И уже в сентябре 2020 г. власти Бремена приняли решение запретить использование чёрно-бело-красных знамён в публичных местах. Нарушители будут наказываться штрафом в 1000 евро, а полиция должна изымать символику, которая «нарушает условия упорядоченного гражданского сосуществования и представляет опасность для общественного порядка» [20]. «Правые» немедленно организовали несколько протестных акций в защиту имперского флага под лозунгом: «Нет запрету чёрно-бело-красного», которые поддержали активисты из НДПГ. На этих акциях, прошедших в нескольких федеральных землях, по словам организаторов, «Правые» и НДПГ «стояли

вместе плечом к плечу». Сами собравшиеся расценивали свои действия как «начало создания мощного единого фронта» [11]. Разумеется, акции, в которых принимали участие от 7 до 20 человек, которым каждый раз противостояли в несколько раз больше лево-радикальных активистов, не представляют собой «мощного фронта», способного повлиять на настроения избирателей. Осознавая свою слабость, правые экстремисты из партии «Правых» занимают выжидательную позицию, поддерживая массовые протестные движения (ПЕГИДА, «Нестандартное мышление» и т.д.), оставаясь, несколько «в стороне». При этом, наблюдается достаточно чёткая тенденция к координации действий различных праворадикальных организаций накануне выборов в Бундестаг, на которых «Правые», совершенно очевидно, не смогут собрать даже 1% голосов избирателей. И тем не менее, потенциальную опасность правых радикалов не следует преуменьшать. В случае резкого повышения напряжённости в стране, они готовы поддержать и даже возглавить любое успешное движение, или партию, выступающую против сложившейся после Второй мировой войны общественно-политической системы.

Библиографический список

1. Arbeitsfelder Rechtsextremismus. Die Rechte. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-rechtsextremismus/zahlen-und-fakten-rechtsextremismus/rechtsextremistische-parteien-2019/die-rechte-2019> (дата обращения: 17.12.2020).
2. Aufruf an alle Nationalisten: Unterstützt die Volksproteste gegen die Corona-Diktatur! URL: <https://die-rechte.net/allgemein/aufruf-an-alle-nationalisten-unterstuetzt-die-volksproteste-gegen-die-corona-diktatur/> (дата обращения: 22.12.2020).
3. Berliner Treppensturm: Ein Fazit. URL: <https://die-rechte.net/allgemein/berliner-treppensturm-ein-fazit/> (дата обращения: 2.02.2021).
4. Die Rechte. Vorwärts für Deutschland! URL: <https://die-rechte.net> (дата обращения: 16.12.2020).
5. Europawahl 2019. Ergebnisse. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2019/ergebnisse.html> (дата обращения: 2.12.2020).
6. Gestern Reichstag, heute Capitol, morgen....? URL: <https://die-rechte.net/allgemein/gestern-reichstag-heute-capitol-morgen/> (дата обращения: 2.02.2021).
7. Gewinne und Verluste der Parteien bei der Bundestagswahl am 24. September 2017 im Vergleich zur vorherigen Bundestagswahl. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/753320/umfrage/gewinne-und-verluste-der-parteien-bei-der-bundestagswahl/> (дата обращения: 10.12.2020).
8. Hammer Neonazi Sascha Krolzig im Gefängnis. URL: <https://www.wa.de/hamm/neonazi-sascha-krolzig-hamm-gefaengnis->

bundesvorsitzender-partei-rechte-wohnt-dortmund-13834794.html(дата обращения:16.12.2020).

9. Jüdische Gemeinden zeigen. Die Rechte wegen Volksverhetzung an. URL: <https://www.welt.de/regionales/nrw/article193115557/Juedische-Gemeinden-zeigen-Die-Rechte-wegen-Volksverhetzung-an.html> (дата обращения:16.12.2020).

10. Kandidatenvorstellung mit Sascha Krolzig in Sulzfeld. URL: <https://die-rechte.net/lv-baden-wuerttemberg/kandidatenvorstellung-mit-sascha-krolzig-in-sulzfeld>(дата обращения: 17.12.2020).

11. Kein Verbot stoppt Schwarz Weiß Rot! URL: <https://die-rechte.net/lv-suedwest/kein-verbot-stoppt-schwarz-weiss-rot/> (дата обращения:14.07.2021).

12. Landtagswahlen. Ergebnisse und Termine. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/service/landtagswahlen.html>(дата обращения:16.12.2020).

13. Nazi-Partei «Die Rechte»:Maximale Provokation. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nazi-partei-die-rechte-maximale-provokation-16475729.html> (дата обращения:16.12.2020).

14. Neue Rechtspartei will NPD ersetzen. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/neue-neonazi-partei-die-rechte-macht-rechtsextremer-npd-konkurrenz-a-846528.html> (дата обращения:21.12.2020).

15. PEGIDA hat es in Dortmund schwer. URL: <http://www.pflichtlektuere.com/12/01/2015/pegida-hat-es-in-dortmund-schwer/> (дата обращения:24.12.2020).

16. Pro Deutschland hat sich aufgelöst. URL: <http://www.pro-deutschland.de/>(дата обращения:24.12.2020).

17. Programm der Partei Die Rechte. URL: <https://die-rechte.net/programm/> (дата обращения:17.12.2020).

18. Querdenker von rechts und links. URL: <https://die-rechte.net/allgemein/querdenker-von-rechts-und-links/>(дата обращения:10.12.2020).

19. Reaktionen deutscher Rechtsextremisten auf die Erstürmung des US-Kapitols. URL: <https://www.verfassungsschutz-bw.de/Lde/Reaktionen+deutscher+Rechtsextremisten+auf+die+Erstuermung+des+US-Kapitols> (дата обращения: 2.02.2021).

20. Reichsflagge jetzt in ganz Deutschland verboten? URL: <https://www.ruhrnachrichten.de/nachrichten/reichsflagge-jetzt-in-ganz-deutschland-verboten-1559065.html> (дата обращения:14.07.2021).

21. Sarina Pfründer klar im Amt bestätigt. URL: https://www.rnz.de/nachrichten/sinsheim_artikel,-buergermeisterwahl-sulzfeld-sarina-pfruender-klar-im-amt-bestaetigt-_arid,364739.html (дата обращения:17.12.2020).

22. Unsere 25 Punkte für Europa: Wahlprogramm der Partei DIE RECHTE! - URL: <https://die-rechte.net/allgemein/unsere-25-punkte-fuer-europa-wahlprogramm-der-partei-die-rechte/>(дата обращения:2.12.2020).

23. Verbände. Die Rechte. - URL: <https://die-rechte.net/verbaende/>(дата обращения:2.12.2020).

24. Verfassungsschutzbericht des Landes Nordrhein-Westfalen über das Jahr 2019. URL: https://www.im.nrw/system/files/media/document/file/Vs_Bericht_NRW_2019.pdf(да

та обращения: 16.12.2020).

25. Verfassungsschutzbericht 2019. Mecklenburg-Vorpommern. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/oeffentlichkeitsarbeit/publikationen/verfassungsschutzberichte/publikationen> (дата обращения: 4.02.2021).

26. Verfassungsschutzbericht 2019. Sachsen-Anhalt. URL: <https://mi.sachsen-anhalt.de/verfassungsschutz/verfassungsschutzberichte-zum-downloaden/> (дата обращения: 4.02.2021).

27. Welche Parteien die meisten Stimmen an die AfD verloren. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article168989573/Welche-Parteien-die-meisten-Stimmen-an-die-AfD-verloren.html/> (дата обращения: 10.12.2020).

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

CONFLICT AND INTEGRATION FACTORS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF MODERN GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

И.В. Юрченко

Южный научный центр Российской Академии Наук, г. Ростов-на-Дону
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

О.А. Завьялова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

I.V. Yurchenko

Kuban State University, Krasnodar
Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

O.A. Zavyalova

Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования проблем обеспечения региональной безопасности и стабильности на Юге России в аспекте влияния конфликтогенных и интеграционных факторов на региональное развитие в условиях новых геополитических вызовов. Актуализируется значение оптимизации управленческих практик, в целях создания надежной системы этнополитической безопасности, формирования общероссийской гражданской идентичности и межнационального сотрудничества, в том числе, в молодежной среде. Отмечается особая значимость регионов Юга России в ситуации роста геополитической напряженности.

¹Исследование выполнено в рамках государственного задания на выполнение научно-исследовательских работ по проекту «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры и перспективы (FZEN-2023-0008) на 2023 год.

Abstract. The article presents the results of a study of problems of ensuring regional security and stability in the South of Russia in terms of the influence of conflict-generating and integration factors on regional development in the context of new geopolitical challenges. The importance of optimizing management practices is being updated in order to create a reliable system of ethnopolitical security, the formation of an all-Russian civic identity and interethnic cooperation, including among youth. The special significance of the regions of the South of Russia in a situation of growing geopolitical tension is noted.

Ключевые слова: конфликтогенные факторы, интеграционные факторы, регионы Юга России, этнополитическая безопасность, управленческие практики, региональное развитие, общероссийская гражданская идентичность.

Key words: conflict factors, integration factors, regions of the South of Russia, ethnopolitical security, management practices, regional development, all-Russian civic identity.

Азово-Черноморский регион Юга России – это пространство глобального геополитического соперничества и противостояния. Ряд стран, которые осознают себя как мировые или региональные «центры силы» рассматривают южно-российский регион в качестве сферы своих жизненных интересов. При этом они пытаются основной акцент внимания сфокусировать на него, как на важнейший очаг сепаратизма и этнополитических конфликтов в масштабах всего государства. Так, например, особое место в ЮФО занимает Краснодарский край как крупнейший логистический, агропромышленный, рекреационный, прибрежный Азово-Черноморский регион РФ. Естественно, Краснодарский край представляет собой территорию страны, где сосредоточены важнейшие направления обеспечения общероссийских национальных геостратегических интересов.

Для анализа этно-социальной ситуации в регионе одним из показателей является наличие озабоченности населения межнациональными отношениями, появляющейся в том числе и в результате привлечения значительного количества мигрантов в качестве рабочей силы в различные отрасли экономики, а также общей высокой мобильностью населения в южном направлении. Несмотря на в целом благоприятное развитие Краснодарского края, регион продолжает оставаться зоной потенциальных межэтнических конфликтов. Географическое положение края, находящегося между реинтегрированной республикой Крым, новыми присоединенными к составу РФ территориями и Закавказьем, где в 2023 г. вспыхнула волна этнической напряженности, также повышает риск возникновения социальных конфликтов в регионе и усиления уровня социально-психологической напряженности среди населения. В целях совершенствования всех

компонентов системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации необходимо своевременное прогнозирование возможных рисков и угроз по различным сферам жизнедеятельности общества, регионам, муниципальным образованиям и территориям.

С целью определения факторов динамики субрегиональной этнополитической ситуации и анализа этнополитических рисков и экстремистско-террористических угроз для социально-политической стабильности в исследуемом регионе продолжался мониторинг [12, с. 376] на основе инвент-анализа и определения наличия позитивных практик межконфессионального общения жителей различных муниципальных образований и характеристики деятельности управленческих структур в направлении создания и использования интеграционного потенциала взаимодействия в социуме со сложной этноконфессиональной структурой населения. Политика гражданской интеграции должна быть приоритетной в системе внутренней политики любого суверенного государства, поскольку, по справедливому обоснованию В.А. Ачкасова, «условием стабильного существования современного национального государства является поддержание политическими средствами определенной иерархии идентичностей его граждан, и в этой иерархии на политический статус может претендовать только гражданская идентичность человека, которая должна иметь приоритет и перед всеми прочими его идентичностями, в том числе идентичностью этнической» [1, с.47]. Вхождение в состав Российской Федерации четырех новых субъектов: Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), Запорожской и Херсонской областей является важнейшим фактором в условиях новых геополитических реалий. Вопрос интеграции новых субъектов России является одним из главных, от которого и будет зависеть социальное равновесие в обществе. Старший преподаватель МГИМО МИД РФ Алексей Зудин отметил, что «она (интеграция) началась раньше политико-юридического включения этих регионов в состав России. Интеграция означает расширение и углубление связей с Россией, этот процесс идет давно» [9].

Несмотря на нестабильную геополитическую ситуацию, которая оказывает влияние на скорость и возможность интеграции новых территорий, особое значение имеет население этих регионов, а также разработка мероприятий по их вовлечению в общую структуру российского общества. По оценкам на сентябрь-октябрь 2022 г., численность населения Донецкой Народной Республики составляет 2,2 млн человек, Луганской Народной Республики – 1,4 млн человек, Херсонской области – 1 млн человек, Запорожской области – около 1,6 млн

человек [7]. Высокий отток мигрантов из новых регионов на приграничные территории также имеет этнополитические последствия. Так, за январь–март 2022 г., когда специальная военная операция на Украине уже были в самом разгаре, на учет было поставлено 3,8 млн чел., тогда как за аналогичный период 2021 г. – чуть менее 2 млн [8].

В связи с вышеуказанными факторами появилась необходимость создания в верхней палате Федерального собрания РФ специального совета по интеграции новых регионов, который должен обеспечить быструю и качественную интеграцию ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в политическую систему страны. «Наряду с восстановлением инфраструктуры обеспечения жизнедеятельности новых территорий России и социальной адаптации их жителей особое внимание следует уделять интеграции граждан ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в российскую общность, духовные основы которой сформированы многовековой культурой соседского сосуществования народов России», – считает Евгений Савченко, член региональной Общественной палаты [3].

В повестке новых присоединённых регионов очень важно рассмотреть ситуацию в приграничных территориях. Важно увидеть, как территориальные изменения Российской Федерации повлияли на ситуацию, например, внутри таких субъектов, как Краснодарский край.

Миграционный прирост населения в Краснодарском крае за январь-апрель 2023 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос в 16,5 раза. Такие данные приводит Краснодарстат. Этот рост связан с сокращением числа ушедших из Краснодарского края. Так, за четыре месяца 2023 года в регион приехали 45,7 тыс. человек, что соответствует уровню 2022 года. Уехали из региона 37 тыс. человек, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года этот показатель сократился на 17,7%, а количество выбывших за границу уменьшилось почти в 3 раза. Большая часть прибывших на Кубань приехали в Краснодар, Анапу, Сочи, Новороссийск и Темрюкский район [11].

Директор Центра политических исследований и технологий Григорий Киселев отмечает, что «в конце января стало известно, что 19 000 жителей присоединенных территорий уже получили российские паспорта в Краснодарском крае, а всего приезжих людей намного больше». По его мнению, процесс адаптации бывших украинских граждан проходит на высоком уровне и люди решают переехать поближе к крупным городам края [4]. В Краснодарском крае продолжится обучение граждан в рамках национального проекта

«Демография». Как указано на сайте Министерства труда и социального развития пройти переобучение или получить дополнительное профильное образование по наиболее востребованным профессиям смогут беженцы с Украины [10].

В интеграции новых территорий в правовое, социальное и культурное пространство России принимает участие казачество. Об этом заявил заместитель председателя правительства РФ Дмитрий Чернышенко на заседании совета при президенте РФ по делам казачества в октябре 2022 г. «Привлекая ресурсы российского казачества, мы сможем ускорить процесс вхождения присоединенных территорий и граждан, проживающих там, в правовое, социальное и культурное пространство нашей страны», — сказал Чернышенко [2]. В условиях кардинальных трансформаций современного политического пространства, вызываемых распространением новых социальных медиа, усилением влияния цифровизации на все сферы общественной жизни актуализируется проблематика конфликтологического анализа ценностно-политических ориентаций молодежи в полиэтничной социальной среде, (чему была посвящена специальная публикация авторов данной статьи [13]), в которой отмечалось, что характеризуя политическое сознание и ценностные ориентации российской молодежи, ряд экспертов подчеркивали, что российские граждане, но особенно молодежь, порой демонстрируют индифферентность, мозаичность, противоречивость, гетерогенность, «разнородность», определенную «разорванность», эклектику, плюральность, и гибридизацию идеологических ценностей, т. н. «идеологическую всеядность», что может привести к дезинтеграционным тенденциям в обществе [13]. Но интеграционные процессы определяются прежде всего объективной логикой социально-экономического, политико-правового, социокультурного развития. Они охватывают и территориальные факторы, т.е. географическое пространство, и экономическую, и социальную, и политическую, и культурную сферы общественной жизни. Прежде всего необходимо отметить, что результат интеграции в полиэтничное российское общество новых территорий будет проявляться в формировании гражданско-государственной идентичности жителей данных регионов. Для этого необходимо отслеживать и регулировать конфликтогенные и интеграционные процессы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Особое внимание необходимо уделить ситуации в приграничных районах. От упрочения внутреннего единства, территориальной целостности Российской Федерации и сплочения российской нации, российского государства-цивилизации,

во многом зависит и авторитет на мировой арене, и в целом дальнейшее существование нашего общества. Официальная позиция власти заключается в том, что российская политика идентичности должна быть нацелена на формирование российской полиэтнической общегражданской идентичности всего населения страны, с учетом новых присоединенных территорий. Необходима нацеленность на укрепление и интеграцию государства, обеспечение безопасности в области защиты культуры и исторической памяти, воспитания гражданских качеств личности.

Существенные пространственные изменения имеют концептуальное значение в формировании новых тенденций развития общества. Эксперты отмечают, что изменение статуса Азовского моря приведет к улучшению его экологии, к появлению дополнительных возможностей для развития туристической отрасли, которая «получит дополнительные возможности для организации детского и взрослого отдыха и создания новых курортов. Сотрудничество без ограничений с освобожденными территориями оживит транспортную отрасль регионов и торговое судоходство, изменит перспективы рыболовства» [5].

Данная территория, представляющая собой сложносоставное гетерогенное административно-территориальное образование, и с геополитической точки зрения имеет особую значимость для всего государства и обеспечения его суверенитета, территориальной и ментальной целостности, укрепления общероссийской гражданской идентичности. Рассматриваемое как предмет анализа политических конфликтов, это новое (вновь конструируемое) социально-политическое пространство, в котором этническая и одновременно общегражданская российская идентичность могут стать ресурсом социально-экономической мобилизации в ситуации крайнего обострения международных конфликтов, в среднесрочной перспективе (в третьем десятилетии XXI века) должно стать предметом аналитической диагностики в контексте выявления факторов повышения эффективности политико-управленческих практик в сфере регулирования международных отношений, профилактики этносоциальных конфликтов и укрепления интеграционного потенциала общегражданской идентичности.

Сущностная составляющая этнополитической безопасности включает понимание того, что государство должно обеспечить защиту как страны в целом, ее регионов, так и граждан различной этнической принадлежности, от опасных воздействий, особенно разжигания

межнациональной розни, политического и информационного экстремизма и терроризма. Концентрация информационных ресурсов в руках не только официальных структур, но и нелегальных радикальных группировок позволяют этим группировкам использовать новейшие технологии влияния, особенно на молодежь, и осуществлять попытки дестабилизации социально-политического пространства. Необходимо создание эффективных механизмов обеспечения этнополитической безопасности, что предполагает диагностирование деятельности различных общественных организаций и структур, осуществляющих рекламную, просветительскую и информационно-коммуникационную деятельность в регионах РФ.

Исследование конфликтогенных и интеграционных факторов регионального развития в условиях расширения российского политического пространства показывает, что «многосоставные интеграционные процессы на Юге России охватывают, с одной стороны, географическое пространство, с другой стороны, экономическую, социальную, политическую и культурную сферы общественной жизни. Исходя из этого, интеграционные процессы определяются логикой социально-экономического, политико-правового, социокультурного развития, которые стимулирует полиэтничные регионы Юга России к активному взаимодействию и сближению с целью обеспечения региональной безопасности» [6, с.73]. Политика формирования общероссийской идентичности, включая население новых регионов, должна быть ресурсом интеграции полиэтничного пространства, создания благоприятных условий взаимодействия коренных жителей с вновь получившими гражданство Российской Федерации. Особенно важно отслеживать, как складывается состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде. В настоящее время «эксперты оценивают его как напряженное, во многом обусловленное активностью враждебно настроенных против России политических акторов, которые делают ставку на недовольство различных групп интересов, в особенности, молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств», а также региональных предпринимателей, представителей среднего класса в территориях со сложной этнической, конфессиональной, демографической и поликультурной лингвистической структурой населения» [12, с.380-381]. Противниками России активно применяются информационно-сетевые технологии, используются когнитивные, информационные и организационные средства борьбы с целью дезорганизации, дезориентации населения Российского Азово-Черноморского региона. Все это требует по-

вышения эффективности в работе по противодействию угрозам терроризма и экстремизма, оптимизации техник урегулирования возникающих межнациональных конфликтов, а также новых результативных методов в управленческих практиках по осуществлению гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, как среди взрослого населения, так и в молодежной среде.

Таким образом, необходимость обогащения теоретико-методологических основ исследования современных политических технологий управления этнополитическими и этно-социальными процессами в условиях нарастания геэкономической и геополитической напряженности во многих регионах мира, на наш взгляд, предполагает важность понимания дихотомии «конфликт – интеграция», которая актуализируется сложной внутренней природой конфликтности, сопровождающейся, не только острыми столкновениями позиций конфликтующих сторон, но и многоуровневыми сложно структурированными процессами интеграции.

Библиографический список

1. Ачкасов В.А. Диалог власть-общество и проблемы строительства Российской нации-государства // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022г. М.:Аспект Пресс, 2022. С.47-48.
2. В интеграции новых территорий будут принимать участие казаки / Кубанские новости // URL: <https://kubnews.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
3. Вместе с Россией. Как проходит интеграция новых регионов / ЮП (Южноуральская панорама) // URL: <https://up74.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
4. Граждане Украины массово переезжают в Краснодарский край / Блокнот-Краснодар // URL: <https://bloknot-krasnodar.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
5. Грищенко Н. К каким переменам приведет изменение статуса Азовского моря. // Российская газета - Экономика Юга России: №241(8889), 25 октября 2022 // <https://rg.ru/tema/ekonomika> (дата обращения 25.10.2022).
6. Жаде З.А. и З.Х. Гучетль З.Х. Политическая идентичность как ресурс интеграции полиэтничного пространства Юга России // Вестник Адыгейского Государственного университета. Вып. 3 (244) 2019. С. 67-75.
7. Карта России после присоединения четырех новых регионов / ИЗВЕСТИЯ // URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
8. Миграционные итоги-2022 в рамках постсоветского пространства / Интернет-портал СНГ (Пространство интеграции) // URL: <https://e-cis.info> (дата обращения: 08.10.2023).
9. Политологи рассказали, как новые регионы помогут усилиться России / РИА Новости // URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
10. Помощь беженцам / Министерство труда и социального развития Краснодарского края // URL: <https://szn.krasnodar.ru> (дата обращения: 08.10.2023).

11. Эффект низкой базы и привлекательные условия: почему на Кубани в 16 раз увеличился миграционный прирост / Деловая Газета.Юг // URL: <https://www.dg-yug.ru> (дата обращения: 08.10.2023).

12. Юрченко И. В. Проблемы взаимодействия этнических мигрантов и коренных жителей региона в контексте обеспечения этнополитической безопасности // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С.375-382.

13. Yurchenko I., Zavyalova O., Kuznetsova I. et al. Detection of international tension in the student environment // RevistaConrado. 2022. Vol.18. No1. Pp.655–660.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НАРОДОВ БЫВШЕГО СССР (НА ПРИМЕРЕ МОЛДАВАН И БЕЛОРУСОВ)

THE CIVILIZATIONAL COMPONENT OF THE ETHNIC CONSCIOUSNESS OF THE PEOPLES OF THE FORMER USSR (USING THE EXAMPLE OF MOLDOVANS AND BELARUSIANS)

С.В. Кулик, Ю.Г. Тамбиянц

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия

S. V. Kulik, Yu. G. Tambiyants

Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina,
Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья представляет собой результат исследования геополитических и геочивилизационных аспектов коллективного сознания народов бывшего СССР, в настоящий момент проживающих на межцивилизационных территориях. Исследованию подверглись жители близких к Западу земель – молдаване и белорусы с опорой на методологию островного подхода В. Цымбурского и С. Хатунцева. В целом жители лимитрофных территорий, молдаване более сдержанны в оценках цивилизационных перспектив России, тогда как белорусы как жители лимесов (окраин) оптимистичнее в данном вопросе, а также демонстрируют более критичный настрой в отношении западной цивилизации. Граждане Республики Молдова при значительно большей зависимости от западных стран нельзя считать потерянными для российского влияния, так как политика ЕС вызывает массовое раздражение молдаван в отношении Евросоюза и западного мира в целом. Этим могла бы воспользоваться Россия, добиваясь тем самым расширения собственного цивилизационного влияния.

Abstract. The article is the result of a study of geopolitical and geocivilizational aspects of the collective consciousness of the peoples of the former USSR, currently living in intercivilizational territories. The study involved residents of lands close to the West - Moldovans and Belarusians, based on the methodology of the island approach of V. Tsymbursky and S. Khatuntsev. In general, residents of limitrophe territories, Moldo-

vans, are more restrained in assessing the civilizational prospects of Russia, while Belarusians, as residents of limes (outskirts), are more optimistic in this matter, and also demonstrate a more critical attitude towards Western civilization. Citizens of the Republic of Moldova, with a significantly greater dependence on Western countries, cannot be considered lost to Russian influence, since the EU policy causes massive irritation of Moldovans towards the European Union and the Western world as a whole. Russia could take advantage of this, thereby seeking to expand its own civilizational influence.

Ключевые слова: цивилизация, островной подход, цивилизационное пространство, лимитроф, лимес, Западный мир.

Key words: civilization, island approach, civilizational space, limitrophe, limes, Western world.

Цивилизационный характер противостояния России и Западного мира становится достаточно очевидным, хотя формально масштабы специальной военной операции не простираются за внутренние рамки СНГ. Тем не менее, именно пространство бывшего СССР в настоящий момент приобретает все менее благоприятные для России характеристики, о чем будет идти речь в данной статье. По словам военного эксперта Е. Норина, СССР давно не существует, но, как ни парадоксально, его распад продолжается [3, с. 287]. Во многом это следствие гецивилизационных процессов, актуализация которых после краха биполярного мира обосновывается не только работами С. Хантингтона, но и теми учеными, которые вроде бы не так уж часто обращались к методологии цивилизационного анализа (М. Делягин, О. Шкаратан). Причем цивилизационный характер мировой глобальной конкуренции усиливает ее жесткость и непримиримость поскольку «стороны существуют в разных системах ценностей и потому не могут договориться» [1, с. 600]. В целом трансформации пространства СНГ происходят не в пользу России, отражаясь на ее цивилизационном статусе, что в некотором роде вызвало СВО. Закономерно, что главный цивилизационный фронт современной России находится сейчас на западных рубежах и будет отнюдь не лишним получить некоторые представления об установках соседствующих с нами народов касательно перспектив России как цивилизационного феномена. Существует мнение ряда экспертов (Л. Вершинин), что российская региональная внешняя политика отнюдь не делала ставку на формирование благоприятного образа России в массовом сознании жителей бывших советских территорий.

Цель настоящей работы определить особенности цивилизационных установок молдаван и белорусов, населяющих промежуточные в гецивилизационном отношении территории. В плане задач планируется вначале уточнить содержание ключевых категорий цивилизаци-

онного анализа – цивилизация, лимитроф, лимес; а затем подвергнуть рассмотрению цивилизационные аспекты этнического сознания малых наций, являющихся соседями России, для чего будут привлечены данные собственных эмпирических опросов. Последние были проведены осенью 2022 года, незадолго до начала специальной военной операции.

Наше видение цивилизации формируется с опорой на методологию островного подхода В. Цымбурского и С. Хатунцева. Цивилизация трактуется этими учеными в качестве своеобразной надстройки над конкретным этнокультурным базисом, располагающимся в определенных географических границах. Обязательные духовные скрепы для цивилизационных сегментов обеспечивает своего рода сакральная вертикаль – определенная мировоззренческая система, соотносящая общественный уклад, культуру и собственно существование «с особым видением предельного смысла мировой истории, предназначенности рода человеческого» [7]. В плане большей наглядности геоцивилизационного ракурса В. Цымбурским и С. Хатунцевым предлагается модель острова. Любая цивилизация обладает островной природой, являясь окруженной либо своеобразными сухопутными межцивилизационными «проливами» – лимитрофами, либо настоящими физическими морями и океанами. Целесообразно перво-наперво уточнить содержание понятия лимитроф, ключевого в рамках настоящей статьи. В ракурсе историко-политического подхода лимитрофом принято считать отделившиеся от распавшейся российской империи пространства с претензией на политическую субъектность и государственность – страны Прибалтики, Польшу и т.д. И в этом случае будет уместным считать лимитроф устаревшей категорией. Мы же намерены придавать лимитрофу не столько геополитический, сколько культурно-цивилизационный характер в силу чего данная категория обречена сохранять свою актуальность до той поры, пока мир может рассматриваться как пространство взаимодействия и конкуренции цивилизаций. Наша интерпретация лимитрофа (от лат. лимес – граница) исходит из трактовок островного подхода, который видит здесь зону межцивилизационных взаимодействий, способную к трансформациям под влиянием данных взаимодействий и столкновений. Лаколичную и в тоже время весьма насыщенную концептуализацию лимитрофа предлагает С. Хатунцев. Во-первых, здесь налицо область интенсивных межцивилизационных этнокультурных контактов; во-вторых, лимитрофы представляют «буферные пространства», разделяющие конкретные цивилизации; в-третьих, лимитрофы выступают

в виде своеобразного «ринга», столкновения этих цивилизаций. Если цивилизации представлены устойчивыми платформами, которым в целом гарантирована относительная стабильность, несмотря ни на какие внутренние и внешние потрясения, то «переходные зоны» характеризуются (по аналогии с геосинклиналями) зонами повышенной активности внутренних сил [6, с. 94]. Естественно, что лимитрофы куда меньше духовно спаянны, чем пространства цивилизационных платформ. Население лимитрофов часто различается по критериям расы, конфессии, этнической принадлежности, соответственно социокультурное пространство лимитрофа потенциально куда более противоречиво, чем пространство цивилизации. Вполне закономерно, что политическая история лимитрофных пространств «особенно насыщена, драматична и переменчива», здесь нередки выселения, этнические чистки, а, порой, и этноцид [6, с. 91, 93].

Авторы островного подхода обоснованно считают целесообразным выделить категорию лимеса (лимба), которое по содержанию промежуточно лимитрофу и устойчивой цивилизационной платформе. Лимбом обозначаются окраинные цивилизационные пространства, в целом сохраняющие культурную и политическую приверженность «своей» цивилизации, но все же испытывающие воздействие соседней цивилизации [8]. При этом по ходу исторической динамики граница цивилизационных взаимодействий может меняться, и лимесы могут соскальзывать в лимитрофы или наоборот. Нечто подобное происходило с некоторыми странами Восточной и Центральной Европы в последнее полвека прежде всего в связи с существованием и распадом Советской цивилизации. Можно предположить, что нынешняя Польша при всем своем католицизме и декламации западной идентичности не избегает все же заметного воздействия иной цивилизационной парадигмы. Нам представляется, здесь имеет место главным образом инерция советского влияния, в связи с чем Польшу условно можно считать лимесом Западного мира.

Образование и утверждение российской цивилизации происходило фактически одновременно с западной – XVI–XVII вв., когда Московское царство объявило себя наследником погибшей Византии «Москва – Третий Рим». По мысли В. Цымбурского, как бы далеко ни заходило культурно-стилевое сближение России с Западом, все равно по ключевым показателям – характеру сакральной вертикали, базисной этничности, «на землях "от Дублина до Владивостока" выделяются два цивилизационных комплекса. Своим северным православием, своим пережитым, но не изжитым большевизмом, "русскостью" и ки-

риллицей Россия представляет собой скопление примет, противостоящих формальным показателям ядра Запада» [8].

Существование особой Советской цивилизации констатируется не только отечественными мыслителями (С.Кара-Мурза), но такими известными западными учеными как А. Тойнби. Тот же В. Цымбурский усматривал в большевизме «эндогенное цивилизационное движение-миттельшпиль», небезуспешно противостоящее модели догоняющей модернизации, навязываемой Западом. Именно большевизм сумел по своему удачно реализовать отечественный вариант городской революции – своего рода социокультурный переход к обществу модерна, характерный для всех индустриализирующихся обществ [7].

Вместе с тем довольно неоднозначная ситуация складывается в отношении современной отечественной цивилизационной идентичности. Изоляционистская стратегия, которую одно время поддерживал в том числе и Цымбурский в перспективе невыигрышна. Дело в том, что пространство, с которых отступая «к себе» на «остров» «отхлынула» Россия [9], становятся объектом экспансии конкурентных, если не сказать враждебных нам цивилизационных центров, что вынужден был признать мэтр островного подхода уже в 1990-е гг. [8]. В результате пространство российского цивилизационного влияния закономерно сузилось.

Ведущий отечественный эксперт по проблемам глобализации М. Делягин полагает несколько поспешным утверждение о наличии некоей православной цивилизации как наследнице советской. Ряд вроде бы православных стран (Греция, Болгария, Румыния, Кипр, Черногория) вовлечены необратимо в европейские процессы на правах периферии западной цивилизации. Можно говорить «о продолжающейся распадаться советской или о складывающейся на ее руинах российской цивилизации, которая даже в самом оптимистичном случае не оформилась» [1, с. 599–600]. Хотя проводимая Россией СВО вроде бы и дает повод ставить вопрос о нашей гецивилизационной субъектности, все же в этом плане сдерживающим обстоятельством выступают трудности специальной военной операции связанные с отсутствием внутреннего единства и сплочения, причем как по вертикали, так и по горизонтали. Верхи и низы российского общества демонстрируют зачастую настолько различное отношение к противостоянию с Западом, что это заставляет невольно задуматься о целесообразности применения к России категории разорванной страны С. Хантингтона [5, с. 209].

Итак, каким же образом осмысливается цивилизационная пробле-

матика России жителями окраин и близлежащих «территорий-проливов». Здесь мы намерены предложить некоторые результаты пилотажного по сути опроса молдавских (61 чел.) и белорусских (54 чел.) учащихся краснодарских вузов. Причем некоторые результаты выводились нами из сопоставления с данными опроса уже собственно российских респондентов на аналогичную тематику. Напомним, что как Молдова, так и Беларусь относятся к постсоветскому пространству, однако имеют отличия в отношении именно российской цивилизации. Республику Беларусь можно считать *лимесом* Российской цивилизации (число православных почти в 5 раз превосходит число католиков), сохранен ряд экономических, культурных связей. По мысли М. Ильина, в нынешней Республике Беларусь до сих пор ощутимо заметное влияние традиций политики советизации, по причине которой местная политическая система восприняла Союзное государство России и Белоруссии [2, с. 193]. Республика Молдова по своим характеристикам уже ближе к *лимитрофу* – не окраинной, но промежуточной территории. Молдова в постсоветский период демонстрировала заметную гибкость во взаимоотношениях с Западным миром и Россией, и, что интересно, данная черта присуща как «пророссийским», так и «прозападным» молдавским руководителям. Левоориентированный исследователь М. Ткачук констатирует, что на взгляд из Кишинева «Европа всё отчетливее приобретает черты циничного надзирателя, а с Россией связывают надежды на перемены к лучшему» [4, с. 84].

Следует отметить, что некоторое влияние на ответы некоторых респондентов наверняка оказал факт нахождения в России. В отношении собственно цивилизационного бытия России респонденты настроены весьма скептически, так как подавляющее их большинство (до 75%) полагает, что Россия является частью мировой цивилизации. Особый российский цивилизационный статус отмечает около 26%. В некотором роде противоречат вышеприведенному данные опроса в отношении российской цивилизационной идентичности. Самостоятельность России здесь подчеркивает большинство опрошенных (около 55%), при этом если среди белоруссов считают Россию ближе к Западу 11%, а склонность к восточной идентичности подчеркивается втрое большим числом (33%), то среди молдаван эти две группы численно одинаковы (по 22%). Российская склонность к Востоку скорее связана с объективными российскими попытками сформировать нечто вроде евразийского экономического и политического пространства.

Белорусские респонденты в сравнении с молдаванами настроен-

ны к Западу заметно критичнее. В два раза больше белоруссов констатирует негативное культурное влияние Запада в России (34% против 17%), то же соотношение в плане признания усилий Запада, направленных на развал России (44% против 21%). В данную логику вписывается обратное соотношение по оценкам Запада как примера технологического прогресса (45% белоруссов и 91% молдаван). Хотя западное технологическое превосходство и признается значительной частью белорусских респондентов, ими фактически отвергается «цивилизаторская» миссия Запада в России, куда как охотнее здесь отмечается разрушительность западного влияния.

Исследование наполненности сознания опрошенных политическими идеологемами, популярными в пространстве масс-медиа, продемонстрировало, что вообще категории сугубо западного происхождения (правовое государство, гражданское общество, демократия) для белоруссов имеют меньшее значение в сравнении с молдаванами. У первых значительно больше распространены категории «правда» «патриотизм». Не исключено, что категория «свобода личности» ценится молдавскими респондентами больше в силу того факта, что смена президентов там происходит чаще и регулярнее, чем в Белоруссии. Впрочем, данное обстоятельство следует оценивать неоднозначно.

Весьма интересно отношение респондентов к феномену СССР. Здесь огромное большинство и молдавских и белорусских респондентов считают реальным существование советского цивилизационного бытия, тогда как отрицающих его явное меньшинство. И все же приверженность ответу, что СССР являлся не цивилизацией, а просто искусственным образованием на политико-силовой основе, отметили 5% белоруссов и в 2,5 раза больше молдаван (13%). В то же время немного и тех, кто ратует за восстановление советской цивилизации – 11% и 12%. Подавляющее большинство (более трех четвертей) оценивает советский феномен здраво – были как достоинства, так и недостатки.

По поводу цивилизационных перспектив России белорусские и молдавские студенты в целом дают оптимистичные ответы, но если среди белоруссов отмечают растущее российское влияние две трети (67%), тогда как среди опрошенных молдаван так полагает слегка больше половины (52%). Уменьшение российского влияния констатирует 12% белоруссов и 15% молдаван, тогда как треть молдаван (33%) и пятая часть белоруссов считают, что российское влияние остается на одном уровне.

Более конкретизировано оценить тактические возможности российского влияния, привлекая и Белоруссию и Молдавию, должен был вопрос относительно идеи создания Евразийского Союза. Видят здесь явную пользу для своей страны 61% белоруссов и лишь 39% молдаван. Закономерно, что молдаване не так как белорусы заинтересованы в реализации подобного проекта, если принимать в расчет их лимитрофные позиции – Молдова с Западом экономически связана не менее, чем с Россией, тогда как Республика Беларусь политически и экономически ориентируется именно на российский вектор. Тем не менее, в некоторых ответах молдавских респондентов налицо раздражение в отношении Европейского (не Евразийского) Союза.

В анкете для белорусских респондентов в конце анкеты был предложен весьма щекотливый в политическом плане вопрос – о целесообразности присоединения Белоруссии к России. Интересно, что половина опрошенных студентов из Белоруссии ответили положительно, тогда как большинство российских респондентов (57%) предпочли ответ «Не вижу в этом смысла, мы разные народы, да и существуем уже давно раздельно» (так же точно ответило лишь 11% белоруссов).

При том, что предложенное исследование по числу опрошенных имеет по сути статус пилотажного, его результаты позволяют усмотреть некоторые тенденции. Респонденты выходцы из лимитрофных (Молдавия) территорий более сдержанны в своих оценках российских цивилизационных перспектив, тогда как жители лимесных (окраинных) территорий – белорусы склонны смотреть на Россию с определенной надеждой, а в некоторых моментах даже демонстрируя более оптимистичный настрой, чем российские респонденты (политическая интеграция с РФ). В целом белорусы благосклоннее молдаван к проекту Евразийского Союза, более оптимистичны в оценках российского потенциала в плане международного влияния, наконец, демонстрируют больший критицизм в отношении западной цивилизации. В то же время, как можно полагать, жители и граждане Республики Молдова при заметно большей зависимости от западных стран, отнюдь не потеряны для российского влияния. Политика Евросоюза, видящего в Молдове слаборазвитую периферию, обратной стороной имеет нарастание массового раздражения молдаван в отношении как ЕС, так и западного мира в целом. Этим могла бы воспользоваться Россия как до СВО, так и после ее окончания, добиваясь тем самым расширения собственного цивилизационного влияния.

Библиографический список

1. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т.1. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.
2. Ильин М. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития.// Космополис. 2008. №1(20), С.180-195.
3. Норин Е. Под знаменами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР. СПб.: Питер, 2018. 288 с.
4. Ткачук М. Дорога на Бухарест. Если исчезнет Молдавия...// Левая политика. 2015. №23. С. 82-102.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
6. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света. // Политические исследования. 2011. №2. С. 86-98.
7. Цымбурский В. Л. «Городская революция» и будущее идеологий в России. // Интеллектуальная Россия, 2002, июль. Электронный ресурс: http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm (дата обращения: 30.10.2023)
8. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. 1997. Т.3. №3. [Электронный ресурс], Режим доступа: www.intelros.ru
9. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Электронный ресурс: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1> (дата обращения: 30.10.2023)

ФЕДЕРАЛИЗМ В США: ИСТОРИЯ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

FEDERALISM IN THE USA: HISTORY, DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

В.А. Гвоздев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.A. Gvozdev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу исторического развития федерализма в Соединенных Штатах Америки. В ней рассматриваются ключевые исторические моменты, начиная с времен до колонизации и вплоть до современности, оказавшие влияние на формирование федерального устройства государства. Основное внимание уделено тому, как взаимодействие различных социальных, политических и экономических сил способствовало созданию уникальной системы управления, которая обеспечивала баланс между централизованной властью и автономией штатов. Анализируются такие ключевые события, как Революционная война, Конституционная конвенция и Гражданская война, а также роль Билля о правах и поправок к Конституции. Статья может быть полезна исследователям, изучающим историю и политическую систему США, а также всем

интересующимся принципами федерализма и их воплощением в американском контексте.

Abstract. This article provides an analysis of the historical development of federalism in the United States of America. It examines key historical events, from pre-colonization times to the present day, that have shaped the federal structure of the nation. The focus is on how the interplay of various social, political, and economic forces contributed to the creation of a unique governance system that maintained a balance between centralized authority and state autonomy. Key events such as the Revolutionary War, the Constitutional Convention, and the Civil War are analyzed, as well as the role of the Bill of Rights and amendments to the Constitution. The article is beneficial for researchers studying the history and political system of the USA, as well as anyone interested in the principles of federalism and their implementation in the American context.

Ключевые слова: федерализм, Соединенные Штаты, исторический контекст, компромиссы, динамичность, адаптивность

Key words: federalism, United States, historical context, compromises, dynamism, adaptivity

Федерализм в Соединённых Штатах является не просто система государственного устройства, он является следствием серии социальных экспериментов, политических дискуссий и исторических событий, которые формировали страну. Эта система выросла из уникальных обстоятельств и была адаптирована для соответствия изменчивым идеалам американского народа.

Долгое время до прихода первых европейских поселенцев, территория нынешних Соединённых Штатов была населена множеством коренных племён. Эти народы, от Ирокезов на северо-востоке до Навахо на юго-западе, создали разнообразные формы управления, которые варьировались от свободных конфедераций до сложных иерархических государственных структур. Некоторые из них, как например Лига Ирокезов, даже демонстрировали элементы федерализма, который объединял разные нации в систему с общими правилами и структурами взаимодействия, сохраняя при этом их автономию. Эти ранние формы управления оказали влияние на развивающиеся политические идеи среди колонистов, позже воплотившиеся в американской конституционной традиции [1].

Приход колонистов открыл новую эпоху и начал процесс, который положил основы будущего федерализма, однако этот процесс не был лёгким или однозначным. Европейское вмешательство сначала принесло с собой множество автономных колоний, каждая из которых имела свои собственные управленческие структуры, часто отражающие политические системы их метрополий. С течением времени эти

колонии начали развивать собственные формы самоуправления, что в итоге привело к разрыву с их европейскими колонизаторами.

Во времена Революционной войны тринадцать колоний, воодушевлённые идеалами свободы и независимости, объединились в сопротивление британскому контролю, что привело к их объединению под Статьями Конфедерации после обретения независимости. Этот первый американский конституционный документ создал федерацию суверенных государств, но со слабым центральным правительством. Неэффективность этой системы быстро стала очевидной; она не могла эффективно управлять обширной территорией новой нации, вести внешнюю политику или управлять экономикой, что, в конце концов, привело к созыву Конституционной конвенции [2].

На этой конвенции в 1787 году была разработана Конституция Соединённых Штатов, которая заложила фундамент современного федерализма. Этот документ был результатом ряда компромиссов между сторонниками более сильного национального правительства и защитниками государственных прав [2]. Он предусматривал деление властей между федеральным правительством и государствами, а также между различными ветвями федерального правительства — исполнительной, законодательной и судебной. Это деление было предназначено для создания системы сдержек и противовесов, предотвращающей тиранию со стороны любой одной ветви правительства и одновременно гарантирующей гибкость в адаптации к изменяющимся обстоятельствам нации.

Принятие "Великого компромисса" на Конституционной конвенции 1787 года стало важнейшим шагом в формировании американской федеративной системы. Этот компромисс разрешил напряжённый спор между представителями больших и малых штатов, который казался непримиримым. С одной стороны, представители больших штатов выступали за пропорциональное представительство в законодательном органе, что означало бы, что население штата определяло бы его влияние в Конгрессе [3]. С другой стороны, представители малых штатов требовали равного представительства, чтобы защитить свои интересы перед демографически более крупными штатами.

Решение пришло в виде двухпалатного Конгресса: в Палате представителей число мест определяется пропорционально численности населения штата, в то время как в Сенате каждый штат имеет равное представительство, независимо от своего размера. Таким образом, "Великий компромисс" сбалансировал между защитой интересов малонаселённых штатов и обеспечением того, чтобы голоса граждан бо-

лее крупных штатов не были уменьшены до несоразмерно малой степени влияния.

"Компромисс трёх пятых", ещё одно критически важное соглашение, был достигнут на той же конвенции, урегулировав другой спорный вопрос того времени: как рабы должны учитываться при определении населения штата для целей представительства и налогообложения. Северные штаты, где рабство было менее распространено, настаивали на том, что рабы не должны учитываться для определения численности населения, тогда как Южные штаты хотели включить их полностью для увеличения своего представительства в Конгрессе. В результате было решено считать каждого раба за 3/5 человека для целей налогов и определения числа мест в Палате представителей [4].

Эти компромиссы отражали не только различия между интересами северных и южных штатов, но и глубоко укоренившиеся противоречия, которые в итоге привели к Гражданской войне. Они также показывают, что федерализм в США с самого начала был обусловлен необходимостью примирения разнообразных интересов и создания общенациональной идентичности из множества различных и часто конкурирующих идентичностей [4].

После ратификации Конституции важным шагом в укреплении федерализма стало добавление "Билля о правах", который состоит из первых десяти поправок к Конституции. "Билль о правах" был частично направлен на устранение страхов тех, кто опасался, что новое федеральное правительство будет слишком могущественным и сможет угнетать индивидуальные свободы. Эти поправки закрепили защиту основных свобод, таких как свобода слова, свобода религии и право на суд присяжных, обеспечивая, таким образом, баланс между мощностью федерального правительства и правами отдельных граждан и штатов [5].

По мере того как нация шла вперед в столетие, развернувшееся после Гражданской войны, федерализм в США продолжал адаптироваться к новым вызовам и изменениям. Одним из таких изменений стала Прогрессивная эра, начало XX века, когда общественное внимание сосредоточилось на реформах, направленных на борьбу с коррупцией и монополиями, улучшение условий труда и расширение прав граждан [6].

В этот период ряд поправок к Конституции дополнительно трансформировал федерализм и управление в стране. Например, 16-я поправка, ратифицированная в 1913 г., узаконила федеральный подоходный налог, что значительно увеличило финансовые ресурсы феде-

рального правительства и расширило его способность финансировать национальные программы. 17-я поправка также была ратифицирована в 1913 году и установила прямые выборы сенаторов, что изменило баланс власти между народом и штатными законодательными собраниями [6].

Ключевым моментом для федерализма стало президентство Франклина Делано Рузвельта и его "Новый курс" в 1930-х годах [8]. В ответ на Великую депрессию Рузвельт внедрил масштабную серию экономических и социальных программ, таких как Социальное обеспечение, федеральные проекты создания рабочих мест и регулирование финансового сектора. Эти программы значительно усилили роль федерального правительства в экономике и повседневной жизни американцев, что было значительным отходом от традиционной модели федерализма, где больше полномочий и ответственности было у штатов [7].

Программы "Нового курса" привели к новым юридическим и конституционным вызовам. Верховный Суд в то время принял ряд решений, ограничивающих некоторые из этих программ, что привело к напряженности между исполнительной и судебной властями. Однако, в конечном итоге, многие из этих программ были признаны конституционными, и они изменили взгляды на то, каким должно быть соотношение между федеральными и штатными властями.

Другой фундаментальный сдвиг произошел в 1960-х гг. во время движения за гражданские права. Федеральное правительство, используя свои конституционные полномочия по регулированию межштатной коммерции, приняло ключевые законы, такие как Закон о гражданских правах 1964 г. и Закон о праве голоса 1965 г. [6], чтобы разорвать систему сегрегации и дискриминации, которая была закреплена во многих штатах Юга.

Эти изменения в политике федерализма подчеркивают, как концепция распределения власти между федеральным правительством и штатами оставалась живой и поддавалась интерпретации в зависимости от текущих социально-экономических потребностей и идеологических настроений. Более поздние инициативы, включая консервативный откат во времена президентства Рейгана, когда акцент сделали на уменьшении роли федерального правительства, и последующие дебаты о здравоохранении, образовании и иммиграционной политике в XXI веке, продолжили эту традицию динамического баланса между различными уровнями власти.

Американский федерализм – это уникальное и многоуровневое политическое устройство, которое на протяжении истории страны неоднократно переосмысливалось и трансформировалось. Этот процесс развития является свидетельством гибкости и приспособляемости системы к новым вызовам и меняющимся условиям. Федерализм в Соединенных Штатах начал свою историю с мозаики автономных колоний и развился в сложную структуру, которая сегодня включает в себя множество уровней управления и обладает способностью к эффективному реагированию на национальные и международные события.

Глубокие исторические корни федерализма, восходящие к доколумбовой Америке и колониальному периоду, стали основой для системы, которая воплотила в себе идеалы самоуправления и местного контроля, столь ценные для американского народа. От Революционной войны и Конституционной конвенции до Прогрессивной эпохи и движения за гражданские права – федерализм демонстрировал свою способность к адаптации и изменению, сохраняя при этом основные принципы разделения власти и баланса интересов.

Веками федерализм подвергался воздействию различных социальных, экономических и политических сил. Это было и усиление роли федерального правительства в периоды кризисов, и движение к децентрализации власти в более стабильные времена. Через множество правовых битв, законодательных инициатив и политических дебатов, федерализм в США продолжает быть не просто конституционной формальностью, но и живой системой, которая отражает и служит нуждам и ценностям американского общества.

Сегодня, как и много лет назад, американский федерализм продолжает стоять на страже баланса между единством и разнообразием, между национальной властью и местным самоуправлением, предоставляя платформу для диалога, экспериментов и прогресса. И хотя будущие изменения и вызовы неизбежны, история показывает, что федеративная форма государственного устройства является на современном этапе наиболее эффективной, способной защитить интересы различных групп населения и реагировать на изменения, происходящие в социальной и политической сфере.

Библиографический список

1. Elazar, Daniel J. *American Federalism: A Concise Introduction*. Rowman & Littlefield, 2001.
<http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/53786/1/3.Henrik%20Enderlein.pdf>
2. O'Toole, Laurence J., and Robert K. Christensen. *American Intergovernmental Relations: Foundations, Perspectives, and Issues*. CQ Press, 2017.

<https://rwu.pressbooks.pub/rwupolsc100/chapter/advantages-and-disadvantages-of-federalism/>

3. Peterson, Paul E. *The Price of Federalism*. Brookings Institution Press, 1995. <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctvtv93n7>

4. Beer, Samuel H. *To Make a Nation: The Rediscovery of American Federalism*. Belknap Press, 1993. <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/abs/to-make-a-nation-the-rediscovery-of-american-federalism-by-samuel-h-beer-cambridge-harvard-university-press-1993-474p-2995/BAA8EBB3F15E5C12A87D20CEE4225511>

5. Derthick, Martha. *Keeping the Compound Republic: Essays on American Federalism*. Brookings Institution Press, 2001. <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctv7r40r8>

6. Hamilton, Alexander; Madison, James; Jay, John. "The Federalist Papers." Various editions. <https://guides.loc.gov/federalist-papers/full-text>

7. Walker, David B. *The Rebirth of Federalism: Slouching Toward Washington*. Chatham House Publishers, 2000. <https://www.worldcat.org/title/rebirth-of-federalism-slouching-toward-washington/oclc/248476540?referer=br&ht=edition>

8. Conlan, Timothy. *From New Federalism to Devolution: Twenty-Five Years of Intergovernmental Reform*. Brookings Institution Press, 1998. <https://www.brookings.edu/books/from-new-federalism-to-devolution/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Ваэ Гагикович, к. истор. наук, преподаватель, Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван, Республика Армения

Ананько Кирилл Дмитриевич, аспирант, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, учитель истории, ГУО гимназия № 7 имени В.Т. Колокольникова, г. Гродно, Беларусь.

Ананько Ольга Сергеевна, аспирант, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, учитель истории, ГУО Хвиневицкая средняя школа, д. Хвиневици, Беларусь.

Арбатов Виктор Макичевич, аспирант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Барабанова Анжелика Александровна, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Баранов Андрей Владимирович, д. полит. наук, д. истор. наук, профессор каф. политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Безносюк Надежда Григорьевна, заведующая, МБДОУ детский сад комбинированного вида № 59, г. Ставрополь, Россия.

Белова Наталья Андреевна, к. истор. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия.

Беловолов Валерий Александрович, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Беловолова Светлана Павловна, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Бражников Александр Асланович, магистрант, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

Буталий Сергей Владимирович, к. истор. н., преподаватель Краснодарского Краевого базового медицинского колледжа, г. Краснодар, Россия

Гарибова Фарзона Майбалиевна, мл. научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Гвашева Бэлла Заурбиевна, аспирант, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Гвоздев Владимир Александрович, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Гончар Ольга Демидовна, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Давлатова Елена Валентиновна, к. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурных исследований Института философии Национальной Академии Наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Донцова Мария Владимировна, к. социол. наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Еникеев Рифат Анверович, магистрант, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Жаде Зуриет Анзауровна, д. полит. наук, проф., зав. каф. теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия

Жане Саниет Рамазановна, к. истор. наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет (филиал в пос. Яблоновский), пос. Яблоновский, Россия

Желтова Надежда Александровна, учитель высшей категории МБОУ СОШ № 14, п. Советский, Краснодарский край, Россия

Жирумская Валентина Борисовна, д. истор. н., академик РАЕН, руководитель Центра изучения истории территории и населения России РАН (ИРИ РАН); профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Завьялова Ольга Александровна, преподаватель-исследователь, аспирант Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Казак Олег Геннадьевич, к. истор. наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь

Камара Ишака, д. социол. наук, доцент, Университет гуманитарных наук и литературы Бамако, г. Бамако, Республика Мали

Канзычакова Надежда Германовна, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

Карапетян Лева Александрович д. истор. наук, профессор, профессор кафедры истории, культурологи и музееведения Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

Коледа Инна Владимировна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Беларусь

Коломиец Оксана Петровна, к. истор. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Анадырь, Россия

Косов Александр Петрович, к. истор. наук, доцент, докторант кафедры истории новой и новейшей истории Белорусского государственного

университета, г. Минск, Беларусь; доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Красовицкая Тамара Юсуфовна, д. истор. наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Крючек Петр Степанович, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Кулик Станислав Владимирович, преподаватель кафедры социологии и культурологии Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Кумпан Вадим Александрович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, г. Краснодар, Россия

Кумпан Екатерина Николаевна, к. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Кучмасова Анна Александровна, преподаватель, автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Кубанский институт профессионального образования», г. Краснодар, Россия

Ланмейнг Дебора Мвондо, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия; Республика Камерун

Лоткин Илья Викторович, д. истор. наук, доцент, профессор, Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия

Любичанковский Сергей Валентинович, д. истор. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Мажаренко Светлана Викторовна, к. пед. наук, доцент кафедры дополнительного образования, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Матвеев Денис Евгеньевич, к. пед. наук, заместитель начальника кафедры военной педагогики и психологии, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Медведев Максим Максимович, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Муха Виктория Николаевна, к. социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Муха Вячеслав Геннадьевич, магистрант, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Наделяева Ирина Викторовна, учитель истории и кубановедения, МБОУ СОШ № 15 им. Героя Российской Федерации Е.Д. Шендрика, МО

Тимашевский район, Краснодарский рай, ст. Роговская, Россия

Нажмиддинов Фазлиддин Насриддинович, к. филол. наук, доцент, Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан

Найденова Людмила Петровна, к. истор. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Намруева Людмила Васильевна, к. социол. наук, доцент, независимый исследователь, г. Элиста, Россия

Николаева Людмила Викторовна, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь

Острога Валентина Михайловна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Перенижко Даниил Константинович, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Перенижко Оксана Алексеевна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Петров Владимир Иванович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Российский технологический университет МИРЭА (Московский институт радиоэлектроники и автоматики), г. Москва, Россия

Петров Владимир Николаевич, д. социол. наук, профессор, почетный профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Петросян Дмитрий Ильич, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы (ВФ РАН-ХиГС), г. Владимир, Россия

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д. истор. наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета института «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Россия

Пушкин Игорь Александрович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г. Могилев, Беларусь

Равшанов Махмуд, д. филол. наук, профессор, Навоийский государственный горный и технологический университет, г. Навои, Республика Узбекистан

Ракачев Вадим Николаевич, д. истор. наук, профессор кафедры со-

циологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Ракачев Дмитрий Николаевич к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Ракачева Ярослава Владимировна, к. истор. наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Рожков Александр Юрьевич, д. истор. наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Ромашов Сергей Алексеевич, к. истор. наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Руденко Мирослав Владимирович, депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, старший преподаватель кафедры политологии, Донецкий национальный университет (ДонНУ), г. Донецк, ДНР, Россия

Рунаев Тимофей Александрович, к. социол. наук, преподаватель кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Рябинин Евгений Вадимович, к. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г. Мариуполь, Россия

Савва Елена Владимировна, к. филос. наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Салганова Елена Ивановна, к. социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

Самбуева Арюна Вячеславовна, учитель, МАОУ СОШ № 63 г. Улан-Удэ. Республика Бурятия, Россия

Сатторов Улугбек Файзуллаевич, д. филол. наук, Навоийский горный колледж, г. Навои, Республика Узбекистан

Сергеев Андрей Алексеевич, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Сергеев Всеволод Николаевич, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук, Университет гражданской защиты МЧС Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Ситнянский Георгий Юрьевич, к. истор. наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Смертин Юрий Григорьевич, д. истор. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Смирнов Максим Георгиевич, к. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, политологии, и восточной философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Смирнова Татьяна Борисовна, д. истор. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, ведущий научный сотрудник Омский научный центр СО РАН, г. Омск, Россия

Степанов Максим Альбертович, магистрант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Стрельцова Екатерина Вадимовна, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Сущенко Максим Алексеевич, к. полит. наук, старший преподаватель кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, д. филос. наук, доцент, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Тарасова Марина Васильевна, к. социол. наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Россия

Теленьга Марина Павловна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Тер Даниэл (Вартан Григорьевич) Кукуян, настоятель храма Свв. Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви, г. Краснодар, Россия

Тимошина Ирина Андреевна, аспирант, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

Ткачев Антон Сергеевич, аспирант, исторический факультет института «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Ткачева Татьяна Олеговна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Тужба Захар Эмирович, аспирант, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Тужба Эмир Нодариевич, д. социол. наук, профессор, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Филина Юлия Сергеевна, к. истор. наук, младший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Хазипова Сюембика Рашидовна, аспирант, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Институт гуманитарных и социальных

исследований, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Халакоев Мурат Мухамедович, президент автономной некоммерческой организации «Спортивный клуб «Рамзан», г. Нальчик, Россия

Хомченко Ольга Александровна, ассистент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Шманяк Всеволод Андреевич, преподаватель, Институт начального и среднего профессионального образования Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Шрамук Елизавета Петровна, преподаватель кафедры истории и культурного наследия, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Щербаков Вячеслав Юрьевич, к. истор. наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Юрченко Инна Вадимовна, д. полит. наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, главный научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН, г. Краснодар, Россия

Юспа Михаил Михайлович, научный сотрудник, Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь

Якуш Надежда Михайловна, к. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Беларусь

Научное издание

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:

Материалы IX Международной
научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 20.10.2023. Выход в свет 25.10.2023

Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная

Уч.-изд. л. 314. Тираж 500 экз. Заказ № 1318.

Издательство ОК ПРЕСС

350004, г. Краснодар, ул. Кропоткина, д. 50